RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

THE PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY OF SIBERIA AND CROSS-BORDER REGIONS

Volume XX
(2014)

NOVOSIBIRSK
Institute of Archaeology and Ethnography Press
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Том XX
(2014)

НОВОСИБИРСК
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2014

ББК 63.4+63.5
П781

Издание основано в 1995 г.

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия

академик *А.П. Деревянко* (главный редактор), академик *В.И. Молодин* (зам. главного редактора), д-р ист. наук *А.В. Бауло*, канд. ист. наук *А.Е. Гришин*, д-р ист. наук *Е.И. Деревянко*, канд. ист. наук *О.И. Новикова* (ответственный секретарь), д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *М.В. Шуньков*

Рецензенты

д-р ист. наук *Г.И. Медведев*, д-р ист. наук *А.А. Тишкин*, д-р ист. наук *Н.А. Томилов*

П781 **Проблемы** археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – Т. XX. – 458 с.

Очередной том ежегодника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» содержит статьи, в которых представлены результаты новейших исследований по основным направлениям деятельности Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Среди авторов – известные и молодые ученые из российских и зарубежных академических и университетских научных центров.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, антропологии.

ББК 63.4+63.5

The Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Cross-Border Regions. – Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Press, 2014. – Vol. XX. – 458 p.

The instalment of the annuls “The Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Cross-Border Regions” contain the articles, which was presented the results of the most recent research on the main areas in the activity of Institute Archaeology and Ethnography Siberian Branch RAS. The authors are the whether internationally known or young researchers from Russian and foreign academic and university scientific centers.

The issue is count on the archaeologists, ethnographers, anthropologists.

© ИАЭТ СО РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

УДК 902.22

Е.В. Акимова[1, 2], В.М. Харевич[1], И.А. Орешников[2], И.В. Стасюк[1, 2], Е.А. Томилова[1, 2], Д.А. Гурулев[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
E-mail: elaki2008@yandex.ru

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ РУБЕЖА ПЛЕЙСТОЦЕНА – ГОЛОЦЕНА В СЕВЕРНОЙ ЗОНЕ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА*

В 2014 г. в северной части береговой зоны Красноярского водохранилища открыты две стоянки каменного века с многочисленным и выразительным каменным инвентарем, перспективные для стационарных исследований. Археологический материал получен с поверхности береговой отмели в экспонированном состоянии и в шурфах in situ. По предварительной оценке, памятники относятся к финалу плейстоцена (Троицкая) – началу голоцена (Бюза II), но существенно различаются по характеру каменной индустрии.

Ключевые слова: *средний Енисей, Красноярское водохранилище, поздний палеолит, мезолит, культурный слой, береговая абразия, каменная индустрия.*

There are two sites which were opened in 2014. They dated of the Stone Ages and located on the North zone of Krasnoyarsk Reservoir. Stone industry is numerous. In general, sites are prospective for permanent research. Archaeological material was obtained from the surface of shoal and in trial trench in situ. Previously, all sites dated of the final Pleistocene (Troitskaya) to the beginning of the Holocene (Byusa II) but differ to the nature of the stone industry.

Keywords: *Middle Yenisei, Krasnoyarsk Reservoir, Late Paleolithic, Mesolithic, cultural layer, coastal erosion, stone industry.*

Тема переходного периода от палеолита к неолиту на Енисее была «законсервирована» еще в последней четверти XX в. в связи с недостатком фактического материала. В то время как в береговой зоне Красноярского водохранилища уже было известно достаточно большое количество стоянок финального палеолита, местонахождений раннеголоценового времени насчитывались единицы.

Классическим памятником оставалась Бирюсинская стоянка, раскопанная в 1926–1927 гг. В.И. Громовым и Н.К. Ауэрбахом [Ауэрбах, Громов, 1935] и в 1960-х гг. – Н.Н. Гуриной и Л.П. Хлобыстиным [Абрамова и др., 1991]. В 1960-е гг. ряд объектов рубежа плейстоцена – голоцена (Улазы, Большая Ирджа и др.) были открыты на дюнах нижних террас Енисея [Там же]. Единственный памятник этого времени на высокой террасе Енисея – стоянка Куртак II, открытая и раскопанная Н.Ф. Лисицыным в 1976 г. На основании этих материалов Н.Ф. Лисицыным было выделено две группы памятников переходного времени: ранняя – «архаичная» (средний слой Бирюсы, Большая Ирджа, Улазы) и поздняя – «микролитическая» (Куртак II, подъемные сборы у пос. Беллык, Ярки, Бузунова и др.), – как два направления дальнейшего развития афонтовской и кокоревской позднепалеолитических культур Енисея [1983]. Позже им было выдвинута гипотеза о том, что отщеповые индустрии Енисея вытесняют пластинчатые и становятся доминирующими на стадии раннего голоцена [Он же, 2003].

Многолетнее изучение позднего палеолита на среднем Енисее показало, что картина финального палеолита могла быть значительно более сложной: в конце сартанского времени одновременно существуют и развиваются афонтовская, кокоревская и тарачихская археологические культуры, а также, возможно, и другие культурные проявления, еще не распознанные исследователями и не получившие статус археологических культур.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-24601).

Соответственно, в раннем голоцене, в постепенно меняющихся палеоэкологических условиях варианты адаптации разных культур, проявляющиеся в изменении форм и типов каменного и костяного инвентаря, могут различаться.

Разведка в северной зоне Красноярского водохранилища летом 2014 г. позволила выявить два новых стратифицированных памятника рубежа плейстоцена – голоцена.

Стоянка *Бюза II* расположена по левому берегу залива Бюза, образовавшегося в среднем и нижнем течении р. Бюзы – левого притока Енисея.

В шурфе, заложенном по кромке невысокого берегового уступа, выявлен следующий стратиграфический разрез:

1) гумусовый горизонт современной лесной почвы (мощность 0,15–0,2 м);

2) тяжелый черно-бурый суглинок (0,2–0,3 м);

3) темно-коричневый суглинок с увеличением плотности и ослаблением окраски книзу (0,3–0,4 м);

4) палевый суглинок (0,2–0,3 м);

5) розовато-коричневая супесь (видимая мощность 0,1 м).

Культурный слой залегает в верхней и средней частях г.с. 3 и на контакте со 2 г.с. на глубине 50–70 см. Археологический материал представлен преимущественно мелкими отщепами (39 экз.) и фрагментами пластин (14 экз.), залегающими в состоянии «взвеси». В единственных экземплярах найдены обломок скребловидного орудия (рис. 1, *1*) и сработанный (?) микронуклеус.

Подъемный материал был собран на пяти участках, рассредоточенных по сглаженным уступам, спускающимся к воде. Общая площадь территории сборов не превышает 1,5 тыс. кв.м.

Каменный инвентарь располагается компактными скоплениями с участками концентрации предметов из одного материала и снятиями с одного нуклеуса.

Наиболее выразительна группа нуклеусов. Выделяются следующие типы, представленные небольшими сериями:

1) клиновидные микронуклеусы – как массивные, так и уплощенные (рис. 1, *2*);

2) микронуклеусы-скребки – округло-призматические формы с одним выпуклым фронтом, гладкой площадкой и интенсивным ретушированием кромки ударного сегмента площадки («перебором карниза») (рис. 1, *4*);

3) пирамидальные микронуклеусы с гладкой ударной площадкой и выпуклым фронтом (рис. 1, *3, 9*).

В единственных экземплярах найдены крупный двухплощадочный призматический нуклеус с серией апплицирующихся пластинчатых сколов (рис. 1, *7*), крупный призматический нуклеус с выпуклым фронтом и скошенной фасетированной ударной площадкой, короткий массивный нуклеус с двумя противолежащими площадками и широкими параллельными сколами по четырехугольному плоскому фронту, обломок крупного нуклеуса с сильно выпуклым фронтом на гальке (сохранилась медиально-дистальная часть негативов пластинчатых снятий) с интенсивной оббивкой участка, замещающего ударную площадку; двуплощадочный бифронтальный нук-

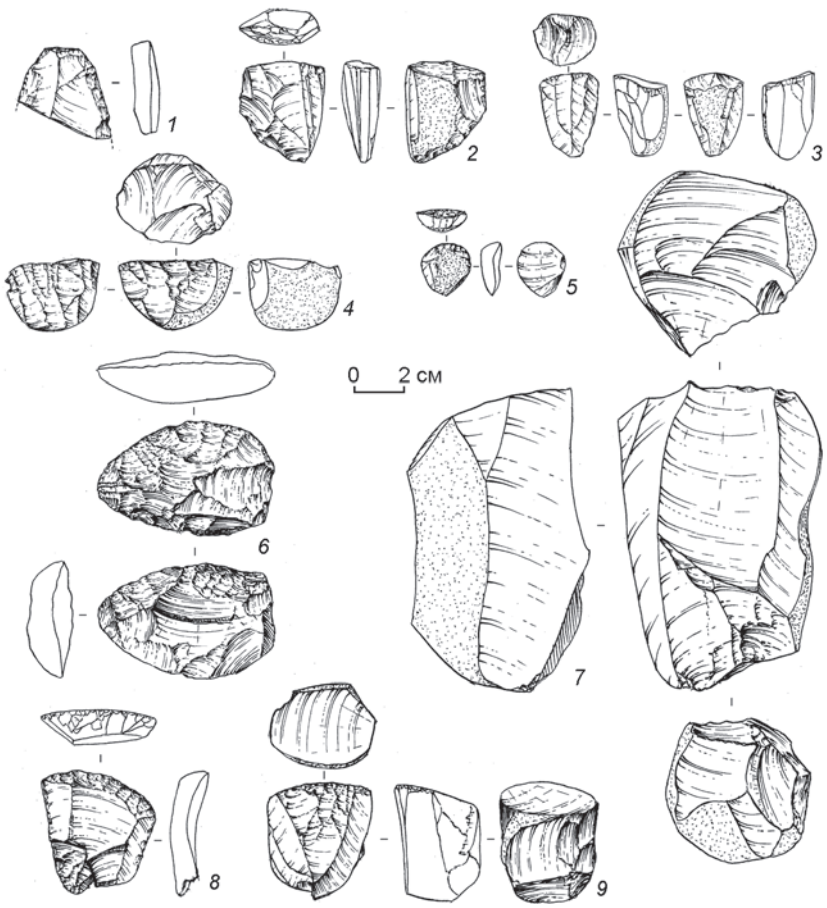


Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Бюза II.
1 – фрагмент орудия на пластине; *2–4, 7, 9* – нуклеусы; *5, 8* – скребки; *6* – скребло.
1 – культурный слой; *2–9* – подъемные сборы.

леус – комбинация нуклеуса-скребка с торцовым нуклеусом (ударная площадка первого располагается на контрфронте второго).

Орудия относительно малочисленны. Присутствуют концевые скребки на отщепах (рис. 1, *5, 8*), резец на крупном пластинчатом сколе, скребла с двусторонней обработкой на широких плоских сколах (рис. 1, *6*).

Таким образом, каменный инвентарь стоянки Бюза II имеет отчетливо выраженный позднепалеолитический облик, в то время как стратиграфическое положение культурного слоя соответствует голоцену.

Стоянка *Троицкая* расположена по левому приустьевому участку небольшого залива в нижнем течении безымянного ручья, правого притока Енисея, в 0,5 км выше пос. Черемушки.

Археологический и фаунистический материал зафиксирован непосредственно на мысу, на 20-метровом участке вглубь залива и выше по течению Енисея на участке северной экспозиции протяженностью около 100 м. Высота берегового уступа в районе мыса составляет 5 м, выше по течению возрастает до 6–8 м.

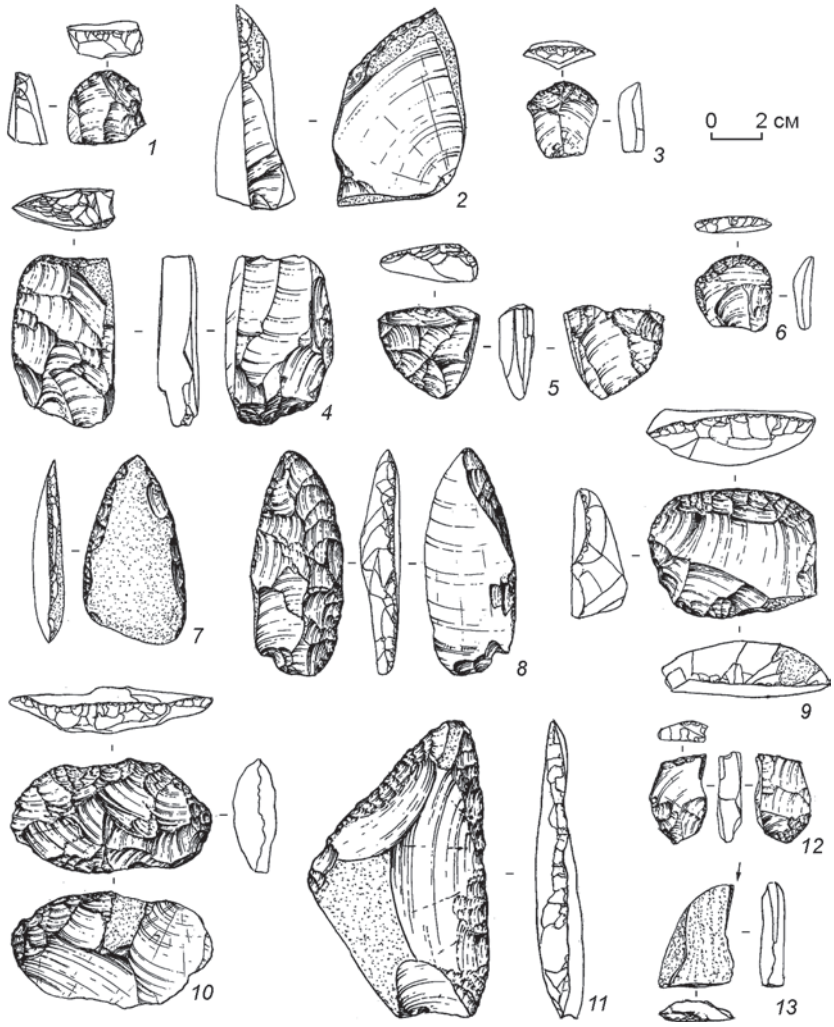


Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Троицкая.
1, 3, 6 – скребки; *2* – скребловидное орудие; *4, 5, 12* – нуклеусы; *7, 8, 11* – скребла-остроконечники; *9, 10* – скребла; *13* – резец.
1–3 – культурный слой; *4–13* – подъемные сборы.

В береговом уступе описан следующий стратиграфический разрез:

1) дерн и гумусовый горизонт современной почвы (мощность 0,35–0,4 м);

2) супесь коричневато-желтая, легкая, плотная, сухая (0,2 м);

3) супесь серо-желтая, сухая, рыхлая, пылеватая (0,25–0,3 м);

4) супесь светло-серая, легкая, пылеватая, с вкраплениями карбонатов (до 1,5 м);

5) суглинки красноцветные, с ожелезнением в виде пятен и отдельных слойков (1,2–1,3 м);

6) супесь светло-серая, сухая, неплотная, с обильными пятнами и прослоями ожелезнения (видимая мощность 0,2–0,3 м).

Культурный слой обнаружен в двух врезках на глубине 60 см, в кровле г.с. 3. На площади 5 кв.м было найдено два скребка на отщепах (рис. 2, *1, 3*), скребловидное орудие на крупном отщепе с краевыми пластинчатыми снятиями (рис. 2, *2*), 42 отщепа, девять пластинок, два астрагала северного оленя и неопределимые мелкие фрагменты трубчатых костей.

На поверхности береговой отмели археологический материал располагается густой россыпью – от плотной до разреженной. По предварительным подсчетам общее количество артефактов превышает 5 тыс. экз. Сборы производились по одиннадцати (2–12) секторам шириной 10 м и двум (1, 13) – шириной 20 м.

В коллекции каменного инвентаря присутствуют в том или ином количестве все категории изделий, характерные для позднего палеолита Енисея в рамках афонтовской и кокоревской культур. Многочисленны клиновидные микронуклеусы, крупные торцовые нуклеусы на сколах и плитках (рис. 2, *4, 5, 12),* плоскостные нуклеусы на крупных гальках. К скреблам отнесены бифасы,

унифасы и изделия с краевой обработкой на крупных пластинах и отщепах (рис. 2, *9, 10*). Крутой выпуклый рабочий край в ряде случаев прослеживается у остроконечных орудий (рис. 2, *7, 8, 11*). Среди скребков преобладают округлые формы на отщепах с концевым расположением рабочего края (рис. 2, *1, 3, 6*). Резцы, как правило, крупной формы, с широким продольным снятием по краю заготовки (рис. 2, *13*). Долотовидные орудия немногочисленны и, как правило, оформлены на сработанных (выбракованных) изделиях. Традиционно представительны галечные формы в виде чопперов и стругов. Особенностью археологического комплекса Троицкой является широкое использование крупного торцового (резцового?) скола на изделиях различных категорий.

Количественно соотношение предметов разных категорий изменяется по секторам береговой отмели. Выделяются участки с повышенным содержанием резцов, скребел, клиновидных нуклеусов, что предполагает комплексный характер поселения с функционально специализированными участками.

Фаунистические остатки, залегающие на береговой отмели, принадлежат мамонту, носорогу, бизону, лошади. Однако стратиграфическое положение слоя делает крайне сомнительным одновременность артефактов и фауны. Об этом свидетельствует также отсутствие следов раскалывания на костях.

Таким образом, в северной части береговой зоны Красноярского водохранилища открыты два стратифицированных объекта с многочисленным и выразительным каменным инвентарем, перспективные для стационарных исследований. По предварительной оценке памятники относятся к финалу плейстоцена (Троицкая) – началу голоцена (Бюза II), но существенно различаются по характеру каменной индустрии.

Список литературы

Ауэрбах Н.К., Громов В.И. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок Красноярского округа // Изв. ГАИМК. – 1935. – Вып. 118. – С. 219–245.

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. – Л.: Наука, 1991. – 158 с.

Лисицын Н.Ф. Мезолитическая стоянка Куртак-2 на Енисее // КСИА. – 1983. – № 173. – С. 97–102.

Лисицын Н.Ф. Финальная пора позднего палеолита на юге Средней Сибири // Археол. вести. – 2003. – № 10. – С. 203–216.

УДК 902.01

А.А. Анойкин[1, 2], М.А. Борисов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: anui1@yandex.ru

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ РУБЕЖА СРЕДНЕГО – ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА С МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (ПРИМОРСКИЙ ДАГЕСТАН): НОВЫЕ ДАННЫЕ*

В статье представлены данные о стратиграфии раскопа 4 местонахождения Рубас-1 (Дагестан) и технико-типологическая характеристика археологических материалов, полученных при работах в 2014 г. Проводится анализ индустрии на основании обобщенных данных за все время работ на памятнике (2006, 2007, 2014 гг.). Определяется сырьевая база стоянки. На основании комплекса естественно-научных данных делаются выводы о хронологии объекта. По результатам комплексного изучения индустрии рассматриваемый археологический комплекс отнесен к рубежу среднего – верхнего палеолита.

Ключевые слова: *палеолит, археологический уровень, каменная индустрия, орудийный набор, Дагестан.*

The article presents stratigraphic descriptions and technological and typological study of lithic industry from excavating area 4 (2014 year) and pit 1–5 (2006–2007 years) of the Paleolithic site Rubas-1 in Dagestan. Nine lithological layers containing 7 culture-bearing horizons were complete recorded in pit 1. Sources of raw material are discussed. The Rubas-1 upper technocomplex is characterized by numerous simple flat cores as well as by distinct Levallois flake and point cores recorded in the lower horizons. The toolkits of all the archaeological horizons are presented by tools with scraping edges and notch-denticulate implements forms predominantly. The tools of the Upper Paleolithic categories are indistinct and are represented primarily by atypical scrapers and borers. Taken together these findings indicate that the site is dated to the Late Middle Paleolithic or Early Upper Paleolithic.

Keywords: *Paleolithic, archaeological level, stone industry, tools, Dagestan.*

Местонахождение Рубас-1 находится на правом борту р. Рубас, в 3 км выше по течению от с. Чулат (Табасаранский р-н Республики Дагестан). Памятник расположен в 200 м от современного русла реки, в теле крупного оползня блочного типа, в настоящее время имеющего вид протяженного террасовидного уступа, верхний край которого находится на высоте ок. 25–30 м над урезом воды. Географические координаты памятника – 41º53’21’’ с.ш., 48º07’35’’ в.д.; высота над уровнем моря 270 м.

В ходе работ на памятнике получен сводный разрез четвертичных отложений мощностью до 18 м, с которым связано три комплекса археологических материалов, относящихся к разным этапам палеолитического времени. Самый молодой в культурно-хронологическом плане комплекс находок, приуроченный к верхней части разреза, изучался в 2006–2007 гг. серией из пяти шурфов, общей площадью 20 кв.м, перекрывающих участок около 1 тыс. кв.м. Всего в ходе этих работ было обнаружено 1 295 экз. каменных артефактов, связанных с верхним комплексом находок, в т.ч. 1 221 экз., залегающих в стратифицированном положении. Наиболее полно литология изученного участка представлена в стратиграфическом разрезе шурфа 1 (площадь 12 кв.м), где было выделено 10 основных литологических подразделений [Деревянко и др., 2012].

Археологический материал из всех шурфов связан с пачкой слоев 2–9 и в основном залегал в гравийно-щебнисто-галечных горизонтах. Всего в ходе работ на шурфе 1 во вскрытой толще выделено семь уровней локализации артефактов

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 13-06-00380-а, 13-06-12012-офм_м).

(археологический уровень – а.у.), связанных со слоями 2, 3, 6–9. Анализ стратиграфии остальных шурфов позволил найти прямые соответствия между литологическими телами, вскрытыми при работе на них и на шурфе 1, а также скоррелировать уровни залегания археологического материала на объектах. Таким образом, на шурфе 2 выделено пять а.у., соответствующих а.у. 1, 3–6 в шурфе 1, на шурфах 3 и 4 – по четыре а.у., соответствующих а.у. 3–6 в шурфе 1, и на шурфе 5 – шесть а.у., соответствующих а.у. 1–6 в шурфе 1. Следует отметить, что материал а.у. 1 и 2 вне шурфа 1 представлен единичными предметами. Общая коллекция стратифицированного археологического материала, полученного в ходе работ из шурфа 1, насчитывает 804 экз. каменных артефактов, из шурфа 2 – 32 экз., из шурфа 3 – 108 экз., из шурфа 4 – 67 экз., из шурфа 5 – 210 экз. [Там же].

В 2014 г. в 3 м к северо-западу от западного угла шурфа 5 был заложен раскоп 4 (в общей нумерации раскопанных участков памятника) площадью 16 кв.м (4 × 4 м). Толща рыхлых отложений вскрыта по всей площади раскопа на глубину до 6,0 м. В ходе работ выделено пять основных литологических слоев, содержащих три а.у., при этом стратиграфическая ситуация, выявленная на раскопе, отличалась от таковой на шурфе 5. Основными отличиями являются отсутствие в раскопе 4 палеопочвы, зафиксированной в верхней части отложений шурфа, а также то, что отложения слоев 6–8 (по стратиграфической колонке шурфа 1) составили здесь единый мощный галечно-щебнистый горизонт с песчаными прослоями, не выдержанными по простиранию и мощности, и, соответственно, определили рассмотрение связанных с ними материалов а.у. 4–6 единым блоком.

Стратиграфический разрез отложений раскопа 4 имеет следующее строение (сверху вниз).

Слой 1. Супесь серо-коричневая – современный почвенный горизонт. Мощность слоя 0,1–0,2 м. Соответствует слою 1 шурфа 1.

Слой 2. Супесь светлая серо-коричневая с белесым оттенком. Мощность слоя 0,3–0,6 м. Соответствует слою 2 шурфа 1. Со слоем связан археологический материал (а.у. 1).

Слой 3. Алеврит коричневый, с редким щебнем и галькой выветренного песчаника. Мощность слоя 1,5–2,5 м. Соответствует слою 4 шурфа 1. В средней части в невыраженной по простиранию линзе гравия и дресвы зафиксирован археологический материал (а.у. 3).

Слой 4. Гравийно-дресвяные, галечно-щебнистые отложения, в заполнителе – коричневый разнозернистый песок и алеврит. Мощность слоя 1,4–2,5 м. Соответствует слоям 6–8 шурфа 1. Со слоем связан археологический материал (а.у. 4–6).

Слой 5. Алеврит серо-коричневый с белесым оттенком. Видимая мощность слоя – более 1,1 м. Соответствует слою 9 шурфа 1.

Общая коллекция стратифицированного археологического материала, полученного в ходе работ 2014 г. из раскопа 4, насчитывает 79 экз. каменных артефактов, которые распределяются по археологическим уровням следующим образом.

Археологический уровень 1. Всего – 4 экз., в т.ч. пластинчатые отщепы – 2, отщепы – 2. Орудийных форм нет.

Археологический уровень 3. Всего – 2 экз., в т.ч. отщепы – 1; обломки, осколки – 1. Орудийных форм нет.

Археологические уровни 4–6. Всего – 73 экз., в т.ч. нуклевидные формы – 8, пластинчатые отщепы – 2, отщепы – 31, обломки, осколки – 30, чешуйки – 2.

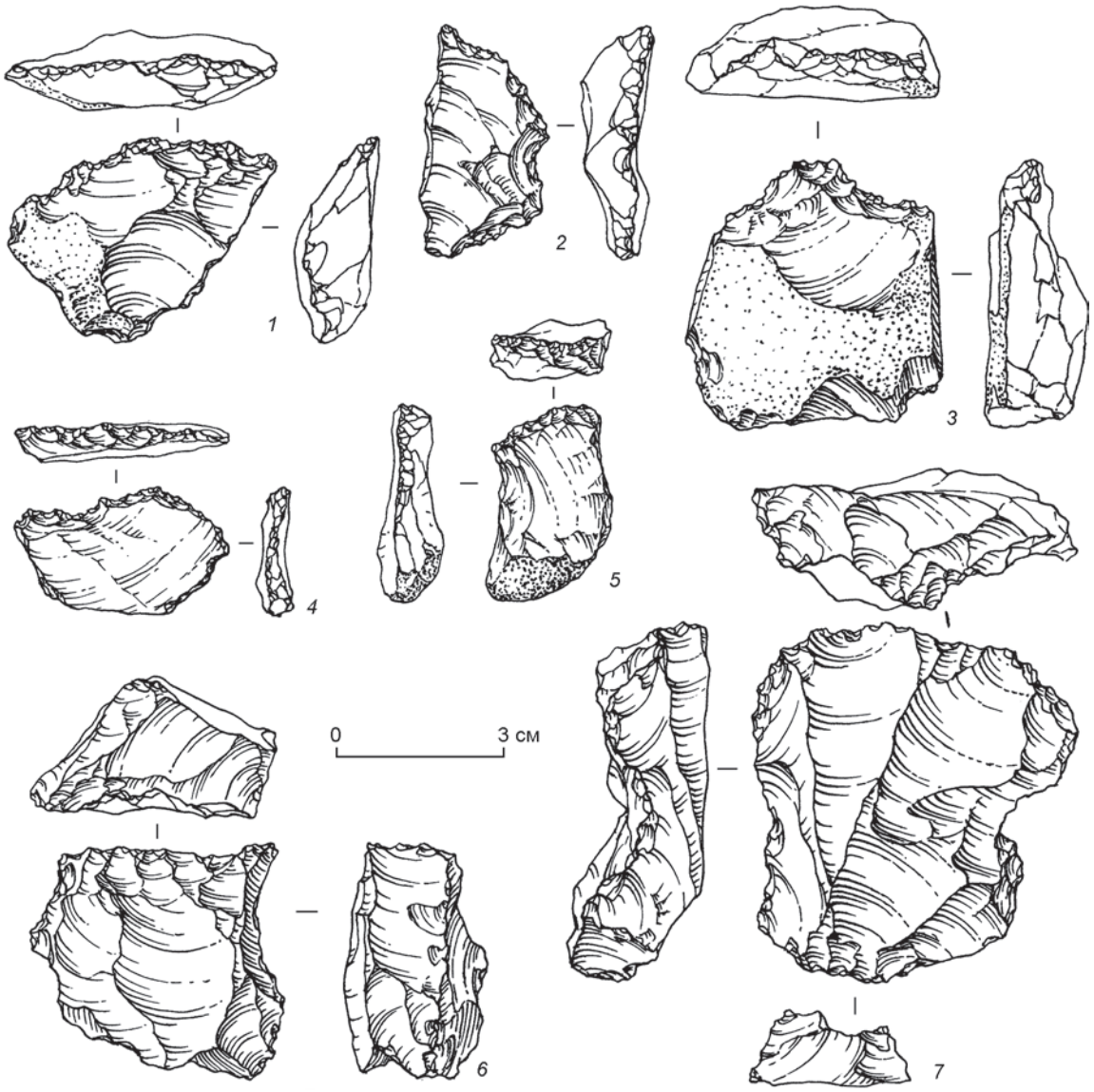
Группа нуклевидных изделий представлена шестью нуклевидными обломками и двумя ядрищами. Среди типологически выраженных нуклеусов определены следующие категории:

– одноплощадочный монофронтальный параллельного принципа скалывания для отщепов, с распространением плоскости скалывания на торец (см. *рисунок*, *6*);

– леваллуазский двухплощадочный монофронтальный для остриев (?), с выпуклыми фасетированными противолежащими ударными площадками (см. *рисунок*, *7*).

В орудийный набор входят девять предметов: скребло диагональное выпуклое дорсальное (см. *рисунок*, *1*); два атипичных скребка, близких концевым формам (см. *рисунок*, *2, 5*); проколка угловая; выемчатое изделие с ретушированным анкошем (см. *рисунок*, *3*); орудие с продольным зубчатым лезвием, выполненным модифицирующей ретушью (см. *рисунок*, *4*); отщеп с ретушью (изделие сильно замыто и, возможно, имеет более древний возраст), два обломка с ретушью.

Анализ полной коллекции материалов верхнего комплекса артефактов местонахождения Рубас-1, включая находки 2014 г., позволяет утверждать, что каменная индустрия моносырьевая и основана на использовании кремня. Общий для всех кремней характер включений дает основания предполагать, что каменный материал происходит из одного источника, а исходя из анализа необработанных участков поверхности артефактов, можно сделать вывод, что исходным для производства изделий материалом была галька кремня, извлекаемая из русла реки или из разрушающихся конгломератов, залегающих в непосредственной близости от памятника.



Каменные артефакты из археологических уровней 4–6. Рубас-1, раскоп 4 (художник А.В. Абдульманова).
1 – скребло; *2*, *5* – атипичные скребки; *3* – выемчатое орудие; *4* – зубчатое орудие; *6*, *7* – нуклеусы.

Отличительной особенностью индустрии является наличие в сводной коллекции верхнего комплекса большого количества обломков и осколков (более 60 % от всего состава коллекции), а также достаточно частое использование их в качестве орудийных заготовок. Возможно, это связано с особенностями исходного сырья, т.к. кремневые отдельности, утилизируемые древними обитателями долины Рубаса, имели много внутренних дефектов и развитую трещиноватость. Видимо, этим же могут объясняться и небольшие размеры реализованных сколов.

Среди ядрищ доминируют простые монофронтальные нуклеусы параллельного принципа расщепления в одно- и двухплощадочных вариантах, при этом среди них пропорционально представлены как ядрища, предназначенные для получения удлиненных заготовок, так и нацеленные на производство отщепов. Скалывание заготовок пластинчатых пропорций производилось также с торцовых и подпризматических ядрищ, единично представленных в материалах а.у. 4 и 5 на шурфе 1. Также на памятнике фиксируется присутствие двух видов развитой леваллуазской техники (черепаховидной отщеповой и конвергентной для остриев). Об их наличии свидетельствуют как находки непосредственно ядрищ (а.у. 5 и 6 на шурфах 3, 5 и раскопе 4), так и присутствующие в коллекции технические сколы их оформления (а.у. 6 на шурфах 1 и 3).

Орудийный набор коллекции достаточно представителен, однако ок. 50 % его составляют сколы и обломки с ретушью. Среди типологически выраженных орудийных форм наиболее

представительными группами являются скребла, скребки, шиповидные изделия и группа зубчато-выемчатых форм. Верхнепалеолитические типы орудий (скребки, резцы, проколки) достаточно многочисленны, но большинство этих изделий далеки от классических образцов. Также заметный процент составляет группа скребел, в основном представленных простыми продольными однолезвийными изделиями. Кроме того, фиксируется присутствие леваллуазских сколов (технические сколы и отщепы), в т.ч. с ретушью. Следует отметить присутствие среди подъемных материалов, собранных на участке раскопок до начала работ, скребка высокой формы – типа, обычно ассоциирующегося с комплексами финальной стадии среднего палеолита и индустриями перехода к верхнему.

К сожалению, слабая представленность коллекции кремневых изделий и отсутствие серий законченных орудий не позволяют достаточно точно определить культурно-хронологические рамки индустрии, однако общая характеристика продуктов первичного расщепления, облик ядрищ и орудийного набора, а также стратиграфическое положение позволяют отнести археологический материал к рубежу среднего – верхнего палеолита.

Временные рамки рассматриваемого археологического комплекса можно в определенной мере сузить, основываясь на естественно-научных данных, позволяющих соотносить время формирования вмещающих его отложений (сл. 2–9) с широким временным интервалом в рамках позднего неоплейстоцена. Палеопочва, зафиксированная в верхней части разрезов на трех шурфах, с большой долей вероятности может быть аналогом палеопочвы из раскопов 2 и 3 на памятнике Тинит-1, расположенном в 14 км в северо-западу от Рубаса-1. Это предположение косвенно подтверждают схожие условия осадконакопления и строение разрезов на обеих стоянках, а также отсутствие в этом районе других известных ископаемых почв. Нижняя хронологическая граница древнего почвенного горизонта на Тините-1 (сл. 2.3), по данным ^{14}C-датирования определяется возрастом ок. 39 тыс. л.н., а сам он, с большой долей вероятности, может соответствовать интерстадиалу Хенгело (39–37 тыс. л.н.) [Анойкин и др., 2013]. При этом археологический материал верхнего комплекса Рубаса-1 имеет значительное сходство с индустрией памятника Тинит-1, что также подтверждает подобное сопоставление.

Список литературы

Анойкин А.А., Славинский В.С., Рудая Н.А., Рыбалко А.Г. Новые данные об индустриях рубежа среднего – верхнего палеолита на территории Дагестана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 26–39.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 232 с.

УДК 599.722

С.К.Васильев[1, 2], Ю.В.Лобачёв[3], А.Ю.Лобачёв[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]ЗАО «Интел», Новосибирск
[4]ООО «Новотелеком», Новосибирск
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯМ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ МЕГАФАУНЫ НА РЕКАХ ЧУМЫШ И ЧИК (Алтайский край и Новосибирская область)

В статье подводятся некоторые итоги изучения крупных местонахождений позднеплейстоценовой мегафауны на реках Чумыш (Алтайский край) и Чик (Новосибирская обл.) в 2011–2014 гг. На пляжах р. Чумыш было собрано 4 636 переотложенных костных остатков от 22 видов, в русле р. Чик – 1 320 костей от 16 видов крупных млекопитающих. Радиоуглеродное датирование показало каргинский возраст (W-2) основной массы костей млекопитающих из обоих местонахождений. Наибольший интерес представляют находки остатков Cuon alpinus, Bos primigenius и Stephanorhinus kirchbergensis на Чумыше, C. crocuta spelaea на Чумыше и Чике. Остатки S. kirchbergensis происходят, вероятно, из отложений начала позднего плейстоцена. Мегафауна с Чумыша обитала в условиях господства лесостепных, а с Чика – степных ландшафтов, в сравнительно теплых климатических условиях, приближающихся к современным.

Ключевые слова: *Чумыш, Чик, крупные млекопитающие, костные остатки, поздний плейстоцен.*

This article is summarized a few study results of the large-scale localities of Late Pleistocene megafauna on the Chumysh (Altai Territory) and Chick (Novosibirsk region) Rivers in 2011–2014. Redeposited osteological remains of the 22 species in the amount of 4636 were collected on the Chumysh beaches and 1320 large mammals remains of 16 species were found on the Chick riversides. Radiocarbon dating showed the Kargin age (W-2) for the most of mammal bones from the both locations. The findings of Cuon alpinus, Bos primigenius and Stephanorhinus kirchbergensis on the Chumysh River, C. crocuta spelaea on the Chumysh River and Chick River are of greatest interest. Apparently, bone remains of the S. kirchbergensis occur in the Initial Late Pleistocene sediments. The megafauna lived under predominance of the forest-steppe landscape in Chumysh area and under the steppe landscapes associated with relatively warm conditions closed to modern climate in Chick area.

Keywords: *Chumysh River, Chick River, large mammals, bone remains, Late Pleistocene.*

Систематический сбор остатков плейстоценовой мегафауны на реках Чумыш и Чик осуществлялся авторами с 2011 г. [Лобачёв и др., 2011; Лобачёв, Васильев, Орлова, 2012]. Новые сборы 2013–2014 гг. позволили не только существенно пополнить уже имеющуюся коллекцию (на 61 % на Чумыше и на 31 % на Чике), но и привели к открытию ряда новых для этих местонахождений видов. На р. Чик найдены остатки пещерной гиены, на р. Чумыш – красного волка, тура и носорога Мерка (см. *таблицу*).

На Чумыше наиболее богат остатками мегафауны участок между селами Мартыново и Кытманово. Здесь вскрываются обнажения второй надпойменной террасы, высотой до 12–15 м [Панычев, 1979]. Кости млекопитающих вымываются из песчано-галечных толщ в основании разрезов, а также, вероятно, из отложений, находящихся ниже уреза воды. Наибольшие глубины под стенками яров в межень не превышают 2–3 м. Отмытый рекой костный материал подхватывается паводковыми водами и транспортируется путем волочения по дну или сальтации, обычно до ближайшего песчано-галечного пляжа (покрытого в это время многометровым слоем воды), начинающегося сразу вслед за нижней по течению частью

Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих на пляжах и отмелях рек Чумыш и Чик (сборы 2011–2014 годов)

Таксоны	Чумыш		Чик	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Lepus tanaiticus	4	0,09	–	–
Castor fiber	8	0,09	1	0,08
Cuon alpinus	1	0,02	–	–
V. vulpes	1	0,02	–	–
Canis lupus	4	0,09	3	0,23
Ursus arctos	18	0,39	3	0,23
Ursus savini	18	0,39	4	0,30
C.crocuta spelaea	4	0,09	2	0,15
Panthera leo spelaea	27	0,58	4	0,30
Mammuthus primigenius	458	9,88	161	12,20
Equus ferus (ex. gr. *gallicus)*	947	20,43	666	50,45
E. (Sussemionus) ovodovi	5	0,11	3	0,23
Stephanorhinus kirchbergensis	15	0,32	–	–
Coelodonta antiquitatis	429	9,25	95	7,20
Megaloceros giganteus	155	3,34	22	1,67
Cervus elaphus sibiricus	222	4,79	27	2,05
Alces cf. *alces*	78	1,68	17	1,29
Capreolus pygargus	2	0,04	–	–
Rangifer tarandus	2	0,04	6	0,46
Bos primigenius	1	0,02	–	–
Bison priscus	2 235	48,21	301	22,80
Saiga borealis	2	0,04	5	0,38
Всего костных остатков	4 636	100	1 320	100

яра. В случае если пляж находится на спрямленном участке русла, наиболее крупные костные остатки оседают в его верхней по течению, головной части, средние по размеру кости – в средней части пляжа. Нижняя часть таких пляжей обычно состоит из чисто песчаного наноса и не содержит остатков млекопитающих. В том случае, если русло реки образует крутой меандр, наибольшая концентрация материала наблюдается не на головном участке пляжа, а в его средней части или же на конце излучины, наиболее выдающейся в сторону противоположного берега. Значительное количество костей было собрано также в районе перекатов, где сильное течение препарирует верхнюю часть песчано-галечной толщи, оставляя на месте все более крупные фракции, в том числе кости животных.

В настоящее время получено четыре ^{14}C-даты по костям, собранным на пляжах. К полученной ранее по tibia мамонта датировке (31630 ± 364, СОАН-6381), добавились еще три по черепам и лучевой кости длиннорогой формы бизона: 36713 ± 1895 (NskA-s762); 31945 ± 1895 (NskA-s763) и 44507 ± 1174 (NskA-s842). Таким образом, большая часть костей с пляжей и отмелей Чумыша имеет, очевидно, каргинский возраст, в пределах 30–50 тыс. л.н., о чем свидетельствует также их однородная сохранность.

На пляжных ориктоценозах Чумыша преобладают остатки бизона (48,2 %), лошади (20,4 %), мамонта (9,9 %), шерстистого носорога (9,3 %). Доля оленей составляет 9,9 %, хищников – 1,6 %. Соотношение бизон-лошадь позволяет говорить о господстве лесостепных ландшафтов, что дополнительно подтверждается единичностью остатков сайгака и лошади Оводова. Интересна находка двух костей косули позднеплейстоценовой сохранности, отсутствующей в других местонахождениях Верхнего Приобья. Всего лишь 2 кости северного оленя служат указанием относительно теплых климатических условий, приближающихся к современным.

На р. Чик костеносный участок длиной ок. 5 км начинается в 2 км ниже д. Казаково. Значительная часть протяженности русла реки заполнена толщей пустых песчано-иловатых отложений, под которыми погребены переотложенные костные остатки. Наиболее продуктивны участки четырех относительно коротких (50–100 м) перекатов, и следующих за ними более глубоких участков, где кости спорадически рассеяны в толще перемытых донных осадков. Большая часть бере-

говых обрывов имеет вид серий террасовидных оползней, заросших кустарником и задернованных до самой воды. Полные разрезы береговых отложений вскрываются лишь в немногих местах. Все кости крупных млекопитающих, собранные в русле реки достаточно единообразны по своей сохранности. Из шести датировок по костям из Чика пять дат относятся к завершающей трети каргинского времени, в пределах 27,4–33,7 тыс. л.н., а одна дата (15,1 тыс. л.н.) указывает на присутствие остатков сартанского возраста [Лобачёв, Васильев, Орлова, 2012]. В териокомплексе из Чика преобладает лошадь (50,5 %), бизон (22,8 %), мамонт (12,2 %), шерстистый носорог (7,2 %). Олени составляют в сумме 5,5 %, хищники – 1,2 %. Соотношение лошадь-бизон (обратное таковому с Чумыша) позволяет предполагать распространение степных ландшафтов, что подтверждается присутствием костей сайгака. Остатки таких относительно теплолюбивых видов, как гигантский олень и лошадь Оводова, наряду с немногочисленностью костей северного оленя, указывают на более аридные и, возможно, прохладные климатические условия кардинально не отличающиеся от существующих ныне.

Среди материала, собранного на Чумыше и Чике наиболее интересны остатки пещерной гиены, красного волка, тура и носорога Мерка. Обозначения промеров: GL – длина кости, Bp и Bd – ширина и передне-задний диаметр проксимального конца, Dd и Dp – то же дистального конца, SD и DD – то же диафиза посередине.

Пещерная гиена (*C. crocuta spelaea*). В 2014 г. на Чике удалось найти две почти целые плечевые кости гиены. Одна из них имеет сильные погрызы латеральной части нижнего конца. GL max – 234,5 и ca 239, GL от caput humeri – 220,5 и 223,6. Bp – ca 64,5, Dp –73,3 и 77,2. SD – 22,2 и 23, DD – 28 и 29 мм. Bd – 55 и ca 56,2, Bd в суставном блоке – 49. Dd медиальный – 42,9 и 45, Dd латеральный – 35,5, Dd min в желобе – 20,7 и 21. Высота медиального мыщелка – 31,5 и 34,2 мм. Tibia с Чумыша: GL – 206,3, Bp – 53,2, Dp – 57,8, SD – 19,6, DD – 25, Bd – 40,3, Dd – 27,5 мм. Обломок затылочного отдела черепа с частью сагиттального гребня с Чумыша имеет высоту от верхнего края затылочного отверстия 65 мм. *C. crocuta spelaea* присутствует в крупных аллювиальных местонахождениях юго-востока Западной Сибири, но повсюду немногочисленна, составляет не более 0,06–0,15 % от числа всех остатков мегафауны, что на порядок меньше, чем частота встречаемости костей *Panthera spelaea*. В пещерных тафоценозах Алтая доля остатков гиены может достигать до 10 % и более. Это свидетельствует, однако, не о каком-то особом изобилии этого хищника в горах юга Сибири, а лишь о повышенной концентрации их остатков в карстовых полостях, использовавшихся кланами гиен в качестве логова и места для выведения потомства.

Красный волк (*Cuon alpinus*). Неполная нижняя челюсть с обломанной восходящей ветвью найдена на одном из пляжей Чумыша. Челюсть выветрела, все зубы утеряны. Альвеола для M_3 отсутствует, что характерно именно для красного волка. Длина зубного ряда P_1 – M_2 – 74,6, длина P_1 – M_1 – 65,8. Длина ряда P – 41,5, ряда M – 32,2. Высота перед P_1 – 19, перед M_1 – 22,5, за M_2 – 26. Толщина под M_1 – 12,2. Длина M_1 по альвеоле – ca 22 мм. Приведенные промеры укладываются в пределы изменчивости плейстоценовых красных волков Кавказа и современных с Дальнего Востока [Барышников, 1995]. Остатки посткраниального скелета, не отличимые морфологически от *Cuon alpinus*, обнаружены в отложениях казанцевского времени в Тараданово (50 км выше Камня-на-Оби) и в Красном Яру под Новосибирском.

Тур (*Bos primigenius*). В музеях юга Западной Сибири хранятся единичные фрагменты черепов тура плейстоценовой сохранности, однако достоверные остатки этого вида в исследованных нами местонахождениях Верхнего Приобья обнаружены впервые. Пястная кость самки имеет все морфологические признаки, общие с туром, описанные в целом ряде работ (напр.: [Бурчак-Абрамович, Векуа, 1980]). Важнейшие из них – плавный переход нижнего эпифиза в диафиз, без выраженных надсуставных бугров, и общие пропорции кости. GL – 247,4 мм, Bp – 74,7, Dp – 44,5, SD – 39,5, DD – 31,2, Bd – 74,5, Dd – 41,4 мм. В этой связи не исключено, что какая-то (очень небольшая) часть костей посткраниального скелета бизона с Чумыша на самом деле могла принадлежать туру.

Носорог Мерка (*Stephanorhinus kirchbergensis*). Среди костей с Чумыша было идентифицировано 15 остатков, принадлежащих носорогу Мерка: две неполные ветви нижней челюсти, 5 изолированных зубов верхней челюсти, лучевая, локтевая, астрагал, большая и малая берцовые кости, 2-я пястная, 2-я и 4-я плюсневые. *S. kirchbergensis* в последнее рисс-вюрмское межледниковье был распространен в Западной Европе и на территории Китая [Billia, 2011]. Его находки известны также на юге Западной Сибири, на Иртыше и Оби. В местонахождении Красный Яр под Новосибирском нижняя челюсть носорога Мерка была найдена in situ в слое казанцевского (R-W) аллювия. Это заставляет предположить, что на Чумыше местами, возможно под урезом воды,

вскрываются более древние отложения, относящиеся как минимум к началу позднего плейстоцена. Носорог Мерка и лесной слон (*Palaeoloxodon antiquus*), связанные с лесными ландшафтами и теплым климатом, проникали в межледниковья на юг Западной Сибири. Часть черепа с зубами лесного слона недавно была описана с р. Шарап Новосибирской обл. [Foronova, 2014]. Последний раз такое проникновение имело место, очевидно, в казанцевское время.

Благодарности. Авторы выражают благодарность В.С. Панову и В.В. Пархомчуку за предоставленные радиоуглеродные датировки.

Список литературы

Барышников Г.Ф. Плейстоценовый красный волк *Cuon alpinus* (Carnivora, Canidae) из палеолитических стоянок Большого Кавказа // Тр. Зоол. ин-та РАН, 1995. – Т. 263. – С. 92–120.

Бурчак-Абрамович Н.И., Векуа А.К. Палеобиологическая история позднекайнозойских быков Кавказа. – Тбилиси: Мецниереба, 1980. – 103 с.

Лобачёв Ю.В., Васильев С.К., Зольников И.Д., Кузьмин Я.В. Крупное местонахождение плейстоценовой фауны на реке Чик (Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 72–77.

Лобачёв Ю.В., Васильев С.К., Орлова Л.А. Позднеплейстоценовая териофауна с р. Чумыш (Алтайский край) и новые данные по местонахождению на реке Чик (Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 106–110.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 102 с.

Billia E.M.E. Occurences of *Stephanorhinus kirchbergensis* (Jäger, 1839) (Mammalia, Rhinoceratidae) // Acta Palaeontologica Romaniae. – 2011. – N. VII. – P. 17–40.

Foronova I.V. Palaeoloxodon Elephant from the Pleistocene of Southwestern Siberia (Russia) // Scientific Annals of the Shool of Geology Aristotle Univ. of Thessaloniki. – 2014. – Vol. 102 (Special). – P. 59.

УДК 903.14

П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: volkov100@ya.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ КОЛЛЕКЦИИ ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ I*

Микроскопический анализ находок из коллекции раннепалеолитического памятника Дарвагчай I позволил выявить ряд утилизованных орудий и провести их трасологический анализ. Установлен факт достаточно продолжительной и эффективной обработки мяса. Особо следует отметить, что в качестве орудий использовались не только заранее подготовленные инструменты, но и обломки породы. Все это свидетельствует о том, что обитатели территории воспринимали окружающие их каменные россыпи не только как место сбора и расщепления камня, но и как источник вполне пригодного для работы вспомогательного инструментария.

Ключевые слова: *ранний палеолит, орудия, трасологический анализ.*

Microscopic analysis of the finds from the collection of the Early Paleolithic site revealed a number of used tools and make a use-wear analysis of artifacts. It was established that in the study area was made a meat butchering process. Of particular note is that as instruments used not only specially prepared tools but fragments of raw materials. All this testifies to the perception of the inhabitants of the territory surrounding not only a place of gathering and knapping of the stones.

Keywords: *Lower Paleolithic, tools, use-wear analysis.*

Для определения характера памятника Дарвагчай I [Деревянко и др., 2012] был сделан трасологический анализ находок коллекции. Цель исследования – обнаружение изношенных в качестве орудий изделий, определение их функций и специфики утилизации; функциональная характеристика памятника в целом.

При работе с археологической коллекцией мы испытали определенные трудности: сохранность находок памятника определена как относительно плохая. Поверхность каменных артефактов разрушена вследствие различных причин. Обнаружить артефакты, пригодные для качественного трасологического анализа, было крайне затруднительно.

На первом этапе работы было проведено микроскопическое изучение всех находок коллекции памятника. Для работы использовался стереоскопический бинокуляр. Целью обследования было выявление предметов, поверхность которых не подверглась разрушению и могла сохранить следы износа вероятных орудий труда.

В результате такого осмотра коллекции было выявлено порядка сотни предметов, исследование которых стало возможным с помощью мощного микроскопа с бестеневым освещением объекта и увеличением от 50 до 500 крат. Целью работ на данном этапе стал поиск признаков утилизации орудий, на поверхности которых могли быть зафиксированы следы их износа.

Функциональные исследования каменных артефактов коллекции базировались на методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Korobkowa, 1999], и на методике анализа микрозаполировок износа каменных орудий Л. Кили [Keeley, 1980]. Использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной и Центральной Азии [Волков, 1999].

При общем трасологическом обследовании материалов применялся бинокуляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-0045).

анализе дополнительно использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бестеневым освещением. В качестве основного исследовательского инструмента применялся специально адаптированный для микротрасологии микроскоп «Olympus BHT-M» с бестеневым освещением через объектив.

Для сравнительного анализа следов изношенности на древних орудиях из камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

Использованная трасологическая лексика и функциональная типология инструментария соответствует каталогу терминов, приведенному в монографии «Опыт эксперимента в археологии» [Волков, 2013].

В результате микроскопического обследования коллекции было выявлено пять предметов, на поверхности которых присутствовали отчетливые признаки их использования в качестве орудий труда.

Артефакт с коллекционным шифром Ж91230 по морфологическим признакам может быть определен как первичный скол с желвака (рис. 1, *а*).

На поверхности изделия обнаружены следы микрозаполировки, представляющие собой характерное образование от контакта камня с мягким эластичным органическим материалом.

Заполировка сформирована относительно широко, обнаружена на краю и на некотором удалении от кромки лезвия. Граница зон заполировки и непотревоженных участков (рис. 2, *а*) поверхности кремня размыта, неясна, выделяется нечетко. Переход от относительно матового фона неизношенной зоны к участкам неразвитой заполировки почти незаметен.

Характер изменения естественного микрорельефа поверхности камня выразился в относительно незначительной заглаженности заполировкой ес-

Рис. 1. Артефакты № Ж91230 (*а*), Ж101174 (*б*), Л-13444 (*в*), М-12/309 (*г*), Ж9/178 (*д*).

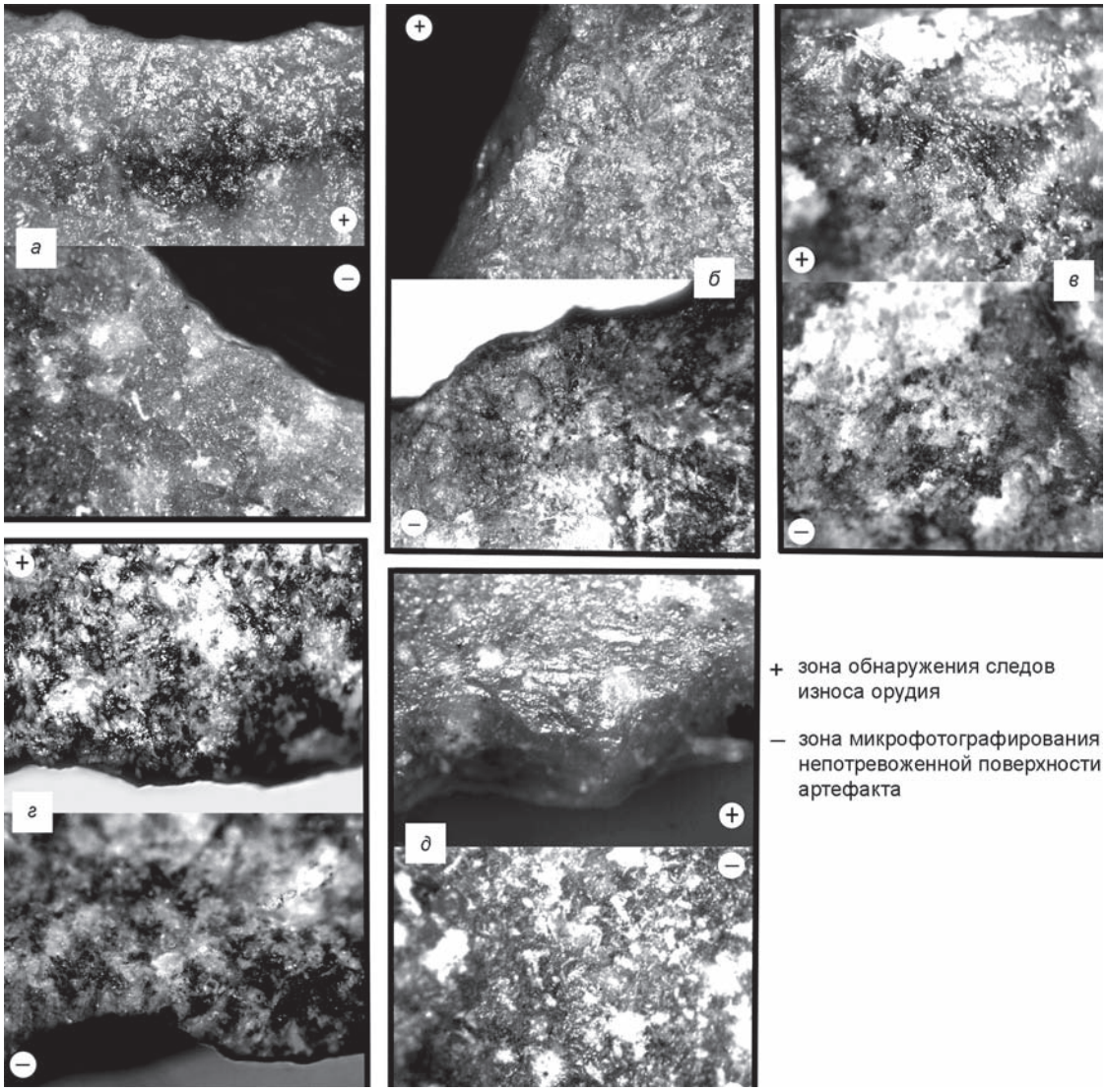


Рис. 2. Зона обнаружения микрозаполировки и зона тестирования естественной структуры поверхности камня на артефактах № Ж91230 (*а*), Ж101174 (*б*), Ж9/178 (*в*), М-12/309 (*г*), Л-13444 (*д*) при увеличении в 50 крат.

тественного рельефа камня на рабочем участке, плавно повторив складки поверхности. Заполировка проникает почти во все углубления микрорельефа. На участках микровыкрошенности износ мягко сглаживает острые углы фасеток.

Общий вид заполировки напоминает загрязненную отпечатками пальцев поверхность камня. Блеск заполировки довольно «жирный» и сравнительно тусклый, хотя заметно ярче матовой поверхности неизношенных участков орудия.

На основе данных трасологического анализа, судя по характеру дислокации и структуре зафиксированной микрозаполировки износа, артефакт № Ж91230 можно функционально определить как мясной нож, относительно слабой степени изношенности.

По морфологическим признакам артефакт с коллекционным номером Ж101174 можно также охарактеризовать как скол с желвака (см. рис. 1, *б*).

На двух участках его поверхности, как и на артефакте № Ж91230, были обнаружены микрозаполировки, представляющие собой характерное образование от контакта камня с мягким эластичным органическим материалом (рис. 2, *б*). Поверхность орудия в зоне износа резко контрастирует с непотревоженным участком изделия.

Наблюдается некоторая «линейность» в распространении заполировки, что может быть признаком относительно более интенсивного использования инструмента в качестве ножа для работы с мясом.

Артефакт с коллекционным номером Л-13444 по морфологическим признакам определяется сколом, как и два артефакта, описанные выше (см. рис. 1, *в*).

Трасологический анализ дал основания для функционального определения изделия как ножа для работы с мясом. Характерные следы износа орудия в виде заполировки прослеживаются на артефакте отчетливо (рис. 2, *г*) и резко контрастируют с участками, оказавшимися вне контакта с обрабатываемым материалом.

Следы износа в качестве орудий были выделены предметах, не имеющих признаков искусственного генезиса и по морфологическим признакам не сочтенных артефактами.

Микроскопическое обследование находки с коллекционным шифром М-12/309 (см. рис. 1, *г*) привело к обнаружению на ее поверхности следов контакта эластичным органическим материалом.

Анализ структуры микрозаполировки износа (рис. 2, *д*) дал основания для определения находки как ножа. Размер и расположение рабочего края инструмента позволяет предположить его вероятное использование в процессе потребления мяса. Относительная степень износа орудия определена как слабая или средняя.

Находка с коллекционным номером Ж9/178 не имеет морфологических признаков артефакта и представляет собой образец некачественного сырья (см. рис 1, *д*). Количество и глубина трещин в структуре изучаемого объекта столь велика, что при его бесконтактной очистке в эксикаторе произошла частичная дефрагментация находки.

Тем не менее, при микроскопическом обследовании находки на ее поверхности были обнаружены следов контакта камня эластичным органическим материалом. Заполировка износа орудия неразвитая, относительно неизношенной поверхности камня (рис. 2, *в*) – слабая. Инструмент использовался в качестве ножа для работы с мясом непродолжительное время, вероятно, в качестве случайного, вспомогательного орудия.

В целом, выделенный в результате трасологического анализа инструментарий позволяет утверждать факт достаточно продолжительной и эффективной обработки мяса на изучаемой территории. Особо следует отметить, что в качестве орудий использовались не только заранее подготовленные инструменты, но и обломки породы. Все это свидетельствует о восприятии обитателями территории окружающей их каменной россыпи не только места сбора и расщепления камня, но и как источник вполне пригодного для работы вспомогательного инструментария.

Список литературы

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 192 с.

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 416 с.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Keeley L.H. Experimental determination of stone tool uses. A microwear analysis. – Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.

Korobkowa G.F. Narzedzia w pradziejach. – Torin: Widawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999. – 168 p.

УДК 903.2

С.А. Гладышев[1, 2], Б. Гунчинсурэн[3], Ц. Болорбат[3], Д. Одсурэн[3], Е.П. Рыбин[1, 2], А.М. Хаценович[1], А.В. Табарев[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Институт археологии МАН
E-mail: paleomongolia@yandex.ru

РАСКОПКИ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ХАРГАНЫН-ГОЛ-5 (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ) В 2014 ГОДУ*

В статье обсуждается стратиграфия и археологические находки стоянки Харганын-Гол-5, расположенной в Северной Монголии. Проводится корреляция литологических подразделений толщи отложений стоянки с уже изученными памятниками из долины р. Их-Тулбэрийн-Гол (Толбор-4, -16 и -21). На всех перечисленных объектах, включая Харганын-Гол-5, обнаружен горизонт переслаивающихся темных супесей и светлых лессовидных супесей. Археологические комплексы, включенные в эти отложения на стоянках Толбор-4, -16 и -21, имеют возраст от 45 до 37 тыс. л.н. Так как на стоянке Харганын-Гол-5 археологический материал слоя 4 залегает в таких же слоистых отложениях, предлагается этот комплекс находок также отнести к периоду начальной поры верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Северная Монголия, Харганын-Гол-5, ранний верхний палеолит, стратиграфия.*

The stratigraphy and archaeological findings of Kharganyn-Gol-5 site in Northern Mongolia are discussed in this paper. The lithologic units of sediments are correlated with researched sites in Ikh-Tulbariin-Gol River Valley (Tolbor-4, -16, -21). It was noticed that layear with interleaving of dark sandy loam and light loess-type sandy loam was found in the all of listed objects, including Kharganyn-Gol-5. Archaeological complexes from that unit in Tolbor-4, -16, -21 cover age from 45 to 37 kya. So far as archaeological material from layer 4 of Kharganyn-Gol-5 occurs into the same interleaving sediments, this complex of findings is assumed to cover the period of Initial Upper Paleolithic.

Keywords: *Northern Mongolia, Kharganyn-Gol-5, Early Upper Paleolithic, stratigraphy.*

В полевом сезоне 2014 г. совместным российско-монгольским отрядом было продолжено изучение многослойного памятника Харганын-Гол-5, расположенного в Хангайском нагорье. Местонахождение Харганын-Гол-5 было обнаружено в 2012 г. во время обследования долин рек Алтаатын-Гол и Харганын-Гол. Раскоп 2014 г. вплотную примыкал к южным и западным секторам раскопа 2012 г. и располагался вниз по склону делювиального шлейфа.

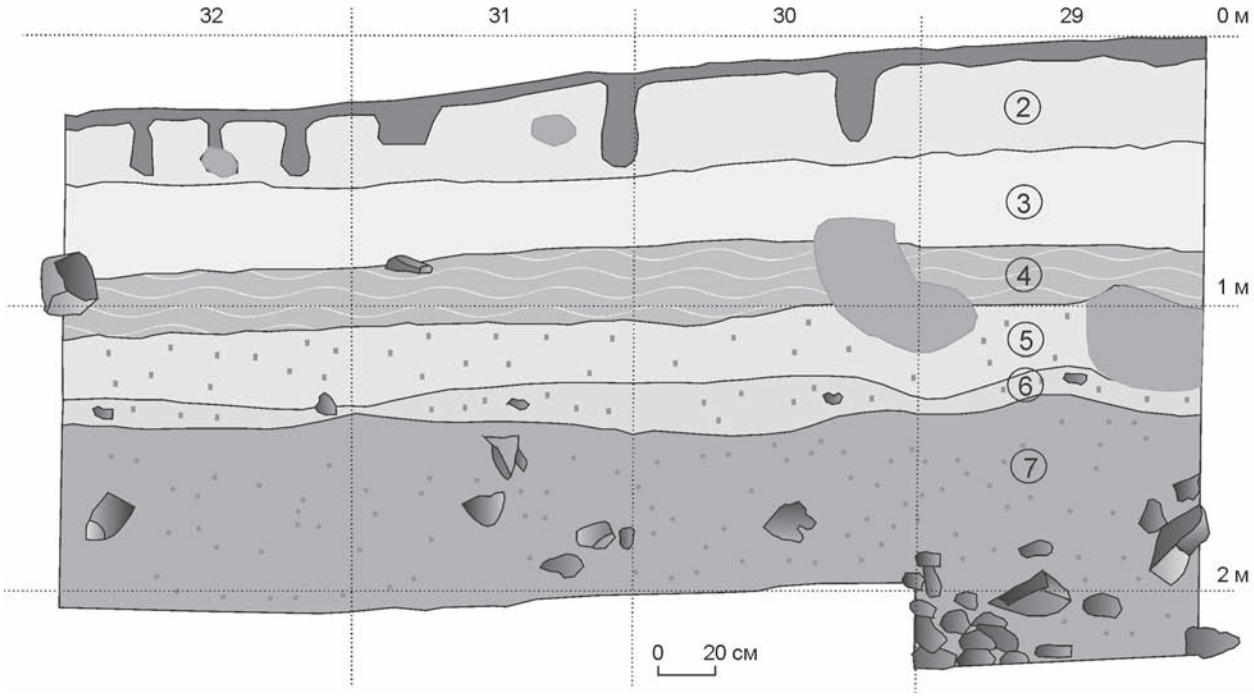
В литологических отложениях стоянки выделено семь слоев, включающих археологический материал. Описание разреза южной стенки приводится сверху вниз от дневной поверхности (см. *рисунок*).

Слой 1 – археологический горизонт 1. Дерн и поддерновый гумус. Мощность слоя не превышает 0,15 м, за исключением многочисленных затеков гумуса по норам грызунов и корневой системе растений, и сокращается вниз по склону по направлению к южной стенке.

Слой 2 – археологический горизонт 2. Представляет собой лессовидный, сцементированный, белесый песчаный алеврит эолового генезиса, с карбонатными стяжениями. Отложения формировались по поверхности склона субгоризонтально, без просадочных вертикальных деформаций. Мощность слоя составляет около 0,40 м.

Слой 3 – археологический горизонт 3. Супесчаные отложения серо-желтого цвета с включениями обломочного материала с неравномерным залеганием по склону и с деформациями. Генезис отложений смешанный – эолово-делювиальный. Мощность слоя колеблется от 0,40 до 0,90 м.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-31212).



Стратиграфический разрез южной стенки раскопа на памятнике Харганын-Гол-5.

Слой 4 – археологический горизонт 4. Представляет собой чередование двух видов маломощных слойков, представленных супесью со значительной глинистой примесью желто-коричневого цвета с содержанием дресвяно-щебнистого материала и светло-серыми лессовидными супесями. Слойки имеют неясную смятую текстуру. Мощность отложений составляет 0,20–0,25 м. При их формировании имело место перемещение средних слабо окатанных и не окатанных валунов размером до 0,4 м по поверхности склона, а структура отложений в виде слойков может свидетельствовать об участии водных потоков в их формировании, исключая сугубо делювиальный генезис. Валуны присутствуют только в этом слое и слое 5. Слой падает строго по склону, с севера на юг, при этом его мощность сокращается.

Слой 5 – археологический горизонт 5. Отложения представлены рыхлой желто-коричневой супесью, более плотной, чем в слое 4, с включениями обломочного материала, в том числе щебеня, и с затеками до 0,10–0,15 м в нижележащий слой. Генезис отложений также смешанный – эоловый, при значительном участии делювиальных процессов.

Слой 6 – археологический горизонт 6. Супесь белесо-коричневого цвета с содержанием щебнистого и гравийного материалов. Мощность слоя имеет значительные колебания от 0,18 до 0,40 м, и он прослеживается не по всей длине разреза. В северо-восточном углу раскопа он перекрывается стерильной линзой (прослой 6.1). Генезис слоя эоловый, со значительным участием делювиальных процессов.

Слой 7 – археологический горизонт 7, мощностью 0,6 м. Представляет собой серо-коричневую супесь с суглинистыми примесями и включениями грубообломочного, щебнистого и гравийного материала. Генезис отложений пролювиальный и связан с действием русловых процессов ручья, расположенного к западу от шлейфа. Об этом свидетельствуют не только текстура и структура слоя, но его положение в разрезе. Его мощность увеличивается к юго-западному, ближнему к руслу ручья углу раскопа, то есть вниз по склону, в отличие от вышележащих слоев. Песок в слое 7 крупнозернистый, близкий к аллювию, заполнен валунами и валунчиками, слабо или не окатанными. В слое присутствуют сцементированный песок и дресва. Подошва слоя 7 представляет собой скопление валунов, валунчиков и гравия, то есть демонстрирует начальную стадию формирования делювиального шлейфа, при участии пролювиальных процессов. Таким образом, если в 2012 г. у северной стенки восточной части раскопа слой 7 был представлен линзами, а материал в нем выявлен не был, то в западной части, вскрытой в 2014 г. и расположенной у южной стенки, слой стал мощным и содержал находки. Вскрытая глубина его составляет 0,8 м, однако культурный горизонт занимает толщу мощностью не более 0,6 м от кровли слоя. Учитывая характер его структу-

ры, а также небольшую концентрацию находок в 29 экз., обнаруженных только на 9 квадратах раскопа, при значительной мощности слоя, можно предположить, что археологический материал переотложен.

Прослой 6.1 – стерильный в археологическом отношении горизонт, представлен белесо-коричневыми линзами дресвяных отложений, с рыхлой внутренней структурой, с высоким содержанием щебнистого и другого обломочного материала. Генезис может быть связан с химическим выветриванием базальной породы. Концентрация линз прослоя тяготеет к восточной стенке и юго-восточному углу раскопа. Вполне вероятно, что сцементированный песок и дресва из слоя 6 также связаны с этими процессами.

Таким образом, стратиграфический разрез стоянки Харганын-Гол-5 состоит из семи литологических слоев, сформированных преимущественно в результате эолового осадконакопления, при значительном участии делювиальных и пролювиальных процессов. Стерильных горизонтов между археологическими слоями не зафиксировано. Особый интерес представляют отложения формирующие слой 4. Эти тонкие, ламинарные, смятые текстуры обнаружены во всех разрезах раскопанных стоянок в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол (кроме стоянки Толбор-15): это такие памятники, как Толбор-4 (гор. 6, 7), Толбор-16 (гор. 7, 7а) и Толбор-21 (гор. 5). Каменные индустрии, обнаруженные в этих отложениях, относятся к периоду начальной поры верхнего палеолита, что подтверждается и солидной серией радиоуглеродных дат. Возраст этих комплексов лежит в диапазоне от 45 (Толбор-16, гор.7) до 37 (Толбор-4, гор.6) тыс. л.н. [Деревянко и др., 2013, с. 22]. Поэтому мы с большой долей вероятности можем предположить, что коллекция каменных предметов из слоя 4 стоянки Харганын-Гол-5 также может быть соотнесена с этим хронологическим промежутком, но пока без точного определения ее возраста.

Всего в ходе раскопок 2014 г. в слоях 4 и 5 обнаружено 1161 каменное изделие. Среди материалов этих горизонтов присутствуют выемчатые орудия, которые исчезают в вышележащих слоях. Среди орудий преобладают проколки и провертки, а также пластинки с притупленной спинкой. Представительную группу составляют шиповидные орудия, в том числе и как элемент в комбинированных орудиях, заметно уменьшается количество скребков и скребел. Кроме того, в коллекции имеются резцы и ножи с притупляющей ретушью на спинке.

Особый интерес представляют комплексы, залегающие вниз по разрезу под слоистыми отложениями с индустриями начала верхнего палеолита. По всей логике они должны быть древнее вышележащих отложений и, следовательно, индустрии, расположенные в них, вполне могут иметь возраст древнее 45 тыс. л.н. К сожалению, коллекции артефактов из этих слоев крайне малочисленные.

В слое 6 найдено 76 предметов. Первичное расщепление представлено неполно, нуклеусов нет. Сколы составляют 76 % коллекции, большинство из них отщепы. Из 30 экз. 20 % приходится на отщепы с заданной формой: пластинчатые, подпрямоугольные, трапециевидные. Отличительной чертой гор. 6 является высокий процент целых отщепов – 73 %, которые представлены преимущественно крупными и мелкими предметами, количество сколов средних размеров невелико. Остальные 27 % занимают сколы со всеми видами фрагментации. Ударные площадки представлены тремя типами: естественными, двугранными и гладкими, при подавляющем большинстве последних. Зафиксировано обратное и прямое редуцирование. Наиболее распространенным типом огранки дорсальной поверхности является однонаправленный многогранный, в меньшей степени представлены естественная огранка, бипродольная и гладкая. Количественно пластины немного уступают отщепам – их 26 экз., и почти все они фрагментированы. Целых предметов 2 экз., но, исходя из размеров проксимальных, медиальных и дистальных фрагментов, можно заключить о наличии средних и крупных пластин, которые практически отсутствуют в вышележащих горизонтах. Пластины имеют гладкие ударные площадки, за исключением единственной двугранной и свидетельствуют о скалывании как под углом около 85°, так и под близким к прямому. Снимались сколы с разжелваченных ядрищ в однонаправленной параллельной и бипродольной системах. Пластинок в коллекции всего две: целая и проксимальный фрагмент. Они имеют точечную и гладкую площадки соответственно. Основная часть изделий с вторичной обработкой выполнена на заготовках пластинчатых форм. Это зубчатое орудие, угловой резец, комбинированное орудие, сочетающее в себе элементы скребла и шиповидного изделия, и крупная ретушированная пластина.

В слое 7 обнаружено 29 находок. Первичное расщепление представлено сколами и различными формами отходов производства. Нуклеусы в коллекции отсутствуют, за исключением единственной преформы одноплощадочного монофронтального нуклеуса с широким фронтом скалывания. Отщепы представлены 20 экз., при-

сутствуют пластинчатые, укороченные и подпрямоугольные формы. Основная часть целых отщепов имеет гладкие нередуцированные ударные площадки, в меньшем количестве представлены естественные и двугранные. Среди типов огранки дорсальных поверхностей преобладают однонаправленные многогранные. На большей части дорсальных поверхностей целых отщепов присутствует корка, занимая от 25 до 99 % площади. Пластины в коллекции представлены двумя проксимальными фрагментами, с гладкими ударными площадками, одна из которых указывает на скалывание под углом, близким к 90°. Орудийный набор слоя 7 представлен немногочисленными, но типологически разнообразными изделиями, выполненными на отщепах. Основными приемами вторичной обработки являются анкош, ретуширование, подтеска сколами. В число орудий входят продольное прямое скребло, шиповидное орудие и изделие с вентральной подтеской основания.

Список литературы

Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Гунчинсурэн Б., Олсен Д. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и Толбор-15) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 21–37.

УДК 903.2

А.П. Деревянко[1, 2, 4], Л. Булатович[3], К.К. Павленок[1, 2, 4], А.В. Кандыба[1, 4], М.Б. Козликин[1, 4], Г. Чулович[3], А.М. Чеха[1, 4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Центр археологических исследований Черногории
[4]Алтайский государственный университет
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ СТОЯНКИ БИОЧЕ (по итогам работ 2014 года)*

Территория адриатического побережья Балканского полуострова является одним из важных регионов при изучении культур рубежа среднего и верхнего палеолита юго-восточной части Европы и Евразийского континента в целом. Исследования последних лет у скального навеса Биоче в Черногории, проводимые совместной российско-черногорской экспедицией, показали, что существовавшая ранее схема развития индустрий финала среднего палеолита нуждается в существенной корректировке. В публикации представлены результаты работ 2014 г. по изучению стратиграфической ситуации и материальных комплексов стоянки в контексте полученных ранее данных.

Ключевые слова: *Балканский полуостров, стоянка Биоче, заключительная стадия среднего палеолита, каменная индустрия.*

The territory of the Adriatic coast of the Balkan Peninsula is one of the most important regions for the studying of the transition from the Middle to Upper Paleolithic cultures in south-eastern Europe and the Eurasia in general. Recent studies of the Bioče rock shelter in Montenegro conducted by a joint Russian-Montenegrin expedition have demonstrated that previous development scheme of Terminal Middle Paleolithic industries need to correct significantly. According to available data this publication is presented the results of the stratigraphic situation and material complexes obtained from the Bioče site in 2014.

Keywords: *Balkan Peninsula, Bioče site, Middle Paleolithic Final Stage, lithic industry.*

Балканский регион, занимающий стратегическое положение на перекрестке между Европой и Ближним Востоком, играет ключевую роль при изучении преистории континента на рубеже среднего и верхнего палеолита (КИС 3 – от 59 до 24 тыс. л.н.), когда история разных частей этой территории складывалась неодинаково. Восточное побережье Адриатического моря отделено от внутренних районов полуострова Далматинским орографическим массивом и Динарским нагорьем. Это привело к выработке у мустьерских популяций побережья во многом самобытной материальной культуры [Karavanić, 2007].

Наиболее многочисленные и разнообразные материальные свидетельства своей жизнедеятельности на данной территории оставили посетители стоянки Биоче в Черногории. Скальный навес располагается в основании высокого известкового массива, на кромке небольшой, окруженной горами долины в месте слияния рек Мороча и Мала река. Он периодически исследовался в период с 1986 по 1997 г. Толща отложений памятника была разделена на три стратиграфические серии (I–III), но, вне зависимости от характера вмещающих отложений, вся каменная индустрия стоянки признавалась однотипной и соответствующей характеристикам микромустьерской фации [Đuričić, 2006].

Результаты исследований стоянки российско-черногорской экспедицией ИАЭТ СО РАН

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-31-01200-а2).

(с 2010 г.) [Деревянко и др., 2010] позволили скорректировать устоявшиеся представления о данном объекте, и итоги работ 2014 г. достаточно наглядно отображают новое видение стратиграфической ситуации объекта и динамику изменения материальных комплексов стоянки.

В ходе раскопочных работ 2014 г. отложения стоянки были вскрыты на всю их мощность вплоть до скального основания. Стратиграфическая ситуация на памятнике неоднократно освещалась в публикациях [Деревянко и др., 2010; 2011]. В результате работ 2010–2013 гг. в разрезе было выделено семь основных литологических подразделений и слой 1 дополнительно подразделен на шесть отдельных подслоев. Их можно условно разделить на три пачки: пачка I включает все подслои слоя 1, II – слои 3, 4, III – слои 5–7. Согласно принятой в 2010 г. нумерации слоев, к слою 2 были отнесены все культурные отложения, нарушенные поздним антропогенным вмешательством. В разрезе 2014 г. этот «слой» не представлен.

Разрез 2014 г. демонстрирует еще два существенных изменения. Слой 6, ранее представленный желтовато-серыми и зеленовато-серыми слоистыми песчаными алевролитами, который проявлял тенденцию к выклиниванию еще на участке раскопа 2013 г., полностью редуцирован и не представлен в разрезе. Аналогичную тенденцию к редуцированию по наблюдениям 2013 г. демонстрировал и прослой 1.1.2, ранее представленный коричнево-черным сильно гумусированным суглинком. Он также отсутствует в разрезе 2014 г.

Из всех трех пачек слоев был получен археологический материал разной степени представительности. Комментируя характер размещения археологического материала в отложениях памятника, следует отметить, что в период образования культурных слоев двух верхних пачек заселение грота носило настолько интенсивный характер, что «не успевали» накапливаться стерильные осадки. Как следствие, слой 1 (пачка I) и слои 3, 4 (пачка II) представляют собой последовательные наслоения остатков многочисленных визитов (“palimpsest”), что привело к появлению стратиграфически монотонных культурных «слоев-гигантов» [Чабай, 2004]. Для нижней пачки отложений характерна значительно меньшая концентрация артефактов, которые фиксируются во «взвешенном» состоянии и также не образуют выраженных горизонтов залегания.

Полученные материальные комплексы отчетливо демонстрируют постепенные изменения в технологическом репертуаре посетителей стоянки. Археологический материал нижней пачки отложений происходит из слоя 5, представленного тяжелыми суглинками охристо- и серо-коричневого оттенков. Коллекция насчитывает всего 23 каменных изделия, в числе которых первичные и вторичные сколы, отщепы, обломки и колотая галька. Несмотря на отсутствие ярких форм, облик коллекции соответствует общей оценке характера индустрий нижней пачки отложений. В ней запечатлен этап «привыкания» первых посетителей стоянки к местной сырьевой базе, о чем свидетельствует активное расщепление низкокачественной известковой породы. Половина сколов в коллекции 2014 г. изготовлена из этого типа сырья.

Средняя пачка отложений (слои 3, 4) представлена сероцветными мелкозернистыми супесями, в случае со слоем 4 обогащенными щебнисто-дресвянистым материалом. Происходящая из этих отложений индустрия более представительная (слой 4 – 181 экз.; слой 3 – 410 экз.). Первичное расщепление производилось в рамках центростремительного (рис. 1, *1*), простого параллельного (рис. 1, *2*) и леваллуазского раскалывания. Только леваллуазский нуклеус из слоя 4 несет следы отделения удлиненных сколов (рис. 1, *3*). Доля пластин в индустрии сколов невелика и варьирует от 1 (слой 4) до 3 % (слой 3). В то же время орудийный набор богат изделиями на пластинах среднего размера. Его типологическая структура определяется доминированием продольных одно- и двулезвийных скребел (рис. 2, *1–3*) и ножей (рис. 2, *4, 5*), которые различаются степенью заострения рабочего края. Также значимой категорией инвентаря являются мустьерские остроконечники (рис. 2, *6, 7*). Примечательно, что с учетом фрагментов орудий, доля пластин в каждом слое составляет около 1/3 от общего количества орудийных основ. Можно предположить, что они производились за пределами вскрытой раскопом площади памятника.

Слой 1 в разрезе 2014 г. включает четыре подслоя – 1.1.1, 1.1.3, 1.2 и 1.4. Они представлены средними и легкими суглинками разных оттенков (от красноватого до черно-серого) разной степени насыщенности гумусом и щебнистым материалом. Нижняя граница слоя проведена по кровле пачки травертинизированных супесей и песков. Датирование образцов кости и угля на установке УМС Новосибирского научного центра из прослоев 1.1.2 и 1.2 указало на то, что накопление слоя 1 происходило в диапазоне от 32 до 40 тыс. л.н.

Суммарная коллекция слоя 1 составляет 3 680 экз., что более чем в шесть раз превышает численность артефактов во всех нижележащих культурных слоях. Распределение находок по подслоям неравномерно: подслой 1.1.3 – 1 027 экз.,

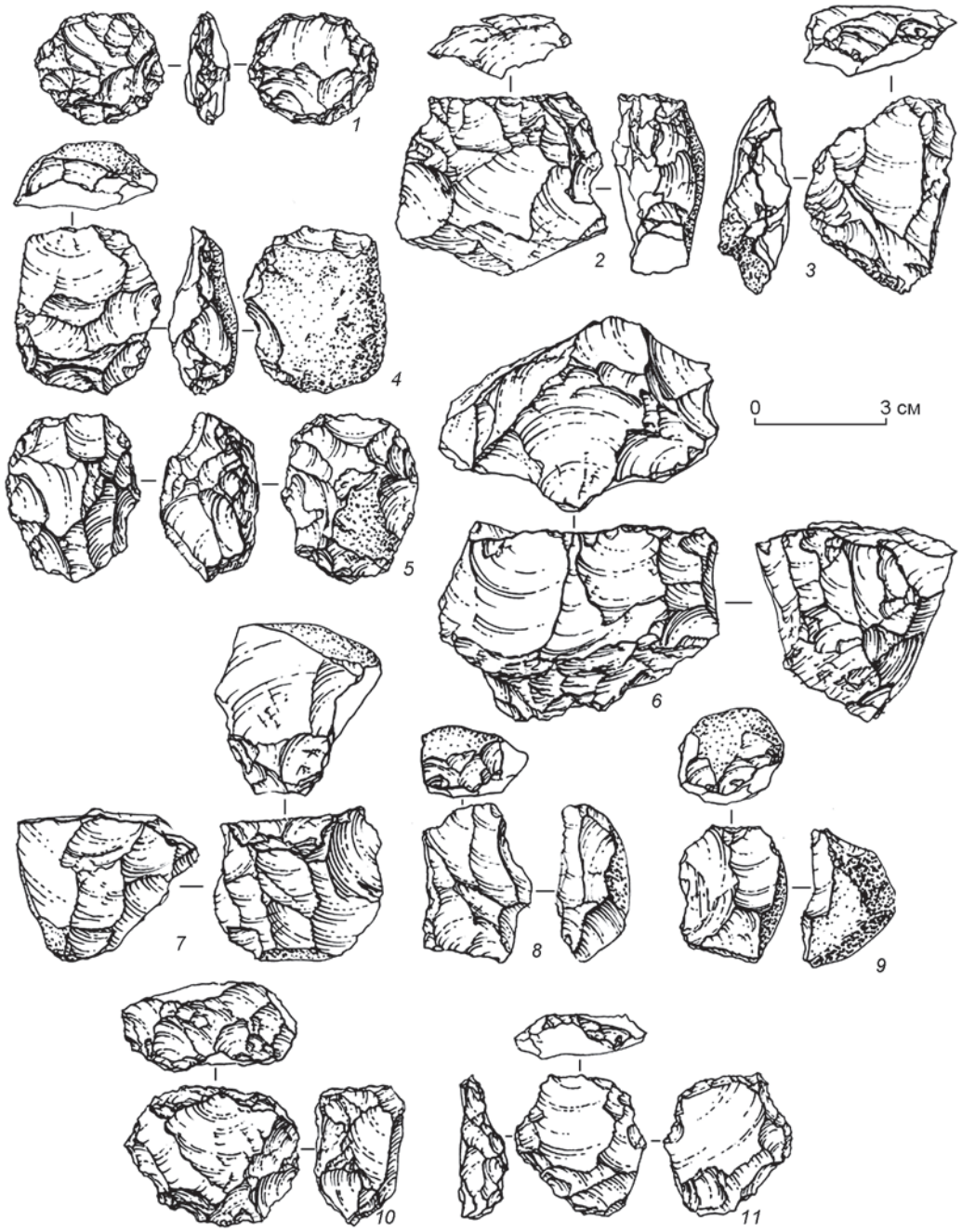


Рис. 1. Нуклеусы стоянки Биоче.

1.2 – 2 034 экз., 1.4 – 619 экз. Схожая картина зафиксирована во все полевые сезоны, начиная с 2010 г.

Близкие технико-типологические характеристики каменных индустрий выделенных слоев позволяют рассматривать их в комплексе. В категории нуклеусов наиболее многочисленны радиальные ядрища (см. рис. 1, *4, 5*) для мелких отщепов. К ним морфологически очень близки ортогональные формы, серийно представленные в индустриях подслоев. Среди однофронтальных одноплощадочных нуклеусов преобладают изделия, утилизируемые по короткой оси (см. рис. 1, *6*). Продольных форм (см. рис. 1, *9*) в пять раз меньше. Доля ядрищ с объемным фронтом (см. рис. 1, *7*) не достигает и 5 %, еще меньшую роль играют нуклеусы встречного скалывания (см. рис. 1, *8*). В индустриях прослоев 1.1.3 и 1.2 встречаются простые формы торцовых нуклеусов с единичными сколами, а в подслое 1.4 – редкие экземпляры леваллуазских ядрищ для отщепов (см. рис. 1, *10, 11*).

Доминирующей категорией инвентаря являются скребла, чаще одинарные продольные

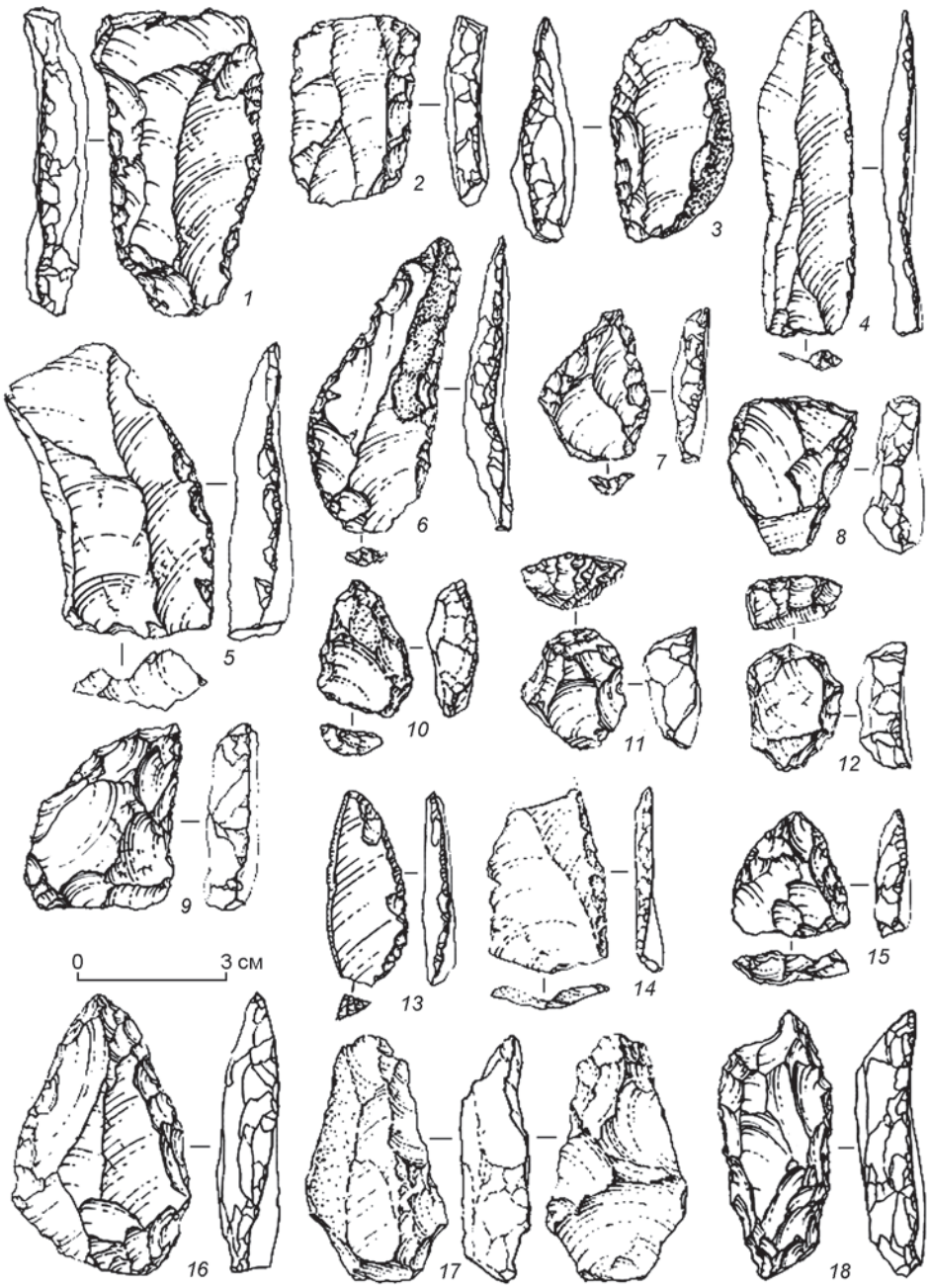


Рис. 2. Орудийный набор стоянки Биоче.

(рис. 2, *8*) с прямым или выпуклым лезвием. Доля двулезвийных скребел уступает однолезвийным более чем в два раза. В этой группе отметим обилие скребел дежетэ (рис. 2, *9, 10*) и изделий с ретушью на 3/4 периметра. Значимой категорией инвентаря являются атипичные скребки (рис. 2, *11, 12*), подготовленные в той же манере, что и скребла. В категории ножей, второй по численности, представлены в основном однолезвийные продольные формы (рис. 2, *13, 14*). Остроконечники немногочисленны, мелкие и средние орудия представлены равным количеством изделий (рис. 2, *15, 16*). Заслуживает внимания присутствие преформ двусторонних орудий (рис. 2, *17*) и лимасов (рис. 2, *18*).

Отличительной чертой материального комплекса слоя 1 является «микролитизм» орудийного набора, когда редкие изделия превышают 5 см в максимальном измерении. Согласно устоявшемуся представлению, это является отражением стилистических предпочтений посетителей стоянки [Đuričić, 2006]. Однако возможно, что причина формирования подобного комплекса кроется в длительном использовании стоянки человеком, что приводило к интенсивной утилизации доступных сырьевых ресурсов. След-

ствием этого стало уменьшение размеров орудий и увеличение количества многолезвийных скребел. Данное явление известно как эффект редукции артефактов [Чабай, 2004]. Каменные индустрии региона еще не интерпретировались с данной точки зрения, и это одна из задач будущих исследований.

В настоящий момент можно с уверенностью говорить о том, что установленная картина динамики материальных комплексов скального навеса Биоче ставит его в один ряд с наиболее информативными объектами палеолита Восточной Адриатики.

Список литературы

Деревянко А.П., Булатович Л., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Кривошапкин А.И., Бакович М. Исследования скального навеса Биоче (Черногория) в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 52–57.

Деревянко А.П., Булатович Л., Бакович М., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В. Изучение скального навеса Биоче (Черногория) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 34–39.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Симферополь: Шлях, 2004. – 323 с.

Đuričić L. A contribution to research on Bioče Mousterian // J. of the Serbian Archaeological Society. – 2006. – Vol. 22. – P. 179–196.

Karavanić I. Le Moustérien en Croatie // L'Anthropologie. – 2007. – Vol. 111. – P. 321–345.

УДК 903.14

А.П. Деревянко[1, 2], С.Ю. Лазарев[3], К.К. Павленок[1, 2, 4], С.В. Шнайдер[1, 2, 4], К. Шимчак[5], М. Кот[5], А. Раджабов[6], М. Хужиназаров[6]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Томский государственный университет
[4]Новосибирский государственный университет
[5]Институт археологии, Варшавский университет
[6]Институт археологии АН РУз
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

УТОЧНЕНИЕ СТРАТИГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ КАТТАСАЙ (Ташкентская область, Узбекистан)*

Материалы памятника Каттасай в Узбекистане могут принадлежать малоизученной мустьерской линии развития среднего палеолита региона. Раскопки 2013, 2014 гг. позволили зафиксировать в отложениях стоянки единую, гомогенную концентрацию каменных изделий. Камнеобработка была нацелена на изготовление отщепов, остриев и пластин с плоскостных нуклеусов. В результате работ 2014 г. во многом прояснились особенности генезиса отложений. Археологические материалы, приуроченные к подслоям 4.b и 4.c, видимо, изначально были связаны с подстилающей палеопочвой (слой 5). Она сформировалась в период теплого и влажного климата. Он сменился холодным периодом, во время которого возросла активность делювиальных процессов и снизилась степень задернованности склонов. В результате этого произошел смыв артефактов с верхних участков склона. На основе этих наблюдений можно предположить, что данная территория обживалась палеолитическим населением в период потепления. Предварительно он может быть соотнесен с KIS 3.

Ключевые слова: *палеолит, Узбекистан, Каттасай, мустьерская линия развития, генезис отложений, делювиальные процессы.*

The materials of Kattasai site in Uzbekistan can be related to understudied Mousterian line of Middle Paleolithic development in region. The excavations in 2013 and 2014 gave the possibility to fix the one homogeneous concentration of lithic artifacts in the sediments of site. The treatment had the goal to produce a flakes, points and blades to flat-faced cores. The peculiarities of genesis of sediments clarified in many instances in consequence of work in 2014. Apparently, the archaeological materials from sublayers 4.b and 4.c were associated with underlying paleosoil (layer 5) initially. It formed during the warm and moist climate, which changed by cold period with increased activity of deluvial processes and declined degree of turfness on the slopes. As a result of which the hill wash accompanied by artifacts happened. It is fair to assume that this territory was occupied by population during the period of warm-spell. This time span can be refer to KIS 3 previously.

Keywords: *Paleolithic, Uzbekistan, Kattasai, Mousterian line of development, genesis of sediments, deluvial processes.*

Территория западной части Центральной Азии в настоящий момент рассматривается как транзитный регион, через который проходило заселение азиатской части континента представителями второй миграционной волны [Деревянко, 2011]. На современном этапе средний палеолит региона рассматривается в рамках дуальной гипотезы, согласно которой он подразделяется на две линии

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-12039 офи_м), OPUS3 grant № 2011/03/B/HS3/00473 financed by NCN in Poland.

развития: мустьерскую, представленную индустрией грота Тешик-Таш, и пластинчатую, представленную группой стратифицированных объектов (Оби-Рахмат, Кульбулак (слой 23), Худжи) [Кривошапкин, 2012].

Мустьерская линия до последнего этапа исследований была представлена только индустрией грота Тешик-Таш, которая характеризовалась использованием плоскостных стратегий расщепления и среднепалеолитическим орудийным набором с высокой долей скребущих форм. Находка всемирно известного погребения мальчика-неандертальца в этой пещере позволяет соотносить этот тип индустрии с неандертальским населением запада Центральной Азии [Окладников, 1949].

В результате работ международной российско-узбекско-польской экспедиции в 2013 г. на стоянке Каттасай была получена каменная индустрия, по своим технико-типологических характеристикам близкая комплексу Тешик-Таш.

Памятник Каттасай располагается в 70 км юго-восточнее г. Ташкента (Узбекистан) и приурочен к юго-восточным склонам Чаткальского хребта, входящего в горную систему Тянь-Шаня. Памятник был обнаружен в 2006 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН [Кривошапкин и др., 2006]. Работами 2013 г. в отложениях стоянки зафиксирована гомогенная в археологическом отношении концентрация каменных изделий. Обитателями стоянки Каттасай использовалась технология плоскостного раскалывания, нацеленная на изготовление уплощенных отщепов, остриев и пластин. Ее характерными особенностями являются четкое разграничение ударной площадки и фронта скалывания нуклеусов; подготовка протяженных площадок при использовании ограниченного участка при расщеплении; сознательное зауживание рабочих поверхностей до начала их утилизации. По предварительным оценкам, комплекс Каттасая может быть включен в рамки мустьерского варианта среднего палеолита региона. Учитывая малочисленность таких комплексов, необходимость продолжения исследований данного объекта не вызывала сомнений.

В результате работ 2013 г. окончательно не были прояснены вопросы генезиса отложений стоянки [Деревянко и др., 2013]. Данные раскопок 2014 г., а также результаты геохимических, гранулометрических и седиментологических анализов отложений внесли существенный вклад в прояснение этих вопросов, чему и посвящена настоящая работа.

Прежде всего, было уточнено стратиграфическое описание разреза стоянки Каттасай, которое ведется сверху вниз, от дневной поверхности.

Слой 1. Современный почвенный горизонт. Представлен коричневато-серой алевритовой супесью, трещиноватой за счет трещин усыхания, корней современных растений и биотурбаций. Поверхность напластования (далее п.н.) четкая, неровная. Отложения перерывают нижележащие образования без видимого несогласия. Истинная мощность (далее – и.м.) 0,03–0,05 м.

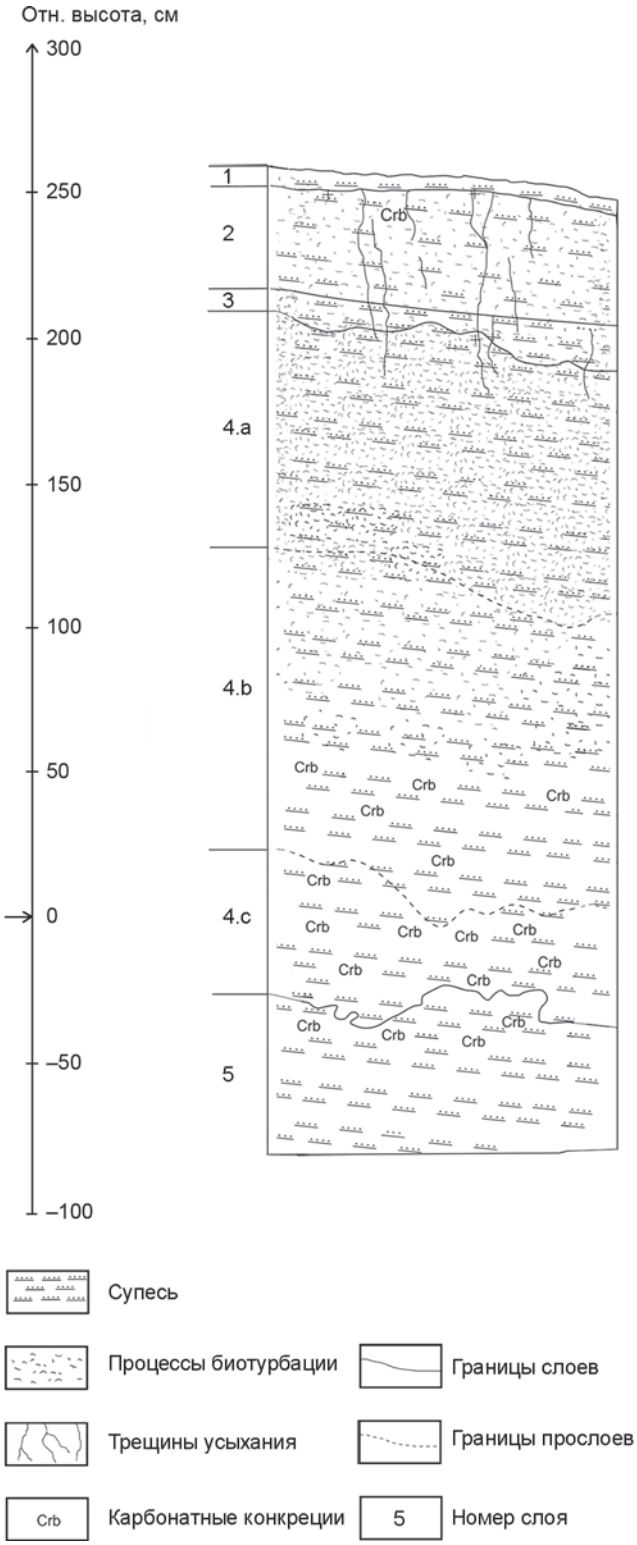
Слой 2. Коричневато-серая алевритовая супесь. Текстура слоя трещиноватая за счет трещин усыхания и биотурбаций. В слое встречаются темно-красные граниты размером до 2 мм и карбонатные конкреции до 20 мм. П.н. четкая, ровная. Отложения перекрывают нижележащие образования с параллельным несогласием. Генезис отложений слоя – техногенный, агрокультурный. И.м. от нескольких сантиметров до 0,5 м по линии север – юг.

Слой 3. Коричневато-серая алевритовая супесь. Текстура трещиноватая за счет трещин усыхания. Отложения слоя также нарушены биотурбациями, однако в меньшей степени, чем вышележащие. В слое встречаются редкие карбонатные конкреции (до 5 мм) и обломки коренных пород (темно-красные граниты до 5 мм). П.н. четкая, неровная, волнистая. Отложения перекрывают нижележащие образования с параллельным несогласием. Генезис отложений слоя – техногенный, агрокультурный. И.м. 0,05–0,19 м (в среднем 0,12 м).

Слой 4. Включает три прослоя: 1) биотурбированный прослой 4.a; 2) крупнообломочный прослой 4.b; 3) мелкообломочный прослой 4.c.

Прослой 4.a. Светло-коричневая алевритовая супесь. Текстура нерегулярная, трещиноватая за счет трещин усыхания и сильных биотурбаций. В кровле прослоя до уровня 0,1 м ниже поверхности напластования выделяются небольшие линзы более грубозернистого материала, песчано-алевитового материала. В средней части прослоя встречаются карбонатные конкреции (до 50 мм), белые карбонатные примазки. В прослое изредка отмечаются окатанные обломки темно-коричневого алеврита (от 3 до 15 %). Размеры обломков от нескольких до 50 мм. П.н. прослоя нечеткая, но ясная, установлена по нижней границе активных биотурбаций. Отложения слоя интерпретируются как эоловоделювиальные с сильной постседиментационной переработкой. И.м. прослоя 0,70–0,75 м.

Прослой 4.b. Светло-коричневый алеврит с обломками темно-коричневого глинистого алеврита различной степени окатанности. Текстура массивная, фрагментарно трещиноватая за счет трещин усыхания. В прослое выделяются участки (размеры до 0,5 × 0,5 м), в которых наблюдается максимальная концентрация обломов глинистого



Стратиграфия палеолитической стоянки Каттасай (восточная стенка).

алеврита (до 30 %). Обломки с размерами от 2–3 до 50–70 мм имеют различные формы, от слегка угловатых до хорошо окатанных. Постседиментационные изменения следующие: 1) трещины усыхания с шириной до 5 мм, распространены до уровня 0,3 м ниже п.н.; 2) поноры мелких животных (30–150 мм) и биотурбации насекомых и червей (до 30–40 мм); 3) карбонатные конкреции (до 5–15 мм), стяжения. П.н. нечеткая, неясная, установлена по резкому, неравномерному уменьшению в разрезе количества глинистого алеврита. И.м. прослоя 1 м.

Прослой 4.c. Коричневая алевритовая супесь. Текстура слоя массивная, фрагментарно пористая. В слое присутствуют обломки глинистых алевритов, аналогичных обломкам в прослое 4.b., однако размер их намного меньше – 3–4 мм. Визуальное процентное содержание в прослое не более 10 %. Постседиментационные изменения следующие: 1) поноры мелких животных диаметром до 50 мм; 2) очень широко развитые карбонатные конкреции (визуальное содержание в прослое до 10 %, размер до 15 мм). И.м. прослоя непостоянная, от 0,30 до 0,85 м, в среднем 0,5 м. П.н. слоя четкая, ясная, рваная, пламеобразная, видимо, нарушена процессами солифлюкции. Генетически отложения слоя интерпретированы как эоловоделювиальные, с размывами локальных, возможно почвенных (?), горизонтов. И.м. слоя 4 варьирует в пределах от 1,15 до 1,25 м.

Слой 5. Темная, красновато-коричневая алевритовая супесь. Макротекстура массивная. Микротекстура сетчатая, конгломератовая, обусловлена наличием в слое отдельных окатанных обломков темно-коричневых глинистых алевритов и развитой карбонатной сеточкой между ними. Данные обломки аналогичны в прослое 4.b, однако в слое 5 они более темные, глинистые и редкие (визуальное содержание в кровле слоя достигает не более 5 %). Размер обломков около 10 мм. На границе слоев 4 и 5 выделяются участки с пятнистой текстурой, образованной, вероятно, в результате перемешивания отложений двух слоев, что допустимо при процессах солифлюкции. Слой также осложнен постседиментационными процессами – биотурбациями, выраженными понорами (до 60 мм в диаметре) и карбонатизациями, представленными белыми карбонатными конкрециями и стяжениями (до 5 мм).

Генетически слой может быть интерпретирован как эолово-делювиальный, однако в переделах данного слоя, вероятно, присутствуют остатки палеопочвенных горизонтов, о чем свидетельствует более темный цвет отложений, наличие окатанных обломков, визуальное содержание которых в нижележащих горизонтах по результатам раскопок прошлых лет может достигать 90 %. В.м. слоя более 0,75 м.

Значительный блок информации, благодаря которому удалось оценить интенсивность почвообразования, был получен в рамках геохимического анализа. На основе соотношения CaO/MgO, (CaO+Na2O+K2O)/Al2O3 и K2O/Na2O в различных слоях было доказано, что наиболее интенсивно почвообразование связано с периодами теплого и влажного климата (слои 2 и 5), слои 3 и 4, напротив, сформировались в холодных и сухих условиях.

На разных участках раскопа археологический материал был приурочен к различным стратиграфическим подразделениям – 4.b и 4.c. На наш взгляд, артефакты могут быть связаны с почвой, которая в данном разрезе представлена слоем 5, сформировавшимся в период теплого и влажного климата. В свою очередь, он сменился холодным периодом, во время которого интенсифицировались делювиальные процессы, а процессы задернованности, напротив, снизились. В результате этого произошел смыв артефактов с верхних участков склона. Данное предположение подтверждают также и фиксируемые нами фрагменты почвы слоя 5 в прослоях 4.c и 4.b.

Таким образом, на основе стратиграфических наблюдений мы можем говорить, что данная территория обживалась древним населением в период потепления, который мы можем пока предположительно отнести к KIS 3. Дальнейшие исследования отложений стоянки Каттасай предполагают проведение микроморфологического анализа отложений и AMS-датирования образцов малакофауны, что даст возможность более уверенно говорить об условиях, в которых заселялась эта территория в древности, и о вариантах адаптации древнейшего населения к этим условиям.

Список литературы

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Деревянко А.П., Исламов У.И., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Шимчак К., Кот М., Раджабов А., Лазарев С.Ю. Предварительные результаты исследования стоянки Каттасай (Узбекистан) в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 60–65.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Кривошапкин А.И., Исламов У.И., Колобова К.А., Милютин К.И., Мухамаддиев А.Г., Белоусова Н.Е. Предварительные итоги работы международной археологической экспедиции по изучению каменного века Узбекистана в полевом сезоне 2006 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. 1. – С. 162–166.

Окладников А.П. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. – М.: Наука, 1949. – 85 с.

УДК 562/569

А.П. Деревянко[1, 2], Нгуен Хак Шу[3], А.Н. Тихонов[4], А.А. Цыбанков[1], А.В. Кандыба[1, 2], Нгуен За Дой[3], А.М. Чеха[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Институт археологии ВАОН
[4]Зоологический институт РАН
E-mail: arhkandyba@gmail.com

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ ПЕЩЕРЫ КОНМОНГ (по результатам фаунистических исследований)*

В статье представлены результаты, полученные в ходе исследований фаунистических комплексов пещеры Конмонг в 2010–2013 гг. В ходе исследования было выделено пять литологических подразделений, содержащих палеонтологический материал. Изучение остеологических комплексов приводит к заключению об относительной стабильности видового состава биотопов Северного Вьетнама с рубежа плейстоцена – голоцена. Трофические приоритеты древних обитателей Конмонга ограничены преимущественно видами, обитавшими в лесных и горных районах Индокитая. Наличие раздробленных костных остатков крупных видов млекопитающих говорит об активной охотничьей деятельности первобытных людей.

Ключевые слова: *Северный Вьетнам, пещера Конмонг, литологические подразделения, фаунистический комплекс, палеоэкология.*

The paper presents the results obtained during the exploration of the fauna from Con Moong Cave in 2010–2013 years. Five lithological units containing paleontological material were identified during the research. Osteological study of the complexes leads to the conclusion about the relative stability of the species composition of habitats in North Vietnam from the turn of the Pleistocene-Holocene. Trophic priorities of ancient inhabitants in Con Moong Cave are limited by species that lived in the forest and mountain areas of Indochina mainly. The presence of fragmented large mammals fossil remains is evidence of dynamic hunting activity among primitive people.

Keywords: *North Vietnam, Con Moong Cave, lithological units, faunal complex paleoecology.*

За четыре сезона археологических раскопок в пещере Конмонг были собраны значительные остеологические коллекции (668 образцов). Нами было выделено пять слоев с костными остатками, в то время как последние нижние слои были полностью без костей. Сохранность материала ухудшалась по мере увеличения глубины раскопа, и, как обычно на стоянках древних охотников, для материала была характерна сильная раздробленность, что значительно затрудняло не только определение вида животного, но и оставляло значительную часть костных остатков в категории неопределимых.

К сожалению, два верхних слоя были перемешаны в результате предыдущих раскопок, поэтому соотнести их с остальными культурными слоями пещеры не представляется возможным.

Следующий слой был подразделен на четыре уровня (3.0, 3.1, 3.2, 3.3). Первый уровень (144 определенных кости) заметно отличается от верхних слоев перемеса доминированием мелких млекопитающих (30 %), птиц (32 %), и черепах (14 %). Только на этом уровне были найдены кости человека (2 шт.) Следующий уровень 3.1. характеризуется небольшим количеством костного материалы (25 костей), из которых более половины принадлежат птицам. На следующем уровне одна треть найденных костей (всего 36 шт.) уже относится к парнокопытным, хотя и птичьи кости составляют одну треть. На уровне 3.3 количество костных остатков резко возрастает (260 шт.) и копытные составляют уже 71 %, из них две трети относятся к оленям. Такая специализация охоты, скорее всего, привела к исчезновению оленей из окрестностей

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-12008-офи-м).

пещеры, что вынудило людей перейти на питание птицами, черепахами и мелкими млекопитающими, включая грызунов.

К интересным находкам из этого слоя следует отнести полупереваренную кость, очень напоминающую обломки костей, которые отрыгивают гиены. Гиен нет в современной фауне Индокитая, но из позднего плейстоцена Южного Китая описаны гиены из рода *Crocuta*. Ряд костей оленей обожжен и расколот человеком, вероятно для извлечения костного мозга.

В слое 4 был выделен верхний уровень 4.1., где было собрано 20 костей, из которых 17 принадлежали оленям и кабанам, то есть, как и в предыдущем уровне 3.3, здесь доминируют копытные. В собственно слое 4 было найдено 54 кости, из которых 23 принадлежали копытным, и если объединить основную часть слоя 4 с верхним уровнем 4.1., то окажется, что более половины всех костей принадлежали копытным. Это заметно меньше, чем на уровнях 3.3. и 4.1., но в целом можно сказать, что именно нижний уровень слоя 3 и слой 4 указывают на специализацию охоты на крупную дичь.

Последний слой 5, в котором были найдены кости, также содержит около половины костей копытных, но меньше, чем в предыдущих слоях. Из 47 найденных костей 10 не удалось определить из-за сильной раздробленности. Среди материала присутствовала метатарзальная кость замбара, из которой человек пытался сделать орудие. В последующих двух нижних слоях костных остатков не найдено, а остатки раковин моллюсков представлены крошечными фрагментами, что говорит о полном разложении костного материала в более древних отложениях.

При первых раскопках пещеры в 1976 г. были определены следующие животные – носорог (*Rhinoceros* sp.), кабан (*Sus scrofa*), мунтжак (*Muntiacus muntjac*), олени (*Cervus* sp.), замбар (*Cervus unicolor*), полорогие (*Bovidae*), серао (*Capricornis sumatraensis*), макак резус (*Macaca mulata*), собачьи (*Canidae*), свиной барсук (*Arctonyx collaris*), мусанг (*Paradoxurus hermaphroditus*), беличьи (*Sciuridae*), крысы (*Rattus* sp.), и лофуры (*Lophura* sp.) [Vhu The Long, 1977]. Последующие раскопки 2008 г. добавили к этому списку медведя (*Ursus* sp.) и дикобраза (*Hystrix* sp.). Там же упоминается барсук рода *Meles*, что необходимо проверить, так как представители этого рода не описывались ранее из Индокитая. Было также отмечено наличие черепах и рыб. Общее количество костных остатков по результатам раскопок 2008 г. составило 360 костных фрагментов и зубов [Nguen Lan Cuong, 2008; Nguen Khac Su, 2009]. Наши данные подтверждают наличие вышеуказанных таксонов (за исключением барсука) и добавляют еще девять новых, в основном определенных до рода.

Что касается беспозвоночных, то остатки наземных моллюсков *Cyclophorus fulguratus* и *Camaena* sp. и еще ряда видов пресноводных гастропод (*Antimelania* sp., *Hybocystis* sp.) формируют целые прослойки из раковин этих животных. В меньшем количестве найдены двустворчатые моллюски и ракообразные, в первую очередь крабы. Очень показательно, что уже к слою 4 их количество резко падает, а к слою 5 они вообще практически исчезают, что может быть косвенным свидетельством большей аридизации климата.

По отдельным группам животных надо отметить, что присутствуют представители практически всех отрядов млекопитающих, обитающих в Индокитае. Пожалуй, большинство костных остатков принадлежат парнокопытным, хищным и грызунам. Именно животные из этих отрядов и сейчас составляют основную добычу современных вьетнамских охотников. Среди костей птиц довольно часто встречаются кости куриных, что также легко объясняется большей доступностью наземных видов птиц. Присутствие панцирей и костей черепах, при минимальном наличии костей других рептилий и амфибий, вероятно, говорит об обилии этих животных в прежние времена, а также объясняется долговечностью панцирных обломков.

Несомненно, большую часть диеты человека в Конмонге составляла растительная пища, доступная круглогодично, так как даже в наиболее богатых костными остатками слоях нет такой плотности, как на стоянках Северной Евразии, где растительная пища объективно была сугубо дополнительной, особенно в зимнее время. За исключением предположения, что одна кость побывала в желудке гиены, нет никаких свидетельств (погрызов, прокусов) в пользу того, что кости были принесены в пещеру хищниками, а не человеком. И в то же время внушительное количество костей несут следы воздействия огня, обработки человеком для питания, изготовления орудий, что говорит об их использовании человеком.

Палеоэкология по фаунистическим данным прослеживается на уровне присутствия некоторых реперных видов для тех или иных климатических и ландшафтных условий, что в нашем случае довольно затруднительно, так как все достоверно обнаруженные виды животных обитают в Центральном Вьетнаме и поныне. В то же время, оценивая фаунистический состав по слоям, можно выделить уровни 3.1. и 3.2., которые характеризу-

ются меньшей концентрацией костных остатков по сравнению с уровнями 3.0. и 3.3 того же слоя. Это может объясняться ограниченным присутствием человека в пещере или изменением стратегии питания с большим количеством растительной пищи. Вероятно, это говорит о более сухом климате, когда человек не прячется от дождей в пещерах и гротах и в то же время должен более активно передвигаться на большие расстояния в поисках пищи. Уменьшение количества костей к слою 5, и их полное отсутствие в нижних слоях говорят не только о разложении костного материала в отложениях, но и исходно меньшем их количестве. Поэтому одним из предположений может быть, что эти слои относятся к периоду последнего ледникового максимума 25–20 тыс. л.н.

Общий фаунистический состав выглядит идентично современной фауне, за исключением ряда видов, исчезнувших в XX в. Несмотря на то что Конмонг находится на южной окраине национального парка Кукфыонг, можно констатировать, что в современной фауне, по сравнению с фауной позднего плейстоцена и даже позднего голоцена, отсутствуют многие виды млекопитающих, таких как индийский слон, носороги яванский и суматранский, все виды диких быков, дикий буйвол, все крупные хищники, включая тигра и леопарда, гиббоны и ряд других видов обезьян, а также десятки видов других позвоночных животных. Из определенных нами млекопитающих исчезли пятнистый и свиной олень, бантенг, слон, носорог, гималайский медведь, красный волк. К сожалению, фрагментарный материал не позволяет более точно определить ряд видов средних и мелких хищников, грызунов и насекомоядных, которые могли бы позволить более точно описать биотопы и климат района Конмонга в интервале 13–5 тыс. л.н.

Сравнительно хорошо описаны пещерные комплексы Чанганя, где в интервале от 24 до 4 тыс. лет определены фаунистические материалы [Nguyen Mai Huong, Nguyen Ahn Tuan, 2012]. По прямому расстоянию эти пещеры находятся в 40 км от Конмонга, в подтопленном карстовом районе, на высотах 10–75 м над ур.м., что заметно ниже местоположения Конмонга, и начиная с 6 тыс. л.н. частично подтапливаются морем. Наиболее подробно описана фауна пещеры Мой, и она по своему составу кардинально отличается от фауны Конмонга. По возрасту слои пещеры Мой (12 тыс. лет) коррелируют со слоем 3 пещеры Конмонг, но по видовому составу отличаются: более половины всех костных остатков пещеры Мой принадлежит рыбам (36 %) и змеям (21 %), в то время как в Конмонге доминируют копытные. Так как в это время уровень моря был намного ниже современного (ок. 30 м), то и пещера Мой была сравнительно далеко от побережья. Скорее всего, люди, жившие на низменности, не имели возможности организовывать охоту на крупных копытных, а люди горных местностей, наоборот, были охотниками на крупную дичь. Интересно отметить, что в середине голоцена люди низменностей пережили подтопление до 5 м выше нынешнего уровня, и уже в навесе Ванг мы видим резкое преобладание моллюсков (более 50 %). В интервале 6400–4200 лет в Чангане появляются морские устрицы.

Сравнение с другими памятниками Юго-Восточной Азии показывает относительную стабильность района Конмонга, слабые видовые изменения в фауне, в то время как подобные памятники на Борнео, в Таиланде и Малакке претерпевают изменения видового состава с вымиранием или замещением в течение плейстоцена – начала голоцена.

Список литературы

Nguen Lan Cường. Di cốt người va động vật Hang Con Moong. Trong Kỷ-yếu hội thảo khoa học Di sản văn hoa hang Con Moong (Ancient human and faunal bones from Con Moong cave) // Data of Vietnam Institute of Archaeology. – 2008. – P. 35–47.

Nguyen Mai Huong, Nguyen Ahn Tuan. Floral and faunal remains from archaeological sites of Trang An area // Vietnam Archaeology. – 2012. – № 7. – P. 52–65.

Nguyễn Khắc Sử. Con Mong cave: new data and new perceptions // Vietnam Archaeology. – 2009. – № 4. – P. 40–52.

Vhu The Long. Di tích động vật hang Con Moong (Con Moong Cave's Faunal Remains) // Khảo cổ học, – 1977. – Số 2. – P. 19–23.

УДК 902/904

А.П. Деревянко[1, 2], Нгуен Хак Шу[3], А.А. Цыбанков[1], А.В. Кандыба[1, 2], А.Н. Тихонов[4], Нгуен За Дой[3], А.М. Чеха[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Институт археологии ВАОН
[4]Зоологический институт РАН
E-mail: arhkandyba@gmail.com

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕРЫ ЗИЕМ (по итогам работ в 2013 году)*

В статье представлены результаты, полученные в ранее не исследованной пещере Зием, обнаруженной в 2012 г. В ходе работ было выделено три культурно-литологических подразделения, содержащих археологический и антропологический материал. Предварительные результаты показали, что данное местонахождение относится к кругу пещерных памятников коммуны Тханьен (Конмонг, Манчин). Антропологический материал слоев 2 и 3 свидетельствует о заселении пещеры человеком современного анатомического вида на рубеже плейстоцена – голоцена, но его индустрия в первичной и вторичной обработке мало чем отличалась от индустрий палеолитических стоянок раннего палеолита Вьетнама.

Ключевые слова: *Северный Вьетнам, пещера Зием, человек современного анатомического вида, литологические подразделения, стратифицированный комплекс, поздний палеолит.*

The paper presents new results obtained in previously unexplored Điem Cave, which was found in the Cuc Phuong national park in North Vietnam in 2012. During the research three major cultural lithological layers containing archaeological and anthropological material were found, in addition to mechanically mixed upper layer with different-cultural remains. Preliminary results showed that the location refers to a range of caves sites Thanh Yen Commune (Con Moong cave, Mang Chieng cave). Anthropological material from layers 2 and 3 testified settling is presented anatomically modern human at the turn of the Pleistocene-Holocene, but its industry in the primary and secondary treatment was little differed from the industries of the Lower Paleolithic sites in Vietnam.

Keywords: *North Vietnam, Điem Cave, anatomically modern human, lithological layers, stratified complex, Late Paleolithic.*

Новые интересные результаты были получены в ранее не исследованной пещере Зием (Điem), обнаруженной в результате разведочных работ в 2012 г. [Деревянко и др., 2013]. Пещера Зием (N 20012’43,8”, E 105055’56,6”) расположена на территории деревни Бансан коммуны Тханьен района Тханьтхань провинции Тханьхоа и относится к национальному парку Кукфыонг. Она находится на высоте 100 м над ур.м. и обращена выходом на северо-восток. Освещенная входовая часть пещеры трубообразной формы (длина около 30 м и ширина от 5 до 10 м) продолжается вглубь известнякового массива в виде карстовых полостей общей площадью 500 м^2 (?). Как и во многих других пещерах этого региона, характерной особенностью пещеры Зием является наличие на стенах крупных кальцинированных конкреций, натечных сталагмитовых и сталактитовых образований, а также присутствие как в конкрециях, так и в рыхлых отложениях огромного количества лесных водных моллюсков. Рыхлые отложения зафиксированы лишь во входовой части.

Раскоп 2013 г. был заложен на месте разведочного шурфа 2012 г., его площадь составила 5 м^2. В ходе исследования было выделено, помимо механически перемешанного верхнего слоя, включавшего в себя разновременные культурные остатки, три крупных культурно-литологических подразделения.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-12008-офи-м).

Первое культурно-литологическое подразделение (слой 1) залегает в толще пепельно-серой супеси мощностью 0,1–0,4 м. Археологический материал насчитывает 387 артефактов, из них 15 галек. Первичное расщепление представлено колотыми гальками в количестве семи предметов и одним нуклевидным обломком.

Индустрия сколов насчитывает 331 экз. Отщепов в коллекции 226, из них два скола фрагментированы. Целые артефакты в 95 % случаев мелкие и короткие и с параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Остаточные ударные площадки отщепов представлены естественным, гладким и неопределенным типами в равных пропорциях. Первичные сколы насчитывают 14 экз., в основном они мелкие и короткие. Остаточные ударные площадки представлены естественным и неопределимым типами в равных пропорциях. Вторичные сколы насчитывают 36 экз., в большинстве они короткие, средних и мелких размеров. Остаточные ударные площадки в 90 % случаев естественные. Обломков в коллекции 35, осколков 7, чешуек 13 экз. Орудийный набор насчитывает два предмета. Фрагментированный топор миндалевидной в плане формы создан на окатанном куске известняка. Рабочий край сохраняет чешуйчатую постоянную сильномодифицирующую крупнофасеточную ретушь. Также присутствует обломок унифасиального орудия, предположительно топора, рабочий край которого сформирован первоначально оббивкой, потом оформлен постоянной чешуйчатой крупнофасеточной сильномодифицирующей ретушью.

Также в коллекции присутствует 33 фрагмента керамики, орнаментация которой создана путем зигзагообразного прерывистого протаскивания гребенки. Культурная принадлежность данного типа керамики позволяет определить хронологический интервал накопления слоя 1 и соотнести его с неолитической культурой Дабут (7–4 тыс. л.н.). Антропологический материал представлен скоплением человеческих костей, предположительно одной особи, сильная обугленность и раздробленность которых затрудняет более подробную характеристику.

Второе культурно-литологическое подразделение (слой 2) соотносится красновато-буро-коричневой супесью общей мощностью 0,5–0,6 м. Археологический материал насчитывает 494 экз., из них четыре гальки. К первичному расщеплению отнесено семь предметов, из них пять колотых галек и один нуклевидный обломок. В коллекции присутствует двуплощадочный бифронтальный нуклеус с удлиненным телом. Исходным сырьем служила продолговатая вытянутая галька. Расщепление с двух узких краев велось без предварительной подготовки. Противолежащие фронты скалывания содержат негативы укороченных и коротких заломистых сколов.

Индустрия сколов насчитывает 483 экз. Отщепов в коллекции 291 экз. (из них целых 267). Из целых артефактов подавляющее большинство (201 экз.) – мелкие короткие отщепы с параллельной огранкой дорсала. Аналогичная ситуация наблюдается у отщепов средних размеров. Первичных сколов насчитывается 12 экз., коротких пропорций мелких и средних размеров в равных количествах. Вторичные сколы составляют 34 предмета, также в основном средних и мелких размеров. Две трети предметов имею короткие пропорции. Определимые остаточные ударные площадки для всех сколов в 90 % случаев представлены естественным типом. Единичным предметом представлен технический скол, являющийся удаленным фронтом скалывания. Обломков в коллекции 66 экз., осколков 20 экз., чешуек 59 экз. Орудийный набор составляет 14 экз. Исходным сырьем для двух выпуклых скребел являются окатанные плитки известняка. Рабочий край создан постоянной полукрутой чешуйчатой, местами заломистой среднефасеточной ретушью. Единственным отличием является наличие у одного из предметов оформленного противолежащего обушка. По одному в коллекции присутствуют отщеп листовидной формы с вентральной подтеской и отщеп с ретушью. Два чоппера созданы на гальках округлой формы первоначально оббивкой, а впоследствии оформлены постоянной чешуйчатой крутой ретушью. Большая группа орудий фрагментирована. Два обломка предположительно являются фрагментами выпуклых скребел, аналогичным выше описанным. Исходными типами орудий для четырех фрагментированных предметов являлись суматролиты. Также присутствуют два обломка топора и один – тесла.

В слое 2 было обнаружено погребение человека. Костные останки были раздроблены, но воздействию огня, как в предыдущем слое, не подвергались. Мощный глыбовый горизонт, находящийся в данном литологическом подразделении и свидетельствующий о мощном землетрясении, а также полное отсутствие керамики, позволяет отнести данное культурное подразделение к раннеголоценовому времени (10 тыс. л.н.).

Третье культурно-хронологическое подразделение (слой 3) относится к коричнево-желтой супеси, местами сильно травертинизированной, с мощными включениями жильного кварца. Мощность слоя варьирует от 0,1 до 0,9 м. Данное литологическое подразделение залегает непосред-

ственно на скальном основании. Археологический материал насчитывает 420 экз., из них 22 целые гальки. Первичное расщепление представлено шестью предметами, среди них четыре колотых гальки и один нуклевидный обломок. Присутствует также одноплощадочный монофронтальный нуклеус с поперечной ориентацией скалывания, выполненный на окатанном куске известняка. Расщепление велось без всякой предварительной подготовки. Фронт скалывания выпуклый, содержит негативы параллельных средних сколов коротких и укороченных пропорций.

Индустрия сколов насчитывает 392 экз. Отщепов 189 экз. (из них целых 183 экз.). Так же как и в предыдущих культурно-литологических подразделениях, доминируют короткие мелкие отщепы с параллельной огранкой дорсала (145 экз.). Отщепы средних размеров также демонстрируют преобладание предметов с короткими пропорциями и параллельной огранкой (22 экз.). Определимые остаточные ударные площадки демонстрируют преобладание такого типа, как гладкие (89 экз.), естественных площадок существенно меньше (48 экз.). Первичных сколов в коллекции 16 экз., из них 14 предметов, представленных в равных количествах мелкими и средними размерами, имеют короткие пропорции и естественную остаточную площадку. Вторичных сколов насчитывается 19, в 95 % случаев они мелких и средних размеров, коротких пропорций. Остаточные ударные площадки демонстрируют преобладание естественного типа (16 экз.). Технический скол в единственном числе и представлен удаленным фронтом скалывания. Обломков насчитывается 117, осколков 15, чешуек 36 экз.

Орудийный набор насчитывает 6 экз. В коллекции присутствует концевой скребок на отщепе с краевой чешуйчатой крутой мелкофасеточной слабомодифицирующей ретушью. Шиповидное орудие выполнено на кварцевом обломке трапециевидной в плане формы. При создании рабочего элемента использовался естественный контур заготовки. Шиповидный выступ оформлен постоянной среднемодифицирующей крутой чешуйчатой среднефасеточной ретушью. Проколка выполнена на мелком коротком отщепе. Рабочий элемент оформлен в медиальной части постоянной мелкофасеточной полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. В коллекции также присутствуют отщеп с эпизодической вентральной ретушью и два обломка галек с ретушью.

В кровле слоя было обнаружено погребение женщины. Костные останки располагались в анатомическом порядке. Скелет расположен на боку с поджатыми коленями и ориентирован головой вглубь пещеры. Следует отметить, что погребение частично перекрывалось травертиновыми отложениями и залегало практически на скальном основании пещеры.

Предположительный возраст слоя 3 пещеры Зием в настоящий момент определить довольно сложно. Опираясь на предварительные итоги, можно сказать, что данное местонахождение относится к кругу пещерных памятников коммуны Тханьен, таких как Конмонг и Манчин. Дальнейшее расширенное исследование пещеры Зием позволит уточнить ее стратиграфическую и культурно-хронологическую ситуацию. Антропологический материал слоев 2 и 3 свидетельствует о расселении в ней человека современного анатомического вида, но его индустрия в первичной и вторичной обработке мало чем отличалась от индустрии, типичной для палеолитических стоянок раннего палеолита Вьетнама. Дальнейшее изучение стратифицированных комплексов Северного Вьетнама предполагает исследование более древних культурных слоев, относящихся к эпохе позднего палеолита, в пещерах Конмонг и Зием, а также расширение фактического материала уже изученных культур.

Список литературы

Деревянко А.П., Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Нгуен За Дой, Чеха А.М. Некоторые результаты исследований российско-вьетнамской археологической экспедиции на территории Северного Вьетнама в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 70–73.

УДК 903.14

А.П. Деревянко[1, 2], К.К. Павленок[1, 2, 3], С.В. Шнайдер[1, 2, 3], Г.Д. Павленок[1, 2], С.А. Когай[1], К.А. Колобова[1, 2], С.Ю. Лазарев[4], А. Раджабов[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Новосибирский государственный университет
[4]Томский государственный университет
[5]Институт археологии АН РУз
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

МЕЛКОПЛАСТИНЧАТОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ИНДУСТРИИ СЛОЯ 12 СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК: НОВЫЕ ДАННЫЕ*

Результаты последних исследований стоянки Кульбулак в Узбекистане указывают на ее ключевой статус при изучении механизмов формирования региональных традиций верхнего палеолита. Слой 23 содержит каменную индустрию, соотносимую с ранним этапом развития оби-рахматской традиции. Ее яркой чертой является развитое мелкопластинчатое расщепление. Эта традиция послужила одним из источников формирования региональной верхнепалеолитической культуры. По названию опорного объекта – стоянка Кульбулак, сл. 2.1 и 2.2 – она получила название кульбулакской. Археологические материалы из верхнего уровня залегания находок слоя 12, полученные в ходе раскопок 2014 г., позволяют проследить генетическую связь между ранними (сл. 23) и поздними (сл. 2.1 и 2.2) мелкопластинчатыми индустриями стоянки. Эти материалы позволяют заключить, что практика изготовления пластинок с небольших объемных и торцовых нуклеусов устойчивой морфологии была присуща посетителям стоянки на всех этапах ее функционирования.

Ключевые слова: *палеолит, Узбекистан, Кульбулак, слой 12, мелкопластинчатое расщепление, становление верхнепалеолитической культуры.*

The results of the last Kulbulak site research point at his key status for studying of mechanism responsible for regional Upper Paleolithic traditions in Uzbekistan. The layer 23 contains the lithic industry related to early stage of Obi-Rakhmat tradition. It striking trait is advanced small-blade knapping. This tradition was the one of the sources formed the regional Upper Paleolithic culture. According to the name of key object is Kulbulak site the culture was assumed the name Kulbulakian. Archaeological materials from layer 12 (upper level) were received in the course of excavation in 2014. These materials give the possibility to retrace the genetic link between early (layer 23) and late (layers 2.1 and 2.2) small-blade industries. It permits to conclude that the visitors of site practiced the obtainment of bladeletes to the small prismatic and narrow faceted cores during the all occupation phases.

Keywords: *Paleolithic, Uzbekistan, Kulbulak, layer 12, small-blade knapping, formation of Upper Paleolithic culture.*

Экспедиционные исследования памятников палеолита в предгорной зоне Тянь-Шаня на территории Узбекистана позволили детализировать культурно-хронологическую схему развития древнейших человеческих сообществ на данной территории. В настоящий момент хорошо изученным следует признать период от начала перехода к верхнему палеолиту (пластинчатые комплексы оби-рахматского круга, ок. 80 тыс. л.н. [Кривошапкин, 2012]) до его окончательного становления и появления первых мезолитических комплексов (ок. 10 тыс. л.н.) [Колобова и др., 2013; Колобова, 2014].

Однако до сих пор не проясненным остается вопрос о статусе каменных индустрий средней пачки отложений многослойной стоянки Куль-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-33041 мол_а_вед).

булак. Результаты последних исследований памятника однозначно указывают на его ключевой статус при изучении механизмов формирования верхнепалеолитических традиций. В процессе раскопок 2010 г. было определено, что слой 23 из нижней пачки отложений содержит каменную индустрию, по всем технико-типологическим признакам близкую ранним этапам оби-рахматской традиции. Ее яркой чертой является развитое мелкопластинчатое расщепление, основанное на утилизации торцовых и объемных нуклеусов [Кривошапкин и др., 2010]. Как было установлено в ходе исследований последних лет, именно оби-рахматская традиция послужила одним из источников формирования региональной верхнепалеолитической культуры, которая по названию опорного объекта (стоянка Кульбулак, сл. 2.1 и 2.2) получила название кульбулакской. Технологической основой камнеобработки в данной культуре является именно вариабельное мелкопластинчатое расщепление в рамках тех же схем, что были зафиксированы для оби-рахматской традиции [Колобова и др., 2013; Колобова, 2014].

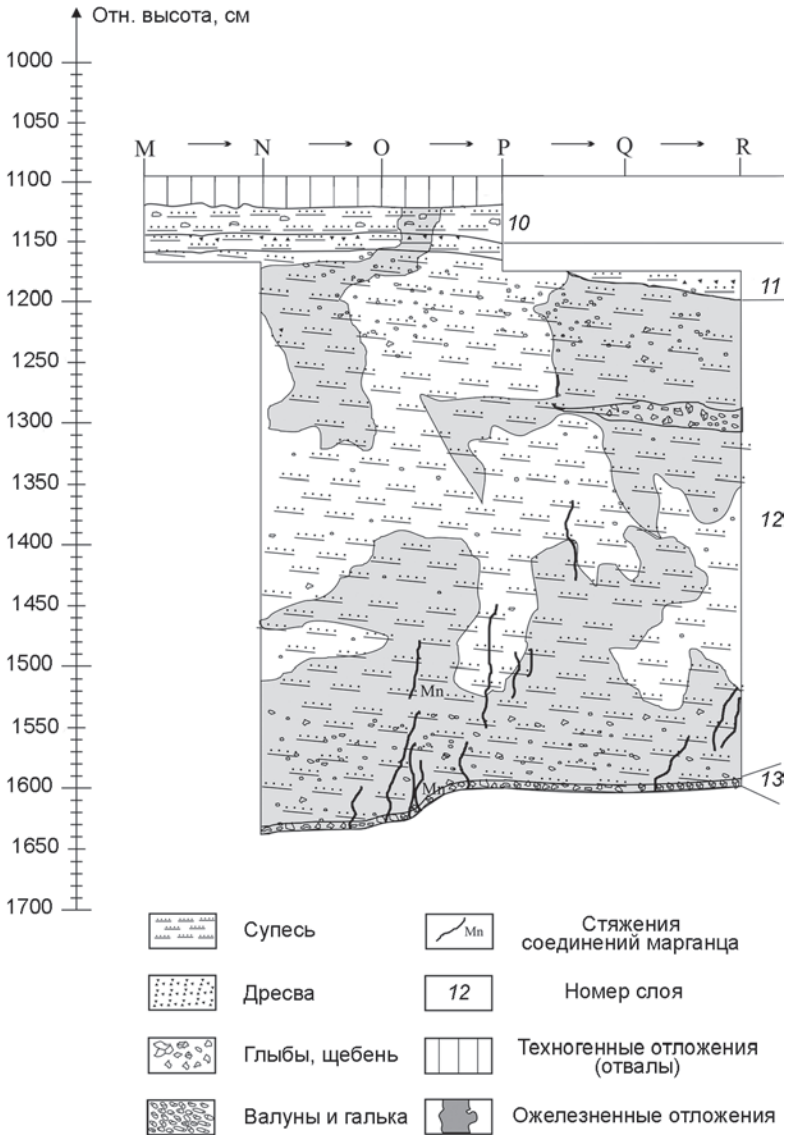


Рис. 1. Стратиграфия северной стенки памятника Кульбулак (слои 10, 11, 12 и кровля слоя 13).

Однако авторами подчеркивалось существование значительной хронологической лакуны между комплексами оби-рахматского варианта перехода от среднего к верхнему палеолиту и комплексами кульбулакской верхнепалеолитической культуры [Колобова, 2014]. Археологические материалы слоя 12, полученные в ходе работ 2014 г., позволяют проследить генетическую связь между ранними (сл. 23) и поздними (сл. 2.1 и 2.2) мелкопластинчатыми индустриями стоянки и заполнить данную лакуну.

Раскопки отложений данного слоя производились на площади 10 кв.м. Истинная мощность слоя на данном участке варьирует от 4,65 м до 4,3 м (рис. 1). Отложения представлены гомогенным коричневым алевритистым суглинком с плотной и массивной текстурой эолово-пролювиального генезиса. Они существенно нарушены процессами фонтанального характера. На уровне до 1,5 м ниже поверхности напластования (кровли слоя) и на уровне 0,4 м выше подошвы слоя присутствует значительная (до 15 %) доля обломков эффузивных пород. Эта особенность отложений, видимо, связана со значительной активизацией динамики осадконакопления. Именно на этих уровнях был зафиксирован многочисленный археологический материал (сл. 12, ур. 1 и сл. 12, ур. 2), говорить об инситном положении которого не представляется возможным.

В контексте заявленной проблематики наибольший интерес представляют материалы верхнего уровня залегания находок слоя 12, рассеянные в отложениях общей мощностью около 1,5 м. Артефакты, общим количеством более 1 500 экз., фиксируются во взвешенном состоянии. Тем не менее, данный материальный ансамбль представляет собой гомогенную с технологической и типологической точки зрения индустрию. В рамках данной

работы наиболее подробно анализируется мелкопластинчатый компонент комплекса.

Первичное расщепление индустрии ориентировано на изготовление отщепов и разноразмерных пластинчатых сколов. Для получения отщепов использовались необъемные продольные нуклеусы и ядрища центростремительного скалывания. Изготовление прямоугольных и остроконечных пластин было основано на утилизации нуклеусов продольно-конвергентного скалывания с разной степенью выпуклости фронта. Наиболее многочисленную группу составляют ядрища для получения пластинок. Их изготовление реализовывалось в рамках двух принципов – объемного и торцового.

Категория объемных ядрищ включает серию предметов, которые по основным формальным признакам очень близки кареноидным изделиям и отличаются от них только тем, что часть полученных заготовок обладала прямым, а не искривленным профилем. Первое изделие представлено пренуклеусом на массивном кремневом отщепе средних размеров. Для организации фронта расщепления была выбрана выпуклая дорсальная поверхность изделия, с которой сопряжена гладкая скошенная площадка. Вспомогательные латеральные сколы, проведенные со стороны контрфронта и заходящие на фронт, сформировали килевидную форму изделия. В центре фронта образовалось выпуклое ребро, удалить которое помешали заломы (рис. 2, *2*).

Изделие близкой морфологии, но в более поздней стадии сработанности, изготовлено на вытянутом кремневом желваке небольших размеров. Гладкая площадка незначительно скошена относительно фронта. Вспомогательные сколы с тыльной стороны предмета и его площадки задали подкилевидную форму рабочей поверхности (рис. 2, *1*). Следующий предмет на отдельности сырья низкого качества морфологически близок предыдущему, но при этом демонстрирует попытку организации второго фронта на тыльной стороне ядрища. Обращает на себя внимание оформление ударной площадки с помощью небольших сколов, проведенных с разных участков ее периметра к центру (рис. 2, *5*).

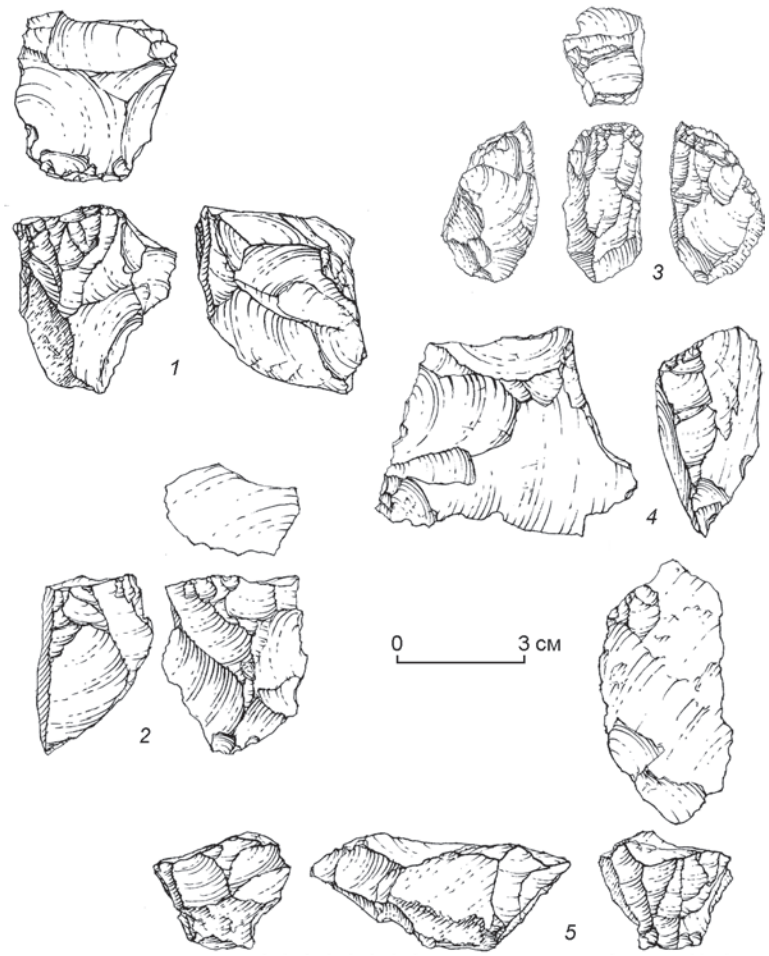


Рис. 2. Стоянка Кульбулак. Слой 12, уровень 1. Нуклеусы для пластинок.

Последний нуклеус, который бесспорно может быть отнесен к категории объемных, определен как подконусовидный поперечный. Его присутствие, хоть и в единственном экземпляре, отчетливо указывает, что изготовление пластинок в индустрии было вариабельным.

Вторая стратегия изготовления пластинок связана с утилизацией торцовых нуклеусов со сходящимися латералями. Данная категория ядрищ включает как заготовки, так и законченные изделия. Заготовки представляют собой изделия вытянутой овальной формы в поперечном сечении, на обломке кремня и гальке эффузивной породы. На этой наиболее широкой поверхности организована ударная площадка, в обоих случаях не демонстрирующая следов специального оформления. Смежная с площадкой поверхность будущего фронта, наоборот, претерпела существенную модификацию с целью заужения основания. В первом случае фиксируются сколы на одной из боковых сторон. Второе изделие демонстрирует подправку латерали сколами с фронта, а также оформление небольшого ребра в основании с помощью двусторонних сколов.

Схожую морфологию имеет и единственный нуклеус, оставленный на более поздней стадии сработанности. Заготовкой послужил массивный кремневый отщеп средних размеров. Фронт расщепления организован на левом продольном крае, скошенная ударная площадка оформлена на поверхности поперечной фрагментации заготовки. Основание и контрфронт изделия несут следы дополнительного приострения, несмотря на то, что они изначально представляли собой острые грани. Нуклеус был оставлен после возникновения серии заломов на уже вогнутом к тому моменту фронте (рис. 2, *4*).

Дополняет коллекцию нуклеусов для пластинок единственный торцовый нуклеус с гладкой слабоскошенной ударной площадкой. Его отличает прямоугольная форма фронта, который к тому же слегка изогнут только в дистальной части (рис. 2, *3*). Форма и ширина фронта были заданы двумя отщеповыми снятиями, проведенными с тыльной поверхности.

Как видно из приведенных выше описаний, существенных отличий в оформлении объемных и торцовых нуклеусов не прослеживается. По этой причине четкая атрибуция двух предметов затруднена. Они обладают линзовидной по форме ударной площадкой. В одном случае она оформлена единственным сколом, во втором – серией поперечных снятий. Оставшиеся 2/3 части периметра (за исключением ударной площадки) преобразованы в ребро с помощью мелких двусторонних сколов.

Коллекция сколов-заготовок, не превышающих 12 мм в ширину (т.е. пластинок), насчитывает 32 экз., из которых только два не фрагментированы. Пластинки, как правило, симметричные, преобладают изделия прямоугольной и вытянутой овальной формы. Судя по огранке, их получение велось в параллельном и субпараллельном направлениях, о чем говорит присутствие мелких у-образных негативов в проксимальной зоне некоторых изделий. В медиальной части предметов, как правило, читается одно межфасеточное ребро. Более 1/3 части изделий с определимой формой профиля в той или иной степени искривлены, что является признаком их изготовления в рамках схемы, близкой кареноидной. Только у одного предмета ударная площадка двугранная, в остальных случаях они не несут следов специального оформления, и в зависимости от размеров определены как гладкие, линейные или точечные.

Заканчивая характеристику мелкопластинчатого компонента верхнего уровня слоя 12, нужно отметить факт присутствия единственного орудия на пластинке. Речь идет о небольшом медиальном фрагменте с мелкой краевой дорсальной ретушью вдоль одного из продольных краев.

Таким образом, материалы, полученные в ходе раскопок Кульбулака в 2014 г., дают основания полагать, что традиция изготовления пластинок с небольших нуклеусов существовала начиная с самых ранних этапов накопления культурных отложений и вплоть до завершения этого процесса. При этом типологический ряд нуклеусов для пластинок, технические нюансы их оформления, морфология получаемых заготовок не претерпевали значительного изменения на протяжении всего этого периода. Индустрию слоя 12 в этом контексте можно рассматривать как переходную между комплексами оби-рахматской традиции и комплексами верхнепалеолитической кульбулакской культуры.

Хронологическая позиция комплексов из слоев 12 и 23 стоянки Кульбулак нуждается в уточнении, однако имеющиеся возрастные определения для вышележащего слоя 10 (82 ± 9 тыс. л.н.) [Vandenberghe at al., 2014] указывают на то, что в отложениях стоянки запечатлены наиболее ранние проявления этой традиции в изучаемом регионе.

Благодарности. Коллектив авторов выражает искреннюю признательность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.

Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., **Кривошапкин А.И.** Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 3–54.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И., Лукьянова Г.Д. Индустрия слоя 23 стоянки Кульбулак по материалам раскопок 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 105–110.

Vandenberghe D.A.G., Flas D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): first results from luminescence dating // Quaternary Internat. – 2014. – Vol. 324 (4). – P. 180–189.

УДК 902/904

А.П. Деревянко, А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ (по материалам памятника Дарвагчай-залив-1)*

В статье представлены новые результаты, полученные в ходе исследований раннепалеолитического культурно-хронологического комплекса памятника Дарвагчай-залив-1. В процессе раскопок получена богатая коллекция каменных артефактов, которая свидетельствует о наличии полного набора каменных изделий, характерного для полноценных раннепалеолитических каменных индустрий. Центральное место в статье занимает описание и анализ каменной индустрии раннепалеолитического комплекса стоянки Дарвагчай-залив-1 и сопоставление ее с индустриями наиболее значимых раннепалеолитических памятников Кавказа.

Ключевые слова: *Дагестан, каменные индустрии, ранний и средний палеолит, плейстоцен, морские трансгрессии.*

The article presents new results obtained during studies of the early Paleolithic cultural-chronological complex of Darvagchai-Bay-1 site. During excavations the rich collection of stone artifacts were collected. The collection includes a complete set of stone artifacts typical for early Paleolithic stone industries. Central to this article is a description and analysis of the stone industry of the early Paleolithic complex of Darvagchai-Bay-1 site and its correlation with the industries of the early Paleolithic site of the Caucasus.

Keyword: *Dagestan, lithic industry, Early and Middle Paleolithic, Pleistocene, sea transgressions.*

Стоянка Дарвагчай-залив-1 находится в Дербентском р-не Республики Дагестан. Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий к равнинной части Западного Прикаспия, которая представляет собой узкую (до 30 км шириной) полосу, протянувшуюся с юго-востока на северо-запад. С востока она огражден Каспийским морем, с запада – горными хребтами, а в геоморфологическом плане подразделяется на две обособленные части: прибрежную равнину и область предгорий, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе, имеющей бакинский возраст. В районе местонахождения Дарвагчай-залив-1 на берегах водохранилища к настоящему времени обнаружено несколько пунктов с палеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки.

В 2009 г. на памятнике были проведены полномасштабные рекогносцировочные исследования, в ходе которых на склоне террасы была заложена серия шурфов. В ходе раскопок артефакты разной степени концентрации были обнаружены во всех шурфах на протяжении всей мощности вскрытых отложений. Результатом данных исследований явилось обнаружение нескольких разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов [Деревянко, Рыбалко, Кандыба, 2013].

Стационарные раскопки на памятнике проводятся с 2010 г. В общей сложности на разных гипсометрических уровнях террасы (соответствующих культурно-хронологическим комплексам стоянки) было заложено четыре раскопа, которые последовательно объединены в общую схему археологических исследований памятника.

В полевом сезоне 2013 г. были начаты археологические раскопки на части памятника, где были обнаружены каменные артефакты, составляющие культурно-хронологический комплекс, датируемый ранним палеолитом.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-12012-офи-м).

В ходе полевых исследований была вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 3 м от дневной поверхности. Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху вниз).

Слой 1. Серо-коричневая супесь с большим содержанием гравия и гальки (хорошо окатанной). Генезис делювиальный. Мощность до 0,1 м.

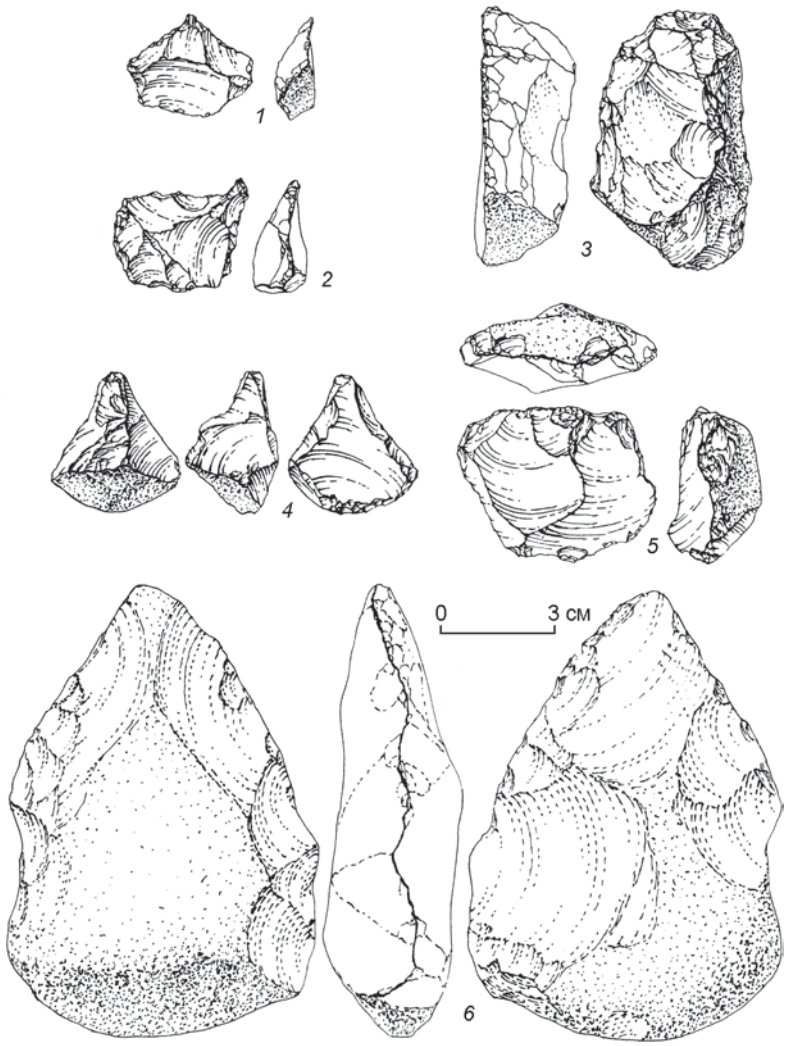
Слой 2. Галечно-гравийные отложения с линзами и прослоями (мощностью до 0,5 м) глинистого крупнозернистого коричневого песка и темно-коричневой глины. В подошве слоя в качестве заполнителя появляется грубозернистый белесый песок, обломки разной степени окатанности. Сортировка обломков практически отсутствует, но в нижней трети слоя отмечено увеличение размера галек и наличие валунов до 0,4 м в диаметре. Ориентировка относительно четкая, субгоризонтальная. Мощность слоя до 2,8 м.

Слой 3. Среднезернистый желтовато-серый песок. Состав кварцево-детритовый. Кровля неровная. В центре раскопа слой представлен в виде мощной, сильно выступающей линзы. Кровля слоя местами сильно перемешена с перекрывающими отложениями, контактная зона до 0,2 м. Видимая мощностью до 0,6 м.

Археологические материалы залегали в слое 2. Данный литологический горизонт ориентирован почти горизонтально и образовался в результате горного аллювия и селевых процессов. Каменные изделия равномерно расположены по всей мощности слоя, по условиям залегания хронологическое расчленение артефактов не представляется возможным. Образование данного слоя рассматривается как довольно длительный многоэтапный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов. Этот процесс завершился после образования современного рельефа местности.

Индустрия памятника Дарвагчай-залив-1 сформировалась на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовались гальки и отдельности породы в виде разнообразных обломков и плиток из песчаника, известняка и кремня, которые являются непосредственной составляющей данного слоя. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам. Технологические особенности каждого вида сырья в значительной мере определяли типы производимых орудий. Так, несмотря на то что наибольшее количество артефактов выполнено из кремня, все макроизделия изготовлены из песчаника и известняка. Кремень темно-серого, почти черного цвета. Данное сырье плохого качества, трещиноватое, не дающее правильного раковистого излома при скалывании. Поверхность артефактов в основном средне и слабо окатанная, также следует отметить наличие в коллекции небольшого количества неокатанных артефактов, у которых полностью отсутствуют следы соударений, которые образуются на каменных предметах при переносе их водным потоком.

Наиболее яркими типами изделий, характерными для раннепалеолитических комплексов, являются т.н. макроорудия. В коллекции каменных артефактов Дарвагчай-залив-1 есть различные галечные орудия в виде чопперов и чоппингов



Дарвагчай-залив-1, каменные артефакты.

1, 2 – шиповидные орудия; *3* – скребло; *4* – минипик; *5* – нуклеус; *6* – рубило.

и нуклевидных скребков. Также имеется одно рубило (см. *рисунок*, *6*). Изделие представляют собой частичный бифас подтреугольной формы, с определенной комбинацией рабочих элементов (два продольных лезвия, оформленные двусторонними сколами, и приостренный дистальный край). В качестве заготовки использовалась плоская галька из кремнистого известняка. Что касается прочих орудий, количество функциональных типов среди них невелико. Это в основном скребловидные изделия, представленные преимущественно одинарными формами (см. *рисунок*, *3*). В качестве заготовок помимо сколов широко использовались различные обломки и плитки. Вторая крупная серия представлена острийными и шиповидными формами, объединяет их наличие четко выраженного острого выступа, оформленного ретушью или клектонскими выемками (см. *рисунок*, *1, 2*). Последняя сводная группа состоит из скребков, выемчатых, зубчатых и различных комбинированных форм.

В целом раннепалеолитический культурно-хронологический комплекс памятника Дарвагчай-залив-1 характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм. Морфологически выраженные нуклеусы единицы (см. *рисунок*, *5*). Для получения заготовок широко использовался прием дробления. Последнее может быть связано как с примитивной техникой расщепления камня, так и с использованием каменного сырья (в основном кремня), имеющего многочисленные внутренние дефекты. Сколы имеют массивные укороченные пропорции, преимущественно естественную ударную площадку и ярко выраженный ударный бугорок. Индустрия памятника характеризуется высоким удельным весом орудий, которые составляют до 30 % от общего количества артефактов коллекции.

Высокая концентрация артефактов (для раннего палеолита), полный набор продуктов первичного расщепления (включая мелкие отщепы и чешуйки) и разнообразный перечень орудий (среди которых выделяются достаточно наглядные серии) свидетельствуют о наличии полного набора каменных артефактов, характерного для полноценных раннепалеолитических каменных индустрий.

Для раскрытия специфических особенностей каменной индустрии стоянки Дарвагчай-залив-1 необходимо сопоставление ее с наиболее значимыми, хорошо изученными и более-менее синхронными по возрасту кавказскими археологическими объектами.

Все раннепалеолитические памятники Кавказа можно условно разделить на две большие группы.

Первую составляют основанные на вулканическом сырье ашельские индустрии Южной Грузии и Армении (Армянское или Закавказское нагорье, памятники Сатани-дар, Арзни, Джрабер и др.), где собрано большое количество ашельских рубил – по разным данным, более тысячи. Характерные черты этих индустрий: развитая техника первичного расщепления (леваллуа, удлиненные, пластинчатые сколы в поздних комплексах), большое количество ашельских бифасов (до 50 % от орудийного набора). Бифасы имеют уплощенный профиль, среди них много изготовленных на крупных отщепах – LF технология, широко распространенная в позднеашельских комплексах Африки и Ближнего Востока.

Вторую группу составляют стоянки, базирующиеся на осадочных породах: пещеры Кударо-1 (Южная Осетия), Азых (Нагорный Карабах) и стоянка отрытого типа Яштух в Абхазии. Характерные черты: менее развитая техника первичного расщепления, в основном отщеповая; большой процент ретушированных орудий, среди которых преобладают скребловидные и шиповидные формы; малое количество (менее 1 %) бифасиальных орудий; много частичных бифасов, для которых отмечается наличие галечной пятки или обушка; бифасы в целом более массивные, выполненных на отщепах мало.

Раннепалеолитическая коллекция памятника Дарвагчай-залив-1 наиболее близка второй группе раннепалеолитических стоянок Кавказа, среди которых особенно выделяется пещерная стоянка Кударо-1 как наиболее хорошо изученная и освещенная в археологической литературе.

Если проанализировать основные составляющие каменной индустрии памятника Дарвагчай-залив-1, то становится очевидным, что они имеют много общего, а в некоторых случаях полностью аналогичны раннепалеолитическому ассамбляжу Кударо-1. Обе индустрии сформировались на местной полисырьевой базе, представленной известняками, песчаниками и низкокачественным кремнем. Характерной чертой индустрий является высокий процент орудийных форм и невыразительное первичное расщепление, представленное в основном архаичными одноплощадочными нуклеусами; низкий процент макроорудий и практически аналогичный их набор, включающий чопперы, чоппинги, нуклевидные скребки, рубила и кливеровидные орудия. Также следует отметить высокий процент и богатый ассортимент орудий на отщепах, среди которых выделяются большие

серии скребловидных, шиповидных, выемчатых, зубчатых и комбинированных изделий. Большое количество и вариабельность шиповидных и комбинированных изделий является особенностью памятников (Кударо-1, Азых, Яштух и Дарвагчай-залив-1) и не находит аналогий в других раннепалеолитических индустриях Кавказа.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения раннепалеолитических индустрий с бифассиально обработанными орудиями. В то же время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности, здесь немногочисленны, преобладают т.н. частичные бифасы. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок обусловили большое разнообразие морфологических форм и, соответственно, низкую стандартизацию указанных орудий. Раннепалеолитические комплексы Западного Прикаспия имеют свои региональные особенности, которые благодаря подобным исследованиям все более четко вырисовываются.

Список литературы

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследование раннего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 74–79.

УДК 903.32

А.П. Деревянко[1, 2, 3], М.В. Шуньков[1, 2, 3], М.Б. Козликин[1, 3], В.А. Ульянов[1, 4], А.М. Чеха[1, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Алтайский государственный университет
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: kmb777@yandex.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

В 2014 г. археологические исследования в Денисовой пещере были продолжены в устьевой зоне восточной галереи и направлены на изучение верхней части плейстоценовой толщи, представленной литологическими слоями 9 и 11. Каменная индустрия из отложений слоя 9 соотносится с заключительной стадией верхнего палеолита. В пределах слоя 11 обнаружены археологические материалы начальной стадии верхнего палеолита. Особенностью этих индустрий является сочетание орудийных форм, характерных как для верхнего, так и для среднего палеолита. Коллекцию каменных артефактов сопровождают индивидуальные украшения, выполненные из кости, зубов животных и скорлупы яиц страуса.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, стратиграфия, верхний палеолит, каменная индустрия.*

In 2014 the archaeological research of Denisova Cave was continued in the entrance area of the eastern gallery and aimed at studying the upper level of the Pleistocene soft sediment represented by the lithological layers 9 and 11. Lithic industry from the layer 9 correlated with the Upper Paleolithic Final Stage. Archaeological materials of Initial Upper Paleolithic were discovered within a layer 11. The feature of the lithic industry is a combination of tool types which were marked by both oh Upper and Middle Paleolithic. The ornaments made of bones and animals teeth and ostrich egg shell conduct to the collection of lithic artifacts.

Keywords: *the Altai Mountains, Denisova Cave, the Pleistocene, stratigraphy, the Upper Paleolithic, lithic industry.*

В полевом сезоне 2014 г. было начато изучение плейстоценовой толщи на площади квадратов А/2-4 сектора VI и квадратов К/2-4 сектора V в устьевой зоне восточной галереи, что явилось продолжением раскопа 2004 г., вскрывшего вышележащие отложения эпохи голоцена. Северо-восточная стенка раскопа на данном участке вышла на крутопадающую скальную стену галереи. Юго-западная стенка раскопа проходит по границе между центральным залом пещеры и входом в галерею.

Основные черты строения разреза рыхлых отложений восточной галереи и особенности их седиментогенеза были опубликованы ранее [Ульянов, Шуньков, 2013]. Верхняя часть плейстоценовой толщи представлена осадком слоя 9, сформированным легкими лессовидными суглинками с единичными включениями дресвы и мелкого щебня. Этот слой расчленен на стратиграфические горизонты 9.1–9.3. На большей части раскопа вещество слоя 9 сильно изменено в результате действия процессов химического выветривания, сопровождавшихся декарбонатизацией и развитием фосфатных новообразований в виде псевдомицелия, и преобразовано деятельностью землеройных животных. В непотревоженном виде выделен только осадок горизонта 9.3, залегающий узкой полосой вдоль коренной стенки галереи. По аналогии с ранее изученными разрезами в центральном зале и в южной галерее пещеры можно предположить, что формирование

*Работа выполнена по гранту Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученному ФГБОУ «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

слоя 9 происходило в сартанское время (кислородно-изотопная стадия 2).

Граница с нижележащим слоем 11 определена достаточно четко. Она представляет собой горизонт плотно уложенного сильновыветрелого известнякового щебня и дресвы с множественными фосфатными новообразованиями. На отдельных обломках отмечены фрагменты темноцветных с металлическим блеском Fe-Mn пленок и корок, что является характерным признаком слоя 10 в центральном зале пещеры. Слой 10 маркирует поверхность длительного седиментационного перерыва, сопровождавшегося выносом части мелкозема.

Слой 11 на вскрытой площади расчленен на два стратиграфических горизонта. Горизонт 11.1 представляет собой глыбово-щебнистую толщу с пылеватым легкосуглинистым заполнителем порового типа. Заполнитель серо-палевого цвета, тиксотропный, в пристенной зоне рыхлый. Щебень преимущественно уплощенной и таблитчатой формы, ориентирован субгоризонтально со слабым уклоном к осевой части галереи, острогранный, практически невыветрелый. Горизонт 11.2 является также глыбово-щебнистым, но с заполнителем базального типа, представленным суглинками, легкими, алевритистыми, одресвяненными и опесчаненными, светло-коричневыми с красным оттенком. Структура субгоризонтально ориентированная, чешуйчатая. Щебень преимущественно изометричной формы, со слабо оглаженными вершинами и ребрами, залегает в слое хаотически. Для горизонта 11.2 в центральной части восточной галереи получена ^{14}C (AMS)-дата по кости – 50300 ± ± 2200 л.н. (OxA-У-2359-16).

Коллекция каменных изделий из горизонта 11.2 насчитывает 626 экз. Нуклевидные формы (менее 1 %) представлены двуплощадочным бифронтальным параллельным плоскостным нуклеусом и нуклевидным обломком. Индустрия сколов (42 %) включает 235 отщепов, 25 пластин и технический скол. Целые крупные отщепы (65 экз.) преимущественно укороченные или короткие – 40 % и 45 % соответственно, реже удлиненные – 15 %. Преобладают экземпляры с продольной однонаправленной (43 %) и ортогональной (20 %) огранкой дорсала. Достаточно представительны первичные сколы – 13 %. Остаточная ударная площадка отщепов в большинстве случаев гладкая (55 %), естественная (25 %) или фасетированная (15 %). Пластины (рис. 1, *1*) имеют, как правило, продольную однонаправленную или бинаправленную параллельную огранку и гладкую или фасетированную площадку. Отходы производства (54 %) включают две колотых гальки, 323 обломка/осколка и 16 чешуек.

Орудийный набор включает 22 экз., что составляет 3 % всей индустрии или 8 % без учета отходов производства. Среди орудий четыре леваллуазских острия, три скребла с продольным (2 экз.) (рис. 1, *2*) или диагональным выпуклым лезвием. Отдельного внимания заслуживает тщательно

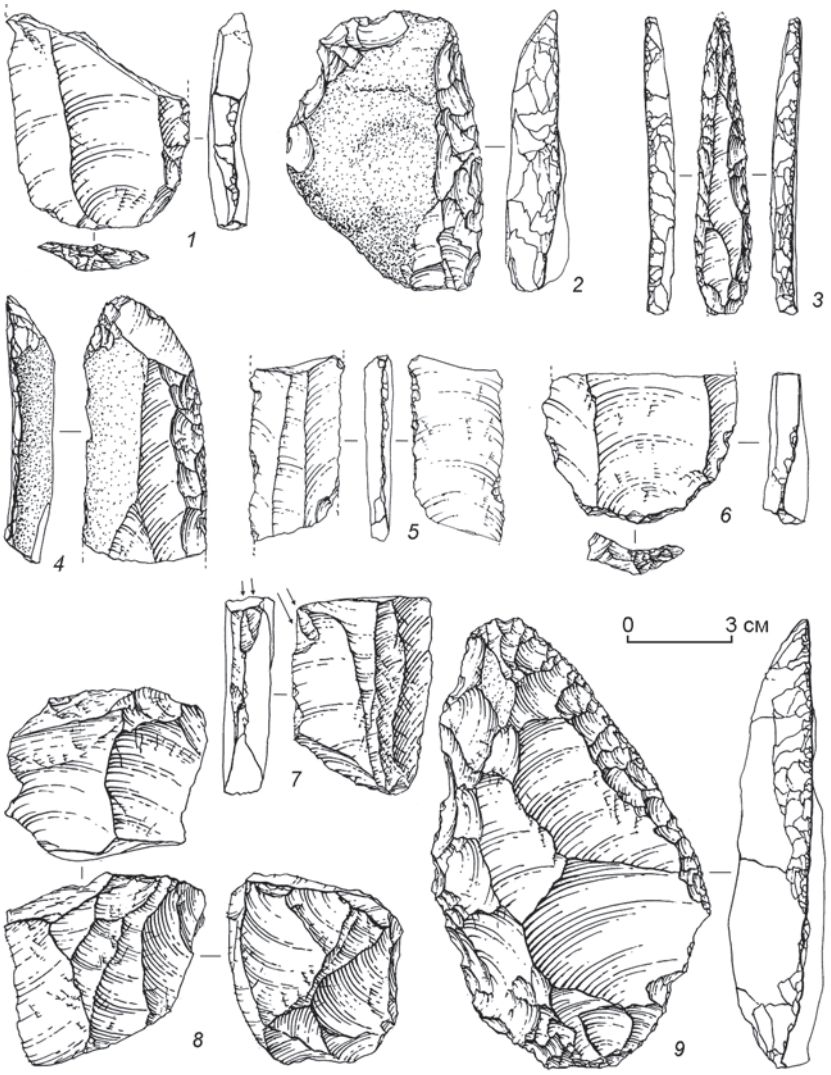


Рис. 1. Каменные изделия из слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры.

отретушированный удлиненный остроконечник (рис. 1, *3*), уникальный по форме в палеолите Алтая и сопредельных территорий. Единичными экземплярами представлены ретушированная пластина (рис. 1, *4*), нож с обушком-гранью, двойной угловой резец и угловая проколка. В коллекции имеется три пластины (рис. 1, *5*) и два отщепа с эпизодической ретушью, а также пять фрагментов неопределимых орудий.

Каменную индустрию дополняет небольшой по численности, но выразительный набор индивидуальных украшений. Бусина, изготовленная, скорее всего, из скорлупы яйца страуса, имеет биконическое отверстие в центре и тщательную полировку поверхности (рис. 2, *1*). Тонкая костяная пластинка подпрямоугольной формы с биконическим отверстием в центре – вероятно, заготовка бусины. Края изделия несут следы резания, на плоскостях сохранились следы скобления (рис. 2, *4*). Фрагмент крупного изделия, вероятнее всего кольца, изготовленного из пластины бивня мамонта (рис. 2, *5*). Украшение сломано по двум биконическим отверстиям. Внешний диаметр целого изделия мог составлять около 8 см, внутренний – 5 см. Две подвески выполнены из резцов лося, биконическое отверстие подготовлено в корневой части зуба, предварительно выровненной с помощью скобления (рис. 2, *6*).

В пределах горизонта 11.1 обнаружено 440 каменных артефактов. Нуклеусы (менее 1 %) представлены изделием подпризматической формы (см. рис. 1, *8*) и одноплощадочным монофронтальным параллельным плоскостным ядрищем. Индустрия сколов (34 %) включает 135 отщепов, 15 пластин и технический скол. Целые отщепы крупного размера (44 экз.) распределены по пропорциям следующим образом: укороченные – 39 %, короткие – 34 %, удлиненные – 27 %. Дорсальная огранка сколов преимущественно продольная однонаправленная (50 %) или ортогональная (18 %). Остаточная ударная площадка в большинстве случаев гладкая (66 %) или естественная (18 %). Плас-

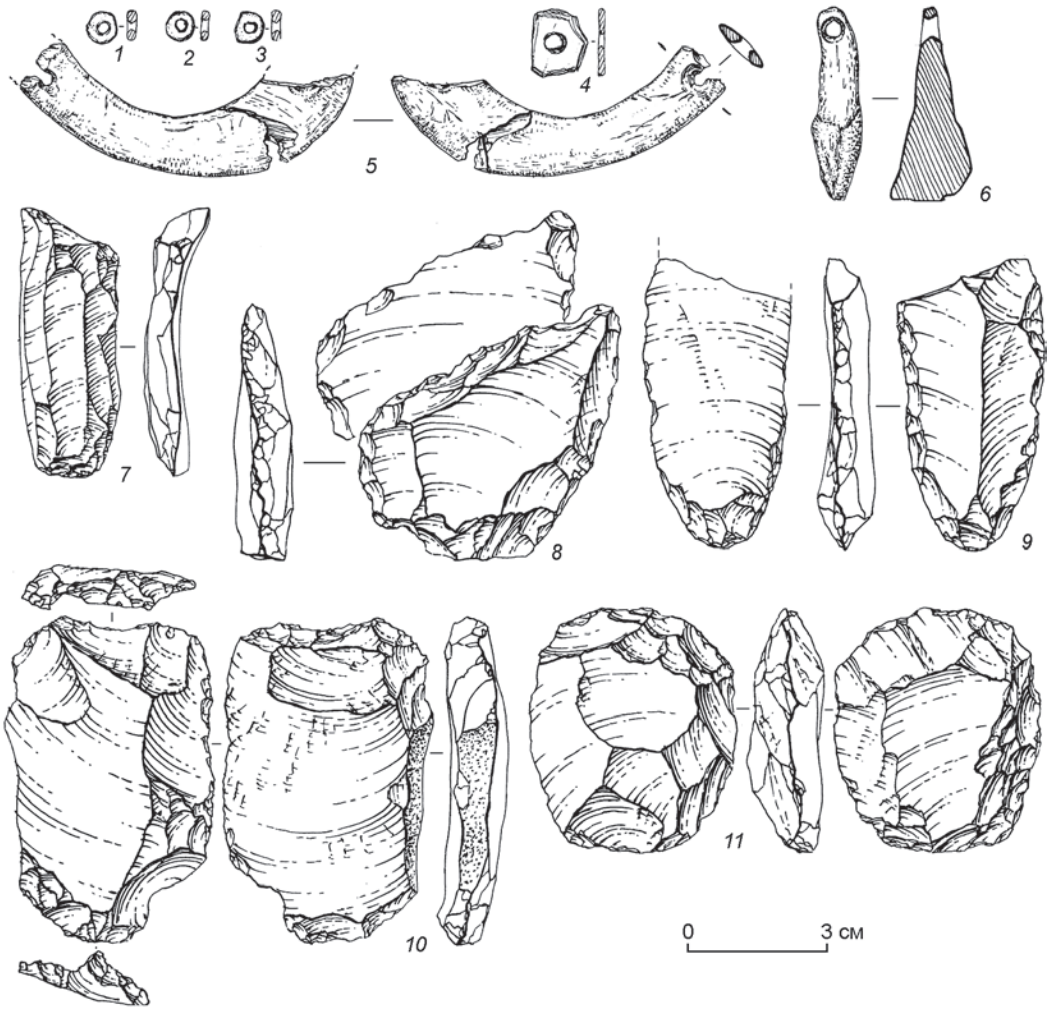


Рис. 2. Украшения из слоя 11 (*1–6*) и каменные изделия из слоя 9 (*7–11*) в восточной галерее Денисовой пещеры.

тины имеют продольную однонаправленную или бинаправленную параллельную огранку и фасетированную площадку (см. рис. 1, *6*). Отходы производства (62 %) представлены колотой галькой, 240 обломками/осколками и 33 чешуйками.

Орудия насчитывают 13 экз. (3 % от всей индустрии или 8 % без учета отходов производства). Скребла представлены конвергентным (см. рис. 1, *9*) и диагональным прямым изделиями. В состав коллекции входят нож с естественным обушком, угловой многофасеточный резец (см. рис. 1, *7*), усеченное орудие, зубчатое орудие с диагональным прямым лезвием и выемчатое изделие с ретушированным анкошем, а также две пластины, два отщепа с эпизодической ретушью и два фрагмента неопределимых орудий.

Коллекцию изделий из камня дополняют две бусины, изготовленные из скорлупы яйца страуса, с биконически просверленным отверстием в центре и тщательно заполированной поверхностью (рис. 2, *2*, *3*).

В отложениях горизонта 9.3 найдено несколько обломков и мелких отщепов. В пределах нерасчлененного слоя 9 обнаружено 800 артефактов. К инструментам для изготовления орудий относятся два ретушера. Среди нуклевидных изделий (1 %) четыре одноплощадочных монофронтальных параллельных плоскостных нуклеуса, двуплощадочное монофронтальное параллельное плоскостное и радиальное ядрища, а также четыре нуклевидных обломка. Сколы (46 %) представлены 342 отщепами, 22 пластинами и микропластиной. Целые отщепы крупного размера (97 экз.) распределены по пропорциям практически на равные части: укороченные – 33 %, короткие – 32 %, удлиненные – 35 %. Дорсальная огранка заготовок преимущественно продольная однонаправленная (42 %) или бинаправленная (10 %), распространены также сколы с ортогональной огранкой (15 %) и первичные сколы (12 %). Остаточная ударная площадка в большинстве случаев гладкая (69 %) или естественная (14 %). Для пластин (рис. 2, *7*) характерна продольная однонаправленная или бинаправленная параллельная огранка и гладкая или точечная (реже линейная) площадка, часто с признаками удара мягким отбойником из органического материала. Отходы производства (50 %) включают четыре колотых гальки, 383 обломка/осколка и 13 чешуек.

Изделия с вторичной обработкой насчитывают 23 экз., что составляет 3 % всей индустрии или 6 % без учета отходов производства. Наиболее представительны скребла – 7 экз.: два продольных прямых, диагональное выпуклое, два диагональных прямых, поперечное выпуклое и *déjeté* (рис. 2, *8*). Ретушированные пластины сохранились в виде двух проксимальных фрагментов, один из которых имеет базальное утончение (рис. 2, *9*). Единичными изделиями представлены леваллуазское острие, транкированно-фасетированное орудие (рис. 2, *10*), концевой скребок и бифас округлой формы (рис. 2, *11*). Орудийный набор дополняют две пластины и три отщепа с эпизодической ретушью, а также пять фрагментов неопределимых орудий.

Согласно данным абсолютного датирования, палеогеографическим показателям и стратиграфической последовательности в разрезе, палеолитические комплексы из отложений слоев 11 и 9 хронологически соответствуют начальной и заключительной стадиям верхнего палеолита. Археологические материалы из раскопок 2014 г. демонстрируют некоторые количественные и качественные изменения вверх по разрезу. В коллекции из слоя 9 по сравнению с материалами из слоя 11 среди сколов возрастает доля пластин и удлиненных отщепов, отмечена микропластина. Пластины здесь более узкие и тонкие, имеют следы скалывания отбойником из органического материала. По остальным признакам оба комплекса достаточно схожи. Для орудийного набора характерно сочетание изделий, распространенных как в верхнем (ретушированные пластины, концевые скребки, резцы), так и в среднем (леваллуазские острия, скребла *déjeté*) палеолите. Каменную индустрию из слоя 11 сопровождает набор индивидуальных украшений, отсутствующих в коллекции слоя 9, что в целом характерно для верхнепалеолитических материалов из восточной галереи.

Список литературы

Ульянов В.А., Шуньков М.В. Некоторые особенности седиментогенеза плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 159–162.

УДК 903.14

А.И. Кривошапкин[1, 2, 3], В.Н. Зенин[1, 2], А.В. Шалагина[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Алтайский государственный университет
E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕРЫ СТРАШНАЯ В 2014 ГОДУ*

В полевом сезоне 2014 г. Чарышским отрядом ИАЭТ СО РАН были возобновлены археологические исследования пещеры Страшная. В ходе раскопок исследовались три литологических подразделения, включавших шесть культурных слоев. В результате была получена коллекция каменных артефактов общим количеством 569 экз. Коллекции артефактов свидетельствуют о том, что комплексы культурных слоев 1 и 2 связаны с бронзовым веком и более поздними периодами заселения пещеры. В культурных слоях 3_1а, 3_1б и 3_3 по всей видимости, представлены три эпизода заселения пещеры, связанные с различными культурно-хронологическими этапами верхнего палеолита региона.

Ключевые слова: *палеолит, первичное расщепление, орудийный набор, корреляции.*

Archaeological research of Strashnaya Cave was renewed by Charysh team of IAET SB RAS during the field season in 2014. Three lithological units included six cultural layers were investigated in the course of excavation. As a result obtained collection consists of 569 lithic artifacts totally. Received collections of artifacts imply that complexes of cultural layers 1 and 2 are associated with Bronze Age and later occupation phases in the cave. As suppose three episodes of the cave occupation presents in the cultural layers 3_1a, 3_1b and 3_3. They are associated with various cultural chronological stages of Upper Paleolithic in the region.

Keywords: *Paleolithic, primary knapping, tool kit, correlation.*

В полевом сезоне 2014 г. Чарышским отрядом ИАЭТ СО РАН были возобновлены археологические исследования пещеры Страшная в Краснощековском р-не Алтайского края. Пещера расположена в пределах Северо-Западного Алтая в среднем течении р. Иня (бассейн р. Чарыш), ниже впадения в нее р. Тигирек, в 25 км на юг от с. Чинета и в 3 км на север от д. Тигирек.

Как археологический объект пещера Страшная известна с 1966 г. Первые исследования памятника проводились Н.Д. Оводовым в 1969–1970 гг. В 1989–1994 и 2006–2009 гг. было проведено изучение объекта, в процессе которого были получены уникальные данные по фауне неоплейстоцена; проведен петрографический анализ сырья, использовавшегося при изготовлении каменных артефактов; получена яркая в типологическом отношении коллекция каменных артефактов [Деревянко, Зенин, 1995; Зенин, 1994, 2010]. Плановые раскопки объекта были возобновлены в 2013 г. [Кривошапкин и др., 2013]. Основной задачей полевых исследований 2014 г. являлось уточнение условий залегания археологических и фаунистических материалов в отложениях плейстоценового возраста, относящихся к первому – третьему литологическим слоям.

В ходе работ полевого сезона 2014 г. были исследованы три квадрата (18–20) по линии «Д». В результате раскопок были исследованы три литологических подразделения, включавшие в себя шесть культурных слоев. Результаты этого этапа раскопок подтвердили стратиграфические наблюдения, сделанные ранее [Зенин, Ульянов, 2007].

Общая коллекция артефактов из пещеры Страшная, полученная в полевом сезоне 2014 г., насчитывает 569 экз. Значительная их часть

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 14.Z50.31.0010 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

(126 экз.) не имеет четкой стратиграфической привязки, поскольку находки были обнаружены при разборе пристенных участков, кротовин и деформаций слоев.

При изучении отложений слоя 1 было обнаружено 27 артефактов. В основном это фрагменты необожженной керамики (18 экз.). Каменные артефакты представлены отщепами малых (5 экз.) и средних (3 экз.) размеров. Также в слое было обнаружено одно костяное изделие.

Археологическая коллекция 2 слоя насчитывает 60 экземпляров, значительную часть которой составляют фрагменты керамики (45 экз.). На некоторых фрагментах (15 экз.) фиксируется орнамент в виде горизонтальной «елочки», характерный для афанасьевской культуры эпохи ранней бронзы. Коллекция каменных артефактов слоя 2 состоит из обломков (3 экз.) и отщепов малых (9 экз.) и средних (2 экз.) размеров.

После снятия отложений слоя 2 была зачищена поверхность слоя 3_1а, в котором отмечается два горизонта залегания археологического материала. При разборе I горизонта слоя 3_1а было обнаружено 66 артефактов. Из них ровно половину составляют отходы производства: 14 обломков и 19 мелких отщепов. К категории сколов-заготовок в данной коллекции относятся 28 отщепов средних размеров и 1 пластинка. Причем 70 % найденных сколов содержат остатки галечной поверхности. В слое были обнаружены 2 нуклеуса: плоскостной одноплощадочный нуклеус для отщепов с сильно скошенной ударной площадкой, расщепление на котором велось в паралельном направлении и подпризматический нуклеус с гладкой скошенной площадкой и контрфронтом, сформированным пересечением плоскостных снятий. Также в коллекции присутствует нуклевидное изделие, которое представляет собой заготовку для дисковидного ядрища, производство снятий с которой было приостановлено по причине многочисленных заломов. Орудийный набор I горизонта слоя 3_1а представлен боковым скребком, выполненным на отщепе из кварца. Помимо каменных артефактов в слое был найден дистальный фрагмент костяного двусторонне уплощенного наконечника с зигзагообразным орнаментом по обеим плоским сторонам изделия.

Коллекция артефактов II горизонта слоя 3_1а состоит из 32 экземпляров. Среди них присутствуют: 10 обломков, 11 мелких отщепов, 8 отщепов размером более 3 см, для которых чаще характерно присутствие гладкой ударной площадки и продольной или бипродольной огранки дорсальной поверхности. К категории нуклевидных изделий в коллекции слоя относятся: одноплощадочный плоскостной нуклеус для отщепов с сильно скошенной вогнутой ударной площадкой и выпуклым контрфронтом, который представляет собой галечную поверхность; плоскостной монофронтальный нуклеус для производства укороченных сколов с параллельными краями, ударная площадка которого была создана посредством одного снятия, а дуга скалывания несет следы небольших подправок; нуклевидный обломок из кварца.

Наиболее многочисленная коллекция артефактов была получена при разборе отложений слоя 3_1б – 120 экз. Однако большая часть найденного археологического материала приходится на осколки, обломки (44 экз.) и мелкие отщепы (37 экз.). Индустрию сколов характеризует присутствие 35 отщепов и 4 пластин, ударные площадки которых чаще всего гладкие либо двугранные, а дорсальная поверхность оформлена в продольном или бипродольном направлении. Также в коллекции выделяется долотовидное изделие из кварца и краевой скол.

Археологическая коллекция горизонта I слоя 3_3 представлена всего 23 артефактами, среди них 10 обломков, 7 мелких отщепов и 4 отщепа размером больше 3 см. Нуклеусов и орудий в данной коллекции обнаружено в ходе раскопок не было.

При изучении II горизонта слоя 3_3 была собрана коллекция каменных артефактов, состоящая из 75 экз. При этом большую часть этой коллекции составляют отходы производства: обломки – 21 экз. и мелкие отщепы – 35 экз. Также в отложениях указанного слоя были найдены 17 отщепов средних размеров и 2 пластины, для которых характерно оформление гладкой ударной площадки и продольная либо естественная (галечная поверхность) огранка дорсальной поверхности.

На завершающем этапе работ после снятия слоя 3_3 была зачищена кровля слоя 4, в процессе зачистки был обнаружен немногочисленный археологический материал – три отщепа средних размеров.

Несмотря на невыразительность и немногочисленность коллекции можно сказать, что обнаруженные в 2014 г. коллекции артефактов свидетельствуют о том, что комплексы культурных слоев 1 и 2 связаны с бронзовым веком и более поздними периодами заселения пещеры. В культурных слоях 3_1а, 3_1б и 3_3, (учитывая также материалы предыдущих лет исследований) по всей видимости, представлены три культурно-хронологических этапа заселения пещеры. Один эпизод связан с развитым этапом верхнего палеолита и представлен каменными артефактами, характеризующими мелкопластинчатое расщепление (пластинки, микропластинки и нуклеусы для их производства), а также костяными изделиями. Основываясь на полученных ранее определениях абсолютного возраста

для верхней части слоя 3, данный комплекс может свидетельствовать о сартанском эпизоде заселения пещеры [Кривошапкин и др., 2013]. Два других комплекса, хронологически, возможно, незначительно отличных друг от друга, технико-типологически представляют собой различные индустрии. Один из этих эпизодов заселения пещеры был связан с носителями кара-бомовский ранневерхнепалеолитической традиции (пластинчатое расщепление). Иная традиция представлена каменными артефактами, полученными в рамках как дисковидного расщепления, так и «традиционного» леваллуазского отщепового скалывания. Данный эпизод, по всей видимости, может быть сопоставлен с финальносреднепалеолитическими слоями Денисовой пещеры. Более четкая культурная интерпретация упомянутых технокомплексов слоя 3 затруднена в силу значительной нарушенности литологического слоя биотурбациями и требует проведения дополнительных исследований, прежде всего комплексного планиграфического и стратиграфического анализа полученных ранее более массовых коллекций каменных артефактов из пещеры Страшная.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Верхнепалеолитические комплексы пещеры Страшная // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – 1995. – Вып. VI. – С. 24–26.

Зенин А.Н. Многослойный палеолитический памятник в пещере Страшная (Западный Алтай) – специфические элементы процесса осадконакопления // Всерос. совещание по изучению четвертичного периода: тез. докл. – М., 1994. – С. 96.

Зенин А.Н. Отчет в ОПИ. Археологические исследования в пещере Страшная в 2009 году. – Новосибирск, 2010.

Зенин А.Н., Ульянов В.А. Стратиграфические исследования в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 105–109.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Васильев С.К., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 94–99.

УДК 903-03

Н.А. Кулик[1], М.В. Шуньков[1, 2, 3], М.Б. Козликин[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Новосибирский государственный университет
E-mail: kmb777@yandex.ru

ПЕТРОГРАФИЯ КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

В ходе многолетнего комплексного изучения плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры получена представительная коллекция каменных артефактов средне- и верхнепалеолитического времени. В публикации представлена общая петрографическая характеристика каменной индустрии из восточной галереи пещеры. Анализ каменного сырья показал, что в первичном расщеплении и при изготовлении орудий предпочтение отдавалось осадочным породам, значительно меньше изделий изготовлено из эффузивных и дайковых пород. Во всех случаях использовалось местное галечное сырье из русла р. Ануй, аналогично индустриям из центрального зала и с предвходовой площадки пещеры.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, палеолит, петрография, каменное сырье, каменная индустрия.*

The longstanding multidisciplinary research focused on the studying of the Pleistocene deposits uncovered in the East Gallery of Denisova Cave has resulted in a representative collection of stone artifacts dating as the Middle and Upper Paleolithic. The publication provides an insight into a general petrographic characteristic of the lithic industry recognized in the East Gallery of the cave. The analysis of the lithic raw material showed that sedimentary rocks were preferably used for the primary flacking as well as for the manufacture of stone tools, and a significantly less number of artifacts was produced from volcanic and dike rocks. In all the instances, similarly to the lithic industries identified in the Main Chamber and at the entrance area of the cave, pebble stone from the riverbed of the Anui River was used as a local raw material.

Keywords: *the Altai Mountains, Denisova Cave, Paleolithic, petrography, lithic raw material, lithic industry.*

В колонке плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры выделено девять основных стратиграфических подразделений, представленных слоями 9–17, которые в целом соответствуют слоям 9–22 опорного разреза в центральном зале пещеры. В пределах слоев 17 и 16 археологический материал не обнаружен. Слои 15–12 содержали материалы среднепалеолитического облика. Слои 11 и 9 характеризуются индустриями начальной и заключительной стадий верхнего палеолита соответственно. Слой 10 демонстрирует перерыв в осадконакоплении и археологически стерилен.

Для анализа каменного сырья была произведена репрезентативная выборка из 615 предметов, представляющих нуклеусы и орудия из всех культуросодержащих слоев разреза. Наличие на многих изделиях участков галечной корки свидетельствует, что каменным сырьем являлся местный галечный материал из русла р. Ануй. Поскольку данное сырье было подробно охарактеризовано ранее [Природная среда..., 2003], для рассматриваемой коллекции достаточным было определение пород под бинокулярной лупой МБС-10 с контролем, при сомнительной диагностике, в петрографических шлифах.

В индустриях из разных стратиграфических подразделений разреза восточной галереи использовались одни и те же породы, главным образом осадочные и эффузивные (см. *таблицу*). Преобладают осадочные породы – из них изготовлено 419 артефактов, что составляет 68,1 % от всей выборки. Артефакты из эффузивов и дайковых пород составляют 28,5 %. Иные породы использовались всего в 3,6 % случаев.

*Работа выполнена по гранту Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученному ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Петрографический состав каменных артефактов из восточной галереи Денисовой пещеры.

Порода	Слой													
	15		14		13		12		11		9		Все слои	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Алевролиты, песчанистые алевролиты, алевролито-песчаники с преобладанием алевролита	16	25,8	14	13,8	7	20,0	16	23,8	49	17,7	18	24,7	120	19,5
Песчаники, алевролито-песчаники с преобладанием песчаника	26	41,9	51	50,5	20	57,1	33	49,3	116	41,9	21	28,8	267	43,4
Кварциты, сланцы	–	–	–	–	–	–	–	–	7	2,5	–	–	7	1,1
Роговики	2	3,2	4	4,0	1	2,9	1	1,5	15	5,4	2	2,7	25	4,1
Все осадочные	44	70,9	69	68,3	28	80,0	50	74,6	187	67,5	41	56,2	419	68,1
Афировые эффузивы	2	3,2	6	5,9	4	11,4	3	4,5	30	10,8	14	19,2	59	9,6
Порфировые эффузивы	13	21	22	21,8	3	8,6	11	16,4	53	19,3	5	6,8	107	17,4
Дайковые породы	2	3,2	4	4,0	–	–	2	3,0	1	0,3	–	–	9	1,5
Все эффузивы и дайковые породы	17	27,4	32	31,7	7	20,0	16	23,9	84	30,4	19	26,0	175	28,5
Яшмоиды по эффузивам	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5	6,8	5	0,8
Яшмоиды засурьинские	–	–	–	–	–	–	–	–	2	0,7	5	6,8	7	1,1
Все яшмоиды	–	–	–	–	–	–	–	–	2	0,7	10	13,6	12	1,9
Кварц жильный	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1,5	1	0,2
Иные	–	–	–	–	–	–	1	1,5	2	0,7	–	–	3	0,5
Неопределимые	1	1,7	–	–	–	–	–	–	2	0,7	2	2,7	5	0,8
Всего образцов	62	100	101	100	35	100	67	100	277	100	73	100	615	100

Осадочные породы представлены, прежде всего, песчаниками, алевролитами и их разновидностями – песчанистыми алевролитами и алевролито-песчаниками. По всему разрезу отчетливо прослеживается преимущественное использование мелкозернистых и тонкозернистых разностей. Среди 419 изделий из осадочных пород 331 артефакт (79 %) изготовлен из алевролитов, песчанистых алевролитов и мелкозернистых песчаников. Крупнозернистые песчаники являлись сырьем только для 20 изделий (4,8 %). В большинстве случаев алевролиты и песчаники олигомиктовые или кварцевые, с эпидот-хлорит-гидрослюдистым цементом; реже встречаются аркозовые разности, в единичных случаях – полевошпатовые. Крупнозернистые песчаники неравномерно зернистые: обильная вкрапленность крупных кварцевых зерен выделяется на фоне среднезернистого олигомиктового агрегата. В алевролито-песчаниках редко наблюдается ритмичное переслаивание песчаника и алевролита с резкой границей между ними, значительно чаще мелкозернистый песчаник образует нерезкие пятна или линзы в песчанистом алевролите, что лишает породу явно выраженной анизотропии, свойственной разностям с хорошо проявленной слоистостью.

Все осадочные породы по своим петрофизическим характеристикам близки между собой: плотные, со слабо проявленной слоистостью; твердость, зависящая от содержания в них обломочного кварца и полевого шпата и соотношения последних с количеством цемента, варьирует от 5,0 до 6,5 по шкале Мооса, и только у семи кварцитовых изделий из слоя 11 этот показатель достигает 7. Большинство песчаников и алевролитов имеют серый (от светлого до темного), зеленовато-серый или зеленоватый цвет. Присутствие значительного количества эпидота придает некоторым изделиям из песчаника желтовато- зеленовато-серый цвет. Достаточно часто (особенно в горизонте 11.3) встречаются также изделия из коричневато-серых, серо-коричневых и коричневых алевролитов и песчаников, представляющих слабо ороговикованные разности, испытавшие метаморфизм в контактовой зоне Бащелакского (Талицкого) гранитоидного плутона. В этих породах гидрослюдисто-хлоритовый цемент замещен биотитом. Они являются переходными к биотитовым и узловатым роговикам и использовались наряду с неметаморфизованными песчаниками, но в ограниченном количестве – 25 изделий или около 6 % всех осадочных пород.

Из магматических пород изготовлено 178 артефактов. Среди них 166 экз. изготовлено из эффузивных пород, 9 экз. – из дайковых порфиритов и 3 экз. – из мелкозернистых гранитоидов.

К афировым и порфировым разновидностям эффузивных пород относятся 35,5 % и 64,5 % изделий соответственно, хотя в действительности количество изделий из порфировых разностей может быть больше. Среди них много мелкопорфировых галек, с малым количеством порфировых вкрапленников, – в этаких случаях порода может быть принята за афировую. Практически у всех изделий из эффузивов наблюдается флюидальность – от скрытой, видимой лишь под бинокулярной лупой по линейному распределению мельчайших белых комочков каолинита (?), до грубо-полосчатой, с различной окраской флюидальных полос.

У кислых эффузивов в порфировых вкрапленниках обычными являются калишпат с простыми двойниками или кислый плагиоклаз, реже встречаются идиоморфные вкрапленники кварца. У одного изделия отмечены очень мелкие вкрапленники зеленого амфибола. Материал основной части изделий тонко- или мелкозернистый, у нескольких образцов отмечена псевдоперлитовая структура. Постмагматические изменения проявлены главным образом в окварцевании. Они сильнее выражены у изначально более неоднородных порфировых разностей и у грубополосчатых флюидальных афировых эффузивов. Кварц, часто совместно с хлоритом и рудным минералом (магнетитом), образует мелкие гнезда, которые в порфировых разностях локализованы обычно вокруг вкрапленников полевого шпата. Он также формирует параллельные флюидальности прерывистые жилки и рассеянную вкрапленность мелких зерен. Постмагматические изменения вызывают осветление породы: исходно зеленовато-серые и серые эффузивы становятся пятнисто-желтоватыми, в буро-красных флюидальных эффузивах отдельные полосы приобретают контрастную желтую и оранжевую окраску.

В целом, по облику и составу, характеру вторичных изменений, образцы эффузивов из восточной галереи идентичны девонским риолит-дацитовым порфирам Ануйского хребта [Природная среда…, 2003]. По своим петрофизическим свойствам они отличаются от осадочных пород. Их твердость при значительном окварцевании возрастает до 6,5. Порфировые разности более неоднородные, чаще трещиноватые и боле хрупкие – при раскалывании образуют неровные сколы, тонкие края которых склонны к выкрашиванию.

К эффузивам близки породы лайкового комплекса, широко представленные в галечном сырье р. Ануй. В коллекции из восточной галереи к ним относятся девять изделий из плагиоклазовых и диабазовых порфиритов. Они отличаются от эффузивов изначальной полнокристаллической структурой и, следовательно, большей вязкостью, более основным составом – отсутствием кварца и калишпата, появлением амфибола и пироксена. Среди галечного сырья эти мелкозернистые породы, визуально напоминают мелко- и среднезернистые песчаники.

Три небольших изделия оформлены из породы, макроскопически похожей на мелкозернистый олигомиктовый песчаник, что не позволяет изготовление петрографических шлифов и затрудняет их диагностику. Только при максимальном увеличении под лупой удалось различить в этих мелкозернистых образованиях прорастания кварца и полевого шпата, что дает основание видеть в них магматические породы гранитного состава – микрогранит или аплит.

Одно изделие выполнено из жильного кварца и 12 артефактов – из яшмоидов, обнаруженных только в верхней части разреза (слои 9 и 11). Среди них пять образцов яшмоидов представляют собой продукт предельного постмагматического окварцевания кислых эфузивов, когда образовавшийся метасоматит становится похожим на кварцит или кварцитовидный кремень. Подобные яшмоиды по эффузивам представлены в эталонной коллекции галечного сырья из русла р. Ануй. Вместе с тем семь образцов диагностированы как яшмоиды засурьинской свиты [Ивата и др., 1997] – материал, появившийся в палеолитических индустриях долины р. Ануй в посткаргинское время, после таяния ледника на коренных выходах этой свиты в верховьях р. Талица [Кулик, Маркин, 2001].

Петрографический анализ палеолитических изделий из восточной галереи показал, что для них, как и для индустрий из центрального зала и с предвходовой площадки пещеры, характерно местное каменное сырье из руслового галечника долины р. Ануй.

Список литературы

Ивата К., Сенников Н.В., Буслов М.М., Обут О.Т., Шокальский С.Д., Кузнецов С.А., Ермиков В.Д. Позднекембрийско-раннеордовикский возраст базальтово-кремнисто-терригенной засурьинской свиты // Геология и геофизика. – 1997. – Т. 38, № 9. – С. 1427–1444.

Кулик Н.А., Маркин С.В. К петрографической характеристике каменной индустрии пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 136–141.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

УДК 903.2

В.Е. Медведев[1], И.В. Филатова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

МАТЕРИАЛЫ РАННЕГО НЕОЛИТА ПАМЯТНИКА ПЕТРОПАВЛОВКА-ОСТРОВ*

В статье рассматриваются неолитические комплексы памятника Петропавловка-Остров (раскопки 1969, второй половины 1980-х гг.). Впервые выделены, интерпретированы и обобщены материалы мариинской ранне-неолитической культуры, а также керамика локального культурно-хронологического типа неолита Нижнего Приамурья. Дана общая характеристика «транзитного» островного памятника широкого культурно-хронологического масштаба.

Ключевые слова: *Нижнее Приамурье, Петропавловка-Остров, ранний, средний неолит, керамика, комплексы, локальный тип.*

In the article the Neolithic complexes of the Petropavlovka-Ostrov are observed. (excavations of year 1969, 2nd half of 1980s). The materials of Mariinsk early Neolithic culture and ceramics of local cultural-chronological type of Lower Amur Late Stone Age' are firstly extracted, expounded and summarized. The common characteristics of the island "transient" sites of the wide cultural-chronological scale is given.

Keywords: *Lower Amur, Petropavlovka-Ostrov, early, middle Late Stone Age, ceramics, complexes, local type.*

Памятник расположен на острове, среди изрезанной многочисленными протоками и заливами обширной амурской поймы, примерно в 1 км к северу от с. Петропавловка, находящегося на правом коренном берегу протоки Малышевской, соединяющей оз. Петропавловское с р. Амур. Безымянный остров – сложенный базальтами и перекрытый грунтами останец – возвышается на 10–12 м над уровнем омываемой его с востока Малышевской протоки. От восточного каменистого мысовидного края острова в западном направлении более чем на 0,5 км распространяется сравнительно широкое рёлкообразное возвышение. Поверхность острова довольно пологая, а в восточной его оконечности даже ровная, удобная для жизнедеятельности. Верхний почвенный слой нарушен вспашкой, огородами.

Проводя в 1935 г. разведывательные работы на Амуре, А.П. Окладников в окрестностях с. Петропавловка зафиксировал несколько памятников эпохи древности, в т.ч. на юго-восточной стороне острова – эта местность в его отчете названа Буколо. Отмечен разновременный характер памятника, наличие неолитических находок [Окладников, 1980, с. 13]. Поскольку в прежних публикациях памятник не обозначен как островной, мы предлагаем называть его Петропавловка-Остров.

В 1969 г. у восточного края острова при раскопках был получен значительный материал, главным образом, по урильской культуре раннего железа [Деревянко, 1973, с. 189, 190 и др.]. Во второй половине 1980-х гг. исследованиями в той же части памятника выявлены погребения польцевской культуры [Копытько, 1988], другие комплексы раннего железа, чжурчжэньской средневековой культуры, а также эпохи неолита. Последние залегали преимущественно в нижнем культурном слое, собранная коллекция неолитического материала до этого оставалась не изученной.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект «Гончарные традиции населения Нижнего Приамурья в эпоху неолита») и в соответствии с программой фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 (проект «Общее и особенное в развитии культур древности и средневековья на Дальнем Востоке»).

В коллекции* представлен разновременный и разнокультурный неолитический материал. Общее число артефактов составляет 617, включая 68 изделий из камня и 549 единиц керамики.

В каменном инвентаре определяются две традиции: пластинчатая и галечная. В пластинчатой технике изготовлены скребки (два целых из серой кремнистой породы и один обломок из красно-коричневой яшмы) с подработкой спинки отвесной краевой ретушью (рис. 1, *1–3*), черешковый наконечник стрелы из светлого окремнелого туфа (рис. 1, *4*) с выделенным краевой приостряющей ретушью острием и обломанным насадом; ножевидные пластинки (рис. 1, *5*, *6*). Ярко выраже-

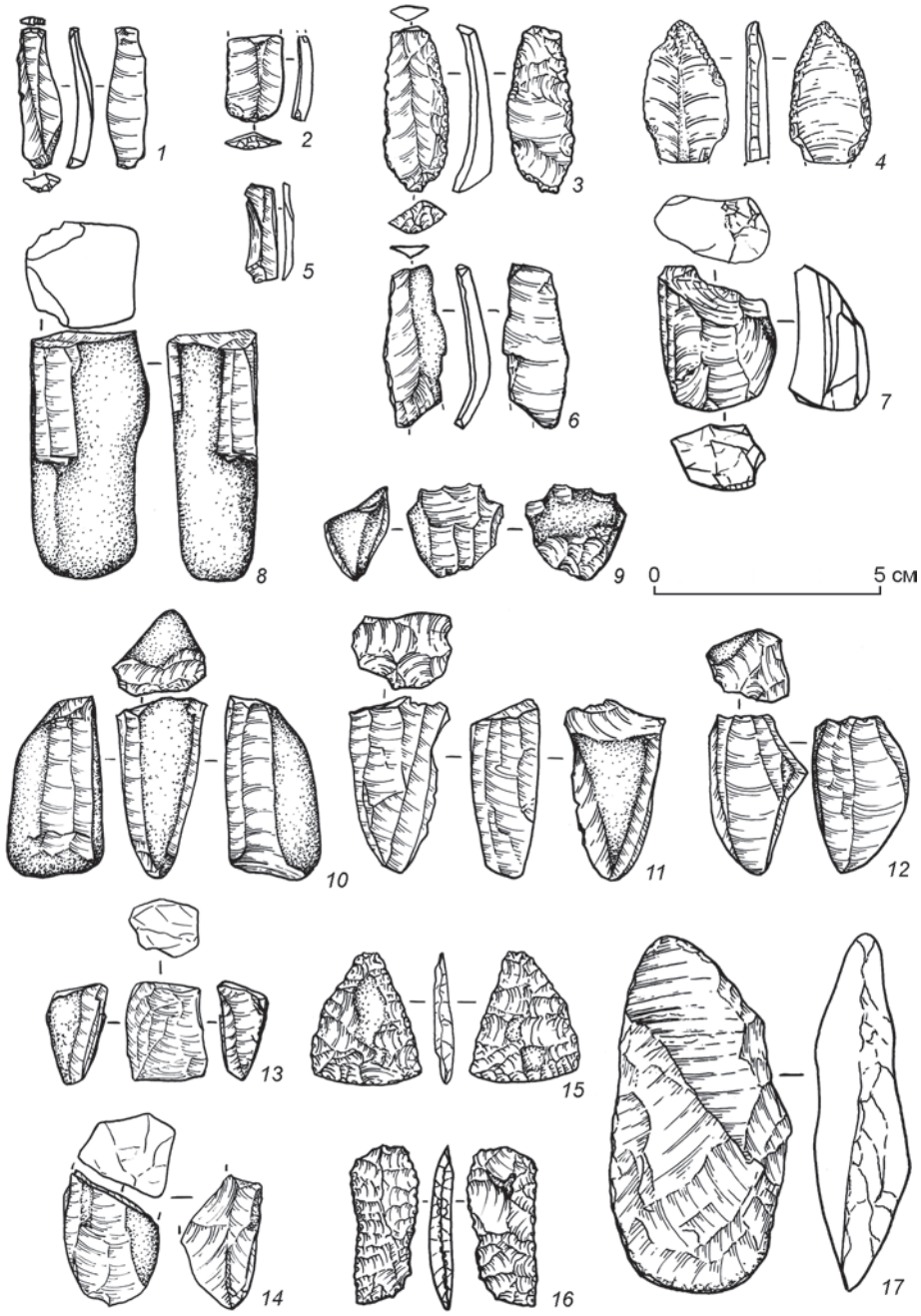


Рис. 1. Изделия из камня памятника Петропавловка-Остров (раскоп 1969 г.).
1–3 – скребки; *4* – наконечник стрелы; *5*, *6* – ножевидные пластинки; *7–14* – нуклеусы; *15* – нож; *16* – вкладыш; *17* – тесловидно-скребловидное орудие. Художник Ю.В. Табарева.

*Материалы раскопок 1969 г. хранятся в ИАЭТ СО РАН. Находки из раскопов 1980-х гг. долгое время находились в археологическом музее Хабаровского госпединститута. Там же хранились найденные тогда же на острове остроконечник-бифас и клиновидный микронуклеус осиповской культуры.

на серия нуклеусов (22 экз.) и галек со сколами (5 экз.). Нуклеусы (рис. 1, *7–14*) на естественных гальках яшмовидных (15 экз.) и прочих пород; в основном подпризматические одноплощадные. Ударные площадки прямые или скошенные, как правило, предварительно подготавливались. Негативы снятий на одной-двух сторонах, реже по всему периметру. Значительная часть нуклеусов, скорее всего, мариинской культуры (нижний культурный горизонт). Есть технические сколы (5 экз.). В галечной традиции – орудия, их обломки и заготовки (17 экз.), 2 отщепа с ретушью, скол. Первичная обработка осуществлялась оббивкой и скалыванием, вторичная – ретушированием, шлифовкой, заточкой. Тесловидно-скребловидное орудие (рис. 1, *17*) и 6 обломков шлифованных топоров и тесел неопределенных культур из серого алевролита связаны с обработкой дерева. Прочие орудия, обломки и заготовки – с охотой и обработкой добычи. Подавляющая часть их – бифасы: нож (рис. 1, *15*) и вкладыш (рис. 1, *16*) из яшмовидных галек, часть наконечника дротика и рукоять ножа из алевролита, заготовка наконечника копья или ножа из яшмы. Есть рыболовные грузила (28 экз.) на естественных плоских песчаниковых гальках. В целом же артефакты пластинчатой традиции относятся к мариинской культуре, галечной – к более поздним этапам неолита. В коллекции отмечен также небольшой обломанный конусовидный предмет из серого песчаника явно неутилитарного назначения.

Керамика Петропавловки-Острова – это ярко выраженные мариинский и малышевский (ранний и средний) комплексы, а также небольшое количество фрагментов кондонской (ранний комплекс), вознесеновской (поздний комплекс) культур и локального хронологического типа.

Мариинская культура представлена 15 фрагментами керамики из раскопа 1969 г. и 14 – из раскопов второй половины 1980-х гг., составляющими единый комплекс из 13 обломков верхних частей и 16 венчиков сосудов открытых форм (рис. 2, *1–9*). Все фрагменты украшены в мариинской манере вдавлениями «гребенки» (от 2–3 до 7–9 и 11 зубцов) почти вплотную с кромкой венчика или чуть ниже. Иногда оттисками «гребенки» оформлялась верхняя кромка или края отогнутых наружу, реже прямых венчиков. Тесто рыхловатое с примесью дресвы, единично дресвы и шамота. Поверхности коричневато-серых черепков заглаживались, иногда лощились изнутри, покрывались ангобом.

Керамика малышевской культуры включает *ранний* (5 обломков верхних частей, 5 венчиков и 12 стенок) и *развитый* (сосуд, 12 фрагментов верхних и нижних частей, 69 венчиков, 347 стенок и 37 донцев; 65 % орнаментировано) комплексы. Декор ранней керамики (рис. 2, *10–12*) прост: вертикальные вдавления гребенчатого штампа (от трех до пяти зубцов) скомпонованы в горизонтальные пояса от внешнего бортика венчика до придонной стенки; есть сочетания «гребенки» с ромбами и/или кружками, составленными в сетку-«плетенку». Орнамент керамики развитого комплекса (рис. 2, *13–15*) разнообразнее: оттиски гребенчатого и фигурного штампов, отступающей лопаточки, зубчатого колесика составлялись в прямые и ломаные линии, горизонтальный зигзаг, «лесенку», «жгут», меандр, сетку, сетку-«плетенку». Есть налепные валики (прямые и волнистые), а также краснoокрашенные образцы (8,3 %). Различаются и технологические характеристики. Темные серо-коричневые черепки раннего комплекса отличаются рыхловатым тестом с примесью дресвы или дресвы и шамота, заглаженными поверхностями, наличием ангоба. Для керамики развитого комплекса характерны охристые оттенки, плотное тесто с дресвой и шамотом, шамотом или раковиной и шамотом (единично), нередко залощенные поверхности, иногда с ангобом. Для ранней керамики типичны открытые формы, для развитой – открытые и закрытые формы сосудов.

Керамика кондонской (рис. 2, *16*) и вознесеновской культур немногочисленна. Кондонские черепки (фрагмент верхней части, 4 венчика и 9 стенок) орнаментированы оттисками «гребенки» (от 3 до 11 зубцов) и фигурного штампа (овал, треугольник, ромб), компоновавшихся в горизонтальные пояса, сетку. Характерно рыхловатое тесто с примесью дресвы, заглаженные поверхности. Вознесеновская керамика орнаментирована вертикальным зигзагом в отступающе-накольчатой и врезной технике; в рыхлом тесте – примесь раковин.

В составе анализируемой неолитической коллекции отмечены обломки сосудов (8 верхних частей и 1 стенка) с повторяющимися признаками (рис. 2, *17–19*): 1) отогнутыми наружу венчиками с овальными оттисками по кромке и вдавлениями «гребенки» (от четырех до шести зубцов) по шейке; 2) довольно плотным тестом с примесью дресвы и заметно «запесоченным»; 3) заглаженными поверхностями (изнутри почти до блеска); 4) темным коричнево-серым цветом; 5) хорошо профилированными открытыми формами. Эту группу керамики, заметно отличающуюся по своему облику от прочей, предварительно, можно рассматривать, как локальный (петропавловский) культурно-хронологический тип неолита Нижнего Приамурья. В коллекции есть другие

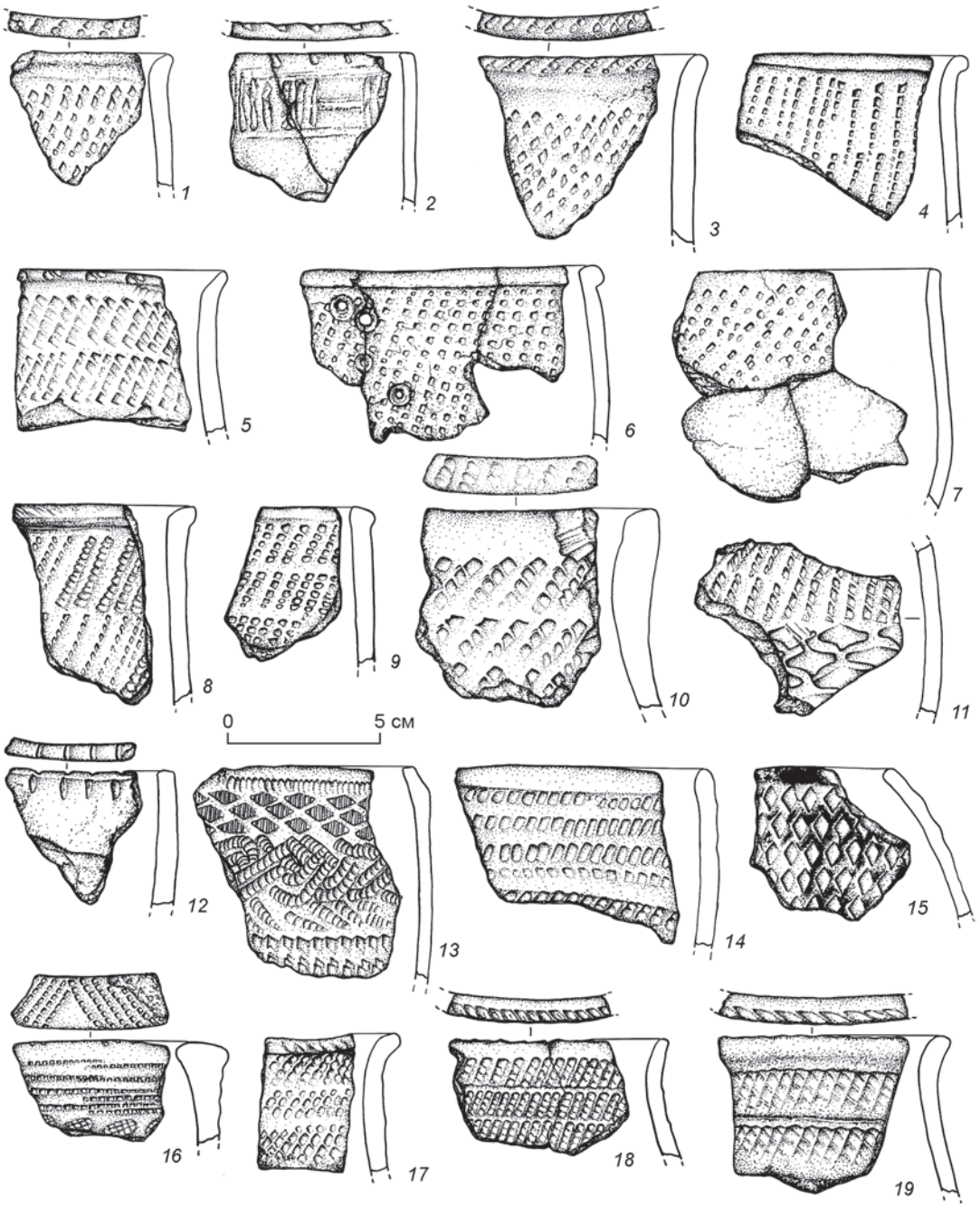


Рис. 2. Керамика памятника Петропавловка-Остров (раскопы 1969 и второй половины 1980-х гг.). Мариинская (*1–9*), малышевская (*10–15*), кондонская (*16*) культуры, локальный культурно-хронологический тип (*17–19*).

неолитические глиняные изделия: конусовидный предмет высотой 4,5 и диаметром до 3,0 см, фрагменты трех стерженьков.

Мариинская керамика с Петропавловки-Острова не выглядит столь же «архаичной», как с о. Сучу. У некоторых образцов прослеживаются признаки смешения технологических традиций (более плотное тесто с дресвой и шамотом, лощение, а также отсутствие декора по кромке венчика). Возможно, носители поздней мариинской культуры неоднократно посещали удобный для поселения остров, вступая во время таких «визитов» в контакты с малышевцами или кондонцами и заимствуя некоторые их технологические приемы. Это могло быть, скорее всего, в основном в конце VII тыс. до н.э. Что касается малышевской керамики рассматриваемого памятника, то ее ранний комплекс не отличается от материалов Малышево-1 и других подобных памятников [Медведев, Филатова, 2014, рис. 35], а в развитом комплексе прослеживаются явные параллели с поселением Гася.

Отдельного внимания заслуживает керамика локального культурно-хронологического типа, имеющая некоторое сходство с ранней малышевской и кондонской керамикой, но по ряду признаков все-таки отличающаяся от них. Есть все основания считать, что памятник Петропавловка-Остров относится к числу весьма ценных, но пока недостаточно изученных местонахождений, заселявшихся людьми неоднократно в различные культурно-хронологические периоды. По характеру материала он может быть включен в круг «транзитных» поселений, где происходили контакты носителей разных культур широкого временно́го диапазона – с начального неолита до развитого средневековья.

Список литературы

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. –354 с.

Копытько В.Н. Петропавловка – могильник раннего железного века (Польцевская культура) // Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР. – Препр. – Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1988. – С. 3–7.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 168 с.

Окладников А.П. О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 3–52.

УДК 903.2

В.Е. Медведев[1], И.В. Филатова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

ПОСЕЛЕНИЕ АМУРСКИЙ САНАТОРИЙ: НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ*

В работе освещаются неолитические комплексы поселения Амурский Санаторий у г. Хабаровска. Впервые детально описаны изделия из камня и керамика, полученные в ходе раскопок А.П. Окладникова в 1959 г. Выделены и систематизированы материалы мариинской, малышевской, кондонской и вознесеновской культур, петропавловского культурно-хронологического типа неолита Нижнего Приамурья.

Ключевые слова: *Нижнее Приамурье, поселение Амурский Санаторий, ранний, средний, поздний неолит, комплексы.*

This article observes Neolithic complexes of Amur Sanatoriy settlement near Khabarovsk. Stone artifacts and ceramics, obtained in excavations of A.P. Okladnikov in 1959, are presented in detail for the first time. The materials of Mariinsk, Malyshevo, Condon, Voznesenovskoe cultures of Petropavlovsk cultural and chronological type of Lower Amur Neolithics are identified and systematized.

Keywords: *Lower Amur, Amur Sanatoriy settlement, early, middle, late Neolithic, complexes.*

Поселение Амурский Санаторий располагалось в районе г. Хабаровска, у детского санатория, на мысу на правом берегу Амура. Стационарно оно исследовалось в 1959 г. Дальневосточной археологической экспедицией совместно с Приамурским (Хабаровским) филиалом Географического общества. Руководство осуществлялось А.П. Окладниковым, начальник отряда – Н.Н. Забелина. Работы велись на двух раскопах: верхнем (390 м^2) и нижнем (235 м^2). Стратиграфия многослойного разновременного памятника сложная: в обнажении мыса выступали глинистые сланцы черного и серого цвета, выше располагался суглинок со щебенкой, еще выше – суглинок светло-желтого цвета, на котором залегал темный гумусированный грунт.

По результатам раскопок была опубликована статья [Окладников, 1963], в которой при описании неолитического слоя перечислены изделия из камня и керамика. Культурно-хронологическая интерпретация ограничилась корреляцией части керамики с «типом Тетюхе» (ныне руднинская культура), а также упоминанием фрагментов сосудов с вертикальным зигзагом. В совместной монографии А.П. Окладникова и А.П. Деревянко неолитический комплекс поселения соотнесен с ранним этапом эпохи [1973, с. 112–113]. Детальное изучение коллекции авторами статьи в целом подтвердило общую оценку: в составе коллекции отмечены несколько керамических комплексов нижнеамурского неолита разной культурно-хронологической принадлежности.

Самые ранние – обломки сосудов недавно выделенной мариинской культуры (рис. 1, *1–5*) – пять венчиков и одна стенка. Венчики отогнуты наружу, срезы их округлые или уплощенные. На одном фрагменте на кромке частично сохранился орнамент – двузубчатые оттиски «гребенки». Шейки и плечики украшены двумя-тремя горизонтальными рядами вдавлений трех-, четырех- и шестизубчатой «гребенки». Черепки коричневые, местами почти черные от копоти, в изломе темно-коричневые или темно-серые. Тесто рыхловатое, с примесью дресвы, шамота и органики; поверхности заглажены, покрыты ангобом.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект «Гончарные традиции населения Нижнего Приамурья в эпоху неолита»), а также в соответствии с Программой фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 (проект «Общее и особенное в развитии культур древности и средневековья на Дальнем Востоке»).

Малышевская культура представлена двумя комплексами. Ранняя керамика (рис. 1, *6–11*) включает верхнюю часть слабопрофилированного сосуда с диаметром по венчику 34,0 см, 13 венчиков и шесть стенок. Венчик сосуда (рис. 1, *10*) слегка отогнут наружу, верхняя кромка его округлая, края утолщены. Внешний край оформлен вдавлениями двух-, горловина – трехзубчатой «гребенки» и ромбами, составленными в сетку-«плетенку». Керамика темно-коричневая, почти черная. Тесто довольно плотное, черепок «звонкий» с добавками дробленной горной породы. Поверхности заглажены, покрыты ангобом. Описанный фрагмент имеет некоторые признаки сходства с раннекондонской керамикой, прочие (рис. 1, *6–9*, *11*) – типичны для ранней малышевской. Венчики отогнуты наружу, срез их плоский или округлый. При орнаментации использовали два типа штампов – гребенчатый (двух-, трех- и четырехзубчатый) и фигурный (круги, треугольники и ромбы с «шишечками»). К поздней малышевской керамике относятся два венчика и три стенки. Один венчик (рис. 1, *12*) – от сосуда типа корчаги – украшен двумя горизонтальными налепными валиками с нанесенными

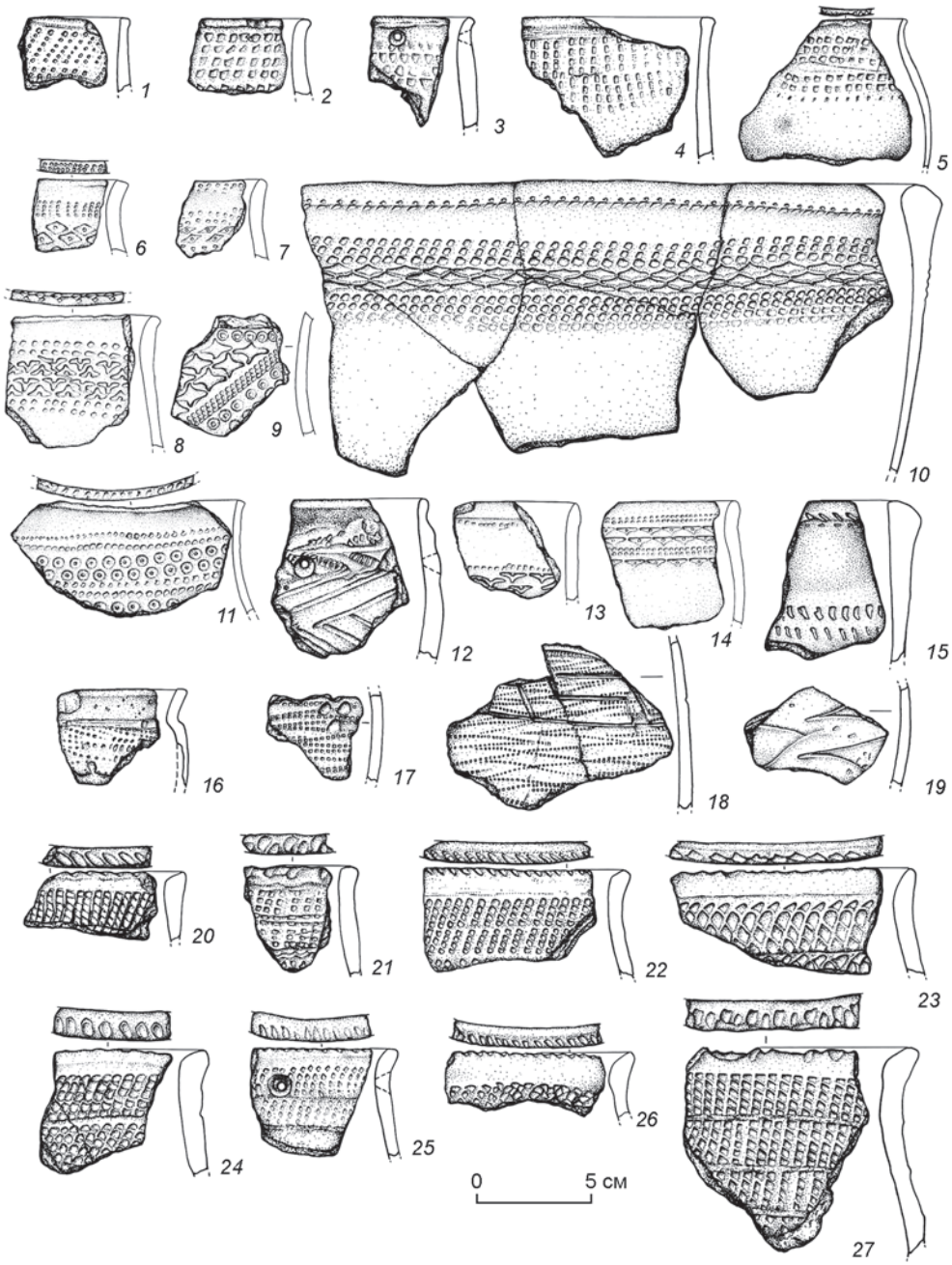


Рис. 1. Керамика поселения Амурский Санаторий. Мариинская (*1–5*), малышевская (*6–12*), кондонская (*13, 14*), вознесеновская (*16–19*) культуры, петропавловский локальный культурно-хронологический тип (*20–27*).

поверх оттисками зубчатого штампа и наклонными прочерченными желобками. Другой венчик, а также одна стенка – ногтево-пальцевыми оттисками. Еще одна стенка – двузубчатой «гребенкой». Ранняя керамика коричневая, серо-коричневая или темно-серая, с нагаром, поздняя – красновато-коричневая, серая. Рыхловатое тесто с добавками дресвы, шамота; поверхности заглажены.

Кондонской культуре (рис. 1, *13–15*) принадлежат пять венчиков от довольно крупных слабопрофилированных изделий открытых форм, один от небольшого сосуда типа ситулы, а также два неорнаментированных донышка. Венчики чуть отогнуты, срезы их закруглены. Два обломка украшены вертикальными, столько же – горизонтальными вдавлениями «гребенки». На одном фрагменте они дополнены овальными и подквадратными оттисками, на двух – треугольниками с «шишечкой». Венчик сосуда типа ситулы декорирован наклонными и горизонтальными оттисками «гребенки» и вертикальными отступающей лопаточки. Еще один венчик не орнаментирован. Снаружи черепки темно-коричневые, местами почти черные от нагара, в изломе и изнутри серо-коричневые. Тесто довольно плотное, с добавками дресвы, шамота (?); поверхности заглажены, покрыты ангобом. Кроме венчика сосуда типа ситула, это керамика раннего этапа кондонской культуры.

Вознесеновский комплекс (рис. 1, *16–19*) представлен развалом гладкостенного сосуда очень плохой сохранности из-за примеси дробленой раковины и невысокой температуры обжига, а также верхней частью миниатюрного сосуда горшковидной формы, семью стенками и донцем без придонной стенки. Верхняя часть сосуда и фрагменты стенок декорированы вертикальным зигзагом в различной технике: прокаткой, шаганием, отступанием-накалыванием, прочерчиванием. На одной стенке поверх зигзага выдавлены округлые ямки, составленные в треугольник, на другой – прочерчены в виде меандра желобки. Черепки коричневые, серо-коричневые, с нагаром. Рыхловатое тесто с примесью дробленой ракушки и шамота; поверхности заглажены.

Керамика петропавловского локального культурно-хронологического типа (рис. 1, *20–27*) насчитывает 12 экз.: верхняя часть крупного толстостенного сосуда, девять венчиков и три стенки. Венчики отогнуты наружу. Уплощенная верхняя кромка их декорирована овальными, реже подтреугольными оттисками или сочетанием тех и других, составленными в один, реже – в два ряда. По шейке и плечикам нанесены ряды вдавлений четырех-, пяти- и шестизубчатой «гребенки». Черепки серые, серо-коричневые, с нагаром, в изломе темно-серые. Тесто плотное; черепок тяжелый, «жесткий» с примесью дробленой породы. Поверхности заглажены, возможно, покрыты ангобом.

Завершают хронологическую колонку четыре не декорированных венчика финальных этапов нижнеамурского неолита. Три фрагмента с характерно отогнутым наружу венчиком и утолщением-налепом по внешнему бортику, один – прямой. Черепки коричнево-серые, с пятнами нагара, в изломе темно-серые. Рыхловатое тесто с крупными частицами дресвы; поверхности местами заглажены до блеска.

В выборке каменного инвентаря особо выделяются три небольших размеров одноплощадных подпризматических нуклеуса с фасетками снятий ножевидных пластин и с частично сохранившейся галечной коркой (рис. 2, *1–3*), а также две гальки со сколами яшмовидных и кремнистых пород желто-коричневого, коричневого и темно-серого цвета, идентичные материалам памятника Петропавловка-Остров и, вероятно, принадлежащие носителям мариинской культуры.

Среди орудий – наконечники стрелы и дротика. Миниатюрный черешковый наконечник стрелы подтреугольной в плане формы, с выделенным мелкой приостряющей ретушью острием, выполнен на ножевидной пластинке из серо-голубого кремня. Наконечник дротика – иволистной в плане формы, подтреугольной в сечении – из гальки темно-серого алевролита, обработанной двусторонними сколами с подправкой приостряющей ретушью на одной боковой стороне (рис. 2, *4*).

Представлены также орудия для обработки различных материалов: ножи, скребки, тесла. Ножи – два целых и один обломок – разных типов. Один асимметрично-коленчатой в плане формы, изготовлен двусторонней оббивкой, его рукоять и лезвие приострены односторонней ретушью. Два других – бифасы: первый – листовидной в плане формы, линзовидный в сечении – изготовлен двусторонней оббивкой и подправлен краевой ретушью (рис. 2, *5*); от второго сохранился только обушок. Два скребловидных орудия. Одно изготовлено из небольшой гальки кремнистой породы серого цвета двусторонней оббивкой и подработано ретушью, другое – на пластинчатом отщепе серого песчаника с основанием, подправленным двумя отвесными снятиями. Тесла – пять целых и два обломка – изготовлены двусторонней оббивкой и шлифовкой (рис. 2, *6–12*). Оббитые изделия листовидной, шлифованные – удлиненно-подтрапециевидной в плане формы, линзовидные в сечении. У тех и других обушки заужены, заовалены или приострены, лезвия асимметрично заточены, со следами износа; на одном сломано. Материал: кремнистые и алевролитовые породы серого цвета.

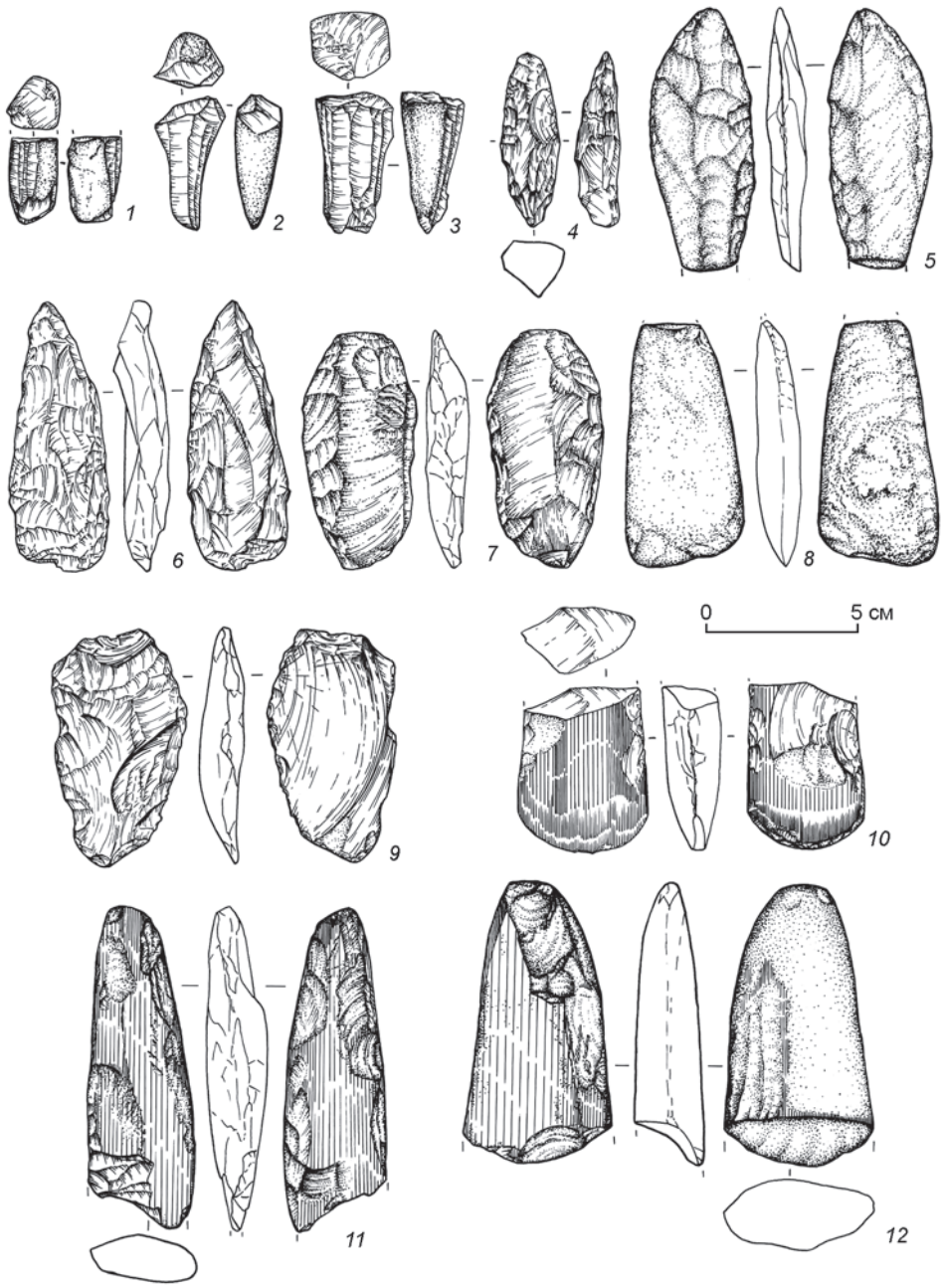


Рис. 2. Изделия из камня поселения Амурский Санаторий.
1–3 – нуклеусы; *4* –наконечник дротика; *5* – нож; *6–12* – тесла. Художник Ю.В. Табарева.

Шлифованные тесла, скорее всего, были оставлены носителями вознесеновской культуры.

Таким образом, неолитический комплекс поселения Амурский Санаторий включает разнообразный по временной и культурной принадлежности материал, начиная от самых ранних этапов до финала эпохи. В результате активных действий поздних обитателей на удобном для проживания месте был практически полностью разрушен неолитический культурный горизонт памятника, поэтому количество непереотложенных предметов невелико. Однако, несмотря на их относительную малочисленность, исследуемый памятник, безусловно, важен для решения, прежде всего, проблемы внутренней периодизации нижнеамурского неолита.

Список литературы

Окладников А.П. Археологические раскопки в районе Хабаровска // Вопр. географии Дальнего Востока: сб. 6. – Хабаровск: Изд-во Дальневост. фил. СО АН СССР, Приам. (Хабар.) фил. ГО СССР, 1963. – С. 255–282.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.

УДК 591.471.4:569.742.7(571.51):551.793

Н.Д. Оводов

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ndovodov@mail.ru

ЧЕРЕП ВОЛКА ИЗ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ АФОНТОВОЙ ГОРЫ

Новейшие раскопки палеолитической стоянки Афонтова Гора в пределах г. Красноярска принесли немалое количество палеофаунистического материала, в т.ч. полный череп серого волка, сохранивший на себе следы человеческого насилия.

Ключевые слова: *череп серого волка, палеолит, Афонтова Гора.*

Recent excavations of the Paleolithic site Afontova Gora within the city of Krasnoyarsk revealed a considerable amount of paleofaunal remains including a complete skull of the gray wolf, which has preserved traces of human violence.

Keywords: *gray wolf skull, Paleolithic, Afontova Gora.*

Широко известная палеолитическая стоянка Афонтова Гора слабо охарактеризована палеофаунистически. Стоянку эту открыл в 1885 г. И.Т. Савенков и исследовал ее на первом этапе. В этом же году проездом в Красноярске оказался палеонтолог И.Д. Черский, заинтересовавшийся собранными ископаемыми остатками млекопитающих [Оводов, 1966]. По записи И.Т. Савенкова, ко времени приезда Черского при раскопках Афонтовой Горы было собрано 350 костных образцов. Черский не только определил фаунистический материал, но и утвердил мнение Савенкова о палеолитическом возрасте стоянки. Позднее, с 1886 по 1892 г. коллекция остатков животных расширилась и составила 949 экземпляров [Савенков, 1889]: человек – 1 тазовая кость; олень северный – 748 номеров (в их числе, если Савенков не был уверен в определении, он писал *Cervus;* таковых номеров 216); мамонт – 91 номер; бизон (?) – 43 номера; носорог (?) – 4 кости; лошадь – 53 номера; марал – 6 костей; собака, или волк – правая нижняя челюсть, череп, обломок затылочной кости. Часть костей из этой коллекции вероятно И.Д. Черский видел, во всяком случае, отмеченный череп собаки [Оводов, Кузьмин, 2006], который поверхностно опубликовала М.В. Павлова [Pavlow, 1931], и местонахождение его до сих пор не известно. Г.П. Сосновский [1935] указывает, что за девять лет наблюдений И.Т. Савенкова над разрезами отложений Афонтовой Горы было собрано 1 500 скелетных фрагментов, позднее отосланных в Музей антропологии и этнографии АН СССР.

Проведенные в 1923–1925 гг. раскопки Афонтовой Горы II под руководством Н.К. Ауэрбаха, Г.П. Сосновского и В.И. Громова дали наибольший палеофаунистический материал – около 10 000 вполне пригодных к определению остатков позвоночных. В.И. Громов [1932] привел список из 23–24 видов млекопитающих, указывая лишь минимальное количество особей: северный олень (46), благородный олень (1 и 2), косуля (2), горный козел (1 и 2), архар (3), сайга (2), бизон (2), бык (1), волк серый (2), *Canis* sp. (1), лисица (2), песец (32), медведь (1), пещерный лев (1), росомаха (3), лошадь (2), кулан (1), мамонт (5 и 1), заяц (17), полевка-экономка (1), полевка узкочерепная (1).

Итоговую работу по археологии афонтовских стоянок опубликовал С.Н. Астахов [1999]. Примечательно, что в приведенном им по латыни на с. 102 списке млекопитающих из верхнего слоя стоянки Афонтова Гора III можно видеть белого медведя, нерпу, моржа и овцебыка. Парадокс!

Нынче, в 2014 г. по случаю строительства нового моста через Енисей в районе Афонтовой Горы предприняты обширные археологические раскопки. Палеофаунистически участок оказался вполне насыщенным. Тем не менее отдельные находки представляют неординарный интерес, в частности, описываемый ниже череп серого волка (Аф II-14. Р 24, 238).

Таблица 1. **Морфологическая характеристика волчьих черепов (maxilla)**

№ по: [Driesch, 1976]	Наименование промеров, мм	Афонтова Гора-14	Куртак, 2012 г.
1	Длина общая	268	244,3
2	Длина кондило-базальная	259	226,8
3	Длина основная	246	215
4	От Basion до Synsphenion	65	58,4
5	От Synsphenion до Prosthion	178	154
7	Длина мозгового отдела	122	117,8
8	От вершины носовых костей до Prosthion	136,1	118,2
9	От надглазничных отростков до Prosthion	151,2	135
10	Длина носовых костей (максимальная)	99	89
12	От переднего края глазницы до Prosthion	121	104
	От заднего края подглазничного отверстия до заднего края альвеолы клыка	47,8	38
13	Нёбная срединная длина	132,2	111,9
13 а	Нёбная срединная длина	131	109
	C1/-M/2	117	100
15	P1/-M2/	95	81,7
Fig.15a	Длина P4/(L)	26	25,1
Fig.15a	Ширина P4/(GB)	18,1	15,3
Fig.15a	Ширина метастиля P4/ (B)	10,9	10,9
Fig.15b	Длина M1/(L)	17,1	16
Fig.15b	Ширина M1/(B)	22,1	19,8
Fig.15c	Длина M2/(L)	9,1	8,9
Fig.15c	Ширина M2/(B)	13	13,1
16	M1/-M2/	26,1	24,5
17	P1/-P4/	72,4	64
	P1/-P3	43,7	38
22	Длина слухового барабана	29,9	27,9
23	Слуховая ширина	75,5	76,8
24	Ширина за скуловыми дугами	83,2	83,3
25	Ширина затылочных мыщелков	51,3	50,3
26	Ширина между пароксипитальными отростками	85,5	84,7
27	Наибольшая ширина foramen magnum	25	24,4
28	Высота затылочного отверстия	15,9	15,3
29	Максимальная ширина мозговой капсулы	72	71
31	Заглазничная ширина	39,7	43,5
32	Ширина в надглазничных отростках	62	62,4
33	Ширина в орбитах	44,7	47
	Ширина в подглазничных отверстиях	54,6	49,2
34	Между наружными краями M1/	81,4	83,3
35	Между наружными краями P2/	54,5	52,2
	P4/-P4/	86,8	85,6
36	Ширина в клыках	53,2	51,1
	Ширина в резцах альвеолярная (I 3/–I 3/)	37,2	34,8
37	Диаметр глазницы	39,4	37,8
38	Высота от Basion до вершины сагиттального гребня	75,5	74,6
39	От Basion до верхней части мозговой капсулы	67,5	63,9
40	От верхнего края затылочной чешуи до межмыщелковой точки (B)	65,2	52,3
	Длина/ширина основания коронки клыка	15,2/9,8	13,7/8,6
	Длина/ширина коронки P1/	8,1/5,2	6,7/(?)
	Длина/ширина коронки P2/	16/7	13/(?)
	Длина/ширина коронки P3/	17,1/8	16,1/(?)
	Высота/ширина хоан	9/22	11,1/22
	От линии, соединяющей надглазничные отростки до заглазничного сужения	35	33
	От линии, соединяющей надглазничные отростки, до аборальной точки мозговой части	120	116
	Объем мозговой полости, мл	155	140

Череп с примкнутыми нижними челюстями принадлежит взрослому зверю. В захоронении оказался вентральной поверхностью наверх. Костная ткань плотная гладкая. Зубная система полная как на верхней челюсти, так и на нижних. Есть некоторые особенности: по голове тяжелораненого, или мертвого волка было нанесено четыре или пять ударов по мозговой части, отпечатки которых хорошо заметны на сагиттальном гребне. Также и на вентральной поверхности отмечено повреждение: одним ударом были разрушены слуховые барабаны, при этом повреждены на нижних челюстях угловые отростки. Возможно, при этой экзекуции пострадали и отсутствующие скуловые дуги. Следов отчленения черепа от первого шейного позвонка не отмечено.

В качестве дополнительного примера строения плейстоценового черепа волка, также с левобережья Енисея (Куртакский археологический р-н), привожу и его цифровую характеристику (табл. 1).

Опытный глаз увидит разницу не только в общей длине черепов, но и в их лицевой части. Ряд предкоренных (P1/-P4/) афонтовского черепа составляет 72,4 мм, в то время как у куртакского – 64 мм. Отношение длины лицевой части к кондило-базальной длине у обоих черепов довольно близки: 58,37 и 59,52 %. У плейстоценовых волков из алтайской Разбойничьей пещеры по этому признаку мы имеем по пяти черепам 60,17–62,83 %, то есть алтайские плейстоценовые волки имели относительно более длинную морду, хотя по длине зубного ряда верхней челюсти (C1/-M2/) алтайские волки проигрывали (95,8–108,1 мм) афонтовскому (117 мм) (табл. 2).

Природная обстановка вокруг существовавших палеолитических стоянок на Афонтовой Горе, судя

Таблица 2. **Нижняя челюсть (mandibula) афонтовского волка в сравнении с аналогичными данными по волкам из Разбойничьей пещеры (Алтай)**

№ по: [Driesch, 1976]	Наименование промеров, мм	Афонтова Гора	Разбойничья пещера (Алтай) min – M – max
1	Полная длина челюсти	199	172,0 – 180,17 – 189,0
2	От переднего края челюсти до углового отростка	–	170,0 – 173,0 – 176,0
3	От переднего края челюсти до выемки между угловым и суставным отростками	191	165,3 – 171,34 – 179,0
4	От заднего края коронки клыка до суставного отростка	171	140,3 – 155,07 – 165,0
5	От заднего края коронки клыка до выемки между суставным и угловым отростками	166	138,0 – 147,6 – 156,0
7	От заднего края коронки клыка до заднего края коронки M/3	111	91,3 – 99,58 – 107,0
8	P/1 – M/3	102	87,7 – 99,01 – 99,9
9	P/2 – M/3	95	82,2 – 88,34 – 93,6
10	M/1 – M/3	49,1	41,1 – 46,13 – 48,2
11	P/1 – P/4	55,3	44,1 – 50,72 – 62,8
12	P/2 – P/4	48,8	40,0 – 43,93 – 48,8
13	Длина коронки M/1 (L)	30,7	23,0 – 28,79 – 31,7
13	Ширина коронки M/1 (B)	12,9	10,5 – 11,74 – 12,8
14	Длина альвеолы M/1	30	26,3 – 28,45 – 31,3
15	Длина коронки M/2 (L)	11,8	9,8 – 11,65 – 13,6
15	Ширина коронки M/2 (B)	9,9	7,5 – 8,66 – 10,1
16	Длина коронки M/3 (L)	5,8	5,0 – 5,67 – 7,2
16	Ширина коронки M/3 (B)	6,1	4,0 – 4,94 – 6,5
17	Толщина челюсти в районе M/1	15,1	11,2 – 14,25 – 16,1
18	Высота челюсти между угловым и венечным отростками	79	69,0 – 71,12 – 74,5
19	Высота челюсти между M/1 и M/2	32	27,0 – 33,01 – 42,4
20	Высота челюсти между P/2 и P/3	28,9	20,5 – 24,77 – 29,0
	Длина диастемы	10	2,1 – 5,67 – 8,0
	Длина основания коронки клыка	15	12,2 – 13,77 – 15,2
	Ширина основания коронки клыка	10,2	7,9 – 9,42 – 11,0
	Сумма длин коронок P/1, P/2, P/3, P/4	51,4	44,3 – 49,75 – 53,2
	Сумма длин коронок M/1, M/2, M/3	48,3	38,8 – 45,61 – 48,9

по набору видов позвоночных и, в первую очередь, млекопитающих, была довольно разнообразной. Здесь находили условия для обитания степняки, горно-скальные, тундровые и таежные виды. Наиболее частой добычей людей и волков являлись северные олени, представленные особой автономной популяцией [Оводов, Мартынович, Малимонова, 2000].

Список литературы

Астахов С.Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. – СПб.: Европейский дом, 1999. – 207 с.

Громов В.И. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова Гора II // Тр. Комис. по изучению четвертичного периода. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – Т. 1. – С. 145–184.

Оводов Н.Д. Неопубликованное письмо И.Д. Черского и малоизвестные сведения о его авторе // Изв. ВГО. – 1966. – Т. 98, № 1. – С. 75–77.

Оводов Н.Д., Кузьмин Я.В. Были ли у неандертальцев собаки? // Енисейская провинция. – Красноярск, 2006. – Вып. 2. – С. 171–177.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Плейстоценовые серые волки Алтая и Кузнецкого Алатау // Байкальский зоол. журн. – 2011. – № 3 (8). – С. 10–20.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Малимонова А.А. К вопросу о полиморфизме северного оленя в палеолите Южной Сибири // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий: мат-лы междунар. конф. – Красноярск, 2000. – С. 104–106.

Савенков И.Т. Инвентарь остеологической коллекции постплиоценовой фауны в окрестностях г. Красноярска и вообще в долине Енисея. Рукопись. 1889. 59 л. // Архив И.Т. Савенкова в Минусинском краеведческом музее.

Сосновский Г.П. Поселение на Афонтовой горе // Палеолит СССР. Материалы по истории дородового общества. – М.; Л., 1935. – С. 125–151.

Driesch A. von den. A Guide to the animal bones from archaeological sites. – Harvard Univ, 1976. – 101 p.

Pavlow M. Mammifères posttertiares trouvés sur les bords du Volga près de Senguiley et quelques formes provenant d'autres localités // Ежегодник Рус. палеонтол. об-ва. – Л., 1931. – Т. IX. – С. 1–40.

УДК 902/904

А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

ГЕОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

В ходе многолетних исследований на памятнике Дарвагчай-залив-1 было выявлено нескольких разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов. На основе комплексного анализа геологической ситуации залегания и технико-типологического облика исследуемых каменных артефактов проведено хронологическое разделение обнаруженных коллекций. Согласно предварительным оценкам, возраст стоянки соответствует большому хронологическому интервалу от финала раннего до финала среднего палеолита.

Ключевые слова: *Дагестан, каменные индустрии, ранний и средний палеолит, плейстоцен, морские трансгрессии.*

The article is devoted to the results of archeological works on the Darvagchai-Bay-1 site. In the course of long-term archaeological research several cultural-chronological complexes of Paleolithic artifacts were revealed. According to preliminary age estimates this archeological site corresponds to a very large chronological interval from the final Early to the final Middle Paleolithic. Thus, materials from Darvagchai-Bay-1 site allow us to set the sequence and define specific features of development of the Palaeolithic culture of the studied area.

Keyword: *Dagestan, lithic industry, Early and Middle Paleolithic, Pleistocene, sea transgressions.*

Стоянка Дарвагчай-залив-1 расположена в Дербентском р-не Республики Дагестан. В 2009 г. на памятнике проводились рекогносцировочные исследования, результатом которых явилось обнаружение нескольких разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов [Деревянко и др., 2009].

В 2010–2011 гг. производились раскопки культурно-хронологического комплекса 2. В ходе полевых исследований выделено пять литологических слоев, в трех из них отмечено залегание археологического материала [Рыбалко, Кулик, 2011].

Ниже приводится описание разреза (сверху – вниз).

Слой 1. Горизонт представлен светло-коричневым легким суглинком с примесью дресвы, мелкого щебня, гравия и хорошо окатанных галек. Мощность 0,20–0,25 м.

Слой 2а. Коричневый суглинок с большим содержанием обломочного материала: дресвы, щебня и хорошо окатанных галек. Встречаются плоские глыбы ракушняка (до 0,8 м). В тоще слоя много мелких карбонатных стяжек. Мощность 0,3–0,5 м.

Слой 2б. Аналог слоя 2а. Отличается значительным осветлением и минерализацией заполнителя, прослеживается в виде большой линзы. Ориентировка обломков отсутствует. Отложения с явным перерывом (размывом) перекрывают нижележащие.

Слой 3. Тонкозернистый желтовато-серый песок мощностью до 0,55 м. Подошва слоя четкая, неровная, видны промоины в нижележащих отложениях.

Слой 4. Зеленовато-коричневый алеврит. Текстура пятнистая, видимая мощность до 1,3 м. Данный слой является сильно выветренным образованием акчагыла, т.к. залегает на горизонтально слоистых отложениях глинистых алевритов, которые относятся к акчагыльской трансгрессии Каспийского моря.

Общий технико-типологический облик и характер залегания обнаруженных каменных артефактов позволяют рассматривать их в рамках широкого культурно-хронологического интервала среднего палеолита [Деревянко и др., 2012].

Каменные артефакты культурно-хронологического комплекса 1 были обнаружены на верхней, распаханной части террасы [Деревянко и др., 2009].

Основной задачей полевого сезона 2012 г. явилось обнаружение подобных артефактов, залегающих в стратифицированном состоянии. В результате разведочных работ в шурфе, заложенном на

границе пашни и склона, были обнаружены аналогичные артефакты [Рыбалко, Кандыба, 2012]. В ходе полевых исследований вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 0,5 м от дневной поверхности.

Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху вниз).

Слой 1. Серо-коричневый легкий суглинок, рыхлый, пористый, с редкими карбонатными стяжениями (Ø до 1 см). Кровля слоя слабо гумусированная, имеет серый оттенок. Граница с нижележащим слоем четкая, относительно ровная, субгоризонтальная. Мощность 0,3–0,4 м.

Слой 2. Желто-серая лессовидная супесь. Слой сильно минерализированный, имеет наклон параллельно склону. Мощность 0,3–0,4 м.

Археологические материалы залегали в слое 1. Данный литологический горизонт ориентирован параллельно склону, генезис отложений делювиально-эоловый. Образование этого литологического горизонта рассматривается как довольно длительный постепенный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов.

По совокупности признаков комплекс наиболее близок каменному инвентарю нижних археологических горизонтов стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан). По данным абсолютного датирования, эти горизонты имеют возраст (открытая дата) более 43700 л.н. [Деревянко и др., 2012].

В 2012–2013 гг. раскопки памятника Дарвагчай-залив-1 производились в верхней части склона террасовидного уступа, на котором расположен памятник. Здесь, на глубине 1,5 м от дневной поверхности, был обнаружен слой палеопочвы, содержащий каменные артефакты среднепалеолитического облика [Рыбалко, Кандыба, 2012].

В ходе археологических исследований вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 3 м от дневной поверхности. Ниже приводится описание разреза (сверху вниз).

Слой 1А. Серо-коричневый лессовидный легкий суглинок с неоднородной, комковатой текстурой. Техногенная толща (пашня). Мощность 0,3–0,4 м.

Слой 1Б. Светло-коричневый лессовидный суглинок с неоднородной текстурой. При высыхании серо-коричневый, трещиноватый с редкими карбонатными стяжениями (Ø до 1 см). Мощность 0,4 м.

Слой 2. Лессовидный серо-коричневый суглинок. Плотный, умеренно пористый. Генезис эоловый, при незначительном участии делювиальных процессов. Текстура слоя пятнистая из-за карбонатизированных пятен. Подошва относительно ровная, четкая, имеет падение в западном направлении. Мощность 0,60–0,85 м.

Слой 3. Буро-коричневая, гумусированная супесь (погребенная почва), пылеватая в сухом состоянии. Текстура слоя пятнистая. Нижняя часть горизонта имеет более темный, черно-бурый оттенок. По всему слою отмечаются многочисленные кротовины разнообразной формы и размеров. Генезис биогенный и эоловый. Мощность 0,8–1,5 м.

Слой 4. Плотный желтовато-коричневый тяжелый суглинок. Верхняя часть слоя имеет красно-бурый оттенок (контактная зона). Генезис делювиально-эоловый. Текстура пятнистая. Отмечаются карбонатные стяжения (размер 1–2 см). Видимая мощность 0,4 м.

В целом данная среднепалеолитическая индустрия занимает промежуточное положение между комплексом 1 и комплексом 2, что подтверждается отсутствием как раннепалеолитических, так верхнепалеолитических компонентов [Рыбалко, Кандыба, 2013].

В 2013 г. были начаты археологические раскопки на части памятника, где были обнаружены каменные артефакты, составляющие культурно-хронологический комплекс 3, датируемый ранним палеолитом [Деревянко, Рыбалко, Кандыба, 2013].

Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху вниз).

Слой 1. Серо-коричневая супесь с большим содержанием гравия и гальки (хорошо окатанной). Генезис склоновый. Мощность до 0,1 м.

Слой 2. Галечно-гравийные отложения с линзами и прослоями (мощностью до 0,5 м) глинистого крупнозернистого коричневого песка и темно-коричневой глины. Обломки разной степени окатанности. Мощность слоя до 2,8 м.

Слой 3. Среднезернистый желтовато-серый песок. Состав кварцево-детритовый. Кровля неровная. В центре раскопа слой представлен в виде мощной, сильно выступающей линзы. Видимая мощностью до 0,6 м.

Галечно-гравийная толща, в которой были обнаружены артефакты культурно-хронологического комплекса 3, залегает непосредственно на прибрежно-морских отложениях, по геологической шкале имеющих бакинский возраст (750–450 тыс. л.н.). Следовательно, можно приблизительно определить хронологические рамки образования данного литологического горизонта: это миндель (493–362 тыс. л.н.) или миндель-рисс (362–310 тыс. л.н.) по европейской (альпийской) геохронологической шкале.

Культурно-хронологический комплекс 4 представляет собой небольшую группу (4 экз.) арте-

фактов, полученных непосредственно из толщи ракушняков-известняков [Деревянко и др., 2012]. Эти каменные изделия фиксируют наиболее ранний этап присутствия человека на данном местонахождении (ранний палеолит, по кавказской геологической шкале – позднебакинское время (550–450 тыс. л.н.)).

Предварительный анализ полученных разрезов позволил выделить три большие пачки разновозрастных отложений.

1. Нижняя часть террасы образована в результате трансгрессий Каспийского моря. Здесь отчетливо фиксируются прибрежно-морские отложения в виде слоистых глин и алевритов акчагыльского возраста, на которых залегают бакинские слои, представленные детритовыми песками и монолитными пластами ракушняка-известняка.

2. Среднюю часть террасы занимают галечно-гравийные отложения. Разная степень окатанности обломочного материала, наличие разнообразного рыхлого заполнителя предполагают пролювиально-делювиальный генезис этих отложений. Приблизительная мощность данной толщи, установленная по нивелировочным отметкам, составляет 16,5 м.

3. Последний, верхний, пласт представлен покровными отложениями в виде разнообразных супесей и суглинков. Мощность данной толщи составляет 7–10 м.

Результаты исследований указывают, как минимум, на пять культурно-хронологических этапов образования археологических материалов местонахождения Дарвагчай-залив-1. Общий анализ археологических коллекций стоянки показывает, что на объекте представлены комплексы каменных артефактов, в культурном плане соответствующие индустриям, занимающим очень большой хронологический период – от финала раннего до финала среднего палеолита.

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В. Дарвагчай-залив-1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 106–110.

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А. В. Исследование раннего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 74–79.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследование финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 138–142.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 139–144.

Рыбалко А.Г., Кулик Н.А. Новые данные о первичном расщеплении стоянки Дарвагчай-залив-1 (по материалам ремонтажа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 109–113.

УДК 902

А.Г. Рыбалко, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: arhkandyba@gmail.com

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 В 2014 ГОДУ*

Данная статья посвящена результатам последних исследований одного из среднепалеолитических комплексов памятника Дарвагчай-залив-1, материалы которого являются ключевыми в понимании развития данного обширного культурно-хронологического диапазона для территории Северо-Восточного Кавказа. Литологические исследования палеопочвы, вмещающей в себя археологические материалы, позволили включить данный комплекс в общую палеогеографическую картину региона. Хронологический период существования древнего человека в данном регионе определен эпизодом рисс-вюрского межледниковья – кислородно-изотопной стадией 5е. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором.

Ключевые слова: *средний палеолит, палеопочва, леваллуазское расщепление, неоплейстоцен.*

This article presents the results of recent studies of Darvagchay-zaliv-1, one of the the Middle Paleolithic complexes. Artifacts of site are key material to understanding the development of the extensive cultural and chronological range for the North-East Caucasus. Lithological study of paleosol contained the archaeological materials, allowed to include this complex in general picture of regional paleogeography. Riss-Wurm interglacial oxygen isotope stage 5e defines the chronological period of the ancient people existence in the region. Stone tools are characterized by Levallois technique of splitting and typical the Middle Paleolithic tool kit.

Keywords: *Middle Paleolithic, paleosol, Levallois knapping, neopleistocene.*

В отчетном полевом сезоне работы проводились на территории Дербентского р-на Республики Дагестан. Раскопки памятника Дарвагчай-залив-1 производились в верхней части склона террасовидного уступа, на котором расположен памятник. Раскоп был заложен непосредственно на пашне, на участке, продолжающем линию шурфов 2009 г. в северо-восточном направлении [Деревянко и др., 2009]. Данные исследования явились логическим продолжением полевых исследований предыдущих лет [Деревянко, Рыбалко, Кандыба, 2012; Рыбалко, Кандыба, 2013], вскрытая площадь составила 12 кв.м.

В ходе работ вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 3,5 м от дневной поверхности. В разрезе отчетливо фиксируются четыре геологических горизонта. Ниже приводится описание разреза (сверху вниз).

Слой 1А. Серо-коричневый лессовидный легкий суглинок с неоднородной, комковатой текстурой. Техногенная толща (пашня). Имеет относительно выдержанную мощность (в пределах раскопа). И.м. (истинная мощность) 0,3–0,4 м. Подошва субгоризонтальная, четкая. Имеет падение в западном направлении.

Слой 1Б. Светло-коричневый лессовидный суглинок с неоднородной текстурой. По-видимому, изменен в ходе хозяйственной деятельности человека (выравнивание поверхности террасы). При высыхании серо-коричневый, трещиноватый с редкими карбонатными стяжениями (Ø до 1 см), равномерно разбросанными по всей толще горизонта. И.м. в среднем 0,4 м. Подошва резкая, четкая, субгоризонтальная (падение в западном направлении).

Слой 2. Лессовидный серо-коричневый суглинок. Плотный, умеренно пористый. Генезис эоловый при незначительном участии делювиальных процессов. Текстура слоя пятнистая из-за карбона-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-12012-офи-м).

тизированных пятен (Ø до 3 см). В средней части и в подошве слоя встречаются немногочисленные ходы землеройных животных. Подошва относительно ровная, четкая, имеет падение в западном направлении (угол падения 5–10°). И.м меняется от 0,60 до 0,85 м.

Слой 3. Буро-коричневая, гумусированная супесь (погребенная почва), пылеватая в сухом состоянии. Текстура слоя пятнистая. Нижняя часть горизонта имеет более темный черно-бурый оттенок (последние 0,1–0,2 м). По всему слою отмечаются многочисленные кротовины разнообразной формы и размеров, заполненные светло-коричневым суглинком. Генезис биогенный и эоловый. Подошва слоя размытая, субгоризонтальная. И.м. ~ 0,8–1,0 м.

Слой 4. Плотный желтовато-коричневый тяжелый суглинок. Верхняя часть слоя (первые 20–25 см) имеет красно-бурый оттенок (контактная зона). Генезис делювиально-эоловый. Текстура пятнистая. Отмечаются карбонатные стяжения (размер 1–2 см). В кровле слоя видны трещины усыхания (средняя ширина в устье 2–3 см при глубине 0,2 м). Видимая мощность слоя 0,4 м.

Археологические материалы залегали в слое 3 – буро-коричневая гумусированная супесь (погребенная почва). Немногочисленная, но выразительная коллекция артефактов насчитывает 73 экз. каменных изделий.

К системе параллельного расщепления отнесены два предмета. Первый является двуплощадочным монофронтальным ядрищем. Плоские ударные площадки оформлены одним снятием. Фронт скалывания сохраняет негативы крупных пластинчатых снятий. Второй предмет крупных размеров является двуплощадочным бифронталым нуклеусом с перекрестной системой снятия. Ударные площадки плоские, одна из них оформлена одним крупным сколом. Плоские фронты скалывания сохраняют негативы крупных и средних сколов средних пропорций. Большинство снятий являются отраженными, что и послужило причиной прекращения расщепления.

К нуклевидным обломкам отнесены три предмета, которые можно охарактеризовать как обломки леваллуазских нуклеусов.

В коллекции присутствуют галька крупных размеров, определяемая как ретушер. Для нее характерна забитость на одном из узких краев.

Индустрия отщепов насчитывает 51 экз. Крупных предметов в коллекции четыре экземпляра удлиненных пропорций. Ударные площадки представлены двумя типами – естественные и гладкие – в равных количествах. Огранка дорсала определима у трех предметов: параллельная однонаправленная, продольно-поперечная и гладкая. Отщепы средних размеров 30 экз. (из них четыре предмета фрагментированные). Целые предметы имеют в трех случаях укороченные, в 12 короткие, а в 11 удлиненные пропорции. Определимые ударные площадки представлены следующими типами: естественные (2 экз.), гладкие (11 экз.), фасетированные (5 экз.). Девять предметов имеют параллельную однонаправленную огранку дорсала, четыре параллельную бинаправленную, один гладкую, восемь продольно-поперечную, а два артефакта обладают радиальной огранкой дорсала. Отщепы мелких размеров 17 экз. (из них фрагментированных 13 экз.). Целые предметы по пропорциям делятся на удлиненные (2 экз.), короткие (2 экз.). Определимые ударные площадки представлены естественными (2 экз.), гладкими (6 экз.), фасетированными (1 экз.). Огранка дорсала представлена следующими типами: параллельная однонаправленная (3 экз.), параллельная бинаправленная (1 экз.).

Пластин в коллекции насчитывается 2 экз. (из них один предмет фрагментированный). Целый предмет имеет параллельную однонаправленную огранку дорсала и гладкую остаточную ударную площадку.

В коллекции также присутствуют обломки в количестве 13 экз., один осколок.

Орудийный набор состоит из 4 экз., из них два являются остриями, одно из которых обладает оформленным мелкофасеточной чешуйчатой пологой ретушью участком на вентральной стороне дистальной части предмета. В коллекции также присутствуют одно выемчатое орудие. Исходной заготовкой для него послужил отщеп средних размеров. Формированию выемки способствовал естественный контур края заготовки, вторичная обработка представлена постоянной мелкофасеточной слабомодифицирующей крутой чешуйчатой ретушью. Также в коллекции присутствуют отщеп с ретушью. Предмет представляет собой укороченный отщеп средних размеров с постоянной мелкофасеточной полукрутой чешуйчатой ретушью на продольном крае. Пластинчатые сколы представлены единичными экземплярами. Ударные площадки в основном гладкие и фасетированные.

Подводя итоги нескольких лет исследований, можно заключить, что первичное расщепление в данной каменной индустрии демонстрирует преобладание леваллуазской системы при подчиненном положении простой параллельной системы скалывания, которая, по всей видимости, служила для апробации сырья [Рыбалко, Кулик, 2011]. Нуклеусы использовались для снятия массивных

коротких отщепов крупных и средних размеров. Пластинчатые сколы представлены единичными экземплярами и являлись попутными нецелевыми продуктами расщепления. Отщепы, как правило, не содержат на дорсале желвачной корки, косвенно свидетельствуя о том, что первичная подготовка ядрищ осуществлялась в другом месте. Ударные площадки в основном гладкие и фасетированные, что также характеризует данную стоянку как место, где реализовывалась финальная стадия технологической последовательности расщепления камня, а именно получение целевых заготовок, в данном случае леваллуазских сколов. В то же время в орудийном наборе преобладают скребловидные, выемчатые и шиповидные изделия, что не противоречит поселенческому характеру данного памятника. Наличие очажных пятен, обнаруженных по результатам исследований 2013 г., и планиграфическая рассеянность археологического материала также подтверждают сезонность посещения данного места в течение длительного периода. Таким образом, особенности распределения каменных артефактов в палеопочве, а главное, их качественные и количественные составляющие, позволяют определить данный среднепалеолитический культурно-хронологический комплекс памятника Дарвагчай-залив-1 как многократно посещаемую кратковременную мастерскую-поселение.

Формирование палеопочв на территории Северной Евразии отмечается на протяжении всего неоплейстоцена [Болиховская, 2007]. С учетом гипсометрических отметок рельефа и наличия в основании террасовидного уступа слоя ракушников-известняков, по геологической шкале имеющих бакинский возраст (750–450 тыс. л.н.), а также принимая во внимание развитый среднепалеолитический облик индустрии с отсутствием как раннепалеолитических, так и верхнепалеолитических компонентов, можно определить хронологический диапазон существования данного культурного комплекса началом верхнего неоплейстоцена [Деревянко и др., 2012]. Образование столь мощного (до 1,2 м) литологического горизонта палеопочвы рассматривается как довольно длительный постепенный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов. Процессу седиментации соответствовали теплые и одновременно влажные климатические условия, которые были характерны для рисс-вюрмского межледниковья, синхронного подразделению 5е кислородно-изотопной шкалы (130–110 тыс. л.н.).

Список литературы

Болиховская Н.С. Пространственно-временные закономерности развития растительности и климата Северной Евразии в неоплейстоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 2–28.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В. Дарвагчай-залив-1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 96–101.

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 68–73.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 139–143.

Рыбалко А.Г., Кулик Н.А. Новые данные о первичном расщеплении стоянки Дарвагчай-залив-1 (по материалам ремонтажа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 109–113.

УДК 903.2

Е.П. Рыбин[1, 2], Б. Гунчинсурэн[3], Ц. Болорбат[3], А.М. Хаценович[1], Д. Одсурен[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Институт археологии МАН
E-mail: rybep@yandex.ru

РЕКОГНОСЦИРОВОЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ТОЛБОР-21 В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ*

В статье приводятся результаты раскопок стратифицированного палеолитического памятника Толбор-21 в Северной Монголии. Стоянка расположена в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, правого притока р. Селенга. Она была обнаружена в 2010 г., а в 2011 и 2014 гг. были заложены тестовые шурфы и траншея. В результате было выявлено четыре культуросодержащих горизонта. Первый культурный горизонт связан с поздней стадией верхнего палеолита. Второй культурный горизонт предоставил отщеповую индустрию финала раннего верхнего палеолита. Третий культурный горизонт содержал пластинчатую индустрию начального верхнего палеолита и, согласно радиоуглеродному датированию, имеет возраст 39 тыс. лет. Он отделен от четвертого культурного горизонта стерильной прослойкой, которая имеет возраст около 45 тыс. лет. Таким образом, памятник Толбор-21, насыщенный разновременными каменными ассамбляжами, является, согласно абсолютному датированию, самым древним среди верхнепалеолитических комплексов севера Центральной Азии.

Ключевые слова: *начальная пора верхнего палеолита, многослойный памятник, делювиальные отложения, каменные орудия, радиоуглеродное датирование.*

This paper is devoted to results of the excavation of multilayer Paleolithic site Tolbor-21 in Northern Mongolia. Site is located in the right tributary of Selenga River, in Ikh-Tulberiin-Gol River valley. Site was found at 2010 and tested by test pits and test trench in 2011 and 2014. As a result of exploring works the presence of four cultural horizons with archaeological remains was previously revealed. The first cultural horizon is associated with Late Upper Paleolithic. The second cultural horizon is presented by flake industry of final stage of Early Upper Paleolithic. The third cultural horizon contains Initial Upper Paleolithic blade industry and has 14Cdetermination by 39,000 BP. The archeologically sterile layer separate the third cultural horizon from fourth (which is associated with most early stage of Upper Paleolithic or with Middle Paleolithic) and it was dated approximately 45,000 years ago by radiocarbon analyses. Thereby, the rich lithic assemblages of this site have the one of the earliest absolute chronological determination among Upper Paleolithic complexes of Northern Central Asia.

Keywords: *Initial Upper Paleolithic, multilayer site, deluvial sediments, stone tools, radiocarbon dating.*

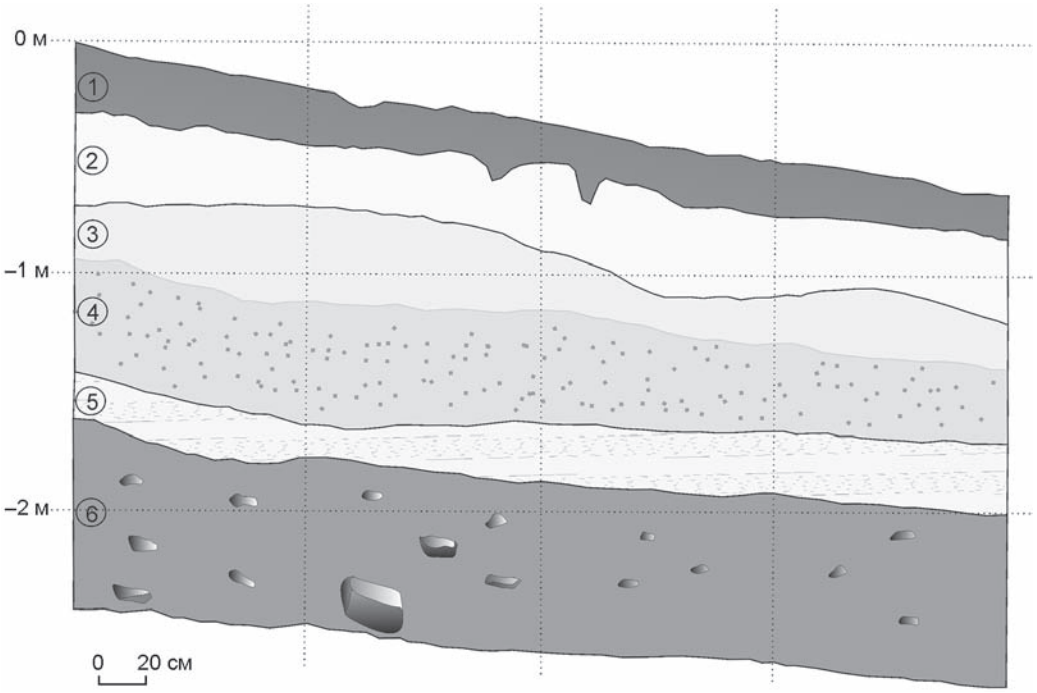
В долине р. Их-Тулбэрийн-Гол (правого притока р. Селенги) в Северной Монголии в результате планомерных разведок, производившихся отрядом совместной Российско-монгольской археологической экспедиции, стало известно свыше двадцати местонахождений, относящихся к различным этапам верхнего палеолита [Табарев и др., 2012]. До настоящего момента стационарным раскопкам подверглись три стоянки: Толбор-4, -15, -16. Полученные обширные серии радиоуглеродных датировок очерчивают хронологические рамки верхнепалеолитических индустрий долины Их-Тулбэрийн-Гола от 45 до 15 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2013].

*Работа выполнена по гранту Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученному ФГБОУ «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»; при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-33041 мол_а_вед).

Памятник Толбор-21 расположен на выположенном, наклоненном в сторону реки делювиально-пролювиальном шлейфе с прислоненным к скале тыловым швом. Координаты объекта 49°15'47" с.ш., 102°57'28" в.д. Высота над уровнем моря составляет 1 089 м. Относительно реки он находится на расстоянии около полукилометра, перепад высот между урезом реки и уровнем стоянки – 40 м. В распадке, расположенном под поверхностью шлейфа, и на скальных выходах присутствуют выходы метаморфизованных осадочных пород, пригодных для изготовления артефактов. Экспозиция памятника юго-западная, и большую часть дня он освещен солнцем.

Это местонахождение было открыто А.В. Табаревым в 2010 г. [Табарев и др., 2012]. В 2011 г. было заложено два разведочных шурфа, площадью 2 кв.м каждый, расположенных на расстоянии 30 м друг от друга. Шурф № 1, заложенный выше по склону, был пройден на глубину 212 см. Было выявлено четыре литологических слоя, «археологический материал на 99 % концентрировался в пачке светло-коричневых лессов на глубине 155–200 см, и, единично, светло-палевых» лессах [Там же, с. 29]. Согласно нумерации слоев, принятой А.В. Табаревым, основной массив артефактов залегал в слое 4, имевшем мощность 115–120 см, и, спорадически, в слое 3 (50–55 см). В шурфе № 2, расположенном ниже по склону и вскрытом на глубину до 188 см, была выявлена та же, за исключением разницы в мощности слоев, стратиграфическая ситуация. В обоих шурфах были отобраны образцы для радиоуглеродного анализа, по которым получены следующие радиоуглеродные определения: 44640 ± ± 690 (MAMS-14933) (сл. 4, шурф № 1) и 39240 ± ± 360 (MAMS-14936) (сл. 3, шурф № 2) [Деревянко и др., 2013]. Образцы из шурфа № 1 были получены из нижней части слоя 4 (глубина 150 см); а из шурфа № 2 – с глубины 115 см, что примерно соответствует средней части слоя 4 (личн. сообщ. А.В. Табарева, 1.10.2014 г.). Указанная в предыдущих публикациях атрибуция даты в 39 тыс. лет как происходящей из слоя 3 требует своего подтверждения. В 2014 г. на памятнике с целью уточнения стратиграфической ситуации и культурного облика каменных индустрий были предприняты новые разведочные работы

Согласно наклону склона была заложена траншея площадью 4 × 1 м, ориентированная длинной осью по линии С-З – Ю-В. Траншея была расположена между разведочными шурфами 2011 г.; шурф № 2 находится в 18 м ниже по склону относительно северо-западного угла траншеи, шурф № 1, соответственно, в 11 м выше по склону. При раскопках, проводившихся с просеиванием грунта, было предварительно выделено шесть литологических слоев (см. *рисунок*). Описание стратиграфии осуществлялось по продольной восточной стенке, позволяющей проследить угол падения, изменение мощности и границ слоев вниз по склону. Общая мощность вскрытых отложений достигла 2,5 м.



Стратиграфический разрез восточной стенки раскопа на памятнике Толбор-21.

Литологический слой 1 представляет собой современную почву темно-коричневого цвета. Угол падения слоя совпадает с углом современной дневной поверхности и составляет приблизительно 25°. Мощность слоя сокращается вниз по склону до 0,19 м против 0,30 м у верхней, северной стенки.

Литологический слой 2 – белесо-серого цвета, супесчаный, пылеватый. По текстуре он сцементированный, с карбонатными стяжениями. Его мощность в продольном профиле варьирует от 0,21 до 0,40 м, вне зависимости от расположения по склону.

Литологический слой 3 – супеси желтовато-серого цвета. Отложения плотные, но не сцементированные, без карбонатных стяжений. Его мощность в разрезе меняется от 0,16 м до 0,40 м, наименьшая мощность связана с проседанием слоя 2.

Литологический слой 4 представлен коричневато-серыми рыхлыми супесчаными отложениями, сильно отличается по текстуре и структуре от верхней пачки слоев. В отложениях присутствуют включения в виде мелкого щебня. Отложения имеют мощность от 0,32 до 0,54 м.

Литологический слой 5 является ламинарным, состоит из супесчаных коричневато-желтых рыхлых и белесо-серых плотных слойков. Мощность на разрезе восточной стенки варьирует от 0,14 до 0,30 м. В отличие от вышележащих слоев, эти отложения сокращаются к восточной стенке, тогда как к западной их мощность возрастает.

Литологический слой 6 представляет собой коричнево-серую мелкозернистую супесь со значительным включением дресвы, при значительном участии щебня и крупных обломков коренной породы. Подобная структура связана с непосредственным залеганием слоя на коре выветривания. Текстура слоя более пылеватая и рыхлая, чем у вышележащего. Он имеет мощность от 0,60 до 0,80 м, относительно восточной стенки прослеживается его падение и сокращение его мощности.

Литологические слои 1, 2 и 5 Толбора-21 могут быть скоррелированы со стратиграфическими разделами других памятников, исследованных в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол. Ламинарный слой 5 присутствует на памятниках Толбор-4, -16 и Харганын-Гол-5, как правило, с ним связаны комплексы пластинчатого варианта начального/раннего верхнего палеолита.

В литологических слоях 1 и 2 были выявлены единичные находки (27 экз.) морфологически невыраженных мелких артефактов и обломков породы.

Второй культурный горизонт связан с отложениями литологического слоя 3. Насыщенность его, по сравнению с вышележащим слоем, существенно возрастает, общее количество артефактов, найденных здесь, составляет 147 артефактов. Глубины залегания слоя варьирует от 70 до 100 см ниже дневной поверхности. Индустрия представлена выраженной отщеповой технологией, с обилием аморфных сколов и ситуационных нуклеусов. Данный технологический вариант характерен для финального этапа раннего верхнего палеолита и средней стадии верхнего палеолита Северной Монголии и Забайкалья.

Третий культурный горизонт был выявлен в составе отложений слоев 4 и 5 на глубинах 100–160 см от дневной поверхности (275 артефактов и фрагментов костей). Наибольшая концентрация культурных остатков приурочена к середине и подошве слоя 4; в кровле слоя 4 была обнаружена искусственного происхождения каменная выкладка. В технологическом отношении индустрия горизонта 3 является типичной крупнопластинчатой индустрией раннего этапа верхнего палеолита. Особенностью данного комплекса, отличающей его от других известных памятников толборского палеолита, является то, что данный ассамбляж относится к мастерской – мест первичной утилизации каменного сырья. Здесь преобладают крупные подпризматические нуклеусы для получения пластинчатых заготовок, преимущественно находящиеся в начальной стадии раскалывания, неретушированные сколы и технические сколы. Количество орудий невелико, они представлены концевыми скребками, шиповидными орудиями и ретушированными пластинами.

Как правило, при изучении памятников монгольского палеолита, дифференциация отдельных комплексов, обнаруженных в условиях склоновых отложений, весьма затруднена. Чаще всего мы можем вычленить зоны основной вертикальной концентрации материала. Наиболее существенным отличием Толбора-21, выделяющим его среди всех комплексов Толборской группы, является наличие археологически стерильного горизонта, который стратиграфически располагается в верхней части литологического слоя 6, на глубине от 1,6 до 1,96 м. Ниже, в том же слое, на отметках 1,96–2,42 м, были обнаружены три каменных артефакта и обломок тазовой кости плейстоценовой лошади (определение С.К. Васильева), представляющие тем самым культурный горизонт 4. Поверхность артефактов имеет следы легкой патины, здесь представлены два крупных отщепа и массивный подтреугольный частичный бифас, обработанный с помощью двусторонней оббивки.

В связи с тем, что выявленные в результате работ 2014 г. порядок, количество и мощность

культурных и литологических горизонтов заметно отличаются от результатов, полученных в результате работ 2011 г., очень важным представляется определение соотношения имеющихся радиоуглеродных дат с литологическими слоями. Исходя из сопоставления глубин, из которых были получены образцы для радиоуглеродного анализа в 2011 г. и характера отложений, из которых они происходили, с большой долей вероятности мы можем соотнести дату из шурфа № 2 (ок. 39 тыс. л.н.) с нижней частью литологического слоя 4 по нашему стратиграфическому делению. Дата около 45 тыс. л.н. из отложений шурфа № 1, скорее всего, должна быть скоррелирована с подошвой слоя 5 из траншеи. Таким образом, исходя из двух хронологических определений, индустрия культурного горизонта 3 должна быть соотнесена с наиболее ранними этапами начального верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии. Уникальную для Северной Монголии культурную и хронологическую ситуацию создает обнаружение залегающей под мощным стерильным слоем малочисленной индустрии культурного горизонта 4, имеющего возраст древнее 45 тыс. лет.

Список литературы

Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Гунчинсурэн Б., Цыбанков А.А., Олсен Д. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и -15) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 21–37.

Табарев А.В., Гунчинсурэн Б., Гиллам Дж.К., Гладышев С.А., Доганджич Т., Звин Н., Болорбат Ц., Одсурэн Д. Комплекс памятников каменного века в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монголия (разведочные работы с использованием ГИС-технологий в 2011 г.) // Археологийн судлал. – 2012. – Т. XXXII. – С. 26–43.

УДК 903.2+543.52

Е.П. Рыбин[1, 2], Т.И. Нохрина[1, 3], Ж.К. Таймагамбетов[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Новосибирский государственный университет
[4]Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби
E-mail: rybep@yandex.ru

ПЕРВАЯ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ДАТА ДЛЯ ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА: К ВОПРОСУ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛЕВАЛЛУАЗСКОЙ КОНВЕРГЕНТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ НА АЛТАЕ*

В 1999 г. в Лениногорской межгорной котловине (Западный Алтай, Восточно-Казахстанская обл., Республика Казахстан) обнаружено местонахождение Быструха-2. При зачистке выявлено два уровня залегания каменных артефактов и костей животных. В нижнем уровне 2, на глубине около 4 м от дневной поверхности, обнаружены предметы, характерные для раннего верхнего палеолита, леваллуазское острие. Из слоя 5 Быструхи-2 получена некалиброванная ^{14}C-дата 29140 ± 940 л.н. (AA-35323). Это первая абсолютная ^{14}C-дата для палеолита Северо-Восточного Казахстана. Местонахождение Быструха-2, находящееся в периферийном, удаленном на юго-запад относительно основной области распространения леваллуазских остриев районе, дало и наиболее позднюю для Алтая дату применения леваллуазской острийной технологии.

Ключевые слова: *Западный Алтай, Республика Казахстан, первая ^{14}C-дата, палеолит, леваллуазская острийная технология.*

During the archeological survey in Leninogorsk intermountain depression (Western Altai, East Kazakhstan) was discovered Paleolithic localities named Bystrukha-2. During the preliminary investigation and profile cleaning there were discovered two artifact-bearing levels. In the lowermost cultural Level 2 (Lithological layer 5), situated 4 meters below modern surface had been discovered small lithic assemblage containing artifacts typical for Early Upper Paleolithic and unidirectional Levallois point. For this layer was obtained ^{14}C determination 29140 ± 940 uncal. BP (AA-35323). This date (unpublished yet) is the first radiocarbon determination for the Paleolithic of Eastern Kazakhstan. Bystrukha 2 site which situated in the most remote from territory of main distribution of Levallois points in Altai gave the most recent evidence for using of Levallois point technology.

Keywords: *Western Altai, Kazakhstan, ^{14}C date, Paleolithic, Levallois point technology.*

Летом 1999 г. группа в составе В.Т. Петрина, Ж.К. Таймагамбетова и Е.П. Рыбина проводила разведку на территории Северо-Восточного Казахстана [Деревянко и др., 1999]. На восточном побережье Бухтарминского водохранилища найдены экспонированные местонахождения (Бухтарма-1–5), материал которых относится, вероятно, к различным этапам верхнего палеолита. В Лениногорской котловине, по данным местных краеведов (В.А. и П.Н. Ларионовых), были выявлены несколько пунктов, содержащих каменные артефакты. Основные разведочные маршруты проводились в районе г. Риддер (быв. Лениногорск), расположенном на Рудном Алтае у подножья Ивановского хребта, в верхнем течении р. Ульба (приток Иртыша). Как выяснилось, подавляющая часть артефактов не имела стратиграфической, а то и пространственной привязки. Исключением стало местонахождение Быструха-2, расположенное на восточной окраине г. Риддер,

*Работа выполнена по гранту Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученному ФГБОУ «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

на юго-восточном склоне мысовидного выступа, обрывающегося к р. Быструхе скальным обнажением. Координаты местонахождения 51°21'46,6" с.ш., 84°48'51,3" в.д. Здесь была произведена зачистка стенки карьера для добычи глины на глубину 4 м. Наблюдалась следующая стратиграфия (см. *рисунок*, А).

Слой 1. Почва черноземного типа, мощность до 0,4 м.

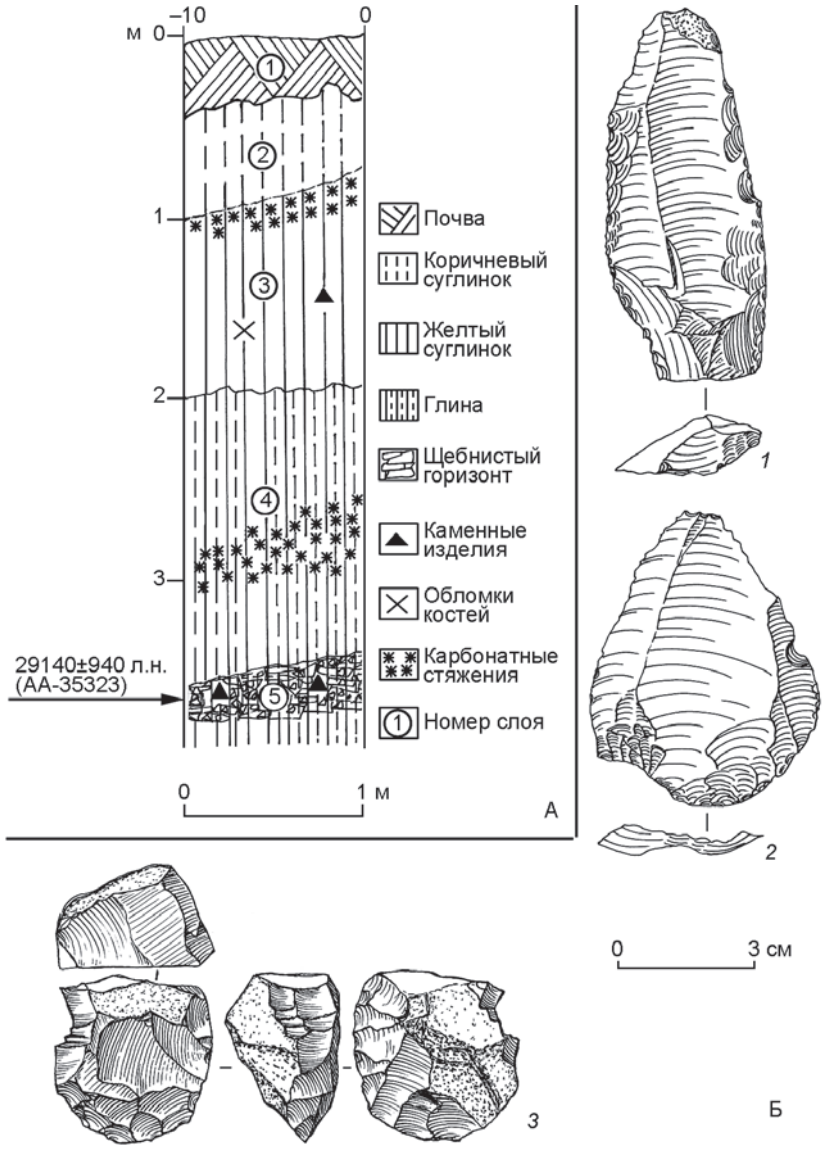
Слой 2. Лессовидный суглинок коричневатого цвета, контакт кровли неровный, с затеками гумуса, мощность до 0,5 м.

Слой 3. Лессовидный суглинок желтого цвета, в кровле горизонта карбонатизации, мощность до 1,2 м.

Слой 4. Глина серо-желтого цвета с подтеками ожелезнения, на глубине 3 м хорошо выраженный горизонт карбонатизации, мощность до 1,6 м.

Слой 5. Та же глина с примесью щебнистого материала, мощность до 0,3 м подстилается глиной слоя 4, тем самым этот слой является горизонтом внутри слоя 4.

При зачистке было выделено два уровня залегания археологического материала. Общая коллекция каменных артефактов составила 14 экз. Первый уровень находился в литологическом слоем 3, второй залегал основании разреза, в слое 5. С этим слом связан наиболее многочисленный набор артефактов, в том числе удлиненная ретушированная пластина, торцовый нуклеус, соразмерное леваллуазское острие с конвергентной однонаправленной огранкой (см. *рисунок*, Б). Из этого слоя в качестве образца для радиоуглеродного анализа была отобрана кость животного. В том же году этот образец был передан в радиоуглеродную лабораторию Университета Аризоны (г. Тусон, США)



Стратиграфический разрез (А) и каменный инвентарь (Б) местонахождения Быструха-2.

(рук. Т. Джалл). На основе образца из слоя 5 Быструхи-2 была получена некалиброванная ^{14}C-дата 29140 ± 940 л.н. (AA-35323).

По ряду причин эта информация не была опубликована. Добавим, что это первая и пока единственная абсолютная дата для палеолита Северо-Восточного Казахстана. Два стратифицированных верхнепалеолитических объекта, которые изучались ранее на этой территории – гр. Пещера [Гохман, 1957] и стоянка Шульбинка [Петрин, Таймагамбетов, 2000] – имеют только оценочное суждение об их возрасте, основанное на типологическом облике коллекций. Находка леваллуазского острия из контекста датированного возрастом финальной стадии раннего верхнего палеолита и соответствующего верхнему палеолиту на местонахождении Быструха-2 имеет значительный интерес в контексте проблемы определения хронологии и распространения леваллуазской конвергентной технологии.

Леваллуазская технология – одна из составных частей набора навыков обработки камня, характерного для большей части Старого Света в среднем палеолите. При анализе распространения леваллуа Горный Алтай в частности, обычно рассматривается, как макрорегион, для каменных индустрий которого характерно применение данной технологии как в среднем, так, отчасти, и в верхнем палеолите [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Деревянко, Шуньков, 2002].

Наиболее древние свидетельства применения метода леваллуазского конвергентного однонаправленного расщепления фиксируются на территории Горного Алтая в слое 19 Центрального зала Денисовой пещеры, где они относятся к периоду MIS-5e. Вместе с тем, эта технология демонстрирует неустойчивость форм остриев, их атипичность, крайнюю редкость. В более позднем слое 18 стоянки Усть-Каракол-1, относимом к хронологическому промежутку MIS 5d–c, леваллуазское конвергентное расщепление предстает в уже сформировавшемся виде. Расцвет и наиболее широкое распространение конвергентное расщепление получает на протяжении второй половины MIS-4 и начала MIS-3 в индустриях поздней стадии среднего палеолита, таких как слой СП-2 Кара-Бома, слои 4, 5 Усть-Канской пещеры, являющихся преемниками ассамбляжей из средней части разреза Денисовой пещеры и Усть-Каракола. Эти комплексы сопровождаются схожим орудийным набором и практически идентичной технологией раскалывания, характерной для т.н. кара-бомовского варианта среднего палеолита Горного Алтая [Природная среда..., 2003; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000].

К финальному среднему палеолиту относятся индустрии пещеры Окладникова, первая половина MIS-3. Исчезновение леваллуазской технологии может считаться единственной выявленной тенденцией в развитии технокомплексов объекта. Если в 7 слое пещеры имеются атипичные леваллуазские остроконечники, хотя и немногочисленные, в том числе, в удлиненных вариациях и с бипродольной огранкой, то во 2-м и 3-м слоях острия крайне редки, они атипичные, и, возможно, могли быть получены с помощью нелеваллуазских методов [Деревянко, Маркин, 1992].

Свидетельства существования леваллуазского конвергентного метода отмечаются и в наиболее ранних комплексах верхнего палеолита в хронологическом промежутке между 50 и 45 тыс. л.н. (Кара-Бом, СП-1; Денисова пещера, слой 11 восточной галереи). Здесь эта технология сосуществует с типичными для начального верхнего палеолита методами раскалывания подпризматических нуклеусов, и, в целом, верхнепалеолитическим орудийным набором. Вместе с тем, наряду с конвергентной технологией, здесь, как правило, имеются и бипродольные острия, получаемые уже в рамках иного, возможно, нелеваллуазского метода. В более поздних индустриях алтайского начального верхнего палеолита – раннего верхнего палеолита существование типичного конвергентного расщепления уже не прослеживается. Другой территорией, характеризующейся весьма широким распространением леваллуазско-острийного компонента, является Рудный Алтай, расположенный к юго-западу от Горного Алтая. Эта территория низкогорий и среднегорий, включающая бассейны рек Чарыш и Алей на территории России и верхнего течения Иртыша и его притоков на территории Северо-Восточного Казахстана. Показательная стратиграфическая последовательность была изучена в ходе продолжающихся и ныне раскопок пещеры Страшная, расположенной в бассейне Чарыша [Derevianko, Zenin, 1997]. В результате изучения стратиграфии памятника и анализа археологических комплексов, установлена дифференциация артефактов в соответствии с культурными горизонтами и выделены верхнепалеолитические и среднепалеолитические комплексы. Вместе с тем, полученная серия радиоуглеродных дат в пределах 35–41 тыс. л.н. для слоя 5 выявила видимую несогласованность в распределении по слоям [Кривошапкин и др., 2013]. На основе палеонтологических и археологических данных слои 4, 5 (возможно, и верх слоя 6) отнесены к каргинскому горизонту. Материалы раскопок показывают существование в слое 5 типичного для среднего

палеолита Алтая метода раскалывания, нацеленного на производство прямоугольных отщепов, скалывавшихся с радиальных и продольно-поперечно обработанных ядрищ, а также на снятия укороченных леваллуазских остриев.

Остальные объекты приурочены к бассейну р. Алей (местонахождение Аришкин Курган, Усть-Гольцовка, Воронеж-5, Гилёво – Российский Алтай), и Иртыша (Быструха-1 – Казахстанский Алтай). В индустриях этих нестратифицированных объектов есть атипичные укороченные асимметричные однонаправленные формы остриев. Наиболее выразительная серия леваллуазских остриев (в т.ч. удлиненных вариантов) представлена в индустрии местонахождения Гилёво, относящегося, очевидно, к кара-бомовскому варианту среднего палеолита [Кунгуров, 2002].

Приведенный нами краткий обзор данных, относящихся к хронологии и распространению леваллуазских остриев, демонстрирует, что местонахождение Быструха-2, находящееся в периферийном, удаленном на юго-запад относительно основной области распространения леваллуазских остриев районе, дало и наиболее позднюю для Алтая дату применения леваллуазской острийной технологии.

Список литературы

Гохман И.И. Палеолитическая стоянка «Пещера» на Бухтарме // КСИИМК. – 1957. – Вып. 67. – С. 54–58.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 225 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 31–52.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Рыбин Е.П., Козловский М.К., Ларионов В.А., Ларионова П.Н., Ситникова Л.Г. Палеолит Лениногорской котловины в Западном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 84–88.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрия с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16–42.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Васильев С.К., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 94–99.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – Ч. 1: Палеолитические памятники. – 176 с.

Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Комплексы палеолитической стоянки Шульбинка из Верхнего Прииртышья. – Алматы: Изд-во Казах. нац. ун-та им. аль-Фараби, 2000. – 165 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic transition though the example of the Altai cave and open air site // Suyanggae and Her Neighbours. – Chungju, 1997. – P. 241–254.

УДК 902.21

Е.П. Рыбин[1], Р.А. Шелепаев[2], А.М. Хаценович[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
E-mail: rybep@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ КАМЕННОГО СЫРЬЯ ДЛЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ДОЛИНАХ РЕК ИХ-ТУЛБЭРИЙН-ГОЛ И ХАРГАНЫН-ГОЛ В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ*

В статье рассматриваются предварительные результаты изучения источников каменного сырья для палеолитических стоянок Толбор-4, -15, -21 и Харганын-Гол-5 в Северной Монголии. Культурные отложения этих комплексов относятся к различным стадиям верхнего палеолита, их возраст находится в хронологических рамках от 45 до 15 тыс. л.н. Был произведен отбор образцов как из источников сырья, так и из состава коллекций каменных артефактов стратифицированных памятников. Определены пять основных разновидностей сырья, относящихся к осадочным породам различной степени метаморфизации. Материал большинства из них принадлежит отложениям тулбурской свиты и отобран либо из коренных источников, либо из аллювиального или пролювиального материала вблизи стоянок.

Ключевые слова: *Монголия, палеолит, источники каменного сырья, петрография.*

Paper is devoted to preliminary results of raw material sources research near Tolbor-4, -15, -16 and Kharganyn-Gol-5 sites in Northern Mongolia. The cultural horizons of these complexes refer to various stages of Upper Paleolithic. Their age is in the time span since 45 to 15 kya. Sampling was handled from raw material sources and lithic collections of stratified sites. Five main lithological varieties were defined. They fall into the category of sedimentary rock with varied metamorphic grade. Most of samples relate to deposits of Tulbur set and prehistoric men picked over them in the bed-rock sources or choose among alluvial or proluvial material near the sites.

Keywords: *Mongolia, Paleolithic, raw material sources, petrography.*

Исследования характера эксплуатации каменного сырья палеолитическим населением Монголии к настоящему моменту ограничиваются единичными публикациями [Brantingham et al., 2000; Кулик, Нохрина, Милютин, 2005]. Изолированные стоянки и местонахождения, известные к настоящему времени на территории данного региона Центральной Азии, не позволяют в полной мере реконструировать особенности использования камня древним человеком. Под использованием (утилизацией) каменного сырья понимается весь процесс взаимодействия с ним человека – от поисков источников выхода сырья, отбора аллювиального материала в руслах рек, использования конкретных пород для изготовления орудий, дополнительной обработки сырья перед раскалыванием, до методов его раскалывания при изготовлении нуклеусов и орудий труда. В той или иной мере решение этой задачи возможно на основе изучения источников каменного сырья на локальной территории, насыщенной археологическими объектами. В качестве полигона для подобных исследований был выбран комплекс археологических стоянок в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол (Северная Монголия). При этом предполагается осуществление полевых изысканий, направленных на поиск источников сырья, изучение их формирования и особенностей залегания, выявление результатов температурно-климатического воздействия на открытые источники сырья; определение характера переноса блоков и галек каменного сырья древним населением на объекты в долине Их-Тулбэрийн-Гол; дифферен-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-06-00163А).

циация сырья по качеству и соотнесение с технико-типологическим составом изделий, выявление «инородного» сырья и его происхождения.

На настоящий момент в долине рек Их-Тулбэрийн-гол, Алтаатын-Гол и Харганын-гол, правых притоков среднего течения р. Селенга (Булганский аймак, Республика Монголия) известны более 40 местонахождений каменного века, шесть из которых находятся в стратифицированном залегании и подверглись той или иной степени изучения. Основная концентрация памятников находится на участке долины радиусом 10 км (рис. 1). Основываясь на данных радиоуглеродного датирования, их возраст находится в хронологических рамках от 45 до 15 тыс. л.н. Как правило, эти стоянки многослойные, залегающие в них культурные слои содержат индустрии различных этапов верхнего палеолита. В результате первичного осмотра бортов долины было установлено, что на всем протяжении течения реки имеются выходы метаморфизованных каменных пород, пригодных для изготовления каменных артефактов, при этом использовались как коренные породы, так и галька из речного аллювия [Рыбин и др., 2006]. Летом 2014 г. в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН и Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН было произведен осмотр палеолитических памятников и первичного выходов сырья, а также аллювиальных источников. При этом производился отбор образцов, как из источников сырья, так и из состава коллекций каменных артефактов стратифицированных памятников.

Все изученные объекты расположены в северной части Орхон-Селенгинского прогиба, который принадлежит к числу наиболее значительных

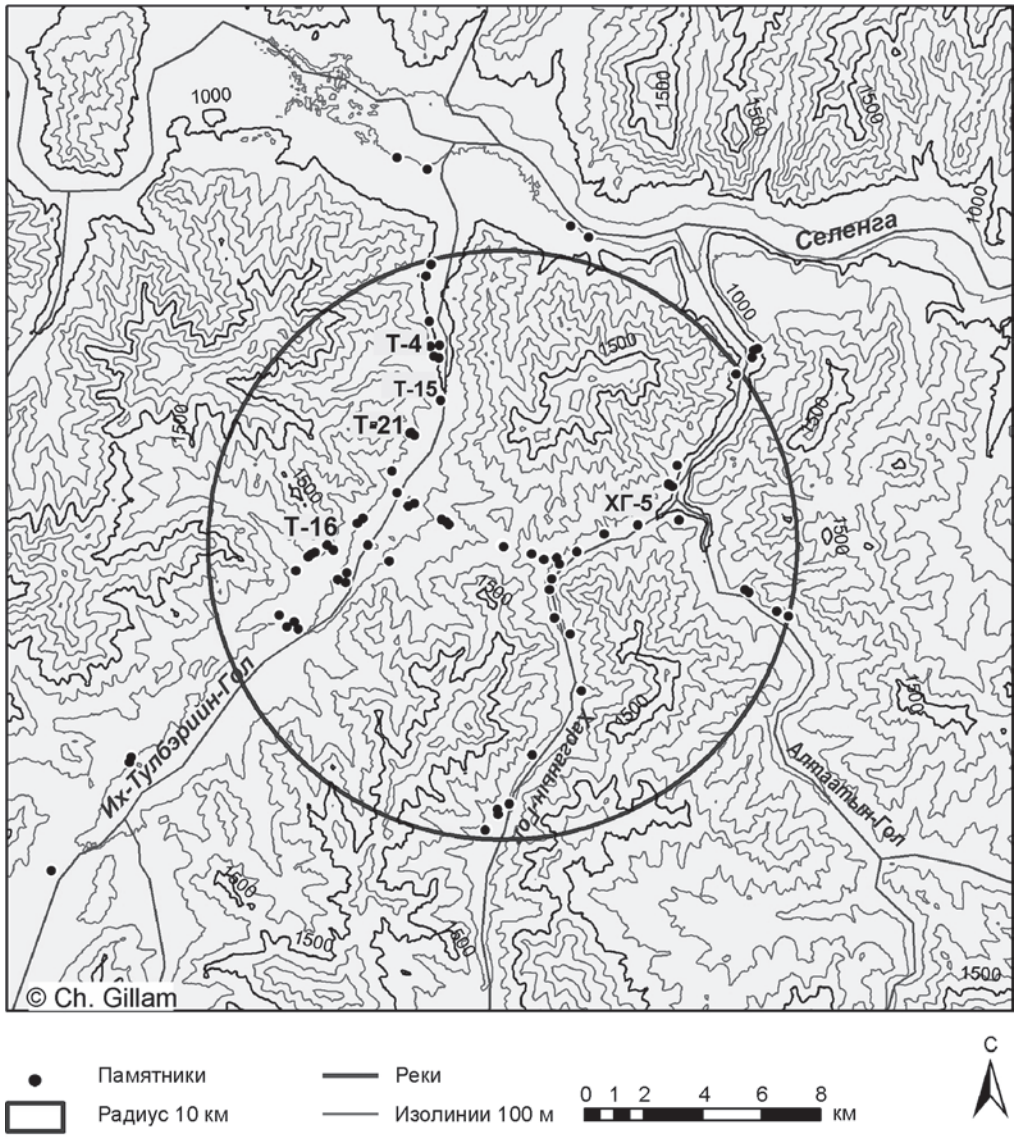


Рис. 1. Расположение палеолитических местонахождений в долинах рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол.

позднепалеозойско-раннемезозойских структур Северной Монголии. В результате интенсивной вулканической деятельности в пермское время в долине р. Их-Тулбэрий-Гол были сформированы мощные толщи вулканогенных отложений прогиба, объединенные в хануйскую серию, в которой выделяются четыре согласно пластующиеся свиты. Нижняя свита представлена эффузивами среднего и основного состава и состоит главным образом из трахибазальтов, трахиандезитов, с подчиненным количеством андезитов, базальтов, туфов и туфобрекчий. Эта свита перекрывается, согласно залегающей, свитой кислых эффузивов и состоит из риолитов, трахириолитов, их туфолав, туфов, туфобрекчий и игнимбритов, с отдельными потоками дацитов и андезитов. Далее вверх по разрезу эта свита сменяется вулканогенно-осадочной свитой (на некоторых геологических картах она названа харганской), состоящей из туфобрекчий, туффитов, туфопесчанников, туфоалевролитов с пачками кремнистых пород. Верхнюю часть разреза слагает свита основных эффузивов (на некоторых геологических картах она названа тулбурской), не имеющая резкой границы с предыдущей свитой. Тулбурская свита состоит из базальтов, трахибазальтов, переслаивающихся с кремнистыми породами и туфами, с подчиненными дацитами и трахиандезитами. Отложения харганской и тулбурской свит прорываются многочисленными долеритовыми силлами тулбурского (тулбуригольского) комплекса. Эти силлы образуют зону широтного простирания на правобережье р. Селенги протяженностью до 100 км и шириной до 10 при различной мощности тел (до 100 м). Изученные археологические памятники расположены в поле развития пород тулбурской свиты.

Всего было изучено 57 препаратов, в т.ч. со стоянки Толбор-4 – 25 образцов, Толбор-15 – 16 образцов, Толбор-21 – 6 образцов, Харганын-Гол-5 – 10 образцов, среди которых можно выделить пять типов пород.

1. Алевролиты с фитоалевритовой структурой, в которой обломки минералов перемежаются, вероятно, с углефицированным растительным детритом и цементируются глинисто-гидрослюдистым цементом, местами присутствует пойкилитовый карбонат (до 1 мм), формируя пойкилобластическую структуру, часто присутствует неправильнослоистая (прерывистая) текстура, кроме окатанных обломков кристаллов встречаются отдельные идиоморфные кристаллы биотита, амфибола, полевых шпатов, что может быть интерпретировано как примесь туфового материала;

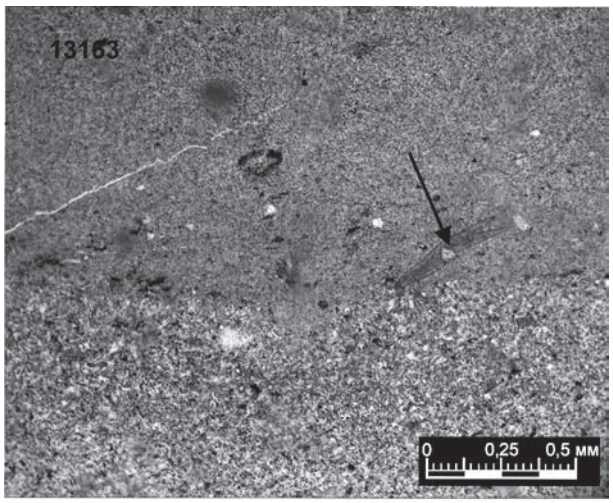
2. Аргиллиты с фитоалевропелитовой структурой, в которой обломки минералов алевритовой размерности перемежаются, вероятно, с углефицированным растительным детритом и цементируются глинистым цементом, местами присутствует пойкилитовый карбонат (до 0,15 мм), формируя пойкилобластическую структуру, количество частиц алевритовой размерности не превышает 20 %, встречаются отдельные целые кристаллы плагиоклаза, что может быть интерпретировано как примесь туфового материла;

3. Аргиллиты с пелитовой структурой встречаются как с массивной (однородной), так и со слоистой текстурой, среди таких образцов присутствует ритмичная градационная слоистость, выраженная в изменении размера частиц в слое, редко встречается косая слоистость, к наиболее тонкозернистой части ритмов приурочены скопления спикул известковых губок, в некоторых образцах наблюдаются игольчатые выделения сульфидов, которые своей формой, в том числе ветвящейся, напоминают спикулы, почти всегда такие иголки сульфидов окружены каймой карбоната, который образует ойкокристаллы;

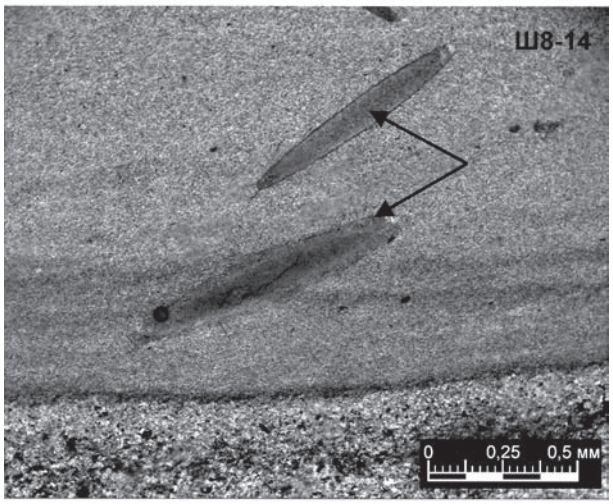
4. Кварцевый гравелитопесчаник мономиктовый несортированный, размер слабоокатанных обломков от 0,1 до 20,0 мм, цемент крустификационный с примесью углефицированной органики, обломки несут следы тектонических деформаций, текстура очковая;

5. Туффит характеризуется кристаллокластической структурой и массивной текстурой. В обломках присутствует плагиоклаз, K-Na полевой шпат, кварц, биотит и роговая обманка, что указывает на дацитовый состав породы.

Близкую степень идентичности показали образцы № 13163 и Ш8-14. Образец № 13163 (артефакт из археологического горизонта 5 стоянки Толбор-4, относящегося к начальной стадии верхнего палеолита) – полосчатый аргиллит с градационной слоистостью, размер частиц кварца в самых грубозернистых частях слоев не превышает 20 мкм, при содержании в тонкозернистой основной ткани до 25 %, характеризуется небольшим количеством мелких округлых включений органического вещества, содержит «порфиробласты» карбоната (до 40 мкм) и спикулы известковых губок, их размер не превышает 150 мкм, максимальное количество таких остатков приурочено к самым тонкозернистым частям слоев (рис. 2, *1*). Образец Ш8-14 (49,28816 с.ш., 102,9653 в.д., 1 013 м над ур.м) отобран из коренных пород, обнажающихся в левом борту долины р. Их-Тулбэрийн-Гол, в правом борту его притока Их-Булак, место отбора образцов находится в полукилометре от расположения стоянки Толбор-4 (рис. 2, *2*). Это горизонт мощностью около 1,5 м выполненных



1



2

Рис. 2. Спикулы известковых губок в аргиллитах с пелитовой структурой и градационно-слоистой текстурой, поляризованный свет.

косослоистыми аргиллитами с отдельными округлыми стяжениями. Материал этих стяжений идентичен материалу, из которого сделан образец № 13163, и содержит точно такие же карбонатные пойкилобласты и спикулы известковых губок.

Единственным артефактом, материал которого отличается от пород слагающих северную часть Орхон-Селенгинского прогиба, является образец № 2333, представленный несортированным гравелитопесчаником (0,2–20,0 мм), в обломках которого находятся исключительно кварцевые или кварцитовые частицы, а цемент содержит значительное количество органического вещества, что придает породе черный цвет. Такие породы не встречаются в отложениях хануйской серии и не принадлежат ни одной из свит северной части Орхон-Селенгинского прогиба. Этот артефакт является скреблом высокой формы, он был извлечен из коллекции археологического горизонта 3 стоянки Толбор-4. Этот комплекс относится к позднему этапу верхнего палеолита; на основе аналогий с близлежащими комплексами может датироваться периодом ок. 15 тыс. л.н. Очевидно, что, как и в других районах распространения синхронных культур для этого времени, для Северной Монголии характерна повышенная мобильность населения, нашедшая отражение в использовании «экзотических» пород, происходящих со значительных расстояний.

Исследования петрографического состава артефактов эпохи раннего верхнего палеолита показывают, что материал большинства из них принадлежит отложениям тулбурской свиты и отобран либо из коренных источников, либо из аллювиального или пролювиального материла вблизи стоянок. На протяжении всего раннего верхнего палеолита население изучаемых нами долин было в высшей степени адаптировано к местному сырью. Результатом следующего этапа исследований эксплуатации каменного сырья толборского палеолитического комплекса должно стать изучение петрохимического состава образцов, а также более широкого привлечения артефактов, происходящих из различных слоев исследуемых объектов.

Список литературы

Кулик Н.А., Нохрина Т.И., Милютин К.И. Петрография артефактов индустрий палеолита и мезолита Гобийского Алтая (по материалам археологических объектов Сууж и Чихэн) // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые факты, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 97–103.

Рыбин Е.П., Зенин А.Н., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Чаргынов Т.Т. Интенсивность утилизации каменного сырья и производственная деятельность человека в ранней поре верхнего палеолита Северной Монголии // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2006. – Вып. 4. – С. 202–219.

Brantingham P.J., Olsen J.W., Rech J.A., Krivoshapkin A.I. Raw Material Quality and Prepared Core Technologies in Northeast Asia // J. of Archaeological Science. – 2000. – № 27 (3). – P. 255–271.

УДК 902.21

В.М. Харевич[1], Е.В. Акимова[1, 2], И.А. Орешников[2], И.В. Стасюк[1, 2], Е.А. Томилова[1, 2], Д.А. Гурулев[1], Е.Н. Кукса[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
E-mail: mihalich84@mail.ru

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ НА СЕВЕРЕ ЗОНЫ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА*

Летом 2014 г. во время разведочных работ в северной части зоны Красноярского водохранилища было выявлено 22 новых объекта позднеплейстоценового и раннеголоценового времени, из которых девять имеют перспективы дальнейшего изучения (Бюза I, II, Троицкая, Усть-Огур II, Черемушки II, III, Сухашка II, Верхние Осинки, Сабаниха II). Проверено современное состояние ранее известных памятников (Сабаниха, Шленка, Трифоновка, Волчиха I–III, Батени). Наиболее перспективным для дальнейших исследований позднего палеолита Енисея является участок правого берега Красноярского водохранилища от залива Черемушки до залива Сисим.

Ключевые слова: *средний Енисей, Красноярское водохранилище, археологическая разведка, поздний палеолит, береговая абразия, каменный инвентарь.*

During the survey work (summer, 2014) on the north zone of Krasnoyarsk Reservoir were brought to light twenty three objects which dated between the late Pleistocene and the early Holocene period. 9 of them are prospective for further inquiry: Byuza I, II; Troitskaya, Ust-Ogur I, Cheremushki II, III; Suhashka II, Verhnie Osinki, Sobaniha II. State of earlier known sites such as Sobaniha, Shlenka, Trifonovka; Volchiha I–III; Batenih has been checked. An area on the right bank of Krasnoyarsk Reservoir from bay Cheremushki to bay Sisim is most prospective for further inquiry of the Paleolithic and the Mesolithic of Yenisei River.

Keywords: *Middle Yenisei, Krasnoyarsk Reservoir, Late Paleolithic, Mesolithic, survey work, coastal erosion, stone industry, arhaelogical research.*

Летом 2014 г. отрядом сотрудников ИАЭТ СО РАН и КГПУ им В.П. Астафьева был проведен цикл разведочных работ в северной части зоны Красноярского водохранилища. В июне был пройден маршрут по воде от Шумихи (плотины ГЭС) до устья залива Огур по левому берегу и от устья залива Убей до Шумихи – по правому. В сентябре проведена автомобильная разведка по маршруту Дивный – Черемушки – Первомайск. В 1960-е гг., до заполнения водохранилища, этот район сплошному обследованию не подвергался: самые северные памятники были открыты на уровне нижних террас на участке Убей – Сисим [Абрамова, 1971]. Позже были открыты объекты в устье Огура, у поселков Черемушки, Приморск и Дивный, в большинстве своем уничтоженные береговой абразией в последние десятилетия. Наиболее известна Бирюсинская стоянка, открытая в 1890 г. А.С. Еленевым, раскопанная в 1926–1927 гг. Н.К. Ауэбахом и В.И. Громовым и в 1961–1962 гг. Н.Н. Гуриной и Л.П. Хлобыстиным [Абрамова и др., 1991].

Участок нижней части Красноярского водохранилища – от плотины до залива Огур, протяженностью 68 км, расположен в узком каньоне шириной до 1,5 км, где Енисей прорезает Красноярский кряж Восточного Саяна. По правому берегу перспективных участков ниже устья Дербинского залива не обнаружено. По левому берегу два пункта открыты в заливе Бюза, в том числе раннеголоценовая стратифицированная стоянка Бюза II (см. статью Акимовой, Харевича и др. в данном сборнике). Два позднепалеолитических объекта с немногочисленным материалом в зоне размыва обнаружены в заливах Нижние и Верхние Осинки. Интерес вызывает местонахождение Верхние Осинки, где на береговой отмели, непосредственно

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 14-11-24601).

ниже уровня современной почвы, выявлено скопление предметов – заготовок и обломков изделий, невыразительных по форме, но изготовленных из качественного кремня, нетрадиционного для Енисея (рис. 1, *9, 10*).

Равнинный лесостепной участок водохранилища выше залива Огур относится к Енисейско-Чулымской котловине и отрогам Восточного Саяна. Здесь прослеживается наибольшее разрушение берегов, образование линии высоких абразионных уступов (до 10 м).

Залив Огур. По левому берегу приустьевой части залива Огур открыто три объекта: Огур, Усть-Огур I, II. Немногочисленный археологический и фаунистический материал (мамонт, носорог, бизон, лошадь, северный олень) залегает на поверхности широкой береговой отмели, концентрируясь на участках размыва темно-коричневого суглинка. В положении *in situ* артефакты не найдены.

Район пос. Приморск. Стоянка Шленка расположена на левом берегу залива к юго-востоку от пос. Приморск. Была открыта А.Ф. Ямских в 1978 г. и изучалась Н.Ф. Лисицыным в 1982, 1988–1989 гг. [Лисицын, 1996, 2000]. В сентябре 2014 г. археологический материал был рассеян по поверхности береговой отмели.

Залив Сабаниха (севернее пос. Первомайский). Стоянка Сабаниха открыта Н.Ф. Лисицыным в 1986 г. по левому приустьевому участку залива и исследовалась им в 1989–1991 гг. [2000]. Открытый нами объект расположен по правому приустьевому участку залива и, видимо, является новым пунктом, который можно назвать «Сабаниха II». Археологический материал на поверхности береговой отмели представлен в основном крупными сколами и битыми гальками.

Залив Шахабаиха. На левом приустьевом участке залива открыты четыре объекта (Шахабаиха I–IV). Немногочисленный материал получен с полосы прибоя и тыловой части береговой отмели.

Залив Сисим. По левому приустьевому участку залива обнаружены единичные каменные предметы и многочисленные фаунистические остатки (Усть-Сисим I, II).

Залив Сухашка. По левому приустьевому участку небольшого залива в месте впадения в Енисей ручья Сухашка открыты три памятника.

Местонахождение Сухашка I приурочено к широкому выположенному мысу в устье залива. Разрозненные фаунистические остатки вместе с немногочисленными артефактами располагаются вдоль полосы прибоя, на размываемых коричневых суглинках.

Местонахождение Сухашка II расположено вдоль берега водохранилища непосредственно выше устья залива Сухашка. Археологический и фаунистический материал прослеживается на протяжении 200 м вдоль берегового уступа (до 3–4 м)

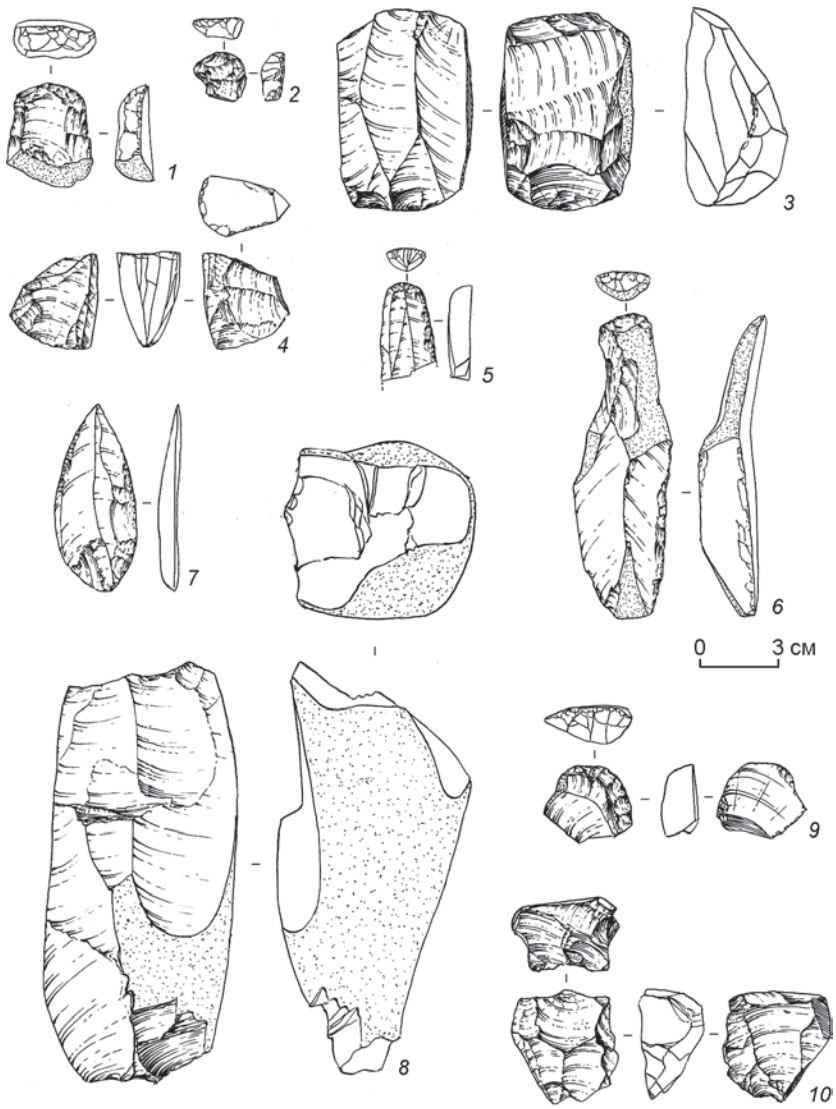


Рис. 1. Каменный инвентарь позднепалеолитических местонахождений Сухашка II (*1–6*), Сухашка III (*7, 8*), Верхние Осинки (*9, 10*).
1, 2, 5, 6, 9 – скребки; *3, 4, 8, 10* – нуклеусы; *7* – остроконечник.

на поверхности задернованного пляжа и размываемых коричневых суглинков. В составе коллекции преобладают отщепы, сколы, пластинки небольших размеров. Найдены небольшие нуклеусы в клиновидном, призматическом и плоскостном вариантах, скребки на отщепах и пластинах, долотовидные орудия мелких и средних размеров (рис. 1, *1–6*). Многочисленны фаунистические остатки, представленные костями бизона, лошади, марала (преобладают), а также носорога, мамонта, северного оленя, волка (?).

Местонахождение Сухашка III расположено по левому берегу залива в 300 м выше устья. Археологический материал сконцентрирован на поверхности вторичного берегового уступа, сформированного на размываемых древних коричневых суглинках. На участке площадью около 20 кв. м найдены чопперы, отбойники, нуклеусы, остроконечники, переотложенные с более высокого уровня (рис. 1, *7, 8*). В расчистке берегового обнажения археологический материал не обнаружен.

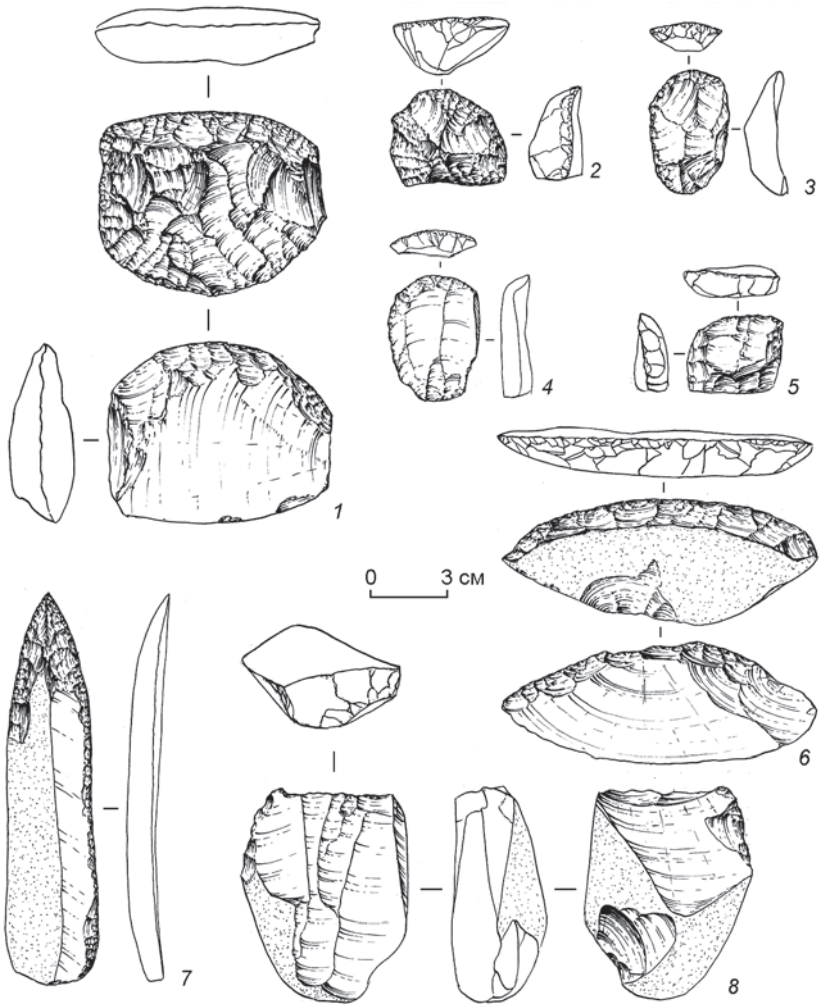


Рис. 2. Каменный инвентарь позднепалеолитических местонахождений Черемушки II (*1–5*), Черемушки III (*6–8*).
1, 6 – скребла; *2–5* – скребки; *7* – остроконечник; *8* – нуклеус.

Выше пос. Черемушки открыты два позднепалеолитических объекта: Черемушки III и Троицкая (см. статью Акимовой, Харевича и др. в данном сборнике).

Местонахождение Черемушки III (База) расположено в 4 км выше пос. Черемушки, по левому приустьевому участку безымянного залива. В составе коллекции преобладают крупные предметы, в т.ч. остроконечник, скребла, нуклеус (рис. 2, *6–8*). Фаунистические остатки – мамонт, бизон, северный олень.

Залив Черемушки. По левому берегу залива нами выявлено два пункта – Черемушки I и II. Местонахождение Черемушки I расположено непосредственно на левом приустьевом участке залива Черемушки. Немногочисленные подъемные сборы сделаны вдоль береговой линии и в нижней части полого склона на протяжении около 300 м.

Местонахождение Черемушки II расположено в левой приустьевой части залива Черемушки на небольшом широком мысовидном участке, с юга и севера ограниченном двумя небольшими заливами. В 1990 г. в устье залива в условиях аномально низкого уровня воды Н.Ф. Лисицыным был открыт и обследован пункт, получивший название Черемушки [2000]. Возможно, именно этот памятник открыт нами повторно в 2014 г. Археологический и фаунистический материал (мамонт, лошадь) в виде крупных скоплений обнаружен в промоинах коричневого суглинка по кромке вторичного берегового уступа, в проплешинах и размывах. Единичные предметы встречены по всей протяженности участка. Каменный инвентарь многочислен и достаточно представителен. В коллекции присутствуют скребки и скребла, нуклеусы, орудия на пластинах (рис. 2, *1–5*).

Разведочные работы 2014 г. позволили выявить 22 новых объекта сартанского и раннеголоценового времени, из которых девять имеют перспективы дальнейшего изучения (Усть-Огур II, Черемушки II, III, Троицкая, Сухашка II, Верхние Осинки,

Бюза I, II, Сабаниха II). Проверено современное состояние ранее известных памятников, в числе которых Сабаниха, Шленка, Трифоновка. Подтверждено полное уничтожение трех пунктов в логу Волчиха, открытых в 1991 г., и стоянки Батени [Абрамова и др., 1991].

Сплошное обследование обоих берегов северной части Красноярского водохранилища показало, что район «трубы» (Красноярский кряж) серьезных перспектив не имеет: берега притоков размыты до коренных пород. Выявленные здесь памятники расположены в приустьевой части левых притоков и имеют раннеголоценовый возраст. В отличие от Дербинского залива, в других крупных и мелких заливах нижней части водохранилища (Езагаш, Кривляк, Малая Дербина, Бирюса и др.) ни археологических, ни фаунистических остатков не обнаружено. Наиболее перспективным представляется участок правого берега Красноярского водохранилища от залива Черемушки до залива Сисим.

Список литературы

Абрамова З.А. Новые данные по палеолиту Енисея // Палеолит и неолит СССР. – М., Л.: Наука, 1971. – С. 240–281. – (МИА; № 6).

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. – Л., 1991. – 158 с.

Лисицын Н.Ф. Средний этап позднего палеолита Сибири // РА. – 1996. – № 4. – С. 5–17.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб., 2000. – 230 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. II).

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 903.5

В.В. Ахметов

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: akhmetov.vladimir@gmail.com

БОХАЙСКИЕ ПАГОДЫ*

В бохаеведении остро стоит проблема этнического состава правящей элиты Бохая. Изучение погребальных памятников бохайской элиты поможет в решении данной проблемы. Одна из примечательных особенностей погребальной обрядности бохайской элиты – возведение башен-пагод рядом с могилами. На данный момент известно три погребения с пагодами: гробница Чжэнь Сяо, могила в Мадида, пагода Ёнгвантхап. Над некоторыми могилами возводились культовые сооружения. Такая особенность бохайской погребальной обрядности отличает ее от когурёской. Это отличие свидетельствует в пользу того, что правящий слой Бохая состоял в основном из мохэ, которые в культурном плане больше ориентировались на Тан, формируя при этом свой бохайский культурный облик.

Ключевые слова: *Бохай, мохэ, пагода, Чжэнь Сяо, Лунхай, Людиншань, Саньлинтунь, Ёнгвантхап, Мадида.*

Problem of the ethnic composition of the Bohai ruling elite is actual in Bohai studies. The study of Bohai elite burials helps in solving this actual problem. The construction of pagodas near the graves is one of the notable features of the mortuary ritual of the Bohai elite. Three graves with pagodas were excavated – the tomb of Zhen Xiao, tomb in Madida and Yeonggwangtap pagoda. Also on some of the graves were built religious buildings. This feature of the mortuary ritual of the Bohai elite distinguishes it from the Koguryo ritual. This difference is indicative of the fact that Bohai elite consisted mainly of Mohe tribes. Mohe received a great influence of the Tang culture. But these tribes formed their own unique Bohai cultural character.

Keywords: *Bohai, Mohe, pagoda, Zhen Xiao, Longhai, Ludingshan, Sanlingtun, Madida.*

В современном бохаеведении активно обсуждается вопрос этнического состава правящей элиты государства Бохай. Большая часть исследователей склоняется к тому, что бохайский правящий слой состоял в основном из представителей мохэских племен. Однако, есть и такие исследователи, в основном с Корейского полуострова, которые утверждают, что особо важное место в элите Бохая занимали когуресцы. Изучение погребальных памятников бохайской элиты поможет в решении данной проблемы. Одна из примечательных особенностей погребальной обрядности бохайской элиты – возведение башен-пагод рядом с могилами.

Из известных на данный момент бохайских могил по масштабности погребального сооружения, по богатству погребального инвентаря наиболее выделяются гробницы принцесс Чжэнь Хуэй в Людиншани и Чжэнь Сяо в Лунхае [Ким Вонён, Ан Хвиджун, 2004, с. 362]. Помимо погребения Чжэнь Хуэй в Людиншани имеются и другие крупные каменные склепы, например погребение № 6, на первом участке захоронения этого могильника [Song Kiho, 2007, p. 32]. Элитной считается могила в Хэнаньтуни около городища Сигучен, в ней были обнаружены золотые поясные украшения, золотой браслет [Пан Хакпон, 2006а, с. 95]. Другой могилой знати, может быть даже представителя правящей династии, считается погребение № 1 на могильнике Саньлинтунь [Чан Саннёль, 1992, с. 273]. Из крупных могил примечательно погребение № 1 (по нумерации раскопок 1963 г.) на могильнике Бэйда в уезде Хэлун [Чосон…, 1995, с. 282]. Отдельно стоит остановиться на могильнике Лунхай [Ли Цян, 2009]. Найденные здесь в могилах № 3 и № 12 стелы с эпитафиями свидетельствуют о том, что здесь захоронены императрица (кит. «хуанхоу») Сяо И, супруга третьего правителя Бохая Вэнь-вана и императрица Шунь Му (кит. «хуанхоу»), супруга девятого правителя Бохая Цзянь-вана.

*Работа выполнена в рамках совместного интеграционного проекта СО РАН и ДВО РАН № 39 «Монголы и тунгусо-маньчжуры: этнокультурное взаимодействие в Забайкалье, Приамурье и Северо-Восточном Китае в раннем Средневековье».

Могильник Лунхай известен тем, что здесь располагается погребение принцессы Чжэнь Сяо. Над погребальной камерой данной могилы имеется подквадратный фундамент, сложенный из кирпича. Длина его по внешней линии с севера на юг 5,65 м, с запада на восток – 5,55 м. Высота фундамента 0,7 м, толщина стен 1,5 м. Внутри фундамент состоит из утрамбованного грунта в несколько слоев, смешанного с мелкими камнями. Кроме того, вокруг него возведен небольшой грунтовой вал. Он в плане подквадратный, длина с севера на юг 7,77 м, с запада на восток 6,66 м. На поверхности рядом с фундаментом обнаружены кирпичи и их фрагменты. Все это говорит о том, что над могилой было строение, и вероятность того, что это пагода, довольно высока [Ом Джаннок, 1993, с. 151]. На могильнике Лунхай найдены также остатки фундамента предположительно от буддийского храма. В процессе исследования данного памятника найдены погребения № 13 и № 14, которые располагались ниже уровня пола этого строения.

Некоторые исследователи считают, что над могилой Саньлинтунь № 1 располагалась небольшая пагода или храм, где могли приноситься жертвоприношения умершему. Такой вывод сделан на основе описаний данного кургана, дошедших с позднего Средневековья. Кроме того, в верхних слоях курганной насыпи Саньлинтуь № 1 обнаружены фрагменты черепицы и каменные базы для колонн.

В провинции Цзилинь в уезде Хунчунь в местности Мадида обнаружена могила, над которой была пагода. Пагода разрушена в 1921 г. Однако остались её описания, согласно которым она имела семь уровней и была сложена из кирпичей, на некоторых из них имелись надписи. В плане фундамент пагоды подквадратный. Длина его с севера на юг – 4,95 м, по линии запад-восток – 4,8 м, толщина стен 0,7 м. Над уровнем современной поверхности фундамент возвышается на 0,6 м. Вокруг фундамента остались следы от оградки. Под фундаментом имеется погребальная камера. Высота камеры 2,3 м, длина 2,7 м, ширина 1,86 м. Стены камеры сложены из кирпича. Потолок четырехступенчатый, перекрытый двумя большими плитообразными камнями. Длина этих камней 3,61 м, ширина 3,4 м, толщина 0,5–0, м. Стены и потолок намазаны известью. В камере найдены человеческие останки: нижняя челюсть, кости ног и рук. Из инвентаря найдены позолоченные бронзовые изделия, железное кольцо-задвижка, железные гвозди, фрагмент глазурованного сосуда. Проход в камеру располагался с южной стороны, он был выстлан кирпичом. При строительстве пагоды в Мадида использовались в том числе орнаментированные кирпичи. Погребальная камера под этой пагодой по своей конструкции, методу сооружения очень похожа на камеру в гробнице Чжэнь Сяо, поэтому ее бохайская атрибуция не вызывает сомнений у большинства бохаеведов [Пан Хакпон, 2006б, с. 100–101].

До наших дней хорошо сохранилась пагода Ёнгвантхап (кит. «Лингуанта»). Она находится в Чанбай-Корейском автономном уезде провинции Цзилинь. Эта пятиуровневая пагода сложена из кирпичей голубовато-серого и серо-коричневого цвета. На некоторые кирпичи нанесен орнамент. Пагода сооружена на небольшом подквадратном возвышении. Периметр основания в плане 12,4 м. Общая высота пагоды составляет около 13 м. Вход в нее с южной стороны. На остальных уровнях пагоды по центру южной стороны расположены оконные отверстия. Под фундаментом находится подпрямоугольная в плане камера, ее длина (север-юг) 1,9 м, ширина (запад-восток) 1,42 м, высота 1,49 м. Стены и пол сделаны из кирпича. Потолок был перекрыт каменной плитой [Хан Инхо, 2006, с. 317]. Пагода Ёнгвантхап определена как бохайская. Орнамент черепицы, найденной на расположенном поблизости бохайском городище Чанбайгучэн, идентичен орнаменту на кирпичах пагоды. Нельзя однозначно утверждать, что камера под пагодой использовалась именно для погребения, но вероятность этого высока, учитывая примеры пагоды в Мадида и гробницы Чжэнь Сяо.

Аналогии такого рода культовых сооружений имеются в Китае. Например, пагода Даяньта в монастыре Цыэньсы в Чанъане, датируемая 652 г. Пагода Сяояньта с территории монастыря Дацзяньфусы в Сиани, датируемая VII в., напоминает своими очертаниями пагоду Ёнгвантхап. В провинции Юньнань на территории монастыря Чуншэньсы имеется похожая на Сяояньта пагода Цяньсюньтэ, она датируется IX в. [Всеобщая…, 1971, с. 356–357]. Это говорит о том, что архитектурные традиции танского Китая оказывали определенное влияние на Бохай.

Всего, таким образом, на данный момент известно три погребения с пагодами над ними – гробница Чжэнь Сяо, могила в Мадида, пагода Ёнгвантхап. В остальных случаях над могилой сооружалось храмовое строение. Обычай помещать в основании пагоды реликварий характерен для буддийской традиции. В Бохае, согласно этой традиции, под основанием культовых сооружений, в том числе пагод и храмов, начали сооружать погребальные камеры. Эта особенность погребальной обрядности бохайской элиты отличает ее от когурёской об-

рядности. В Когурё над могильными курганами строения не возводились. В дальнейшем на территории Корейского полуострова в эпоху Корё, Чосона культовые сооружения стали возводить недалеко от курганов. Это отличие свидетельствует в пользу того, что правящий слой Бохая состоял в основном из мохэ, которые в культурном плане больше ориентировались на Тан, формируя при этом свой, присущий только им, бохайский культурный облик.

Список литературы

Всеобщая история архитектуры. – М., Л.: Изд-во лит-ры по строительству, 1971. – Т. 9. – 644 с.

Ким Вонён, Ан Хвиджун. Хангукмисульый ёкса. Сонсасидээсо Чосонсидэккаджи (История искусства Кореи. С древнейших времен до Чосона). – Сеул: Чонджэгук, 2004. – 703 с.

Ли Цян. Результаты работ на могильнике правящей династии Бохая Лунхай г. Хэлун пров. Цзилинь // Каогу. – 2009. – № 6. – С. 23–39. (на кит. яз.).

Ом Джаннок. О некоторых особенностях могилы принцессы Чон Хё (Чжэнь Сяо) // Пархэсаёнгу (Исследования истории Пархэ). – Сеул: Соульдэхаккёчхульпханбу, 1993. – Т. 3. – С. 150–179. (на кор. яз.).

Пан Хакпон. Пархэбульгёва кы юджокюмуль (Буддизм в Бохае: памятники и находки). – Сеул: Синсончхульпханса, 2006а. – 319 с. (на кор. яз.).

Пан Хакпон. Погребальные обряд бохайцев и его особенности // Пархэый юмуль юджок (ха) (Бохайские памятники). – Сеул: Соульчхульпханса, 2006б. – Т. 2. – С. 137–154. (на кор. яз.).

Хан Инхо. Пагода Ёнгвантхап (Бохайская Ёнгвантхап) // Пархэый юмуль юджок (ха) (Бохайские памятники). – Сеул: Соульчхульпханса, 2006. – Т. 2. – С. 317–319. (на кор. яз.).

Чан Саннёль. Бохайские сооружения // Пархэсаёнгунонмунджип I. – Пхеньян: Пхёнянджонхапинсвэгонджан, 1992. – С. 231–285. (на кор. яз.).

Чосон когохак кэё (Очерки археологии Северной Кореи). – Пусан: Квахакпэкквасаджон чхульпханса, 1995. – 362 с. (на кор. яз.).

Song Kiho. Facts and premises: on the old tombs of Balhae // J. of Northeast Asian History. – 2007. – Vol. 4–2. – P. 13–36.

УДК 902.2+913

Б.А. Базаров[1], С.В. Алкин[2]

[1]Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: alkin-s@yandex.ru

ПРОГНОЗНО-ПОИСКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ АРХЕОЛОГИИ РЕГИОНА МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЙ МИНЕРАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ СЕЛЕНГИНСКОГО СРЕДНЕГОРЬЯ*

В рамках разрабатываемой программы археологического исследования территорий расположения минеральных источников (лечебно-оздоровительных местностей) авторами настоящей публикации изложены первичные результаты изыскательских работ, проведенных в полевом сезоне 2014 г. Рассматривается прогнозно-поисковый потенциал данных территорий, дающий возможности для выявления новых поселенческих и погребальных комплексов. Исходная идея заключается в наличии прямой связи человека с геохимическими ландшафтами, которая осуществляется непосредственно при литофагии, а также в сакрализации минеральных источников. Расширяется список топографических ситуаций расположения могильников бронзового века.

Ключевые слова: *археология, минеральные источники, геохимический ландшафт, стоянка, культура плиточных могил, Селенгинское среднегорье, бронзовый век.*

Within the developing project on archaeological research of mineral spring localities authors set out primary results of pioneering during field season. Forecast-search potential of these territories, giving the opportunity to identify new settlement and burial complexes, is considered. The original idea is a direct relation of human with geochemical landscapes, which was implemented directly at geophagic activity and in sacralisation of mineral springs. The topographical list of specific localities of Bronze Age burials is expended.

Keywords: *archaeology, mineral springs, geochemical landscape, site, Slab Grave Culture, Selenga middle mountains, Bronze Age.*

Работы по выявлению объектов археологического наследия на территории Западного Забайкалья традиционно проходят по трем направлениям: 1) тематические научные исследования (изучение однотипных памятников или памятников одного хронологического периода), 2) историко-культурные экспертизы (обследование локальных площадных или линейных земельных участков), 3) мониторинг технического состояния и установление границ территорий памятников археологии. В данной работе предлагается смещение фокуса внимания на поиск и выявление новых археологических объектов на территориях расположения минеральных источников в рамках концепции С.В. Лещинского о прямой связи человека с геохимическими ландшафтами [1999, с. 472]. Согласно этой концепции расселение человека с глубокой древности зависело от геологического строения территории и было обусловлено двумя основными факторами: распределением геохимических ландшафтов Ca-Na-Mg-классов и наличием каменного сырья, пригодного для изготовления орудий. Первый фактор актуализировался непосредственно в ситуациях литофагии. Поедание землистых пород человеком часто обозначается термином геофагия (землеедение). Обычаи геофагии, вероятно, возникли с зарождением человечества и широко распространены в современную эпоху по всему земному шару. Традиционной геофагией является употребление в пищу поваренной соли

*Работа выполнена в рамках интеграционного совместного проекта СО РАН № 39 «Монголы и тунгусо-маньчжуры: этнокультурное взаимодействие в Забайкалье, Приамурье и Северо-Восточном Китае в раннем Средневековье».

и минеральных вод. Причины употребления минеральных веществ человеком в принципе те же, что и у животных. Человек всеяден, поэтому при сезонном питании весной (появление свежей растительности) и осенью (созревание плодов и семян) его организм должен был испытывать дефицит минеральных веществ [Там же]. Однако следует учесть также то, что восполнение дефицита минеральных веществ у человека путем употребления минеральных вод уходит своими корнями в глубокую древность.

Минеральные источники – естественные выходы минеральной воды на земную поверхность. Их образование связано преимущественно с пересечением водоносных горизонтов эрозионными понижениями рельефа (долинами, ущельями, ложбинами, оврагами и др.), наличием тектонических разломов, существованием т.н. фациальных окон в водоупорах, через которые напорные водоносные горизонты образуют выходы на поверхность. Минеральные источники могут иметь различные состав (углекислые, сероводородные, азотные), минерализацию и температуру. Бывает слабо-, мало-, средне- и высокоминерализованная вода разнообразного ионного состава. По температуре воды минеральные источники подразделяются на холодные (до 20 °С), теплые (20–36 °С), термальные (37–42 °С) и высокотермальные (свыше 42 °С) [Шагжиев и др., 2009, с. 10].

На территории Селенгинского среднегорья в качестве лечебно-оздоровительных местностей выделяются следующие участки: 1) Ильино-Итанцинская, 2) Гусиноозерско-Хамбинская, 3) Халютинско-Ключевская (Иволгинская), 4) Центральная Селенгино-Хилокская, 5) Топкино-Староключевская, 6) Шаралдайско-Мухоршибирско-Шибертуйская, 7) Никольско-Шинестуйская, 8) Южно-Цаган-Дабанская (Сутайская), 9) Северо-Цаган-Дабанская (Тарбагатайская), 10) Верхнеберезовско-Кулаковская, 11) Тэгдинско-Хасуртаевская (Курбинская), 12) Илькинская (Заиграевская), 13) Кижингино-Цаган-Дабанская и 14) Тугнуйско-Алтачейская [Шагжиев и др., 2009, с. 123]. В то же время следует обратить внимание на то, что составленный гидрогеологами список лечебно-оздоровительных местностей неполон. В нем отсутствует обширная зона южной части Селенгинского среднегорья. Все эти лечебно-оздоровительные местности являются в археологическом отношении перспективными территориями, часть из которых была обследована в полевом сезоне 2014 г.

Гусиноозерско-Хамбинская местность находится в западной части Гусиноозерской котловины, ее ограничивают отроги Малого Хамар-Дабана, Хамбинского хребта, водная акватория оз. Гусиного и далее граница проходит вдоль железнодорожной магистрали Улан-Удэ – Наушки. [Там же]. Выявленный в 2014 г. объект археологического наследия «Гусиное Озеро. Ключ Булагын-Ехэ. Могильник» находится на западном берегу оз. Гусиного, в 150 м восточнее ключа Булагын-Ехэ, на склоне юго-западной экспозиции. В составе археологического памятника две плиточные могилы, расположенные параллельно друг другу. Длина надмогильной конструкции составляет 3,7 м, ширина – 2,7 м. Камень юго-восточного угла сдвинут, возможно, для организации грабительского хода. Ориентирована могила по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад. Плиточная могила № 2 находится ниже по склону. Длина надмогильной конструкции 4,7 м, ширина 3,5 м. Ориентирована могила по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад.

Халютинско-Ключевская (Иволгинская) местность. Естественными рубежами являются южные отроги хребтов Хамар-Дабана и Ганзуринского. Местность обладает большим потенциалом холодных минеральных радоновых и сероводородных вод, в районах выходов которых созданы «дикие» курорты: Ута-Булаг или Янгажинский, Халютинский, Каленовский (сероводородный) [Там же]. Здесь известна стоянка мезолит-бронзового века «Халюта (Халютинский Аршан)», открытая в 1989 г. В.П. Коневым. Им же проводились спасательные раскопки на участке памятника для строительства помещений оздоровительного санатория. Стоянка находится в непосредственной близости от минерального источника [Лбова, Хамзина, 1999, с. 94]. Новый, выявленный в этом году объект археологического наследия «Ута-Булаг» находится в 240 м севернее минеральных источников Янгажинского Аршана, в 395 м южнее минерального источника «Мухор-Жалга», на пологом склоне юго-восточной и восточной экспозиции, по правому борту сухого русла временного водотока, на опушке соснового леса. В составе могильника один керексур и четыре плиточные могилы.

Керексур. Насыпь кургана находится в 5 м от плиточной могилы № 1, выше по склону. Курган диаметром 7 м, высота насыпи до 0,5 м. У кургана имелась внешняя круглая оградка. Об этом свидетельствует наличие дуги из четырех камней, расположенных в двух метрах к северо-западу от насыпи.

Плиточная могила № 1. Длина надмогильной конструкции составляет 3,4 м, ширина – 2,6 м. Выделяется северо-восточный угловой крупный камень высотой 0,4 м и юго-западный угловой

камень той же высоты. Остальные угловые камни отсутствуют. Ориентирована могила по линии юг-юго-восток – север-северо-запад.

Плиточная могила № 2. Могила находится в 3 м южнее керексура. Длина надмогильной конструкции – 3 м, ширина – 2 м. Надмогильная конструкция плохой сохранности. Едва угадываются продольные стенки, угловые камни отсутствуют. Хорошо фиксируется западная поперечная стенка. Ориентирована могила строго по линии восток – запад.

Плиточная могила № 3. Могила находится в 3 м на северо-запад от плиточной могилы № 2. Надмогильная конструкция плохой сохранности. На современной дневной поверхности видны камни лишь западной и восточной поперечных стенок.

Плиточная могила № 4. Надмогильная конструкция плохой сохранности. В центре могилы зафиксирована западина, что свидетельствует об относительно недавних грабительских раскопках. Реконструируемая длина составляет 3 м, ширина – 2 м. Выделяется юго-восточный угловой камень высотой 0,6 м. Продольные стенки в сохранившейся части надмогильной конструкции выходят за пределы поперечной стенки. С северо-восточной стороны примыкает небольшой «сторожевой» камень высотой 0,3 м.

Илькинская (Заиграевская) местность. Она находится в северной части бассейна р. Ильки, между Худунским хребтом на севере и Цаган-Дабанским и Кижингинским на юге. Лечебно-бальнеологическими ресурсами являются минеральные источники Ташеланский и Ара-Кижинский. Целенаправленные археологические работы проводились близ Мухор-Талинского минерального источника (с. Мухор-Тала) в 1995 и 1997 гг. под руководством Л.В. Лбовой [Лбова, Базаров, Буерачный, 1997, с. 23]. Основная группа археологических местонахождений приурочена к юго-западной экспозиции г. Мазаринина (Мухор-Талинский центр). Имеющиеся здесь лавовые потоки использовались древним населением в качестве источников каменного сырья. В 2014 г. осмотр Ташеланского минерального источника, расположенного в 8,5 км восточнее Мухор-Талинского источника, позволил выявить новый археологический объект. На прилегающей к минеральному источнику территории произведены сборы подъемного материала, представленного отходами производства, сколами-заготовками и нуклевидными изделиями.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о перспективности дальнейших поисковых работ на территориях расположения минеральных источников, расширили список топографических характеристик могильников бронзового века, что в конечном итоге позволяет нам интерпретировать минеральный источник не только как ресурс восполнения дефицита минеральных веществ в организме, но и как сакральное пространство (например, организация культовых объектов). Использованная методика поисковых работ может быть применена на других, в т.ч. сопредельных территориях Забайкалья, где минеральные источники (аршаны) являются традиционными объектами природопользования (см., напр.: [Алханай…, 1999]).

Список литературы

Алханай: природные и духовные сокровища / М.Ц. Итигилова, С.М. Синица, Т.А. Стрижова и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 280 с.

Лбова Л.В., Базаров Б.А., Буерачный Э.В. Мухор-Талинская группа местонахождений каменного века (Брянский археологический район) // 275 лет Сибирской археологии. XXXVII РАЭСК вузов Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск, 1997. – С. 23–24.

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 241 с.

Лещинский С.В. Влияние геологического строения региона на расселение палеолитического человека (юго-восток Западно-Сибирской равнины) // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 472–473.

Шагжиев К.Ш., Бабиков В.А., Мантатова А.В., Оленников И.В., Трофимова С.М., Халзагаров М.Г., Цырендоржиева Т.Б., Чернявский М.К. Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. – 220 с.

УДК 902/904

В.В. Бобров[1, 2, 3], А.Г. Марочкин[2], А.Ю. Юракова[2, 3], Н.Н. Моор[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт экологии человека СО РАН
[3]Кемеровский государственный университет
E-mail: comcon@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ НЕОЛИТА – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ПАМЯТНИКАХ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2014 ГОДА*

В статье подведены итоги исследований Кузбасского археологического отряда в Барабинской лесостепи в 2014 г. Рассмотрены материалы раскопок памятников Автодром-1, Автодром-2, Ложка-6. Приведены характеристики каменного инвентаря неолитического периода из памятников Автодром-1, -2. Описаны керамические комплексы боборыкинской и артынской неолитических культур, гребенчато-ямочной общности позднего неолита – раннего металла, керамика ранней – начала развитой бронзы, новочекинской культуры раннего железного века (поселения Автодром-1, -2). Новой серией керамики постандроновского облика и изделий из бронзы подтверждена принадлежность поселения Ложка-6 к пахомовской культуре.

Ключевые слова: *неолит, боборыкинская культура, артынская культура, гребенчато-ямочный комплекс, поздняя бронза, пахомовская культура, ранний железный век, новочекинская культура, Барабинская лесостепь.*

The article summarizes the Kuzbass Archaeological Team's researches in Barabinsk forest-steppe during the 2014, and deals with the excavated findings from such sites as Avtodrom-1, Avtodrom-2, Lozhka-6. The characteristics of Neolithic stone tools from Avtodrom-1 and Avtodrom-2 are presented. The authors describe the ceramic complexes of Boborykino and Artyn Neolithic cultures, Comb-Pit Ware culture of the Late Neolithic – Early Metal, the Early Bronze and the beginning of Middle Bronze Age, Early Iron Age Novochekino culture (Avtodrom-1 and Avtodrom-2 settlements). A new series of Post-Andronovo-like ceramics and bronze objects confirms that Lozhka-6 settlement has to be attributed to Pakhomovo culture.

Keywords: *Neolithic, Boborykino culture, Artyn culture, Comb-Pit complex, late Bronze, Pakhomovo culture, Early Iron Age, Novochekino culture, Barabinsk forest-steppe.*

В 2014 г. Кузбасским археологическим отрядом продолжено изучение разновременных поселенческих комплексов Автодром-1, Автодром-2 и Ложка-6, расположенных на второй надпойменной террасе левого берега р. Тартас и на южном берегу оз. Ложка (Венгеровский р-н Новосибирской обл.). Работы проведены в рамках продолжающихся исследований процессов культурогенеза и культурных взаимодействий в периоды неолита и палеометалла на юге западной Сибири.

На *поселении Автодром-1* заложен раскоп площадью 64 м^2, включающий западину жилища № 9 и прилегающее к ней пространство. Жилище № 9 представлено остатками котлована овальной формы 6,6 × 5,0 м, глубиной до 0,52 м, вытянутого по линии ЮЗ – СВ. В северо-западной части котлована стенки наиболее пологие. Внутри жилища выявлены материковые «нары» в виде выступа, примыкающего к восточной стенке котлована и возвышающегося над уровнем пола на 0,16–0,22 м. Идентичная конструктивная особенность зафиксирована в жилище № 5 этого же поселения [Бобров, Марочкин, Юракова, 2013].

Раскопом оказалась затронута северо-западная часть не известного ранее кургана. Высота насыпи относительно современной дневной поверхности не превышает 0,3 м, что в совокупности с близлежащим неолитическим котлованом создавало иллюзию естественных рельефных перепадов. Частично снята насыпь сооружения, состоящая из плотной супеси красно-коричневого цвета. Выявлен окружающий курган ров

*Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки РФ № 33.1175.2014К.

шириной 1,0–1,4 м и глубиной относительно материка 0,19–0,3 м, перерезавший восточную стенку и земляные «нары» жилища № 9. На данный момент хронология и культурная принадлежность кургана не определены, но явно он имеет более поздний возраст относительно жилища. Объект законсервирован с целью дальнейшего изучения.

Коллекция находок немногочисленна (225 экз., 99 ед.). Предметы каменной индустрии (рис. 1, *1–33*) представлены фрагментами перфораторов (2 экз.), фрагментами пластин (10 экз.) с ретушью (4 экз.) и без специальной подработки, скребками на отщепах (11 экз.), отщепами случайных форм (29 экз.), в т.ч. чешуйками, и единственным сколом с поверхности шлифованного изделия. Фрагменты кальцинированных костей присутствуют в количестве 4 экз.

Керамика насчитывает 167 фрагментов. Ее можно разделить на четыре группы.

Группа 1 – 22 фр. тулов тонкостенных сосудов (3–6 мм), лишенные орнамента по причине его изначального отсутствия или плохой сохранности внешней поверхности (рис. 1, *34, 35*).

Группа 2 – 3 фр. (в т.ч. 1 венч.) толстостенных плоскодонных сосудов, орнаментированных прочерченными прямыми линиями и зигзагами. В одном случае прочерченный зигзаг нанесен по-

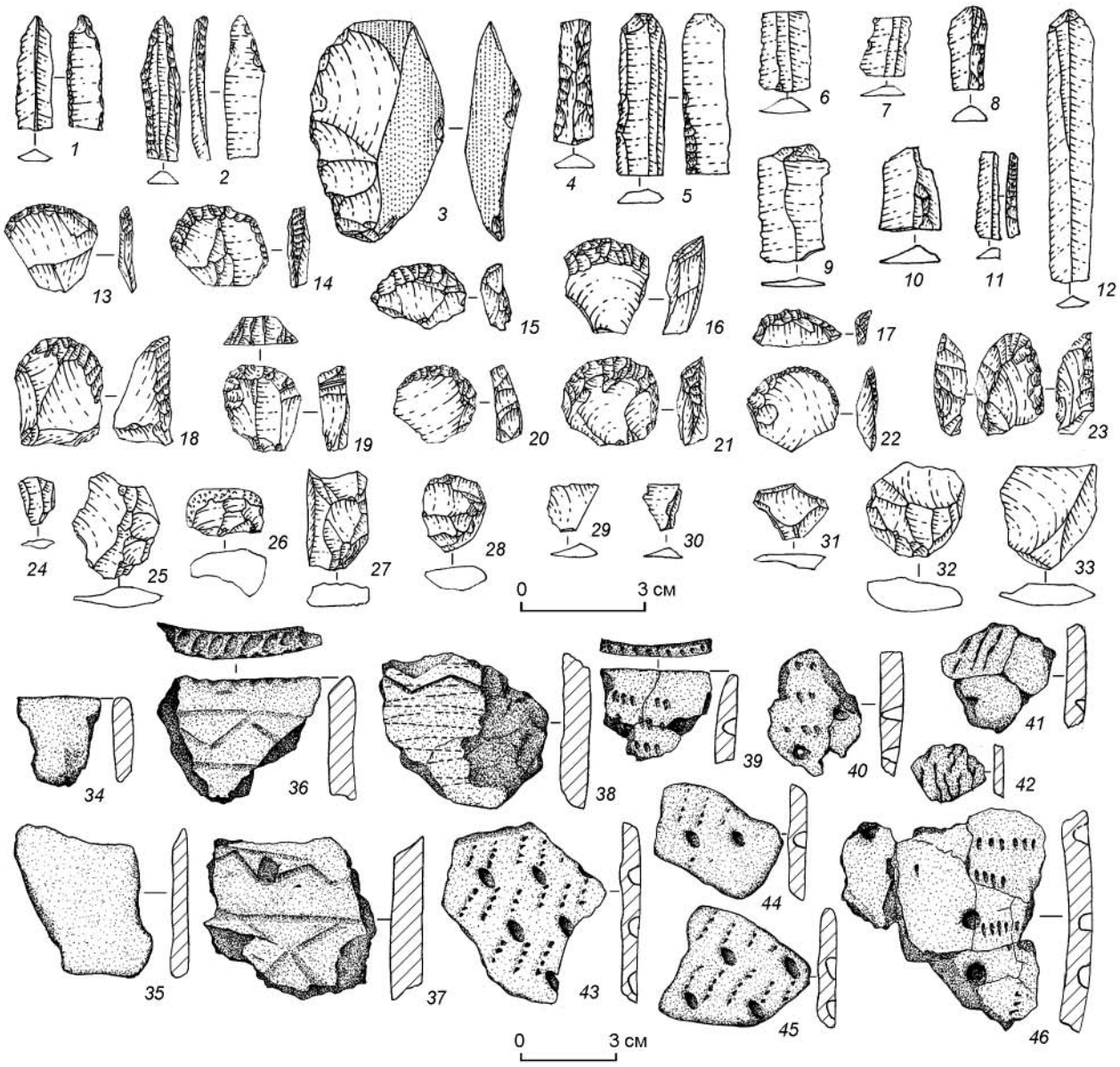


Рис. 1. Каменный инвентарь *(1–33)* и керамика *(34–46)* памятника Автодром-1.

1, 2 – перфораторы; *3* – переиспользованный фрагмент шлифованного изделия; *4–12* – пластины; *13–23* – скребки; *24–33* – отщепы; *34–46* – фрагменты сосудов.

верх полос шагающей «пунктирной» гребенки (рис. 1, *36–38*). Стратиграфически соотносятся с первичным заполнением и дном жилищного котлована.

Группа 3 – 39 фр. от четырех сосудов, орнамент – ряды ямочных вдавлений округлой или овальной формы и горизонтальные линии наклонных оттисков четырех-пятизубой гребенки (рис. 1, *43–45*) или вертикальных насечек (рис. 1, *39, 40, 46*), один сосуд декорирован оттисками веревочного (?) штампа (рис. 1, *41, 42*). Залегали в заполнении рва, насыпи кургана, а также в верхних горизонтах заполнения неолитического жилища.

Группа 4 – 103 фр. круглодонного сосуда со слегка закрытым устьем, декор ограничен поясом из чередующихся ямок и «жемчужин» по венчику. Обнаружен в скоплении *in situ* под слоем гумусированной супеси, перекрывающим заполнение жилища № 9. Находит аналогии в комплексах новочекинской культуры эпохи раннего железа [Полосьмак, 1987].

На *поселении Автодром-2* исследовано 82 м^2 в юго-западной части памятника, включая остатки жилищного котлована № 38 (частично исследован в 2013 г.). В коллекцию находок (991 экз.) входят фрагменты сосудов (563 экз.), предметы каменной индустрии (401 экз.), кальцинированные кости (27 экз.). Каменный инвентарь представлен единственным перфоратором, концевыми скребками на пластинах (12 экз.) и скребками разной формы на отщепах (73 экз.), сегментами пластин (104 экз.), как с ретушью (26,9 %), так и без вторичной обработки, абразивами (7 экз.), шлифованными топориками (2 экз.) и сколами с поверхности шлифованных изделий (12 экз.), продуктами первичного расщепления (желваками – 1 экз., нуклеусами – 5 экз.), аморфными (144 экз.) и пластинчатыми отщепами (39 экз.).

Керамический комплекс составляют фрагменты сосудов нескольких культурно-хронологических групп:

1. Боборыкинская культура (средний – поздний неолит) – 30 фр. плоскодонных сосудов с выраженной вогнутой профилировкой придонной части и характерным выступом по ребру дна (рис. 2, *1–11*). Орнамент сохранился лишь на шести фрагментах. В зоне венчика он представлен горизонтальными и наклонными прочерченными линиями, на двух фрагментах тулова – двумя вертикальными рядами круглых наколов. У большинства венчиков отслоилась верхняя поверхность, благодаря чему удалось зафиксировать полые следы от обвязывавших устья перевитых жгутиков (рис. 2, *4, 5, 7*). В 10 случаях сохранился декор среза: поперечные и наклонные овальные оттиски гладкого штампа, зигзаг из насечек.

2. Артынская культура (поздний неолит) – 12 фр. (2 венч., 10 тул.) минимум от двух сосудов (рис. 2, *12, 13*). Орнамент состоит из двух основных мотивов: прямых или волнистых прочерченных, либо отступающе-накольчатых линий, и поясов ямочных вдавлений округлой либо овальной формы, иногда сгруппированных по два-четыре в различные фигуры.

3. Керамика гребенчато-ямочной общности (поздний неолит – начало перехода к эпохе металла) – 5 фр. тулов. Декоративные мотивы представлены линиями ямочных вдавлений округлой или полулунной формы, поясами гладких продолговатых наколов.

4. Керамика периода ранней – развитой бронзы – 11 фр. от трех сосудов. Два сосуда орнаментированы полосами «шагающей» гребенки, наклонными в зоне венчика и горизонтальными по тулову, и поясом округлых ямок под срезом венчика (рис. 2, *14–17*). Еще один сосуд представлен двумя фрагментами с горизонтальными линиями подтреугольных наколов.

5. Новочекинский комплекс эпохи раннего железа – 2 сосуда. Один из них (31 венч., 280 тул.) зафиксирован в скоплении *in situ* в нижних горизонтах слоя гумусированной супеси. Круглодонная (?) емкость с вогнутой профилировкой венчика; верхняя половина сосуда украшена рядами крупных глубоких каплевидных наколов, нанесенных под различными углами; по венчику расположен ряд округлых ямок, по тулову – ряды «жемчужин» (рис. 2, *18*). Декор еще одного сосуда (2 фр.) аналогичен предыдущему, однако наколы здесь менее крупные, нанесены с наклоном вправо.

Большая часть (483 экз.) фрагментов керамики не подлежит атрибуции в виду плохой сохранности или отсутствия выраженных морфологических признаков.

На *поселении Ложка-6* (южный берег оз. Б. Ложка) в 2014 г. изучено 52 м^2 площади. Общее количество находок 1 493 экз., из них фрагменты керамической посуды – 985 экз., фрагменты костей животных – 291 экз., обожженной глины – 204 экз., песчаника – 10 экз. Единичные изделия представлены бронзовыми проколкой (рис. 2, *25*) и кольцом (рис. 2, *23*), фрагментом костяной рукояти орудия (рис. 2, *24*).

Керамический комплекс состоит из 862 фр. тулов, 92 фр. венчиков, 31 фр. придонной части сосудов (рис. 2, *22*). Для культурно-хронологической атрибуции отобрано свыше 302 фр. Выделены два типа сосудов: плоскодонные горшки

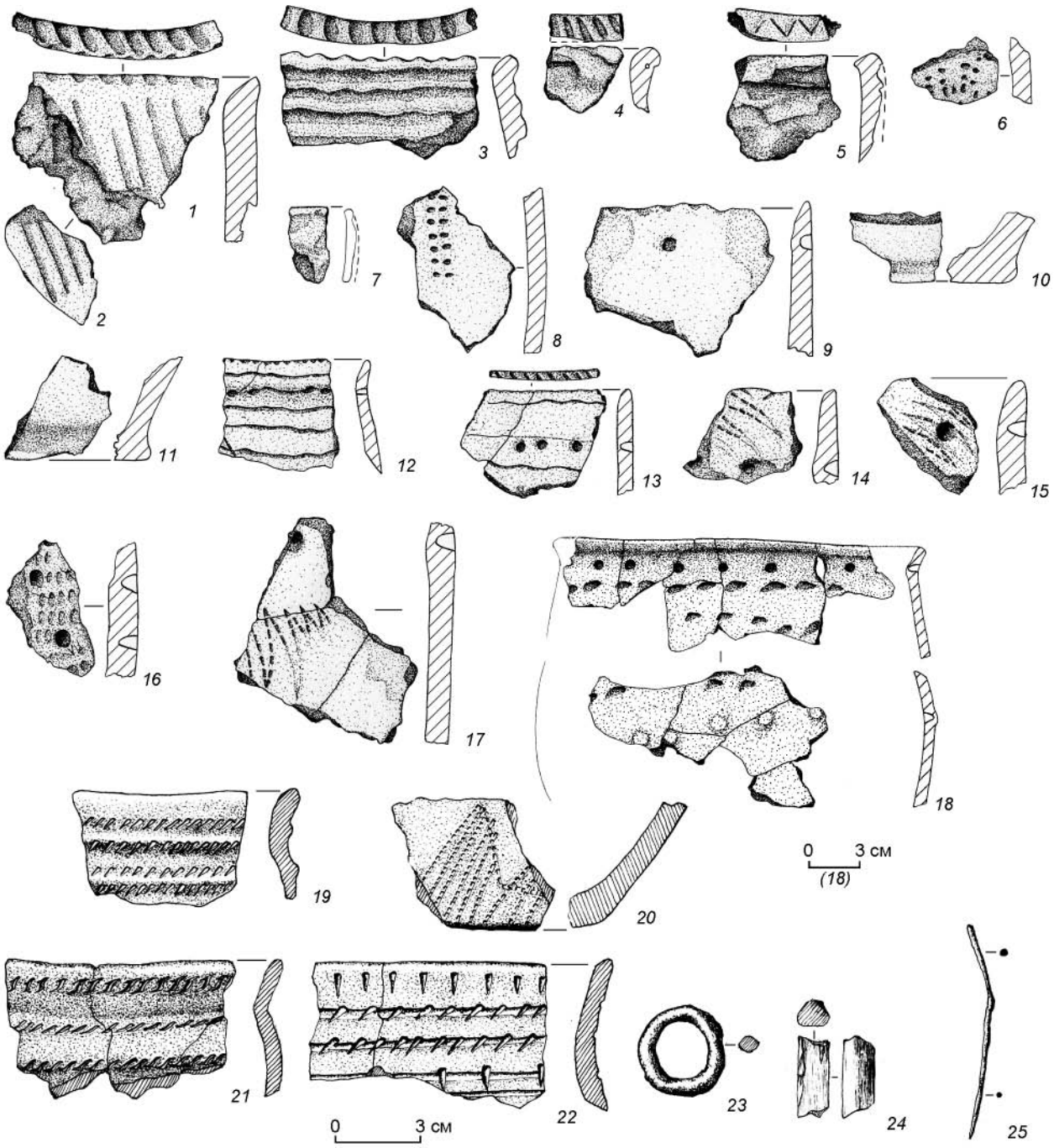


Рис. 2. Керамика, костяной и бронзовый инвентарь поселений Автодром-2 *(1–18)* и Ложка-6 *(19–25)*.
1–22 – фрагменты сосудов; *23* – бронзовое кольцо; *24* – фрагмент костяной рукояти; *25* – бронзовая проколка.

и банки. По специфике орнамента коллекция подразделяется на две группы (*А, Б*), характерные для комплексов постандроновского времени Западной Сибири, что подтверждает правомерность их выделения на поселении Ложка-6 [Бобров, Моор, 2011; Бобров, Головков, Моор, 2014].

Группа А – 286 фр. В декоре использовались следующие элементы: наклонные ряды оттисков гребенчатого и гладкого штампов, вертикальные ряды оттисков гребенчатого и гладкого штампов, ямки, сетка из оттисков гладкого или гребенчатого штампов, каплевидные вдавления, защипы, горизонтальный зигзаг, треугольные оттиски, выполненные гладкими или зубчатыми штампами, каннелюры. Для данной группы характерно либо отсутствие орнаментальной зональности, либо выделение только зоны венчика, использование разделителей, раппортов, орнаментальных поясов.

Группа Б – 16 фр. Орнамент представлен следующими мотивами: заштрихованные треугольни-

ки, меандры, зигзаги, выполненные гребенчатым штампом, треугольные оттиски. Подобный декор известен по материалам из могильников Старый Сад и Гришкина Заимка [Молодин, Нескоров, 1992], Лихачевский, Черноозерье II [Генинг, Стефанов, 1991], Пахомовская Пристань I и др. [Евдокимов, Корочкова, 1991].

Декор одного из фрагментов в виде оттисков гладкого штампа, напоминающих т.н. уточки (рис. 2, *21*), характерен для керамики эпохи раннего железа.

Исследование поселения Ложка-6 существенно дополняет представление о пахомовской культуре в западных районах Барабинской лесостепи. Вместе с тем, оно содержит другие малочисленные культурно-хронологические комплексы, недостаточная репрезентативность которых пока не позволяет провести анализ и обобщение.

Результатом исследования поселений Автодром-1 и -2 является не только пополнение информационных данных о неолите Барабы. Выявленные комплексы ранней и развитой бронзы, в совокупности с материалами предшествующих работ, открывают перспективу взаимопроверки периодизации неолита и эпохи бронзы Барабы, предложенной В.И. Молодиным [1985, 2001 и др.]. В частности, основу сопоставления составят культурно-хронологические схемы погребальных памятников (Сопка-2, Тартас-1) и поселений, которые расположены в одном археологическом микрорайоне. На начальном уровне исследований можно констатировать относительное тождество этих культурно-хронологических схем.

Список литературы

Бобров В.В., Головков П.С., Моор Н.Н. Исследование памятника Ложка-6 в 2012–2013 гг. // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов. Казахстан, Монголия, Китай. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2014. – С. 9–13.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Неолитическое поселение Автодром-1 в Барабинской лесостепи: результаты раскопок в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 14–19.

Бобров В.В., Моор Н.Н. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 139–143.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андроноидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1991. – С. 52–60.

Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1991. – С. 50–63.

Молодин В.И. Бабаба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990 г. – М.: ИА АН РК, 1992. – Ч. 1. – С. 93–97, 244–246.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

УДК 902/904

В.В. Бобров[1, 2, 3], А.Г. Марочкин[2], А.Ю. Юракова[2, 3], Л.В. Панкратова[4], К.В. Конончук[5], А.В. Щербакова[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт экологии человека СО РАН
[3]Кемеровский государственный университет
[4]Томский государственный педагогический университет
[5]Музей-заповедник «Томская Писаница»
E-mail: comcon@yandex.ru

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ РАННЕЙ – НАЧАЛА РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ НА ПОСЕЛЕНИЯХ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ*

В статье изложены результаты исследований, проведенных в 2014 г. на разновременных поселенческих памятниках юга Нижнего Притомья Нижнетомским отрядом Кузбасской археологической экспедиции. Дана характеристика керамической посуды крохалевской культуры, самусьской культуры и гребенчато-ямочного комплекса поселений Ивановка-1, -2 и Долгая-2. Приведены данные функционально-морфологического анализа предметов каменной индустрии, стратиграфически связанных с керамическими комплексами первой половины II тыс. до н.э. Описаны остатки хозяйственного сооружения крохалевского населения на поселении Долгая-2. Рассмотрена проблема относительной и абсолютной хронологии комплексов крохалевской культуры.

Ключевые слова: *ранняя бронза, развитая бронза, крохалевская культура, самусьская культура, гребенчато-ямочный комплекс, юг Нижнего Притомья, Кузнецкая котловина.*

The article contains the results of the research conducted in 2014 by the Lower Tom' River Team of the Kuzbass archaeological mission on few multicultural sites in the South of the Lower Tom' region. The article deals with characteristics of ceramic ware of Krokhalevo culture, Samus' culture and Comb-Pit complex from Ivanovka-1, Ivanovka-2 and Dolgaya-2 settlements; the results of functional and morphological study of stone industry objects stratigraphically related to the ceramic complexes of the first half of II millenary BC; description of the household building of Krokhalevo population in Dolgaya-2 settlement. The authors examine the problem of relative and absolute chronology of the Krokhalevo culture complexes.

Keywords: *Early Bronze Age, Middle Bronze Age, Krokhalevo culture, Samus' culture, Comb-Pit complex, South of Lower Tom' region, Kuznetsk Basin.*

В Кузнецкой котловине периоды ранней и начала развитой бронзы представлены древностями крохалевской и самусьской культур, исторически связанных с сейминско-турбинским транскультурным феноменом [Бобров, 1992; Ковтун, Марочкин, 2011]. В последние годы количество крохалевских и самусьских памятников увеличивается за счет исследований в южных районах Нижнего Притомья [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012; Бобров и др., 2013]. В 2014 г. были проведены раскопки поселений Ивановка-1, Ивановка-2 и Долгая-2 (Яшкинский р-н Кемеровской обл.), на которых получены новые материалы ранней – начала развитой бронзы.

Поселение Ивановка-1. Памятник расположен на третьей надпойменной террасе правого берега р. Томи, в 4,5 км ниже по течению от Томской писаницы. В 2014 г. раскопано 107 м^2. Находки представлены керамикой русского времени, средневековья, ранней и развитой бронзы, а также каменными изделиями, что соответствует наблюдениям 2013 г. [Бобров и др., 2013]. Стратиграфическая ситуация идентична: все культурные остатки залегают в визуально однородном слое гумусированного суглинка темно-серого цвета (до 0,6 м), распределяясь по глубине с соблюдением хроностратиграфического принципа. Керамика ранней и начала развитой бронзы и предметы

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-42008).

из камня залегают в непосредственной близости от «материкового» желтого суглинка.

Керамика крохалевской культуры представлена остатками двух сосудов.

Сосуд 1 – 119 фр. (15 венч., 104 тул.). Значительная часть фрагментов найдена в скоплениях *in situ* № 1 и № 3. Сосуд баночной формы. Срез венчика прямой и украшен насечками. На внутренней стороне сосуда имеются следы нагара. Внешняя и внутренняя поверхность сосуда плотно заполнены «псевдотекстильными» отпечатками (рис. 1, *3*). Под срезом венчика расположен пояс ямочных вдавлений овальной формы.

Сосуд 2 – 111 фр. (6 венч., 101 тул., 4 дна). Большая часть фрагментов найдена в скопление *in situ* № 2 (93 фр.), остальные фрагменты найдены в скоплении *in situ* № 3 (15 фр.) и в скоплении *in situ* № 1 (3 фр. дна). Сосуд непрофилированной плоскодонной баночной формы. Срез венчика прямой и имеет уплощенную форму. Стенки сосуда покрыты «псевдотекстильными» отпечатками и с внешней, и с внутренней стороны. Орнамент отсутствует (рис. 1, *1, 2*).

Предположительно к самусьской культуре относятся 15 фр. (8 венч., 6 тул., 1 дна) от одного плоскодонного сосуда простой баночной формы (рис. 1, *6*). Срез венчика прямой. В прочерченной технике венчик украшен горизонтальными зигзагами, которые пересекают вертикальные прямые отрезки. В зоне венчика прочерченный декор сопровождается поясом округлых ямок. По всей видимости, тулово сосуда до самого дна было покрыто прочерченным елочным узором. При определенном освещении можно рассмотреть на торцах прочерченных линий зубчатую нарезку, которая может свидетельствовать о нанесении орнамента гребенчатым инструментом.

Керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией, аналогичная комплексам из памятников Новосибирского Приобья и Нижнего Притомья, включает остатки двух сосудов.

Сосуд 1 – 7 фр. тулова. Форма не ясна. В орнаменте чередуются гребенчатые оттиски и пояса округлых ямочных вдавлений (рис. 1, *9*). Гребенчатые элементы выполнены многозубым штампом (до восьми зубцов подквадратной формы). Еще одним элементом являются горизонтальные прочерченные линии.

Сосуд 2 – 34 фр. тулова. Форму сосуда установить проблематично. Орнамент включает оттиски трех-четырехзубого штампа в сочетании с ямочными вдавлениями и горизонтальными рядами глубоких каплевидных наколов (рис. 1, *7, 8*).

Каменные изделия представлены следующими категориями:

– пренуклеусы из небольших галек, 1 экз.;

– одноплощадочные монофронтальные нуклеусы с негативами пластинчатых снятий, 2 экз.;

– нуклеусы-желваки с негативами нерегулярных отщеповых снятий, 9 экз.;

– отщепы случайной формы, 104 экз. На 18 предметах имеются следы вторичной подработки в виде эпизодической мелкой ретуши;

– пластины (целые экземпляры, сечения и проксимальные фрагменты), 5 экз. На 2 экз. имеется подработка в виде мелкой краевой ретуши, нанесенной с дорсальной стороны;

– массивные сколы с поверхности галечных валунов, с незначительной подработкой острых кромок и следами утилитарного износа на них, 12 экз.;

– сколы с поверхности шлифованных орудий, 5 экз.;

– фрагменты плитчатых абразивов из мелкозернистого песчаника и сланцевой породы, 4 экз.;

– скребки, 7 экз. Все орудия выполнены на отщепах. 2 экз. следует отнести к категории комбинированных орудий: на одном оформлен шип-

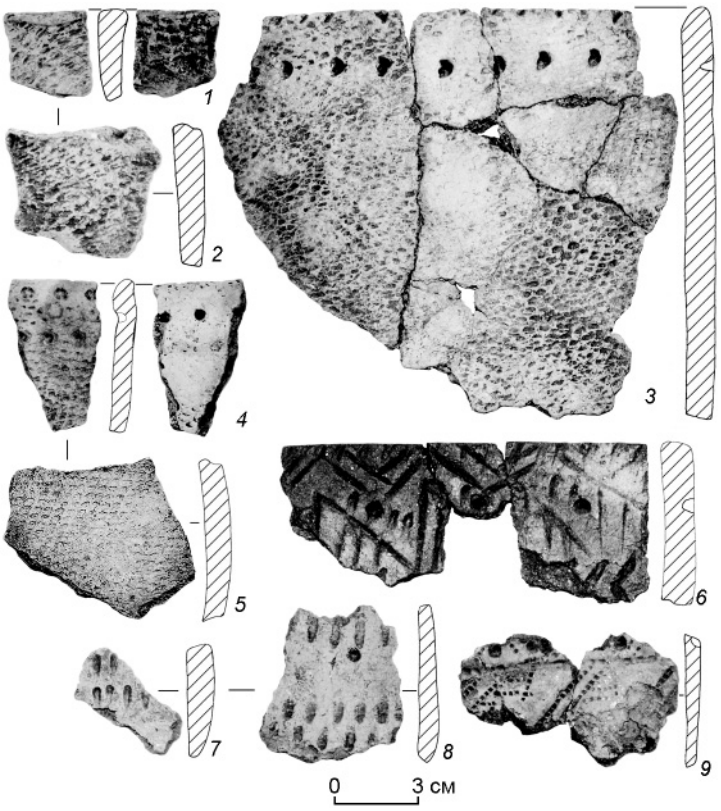


Рис. 1. Керамика с поселений Ивановка-1 (*1–3, 6–9*) и Ивановка-2 (*4, 5*).

перфоратор (рис. 2, *1*), на другом – ножевидное лезвие;

– топоры-тесла, 5 экз., массивные, оформленные крупными сколами из галечных валунов, лишь с эпизодическими признаками шлифовки (рис. 2, *4–8, 11*);

– орудия ударного действия, в т.ч. отбойник и пест-молот, 3 экз. (рис. 2, *9–10, 12*);

– ножи на отщепах, 3 экз.;

– наконечники стрел – бифасы листовидной и треугольной формы, 2 экз. (рис. 2, *2–3*).

Отсутствие на памятнике неолитических материалов и стратиграфическая позиция связывают изделия именно с крохалевской керамикой и/или комплексами самусьского времени, вследствие чего данные орудия можно определить как источник по хозяйственной деятельности населения Кузнецкой котловины в период ранней – начала развитой бронзы.

Поселение Ивановка-2. Местонахождение выявлено в 2014 г. в 200 м к юго-востоку от памятника Ивановка-1, также на третьей террасе правого берега р. Томи. Площадь разведочного раскопа составляет 10 м^2. Стратиграфия характеризуется визуальной однородностью культуросодержащего слоя гумусированного суглинка (до 0,6 м), подстилаемого слоем суглинка серо-желтого цвета. Находки локализуются в нижних горизонтах.

Керамика представлена 14 фр. (3 венч., 11 тул.) одного сосуда крохалевской культуры (рис. 1, *4, 5*). Сосуд баночный. Срез венчика прямой, слегка отогнут вовнутрь. Стенки сосуда покрыты «псевдотекстильными» отпечатками. Орнамент в зоне венчика включает две цепочки овальных вдавлений, разделенных «жемчужником». Срез декорирован отпечатками гребенчатого трехзубого штампа.

Каменные изделия представлены небольшим фрагментом плитчатого абразива из мелкозер-

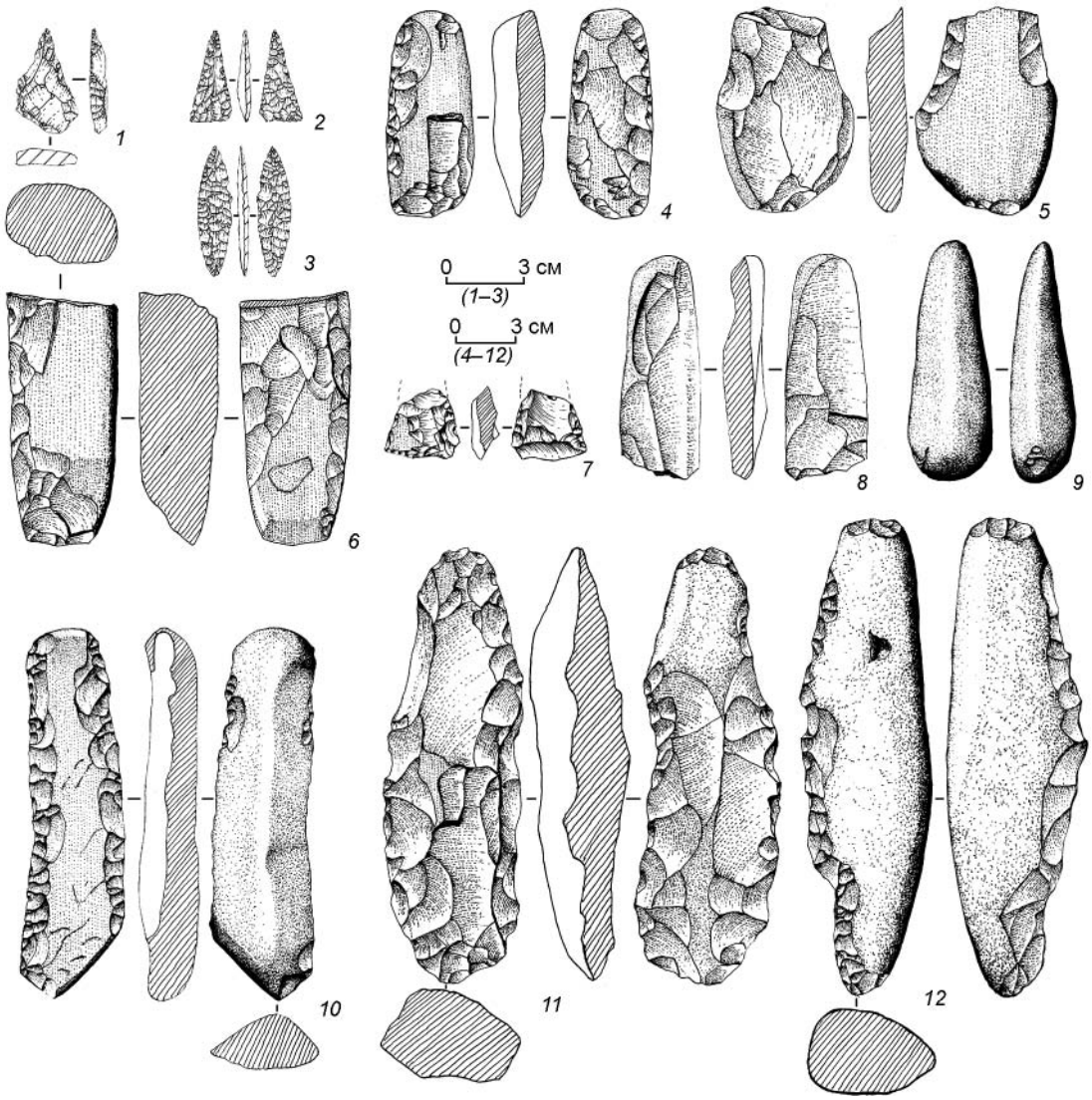


Рис. 2. Каменный инвентарь с поселения Ивановка-1.

нистого песчаника (1 экз.) и аморфными отщепами (9 экз.). Многие из отщепов имеют участки с галечной коркой, а на острых гранях предметов фиксируется т. н. утилитарная ретушь. Один из отщепов подработан эпизодической бифасиальной ретушью.

Поселение Долгая-2 расположено в устье правого притока р. Томи – р. Долгой, в 15 км ниже по течению р. Томи от местонахождений Ивановка-1, -2. В 2014 г. изучено 47 м^2. Стратиграфия: 1) дерн (0,02–0,08 м); 2) гумусированная супесь светло-серого цвета (0,04–0,18 м); 3) плотная супесь светло-желтого цвета (0,12–0,2 м); 4) суглинок красно-желтого цвета (0,24–0,4 м); 5) светло-желтый суглинок, насыщенный сланцевой крошкой.

В красно-желтом суглинке (слой № 4) выявлен комплекс крохалевской культуры, включающий остатки наземного хозяйственно-производственного помещения. Подпрямоугольная форма сооружения размерами 6 × 5 м установлена по планиграфии столбовых ям. Во внутреннем пространстве постройки зафиксирована каменная конструкция – кладка из сланцевых плит и галечных валунов, вытянутая, по всей видимости, вдоль одной из стен. Частью конструкции является очажная кладка подпрямоугольной формы. С ней связана площадка по производству каменных изделий, среди которых найдены многочисленные отщепы (411 экз.), пластины (2 экз.), желваки (9 экз.), топор (1 экз.), фрагмент шлифованного ножа с вогнутым лезвием (1 экз.). Культурно-хронологическая принадлежность комплекса удостоверяется фрагментами «псевдотекстильной» керамики, залегающими в непосредственной близости от каменной выкладки.

Исследование группы памятников, материалы которых пополняют представление о крохалевской культуре, имеют существенное научное значение. Во-первых, остается актуальной проблема ареала культуры, точнее его западной границы. По крайней мере некоторые памятники Барабинской лесостепи, рассматриваемые специалистами в рамках одиновско-крохалевского культурного пласта [Молодин, 1985], содержат «псевдотекстильную» керамику, типологически близкую крохалевской [Зах, 2009, с. 246]. Во-вторых, до настоящего времени дискуссионным является хронологическое соотношение крохалевской культуры с елунинскими, кротовсковскими и самусьскими древностями Верхнеобского региона. В настоящее время наиболее ранняя дата «псевдотекстильной» керамики Верхнего Приобья представлена в работах Ю.Ф. Кирюшина, включившего ее в круг древностей большемысской энеолитической культуры конца III тыс. до н.э. [2002]. Впрочем, энеолитическая атрибуция не подтверждается наличием в крохалевских комплексах признаков развитого бронзолитейного производства сейминского облика (обзор см.: [Ковтун, Марочкин, 2011]). Согласно исследованиям И.Г. Глушкова, псевдотекстильная керамика Верхнего Приобья, напротив, датируется второй третью II тыс. до н.э., т.е. синхронна самусьским древностям [2009, с. 126–127]. И.В. Ковтун и А.Г. Марочкин датировали крохалевские «псеводотекстильные» комплексы началом II тыс. до н.э., связав их с началом сейминско-турбинского периода, т.е. предсамусьским временем [2011]. Последняя точка зрения подтверждена единственной на данный момент датой по ^{14}C нагара крохалевского сосуда с Долгой-1 – 2200–1600 гг. до н.э. (2α – 95,4 %) или 2030–1750 гг. до н.э. (1α – 68,2 %). В ходе исследований 2014 г. удалось отобрать несколько образцов для радиоуглеродного и термолюминесцентного датирования, результаты которых могут помочь в решении проблемы относительной хронологии комплексов ранней – начала развитой бронзы.

Список литературы

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: дисс. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 41 с.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 170–174.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Панкратова Л.В., Конончук К.В. Поселение Ивановка-1 на юге Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 175–179.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). – Сургут: РИО Сургут гос. пед. ун-та, 2009. – 190 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Арчекасский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 69–76.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

УДК 903.22

Л.А. Бобров[1], Ж. Орозбекова[1, 2]

[1]Новосибирский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: spsml@mail.ru

КАЗАХСКИЕ СЕКИРКИ *АЙБАЛТАШЫК* ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ*

В статье рассмотрены казахские секирки «айбалташык» из музейных и частных собраний Российской Федерации и Республики Казахстан. Отличительной чертой данной разновидности ударно-рубящего оружия является месяцевидное лезвие шириной менее 10 см. Благодаря изогнутому С-образному лезвию удар секиры обладал не только рубящим, но и рубяще-режущим эффектом, что представляло особую угрозу для легковооруженных воинов противника. На основании комплексного анализа источников выявлены особенности конструкции, оформления и боевого применения секирок «айбалташык». Установлено, что резкий рост популярности секир «айбалта» и их миниатюрных аналогов – «айбалташык» во второй половине XVIII – XIX в. был обусловлен вытеснением металлического защитного вооружения из широкого военного обихода кочевников Центральной Азии.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Казахстан, ударно-рубящее оружие, боевые топоры, секирки «айбалташык».*

The article focuses on Kazakh small axes “aibaltashyk” stored in museums and private collections in Russia and Kazakhstan. This type of offensive weapon used for crushing and cutting boasts a crescent moon shape blade less than 10 cm wide. Due to such a curved C-shaped blade, the axe could not only crush but also cut, which was a particular risk for light-armed enemies. The comprehensive analysis of the sources available allowed us to expose the constructive features, ways of decorating and combat employment of small axes “aibaltashyk”. It is discovered that the popularity of “aibalta” axes and their miniature counterparts “aibaltashyk” increased dramatically in the second half of XVIII – XIX centuries due to exclusion of metal plate armor from widespread military usage among the nomads of Central Asia.

Keywords: *Central Asia, Kazakhstan, offensive weapon, crushing, cutting, battleaxe, “aibaltashyk” axe.*

Комплекс ударно-рубящего оружия казахских кочевников позднего Средневековья и раннего Нового времени отличается значительным типологическим разнообразием. Пожалуй, самой известной разновидностью казахских боевых топоров XVIII–XIX вв. являются секиры *айбалта* («лунный топор»), снабженные оригинальным месяцевидным (С-образным) лезвием, концы которого были отогнуты в сторону топорища. Секиры *айбалта* неоднократно привлекали внимание отечественных и зарубежных археологов, историков и этнографов [Курылев, 1978, с. 11–13; Кушкумбаев, 2001, с. 65, 66; Ахметжан, 2007, с. 116, 117]. Однако исследователями нередко игнорировался тот факт, что казахскими номадами, наряду с классическими секирами *айбалта* (с шириной лезвия 15–20 см), применялись их миниатюрные аналоги, ширина лезвия которых не превышала 10 см. Данную разновидность казахского ударно-рубящего оружия можно обозначить как секирки (*айбалташык*).

Целью настоящей статьи является анализ конструкции, декоративного оформления, особенностей эволюции и боевого применения секирок *айбалташык*.

Нами собраны сведения о 117 казахских боевых топорах, хранящихся в музейных и частных собраниях России, Казахстана, Узбекистана, Китая и других стран. Двенадцать из них могут быть отнесены к секиркам *айбалташык*.

По материалу изготовления все бойки рассматриваемой серии относятся к классу железных, по способу насада на топорище к отделу проушных. По сечению бойка выделяется две группы.

Группа I. Плоскообушные.

Тип 1. Плоскообушные секирки с трапециевидным клинком и месяцевидным лезвием.

*Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Вариант 1. Плоскообушные секирки с трапециевидным орнаментированным клинком и месяцевидным лезвием (см. *рисунок, 9*).

Включает один экз. из Карагандинской обл. РК (Центральный Казахстан). Боек с массивным отогнутым вниз обухом снабжен клинком со слабо выраженным С-образным лезвием. Проух заклепан орнаментированной железной пластиной. Большая часть бойка покрыта частым орнаментом, выполненным в технике серебряной насечки по металлу. По краю клинка пропущена широкая серебряная кайма, украшенная силуэтами летящих хищных птиц в окружении цветочных зарослей. На внутреннем поле клинка помещено стилизованное изображение дерева, гибкие ветви которого заканчиваются трехлепестковыми бутонами. Казахские и киргизские секиры подобной конструкции приведены на рисунках и картинах XVIII–XIX вв. [Бобров, 2014, с. 43, рис. 1, *18, 19, 31, 35*]. Система оформления секирки позволяет локализовать время ее изготовления XVIII – серединой XIX в.

Тип 2. Низкообушные секирки с трапециевидным клинком и месяцевидным лезвием.

Вариант 1. Низкообушные секирки с трапециевидным клинком и месяцевидным лезвием (см. *рисунок, 3, 5, 7*).

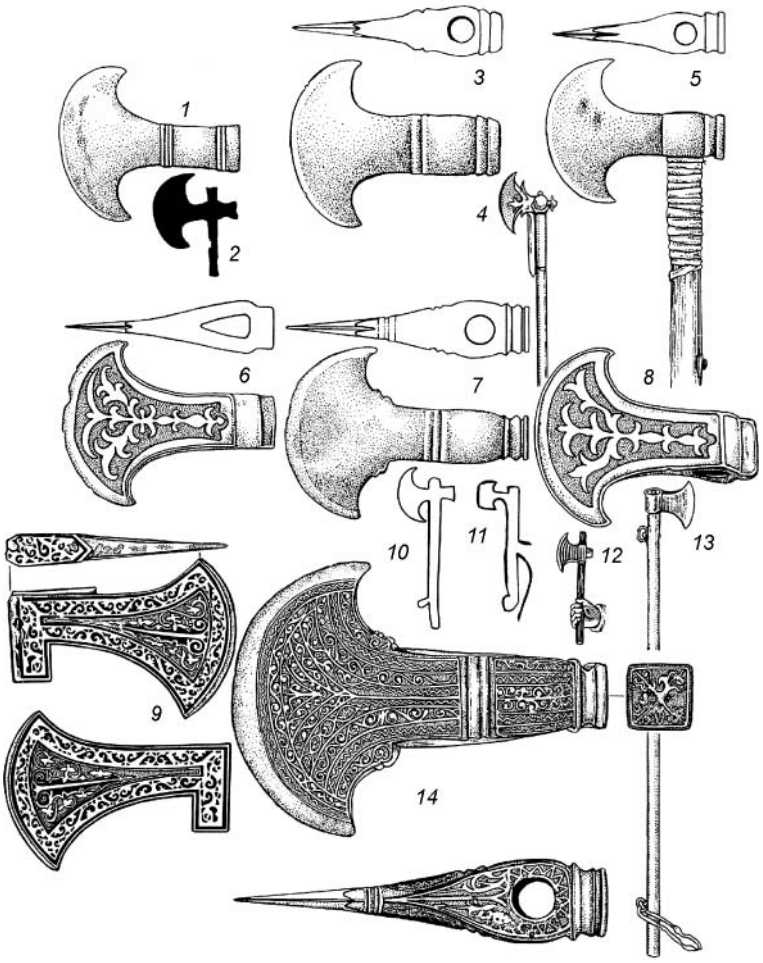
Включает 8 экз. из музейных собраний и частных коллекций Российской Федерации и Республики Казахстан.

Длина бойка 6,3–18,0 см, ширина лезвия 5,4–9,2 см. Концы ярко выраженного С-образного лезвия отогнуты в сторону топорища. Обух бойка выполнен в виде приземистой (одинарной или двойной) «платформы», играющей роль противовеса клинку, что позволяло наносить более точный и концентрированный удар. На большинстве секирок серии клинок и обух отделены от «щечек» выпуклыми бортиками. Проух имеет треугольную или округлую форму (см. *рисунок, 3, 5, 7*). Два топора сохранили аутентичные деревянные рукояти (длина 68,0–75,2 см; диаметр 3,0–3,5 см). Первое топорище снабжено железным «отрезом», представляющим собой узкую заточенную железную пластину (длина 18,0 см), приклепанную к рукояти непосредственно под клинком. «Отрез» защищал рукоять топора от рубящих ударов противника, а также не позволял вражескому воину перехватить топорище и отвести удар. При определенных обстоятельствах остро заточенный «отрез» мог использоваться и в качестве оружия ближнего боя. Второе топорище усилено железными пожилинами, кожаной обмоткой и тремя медными «браслетами» (см. *рисунок, 5*). На нижний конец топорища насажен медный наконечник с шаровидным навершием.

Изобразительные материалы свидетельствуют, что секиры *айбалта* и секирки *айбалташык* применялись казахскими воинами XVIII–XIX вв. [Бобров, 2014, с. 43, рис. 13, 22, 24, 25, 27–29, 30, 31, 35]. Этим же историческим периодом можно датировать и рассмотренные выше образцы из российских и казахстанских музейных и частных собраний.

Вариант 2. Низкообушные секирки с орнаментированным трапециевидным клинком и месяцевидным лезвием (см. *рисунок, 6, 8, 14*).

Включает 3 экз. из ЦГМРК, РЭМ и частной российской коллекции.



Секирки *айбалташык* из ЦГМРК (*1, 8*), РЭМ (*14*), частных коллекций (*3, 5–7, 9*) и их изображения в XVIII–XIX вв. (*2, 4, 10–13*). Рисунок Л.А. Боброва.

От рассмотренных выше низкообушных секирок с месяцевидным лезвием данные экземпляры отличаются наличием орнамента на поверхности бойка. Топоры из ЦГМРК и частной коллекции весьма близки по конструкции и системе оформления (см. *рисунок, 6, 8*). Не исключено, что они изготовлены одним и тем же мастером. Поверхность клинка и часть «щечек» покрыты узором в виде стилизованного дерева с тремя большими ветвями и множеством малых остроугольных отростков (светлый рисунок на темном фоне). Узор на топоре из РЭМ более сложный и изящный (см. *рисунок, 14*). Тонкое серебряное «дерево» или «куст» образует каркас композиции, в то время как пространство между «ветвями» заполнено вьющимися побегами и зубчатыми лентами различных форм и размеров. Аналогичный узор покрывает «щечки», обух и верхнюю часть бойка. Особенности конструкции и системы оформления позволяют предположить, что секирки были изготовлены мастерами Казахстана или Мавераннахра XVIII–XIX вв.

Топоры с месяцевидным лезвием в целом не характерны для комплекса ударно-рубящего оружия тюркских и монгольских кочевников раннего и развитого Средневековья. Находки секир, датированных данным историческим периодом, крайне редки [Горелик, 2002, с. 66, рис. 6]. Резкий рост популярности секир среди номадов Центральной Азии пришелся на вторую половину XVIII – XIX в. Он был обусловлен постепенным вытеснением металлических доспехов из широкого военного обихода народов региона. В условиях сокращения численности панцирников на полях сражений теряют популярность «бронебойные» разновидности боевых топоров, снабженные узким клинком удлиненно-треугольной формы (казахск. *шакан*). Лидирующие позиции в казахском комплексе ударно-рубящего оружия постепенно занимают универсальные топоры *балта* и секиры *айбалта*. Благодаря широкому С-образному клинку удар секиры обладал не только рубящим, но и режущим эффектом [Ахметжан, 2007, с. 116]. Такое оружие было исключительно опасно для воинов противника, лишенных защитного вооружения. Секира не только перерубала и дробила кости, но и разрезала кожный покров, оставляя после себя длинные раны, приводившие к обильной кровопотере. Данные свойства секир *айбалта* были характерны и для секирок *айбалташык* с той только разницей, что боек меньшего размера и веса позволял более свободно действовать (а, возможно, и фехтовать) при помощи данного оружия. Особенно опасны были стремительные и неожиданные удары в голову противника.

Комплексный анализ вещественных и изобразительных материалов позволяет реконструировать особенности боевого применения казахских топоров и секир позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, 2014]. Судя по сохранившимся рукоятям, секирки *айбалташык* использовались, преимущественно, в конном строю. На рисунках XVIII–XIX вв. казахские всадники, вооруженные секирами, удерживают оружие одной рукой, ухватившись за нижнюю часть топорища. Размахнувшись через правое плечо, они наносили мощный проносной удар, стараясь попасть в голову врага. В спешенном положении воин мог удерживать секиру двумя руками. При столкновении с всадником секироносец поднимал свое оружие высоко над головой, а затем резко обрушивал его на противника, стараясь поразить колени всадника, голову или шею его боевого коня. В искусстве владения боевым топором казахские номады достигли выдающихся результатов. Английский путешественник Т. Аткинсон, проживший в казахских степях около семи лет (1845–1853) и лично общавшийся с соратниками известного степного правителя Кенесары Касымова, отмечал, что именно необычайная ловкость в обращении с копьем и боевым топором позволяла джигитам Кенесары столь успешно воевать с превосходящими силами противника [Аткинсон, 1972, с. 43].

Эффективность секир с месяцевидным лезвием обусловила длительность их бытования среди тюркских кочевников Центральной Азии. Казахские оружейники продолжали изготавливать данную разновидность ударно-рубящего оружия вплоть до конца XIX – начала XX в.

Список литературы

Аткинсон Т. Путешествие в казахские степи // Простор. – 1972. – № 3. – С. 36–52.

Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. – Алматы: Алматыкитап, 2007. – 216 с.

Бобров Л.А. Казахское ударно-рубящее оружие позднего Средневековья и раннего Нового времени в изобразительных материалах XVIII–XIX вв. // Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы. – Омск: Амфора, 2014. – С. 40–44.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М.: Восточный горизонт, 2002. – 84 с.

Курылев В.П. Оружие казахов // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. – Вып. 34. – С. 4–22.

Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 172 с.

УДК 903.22

Л.А. Бобров[1], М.А. Рюмшин[1, 2]

[1]Новосибирский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: spsml@mail.ru

«ШЛЕМ ХАНА ДЖАНИБЕКА» ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ИСКУССТВ МЕТРОПОЛИТЕН*

В статье рассмотрен средневековый железный шлем из собрания Музея искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США). По мнению американских исследователей, он мог принадлежать правителю Золотой Орды хану Джанибеку (1342–1357). Проведенный анализ конструкции и системы оформления шлема показал его типологическую близость с боевыми наголовьями Западной и Средней Азии XV–XVI вв. Вероятно, надпись-посвящение на тулье шлема следует читать: «Победоносный султан Махмуд ибн Джанибек Хан». Таким образом, владельцем данного шлема мог являться сын основателя Казахского ханства, известный батыр и военачальник султан Махмуд ибн Джанибек, который в последней трети XV в. являлся правителем г. Сузак.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Казахстан, хан Джанибек, султан Махмуд, защитное вооружение, шлем.*

The article deals with the design and the system of decoration of Helmet № 2007.86 from the Metropolitan Museum of Art collection (New York, USA). The all-forged spherangular skull of the helmet measures 20.3 cm high (without the missing knob) with 22 cm diameter. The front part of the helmet features superciliary arch holes and a nasal cleat. Having analyzed the inscription on the brow of the helmet, American researchers concluded that the helmet could have belonged to Jambek ibn Ozbek, also known as Jalal al-Din Jani Beg ibn Ozbeg, ruler of the Blue Horde and Golden Horde of the Mongols from 1342 to 1357. However, there is reason to suppose that the inscription should read "Victorious Sultan Mahmud ibn Jani Beg Khan". In case it is true, the helmet might well have belonged to the son of the Kazakh Khanate founder, sultan Mahmud ibn Jani Beg, who ruled over the city of Suzak in the last third of the 15 century. The helmet design and decoration features favor the latter hypothesis. This issue could be clarified after a detailed analysis of the inscription damascened on the helmet.

Keywords: *Central Asia, Kazakhstan, armor, helmet.*

В фондах Музея искусств Метрополитен хранится железный шлем, датированный сотрудниками музея XIV–XVII вв. (№ 2007.86, г. Нью-Йорк, США). Данное наголовье представляет значительный интерес для отечественных и зарубежных историков, археологов и оружиеведов. Ранее оно не становилось объектом специального научного исследования.

Целью настоящей статьи является анализ конструкции и системы оформления шлема, а также его датировка и атрибуция.

Согласно данным американских исследователей, шлем был вывезен европейскими путешественниками из Тибета и длительное время хранился в одном из частных оружейных собраний. Впоследствии он был приобретен известным коллекционером А.О. Зульцбергером, который в 2007 г. передал его Музею искусств Метрополитен.

Высота шлема (без несохранившегося навершия) составляет 20,3 см, диаметр – 22 см. (см. *рисунок*). Цельнокованая сфероконическая тулья имеет значительные повреждения. В частности, удалено навершие, проломлена верхняя часть купола, повреждена правая сторона тульи, заменены накладные пластины на лицевой стороне наголовья. Верхняя и центральная часть купола покрыты вертикальными ребрами жесткости. Еще одно ребро (горизонтальное) отделяет граненую часть купола от гладкой, украшенной серебряной насечкой, нижней (см. *рисунок*). Лицевая сторона шлема снабжена надбровными вырезами и скобой для наносника-стрелки. Поверхность

*Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

«Шлем хана Джанибека» из Музея искусств Метрополитен (№ 2007.86, г. Нью-Йорк, США). Рисунок Л.А. Боброва.

скобы покрыта горизонтальной насечкой (сам наносник не сохранился). Нижний край полукруглых надбровных вырезов отогнут наружу. Судя по отверстиям поверх надбровных вырезов, лицевая часть тульи подвергалась ремонту. В частности, был удален первоначальный вариант накладных пластинчатый «бровей», которые были заменены на цельную металлическую накладку З-образной формы, представляющую собой стилизованное изображение тонких бровей, сходящихся на переносице (см. *рисунок*). Вдоль нижнего края купола пробиты два ряда округлых отверстий для крепления бармицы и, возможно, подшлемника. Отверстия в верхнем ряду более редкие. В некоторые из них вставлены петли для железного прута, к которому подвешивалась бармица. Судя по числу и системе расположения отверстий с петлями, бармица имела кольчатую структуру бронирования. Нижняя часть шлема покрыта надписями на арабском языке, выполненными в технике серебряной насечки по металлу. Именно надпись послужила основой для первичной датировки и атрибуции рассматриваемого наголовья.

Переводившие текст американские ученые установили, что в основную надпись вплетено посвящение, которое в переводе звучит как «Победоносный султан Махмуд Джанибек Хан». Сотрудники музея соотнесли данное имя с правителем Золотой Орды ханом Джанибеком (1342–1357) и предположили, что шлем был изготовлен мастерами Центральной Азии или Среднего Востока в первой половине XIV в.

До нашего времени дошло значительное количество золотоордынских боевых наголовий, датированных XIII–XIV вв. Среди них встречаются шлемы со сфероконической граненой цельнокованой тульей и надбровными вырезами. Однако в большинстве случаев они снабжены стационарными Т-образными наносниками, приклепанными к лицевой части купола [Горелик, 2002, с. 77, рис. 5; Негин, 2013, с. 46, рис. 35; с. 48, рис. 37; с. 49]. Что касается наголовий с надбровными вырезами, накладными пластинчатыми «бровями» и подвижными наносниками-стрелками, то в настоящее время известно пять таких шлемов, причем три из них (с ребристой поверхностью) датированы М.В. Гореликом второй четвертью – серединой XIV в. [Горелик, 1983, с. 262, табл. VIII, рис. 11, 12; с. 264, табл. IX, рис. 1]. Однако данные шлемы изготовлены не восточноевропейскими, а иранскими мастерами, а их конструкция и система оформления принципиально отличаются от наголовья из музея Метрополитен. Так, в частности, они имеют не сфероконическую, а полусферическую форму тульи, широкий коронообразный клепаный обруч (отсутствующий на рассматриваемом шлеме), круглое уплощенное клепаное навершие, иную форму скобы наносника и т.д. [Там же]. Типологически «шлему хана Джанибека» гораздо ближе западноазиатские наголовья и их среднеазиатские* и североафриканские дериваты XV–XVI вв. Именно для этой группы шлемов характерно сочетание сфероконической граненой тульи, надбровных вырезов с подвижными наносником-стрелкой и горизонтальной скобой, проволочно-петлевой подвес бармицы, а также широкий «венец» из арабских надписей, нанесенный по нижнему краю купола в технике серебряной насечки по металлу [Аствацатурян, 2002, с. 64; Робинсон, 2006, табл. XII*a*; The Arts…, 2008, p. 324, 325; Художественное оружие…, 2010, с. 103, рис. 190].

Упомянутые надписи являются важным датирующим признаком рассматриваемого наголовья. Как уже отмечалось выше, на шлеме имеется посвящение, в котором его владелец (?) именуется «Победоносным султаном Махмудом Джанибек Ханом». Однако, хан Золотой Орды не был единственным правителем Дашт-и Кипчак, носившим имя Джанибек. Так, например, его тезкой был султан (впоследствии хан) Джанибек Абу Саид (до 1429 – после 1473), ставший одним из основателей Казахского государства. Также известен Джанибек-султан (? – 1529) – сподвижник знаменитого Мухаммеда Шейбани-хана, правитель Ферганы и участник походов в Иран и Моголистан. Наконец, имя Джанибек носил один из крымских ханов, происходивший из рода Гиреев (1568–1636).

*Шлем Тимурида, правителя Гургана и Мазандарана, султана Мехмета (Мухаммада) (1442–1451).

На наш взгляд, ситуация прояснится при более точном прочтении надписи на тулье шлеме: «Победоносный султан Махмуд *ибн* Джанибек Хан», то есть султан Махмуд, сын хана Джанибека. И действительно, среди сыновей основателя Казахского государства Джанибек-хана мы находим правителя и военачальника, носившего данное имя и титул. Махмуд-султан, живший в последней трети XV в., являлся правителем крепости Сузак (в среднем течении Сырдарьи) и был прославлен среди современников как выдающийся воин и батыр-поединщик (возможно отсюда «победоносный» на куполе шлема) [Материалы по истории…, 1969, с. 21, 74–77, 105–107, 367; Султанов, 2006, с. 275, 276]. Соблазнительно также связать повреждения на тулье шлема (разбитый наносник, пробитый купол) с реальными ранениями Махмуд-султана, полученными в ходе боевых действий. В письменных источниках сохранились сведения о битве на перевале Согунлук, в ходе которой казахский Махмуд-султан сошелся в поединке со своим тезкой узбекским султаном Акибат Махмудом (братом Мухаммеда Шейбани-хана). В ходе данного боевого столкновения казахский батыр лишился носа и губы: «Наконец со стороны противника выступил против Султан Акибат Махмуда [узбека] Махмуд-султан [казах], который был зачинщиком всей смуты; они обрушили друг на друга мечи и [брат Мухаммеда Шейбани-хана] так рубанул мечом того Махмуд казаха, что судьба выбила через нос рассудок, который был у него в голове… В той битве Махмуд-султан, сын Шах-Будаг-хана, достал мечом до лица Махмуд-султана, сына Джанибек-султана, и одним взмахом отсек ему нос и губу» [Материалы о истории…, 1969, с. 106, 107, 367].

Наиболее вероятно, что шлем для султана Махмуда был выкован среднеазиатскими оружейниками середины XV в. Образцом для мастеров региона послужили «тюрбанные» шлемы Западной Азии или их местные дериваты (отсюда стремление воспроизвести ребристую поверхность тульи, характерное оформление наносника и подвеса бармицы, размещение и способ нанесения надписей на арабском языке и т.д.). Если после смерти Махмуд-султана его шлем продолжал сохраняться наследниками в качестве родовой реликвии (что было типично для казахов позднего Средневековья и Нового времени), то проясняются наиболее вероятные условия попадания наголовья в Тибет. В конце XVII – первой половине XVIII в. территория Юго-Восточного Казахстана являлась объектом экспансии западных монголов (ойратов/джунгар). Будучи буддистами, джунгары нередко отправляли наиболее ценных пленников и трофеи ко двору своего духовного лидера – Далай-Ламы в Тибет. Не исключено, что в число этих подношений был включен и богато украшенный шлем знаменитого казахского правителя. Есть основания полагать, что окончательно вопрос об атрибуции шлема может быть разрешен в ходе детального анализа надписи на его тулье.

Список литературы

Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. – СПб.: Атлант, 2002. – 336 с.

Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. – С. 244–269.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М.: Восточный горизонт, 2002. – 84 с.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1969. – 620 с.

Негин А.Е. Шлем из Городца. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегор. гос. ун-та, 2013. – 96 с.

Робинсон Р. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. – Москва: Центрполиграф, 2006. – 280 с.

Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М.: АСТ, 2006. – 448 с.

Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. – СПб.: Славия, 2010. – 272 с.

The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. – Milan: Skira, 2008. – 416 p.

УДК 903.22

Л.А. Бобров[1], Ю.С. Худяков[1, 2], Ю.А. Филиппович[1]

[1]Новосибирский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: spsml@mail.ru

НОВАЯ НАХОДКА КОПЕЙНОГО НАКОНЕЧНИКА С «ОТРОЖКАМИ» НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ*

В статье рассмотрен копейный наконечник из числа случайных находок на территории Бийского р-на Алтайского края. Наконечник снабжен треугольным в сечении пером удлиненно-ромбической формы и кольцевидными «отрожками» на шейке. На основе анализа конструкции и системы оформления установлено, что образцом для кузнецов, изготовивших данный наконечник, послужили русские рогатины XVI–XVII вв. В эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени наконечники подобной конструкции имели достаточно широкое распространение среди русского и аборигенного населения таежного и лесостепного Зауралья. Наиболее вероятно, что рассматриваемый наконечник был выкован русскими, тюркскими или ойратскими оружейниками Южной Сибири в XVII – первой половине XVIII в.

Ключевые слова: *Южная Сибирь, длиннодревковое оружие, копья, рогатины, наконечники с «отрожками».*

The article provides thorough analysis of a spear head found in Biysk region of the Altai Krai. The spear head measures 25.0 cm long (including the 11 cm long pen). Its pen has a triangular section. The neck of the spear head features ring-shaped kinks. Our analysis reveals that according to the structural design the spear head is a close analogue of the Russian spears with a wide leaf-shaped pen ("rogatina" or bear spear) of the second half of XVI–XVII centuries It is the type of weapons that had typical kinks which prevented the spear head from dipping into the flesh too far (so that the following withdrawal would be easier). Such types of bear spears were widely used both in hunting and warfare. Based upon the spear head decoration, we can conclude that rather than being brought to Siberia from the European part of Russia, it was hammered either by local Russian craftsmen or by Southern Siberian gunsmiths according to a sample available in XVII – early XVIII centuries.

Keywords: *Southern Siberia, long-shaft weapons, spear, bear spear.*

В 2010 г. на территории южной части Бийского р-на Алтайского края (к югу от р. Бия)** был обнаружен наконечник копья, конструкция и система оформления которого имеют существенные отличия от типичных образцов длиннодревкового оружия народов Центральной Азии и Южной Сибири эпохи древности и Средневековья. Целью настоящей статьи являются дата и атрибуция данного копейного наконечника.

По материалу изготовления наконечник может быть отнесен к классу железных, по способу насада на древко к отделу втульчатых, по сечению пера к группе треугольных, по форме пера к типу удлиненно-ромбических. На основании особенностей оформления рассматриваемый экземпляр может быть отнесен к особому варианту – наконечник с треугольным в сечении удлиненно-ромбическим пером, конической, частично разомкнутой втулкой и «отрожками».

Общая длина наконечника 25,0 см (перо – 11 см). Лицевая сторона удлиненно-ромбического пера (ширина 2,8 см, толщина 0,25–0,5 см) снабжена продольным ребром жесткости (см. *рисунок, 1*). Тыльная сторона пера уплощенная (см. *рисунок, 3*). Острие наконечника повреждено: затуплено и согнуто (см. *рисунок, 2*). Перо переходит в вытянутую прямоугольную в сечении шейку – 0,9 × 1,2 см). Длина конической втулки составляет 14,0 см, диаметр – 3,5 см, толщина стенок 0,18–0,23 см. На лицевой стороне втулки проделано сквозное отверстие округлой формы, в которое вбивался гвоздь, фиксировавший наконечник

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

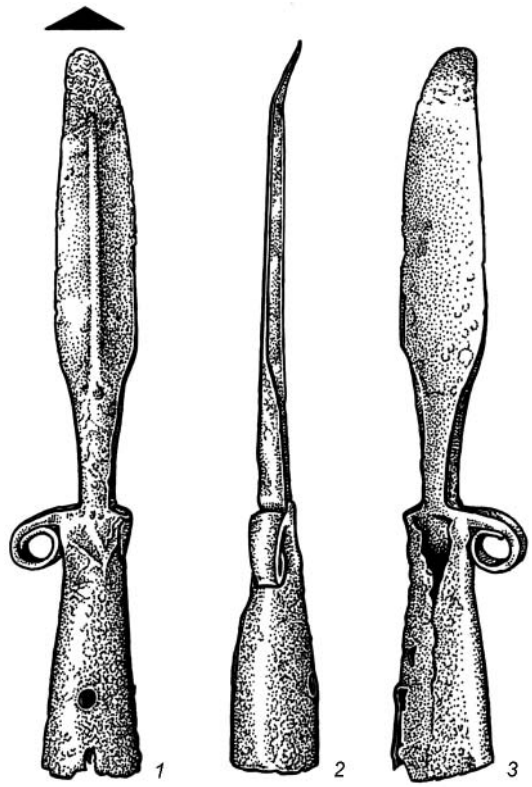
**К сожалению, точное место и обстоятельства находки установить не удалось.

на деревянном древке. Сведенный конус втулки на ее тыльной стороне частично разомкнут по шву. На левой стороне втулки имеются повреждения (сквозные отверстия с рваными краями). Наиболее ярким элементом оформления наконечника являются кольцевидные завитки на шейке наконечника – т.н. отрожки. Данный элемент на правой стороне наконечника (левый не сохранился) представляет собой закрученный в кольцо железный прут (см. *рисунок*). Внешний диаметр «отрожка» 2,0 см, внутренний – 1,2 см. Общий вес наконечника 220 гр.

Наконечники с треугольным в сечении пером удлиненно-ромбической формы в целом не характерны для степной полосы Евразии раннего и развитого Средневековья, а их находки, датированные данными историческими периодами, единичны [Горелик, 2002, с. 66, рис. 22; Горбунов, 2006, с. 188, рис. 13, 14; Кочкаров, 2008, с. 150, рис. 2]. Рост популярности подобных наконечников приходится на эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, Худяков, 2008, с. 301, рис. 95, 14, 15, 17–21].

Главным датирующим признаком копья с территории Бийского р-на Алтайского края являются кольцевидные завитки на шейке наконечника, известные в российском оружиеведении под названием «отрожки». Данный элемент является характерным признаком русских рогатин XVI–XVII вв.* Округлые «отрожки», расположенные между пером и втулкой, выполняли функцию ограничителя, не позволявшего наконечнику проникать в тело жертвы слишком глубоко, что затруднило бы его последующее извлечение [Бобров, Худяков, 2010, с. 175–180].

В Сибирь рогатины с «отрожками» попали, вероятно, уже в конце XVI в., с первыми отрядами казаков и служилых людей. В отличие от другого оружия, которое ввозилось в Зауралье с территории европейской России или приобреталось у местного населения, копья, рогатины и пики массово изготавливались русскими мастерами сибирских городов и острогов. Так, например, в 1626 г. из Тобольска в Енисейск были отправлены подводы с железом, из которого енисейские кузнецы должны были выковать 64 копейных наконечника [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 20]. Численность



Копейный наконечник из Бийского р-на Алтайского края. Рисунок Л.А. Боброва.

копейщиков в отрядах русских землепроходцев была весьма значительной. В качестве примера можно привести данные по отряду А. Дубенского (1626 г.): из 300 воинов отряда длиннодревковым колющим оружием были снабжены 270 чел. [Там же]. Сотни копий, пик и рогатин хранились в арсеналах сибирских городов. Кроме того, некоторое количество длиннодревкового колющего и рубящего оружия входило в состав имущества боярских детей, стрельцов и казаков на правах частной собственности [Там же]. Копья были необходимы русским служилым людям для борьбы с многочисленной и хорошо вооруженной конницей кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Изучавший военное дело енисейских кыргызов Я.О. Тухачевский писал в Москву в 1639 г.: «И тех твоих государевых изменников всех знаю и бой видел… и с ними, государь, изменники, твоим государевым людем без копей битца не мошна» [Там же].

*В XVII в. рогатинами называлась особая разновидность русского длиннодревкового оружия. Отличительными особенностями рогатин являлись тяжелые наконечники с широким уплощенным или граненым пером листовидной формы и массивной втулкой большого диаметра. Стандартная длина наконечников русских рогатин с «отрожками» XVII в. 24,0–48,5 см, ширина пера 4,0–7,7 см. В большинстве случаев перо рогатины было значительно шире диаметра ее втулки. Наконечник насаживался на относительно короткое деревянное древко. Использовались рогатины как на охоте, так и в боевых действиях, преимущественно в пешем строю [Бобров, Худяков, 2010; Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 22–26].

Можно предположить, что тюркские и монгольские кочевники Зауралья познакомились с русскими рогатинами с «отрожками» еще в конце XVI – первой половине XVII в. Оригинальное украшение понравилось номадам и они стали снабжать «отрожками» различных форм и размеров не только местные аналоги рогатин, но и наконечники копий, пик, дротиков [Бобров, Худяков, 2010, с. 176–180; Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 26]. Оформительская традиция оказалась весьма устойчивой. Мастера Южной Сибири продолжали воспроизводить «отрожки» на длиннодревковом оружии собственного производства даже в первой половине XVIII в. Еще дольше данный элемент сохранялся на копьях и рогатинах якутского населения Восточной Сибири [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 23, рис. 2, *9*]. Судя по данным вещественных, изобразительных и письменных источников, копья и рогатины с «отрожками» могли применяться местным населением, как на охоте, так и в ходе боевых действий.

Форма и особенности отделки наконечника из Бийского р-на Алтайского края отличают его от классических русских рогатин: треугольное сечение пера, удлиненная шейка, конструкция втулки, прут «отрожка» не разомкнут, а закручен в кольцо и т.д. При этом данные элементы оформления типичны для изделий мастеров Южной Сибири и Центральной Азии [Бобров, Худяков, 2008, с. 299, рис. 94, *5;* с. 301, рис. 95, *1–4, 6, 8*; Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 21, рис. 1, *9, 10;* с. 23, рис. 2, *5, 6, 10*]. На протяжении рассматриваемого периода территория лесостепного Алтая являлась зоной интенсивных военно-политических контактов русского населения с различными тюркскими племенами и монголоязычными ойратами (джунгарами). В данной связи представляется возможным предложить две версии происхождения рассматриваемого наконечника. Согласно первой, он мог быть изготовлен русскими мастерами одного из городов Зауралья, согласно второй – тюркскими или ойратскими оружейниками Южной Сибири и Центральной Азии. В обоих случаях время изготовления наконечника, вероятно, XVII – первая половина XVIII в.

Список литературы

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII вв. Вооружение и военная организация. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2012. – 128 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Фак-т филологии и искусств СПб. гос. ун-та, 2008. – 770 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Копья с завитками-отрожками как пример взаимовлияния русских, тюркских и монгольских военно-культурных традиций на территории Южной Сибири XVII–XVIII вв. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9; вып. 3: Археология и этнография. – С. 174–181.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – 232 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М.: Восточный горизонт, 2002. – 84 с.

Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.: Таус, 2008. – 176 с.

УДК 902.01

Е.С. Богданов

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

ВЕРХОВЫЕ СЕДЛА ИЗ НОИН-УЛИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ*

В ходе работы Российско-монгольской экспедиции в Северной Монголии в ноин-улинских погребениях были обнаружены обломки седел. Ранее подобные находки были сделаны при раскопках шестого ноин-улинского кургана и интерпретировались как остатки вьючных седел. Анализ деталей седла из кург. 22 позволяет сделать вывод, что, скорее всего, в погребения хуннской знати укладывали верховые седла, которые по своему типу занимают промежуточное положение между мягкими седлами (пазырыкского типа) и жесткими седлами с высокими дугами, которые появились в III–IV вв. н.э.

Ключевые слова: *хунну, ноин-улинские курганы, верховые и вьючные седла.*

In consequence of Noin-Ula burials researching the fragments of saddle were found by Russian-Mongolian expedition. Earlier the same findings were made during the excavation of Sixth Noin-Ula burial mound. They were interpreted as the remains of pack-saddles. The details of saddles from 22th burial mound were analyzed. It gave an opportunity to conclude that more than likely riding saddles were put to the burials of Xiongnu noblemen. This type of saddles falls in between soft saddles (Pazyryk type) and hard saddles with high shaft bow, which appeared in III – IV centuries AC.

Keywords: *Xiongnu, Noin-Ula burial mounds, riding and pack saddles.*

В 2012 г. в Северной Монголии (Ноин-Ула) Российско-монгольской экспедицией был исследован курган (№ 22) хуннской знати. Результаты работ частично опубликованы [Полосьмак, Богданов, 2012; Полосьмак, Богданов, Цевээндорж, 2013]. Курган находится в центральной части могильника Суцзуктэ и представляет собой надмогильное сооружение в виде задернованной плоской четырехугольной платформы размером 18 × 21 м, вытянутой по линии север – юг, и дромоса – входа в погребальную камеру. На глубине 16 м была обнаружена деревянная погребальная конструкция из двух срубов и деревянного гроба. Деревянные обломки седла были найдены в северном коридоре погребальной камеры вместе с серебряными бляхами с изображением животных, деталями конской узды и заплетенными в косички человеческими волосами. Фрагменты седел можно условно разделить на три типа. К первому типу относятся дуговидные дощечки до 1 см толщиной с закругленными концами, с одним или двумя отверстиями округлой формы диаметром не более 2 см (рис. 1, *1–6*); ко второму типу – дуговидные дощечки с продольным пазом по центру, высотой не более 1 см (рис. 2, *1–4*); третий тип – дощечки до 0,5 см толщиной без отверстий (рис. 2, *6–9*).

К сожалению, большинство предметов находилось в обломках, поэтому воссоздать полностью конструкцию седла не представляется возможным. Удалось точно идентифицировать только луки седел, состоящих из двух частей. Они соединялись в паз, и для сохранения подвижности скреплялись между собой через отверстия с помощью веревочек (см. рис. 1, *1*). Вырез (паз) в месте крепления сделан с таким расчетом, чтобы при соединении общая толщина не превышала толщину дощечки. В результате лука седла имела форму дуги. Размеры такой половинки луки составляли 17 × 30 см. Такого же типа обломки лук седла со следами красного лака были обнаружены в погребальной камере кург. 20 [Полосьмак, Богданов, Цевээндорж, 2011, с. 92, рис. 4, 5] (рис. 1, *7, 8*). С.И. Руденко считал найденные экспедицией П.К. Козлова подобные изделия частью вьючных седел. «Задняя и передняя луки соединялись с помощью палочек, которые вставлялись в четырехугольные отверстия» [Руденко, 1962, с. 49–50, таб. XXIV, 3] (см. рис. 1, *9–13*). С.И. Ванштейн предположил, что «это остатки верхового седла

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-12026 офи-м).

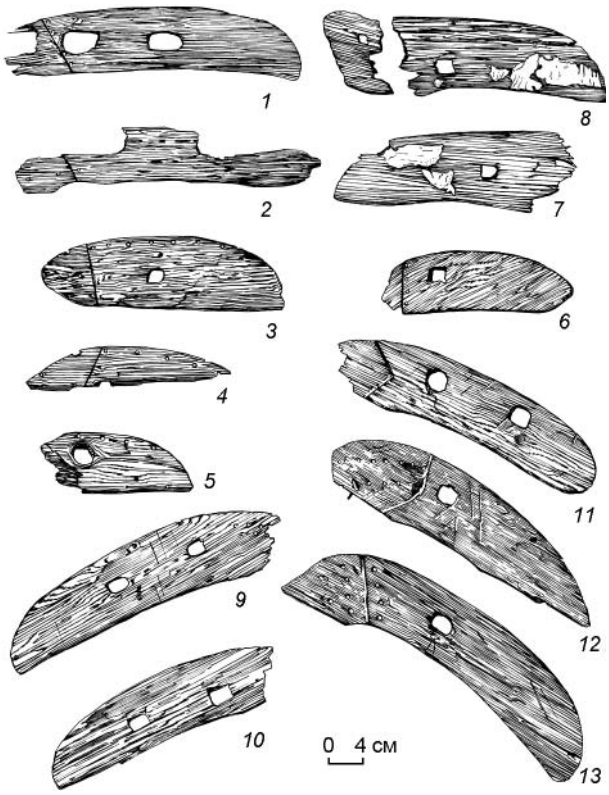


Рис. 1. Луки ноин-улинских седел.
1–6 – кург. 22; *7, 8* – кург. 20; *9–13* – кург. 6 (по: [Умэхара, 1960, таб. LXXX]).

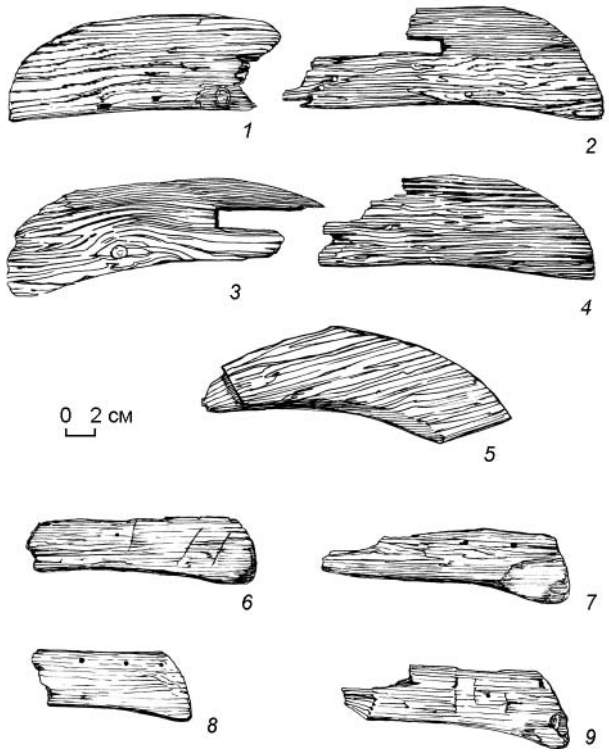


Рис. 2. Детали седел из 22-го ноин-улинского кургана.

с мягкими кожаными подушками, внутри которых находились деревянные планки, делавшие седло более прочным» [1966, с. 69]. А.К. Амброз, указывая на отличие подобных седел по конструкции от верховых седел Кореи и Японии, считал, что «в Ноин-Уле представлена другая ветвь того же развития». По его мнению, не исключено, что именно вьючное седло впервые навело на мысль создать твердое седло для тяжеловооруженного всадника [1973, с. 96, рис. 5].

Скорее всего, в ноин-улинские курганы укладывали не вьючные, а верховые седла. Так, в северном коридоре кург. 20 обнаружены остатки подушек, набитых волосом и травой, и фрагменты войлочной седельной покрышки. Ни в двадцатом, ни в двадцать втором кургане палочек с четырехугольным сечением не было найдено, только деревянные дощечки. В связи с этим обращает на себя внимание ряд отверстий по верхнему краю на луках седла из кург. 22 (см. рис. 1, *3–5*). Возможно, у седел могли быть серебряные или золотые накладки, которые содрали грабители, сломав при этом большую часть деталей. Данное предположение подтверждает косвенный факт, что сломанные детали седла лежали в погребальной камере в одной куче с деревянной основой от украшений гроба (уже без золотой фольги). Кроме того, на некоторых деталях седла фиксируются обломанные шпеньки, которые также свидетельствуют о том, что к деревянной части что-то могло крепиться (рис. 2, *6–9*).

В Китае ханьские седла представляли собой чаще всего стеганые подушки (на войлоке) с поперечными утолщениями впереди и с деревянной основой сзади (или без нее) с подхвостными и подпружными ремнями. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения на сохранившихся барельефах и терракотовые скульптуры из гробниц Цинь Шихуанди и погребальных комплексов ханьских вельмож близ г. Сианя. Как совершенно справедливо отмечали С.И. Ванштейн и М.В. Крюков, «они ни чем не отличаются от пазырыкских» [1984, с. 122]. Так, седло из первого пазырыкского кургана состояло из двух набитых волосом и травой подушек, соединенных между собой. Четыре деревянных обшитых тканью дужки (луки) были прикреплены к ним попарно волосяными шнурками и кожаными ремешками [Руденко, 1960, с. 161; рис. 101]. Обращает на себя внимание наличие у этих типов пазырыкских седел специальных деревянных распорок спереди и сзади между подушками седел у основания их лук [Там же, с. 165, рис. 102, 103]. У этих дощечек есть выступы-язычки, с помощью которых они крепились к подушкам. Подобными дощечками и ремешками могли скрепляться и ноин-улинские седла. Если говорить о западных об-

ластях скифского мира, то, по мнению большинства исследователей, «скифы, по крайне мере во второй половине IV в. до н.э., использовали седло, в конструкцию которого входили подушки и деревянная дощечка» (см., напр.: [Виноградов, Горончаровский, 2008, с. 169; Виноградов, Никаноров, 2009, с. 129]). В связи с вышесказанным представляется, что в ноин-улинском кург. 22 были обнаружены по меньшей мере два верховых седла. По своему типу они занимают промежуточное положение между мягкими седлами (пазырыкского типа) и жесткими седлами с высокими дугами (деревянный каркас с набивкой), которые появились в III–V вв. н.э. в степях Северной Азии (Чанша, Когуре и т.д.). Подобные «промежуточные» варианты жестких седел находят в Синьцзяне [Brosseder, Miller, 2012, p. 118] и в Западном Казахстане [Кушаев, 1978, с. 81, рис. 9, 9а]. Интересно, что на синьцзянских луках присутствуют роговые накладки. В ноин-улинском кург. 22 накладки могли быть серебряные или золотые, что обусловлено высоким статусом погребенного. В состав такого седла могли входить мягкие подушки, покрытые китайским шелком или седельные войлочные покрышки. Украшались они серебряными бляхами. Закреплялось седло с помощью ремней и подпружных пряжек с длинным Г-образным выступом-язычком размером 4 × 5 см или пряжками в виде кольца диаметром 8 см, толщиной 2 см с подвижным язычком. Подобные предметы достаточно часто встречаются не только в погребениях хуннской знати, но и в ханьских гробницах на территории Китая, именно в комплектах с конским снаряжением.

Список литературы

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. – 1973. – № 4. – С. 81–98.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. – 1966. – № 3. – С. 60–81.

Ванштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // СЭ. – 1984. – № 6. – С. 114–130.

Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – III в. н.э.). – СПб.: Изд-во фил. факта СПб. гос. ун-та, 2008. – 332 с. – (Сер. Тр. ИИМК; т. XXV).

Виноградов Ю.А., Никоноров В.П. Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н.э. // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2009. – Вып. XXII: Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. – С. 127–134.

Кушаев Г.А. Новые памятники железного века Западного Казахстана // КСИА. – 1978. – № 154. – 76–82.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Китайская колесница из 22-го ноин-улинского кургана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVII. – С. 267–269.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – 184 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Курган № 22 в пади Суцзуктэ (Монголия): погребальный обряд // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 102–118.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Руденко С.И. Культура хунну и Ноинулинские курганы. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Умэхара С. Археологический памятник, найденный в Ноин-Уле, Монголия. – Токио: То:ё бунко, 1960. – 301 с. (на яп. яз.).

Brosseder U., Miller B.K. Reiterkrieger der Xiongnu // Steppen-krieger. Reiternomaden des 7–14 Jahrhunderts aus der Mongolei. – Bonn: LVR-Landes Museum, 2012. – P. 115–125.

УДК 902/904

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ТЕХНИКИ ТРЕПАНАЦИИ ПАЗЫРЫКСКОГО ВРЕМЕНИ В ГОРНОМ АЛТАЕ*

Экспериментальное моделирование древних инструментов является одним из эффективных методов обоснования гипотез, касающихся особенностей применения технологий обработки в прошлом. Особое значение оно имеет при реконструкции техники проведения таких медицинских воздействий, как трепанация. Для воссоздания подобной процедуры необходимы два условия. Во-первых, существование специализированных инструментов. Во-вторых, наличие следов трепанационных воздействий, на основе которых возможны определения потенциального инструментария, которым проводилась такая операция. Результаты комплексного изучения серии трепанированных черепов пазырыкского времени из Горного Алтая позволили выдвинуть предположение об использовании в качестве инструментов для трепанации металлических ножей из сплавов цветных металлов (меди, бронзы, латуни). Для подтверждения данной гипотезы был изготовлен экспериментальный нож из латуни, который был успешно использован нейрохирургом А.Л. Кривошапкиным при проведении натурной реконструкции трепанации пазырыкского времени.

Ключевые слова: *эпоха раннего железа, Горный Алтай, трепанация, экспериментальная археология, натурная реконструкция.*

The experimental modelling of the ancient tools is regarded as one of the efficient approaches for justifying the authenticity of the hypotheses related to the peculiarities of the implementation of the past processing technologies. It is especially important for the reconstruction of the performance of such medical procedures as trepanations. Firstly, it is the existence of specialized instruments. Secondly, it is the presence of the trails of trepanation impact that allow determining the potential tools, with which such an operation was conducted. The results of the complex study of a series of the Pazyryk trephined skulls from the Gorny Altai allowed putting forward a proposal concerning the use of metal knives of non-ferrous alloys (copper, bronze, brass) as skull trepanation tools. In order to confirm this hypothesis, an experimental knife of brass was produced, which was successfully used by the neurosurgeon, A.L. Krivoshapkin, by conducting a prototype reconstruction of the Pazyryk era trepanation.

Keywords: *early Iron Age, Gorny Altai, trepanation, experimental archeology, prototype reconstruction.*

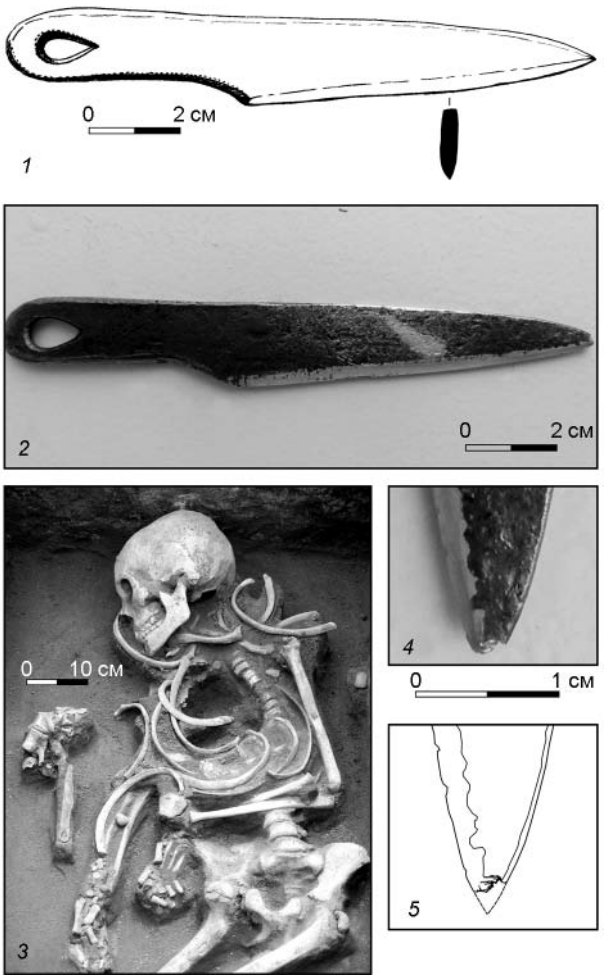
К настоящему времени в отношении проблемы наличия медицинского инструментария скифской эпохи в Южной Сибири сформировались две основные точки зрения. Согласно одной из них, в тагарском металлическом предметном комплексе можно выделять специализированные медицинские инструменты [Наглер, 2013; Волков, 2013]. Однако автор настоящей публикации придерживается другого мнения. Дело в том, что представленные в упомянутых публикациях «медицинские» инструменты часто не имеют никакого отношения к этой сфере деятельности. Например, втульчатые бронзовые пилы тагарского времени [Наглер, 2013; Волков, 2013] вряд ли могли использоваться как хирургические инструменты, а тем более как трепанационные приспособления. Скорее всего, такой инструмент явно имеет исключительно деревообрабатывающее назначение. Он мог быть предназначен для запиливания пазов с последующей обработкой рубящими или долбящими инструментами. Толщина лезвия тагарских бронзовых и медных пил, качество нанесения зубьев на режущую поверхность, а также относительная мягкость и эластичность бронзо-

*Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

вого полотна таких пил явно не соответствуют уровню плотности костной ткани. Тем более что зубцы на таких пилах, как правило, выполнены не нарезкой, а насечкой. Кроме того, на предметах из кости эпохи палеометалла Южной Сибири известны лишь эпизодические случаи наличия следов пиления металлическими полотнами. Один из таких уникальных случаев был выявлен автором на косторезной заготовке поселения Томбар эпохи поздней бронзы в отрогах Кузнецкого Алатау [Бородовский, 1997]. Но этот пример является исключением из общей «картины», тем более что на тагарских и пазырыкских костяных и роговых предметах следы пиления пока широко не выявлены. Не менее важно и то, что по данным У.С. Эрдала и О.Д. Эрдала, пиление в сравнении с другими техниками (напр. выскабливанием) не позволяет достичь лучшего заживление костной ткани после трепанации [Чикишева и др., 2014а].

Причиной этого является особое воздействие скобления металлическим лезвием на компактное вещество костной ткани, особым образом закупоривавшее ее поры, чем, видимо, и объяснялось более быстрое ее заживление после процедуры трепанации. В сравнении со скоблением пиление оказывает на плотную костную ткань менее щадящее воздействие, существенно размахряя участок разреза и делая его более доступным для любых негативных воздействий. Лезвия с пилящей («зубчатой») заточкой кроме того наносят наиболее тяжелые повреждения и для мягких тканей, затрудняющие их последующую регенерацию [Ремарк, 2014, с. 107].

В этой связи предположение группы специалистов (антропологов, археологов, нейрохирургов), исследовавших краниологические материалы эпохи раннего железа (пазырыкская культура) Горного Алтая (Бике III, кург. 3, мужской череп ок. 50–60 лет (раскопки В.Д. Кубарева), Кызыл-Джар IV, кург. 2, женский череп ок. 30 лет, Кызыл-Джар V, кург. 3, мужской череп 40–45 лет (раскопки В.А. Могильникова)) со следами трепанации [Чикишева и др., 2014а, б; Кривошапкин и др., в печати], об использовании для этой операции металлических инструментов из сплавов цветных металлов позволило автору публикации проверить гипотезу о возможности применения для этой операции наиболее распространенного инструмента эпохи ранних кочевников – ножа. Для этого была изготовлена экспериментальная реплика предполагаемого инструмента (см. *рисунок, 1, 2*). Основой для такой работы послужили несколько основополагающих принципов, необходимых и достаточных для производства и использования



Металлический экспериментальный нож для воспроизведения трепанации пазырыкского времени и его прототипы.

1 – экспериментальный нож из латуни перед проведением трепанации (прорисовка); *2* – экспериментальный нож из латуни после проведения трепанации; *3* – образец для изготовления экспериментального ножа из погребения эпохи раннего железного века в Горном Алтае (Чултуков Лог-1); *4, 5* – сработанность кончика лезвия экспериментального ножа после проведения трепанации.

аутентичных предметов: 1) данные источников, допускающие определенную интерпретацию применения определенных средств; 2) определение типа инструментов; 3) осведомленность о всех аспектах техники применения и способов обработки выбранных инструментов в рамках определенного периода и конкретного региона; 4) соблюдение основных требований к качеству материала при изготовлении аутентичных инструментов; 5) возможность точного воспроизведения техники обработки в ходе реконструкции исходя из функциональной морфологии аутентичных инструментов и соответствия их профессиональным навыкам экспериментатора; 6) знание основных правил

и техники обработки выбранными орудиями и максимального их соответствия конечным целям деятельности; 7) подготовка экспериментальных инструментов для использования; 8) создание серии эталонов, необходимых для поэтапной фиксации сработанности использованных аутентичных инструментов; 9) сравнение полученных результатов сработанности, разрушения рабочих кромок у экспериментальных близких типов и подлинных инструментов; 10) выявление общих культурно-технологических условий преимущественного применения использованных аутентичных инструментов.

Материалом для экспериментального ножа стал латунный сплав (медь, олово, цинк). Такой выбор был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, предварительное использование для экспериментальной трепанации подлинного тагарского ножа продемонстрировало недостаточную твердость его лезвия, что привело к его значительной деформации в ходе операции. Во-вторых, латунные сплавы являются одними из наиболее прочных и до сих пор используется при производстве различной оснастки и инструментов. В-третьих, рентген-флуоресцентным анализом выявлено присутствие цинка на участках костной ткани трепанированных черепов пазырыкского времени Горного Алтая.

Следует отметить, что естественное содержание цинка в организме человека составляет 1,5–3,0 гр. (у женщин 1,5 гр., у мужчин 2,5–3,0 гр.), из них 60 % в костной и мышечной тканях. Цинк способствует поддержанию целостности зубов, он находится в структуре и ферментах костной ткани. Суточная норма потребления цинка составляет 15–25 мгр. Доза цинка свыше 200 мгр является рвотным средством. Причиной избытка цинка в организме может быть результат контактов с соединениями этого металла в производственном процессе или его непосредственное воздействие на костную ткань. В этой связи особое внимание следует обратить на содержание цинка на трепанированных костях женского скелета из Кызыл-Джара IV (кург. 2).

Говоря об инструментах (ножах), использующихся при трепанации, следует обратить внимание на то, что такие изделия происходят с территорий, входящих в ареал основных косторезных производственных центров эпохи раннего железа Южной Сибири. Одним из них является Алтайский косторезный центр скифского времени [Бородовский, 2007]. Судя по объемам и разнообразию косторезной продукции, он был значительно мощнее, чем Минусинский косторезный центр, на территории которого производилось большинство бронзовых предметов скифской эпохи Южной Сибири.

Не менее важно и то, что факты выявления совершенных прецедентов трепанации на юге Западной Сибири территориально совпадают с достаточно широким распространением скальпирования [Бородовский, Табарев, 2005; Бородовский и др., 2010], как одной из предварительных операций для трепанации.

Изношенность рабочей кромки экспериментального ножа, использованного при трепанации А.Л. Кривошапкиным, в основном «концентрируется» на кончике лезвия (см. *рисунок, 2, 4, 5*). Именно эта часть ножей наиболее часто разрушалась при их интенсивном использовании. Так, например, среди сотни захоронений пазырыкского времени курганной группы Чултуков Лог-1 (где широко представлены прототипы экспериментального ножа) у значительной части ножей из сплава цветных металлов обломаны окончания лезвия.

В целом, по нашему мнению, более корректно говорить о предметах с потенциалом медицинского использования, а не о специализированных медицинских инструментах скифского времени Южной Сибири. В рамках такого обсуждения проблемы следует обратить внимание и на то, что сама специализация, например косторезного производства, находилась в эпоху палеометалла в Сибири далеко не на самой завершающей стадии [Бородовский, 2013]. Прежде всего это проявлялось в отсутствии специализированных косторезных инструментов. Случаи их находок крайне редки для юга Западной Сибири [Бородовский, 1997]. Поэтому с бульшей вероятностью можно утверждать, что инструменты эпохи раннего железа имели универсальное предназначение, не исключающее их использование в медицинских целях.

Список литературы

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 180 с.

Бородовский А.П. Проблемы реконструкции специализации производств по обработке органических материалов на Юге Западной Сибири в эпоху палеометалла // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. – 2013. – № 3. – С. 18–23.

Бородовский А.П., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Табарев А.В., Черемисин Д.В. Археология наси-

лия. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2010. – 110 с.

Бородовский А.П., Табарев А.В. Скальпирование в Северной Америке и Западной Сибири по данным археологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1. – С. 87–96.

Волков П.В. Хирургические инструменты эпохи раннего железа в Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 195–197.

Кривошапкин А.Л., Чикишева Т.А., Зубова А.В., Курбатов В.П. К вопросу об истории нейрохирургии: трепанации у населения горного Алтая V–III вв. до н.э. // Нейрохирургический журнал (в печати).

Наглер А. О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Фундаментальные проблемы археологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 337–351.

Ремарк Э.М. На западном фронте без перемен. – М.: АСТ, 2014. – 272 с.

Чикишева Т.А., Волков П.В., Кривошапкин А.Л., Титов А.Т., Курбатов В.П., Зубова А.В., Бородовский А.П. Технологии древних хирургов скифского времени: прижизненные трепанации у ранних кочевников горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014а (в печати).

Чикишева Т.А, Зубова А.И., Кривошапкин А.Л., Курбатов В.П., Волков П.В., Титов А.Т. Комплексное исследование трепанаций у ранних кочевников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014б. – № 1. – С. 130–141.

УДК 902/904

А.П. Бородовский[1], С.В. Горохов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ИСТОЧНИКИ ПО НУМИЗМАТИКЕ XVIII ВЕКА В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Нумизматические материалы эпохи русского освоения Сибири представляют собой особую разновидность археологического источника, осмысление и активное исследование которого всегда было актуальным. Монеты XVIII в. являются одной из немногих категорий предметного комплекса с наличием объективной датировки своего происхождения. На территории Новосибирской обл. представлено достаточно широкое разнообразие источников по нумизматике данного периода. Это частные собрания, музейные коллекции, материалы археологических исследований острогов (Умревинский, Чаусский), форпостов (Усть-Тартасский), Сузунского монетного двора, транспортных магистралей и кладов. Непрерывная последовательность правителей от Петра I до Павла I, хорошо представленная в нумизматических материалах XVIII в., а также наличие монетных кладов и монетного двора открывают широкие возможности для изучения региональных особенностей функционирования российской денежной системы начиная с петровского времени.

Ключевые слова: *нумизматика, Новосибирская обл., монетный клад, денежная система, Умревинский острог, Чаусский острог.*

The numismatic materials referred to the epoque of the Russian development of Siberia are regarded as a particular type of the archeological source, understanding and active study of which has always been relevant. The coins of the 18th century are one of few categories of the objective complex provided with the non-biased origin dating. On the territory of Novosibirsk region, there are a large variety of the numismatics sources of this period. They include private collections, museum collections, materials of the archeological studies of dungeons (Umreva, Chaus dungeons), outposts (Ust-Tartas outpost), the Suzun mint, traffic arteries and buried treasures. The continuous subsequence of the governors – from Peter I till Pavel I – well represented in the numismatic materials of the 18th century as well as the presence of coin treasures and mint provide broad possibilities to study the regional peculiarities of the Russian monetary system functioning starting from the Peter's the Great time.

Keywords: *numismatics, Novosibirsk region, treasure coins, monetary system, Umrevinsky ostrog, Chaussky ostrog.*

На территории Новосибирской обл. собраны достаточно представительные коллекции монет XVIII столетия. Такая ситуация во многом была предопределена целым рядом исторических и географических факторов. Один из них – массовое поступление российской монеты на юг Западной Сибири в ходе ее интеграции в Российское государство в первой трети XVIII в. Вторым не менее значимым фактором была местная ресурсная и промышленная среда, которая уже во второй половине XVIII столетия позволила создать на юге современной Новосибирской области Сузунский монетный двор, единственный за Уралом [Узденников, 1995, с. 6]. Третьим фактором являлась относительно высокая плотность населенных пунктов различного ранга (острогов, сел, деревень, городов), связанных общероссийской и несколькими региональными транспортными магистралями (Сибирский, Московский тракт). Все это создало благоприятные условия для накопления в культурном слое представительной нумизматической выборки XVIII в. В настоящее время нумизматические коллекции хранятся в частных собраниях, музейных коллекциях областных, городских, районных и сельских музеев, в составе находок археологических исследований острогов (Умревинский, Чаусский), форпостов (Усть-Тартасский), Сузунского монетного двора, местных

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-54001).

дорог и отдельных участков Московского тракта, а также кладов.

В последнее время одним из наиболее интенсивно формирующихся нумизматических источников являются частные коллекции. Материалы этих собраний мало известны специалистам, но они крайне важны для общей оценки «емкости» нумизматических материалов XVIII в. на территории как всей Новосибирской обл, так и для отдельных населенных пунктов. Количество учтенных монет XVIII в. в таких коллекциях может составлять 1 тыс. экз. и больше. Отдельные коллекционеры иногда публикуют данные своих сборов [Лобанов, 2008а, б] На Чаусском остроге была собрана достаточно представительная нумизматическая коллекция XVIII в., насчитывающая более 200 экз. Среди монет следует отметить копейку-«чешуйку» Петра I 1705 г. («АШЕ») и пять копеек Екатерины I 1726 г. (ММД), крайне редких для территории севера Верхнего Приобья (см. *рисунок, 1, 2*).

Не менее остро стоит проблема обобщения нумизматических материалов из музейных собраний. Более определенно можно дать характеристику производственной оснастки Сузунского монетного двора, хранящуюся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея. К XVIII в. относятся 12 чеканов (шесть маточников и шесть штемпелей) для изготовления «сибирки». Они представляют оборотную сторону монеты – реверс. На чеканах имеются клейма, а также рабочие отметки, говорящие об использовании штемпелей в производстве. В наборе представлены все шесть номиналов сибирской медной монеты от 10 копеек до полушки. Чеканы представлены попарно (маточник и штемпель). На маточниках нигде полностью дата не просматривается. Видны либо первые две цифры (17??), либо три цифры (177?). Полностью читаемая дата «1770» стоит на штемпелях 10 и 5 копеек, а так же дата 1776 г. на штемпелях 1 и 2 копеек, деньги и полушке [Кривова, 2006, с. 99].

В ходе археологических исследований на территории Сузунского монетного двора, проведенных Новосибирским областным краеведческим музее в 2011 г., были обнаружены фрагменты оттисков монетного штампа – аверса монеты общегосударственного образца номиналом в 1 копейку 1822 г. и монетовидные кружки (монетные вырубки), а также бракованная монета 1784 г. [Шаповалов, Росляков, 2013, с. 173].

Значительно более результативными с нумизматической точки зрения оказались итоги археологических исследований 2002–2009 гг. на территории Умревинского острога. Общий объем документированной коллекции к настоящему

Монеты XVIII в. с территории Новосибирского Приобья. *1* – копейка-«чешуйка» из окрестностей Умревинского острога; *2* – копейка-«чешуйка» из Умревинского клада; *3* – 5 копеек Екатерины I с территории Чаусского острога; *4* – деньга с территории Умревинского острога; *5* – полтинник из с. Каменка.

времени составляет 64 монеты. Из них одна монета обнаружена в основании юго-западной набережной башни, одна – на территории острога у башни, 25 – на руинах приказной избы, 36 – на дороге вокруг острога, а также 107 серебряных копеек-«чешуек» в кладе на территории посада к югу от острога (см. *рисунок, 1, 2, 4*). Особенно высокими темпами накопление монет в культурном слое происходило на территории административного сооружения в центральной части Умревинского острога: на 1 м^2 в год в течение 1741–1797 гг. в среднем в культурном слое откладывалось 0,00589 монет. Для сравнения: на территории базарной площади в Тобольске на 1 м^2 в год в течении 1740–1801 гг. в среднем в культурном слое откладывалось 0,0162 монеты [Аношко, Игнатов, 2013, с. 84], что в 2,76 раза больше, чем в административном сооружении в Умревинском остроге. Учитывая большую разницу в масштабах торговых операций в Тобольске и в Умревинском остроге в середине и второй половине XVIII в., необходимо сделать вывод о высокой интенсивности оборота денежных средств в административном сооружении Умревинского острога в указанный период. При пересчете количества монет

на единицу площади в раскопе базарной площади в Тобольске и в раскопе административного сооружения на Умревинском остроге получаются примерно равные результаты. Любопытен факт наличия в нумизматической коллекции Умревинского острога монеты сибирской чеканки с высоким содержанием железа (денга 1769 г.), что вызывает ее притяжение к магниту. Это позволяет предполагать использование различных сырьевых ресурсов для производства «сибирской» монеты.

В скопление монет Умревинского клада входило 107 серебряных копеек-«чешуек», общий вес которых составлял 28 гр. Как правило, в состав таких кладов, входили проволочные копейки различных годов выпуска [Мельникова, Узденников, Шиканова, 2000, с. 108]. Для Умревинского клада эта особенность может быть представлена в значительном разбросе веса проволочных серебряных копеек. Индивидуальный вес монет колебался от 0,1 до 0,47 гр. На двух серебряных проволочных копейках Умревинского клада под копытами лошади всадника буквенной славянской нумерацией выбиты хорошо читаемые даты 1704 г. и 1713 г. На монетах Умревинского клада отчеканены два варианта легенд [Клещинов, Гришин, 1992, с. 8]. Одна из них трехстрочная легенда: «ЦАРЬ ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ». Другая легенда шестистрочная «ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПЕТРЪ АЛЕКСЕЕВИЧ ВСЕЯ РОССІИ САМОДЕРЖЕЦЪ» (см. *рисунок, 1, 2*). На монетах из Умревинского клада представлено несколько вариантов дефектов чеканки [Калинин, 1977, с. 41–45].

Датированные монеты позволяют отнести клад из окрестностей Умревинского острога к относительно узкому хронологическому периоду, поэтому Умревинский монетный клад вполне можно рассматривать как клад краткого накопления [Зварич, 1979, с. 88]. Данный клад в полной мере может быть использован для характеристики денежного обращения на территории Новосибирской области в самом начале XVIII в., включая период денежной реформы Петра I. Результаты этих преобразований в денежной сфере России стали проявляться в нумизматике первой четверти XVIII в. на территории Новосибирского Приобья. Одним из свидетельств этого являются сборы коллекционеров серебряных полтинника 1709 г., полуполтинника 1703 г. и двух алтынников 1718 г. у сел Каменки и Абрашино Ордынского р-на Новосибирской области (см. *рисунок, 5*).

Хорошо представленная непрерывная последовательность правителей от Петра I до Павла I в нумизматических материалах XVIII в. на территории Новосибирской обл., а также наличие монетных кладов и монетного двора открывают широкие возможности для изучения региональных особенностей функционирования российской денежной системы начиная с петровского времени.

Список литературы

Аношко О.М., Игнатов С.В. О торговле в Тобольске в XVIII–XIX вв. по археологическим и историческим данным // AB ORIGINE. Археол.-этнографич. сб. Тюм. гос. ун-та. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2013. – Вып. 5. – С. 76–87.

Зварич В.В. Нумизматический словарь. – Львов: Изд-во Львов. гос. ун-та, 1979. – 352 с.

Калинин В.А. Некоторые вопросы техники чеканки русских монет второй половины XV – начала 30-х годов XVI века // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. – Л.: Аврора, 1977. – С. 37–49.

Клещинов В.Н., Гришин И.В. Определитель лицевых сторон проволочных копеек царя Петра Алексеевича. – М.: Доминант, 1992. – 36 с.

Кривова Ю.А. Коллекция чеканов Сузунского монетного двора из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Тр. Алт. гос. краевед. музея. – Барнаул: Алтапресс, 2006. – Т. 2. – С. 95–104.

Лобанов М.Ю. Загадка Чаусского острога // Матлы межвуз. науч. студенч. конф. «Интеллектуальный потенциал Сибири». История, политология. – Новосибирск, 2008а. – С. 10.

Лобанов М.Ю. Загадка Чаусского острога. – Новосибирск, 2008б. – 18 с.

Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. – М.: Стрелец, 2000. – 222 с.

Узденников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах 1700–1917 гг. – М.: [б.и.], 1995. – 170 с.

Шаповалов А.В., Росляков С.Г. Крепостные стены Сузунского медеплавильного завода и монетного двора // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. – Новосибирск: Сибпринт, 2013. – С. 171–174.

УДК 902/904

А.П. Бородовский[1], Л. Олещак[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Ягеллонский университет, Краков, Польша
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЕ ДАТИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ НИЖНЕЙ КАТУНИ

Предварительные результаты по радиоуглеродному датированию археологических памятников различных периодов эпохи раннего железа на Северном Алтае открывают новые перспективы для их комплексного изучения. На основе репрезентативного некрополя Чултуков Лог-1, в составе которого более 100 курганов скифского времени и около десятка майминских погребений, возможно построить хронологию для памятников этих эпох в рамках детальной корреляции радиоуглеродных дат и традиционных датировок сопроводительного инвентаря. Для гунно-сарматского времени (и для майминской культуры в частности) появляется возможность объективного определения времени возникновения укрепленных объектов (городищ) и соотнесения поселенческих и погребальных комплексов. Не менее значимы полученные результаты для начала естественно-научного датирования отдельных событий древней сейсмоактивности по материалам погребальных сооружений.

Ключевые слова: *Северный Алтай, эпоха раннего железа, радиоуглеродное датирование.*

The preliminary radiocarbon dating results of the archeological monuments belonging to various periods of the early Iron Age in the North Altai open new perspectives for their complex study. Based on the representative necropolis of Chultukov Log-1 including over 100 burial mounds of the Scythian Epoch and about a dozen of the Mayminsky burials, it is possible to establish a chronology for the monuments of these epochs within the framework of the detailed correlation of the radiocarbon datings and traditional dates of the accompanying inventory. The Hun-Sarmatian times and Mayminsky culture in particular are characterized by a possibility of the non-biased determination of the appearance of fortified objects (fortresses) and correlation of settlements and burial complexes. One should also emphasize the obtained results of the beginning of the natural scientific dating of certain events of the ancient seismic activity according to the materials of burial structures.

Keywords: *North Altai, early Iron Age, radiocarbon dating.*

Вопросы хронологии археологических памятников являются одними из самых сложных и актуальных, особенно если речь заходит о применении естественно-научных методов. Отечественная и зарубежная археологическая литература по этому вопросу достаточно обширна и давно является темой для самостоятельного обсуждения. Однако следует обратить особое внимание на крайнюю неравномерность использования такого подхода при датировании археологических объектов на различных территориях нашей страны. Например, для эпохи раннего железа, как ни парадоксально, естественно-научные методы датирования практически не применялись при изучении археологического наследия скифского времени Северного Алтая. Одной из причин такой ситуации долгое время была очень слабая изученность этой территории на предмет выявления археологических памятников эпохи раннего железа. В конце 90-х гг. прошлого столетия даже была выдвинута гипотеза об отсутствии здесь вследствие особых климатических условий археологических комплексов скифского времени, исходя из чего вся эта территория имела специализацию буферной зоны между горными районами Алтая и степными территориями Верхнего Приобья [Могильников, 1986а, б]. Однако результаты работ, проведенных в конце XX в. и начале нового столетия, позволили усомниться в правильности такой территориальной интерпретации [Абдулганеев 1992; 1993; Киреев 1988; 1991; Бородовский, Бородовская, 2013]. Количество памятников здесь почти не отличалось от количества в других районах Горного Алтая, но влажный климат его северного участка

способствовал более значительным темпам задерновки каменных сооружений и, как следствие, их визуальной невыразительности при археологическом поиске. Однако с другой стороны именно это обстоятельство – быстрая потеря внешних рельефных признаков каменными надмогильными конструкциями – обеспечивало в будущем их непотревоженное состояние, в отличие от аналогичных, хорошо различимых сооружений в Центральном и Южном Алтае. Таким образом, можно говорить о естественном формировании определенной зоны на границе алтайского низкогорья и среднегорья, где сосредоточены преимущественно неразграбленные погребальные комплексы, являющиеся репрезентативными археологическими источниками. Целый ряд таких объектов археологического наследия сосредоточен в Манжерокском археологическом микрорайоне на правобережье горной долины нижней Катуни.

В последнее время для целого ряда археологических памятников в рамках сотрудничества ИАЭТ СО РАН с Институтом археологии Ягеллонского Университета в Кракове (Польша) была получена серия рекогносцировочных радиоуглеродных дат (девять образцов). Образцами для датирования стали кости из захоронений скифского времени и остеологический материал с различных поселенческих комплексов.

Были получены две предварительные даты для пазырыкских курганов скифского времени из некрополя Чултуков Лог-1. Один из образцов был изъят из пазырыкского женского захоронения (кург. 9). Курган располагался в центральной, наиболее престижной части некрополя. Калиброванная радиоуглеродная дата (MKL-1915, 2300 ± 60) этого объекта соответствовало хронологическому периоду 538–198 calBC. Такую датировку можно отнести к заключительному периоду пазырыкской археологической культуры, чему не противоречат особенности погребальной обрядности кургана и сопроводительный инвентарь из погребения.

Другой датированный радиоуглеродным методом курган (№ 109) Чултукова Лога-1 находился на его юго-восточной периферии и был практически полностью засыпан осыпью, возможно, вызванной древней сейсмоактивностью. Следует отметить, что подбойное захоронение, выявленное в этом кургане эпохи раннего железа, достаточно редкое явление для территории Горного Алтая. Радиоуглеродная дата (MKL-1916, 2560 ± 80) из этого погребения соответствует периоду 838–414 calBC. Это время относится к раннепазырыкской эпохе, что для территории северного Алтая можно интерпретировать как освоение его носителями пазырыкской культурной традиции синхронно с другими районами всей алтайской горной страны.

Наряду с этим, радиоуглеродная дата кург. 109, засыпанного горной осыпью, возможно вызванной древней сейсмоактивностью, относящаяся к середине I тыс. до н.э., имеет особое значение. Дело в том, что на территории некрополя Чултуков Лог-1 были неоднократно выявлены курганы, сооруженные на массивных скальных блоках и также перекрытые горной осыпью. Эти факты вполне можно использовать в рамках попыток археологического датирования древней сейсмоактивности. Однако уже сейчас можно отметить, что предварительные радиоуглеродные даты позволяют, скорее всего, выйти на пятисотлетние циклы, в которые происходили основные разрушительные землетрясения на Горном Алтае.

Не менее интересные результаты были получены при рекогносцировочном радиоуглеродном датировании различных поселенческих комплексов, включая укрепленные. В частности, для городищ северного Алтая, датировка которых в настоящее время достаточно дискуссионная. Например, на городище Манжерок-3, у рвов которого и в их заполнении обнаружен керамический материал эпохи раннего железа [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 61], в то время как на юго-западном участке его площадки выявлен культурный слой гунно-сарматского времени (майминская культура) [Соенов В.И., Константинов, Соенов Д.В., 2011]. Тем не менее, размеры и планиграфия этого городища имеют явно более ранние черты, чем укрепленные объекты гунно-сарматского времени. Речь прежде всего идет о «лабиринтообразном» характере рвов северо-восточного края городища, где они расположены на отдельных участках в пять линий. Радиоуглеродная дата (MKL-1914, 2610 ± 80), полученная из основания одного из таких рвов Манжерока-3, относится к периоду 935–485 calBC. Это достаточно веское основание с недоверием относиться к точке зрения о гунно-сарматской принадлежности оборонительной системы данного укрепленного пункта.

Другое городище Барангол-5 также по-разному датируется некоторыми авторами. По мнению А.П. Бородовского, сооружение его относится к скифскому времени, тогда как В.П. Соенов считает его гунно-сарматским оборонительным объектом. Радиоуглеродная дата образца кости с центральной площадки этого памятника вроде бы подтверждает последнюю точку зрения, но для окончательной ясности необходимо, так же как и на Манжероке-3, продатировать естественнонаучными методами рвы Барангола-5. Тем более что они тоже имеют несколько «линий обороны».

Еще одним памятником гунно-сарматского времени является майминское поселение Чултуков Лог-9, расположенное на высокой правобережной катунской террасе. Радиоуглеродные даты (MKL-1911, 1660 ± 80; MKL-1912, 2050 ± 80; MKL-1917, 1620 ± 60) из этого комплекса в целом соответствуют (211–576 calAD; 232 calBC – 125 calAD; 322–573 calAD) той хронологии, которая была получена традиционными археологическими методами (атрибуция предметного комплекса и специфических обогревательных сооружений). Полученные результаты приобретают особое значение, если учесть тот факт, что на основании бронзовых украшений уже удалось скоррелировать это поселение и близлежащий могильник майминской культуры Чултуков Лог-1. Находка бронзовой полусферической бляшки с отверстиями для нашивания на поселении Чултуков Лог-9 имеет прямые аналогии с деталями украшений головных «повязок» в майминских погребениях (к. 61, 70) Чултукова Лога-1. Поскольку длительное время неграбленые погребения майминской культуры не выявлялись, не было полноценных оснований для ее выделения.

Подводя итоги, отметим, что предварительные результаты по радиоуглеродному датированию археологических памятников различных периодов эпохи раннего железа на Северном Алтае открывают новые перспективы для их комплексного изучения. Это позволит в самое ближайшее время вывести разработки по хронологии археологических памятников эпохи раннего железа Северного Алтая на совершенно новый качественный уровень.

Список литературы

Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в сер. I тыс. н.э. (по материалам поселений) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: [б.и.], 1992. – С. 59–63.

Абдулганеев М.Т. Майминская культура. Предварительные итоги и перспективы изучения // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1993. – С. 3–5.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 220 с.

Киреев С.М. Памятники нижней Катуни раннего железного века // Проблемы археологии Северной Азии. – Чита: [б.и.], 1988. – С. 60.

Киреев С.М. О северной границе горно-алтайских погребений скифского времени с восточной ориентировкой // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: [б.и.], 1991. – С. 119–122.

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Мат-лы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986а. – С. 35–67.

Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1986б. – С. 29–32.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Соенов Д.В. Особенности топографии и хронологии городищ Алтая и северных предгорий // Мат-лы междунар. симп. «Terra Scythica». – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 252–260.

УДК 903.26

А.В. Варенов[1], Е.А. Гирченко[2]

[1]Новосибирский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: avvarenov@mail.ru

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В БРОНЗАХ САНЬСИНДУЯ (по материалам изделий из жертвенной ямы № 1)

В статье рассмотрены образы животных из первой жертвенной ямы Саньсиндуя. Обнаружены два рельефа на бронзовых сосудах и три бронзовые скульптуры. Изображения животных – тигров и драконов – тождественны, но манера передачи их образов в двух случаях заметно различается. На поверхности сосуда тигры и драконы доминируют над изображенными человеческими фигурками, а в круглой скульптуре они в основном используются как подставки для каких-то длинных предметов. В жертвенной яме JK1 найдены 16 изображений человека, что позволяет предположить, что в представлениях носителей культуры Саньсиндуй люди доминировали над животными. Бронзовый сосуд из ямы JK1 с изображениями тигров и драконов, доминирующих над людьми, является импортным или изготовленным по привозным образцам.

Ключевые слова: *Китай, археология, бронзовый век, культура Саньсиндуй, изображения животных, жертвенные ямы.*

The article deals with animal images from the first sacrificial pit (JK1) of Bronze Age Sanxingdui site from Sichuan province of the PRC. There are two high relieves on bronze vessels and three round sculptures. The personages depicted are principally the same – tigers and dragons, but the manner of rendering them differ greatly on bronze vessels and in round sculpture. On the surface of the vessel tigers and dragons dominate over human figures, and in round sculpture they were mostly used as foots or supports for some long non-metal items. In Sanxingdui sacrificial pit JK1 16 human images (13 bronze heads, two masks and one kneeling figure) have been found or three times more, than animal images. So we may assume that in Sanxingdui culture human beings dominated over animals, in Yinxu culture of the Central Plain – vice versa. And the bronze vessels in the first sacrificial pit of Sanxingdui were imported from the Central Plain or made after the Central Plain patterns.

Keywords: *China, archaeology, Bronze Age, Sanxingdui culture, animal images, sacrificial pits.*

Саньсиндуй – своеобразная культура эпохи развитой бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Эпонимный памятник данной культуры – городище Саньсиндуй – находится в уезде Гуанхань, в нижнем течении небольших речек Яцзыхэ и Мамухэ. По осевой линии памятника располагаются четыре холма с плоской вершиной. Именно на этой линии были случайно (в ходе добычи глины для производства кирпича) открыты жертвенные ямы № 1 и № 2. Первая жертвенная яма, содержащая порядка 420 различных артефактов из бронзы, золота, нефрита, камня, слоновой кости, керамики и кости животных, была обнаружена в июле 1986 г. Во второй, вскрытой рядом с первой спустя всего месяц яме, оказалось около 1 300 изделий [Саньсиндуй…, 1999, с. 23].

После открытия жертвенных ям, содержащих богатейшие находки, культура Саньсиндуй вызвала исключительный интерес исследователей из разных стран мира. Причиной тому были бронзовые изделия Саньсиндуя, которые очень необычны и разнообразны. Они включали бронзовые антропоморфные головы и маски разных размеров, в том числе очень крупные, большое (высотой свыше 260 см) изваяние стоящего на пьедестале человека, бронзовые «священные» деревья и т.д. [Варенов, Гирченко, 2008, с. 151–156]. Приоритетное внимание китайские и зарубежные исследователи (включая и авторов данного сообщения) уделяли бронзовым головам и другим антропоморфным изображениям – своеобразной «визитной карточке» культуры Саньсиндуй [Варенов, Гирченко, 2012, 2013; Комиссаров, Гирченко, 2012].

Между тем зооморфные изображения Саньсиндуя оставались как бы «в тени». Хотя бы отчасти исправить данную ситуацию и призвана наша статья, посвященная рассмотрению находок из первой, более ранней по времени, жертвенной ямы [Гирченко, 2010, с. 172, 175]. Зооморфные изображения в первой жертвенной яме присутствуют в двух вариантах: как рельефный орнамент на бронзовых сосудах, и в качестве круглой скульптуры. Из пяти бронзовых сосудов, найденных в первой жертвенной яме, только две чарки *цзунь* с зооморфными рельефами, причем одна из них издана без иллюстрации этих рельефов [Саньсиндуй…, 1999, с. 33–43; Варенов, Гирченко 2014, с. 27–29]. Там же найдены три бронзовые зооморфные статуэтки. Рассмотрим эти находки.

Сосуд *цзунь* с изображением драконов и тигров – 1 экз. (рис. 1). Венчик сосуда сильно выгнут, оплавлен, постепенно сужается к узкому горлышку и переходит в довольно широкие плечики. На горлышке три выпуклые линии. Тулово сосуда сужается к основанию. Дно сосуда ровное. Орнамент на плечиках представляет собой трех драконов. Головы драконов рельефные, выпуклые. У драконов круглые глаза с выпуклыми зрачками, хвост закруглен, тело украшено ромбами и волнистым узором (рис. 2, *1*). Плечики сосуда орнаментированы спиралевидными узорами в качестве фона. Ниже драконов, головы которых находятся на стыке плечика и тулова и маркируют вертикальные литейные швы, делящие тулово сосуда на три части, на каждой из трех частей тулова изображен человек, на которого нападает (?) тигр, так что голова человека как бы оказывается внутри рельефно нависающей над ней своеобразным козырьком тигриной пасти (рис. 2, *2*). Руки человека согнуты в плечах, кулаки подняты вверх, ноги согнуты в коленях (рис. 2, *6*). На поддоне сосуда – три маски *тао-те* (рис. 2, *3*).

Постамент со статуей дракона наверху – 1 экз. (рис. 2, *4*). Представляет собой колонну, в сечении имеющую форму эллипса, ее ровная вершина слегка скошена, в нижней части колонны с четырех сторон есть круглые отверстия. Дракон изображен с открытой пастью, скалящим зубы, на его голове выделяются два серповидных уха, а под нижней челюстью – козлиная бородка. Две передние лапы дракона лежат на вершине колонны, длинное туловище вытянулось вдоль постамента [Саньсиндуй…, 1999, с. 33–34].

Подставка в виде дракона – 1 экз. (рис. 2, *8*). Дракон имеет квадратную голову, туловище плавно перетекает в закругленный хвост, полый внутри. Животное изображено с открытой пастью, скалящим зубы, над его головой находится

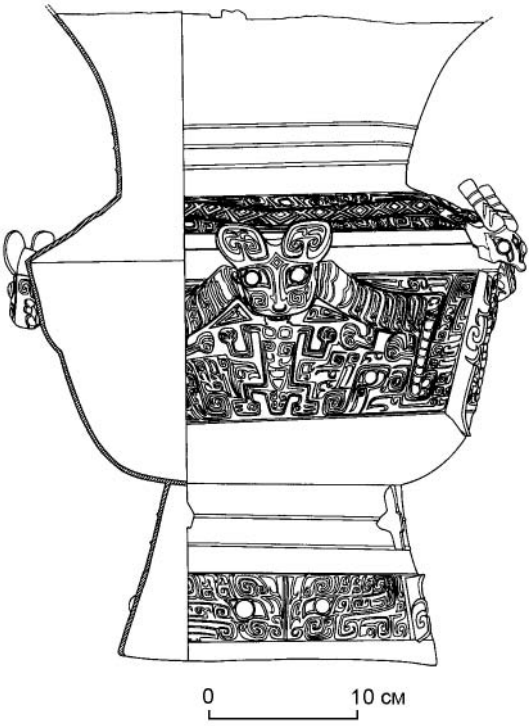


Рис. 1. Бронзовый сосуд *цзунь* с тиграми и драконами из первой жертвенной ямы Саньсиндуя (по: [Саньсиндуй…, 1999]).

полая трубка (втулка), соединяющаяся с хвостом [Там же].

Подставка в виде тигра – 1 экз. (рис. 2, *5*, *7*). Тело тигра в плане образует кольцевую окружность, внутрь которой вставлялся какой-то шест, четыре короткие лапы опираются на плоскую подставку. У тигра миндалевидные глаза с круглыми зрачками, большие, заостренные на концах уши, квадратная пасть с оскаленными зубами. Хвост и длинная шея, держащая голову, подняты вертикально вверх, кончик хвоста обломан [Там же, с. 33, 35].

Отметим для начала, что иконография рельефных тигра и дракона с бронзового сосуда *цзунь* заметно отличается от таковой у саньсиндуйской круглой скульптуры. На сосуде дракон змеевидный, без лап, и с бутылкообразными рогами. Взбирающийся на колонну скульптурный дракон показан с короткими лапами (и этим больше похож на ящерицу). Он без рогов, зато с длинными «развесистыми» ушами и козлиной бородкой. Такие же длинные «висячие» уши и у дракона-подставки, хотя лап у него нет. Саньсиндуйский тигр-подставка отличается от изображенных на сосуде *цзунь* рельефных хищников более коротким телом, заостренными ушами, длинной вертикальной шеей и вертикально поднятым хвостом. Две последних черты делают его больше похожим не на тигра,

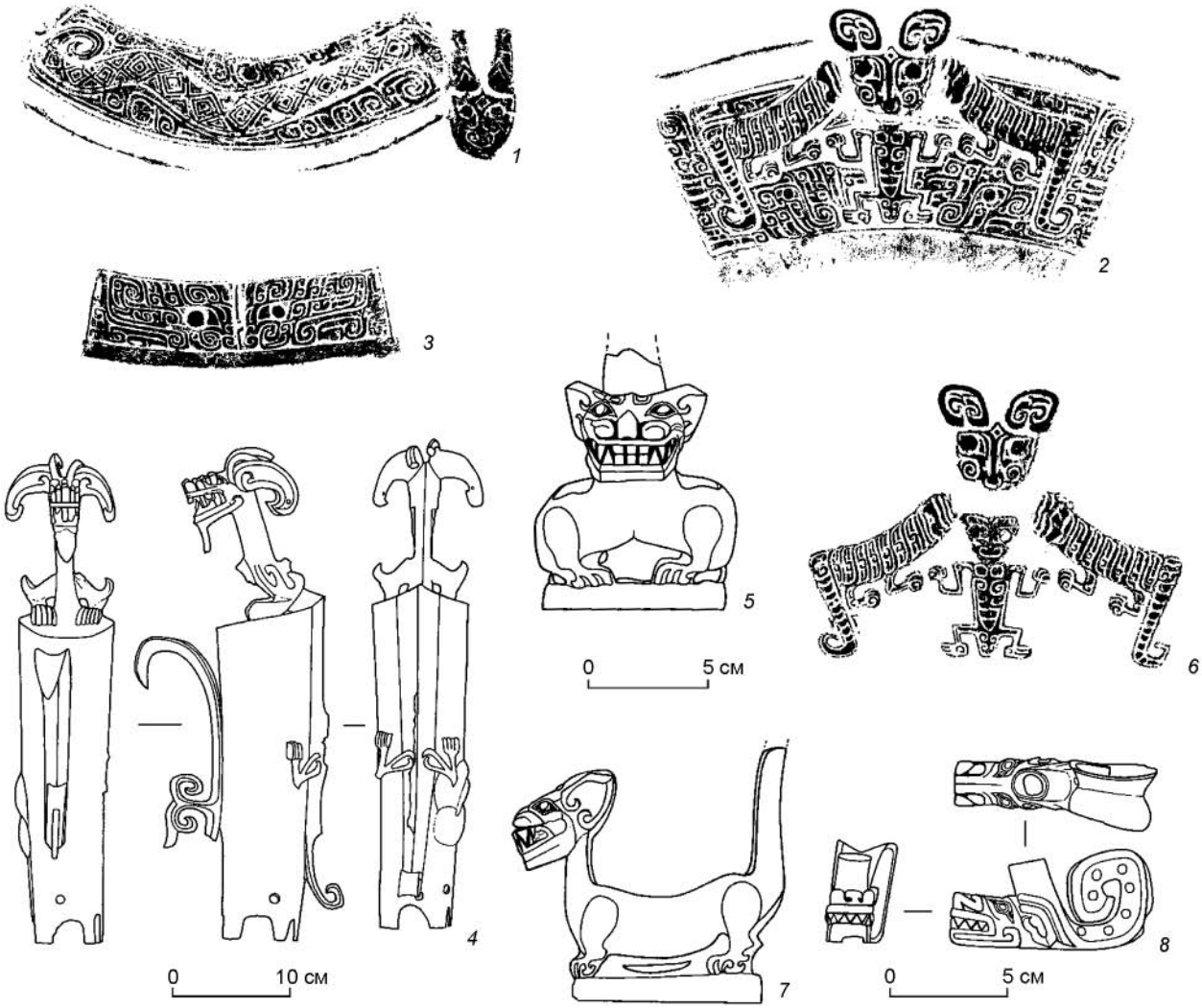


Рис. 2. Бронзовые зооморфные изображения из первой жертвенной ямы Саньсиндуя.

1 – дракон на плечиках сосуда *цзунь*; *2, 6* – тигр на тулове сосуда *цзунь*; *3* – маска *тао-те* на поддоне сосуда *цзунь*; *4* – колонна с взобравшимся на нее драконом; *5, 7* – тигр-подставка; *8* – дракон-подставка (по: [Саньсиндуй…, 1999]).

а на какое-то мелкое кошачье животное (возможно даже на домашнюю кошку).

Изображения тигров и драконов на бронзовом сосуде и в круглой скульптуре различаются не только стилистически, но, видимо, и по изначально заложенной в них семантике. Нам уже приходилось писать о так называемом «священном алтаре» (или «алтаре духов») из второй жертвенной ямы Саньсиндуя [Варенов, Гирченко, 2009, с. 248–251]. Мы предложили интерпретировать данное бронзовое изделие как модель системы мироздания древних обитателей Саньсиндуя с трех- (или пяти-) частным делением по вертикали и четырехчастным по горизонтали. Если рассматривать и бронзовый сосуд *цзунь* как своеобразную модель мира с трехчастным делением по вертикали, то дракон (драконы) на его плечиках маркируют верхнюю (небесную) зону, тигры на тулове, нападающие на людей – средний (земной) мир, а маски монстра *тао-те* на поддоне – нижний (подземный). Правда, горизонтальное членение пространства на сосуде *цзунь* оказывается не четырех-, а трехчастным, но данное обстоятельство обусловлено, скорее, особенностями технологии отливки шанских бронзовых сосудов. Зооморфная маркировка разных зон мироздания типична для шанских представлений и фиксируется на бронзовых изделиях из Аньяна и иных пунктов.

Весьма характерно для шанской традиции и «приниженное» положение человека рядом с хищником, который зачастую на него нападает. Эту черту шанского искусства (где вообще изображения человеческого лица очень редки) еще почти 50 лет назад отмечал Чжан Гуанчжи (см.: [Chang, 1977, p. 382–383]). Из относительно

свежих примеров можно привести секиру из могилы Фу-хао с изображением человеческого лица в пасти у двух противостоящих тигров [Могила Фу-хао, 1980, с. 105–106]. Вполне вероятно, что тигр в данном случае (как и на сосуде *цзунь*) подразумевается всего один, и перед нами лишь особенности развертки его объемного изображения на плоскости.

Персонажи зооморфного кода в Саньсиндуй, напротив, заметно принижены по сравнению с человеком. Две из трех зооморфных скульптурок – это просто подставки небольшого размера. Именно подставки, занимающие априори «приниженное» положение в основании какой-то более высокой вещи. Да и резкое численное преобладание антропоморфных изображений над зооморфными в жертвенной яме № 1 обращает на себя внимание. В яме найдено 13 бронзовых голов, являвшихся деталями крупных антропоморфных скульптур [Варенов, Гирченко, 2012, с. 13–15], и по одной маске, личине и статуэтке коленопреклоненного человека (всего 16 экз.) против пяти (с учетом сосудов) зооморфных изображений. Следовательно, перед нами две разные традиции: одна шанская, представленная импортными (или изготовленными по привозным образцам) сосудами, и другая – местная, саньсиндуйская.

Список литературы

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Саньсиндуй – новая культура эпохи бронзы из Южного Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 151–156.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Культовые бронзы Саньсиндуя и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 246–251.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуя и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11; вып. 4: Востоковедение. – С. 10–19.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12; вып. 4: Востоковедение. – С. 19–30.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13; вып. 4: Востоковедение. – С. 26–39.

Гирченко Е.А. Периодизация культуры Саньсиндуй по бронзовым материалам жертвенных ям // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 170–175.

Комиссаров С.А., Гирченко Е.А. Саньсиндуй – земля бронзовых исполинов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11; вып. 7: Археология и этнография. – С. 82–90.

Могила Фу-хао на Иньском городище (Иньсюй Фу-хао му). – Пекин: Вэньу, 1980. – 242 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй цзисы кэн (Жертвенные ямы Саньсиндуя). – Пекин: Вэньу, 1999 – 628 с. (на кит. яз.).

Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. – New Haven; L.: Yale University Press, 1977. – 540 p.

УДК 903.531/25

А.В. Варенов[1], А.О. Митько[1], Д.П. Шульга[2]

[1]Новосибирский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: avvarenov@mail.ru

ПОГРЕБЕНИЕ С КОМБИНИРОВАННЫМИ СЕРЬГАМИ НА МОГИЛЬНИКЕ СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ ЦИЛАНШАНЬ ВО ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ*

В статье рассматриваются материалы погребения ZQM 20 могильника Циланшань во Внутренней Монголии. Умерший мужчина похоронен в деревянном гробу в вытянутом положении на спине, головой на север. Гроб помещен в катакомбу, вход в которую перекрывала каменная стенка. Погребальный инвентарь включал керамическую вазу, железное кольцо, бронзовую пряжку и две литых бронзовых серьги с подвесками из агатовых и стеклянных бусин. Такая же пряжка была найдена в погребении М 24 сяньбийского могильника Лабудалинь вместе с монетами периода правления Ван Мана (7–22 гг. н.э.), следовательно Циланшань надо датировать сяньбийским временем. Все сяньбийские серьги из Лаохэшэнь и других могильников, известные ранее, не литые, а изготовлены из витой проволоки (в основном золотой и серебряной) и без подвесок.

Ключевые слова: *Китай, археология, сяньбийское время, бронзовые пряжки, серьги с подвесками, стеклянные бусы.*

The article presents material found in ZQM 20 grave of Qilangshan burial ground excavated in Inner Mongolia autonomous region of PRC in 1995–1996. The dead man was buried stretched on his back with his head to the North in a wooden coffin, placed in a catacomb. The entrance of the catacomb was covered with the stone wall. The grave goods included one pottery vessel, one iron ring, one bronze buckle and two cast bronze earrings with agate and glass bead pendants. The same type of bronze buckle has been found in M 24 burial of Xianbei cemetery at Labudalin together with Wang Mang period bronze coins, minted in 7–22 A.D. So Qilangshan burial ground should also be dated to Xianbei time. All Xianbei earrings from Laoheshen and other cemeteries known before were not cast, but made of twisted wire (mostly golden or silver) and lacked bead pendants.

Keywords: *China, archaeology, Xianbei period, bronze buckle, earrings with pendants, glass beads.*

Могильник Циланшань находится в полутора километрах в востоку от деревни Дунсыхаоцунь (буквально: «Восточной деревни номер четыре») Пятой (Ухао) волости сейма Уланча аймака Чаючжун (Кэбуэр) автономного р-на Внутренняя Монголия КНР. Памятник расположен примерно в 36 км к северо-западу от административного центра аймака пос. Кэбуэр. Исследование могильника осуществлялось в течение двух сезонов (с 19 августа по 15 сентября 1995 г. и с 18 мая по 10 июня 1996 г.) объединенным отрядом сотрудников Института археологии автономного района Внутренняя Монголия, краеведческого музея сейма Уланча и бюро охраны памятников культуры аймака Чаючжун [Ван Синьцзы, Вэй Цзянь, 2004, с. 123–125]. Циланшань расположен на стыке холмов и равнины, где поверхность земли занята в основном крестьянскими полями и степью. Текущая с гор дождевая и талая вода промыла тянущийся с запада на восток овраг длиной ок. 350 м, шириной порядка 20 и глубиной до 15 м, который проходит через весь могильник, повредив часть захоронений, и возможно, уничтожив некоторые из них. Всего за 50 с лишним дней раскопок вскрыто 20 погребений. Одно из самых богатых из них – погребение М 20, получившее индекс ZQM 20.

Погребение ZQM 20 расположено на восточной окраине могильника [Ван Синьцзы, Вэй Цзянь, 2004, с. 166–169]. Оно представляло собой (как и большинство других захоронений в Циланшань) подпрямоугольную в плане грунтовую яму

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00477).

(входную шахту) с подбоем в западной стенке, в котором и совершалось погребение. Входная яма ориентирована длинными сторонами по линии север – юг с отклонением к востоку, вход в подбой перекрыт вертикальной стенкой, сложенной из необработанных кусков камня. Верх входной ямы разрушен оврагом, ее реконструируемая по аналогии с неповрежденными захоронениями этого же могильника глубина составляет 2,6 м, длина – 2,6 м, ширина по дну 0,94 м с северной и 0,64 м с южной стороны. На дне входной ямы вдоль восточной стенки оставлен уступ высотой 0,3 м и шириной 0,25 м. Подбой в плане трапециевидный, длиной 2,97 м, шириной от 1,25 м на севере до 0,56 м на юге. Зафиксированная высота каменной закладной стенки 0,74 м (рис. 1, *2*).

Деревянный гроб сохранился лишь частично. Он представлял собой каркас со вставленными в пазы досками толщиной 1,8–2,0 см, не исключено наличие деревянного перекрытия. Судя по отпечаткам древесного тлена, длина гроба составляла 1,79 м, ширина верхней части 0,54 м, нижней – 0,32 м, высота 0,32 м. С внешней стороны гроба прослежен узор белого и красного цвета, однако восстановить рисунок не удалось. В северной оконечности подбоя, вне гроба, на уровне его дна находилась ваза хорошо обожженной глинистой керамики желто-серого цвета, высотой 16,4 см, с диаметром по венчику 8,2 см, по тулову – 11,8 см, по дну – 7,2 см (рис. 1, *1д*). По плечикам и экватору сосуда заметен орнамент из двух рядов параллельных линий, который, впрочем, может быть всего лишь техническим декором – следами работы гончарного круга. Часть венчика обломана еще в древности (рис. 2, *14*).

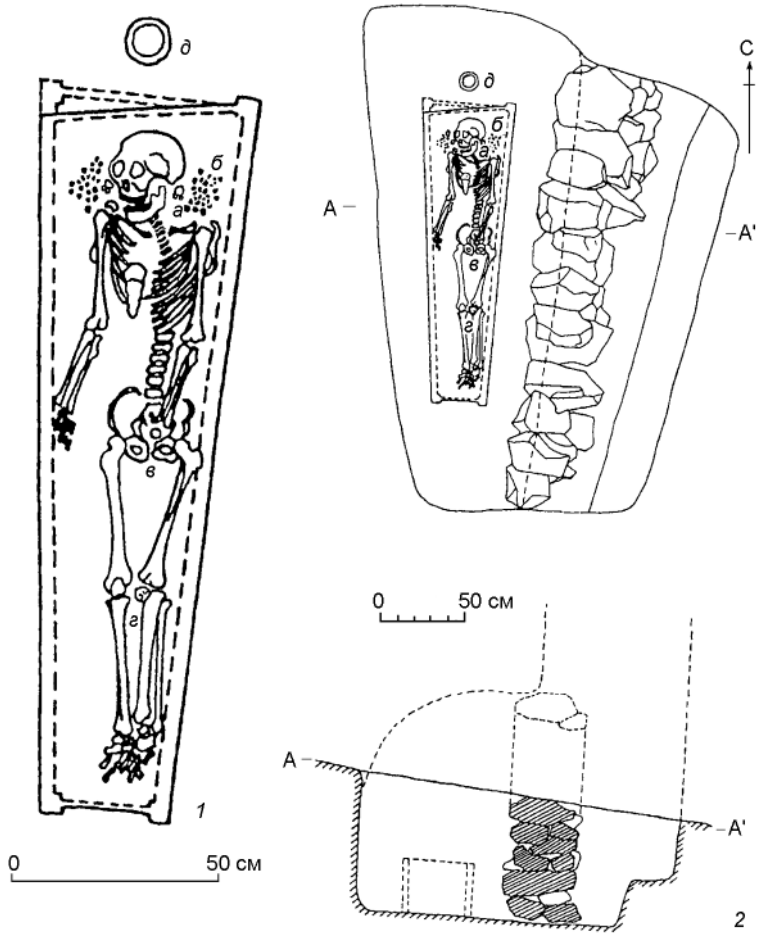


Рис. 1. Погребение ZQM 20 на могильнике Циланшань.
1 – план погребения ZQM 20: *а, б* – серьги, *в* – железное кольцо, *г* – бронзовая пряжка, *д* – керамический сосуд; *2* – общий вид и разрез погребения ZQM 20 (по: [Ван Синьцзы, Вэй Цзянь, 2004]).

Погребен взрослый мужчина в вытянутом положении на спине, головой на север, лицом на запад (рис. 1, *1*). Судя по расположению тазовых костей, при захоронении его тело слегка опиралось на восточную стенку гроба. В районе тазовых костей найдено круглое железное кольцо с внешним диаметром 3,3 см (см. рис. 1, *1в*; 2, *12*). Между коленными чашечками зафиксирована бронзовая пряжка с прямоугольной скобой в качестве щитка и волютами в приемной рамке, на которой прослеживается слегка выделенный шпенек (см. рис. 1, *1, г*). Ширина пряжки по рамке 3 см, длина 3,4 см (рис. 2, *13*). Вблизи черепа обнаружены две бронзовые серьги, а также агатовые и стеклянные бусины (рис. 1, *1а, б*). Серьги однотипные, представляют собой литые округлые разомкнутые кольца диаметром ок. 1,5 см. Их нижняя часть имеет фигурное оформление в виде двух соединенных между собой округлых фестонов с отверстиями (рис. 2, *1*). Наличие этих отверстий, а также скопление бусин рядом с каждой из серег позволили провести реконструкцию, предполагающую, что нанизанные на нити бусины подвешивались к бронзовым серьгам.

Всего в ZQM 20 обнаружено 46 бусин. Агатовых бусин 8 экз., они темно-красного цвета, с небольшими сверлеными отверстиями, форма каждой индивидуальна: шарообразная, яйцевидная, цилиндрическая, четырехгранная (рис. 2, *2–7*). Стеклянных бусин 38 экз. (рис. 2, *8–10*). Из них 10 цилиндрических, диаметром 0,8–0,9 см, отливающих жемчужным блеском снаружи (за счет кальцитового натека?) и темно-фиолетовых внут-

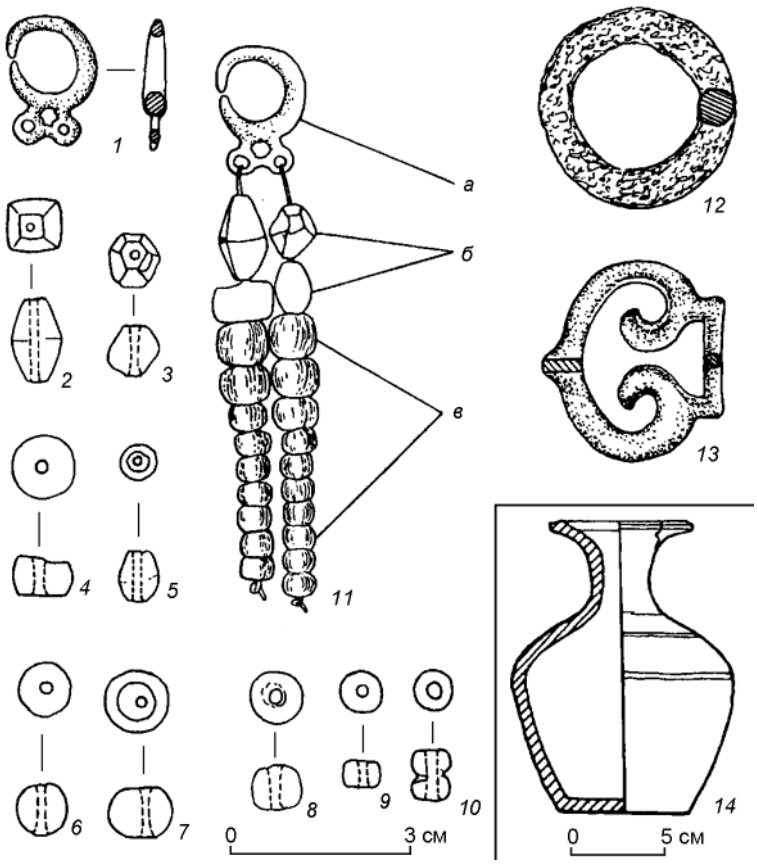


Рис. 2. Сопроводительный инвентарь из погребения ZQM 20.

1 – бронзовая серьга; *2–7* – бусины из агата; *8–10* – бусины из стекла; *11* – реконструкция серег: *а* – бронзовая основа, *б* – агатовые бусины, *в* – стеклянные бусины; *12* – железное кольцо; *13* – бронзовая пряжка; *14* – керамический сосуд (по: [Ван Синьцзы, Вэй Цзянь, 2004]).

ри. Остальные 28 бусин тоже цилиндрические, но меньшего диаметра – 0,5–0,6 см, также отливают жемчужным блеском снаружи, но светло-зеленые или светло-желтые внутри. После извлечения из земли большинство стеклянных бусин поменяло цвет, а часть из них разрушилась. Каждая серьга могла иметь по две прикрепленных к ней нитки бус. Одна нитка насчитывала 11 бусин: 2 агатовые красного цвета (можно предположить, что их располагали в верхней части подвески), 7 стеклянных желтого и 2 фиолетового цвета. На другой нитке висело 12 бусин (на одну фиолетовую стеклянную бусину больше). В реконструированном виде общая длина серег с подвесками из бусин могла достигать 10 см, свешиваясь до ключиц (рис. 2, *11*).

Ю.С. Худяков и Юй Су-Хуа, специально занимавшиеся изучением сяньбийской культуры, отмечали, что «личные украшения мужчин, женщин и детей, относившихся к разным сяньбийским родо-племенным подразделениям и социальным группам» являются «весьма информативным источником по истории и культуре племен сяньби (сяньбэй)» [Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, с. 50]. Они проанализировали серьги из целого ряда памятников с территории Маньчжурии и Внутренней Монголии (основная масса их материала, правда, происходила только из одного могильника – Лаохэшэнь [Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, с. 54]), отметив, что наиболее распространенными ушными украшениями являются витые проволочные серьги, изготовленные из золотой и серебряной проволоки. По способу крепления исследователи разделили их на два отдела: крюковые и крюковые с лепестком, по сечению стержня-основы на две группы: с одинарным и с двойным витым стержнем, по форме – на типы, а по наличию дополнительных деталей – на варианты [Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, с. 51].

Циланшаньские серьги из этой классификации выпадают, поскольку изготовлены без использования драгоценных металлов и не являются проволочными, да и комбинированные варианты у сибирских исследователей представлены только серьгами, на проволоку окончания которых надета лишь одна шаровидная бусина [Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, с. 52–55]. Если расширить территорию поиска аналогий циланшаньским украшениям за счет Южной Сибири, то там специалистами в гунно-сарматскую эпоху выделяется до 13 типов серег [Тетерин, 2005, с. 52], хотя полного соответствия интересующим нас украшениям среди них также нет. Пожалуй, наиболее близка к бронзовой основе циланшаньских серег по способу изготовления, материалу, общим очертаниям и размерам случайная находка из Минусинской котловины, хранящаяся в Минусинском музее (четвертый вариант типа 9, по классификации Ю.В. Тетерина) [Тетерин, 2005, с. 56, рис. 3, 9].

Китайские археологи по типологии керамики и конструкции гробов относят могильник Циланшань к периоду правления Северной Вэй (368–534 гг. н.э.) [Ван Синьцзы, Вэй Цзянь, 2004, с. 175]. Это время завоевания сяньбийскими племенами муюнов и тоба северных районов Китая и образования государств во главе со своими династиями [Воробьев, 1994, с. 216]. При датировании материала из погребения ZQM 20 в Циланшань стоит учесть находку похожей бронзовой пряжки с волютами в приемной рамке, но без выделенного шпенька в погребении М 24 сяньбийского могиль-

ника Лабудалинь в аймаке Ээргунаю [Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь, 1994, с. 394]. В том же погребении М 24 встречены пять китайских монет «Дацюань уши», которые выпускались в период правления Ван Мана (7–22 гг. н.э.). [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 156]. Случайная находка пряжки, подобной циланшаньской, известна из западной части Монголии [Варенов, Митько О.А., 2007, с. 110–112], а наличие волют в рамке сближает ее с пряжкой, входившей в состав поясного набора сяньбийского погребения из Яньчи [Варенов, Митько А.О., Митько О.А., 2007, с. 193–198]. Материалы погребения ZQM 20 и могильника Циланшань в целом позволяют составить более полное представление о культуре северных соседей Китая в период перехода от древности к раннему Средневековью.

Список литературы

Ван Синьцзы, Вэй Цзянь. Могильник Циланшань в аймаке Чаючжун // Открытия и исследования сяньбийских захоронений в районе Внутренней Монголии (Нэй Мэнгу дицюй сяньбэй муцзан дэ фасянь хэ яньцзю). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. – С. 123–183. (на кит. яз.).

Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь. Краткий отчет о раскопках сяньбийского могильника Лабудалинь в аймаке Ээргунаю // Сб. статей по археологии Внутренней Монголии (Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи). – Пекин: Чжунго дэ байкэцюаньшу чубаньшэ, 1994. – Вып. I. – С. 384–396. (на кит. яз.).

Варенов А.В., Митько А.О., Митько О.А. Сяньбийское погребение с поясными украшениями из района Яньчи близ города Эрэн-Хото // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 193–198.

Варенов А.В., Митько О.А. Случайная находка из Западной Монголии // «Nota Bene». – Вып. 1. – Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. ун-та, 2007. – С. 110–112.

Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 408 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея) // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – Т. 3. – С. 156–169.

Тетерин Ю.В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2005. – Т. 4; вып. 5: Археология и этнография. – С. 52–64.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Украшения сяньби // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2006. – Т. 5; вып. 3: Археология и этнография. – С. 50–64.

УДК 902/904

Ю.Н. Гаркуша, А.В. Новиков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: garkusha@archaeology.nsc.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЙКАРСКОГО ГОРОДКА

В статье рассматриваются особенности деревянного домостроительства аборигенного населения Нижнего Приобья на примере исследованных авторами в 2012–2014 гг. архитектурных конструкций городища Усть-Войкарское I (Войкарского городка), относящихся к позднему Средневековью. Памятник содержит слой мерзлоты, вследствие чего хорошо сохранились артефакты из органических материалов. Выделены некоторые технологические принципы деревянного домостроительства, особенности интерьеров жилых помещений и пространственной организации поселения. Выявлены общие черты в домостроении и планиграфии с наиболее изученным поселенческим памятником коренных жителей севера Западной Сибири, относящимся ко второй половине II тыс. н.э., – Надымским городком.

Ключевые слова: *Нижнее Приобье, Войкарский городок, деревянная архитектура, домостроительство второй половины II тыс. н.э.*

The article deals with specific features of wooden architecture of autochthonous inhabitants in Lower Ob region. The work is based on the research results of architectural constructions at the medieval Voikarsky settlement (Ust-Voikarskoe I) made in 2012–2014. The archeological monument has a ice layer and it helps very much to save artifacts made of organic materials. The authors of the article point out some aboriginal techniques of building of wooden house building and give some characteristics of the interior living spaces and the plan of the settlement. They also reveal common features in architecture and planning structure of Voikarsky settlement and Nadymsky settlement (Nadymsky Gorodok), the archeological monument of aborigines of the North of Western Siberia, which has been already studied well. Nadymsky settlement existed in the 2nd half of the 2nd millennium A.D.

Keywords: *Lower Ob area, Voikarsky settlement, wooden architecture, architecture of a house of the 2nd half of the 2nd millennium A.D.*

Археологическое исследование городища Усть-Войкарское I (Войкарский городок) было начато в 2003 г. [Брусницына, 2003]. На протяжении пяти сезонов были исследованы с различной степенью полноты остатки более 10 построек, нескольких частоколов и настилов-мостков [Федорова, 2006; Этническая архитектура..., 2008]. Изысканиями была охвачена северо-западная часть возвышенности, занимаемая памятником, включая участок склона с подножием. Для исследованных в этот период строений были получены дендрохронологические даты. Образцы древесины, взятые от построек, расположенных у подножья холма, были датированы XIV и XV вв., на вершине холма – XVII – концом XIX в. [Гурская, 2008].

В 2012 г. работы на памятнике были продолжены: прирезкой к раскопам прошлых лет была расширена площадь исследования на северной оконечности холма [Новиков, Гаркуша, Шеин, 2013].

Основная часть исследованных ранее построек, занимающих верхнюю площадку возвышенности, относится к разным периодам XVII в. [Федорова, 2004]. В данной работе анализируются особенности архитектуры и интерьеров жилых помещений из комплекса застройки поселения, стратиграфическое положение которых, по нашему мнению, позволяет отнести время их бытования также к XVII, возможно, и к XVIII вв.

Жилые строения можно разделить на две группы: с длиной стен до 3 м, куда входят большинство исследованных нами домов; и более 6 м, куда отнесено единственное сооружение – постройка 7 (нумерация строений – продолжающаяся

с 2012 г.). Стратиграфически оно расположено выше, но в плане не перекрывает исследованные сооружения меньшей площади.

Первая группа представлена однокамерными постройками квадратной в плане формы. Несущие стены собирались из плах либо из бревен длиной 2,7–2,9 м, с использованием углового сопряжения «в чашу» (рис. 1). Отмечены случаи комбинирования различных видов углового соединения. Размер внутреннего пространства зависел от расстояния между противолежащими углами и находился в пределах 2,3–2,4 см.

Основания стен укладывались на предварительно уплощенную поверхность. При формировании нижнего венца первоначально укладывались бревна будущих передней и задней стен дома. Перед монтажом стен нижний венец фиксировался колышками. Выравнивание стен производилось подкладыванием под их основание обрубков древесины. Подготовка площадки для строительства заключалась в сооружении небольшого по глубине (0,20–0,25 м) котлована, по краю которого и укладывались нижние венцы. Использование котлованов могло быть и вторичным явлением, обусловленным необходимостью неоднократного ремонта или перестройки жилища, сопровождавшихся частичным или полным демонтажем несущих конструкций и изменением интерьера. Обновленное сооружение возводили нередко в тех же границах, что и предыдущее, но уже на новом уровне, сформированном накопленным за пределами жилища строительным мусором.

Примером такой модернизации является постройка 1. Основания стен после последней реконструкции были сооружены уже по периметру образованного таким образом котлована. Следствием неоднократного изменения интерьера является наличие по обе стороны от дверного проема остатков чувалов, которым, в свою очередь, предшествовал открытый очаг.

Реже встречаются постройки, стены которых набирались из горизонтально уложенных бревен, зафиксированных между вертикальными столбами и соединенных в углах встык (рис. 2).

В целом предварительная подготовка строительной древесины не отличалась тщательностью: основания сучков не были срублены, выравнивающая подтеска плоскостей в месте сопряжения бревен выполнена небрежно. Образовавшиеся при монтаже сруба зазоры в месте продольных стыков между стволами не всегда устранялись. В одном стеновом наборе использовалась древесина разных диаметров и длины. Также могли использоваться и неошкуренные бревна, в основном в нижних венцах.

Рис. 1. Войкарский городок. Постройка 3. Угловое соединение стен *в чашу*.

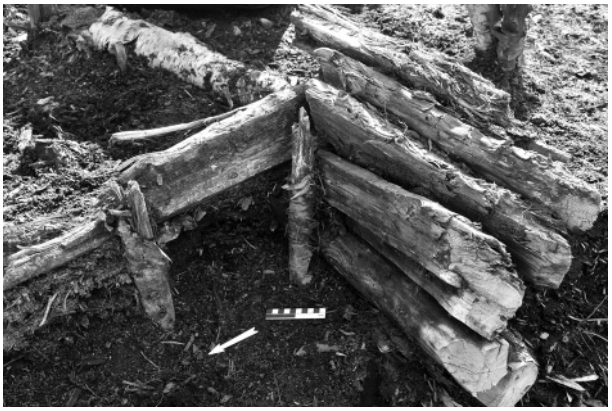


Рис. 2. Войкарский городок. Постройка 2А. Угловое соединение стен встык.

Для теплоизоляции могли использовать «завалинку» – дополнительное ограждение вокруг несущих стен; пространство между ними заполнялось щепой и грунтом.

В середине стены устраивался вход. Сохранились основания входных проемов (порогов), оборудованных для установки двери. Для построек, выполненных в разной строительной технике, конструкция порогов была схожей: продольный треугольный выруб, выполненный в боковой плоскости бревна второго венца, обращенный внутрь помещения. По обе стороны от него находились пазы различной формы для установки вертикальных стоек – деталей дверного проема. На горизонтальной плоскости выруба выполнялся паз с дополнительным углублением для установки и открывания двери. Вертикальная плоскость выруба ограничивала свободное вращение двери

и обеспечивала ее открывания только внутрь жилища. Дверь размещалась справа, реже – слева при входе в помещение.

Обнаружен пока единственный фрагмент дверного полотна. Оно набрано из нескольких досок, скрепленных поперечными планками, притянутыми к доскам с помощью веревок через сквозные отверстия. Размеры этой двери отличаются миниатюрностью – ее высота всего 0,52 м. Ширина двери реконструируется по длине порогового выруба, в исследованных постройках она варьировалась в пределах 46–72 см. Шарниры представляют собой единые с дверным полотном втулки.

Входы в дом были ориентированы в южном и восточном направлениях. Несмотря на различную ориентацию, в зависимости от положения постройки в структуре поселения, передний фасад был обращен на внутреннюю часть городища. Предвходовое пространство могло быть оборудовано коридором.

Очажные конструкции были открытыми либо выполнены в виде глиняных печей-чувалов. Первые – деревянные рамы, наполненные песком; находились по центру жилища. В заполнение очага, по периметру рамы, вбивались не менее 70–80 колышков. Чувалы сооружались в углу строения, образованном передней и боковой стенами дома, слева или справа от входа. В основании тепловых конструкций обоих типов находились углубления, куда и помещалась засыпка очага либо формировалось глиняное дно чувала

Типичной строительной практикой для жителей городка является использование строительного материала из демонтированных ранее построек. Визуально вторичная древесина определяется по наличию различных технологических пазов-вырубов или обработанных поверхностей, которые в данном контексте функционально не востребованы.

За все годы исследований вскрыта незначительная часть памятника. Однако и на основе имеющихся материалов можно предположить некоторые общие принципы планиграфии Войкарского городка.

Внешне пространственное размещение сооружений напоминает планировочную композицию Надымского городка в XVII – начале XVIII в. [Кардаш, 2009, с. 42, рис. 2.5, 2.6]. Такая структура предполагает наличие центральной улицы, протянувшейся по длинной оси поселения. Крупные постройки смещены вдоль длинной оси от торцевой части поселения и обращены входом на внутреннюю улицу, с которой соединялись небольшими коридорами. Периферийные поперечные сегменты поселения заняты плотной малоразмерной застройкой.

В пользу данного предположения свидетельствует расположение войкарских построек 6 и 8 со сторонами 5–6 м (раскопки 2004–2005 гг.): они смещены на юг вдоль оси холма. Вход располагался в восточной стене, т.е. ориентирован на внутреннюю часть поселения и дополнялся коридором [Федорова, 2006].

Периферийная северная часть занята кучной застройкой из небольших жилых строений первой группы. На верхнем участке раскопа площадью ок. 60 м^2 полностью оконтурены развалины восьми жилых сооружений, возведенных в разное время, не считая сопутствующих хозяйственных пристроек. Стратиграфически они приурочены к различным уровням культурного слоя и места их расположения перекрывали друг друга.

Распределение построек свидетельствует об отсутствии преемственности в развитии планировочных схем для этой части поселения. Некоторые функционировали длительное время и видоизменялись в границах, заданных еще на раннем этапе строительства. Размещение других было невозможно без частичного демонтажа уже существовавших на тот момент конструкций. При этом менялась и планировка дома, например, вход мог быть ориентирован в другую сторону. Вместе с тем основания несущих стен служили фундаментом для последующей постройки. В другом случае освободившаяся для строительства площадка вторично использовалась после того, как очертания руин нивелировались накопленным строительным мусором.

Наблюдаемый своеобразный архитектурный палимпсест может свидетельствовать об интенсивной строительной деятельности на периферии городища, по сравнению с территорией в средней его части.

Отметим, что общие черты с Надымским городком прослеживаются не только в принципах организации пространства поселения в указанный период, но и в архитектуре отдельных строений, прежде всего с постройками, расположенными в т.н. остяцких кварталах, приуроченных к периферийному сегменту поселения. К таковым относятся небольшие размеры жилищ, конструкция дверного проема и его миниатюрность, принцип открывания двери, поверхностное использование технологических приемов, применяемых в домостроительстве и др. [Кардаш, 2009, с. 48, 53–54, 62].

Список литературы

Брусницына А.Г. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: мат-лы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 45–52.

Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 212–231.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Шеин А.Н. Археолого-геофизические исследования Войкарского городка в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 305–309.

Федорова Н.В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. – Новосибирск: АртИнфоДата, 2004. – Вып. 2. – С. 106–108.

Федорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Науч. вестн. – Салехард, 2006. – № 4. – С. 11–17.

Этническая архитектура и традиционное природопользование в проекте музейной экспозиции под открытым небом // Мужи: 65-я параллель / Н.П. Анисимов, А.А. Арефьева, А.Г. Брусницына, К.А. Ощепков, С.С. Рогозин, Л.Ю. Рогозина, Н.В. Федорова. – Екатеринбург: Созвездие, 2008. – С. 43–48.

УДК 904.5

Ю.В. Герасимов, М.А. Корусенко

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ngajapti@yandex.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЧЕРТАЛЫ: РАСКОПКИ 2014 ГОДА И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье изложены предварительные итоги исследований курганно-грунтового могильника Черталы в Тарском Прииртышье. Некрополь содержит погребения трех типов, которые можно соотнести с различными этнокультурными группами. Наиболее ранний комплекс относится к усть-ишимской археологической культуре XI–IV вв. Погребения второй группы могут быть датированы XV–XVI вв. и отражают самодийские культурные влияния. Наконец, наиболее поздние захоронения относятся к XVII–XVIII вв. и могут быть соотнесены с предками тарских татар. Исследования могильника позволили получить ценные материалы для изучения этногенеза и этнической истории аборигенного населения Омского Прииртышья.

Ключевые слова: *средневековая археология, курганно-грунтовые могильники, Тарское Прииртышье, погребальный ритуал.*

The article gives an account of the preliminary results of studies of the Chertaly barrow-ground cemetery in Tara-Irtysh region. The necropolis contains the graves of three types, which can be correlated with various ethno-cultural groups. The earliest complex refers to the ust-ishim archaeological culture of the XI–XIV centuries. The burials of the second group can be dated back to the 15th and 16th centuries, and reflect the cultural influence of the Samoyedic. Finally, the most recent entombments belong to the XVII–XVIII centuries and may be correlated with the ancestors of the Tara Tatars. The study of the burial ground has provided valuable materials for the research of ethnogenesis and ethnic history of the Aboriginal population of the Omsk Irtysh region.

Keywords: *medieval archaeology, Barrow-ground burial, funeral ritual, Tara-Irtysh region.*

Комплекс археологических памятников на правобережье р. Тара в окрестностях д. Петропавловка был открыт и частично исследован Б.В. Мельниковым в 1988–1990 гг. [1989; 1990]. В его составе были выделены поселение Черталы-1, датированное XVII–XVIII вв., могильники Черталы-3 (того же времени) и Черталы-2, -4 (XIII–XIV вв.).

Погребальные памятники расположены на южной части мыса, образованного изгибом коренной террасы р. Тара, в направлении север-северо-запад – восток-юго-восток. Терраса в этом месте достигает высоты 14 м над уровнем поймы. Южный склон террасы в 50 м от мыса разрезан глубоким оврагом. Вдоль южной кромки мыса общим направлением юго-восток – северо-запад вытянута цепочка из 12 курганных насыпей. Вторая цепь курганов расположена перпендикулярно первой на некотором расстоянии от западного края террасы. Пространство между курганными рядами заполнено небольшими насыпями овальной или подпрямоугольной формы, образующими хорошо читаемые рядные структуры. Овраг делит могильное поле на две части: западную, в которой более крупные насыпи численно преобладают, и восточную, где преобладают насыпи меньших размеров. Б.В. Мельников разделил курганы и могильные насыпи на два разных памятника, обозначив их как грунтовый могильник Черталы III и курганный могильник Черталы IV. Отдельным памятником Черталы II он считал насыпи, расположенные за оврагом. Раскопы Б.В. Мельникова охватили западную часть могильника Черталы II и две курганных насыпи Черталы IV. Результаты работ были частично опубликованы в небольших заметках [Мельников, 1991, с. 145–146; Мельников, Дрягин, 1988, с. 54–57]. Часть материалов не была доведена до отчетов, а полевая документация и коллекция артефактов серьезно пострадали после затопления одного из помещений Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность дальнейших исследований могильника, который является ценным источником для изучения этнографо-археологического комплекса тарских татар и этнокультурной истории сибирских татар.

Изучение могильника было продолжено в 2010–2013 гг. экспедицией ОФ ИАЭТ СО РАН под руководством М.А. Корусенко. Раскопы были расположены к югу и к востоку от раскопа Б.В. Мельникова, в наиболее ранней части могильника. В результате работ было изучено 31 погребение из состава грунтового могильника и 4 курганных насыпи, относящихся к памятнику Черталы IV [Корусенко, 2012; Здор, 2013]. Некоторые предварительные итоги работ были подведены в серии публикаций [Баранова, Герасимов, Корусенко, 2012, с. 164–170; Корусенко, Герасимов, 2014, с. 73–78].

В составе коллекции памятника можно выделить три культурно-хронологических группы (КХГ).

1. КХГ бронзового века включает фрагменты плоскодонных керамических сосудов, орнаментированных оттисками палочки, мелкозубой гребенки и гладкого штампа. Находки этой группы дисперсно встречались на всей площади раскопа, но наибольшая концентрация их отмечена в южной и юго-западной частях. К этой же группе следует отнести единичные находки каменных изделий (две пластины и скребок).

2. КХГ развитого Средневековья соотносима с погребениями в курганах. К этой группе относятся керамические сосуды (могила № 217, кург. № 8, 13), обломок железного черешкового ножа (могила № 217), пастовые бусины (могила № 217), арочные шумящие подвески (могила № 217), бляшки из свинцового сплава (могила № 217, курган № 14, 13), а также предметы вооружения, происходящие из погребения кургана № 13. Могильные ямы ориентированы по линии запад – восток, перекрыты округлыми насыпями высотой до 1,2 м, зафиксировано ритуальное использование огня. Особенности погребального обряда и вещевой комплекс позволяют отнести захоронения под курганами к усть-ишимской культуре. При раскопках насыпей № 10, 13 были зафиксированы следы ритуального ограбления погребений. Грабители вскрыли насыпи, извлекли костяки погребенных, разрубили крупные кости скелетов, а затем ссыпали их в беспорядке в ямы и закрыли их, восстановив внешний облик курганов. Мы предположили, что указанные действия преследовали цель ритуальной очистки местности.

3. КХГ позднего Средневековья связана с погребениями под небольшими насыпями северо-западной ориентации. Для большинства предметов этой группы известны параллели в погребальных и поселенческих комплексах аборигенного населения Западной Сибири XVII–XVIII вв. В составе коллекции присутствуют украшения, детали погребального костюма, орудия труда и предметы вооружения, серебряные монеты (копейки) конца XVII в. Захоронения совершены в ямах подпрямоугольной формы, ориентированных по линии северо-запад – юго-восток. Вокруг могилы, как правило, фиксируется ров с одной или двумя перемычками. Высота овальной в плане насыпи не превышает полуметра. Вещевой комплекс и особенности погребального обряда позволяют интерпретировать выделенный комплекс как принадлежащий локальной группе тарских татар.

По итогам работ можно обоснованно утверждать структурную связь раннего курганного могильника и более позднего грунтового: насыпи первого образуют основания рядов второго. Именно близ курганов расположены наиболее ранние захоронения второго комплекса.

Работы 2014 г. планировались как финальные, целью которых было получить статистические подтверждения выдвинутых ранее гипотез о культурно-хронологической и пространственной структурах могильника. Для решения поставленных задач было решено прирезаться к северо-восточному углу раскопа 2013 г. по его северной и восточной стенкам (рис. 1). Раскоп 2014 г. охватил 14 насыпей разного размера из состава грунтового могильника и один небольшой курган; восточная граница раскопа практически достигла

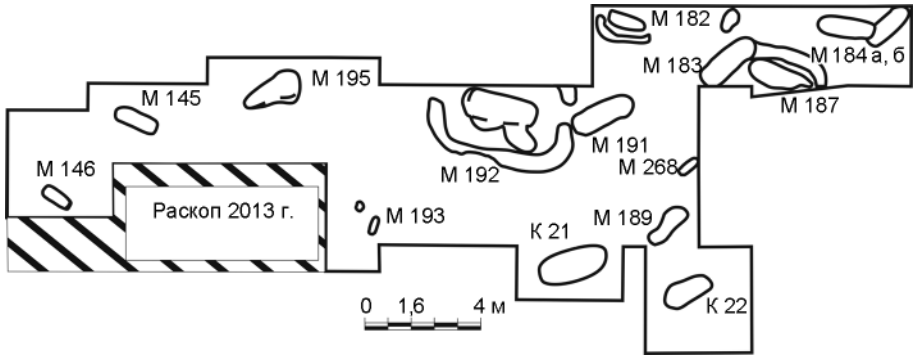


Рис. 1. План расположения погребений в раскопе 2014 г.

склона оврага. Общая площадь вскрытия составила 164 м^2, исследовано 16 захоронений и жертвенный комплекс, вероятно, соотносимый с курганным могильником усть-ишимской культуры. Шесть захоронений, судя по таким деталям, как ориентация погребенных, ровики вокруг могил, размеры и форма насыпей и могильных ям, могут быть отнесены к позднему комплексу. Остальные погребения отличаются, прежде всего, ориентацией умершего головой на северо-восток, что позволяет выделить третью группу захоронений в составе могильного комплекса. Сопроводительный инвентарь в погребениях этой группы относительно небогат: единичные находки наконечников стрел, железные ножи, бусины. Большинство могил перекрыто невысокими, до 0,4 м, насыпями овальной формы, ориентация которых совпадает с ориентацией ямы. Особенностью погребального ритуала этой группы можно считать наличие керамических сосудов в захоронениях (рис. 2, *а*). На этом фоне резко выделяется погребение в кург. № 21. Насыпь кургана округлых очертаний, диаметром до 4,5 м и высотой 1,2 м, нарушена грабительским прокопом глубиной до 0,4 м, расположенном в центре. Умерший лежит вытянуто на спине, головой на северо-восток, в яме глубиной 0,8 м. Сопроводительный инвентарь включает бронзовый котел с остатками заупокойной пищи, набор железных и костяных наконечников стрел, детали колчана, железные кольчатые удила, бронзовое зеркало в берестяном чехле (рис. 2, *б*). На лицевой части черепа зафиксированы остатки погребальной маски в виде трех бронзовых фигурок рыбок, расположенных на глазницах и ротовом отверстии, и клыка животного на месте носа. В двух случаях удалось установить, что погребения с северо-западной ориентацией перекрывали могилы третьей группы.

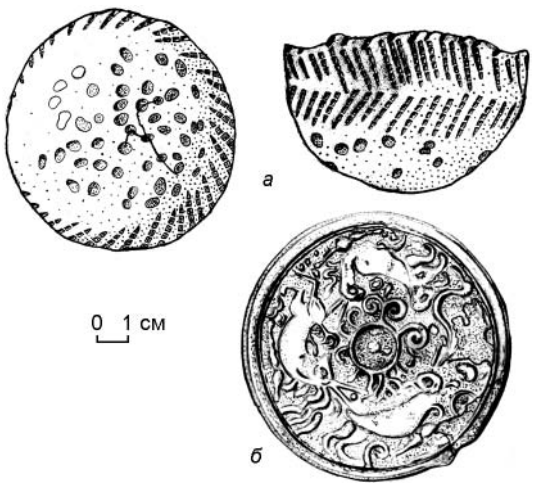


Рис. 2. Инвентарь погребений.
а – сосуд из мог. № 195; *б* – зеркало из мог. 1 кург. № 21.

Таким образом, в результате работ 2014 г. в составе курганно-грунтового могильника Черталы удалось выявить неизвестный ранее погребальный комплекс, ближайшие аналоги которого можно увидеть в могильнике Крючное-6, расположенном выше по течению р. Тара [Молодин и др., 2012]. Хронологически выделенный комплекс занимает промежуточное положение между курганами усть-ишимской культуры и невысокими насыпями, соотносимыми с погребениями возможных исторических предков современных тарских татар. Некоторые особенности ритуала и компоненты вещевого комплекса позволяют предполагать культурное влияние таежного (южнохантыйского или самодийского) населения.

Список литературы

Баранова Н.С., Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Средневековые погребения из состава могильника Черталы-4: некоторые результаты изучения // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 164–170.

Здор М.Ю. Отчет об археологических раскопках могильника Черталы III, IV в Муромцевском районе Омской области в 2012 г. Омск, 2013 // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 48-1.

Корусенко М.А. Отчет об археологических раскопках поселения Черталы I, могильника Черталы III, IV на территории Муромцевского района Омской области в 2010–2011 гг. Омск, 2012 // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 39-1.

Корусенко М.А., Герасимов Ю.В. Раскопки некрополя Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2013 г.: археология, этнография, устная история. – Павлодар: Павлодар. гос пед. ин-т, 2014. – Вып. 9. – С. 73–78

Мельников Б.В. Отчет о работе археолого-этнографической комплексной экспедиции в окрестностях д. Черталы Муромцевского района Омской области летом 1988 г. Омск, 1989 // Архив МАЭ Омск. гос. ун-та. Ф. 2. Д. 62-1.

Мельников Б.В. Отчет об археологических раскопках поселения Черталы-1 в 1989 г. Омск, 1990 // Архив МАЭ Омск. гос. ун-та. Ф. 2. Д. 66-1.

Мельников Б.В. Поздние погребальные памятники таежного Прииртышья // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1991. – С. 145–146.

Мельников Б.В., Дрягин В.В. Место базового памятника в системе этнографо-археологического комплекса (постановка вопроса) // История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Археология Западной Сибири. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1988. – С. 54–57.

Молодин В.И., Новиков А.В. Поздняков Д.В., Соловьев А.И. Познесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 162 с.

УДК 903.1

А.Е. Гришин[1], Ж.В. Марченко[1, 2], Ю.Н. Гаркуша[1], Г.И. Галямина[3], Л.В. Назарова[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Дом детского творчества «Центральный», Новосибирск
E-mail: artem-grishin@mail.ru

НОВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КРОХАЛЕВКА-5, -11 (Новосибирское Приобье)*

Начат новый этап комплексного полевого изучения памятников могильника Крохалевка-5 и поселения Крохалевка-11. Объекты являются частью Крохалевского археологического микрорайона – одного из крупнейших в Новосибирском Приобье. На площади 265 м^2 изучено 105 археологических объектов различной культурно-хронологической принадлежности. На памятниках выявлены остатки конструкции энеолита – ранней бронзы, обнаружено 21 погребение. Атрибутированные ритуальные комплексы относятся как минимум к четырем различным некрополям: доандроновской погребальной традиции (крохалевская культура?), андроноидного облика, раннего железного века (большереченская культура) и Средневековья (первая половина II тыс. н.э.).

Ключевые слова: *Крохалевский археологический микрорайон, могильник, поселение, голоцен, Новосибирское Приобье.*

The new stage of the complex field research was started on the burial ground Krokhalevo-5 and on the settlement Krokhalevo-11. These objects are part of Krokhalevo Archaeological Micro District which is one of the largest in the Ob River valley in the Novosibirsk Region. We investigated 105 archaeological complexes with different cultural and chronological attributions on the 265 sq.m. There were found traces of the Eneolithic – Bronze Age construction and 21 burials. Ritual objects belong at least to 4 different burial grounds: Bronze Age (before Andronovo Period (Krokhalevo culture?) and Mix Andronovo culture group), Early Iron Age (Bolsherechenskaya Culture) and Medieval Time (1st half of II thousand AD).

Keywords: *Krokhalevo Archaeological Micro District, burial ground, settlement, Holocene period, Ob River valley in the Novosibirsk Region.*

Курганный могильник Крохалевка-5 и поселение Крохалевка-11 расположены в Коченевском районе Новосибирской обл., относятся к центральной части Крохалевского археологического микрорайона (АМР) – одной из крупнейших концентраций археологических памятников Приобья [Молодин, Мыльникова, Новиков, 1994; Сумин и др., 2013]. АМР располагается вдоль западного края Кудряшовского бора, на берегу системы старичных озер и р. Чаус, образовавшихся на месте древнего рукава р. Обь.

Курганный могильник, большинство насыпей которого являются средневековыми, частично перекрывает поселенческие слои раннего железа, бронзового века и ранние погребения. Памятники были открыты В.И. Молодиным [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 69, 70], изучались Т.Н. Троицкой, Е.А. Сидоровым, Г.И. Галяминой, А.В. Новиковым, С.Г. Росляковым, В.А. Суминым, И.А. Дураковым. Наибольшую площадь объектов (ок. 500 м^2) исследовала в 1987, 1997 и 1998 гг. Г.И. Галямина, выявившая, помимо известных культурных горизонтов, грунтовый могильник эпохи неолита – ранней бронзы [1987].

Актуальность проведенных в 2014 г. и запланированных на следующий год полевых работ заключается в необходимости продолжения изучения одного из крупнейших АМР региона,

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-18057) и Администрации Новосибирской области.

в аварийном состоянии ряда его объектов, а также в развитии научной составляющей достопримечательного места Новосибирской обл. «Кудряшовский бор». Основная цель – поиск следов ранних некрополей и разновременных поселений, информация о которых носит пока фрагментарный характер.

Раскоп располагался на приусадебном участке, в центральной части памятника и включал три курганные насыпи и часть раскопа 1998 г. (рис. 1). В отличие от раскопов предыдущих лет, участок 2014 г. ориентирован согласно границам мысовидного останца второй надпойменной террасы, на котором располагается прибрежная часть памятников. На площади раскопа и прилегающей территории (более 2500 м^2) специалистами ОИГГМ СО РАН были проведены геофизические разведочные работы с целью отработки методики поиска углубленных объектов, перекрытых земляными насыпями (рук. – науч. сотр. ИАЭТ СО РАН О.А. Позднякова).

В итоге на площади 265 м^2 были исследованы 105 разновременных археологических объектов, относящихся ко всем известным на данных памятниках культурно-хронологическим горизонтам. Первыми на Крохалевке-5, -11 являются остатки слабоуглубленного сооружения эпохи энеолита – ранней бронзы с очагом и участки двух рвов пока неясной атрибуции. Следует упомянуть и новую серию ям раннего железного века с многочисленным фаунистическим и ихтиологическим материалом. Значимым является обнаружение 21 погребения, относящегося как минимум к четырем разновременным некрополям (рис. 1). Большинство могил потревожено еще в древности и не имели инвентаря, но следы погребальной практики позволяют провести их культурно-хронологическую атрибуцию, которую мы и предлагаем в настоящей статье.

К разным периодам эпохи бронзы отнесены две не связанные с насыпями, параллельные цепочки могил, ориентированные вдоль края террасы. *Первую группу* составляют три средне и слабо углубленные непотревоженные могилы, где умершие были помещены вытянуто на спине, головой на северо-восток (погр. 16, 19, 23 – рис. 2, *1*). В этом небольшом ряду зафиксировано парное и ярусное размещение умерших,

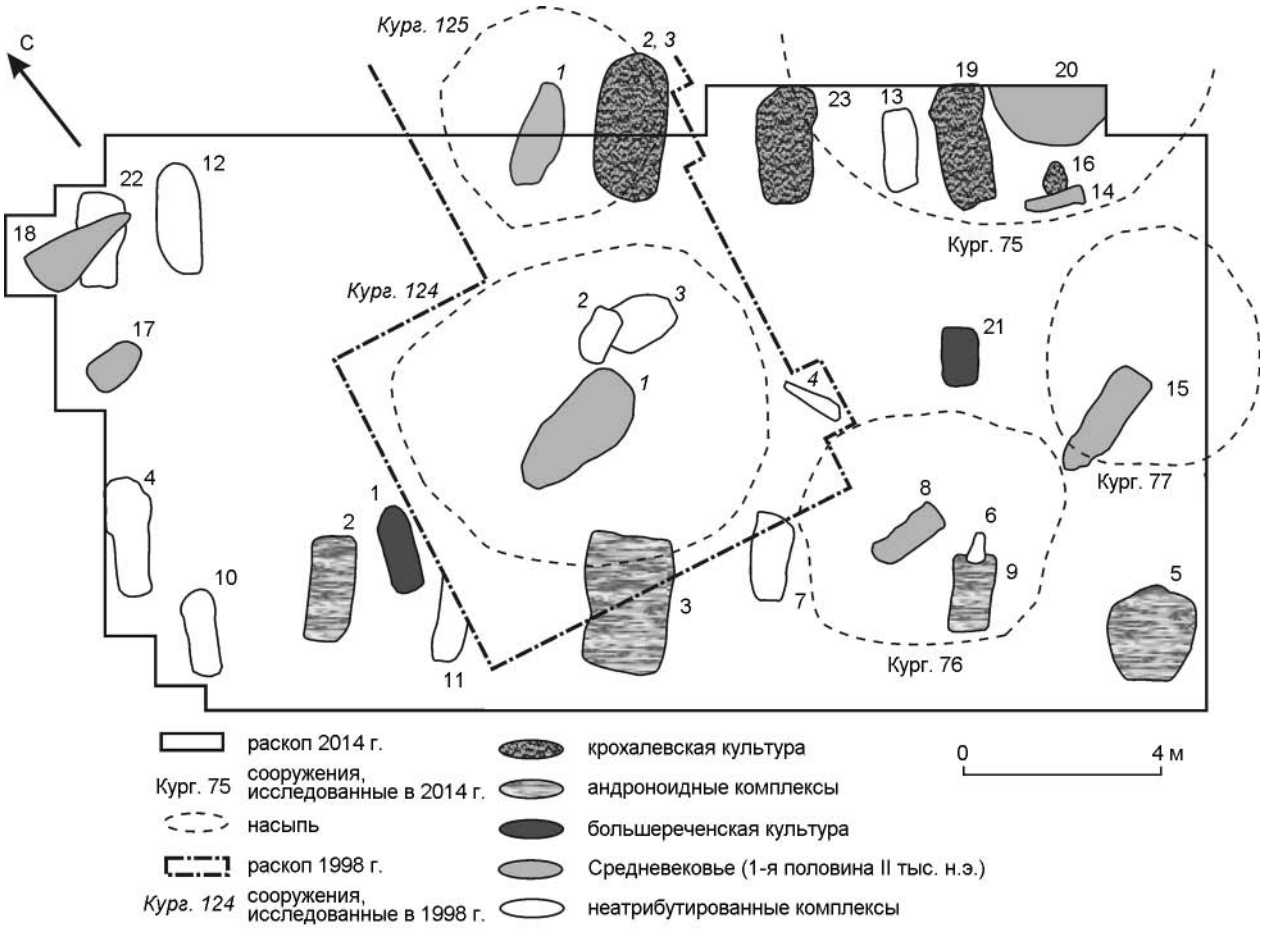


Рис. 1. Крохалевка-5, -11. Расположение погребений в раскопе 2014 г. и части раскопа 1998 г.

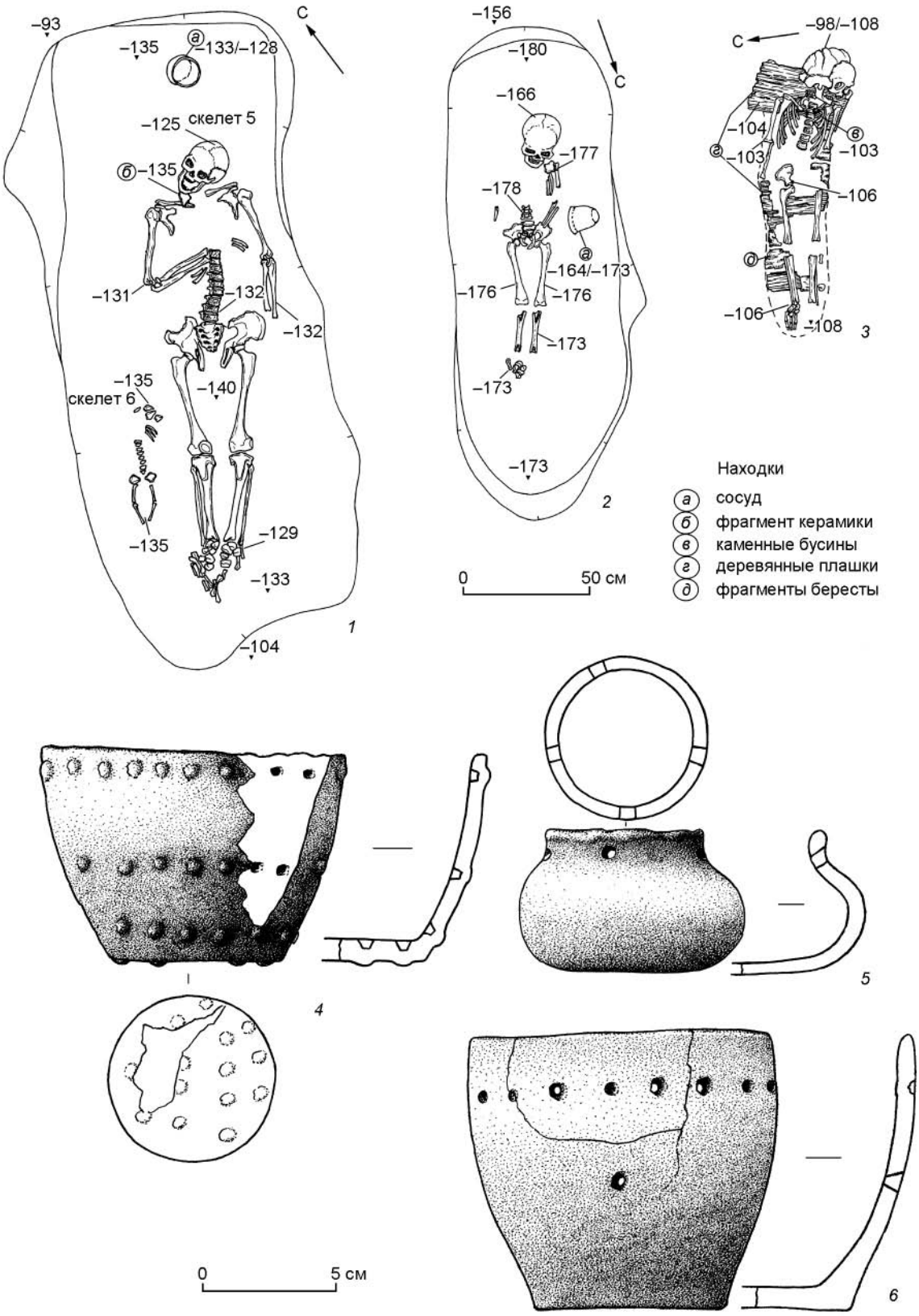


Рис. 2. Крохалевка-5, -11. Планы погребений 19 (*1*), 1 (*2*) и 14 (*3*). Керамические сосуды из могил 19 (*4*), 21 (*5*) и 1 (*6*).

ингумация частично обожженных на стороне тел и не тронутых огнем останков. Инвентарь взрослых представлен каменной прямоугольной плиткой, костяным предметом с насадом и целым сосудом (ярусное погребение № 19). Плоскодонный баночный сосуд открытой формы, украшенный горизонтальными рядами «жемчужин» по тулову и дну, располагался в изголовье (рис. 2, *4*). В облике сосуда присутствуют явные крохалевские черты как в морфологии (открытая банка), так и в декоре («жемчужины»). В погребении 19 один из детей был снабжен несомкнутой бронзовой и двумя свинцовыми серьгами. Примечательно, что погребение взрослого индивида в этом же ряду, исследованное Г.И. Галяминой в 1998 г., содержало поясную зооморфную каповую пряжку. Аналогичные предметы «в виде стилизованной головы медведя» известны на Алтае и в Барабинской лесостепи и связаны с культурами развитой бронзы – каракольской и одиновской [Молодин, 2012, с. 169–171]. Найденные в 2014 г. металлические украшения и каменная пластина также демонстрируют эпохальную близость с указанными традициями. Не исключаем, что нами идентифицированы первые погребальные комплексы крохалевской культуры.

Вторая группа могил эпохи бронзы демонстрирует иные ритуальные традиции (погр. 2, 3, 5, 9). В четырех сравнительно глубоких могилах с подпрямоугольным и округлым контуром были зафиксированы остатки деревянных конструкций. Комплексы нарушены, но в одном случае можно предположить первоначальную позу погребенного – вытянуто на спине, головой на северо-восток (погр. 3). Сравнительно небольшая длина могилы 5 указывает на то, что взрослый погребенный, разрозненные кости которого обнаружены в заполнении, вероятно был расположен скорченно на боку или на спине с согнутыми вверх коленями. Металлических изделий в комплексах нет, но на некоторых перемещенных костях были зафиксированы окислы меди (погр. 3). Остальные находки представлены немногочисленным переотложенным керамическим материалом кротовско-елунинского или андроноидного облика. Несмотря на фрагментарность картины, относительную близость можно наблюдать, например, с могилами елунинской культуры [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 268, рис. 28 и др.], черноозерскими комплексами [Генинг, Стефанова, 1993, с. 36, рис. 2; с. 46, рис. 12 и др.] и погребениями андроноидного пласта Еловского могильника II [Матющенко, 2004, с. 14–180, 334, 335 и др.]. Вторая группа не выглядит однородной и планиграфически, скорее всего, могилы относятся к различным по времени и культуре некрополям эпохи развитой бронзы.

К эпохе *раннего железного века* отнесены два погребения с останками детей (погр. 1, 21). Курганных насыпей над могилами нет. Умершие погребены на значительном расстоянии друг от друга в неглубоких ямах, уложены на дне вытянуто на спину, головой в пределах юго-западного румба (рис. 2, *2*). Обнаружены целые керамические сосуды, расположение которых в обоих случаях практически идентично – в придонном заполнении, справа или слева от тела, у центра продольной стенки, на боку, устьем к погребенному. Первая емкость – плоскодонная банка хорошего качества, со следами лощения, орнаментирована одним разряженным рядом ямок вдоль венчика (погр. 1 – рис. 2, *6*). Негативы ямок с внутренней стороны сильно заглажены. Сквозные отверстия на сосуде – следы ремонта. Второй сосуд низкий, неорнаментированный, с прямой шейкой, раздутым туловом, уплощенным дном и отверстиями для подвешивания (погр. 21 – рис. 2, *5*). Керамика и следы погребальной практики с большой долей определенности указывают на большереченскую (или каменскую) принадлежность комплексов [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 24–26].

Был расширен и состав *средневековых* погребений могильника Крохалевка-5 (погр. 8, 14, 15, 17, 18). Под двумя полностью исследованными насыпями обнаружены два комплекса, еще одна могила располагалась под периферией частично исследованной насыпи (погр. 14). Над двумя другими могилами, расположенными парой, насыпь отсутствовала или не сохранилась (погр. 17, 18). Рвы под насыпями не зафиксированы. Все могилы со взрослыми сильно нарушены, комплексы с детьми – нет. Погребенные уложены вытянуто на спину, головой в широтном направлении (два в западном, три в восточном). Контуры всех ям имели выраженные углы у изголовной стенки и значительно сужались к ногам. Углы в этой части ямы были сильно закруглены или край ямы был оформлен в один острый угол. Зафиксирована многоуровневая «изоляция» умершего: слой бересты поверх деревянного перекрытия из продольных плашек, берестяной «саван» и две-три деревянные поперечины на дне могилы, под телом умершего. Из этих комплексов происходят костяной язычок от подпружной пряжки, фрагменты берестяного изделия (чехла?), четыре бусины из разных пород камня, фрагменты текстиля (шелк и шерсть) и обломок бронзового изделия. Высокая степень нарушения не позволяет датировать сооружения точнее, чем 1-я пол. II тыс. н.э.

Это не противоречит более узкой датировке могильника XIII–XIV вв., предложенной на основе анализа предметов из комплексов, изученных в 1987 г. (срединная костяная накладка на лук, железные наконечники стрел и ножи) [Галямина, 1987].

Остальные комплексы нельзя атрибутировать по причине нарушенности или «лаконичности» информации. Но очевидно, что перед нами, хоть зачастую и «открытые», но в целом достаточно информативные ритуальные объекты. Наиболее оригинально на фоне древностей всего Крохалевского АМР выглядят объекты обеих групп культурно-хронологического горизонта бронзового века. Очень вероятно, что нами обнаружены погребения ранее не выделенной крохалевской погребальной традиции (первая группа). Отметим, что радиоуглеродное датирование объектов на данных памятниках и для АМР в целом практически не производилось, и, особенно в ситуации высокой степени нарушенности могил, является чрезвычайно актуальным.

Список литературы

Галямина Г.И. Отчет о работах Коченевского отряда на памятнике курганный могильник Крохалевка-5 в Коченевском районе (1987 г.) // Архив ИА РАН. Д. 12429.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1994. – 67 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. – 333 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – 468 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новиков А.В. Крохалевский археологический микрорайон // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1994. – С. 76–78.

Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия Новосибирской обл., 2013. – 272 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск, Наука, 1980. – 184 с.

УДК 903’1(1-925)

С.В. Жилич[1], Н.А. Рудая[1, 2], С.К. Кривоногов[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт геологии и минералогии СО РАН
E-mail: snezhy@yandex.ru

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ОБИТАНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В работе представлены новые палинологические данные, полученные из колонки донных отложений оз. Большие Тороки (Каргатский р-н Новосибирской обл.), позволяющие реконструировать изменение климата и растительности на территории Барабинской лесостепи за последние 7 тыс. лет. Наиболее значительные изменения климата происходили в эпохи бронзы и раннего железа. В работе сопоставляются вновь полученные и уже имеющиеся палеоэкологические данные с археологическими материалами по памятникам эпохи бронзы и раннего железа с целью выявления закономерности в изменении типов хозяйствования и миграционной активности в ответ на изменения климата.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, бронзовый век, палеоэкологическая реконструкция, палинологический анализ.*

Variety of different cultures with different economies used to inhabit the south of the Baraba forest-steppe (Western Siberia) from Neolithic to modern time. Holocene environmental changes are hypothesized to have had a significant influence on the development of the human societies in this region. Many well-studied world-famous unique archeological objects from the Bronze and Iron Ages are situated in Southwest Siberia (Chicha, Tartas, etc.) they can provide us archeological evidences of possible climatic influence on economies.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Bronze Age, Holocene environmental changes, pollen analysis.*

Барабинская лесостепь – узкая полоса равнинной области (до 150 км) между обширными территориями степи на юге и тайги на севере Западной Сибири. Сочетание пологого рельефа, близости грунтовых вод, многочисленных озер и большого количества годовых осадков [Гвоздецкий, Михайлов, 1978] в совокупности с резко континентальным климатом порождает уникальные экологические условия для существования человека. Этот край богат рыбой, зверем, птицей и всегда был привлекателен для древнего и современного человека, что подтверждается многослойными археологическими памятниками разных эпох, обнаруженными и исследованными на территории Барабинской лесостепи (Чича-1, Крохалевка-1, Тартас-1, Преображенка-6 и др., [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996; Сумин и др., 2013]).

Изменения климата часто рассматриваются как одна из причин миграции населения или вытеснения одной культуры другой. Однако имеющиеся палеоэкологические данные противоречивы и не дают точной картины динамики климата и растительности Барабы, а также смещения границ таежной, лесостепной и степной зон в голоцене (рис. 1). Для решения части этих проблем нами было выполнено палинологическое исследование колонки донных отложений оз. Большие Тороки, количественная реконструкция доминирующих типов растительности методом биомизации и сопоставление полученных палеоэкологических данных с имеющимися археологическими.

Скважина, пробуренная в центре оз. Большие Тороки (55.3935˚ с.ш., 80.6186˚ в.д.; глубина 0,5 м), расположенного в Каргатском р-не Новосибирской обл., вскрыла сапропелевые отложения мощностью 1,7 м. Четыре радиоуглеродные даты, полученные с глубин 30, 70, 122 и 140 см, позволили построить надежную возрастную модель и реконструировать изменения растительности и климата Барабы последних семи тысяч лет (рис. 2). Образцы по 2,5 мл отбирались из керна озерных отложений через каждые 2 см (83 образца). Химическая обработка проводилась по стандартным методикам [Faegry, Iversen, 1989]; готовый

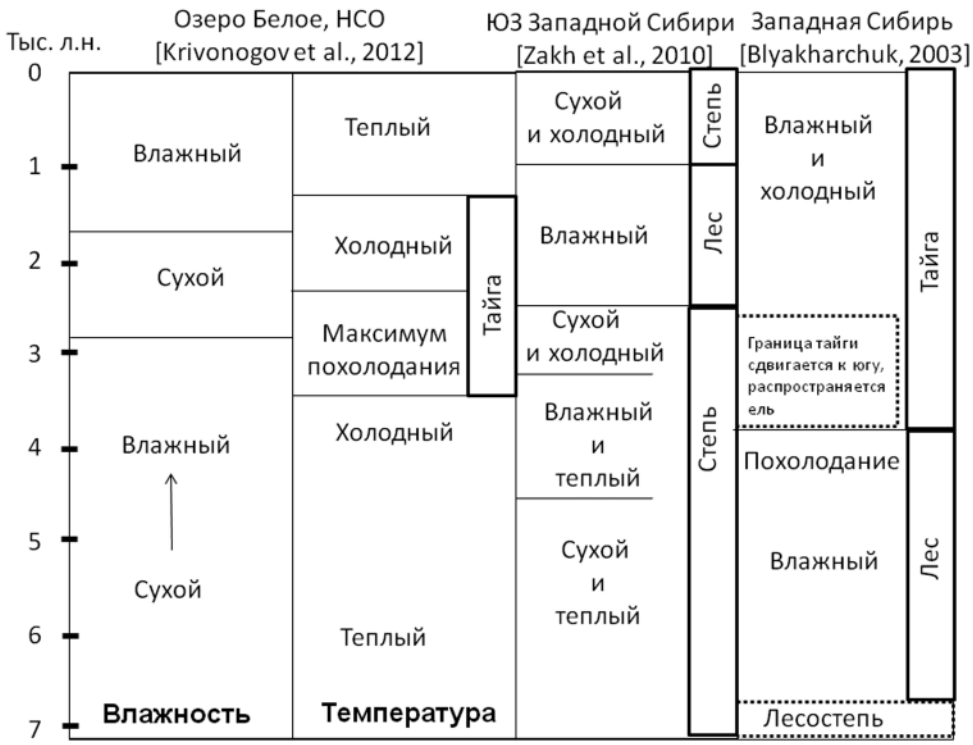


Рис. 1. Сводная таблица данных о палеоклимате Западной Сибири.

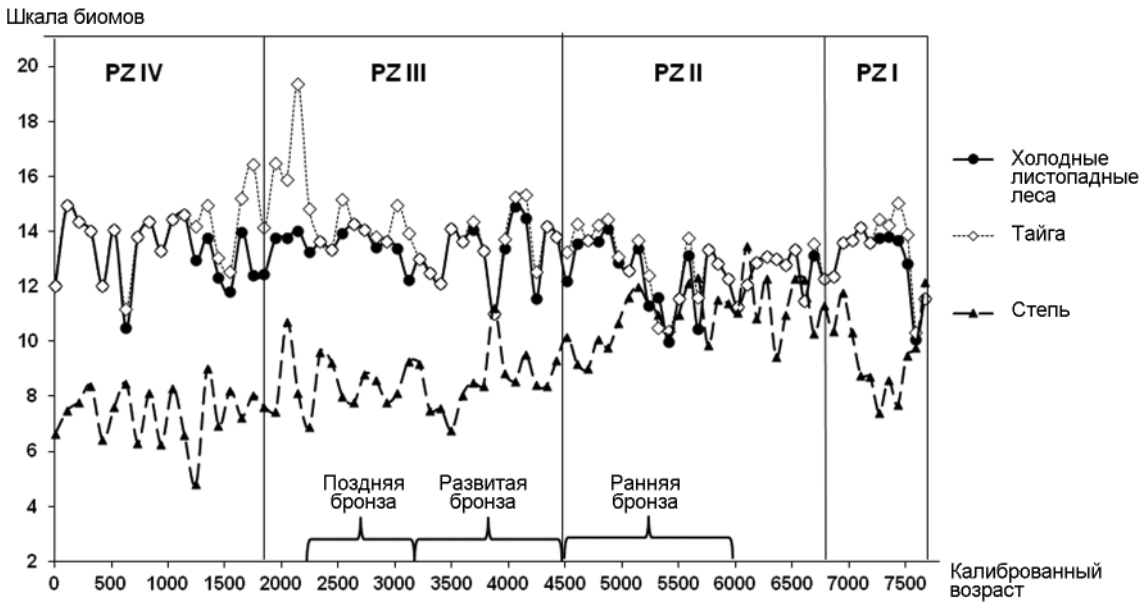


Рис. 2. Реконструкция типов растительности (биомов) по палинологической записи оз. Большие Тороки.

препарат изучался под микроскопом с увеличением в 400 раз; определение и подсчет пыльцы до семейств и родов проводилось с использованием атласов и эталонной коллекции ИАЭТ СО РАН. Типы растительности (биомы) выделялись с применением статистического подхода, известного как метод биомизации [Prentice et al., 1996]. Для нашей колонки доминирующими оказались биомы тайги, степи и холодного листопадного леса (рис. 2).

В результате проведенного палинологического анализа были выделены четыре палиноло-

гические зоны (PZ I – PZ IV). PZ I (170–150 см; 7150–6760 калиб. л.н.) соответствует периоду позднего неолита. Палиноспектры и биомы этой зоны позволяют реконструировать теплый влажный климат с доминированием таежной растительности. В районе озера произрастали хвойные леса. Население Барабы в этот период активно занималось рыболовством, о чем свидетельствует большое количество рыболовных принадлежностей в находках на стоянках и наоборот крайне малое количество орудий для охоты [Молодин и др., 2011].

PZ II (150–90 см; 6760–4500 калиб. л.н.) характеризует период ранней бронзы. В начале зоны резко меняется состав палиноспектров: появляется береза, исчезает ель и уменьшается количество сосны. В этот период можно предполагать относительно резкое иссушение климата, граница степи продвинулась на юг, а тайги – на север. К середине зоны исчезает пыльца околоводных растений, что может свидетельствовать о пересыхании озера. Наиболее сухой период отмечается в IV тыс. до н.э. В конце III – начале II тыс. до н.э., в начале периода развитой бронзы, в Барабинской лесостепи расселились представители кротовской культуры со смешанным типом хозяйствования. Они занимались охотой, рыболовством и скотоводством. В этот же период начались импульсные миграции носителей андроновской историко-культурной общности в лесостепь и продолжались до первой половины II тыс. до н.э. На материалах памятника Тартас-1 было показано, что в это время шел процесс интенсивной, но постепенной «андронизации» кротовской культуры [Молодин, 2011].

Андроновцы жили оседло в долговременных полуземлянках. Их поселки располагались в долинах рек, богатых пастбищами и плодородными землями, пригодными для земледелия. В стаде преобладали крупный рогатый скот, овцы, лошади. В хозяйственной деятельности преобладало скотоводство и земледелие, охота и рыболовство большого значения не имели.

PZ III (90–36 см; 4400–2000 калиб. л.н.) соответствует периодам развитой и поздней бронзы. В ней преобладает лесостепная растительность, снижается роль типично степных элементов (полыни и маревых) и немного увеличивается вес биома холодного листопадного леса. Также отсутствует пыльца околоводных растений. Геоархеологические данные о расположении многослойного памятника Каргат-6 (ранняя – поздняя бронза) на нижней террасе реки Каргат и памятников Михайловка-5 , Каргат-4, Чулым-1 и др., свидетельствуют о том, что уровень воды в реках и озерах оставался низким вплоть до IV в. н.э. [Кузьмин и др., 2013]. Следовательно, климат был достаточно сухим, хотя и с постепенным медленным увлажнением, о чем свидетельствует снижение веса степного биома и увеличение таежного.

В верхней части PZ III, соответствующей началу эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) наблюдается кратковременное увеличение влияния таежных компонентов (рис. 2). Некоторые исследователи [Zakh, Ryabogina, Chlachula, 2010; Blyakharchuk, 2003] реконструируют для этого времени холодный, но влажный климат (см. рис. 1), и существенный сдвиг границы тайги к югу. В конце III в. до н.э. происходят миграции таежного населения по ленточным борам к верховьям Оби и до Горного Алтая [Молодин, 2000].

PZ IV (36–0 см; 2000–0 калиб. л.н.) охватывает вторую половину железного века, Средневековье и современность. В палиноспектрах доминирует пыльца берез и сосен. Преобладают лесостепные сообщества с постепенным снижением роли степных компонентов к концу зоны. Появляются околоводные растения, что свидетельствует о большей увлажненности климата.

Обильные природные ресурсы Барабы всегда привлекали людей на ее обширные просторы. Однако расположение узкой полосы Барабинской лесостепи между огромными территориями тайги и степи делает ее очень чувствительной к изменениям климата: аридизация вызывала остепнение, а избыточная влажность – заболачивание и облесение. В условиях изменения ландшафтно-климатических условий на первый план выходила приспособленность населения к различным типам хозяйствования. Важным являлся и обмен представителей различных культур и различных типов хозяйствования продуктами питания и предметами активно зарождающейся ремесленной деятельности.

Список литературы

Гвоздецкий Н.А., Михайлов Н.И. Физическая география СССР. Азиатская часть. – М.: Мысль, 1978. – 512 с.

Кузьмин Я.В., Софейков О.В., Зольников И.Д., Чупина Д.А., Новикова О.И., Никулина А.В., Ануфриев Д.Е. Геоархеологические исследования в Барабинской лесостепи (Новосибирская область) в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 235–239.

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии:

к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово, 2011. – Вып. VII. – С. 58–69.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. – Новосибирск: ННЦ по сохранению ист.-культ. наследия Новосибирской обл., 1996. – 191 с. – (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 2).

Молодин В.И., Васильев С.К. Городище Чича-1 – аборигены и мигранты: традиционная хозяйственная деятельность и адаптация к новым условия // Экосоциальная адаптация в древности. – 2010. – С. 72–78.

Молодин В.И., Новиков А.В., Софейков О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия Новосибирской обл., 2000. – 223 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И., Чемякина М.А., Сумин В.А., Ануфриев Д.Е., Евтеева Е.М., Князев А.О., Кравченко Е.В. Археологические памятники Чановского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия Новосибирской обл.; ИАЭТ СО РАН, 2011. – 258 с. – (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 8).

Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия Новосибирской обл., 2013. – 270 с. – (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 9).

Blyakharchuk T.A. Four new pollen sections tracing the Holocene vegetational development of the southern part of the West Siberan Lowland // The Holocene. – 2003. – Vol. 13. – № 5. – P. 715–731.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. – The Blackburn Press, 1989. – 328 p.

Krivonogov S.K., Takahara H., Yamamuro M., Preis Yu.I., Khazina I.V., Khazin L.B., Safonova I.Y., Ignatova N.V. Regional to local environmental changes in southern Western Siberia: evidence from biotic records of Mid to Late Holocene sediments of Lake Beloye // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2012. – Iss. 331–332. – P. 177–193.

Prentice C.I., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka // Climate Dynamics. – 1996. – Vol. 12. – P. 185–194.

Zakh V.A., Ryabogina N.E., Chlachula J. Climate and environmental dynamics of the mid- to late Holocene settlement in the Tobol – Ishim forest-steppe region, West Siberia // Quaternary Internat. – 2010. – Vol. 220. – № 1–2. – P. 95–101.

УДК 572

А.В. Зубова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: zubova_al@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ БРОНЗОВОГО К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ПО ОДОНТОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ*

Изучены одонтологические характеристики погребенных в могильниках большереченской культуры Ордынское и Ближние Елбаны VII. Сделан вывод о близости состава большереченского населения андроноидным группам Томского Приобья и носителям усть-тартасской культуры Барабинской лесостепи. Одонтологические характеристики населения Верхнего Приобья переходного периода от бронзового к железному веку существенно отличаются от аналогичных показателей у населения этого же периода в Барабинской лесостепи, оставившего захоронения в некрополе Чича-1.

Ключевые слова: *палеоантропология, одонтология, переходный период от бронзового к железному веку, большереченская культура, позднеирменская культура.*

Dental non-metric traits in series from Ordynskoye and Blizhniye Elbany burials were described. The most typical features of this sample are high frequencies of upper incisors shoveling, Specific traits such as spatulate upper first molars, distal trigonid crest and deflecting wrinkle of lower first molars are more frequent. This combination was common in Bronze Age population of Tomsk area and Minusinsk basin. Researched sample statistically is similar with the Ust'-Tartas series from the Sopka-2 burial ground and Andronovo and Elovka groups from the Elovsky-2 site. Marked dental differences between the same time population of Baraba forest-steppe and Upper Ob' region was found.

Keywords: *Paleoanthropology, dental anthropology, Bronze Age – Iron Age transition, Bolsherechenskaya culture, final Irmen' culture.*

Переходный период от бронзового века к железному на территории южной части Западной Сибири датируется в пределах второй половины X – VIII–VII вв. до н.э. По археологическим данным в это время начинается новый всплеск миграционной активности, который приводит к проникновению на территорию лесостепного Приобья и Барабинской лесостепи групп с крестовой орнаментацией керамики [Зах, Зимина, 2006, с. 79], в Барабинскую лесостепь носителей берликской культуры Северного Казахстана [Молодин и др., 2013, с. 43]. Взаимодействие мигрантов с позднеирменским населением привело к формированию нескольких новых культурных образований. В Верхнем Приобье это большереченская культура переходного периода [Могильников, 1997, с. 4] или завьяловская культура. В Барабинской лесостепи – синкретичное сообщество, включающее в себя позднеирменское, сузгунское, красноозерское и берликское население [Молодин, 2010, с. 71].

Антропология носителей культур переходного периода ранее была изучена только на территории Барабинской лесостепи по материалам некрополя Чича-1 [Зубова, Чикишева, Поздняков, 2009]. Состав населения Верхнего Приобья этого периода ранее не обсуждался. Целью данного исследования стал анализ его одонтологических особенностей, позволивший определить основные направления биологических связей.

Основным материалом для работы послужили одонтологические коллекции большереченской культуры переходного периода от бронзового века к железному, полученные при раскопках памятников Ордынское (коллекция МАЭ № 6236) и Ближние Елбаны VII (коллекция МАЭ № 5915) [Могильников, 1997, с. 5]. Суммарная серия

*Работа выполнена при поддержке междисциплинарного интеграционного проекта № 32.

из двух могильников включает характеристики десяти мужчин, четырех женщин, четырех детей и двух взрослых индивидов, представленных изолированными зубами. Они были обследованы по стандартной одонтологической программе [Зубов, 1968, 2006] и сопоставлены с населением Западной Сибири эпохи бронзы (табл. 1) методами иерархического кластерного анализа на основе Евклидовых расстояний и главных компонент. Сопоставление проводилось при помощи программы Statistica for Windows, version 6.0.

Морфологическая характеристика серии (табл. 1). Серию характеризует средняя частота лопатообразности медиальных резцов, высокая – дополнительных дистальных бугорков на первых верхних молярах и низкая – бугорка Карабелли (табл. 1). Вторые моляры верхней челюсти сильно редуцированы. На нижней челюсти несколько повышена частота сложных форм первых премоляров. Канинизированные формы вторых зубов данного класса отсутствуют. Шестибугорковые нижние первые моляры отсутствуют, четырехбугорковый вариант их строения встречен только однажды. На первых молярах нижней челюсти преобладает «Y»-узор коронки, относительно часто встречается и его «+»-вариант. «X»-узор довольно редок. На вторых молярах довольно часто встречается гипоконулид. «+» и «X»-варианты узора окклюзивной поверхности коронок здесь встречаются чаще, чем «Y». По данному признаку в серии наблюдается повышенный уровень асимметрии. Во всех случаях, когда у индивида присутствовал и правый и левый моляр, узор коронки на них различался. Протостилид в серии отсутствует, у одного погребенного встречен *tami* и у одного – коленчатая складка метаконида. Малое число наблюдений по последнему признаку дает довольно высокий его процент. Частота дистального гребня тригонида повышена.

Наблюдаемый комплекс одонтологических характеристик отличается по составу от изученной ранее серии из Барабинской лесостепи. В популяции, оставившей захоронения на некрополе Чича-1, была повышена частота лопатообразности верхних резцов, но здесь редко встречались дополнительные бугорки на верхних молярах, и значительно ниже уровень их редукции. На нижней челюсти наблюдался еще более высокий, чем у населения Приобья уровень асимметрии нижних моляров. Если в серии из Ближних Елбанов и Ордынского дисбаланс между строением зубов правой и левой стороны отмечался для вторых нижних моляров и касался только узора коронок, то в группе из Чичи наблюдается асимметрия первых и третьих зубов. Различия здесь захватывали не только узор жевательной поверхности, но и число бугорков. В двух случаях наблюдалось парадоксальное сочетание, когда первый или третий моляр одной стороны имеет шесть бугорков, а другой – только четыре. В отличие от населения Приобья в серии из Барабинской лесостепи была повышена частота дифференцированных форм первых моляров, не встречался дистальный гребень тригонида и коленчатая складка метаконида, но часто отмечался *tami*. В целом в ней отчетливо видно смешение мигрантного южноевропеоидного и автохтонного компонента, тогда как в Приобье доминирует комплекс одонтологических фенов, свойственный носителям культур окуневско-кротовского круга. В его составе повышены

Таблица 1. **Одонтологическая характеристика большереченского населения, оставившего захоронения в могильниках Ордынское и Ближние Елбаны VII**

Признак	Суммарно	
	n/N	%
Лопатообразность (2+3) I^1	2 (5)	40,00
Лопатообразность (2+3) I^2	0 (1)	0,00
Дополнительный дистальный бугорок M^1	4 (9)	44,44
Бугорок Карабелли (2–5) M^1	2 (8)	25,00
Редукция гипоконуса (4–) M^1	0 (10)	0,00
Редукция гипоконуса (3,3+) M^1	0 (10)	0,00
Редукция гипоконуса (4–) M^2	2 (7)	28,60
Редукция гипоконуса (3,3+) M^2	4 (7)	57,14
Затек эмали (4–6) M_2	5 (6)	83,33
Форма P1 (1–2)	7 (10)	70,00
Форма P1 (4–5)	2 (10)	20,00
Форма P2 (1–2)	0 (8)	0,00
Форма P2 (4–5)	5(8)	62,50
6 M_1	0 (11)	0,00
4M_1	1 (11)	9,09
(+)M_1(4–6)	2 (9)	22,22
(X)M_1(4–6)	1 (9)	11,10
4M_2	8 (10)	80,00
5M_2	4 (10)	40,00
(Y)M_2	0 (11)	0,00
3YM_2	0 (11)	0,00
(+)M_2	5 (11)	45,45
(X)M_2	8 (11)	72,73
Протостилид (2–5) M_1	0 (11)	0,00
tami M_1	1 (11)	9,09
Дистальный гребень тригонида M_1	2 (8)	25,00
Коленчатая складка метаконида M_1	1 (6)	16,70

частоты признаков «восточного» характера, но они не достигают пределов, свойственных чистым монголоидам. Одновременно здесь повышены частоты бугорка Карабелли и коленчатой складки метаконида, что в более ранние эпохи было свойственно андроноидным популяциям Томского Приобья, окуневскому, карасукскому и лугавскому населению Хакасо-Минусинской котловины, а также архаичным популяциям севера Европейской части России.

Статистическое сопоставление серии переходного периода из Верхнего Приобья с характеристиками более раннего населения Западной Сибири показало ее тяготение к автохтонным популяциям Барабинской лесостепи (рис. 1) и андроноидам Томского Приобья (рис. 2). Ближайшее сходство она демонстрирует с усть-тартасской серией из могильника Сопка-2 (рис. 1), где выше, чем в других барабинских группах частота коленчатой складки метаконида. При этом общее соотношение базовых компонентов в большереченской группе ближе к популяциям Томского Приобья, а через них к суммарной карасукской серии Хакасо-Минусинской котловины (рис. 2, табл. 2).

От населения ирменской культуры, занимающего к концу эпохи бронзы большую часть территории Верхнего Приобья, состав большереченской серии отличается довольно сильно. В ирменских группах Приобья и Барабинской лесостепи доминирует федоровский компонент, в одонтологическом отношении проявляющийся в виде повышенных частот четырехбугорковых нижних первых моляров и отсутствии коленчатой складки метаконида. Такое сочетание признаков в современной классификации свойственно в большей степени южноевропеоидному населению. Оно сохраняется и даже усиливается у позднеирменского населения из некрополя Чича-1, а в большереченской выборке отсутствует. Здесь определенно наблюдается «возврат» к доминиро-

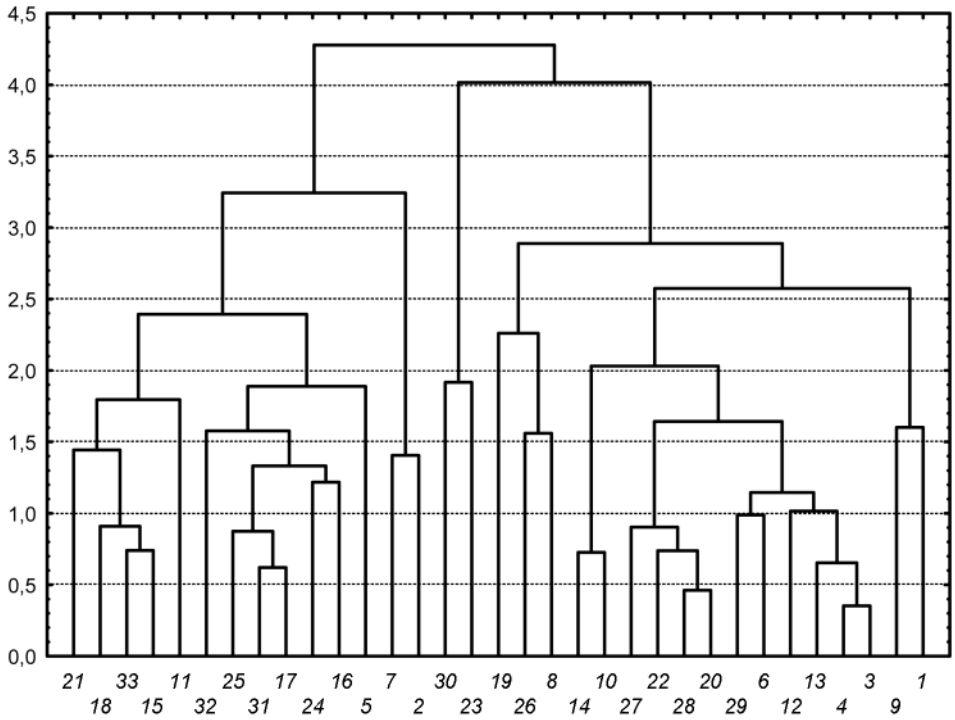


Рис. 1. Дендрограмма кластеризации одонтологических характеристик населения Западной Сибири.

1 – елунинская культура; *2* – каракольская культура; *3* – кротовская культура; *4* – одиновская культура; *5* – неолит Барабинской лесостепи; *6* – усть-тартасская культура; *7* – кузнецко-алтайская культура (Солонцы-5); *8* – окуневская культура (Верх-Аскиз-1); *9* – окуневская культура (Уйбат-5); *10* – доандроновское население Омского Прииртышья (ОМ-5, 7); *11* – доандроновское население Омского Прииртышья (Ростовка); *12* – население Омского Прииртышья андроновского времени (Черноозерье-1); *13* – позднекротовская культура Барабинской лесостепи; *14* – население Омского Прииртышья андроновского времени (Боровянка-17); *15* – федоровская культура Кузнецкой котловины; *16* – федоровская культура Барабинской лесостепи; *17* – федоровская культура Новосибирского Приобья; *18* – население лесостепного Алтая андроновского времени; *19* – федоровская культура Минусинской котловины; *20* – население Томского Приобья андроновского времени; *21* – ирменская культура Новосибирского Приобья; *22* – ирменская культура Барабинской лесостепи; *23* – ирменская культура Томского Приобья; *24* – ирменская культура Алтая; *25* – ирменская культура Кузнецкой котловины; *26* – лугавская культура; *27* – карасукская культура; *28* – еловская культура; *29* – большереченская культура переходного периода; *30* – пахомовская культура (Ново-Шадрино-7); *31* – пахомовская культура (Старый Сад); *32* – пахомовские культура (объединенная серия из могильников Барабинской лесостепи); *33* – корчажкинская культура.

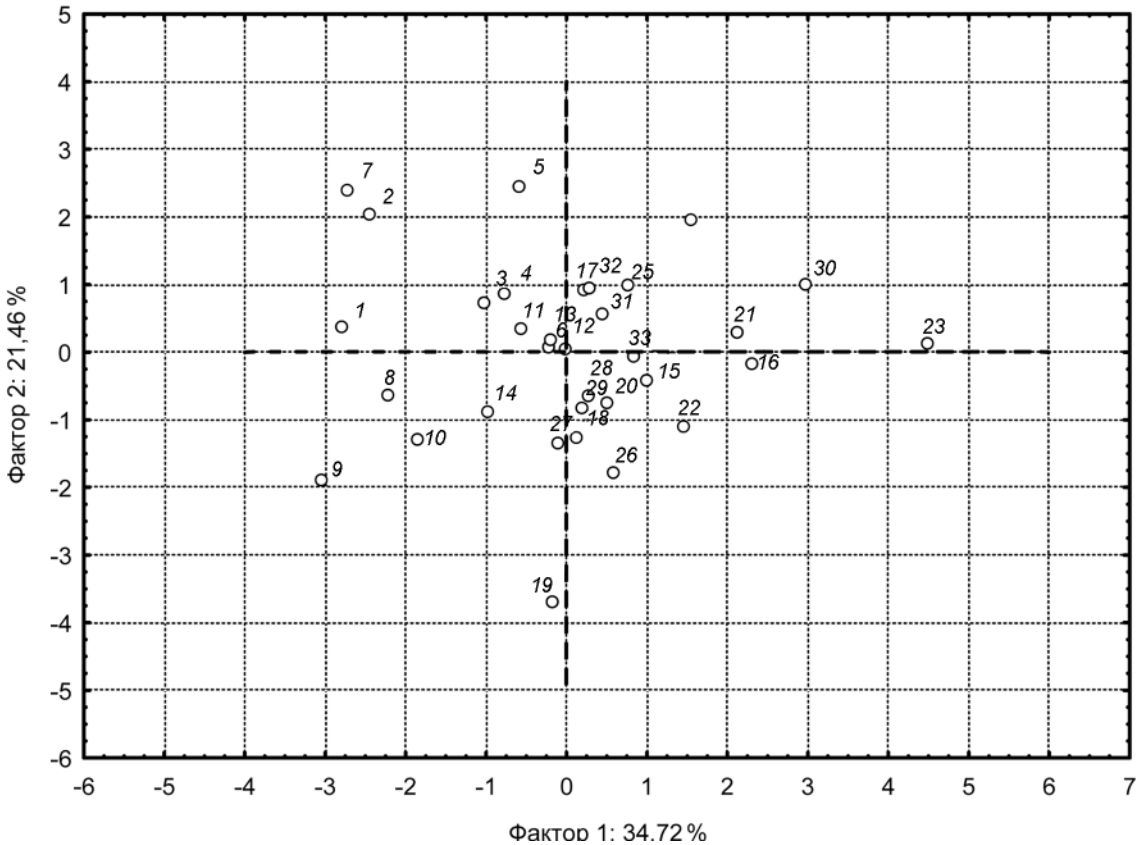


Рис. 2. Результаты анализа главных компонент. Распределение одонтологических характеристик населения Западной Сибири в пространстве первых двух факторов. Номера групп см. в подписи к рис. 1.

ванию автохтонных комплексов. Это позволяет предполагать, что в более ранние эпохи смешение с андроновцами определяло особенности антропологического состава далеко не всей массы населения Верхнего Приобья. Вероятно, часть автохтонных групп по экологическим или «политическим» причинам покинула районы, занятые впоследствии носителями федоровской культуры, продолжая независимую линию развития. В переходный период от бронзового века к железному начался процесс их возврата на занимаемые ранее территории.

На основании имеющихся одонтологических материалов можно сделать вывод о том, что к концу эпохи бронзы заканчивается доминирование антропологических комплексов, привнесенных андроновскими мигрантами в составе населения Западной Сибири. Как в Барабинской лесостепи, так и в Верхнем Приобье становится заметным результат постепенного растворения андроновского компонента в автохтонной среде. Оно проявляется в повышении в одонтологическом составе населения частот признаков «восточной направленности» – лопатообразности верхних резцов, дистального гребня тригонида, шестибугорковых нижних моляров. На территории Верхнего Приобья результаты этого процесса представлены более наглядно, сходство с автохтонными популяциями здесь прослеживается уже не только визуально, но и статистически. В Барабинской лесостепи картина сложнее. Влияние автохтонного компонента на этой территории ниже, по-видимому, из-за более высокой миграционной активности и проникновения сюда не только северных групп, но и андроноидного населения из Казахстана.

Таблица 2. **Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов**

Признак	Фактор 1	Фактор 2
Лопатообразность I^1	–0,50	0,58
Бугорок Карабелли M^1	–0,56	–0,65
Редукция гипоконуса M^2	–0,30	–0,35
$6M_1$	–0,72	0,23
$4M_1$	0,81	0,19
$4M_2$	0,79	–0,02
Дистальный гребень тригонида M_1	–0,56	0,42
Коленчатая складка метаконида M_1	–0,10	–0,75

Список литературы

Зах В.А., Зимина О.Ю. К вопросу о переходном периоде от бронзы к железу в Нижнем Притоболье // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 372–374.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 199 с.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-Онлайн, 2006. – 72 с.

Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропологическая характеристика населения городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 78–107.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М.: Изд-во Пушк. науч. центра РАН, 1997. – 195 с.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 61–81

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисцплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. № 46).

УДК 572,902/904

А.В. Зубова, Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: zubova_al@mail.ru

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА КРОХАЛЕВКА-13 (к проблеме дифференциации средневекового населения южных районов Западной Сибири)*

В статье рассматриваются краниологические характеристики небольшой серии верхнеобской культуры из могильника Крохалевка-13 в Новосибирском Приобье. Ее особенности анализируются на широком сравнительном фоне, в результате чего делается вывод о связи верхнеобского населения с представителями культур кулайского круга и поликомпонентности носителей сросткинской культуры.

Ключевые слова: *краниология, верхнеобская культура, сросткинская культура, ранний железный век, эпоха Средневековья.*

The article is devoted to the craniological characteristics of small series of Verhneobskaja culture from cemetery Krohalevka-13 in Novosibirsk Ob Region. Its characteristics are analyzed on a broad comparative background, that gives the opportunity to conclude about relationship between the population of Verhneobskaja and Kulai cultures and multicomponent character of Srostki culture population.

Keywords: *craniology, Verhneobskaja culture, Srostki culture, early Iron Age, the Middle Ages.*

Материалы ранних этапов верхнеобской культуры в Верхнем Приобье имеют особое значение в рамках темы ранней истории древних тюрок и их этногенеза. Как известно, часть раннесредневековых погребений с территории Алтая относят к т.н. кудыргинскому типу. Большинство исследователей рассматривают его как хронологически ранний этап (VI–VII вв.) в культуре древних тюрок, хотя некоторые называют кудыргинцев пришельцами на Алтае и сопоставляют их с аварами в Подунавье [Гаврилова, 1965, с. 59]. В культурно-хронологическом отношении к погребениям кудыргинского типа на Алтае наиболее близки грунтовые погребения могильника Горный-10, расположенного в северных предгорьях Алтая, а также погребения верхнеобской культуры в Верхнем Приобье. Многокомпонентной по составу является и сама верхнеобская культура, что находит отражение как в погребальном обряде, так и в сопроводительном инвентаре [Троицкая, Новиков, 1998, с. 84–86; Троицкая, Сумин, Адамов, 2012, с. 17]. Поэтому обработка антропологических коллекций археологических памятников указанного круга, а также их сравнительный анализ и введение в научный оборот может способствовать прояснению связей этих памятников, определению возможных центров происхождения характерных категорий предметов и украшений и других вопросов.

Материалом для работы послужила небольшая краниологическая серия верхнеобской культуры из могильника Крохалевка-13. Этот памятник находится на территории Крохалевского археологического микрорайона, в Коченевском р-не Новосибирской обл., примерно в 20 км к северо-западу от г. Новосибирска [Троицкая, Сумин, Адамов, 2012, с. 7]. Он раскапывался в период с 1985 г. по 1990 археологической экспедицией НГПУ сначала под руководством Т.Н. Троицкой, затем В.С. Елагиным и А.А. Адамовым. К тимирязевскому и юрт-акбалыкскому этапам верхнеобской культуры здесь относится не менее 31 погребения [Там же, с. 15], однако 15 из них было совершено по обряду трупосожжения, а антропологические материалы из большинства могил с ингумацией не были переданы в ИАЭТ СО РАН.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00344).

Поступившая в 1989 г. в сектор антропологии ИАЭТ СО РН антропологическая коллекция верхнеобской культуры из могильника Крохалевка-13 включает в себя три мужских и два женских черепа различной сохранности. Они были изучены по стандартной краниологической программе [Алексеев, Дебец, 1964] и сопоставлены со средневековыми сериями с территории Новосибирского, Томского и Барнаульско-Бийского Приобья. Сравнение проводилось методом главных компонент на основании сокращенного набора краниологических признаков, состав которых определялся сохранностью обследованного материала (см. табл. 2). В качестве сравнительного материала для статистического анализа использовалась объединенная серия верхнеобской культуры VII–VIII вв. н.э. из могильников Новосибирского Приобья (Юрт-Акбалык, Умна-2, Красный Яр) [Багашев, 2000, табл. 37], серия VI–X вв. с территории Горного Алтая [Там же], сросткинские серии с территории Барнаульско-Каменского Приобья, Кузнецкой котловины, Северо-Западного Алтая, Барабинской лесостепи [Там же], выборка релкинской культуры [Там же], серии кулайской, каменской, саргатской, новочекинской культур эпохи раннего железа [Багашев, 2000, табл. 16]. Сопоставление проводилось при помощи программы Statistica for Windows, version 6.0.

Краниологическая характеристика серии. Верхнеобские черепа из могильника Крохалевка-13 в целом имеют овоидные контуры при рассмотрении в вертикальной норме. В латеральной наблюдается плавное соединение костей, без резких переходов между ними. Мужские черепа в целом сохранились лучше, для женщин удалось измерить лишь несколько размеров, сведения о которых представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Краниометрические характеристики черепов верхнеобской культуры из могильника Крохалевка-13**

Признак	Кург. 7, мог. 3	Кург. 29–30, мог. 3	Кург. 5, мог. 3	Кург. 5, мог. 3	Кург. 29–30, мог. 4
	Женщины		Мужчины		
1. Продольный диаметр	–	–	181	181	–
8. Поперечный диаметр	–	–	139	137	–
17. Высотный диаметр от базиона	–	–	136	135	–
20. Высотный диаметр от пориона	–	–	122	–	–
5. Длина основания черепа	–	–	109	108,5	–
9. Наименьшая ширина лба	–	92,5	97	96	–
10. Наибольшая ширина лба	–	115	104,5	104	–
11. Ширина основания черепа	–	–	120	121	–
12. Ширина затылка	–	–	100	106	–
29. Лобная хорда	–	102,5	109,5	109	–
30. Теменная хорда	108	99	108	101	–
31. Затылочная хорда	–	–	96	98	–
26. Лобная дуга	–	117	125	125	121
27. Теменная дуга	117	125	125	120	–
28. Затылочная дуга	–	–	113	115	110
h. Высота поперечного изгиба лба	–	23,5	16	19	–
40. Длина основания лица	–	–	108	106	–
48. Верхняя высота лица	–	–	66	64,5	–
43. Верхняя ширина лица	–	98	109,1	109	–
46. Средняя ширина лица	–	–	100	105	–
55. Высота носа	–	–	48,5	49	–
54. Ширина носа	–	–	24	24,5	–
51. Ширина орбиты от mf.	–	–	41,5	42,5	–
52. Высота орбиты	–	–	35	33	–
Назомалярный угол	–	130	143,9	145,1	–
Зигомаксиллярный угол	–	–	135,4	138,4	–
SC. Симотическая ширина	–	–	7	9,5	–
SS. Симотическая высота	–	–	4	2,9	–
FC. Глубина клыковой ямки	–	–	–	1	–
32. Угол профиля лба от назиона	–	–	80	–	–
72. Общий угол профиля лица	–	–	90	–	–

Мужская часть серии (табл. 1) тяготеет к долихокрании, отличаясь средним размером продольного диаметра черепа и малым, на границе со средним, размером поперечного. Высота черепа, измеренная от базиона, средняя, от порионов – очень большая. Основание черепа очень длинное и узкое. Лобная кость короткая, слабо изогнутая в продольном и поперечном направлениях, средней ширины в месте наибольшего сужения и очень узкая в коронарной части. Размеры угла поперечного изгиба лба имеют значения, попадающие в категорию «монголоидных» [Гохман, 1961]. Протяженность теменного отрезка сагиттальной дуги очень большая, но при этом теменная хорда имеет очень малый размер, что свидетельствует о довольно сильном изгибе. Затылочная кость средней длины, изогнутая. Затылочно-теменной указатель на верхнеобских черепах в среднем имеет величину 91,98, что ближе к показателям, свойственным европеоидным группам [Беневоленская, 1984]. Рельеф внешней поверхности затылочной кости сглаженный. Лицо низкое, очень широкое, средне уплощенное в горизонтальном плане, ортогнатное. Нужно отметить, что размер назомалярного угла на женском черепе из погребения № 3 кург. 29, 30, значительно меньше, чем на мужских. Глубина клыковой ямки очень маленькая. Переносье среднеширокое, средневысокое, очень хорошо развита область глабеллы. Носовое отверстие низкое и узкое. Нижний край его имеет форму предносовых ямок, передненосовая ость выступает слабо. Орбиты средней ширины и средней высоты. Степень выступания носовых косточек установить не удалось.

От краниологической серии из могильников Умна, Юрт-Акбалык и Красный Яр [Багашев, 2000] верхнеобские черепа из Крохалевки-13 отличаются меньшими размерами поперечного диаметра черепа, более низким лицом и более сильной его уплощенностью, выраженной ортогнатией.

Результаты многомерного статистического анализа (рис. 1) показали, что использованные в анализе средневековые серии на графике главных компонент довольно строго подразделяются на две группы. В первую входит верхнеобское и сросткинское население Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи, с которым объединяется серия релкинской культуры, во вторую – население Алтая. Разделяет эти группы второй фактор (табл. 2), в составе которого матуризованное население с высоким, уплощенным лицом противопоставляется менее крупноразмерным антропологическим формам с более выра-

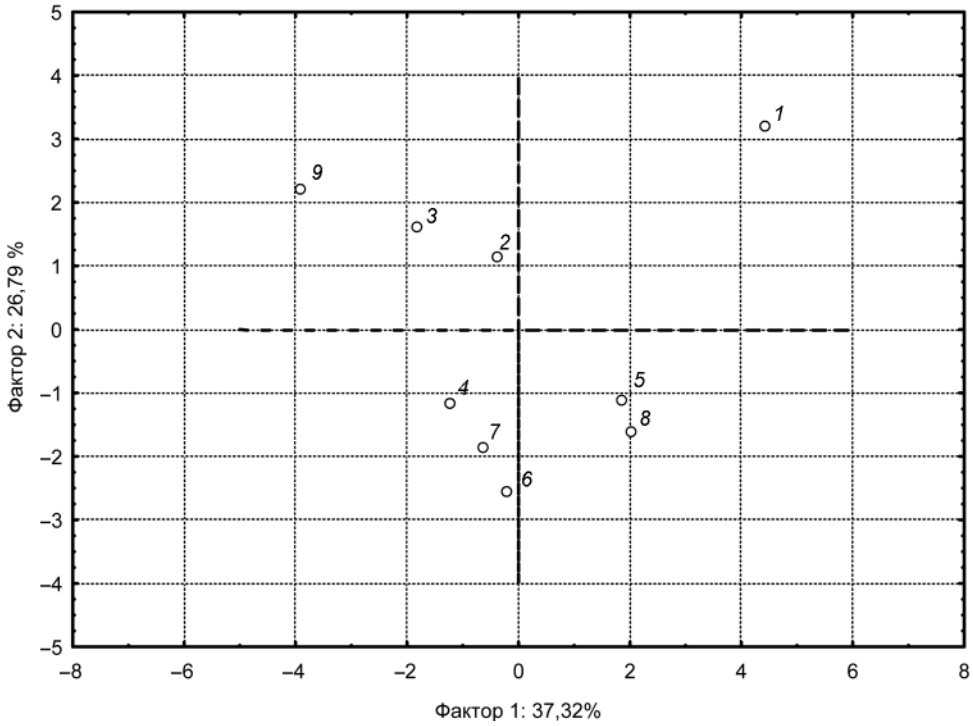


Рис. 1. Распределение мужских краниологических серий в пространстве первых двух главных компонент (эпоха Средневековья).

1 – верхнеобская культура (Крохалевка-13); *2* – верхнеобская культура (Красный Яр, Умна, Юрт-Акбалык); *3* – релкинская культура; *4* – население Горного Алтая VI–X вв.; *5* – сросткинская культура предгорного Алтая; *6* – сросткинская культура Кузнецкой котловины; *7* – сросткинская культура Алтая (Гилево); *8* – сросткинская культура Барнаульско-Каменского района; *9* – сросткинская культура Барабинской лесостепи.

женной горизонтальной профилировкой лицевого скелета, удлиненным основанием черепа и более широкой в месте наибольшего сужения лобной костью. На черепах из Крохалевки-13 последний комплекс признаков, объединяющий население Барабинской лесостепи, Новосибирского Приобья и носителей релкинской культуры, выражен в максимальной степени. Однако здесь присутствует еще один компонент, объединяющий эту серию со сросткинскими популяциями предгорного Алтая (бийский вариант, могильники Сростки, Красноярское) и Барнаульско-Каменского Приобья (барнаульский вариант, могильники Камень-2, Кармацкий). Его характеристики описываются высокими положительными нагрузками в составе первого фактора (табл. 2). Это крупные размеры высотного и продольного диаметров и довольно значительная уплощенность зигомаксиллярного отдела. Средневековому населению Горного Алтая, Кузнецкой котловины, Новосибирской обл. наблюдаемая комбинация в целом не свойственна.

Для выяснения происхождения наблюдаемых в составе средневекового населения комбинаций краниологических признаков они были сопоставлены с сериями эпохи раннего железного века – носителями кулайской, новочекинской, каменской и саргатской культур. В этом варианте анализа нагрузки на признаки в составе первого фактора распределились практически аналогичным образом, изменилась только их полярность. Соответственно, морфологический комплекс, объединяющий черепа из Крохалевки-13 с населением предгорного Алтая и Барнаульско-Каменского Приобья,

Таблица 2. **Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов (эпоха Средневековья)**

Признак	Фактор 1	Фактор 2
1	0,62	–0,40
8	–0,74	–0,53
17	0,74	–0,28
5	0,80	0,46
9	–0,47	0,57
48	–0,74	–0,52
55	–0,74	–0,59
54	–0,69	–0,48
51	–0,64	–0,11
52	–0,45	0,31
77	0,25	–0,76
zm	0,71	–0,36
sc	–0,33	0,79
ss	–0,80	0,48
32	0,00	–0,83
72	0,37	–0,05

Таблица 3. **Статистические нагрузки на признакив составе первых двух факторов (эпоха Средневековья и ранний железный век)**

Признак	Фактор 1	Фактор 2
1	–0,56	0,03
8	0,82	–0,12
17	–0,52	0,02
5	–0,69	0,50
9	0,53	0,78
48	0,76	–0,40
55	0,28	–0,55
54	0,80	0,16
51	0,79	0,19
52	0,67	–0,29
77	0,19	–0,76
zm	0,21	–0,08
sc	0,56	0,64
ss	0,33	0,67
32	0,49	0,03
72	0,01	–0,62

помещает их в области отрицательных значений первого фактора. Здесь они объединяются с серией черепов новосибирского варианта кулайской культуры и серией из могильников Умна, Юрт-Акбалык и Красный Яр.

Серия релкинской культуры отделяется от этой совокупности и объединяется с серией VI–X вв. с территории Горного Алтая, выборками из могильников Ур-Бедари и Гилево, новосибирским вариантом сросткинской культуры в области положительных координат по первому фактору. Комплекс признаков, объединяющий эти серии, максимально выражен в составе населения каменской культуры Барабинской лесостепи.

Результаты статистического анализа позволяют сделать несколько выводов, касающихся состава средневекового населения Западной Сибири. Первый из них касается состава носителей сросткинской культуры. Здесь отчетливо выделяется две группы популяций, формировавшихся на разной основе. Для населения бийского и барнаульского вариантов этой культуры важна генетическая связь с популяциями, родственными населению новосибирского варианта кулайской культуры, тогда как для населения Кузнецкой котловины на первый план выходит сходство с каменскими группами. Носители саргатской культуры эпохи раннего железа не оставили заметного следа в их составе.

Что касается носителей верхнеобских традиций, то они более гомогенны. Черепа из Крохалевки-13 объединяются в отрицательно-положительном поле графика с объединенной серией

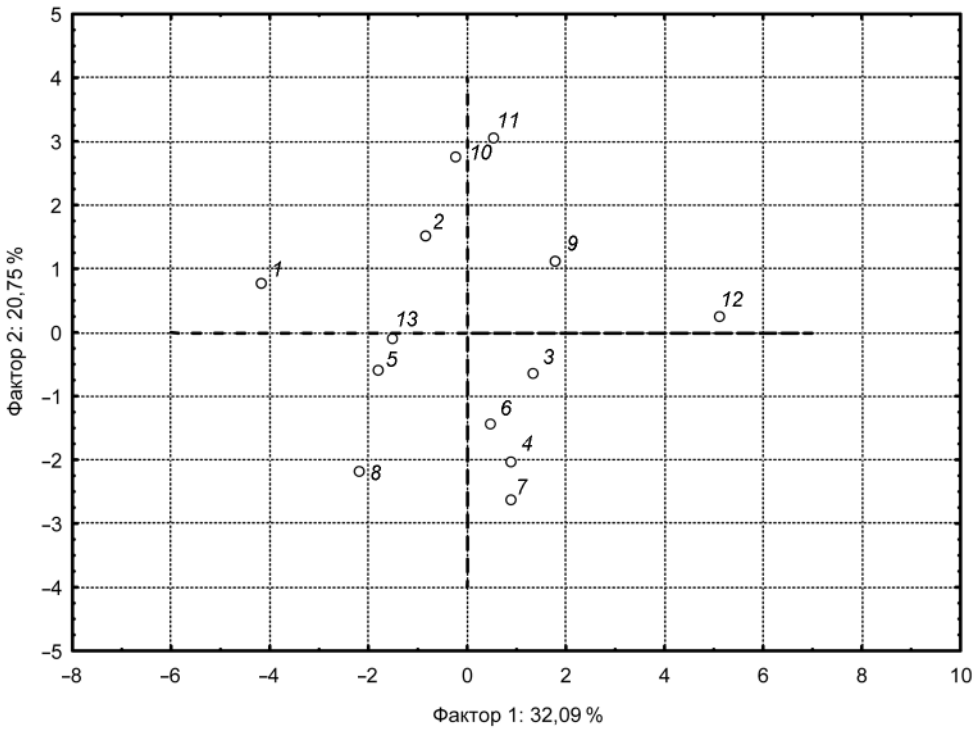


Рис. 2. Распределение мужских краниологических серий в пространстве первых двух главных компонент (эпоха Средневековья и ранний железный век).

1 – верхнеобская культура (Крохалевка-13); *2* – верхнеобская культура (Красный Яр, Умна, Юрт-Акбалык); *3* – релкинская культура; *4* – население Горного Алтая VI–X вв.; *5* – сросткинская культура предгорного Алтая; *6* – сросткинская культура Кузнецкой котловины; *7* – сросткинская культура Алтая (Гилево); *8* – сросткинская культура Барнаульско-Каменского рйона; *9* – сросткинская культура Барабинской лесостепи; *10* – саргатская культура Барабинской лесостепи; *11* – новочекинская культура; *12* – каменская культура; *13* – кулайская культура.

из верхнеобских могильников Приобья, тяготея, с одной стороны к кулайской серии из Каменного мыса, а с другой – к саргатскому населению, сближающемуся с выборкой новочекинской культуры. Связь с предшествующими группами эпохи раннего железного века для верхнеобцев выглядит более значимой, чем для сросткинцев. В состав сросткинских популяций вошел дополнительный монголоидный субстрат, обусловивший их статистическое удаление от населения эпохи раннего железного века и верхнеобцев и концентрацию сросткинских серий в области отрицательных координат второго фактора.

Предпринятое исследование можно считать предварительным и требующим дальнейшего продолжения на более обширном материале. В будущем необходимо предпринять сравнительное изучение их с антропологическими материалами раннесредневековых погребений кудыргинского типа с территории Алтая. К тому же, эти выводы справедливы только для одного из компонентов верхнеобской культуры – погребений, совершенных по обряду ингумации.

Список литературы

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 120 с.

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.

Беневоленская Ю.Д. К вопросу о морфологической неоднородности краниологической серии из могильника на Южном Оленьем острове // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 37–54.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.

Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопр. антропологии. – 1961. – Вып. 8. – С. 88–98.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Троицкая Т.Н., Сумин В.А., Адамов А.А. Древности кудряшовского бора: Крохалевка-13 – комплекс археологических памятников. – Новосибирск: Ярус, 2012. – 76 с.

УДК 903.14

К.Ю. Кирюшин[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НОВОИЛЬИНКА VI (по материалам исследований 2014 года)*

В 2014 г. на поселении Новоильинка VI в площадь раскопа практически полностью попало долговременное (зимнее) жилище эпохи энеолита (жилище № 1). На фоне материка хорошо читается котлован жилища размерами 7 × 6 м. В площадь раскопа попали части еще двух жилищ. Межжилищное пространство насыщено различными объектами (хозяйственными ямами, столбовыми ямками и т.д.). Археологические коллекции, полученные в 2014 г., насчитывают десятки тысяч артефактов, среди которых есть просто уникальные. Основная масса находок относится к эпохе энеолита и датируется первой половиной – серединой III тыс. до н.э. Керамические коллекции имеют много общего с синхронными памятниками Верхнего Приобья, Барабы и Северного Казахстана.

Ключевые слова: *энеолит, поселение, керамика, орнамент, каменный инвентарь, жилище, планиграфия, стратиграфия.*

The Eneolithic long-term (winter) dwelling was excavated at the Novoilinka-VI settlement in the 2014. The remains of found construction have a size 7x6 m. The parts of two more dwellings were recovered in the excavated area. The space between the dwellings full of different objects (household pits, columnar pits, etc.). The archaeological collections received in 2014 include a few tens of thousands of artifacts. Most of the findings relates to the Eneolithic and dates from the first half to middle of the III millennium BC. The ceramic collections have a lot of common traits with synchronous monuments from the Upper Ob, Baraba and Northern Kazakhstan.

Keywords: *Eneolithic, settlement, pottery, ornaments, stone implements, housing, planigraphy, stratigraphy.*

До недавнего времени памятники эпохи энеолита на территории Кулунды были неизвестны, поэтому каждый новый объект археологического наследия этого времени существенно расширяет круг источников по этому периоду в древнейшей истории Алтая. В 2013 г. в Хабарском р-не Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка VI [Кирюшин, 2013]. Летом 2013 г. на территории поселения были заложены два шурфа общей площадью 8 м^2. С небольшой площади было получено 694 фрагмента керамики, 2 146 каменных артефактов [Кирюшин, 2013] и 695 костей и зубов животных [Гайдученко, Кирюшин, 2013].

Летом 2014 г. исследования памятника были продолжены. В июле 2014 г. была выполнена геомагнитная съемка с использованием квантового градиентометра G-858 методом вертикального градиента на площади памятника. Было выполнено картирование двух участков размером 40 × 40 м. Это позволило более рационально спланировать дальнейшие работы, определить границы сетки раскопа и места складирования отработанного грунта.

В процессе раскопок было организовано просеивание и промывка грунта. В результате было обнаружено несколько десятков тысяч каменных артефактов, среди которых численно преобладают каменные чешуйки и мелкие фрагменты керамики (менее 1 × 1 см), но среди них много обломков каменных орудий, отщепов с элементами ретуши, наконечников стрел, микроскребков.

В июле–августе 2014 г. на поселении исследовано 96 м^2. Несмотря на небольшую вскрытую площадь, полученные материалы позволяют отнести поселение Новоильинка VI к числу наиболее высокоинформативных памятников эпохи неолита – энеолита Западной Сибири. В площадь раскопа практически полностью попало долговременное (зимнее) жилище эпохи энеолита (жилище № 1). На фоне материка хорошо читается котло-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-22601).

ван жилища размерами 7 × 6 м., ориентированный по длинной оси по линии ЮВ – СЗ. С северо-западной (наветренной) стороны находится выход. В площадь раскопа попали части ещё двух жилищ. Часть жилища № 2 находится в восточной, а часть жилища № 3 в юго-западной части раскопа.

В процессе исследований в центральной части раскопа (юго-восточная часть жилища № 1) был заложен шурф размерами 0,5 × 0,5 м (для отбора проб для почвенных и микробиоморфных анализов). В стенке шурфа хорошо выделяются два горизонта: 1-й – период функционирования жилища; 2-й – период, когда жилище использовалось, как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы. В 2014 г. работы не были закончены. Были зачищены котлованы жилищ и объекты в межжилищном пространстве на уровне материка. После этого раскоп был законсервирован. Уверенно можно говорить о том, что полученные в 2014 г. археологические коллекции относятся к периоду, когда жилища использовались как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы. Для этого комплекса жилища № 1 получены две радиоуглеродные даты: 4290 ± 95 тыс. л.н. (СОАН-9042) и 4320 ± 100 тыс. л.н. (СОАН-9043), что позволяет датировать материалы памятника серединой – 2-й половиной III тыс. до н.э. Калибровка дат почти на тысячу лет удревняет время формирования этого слоя памятника. Максимальный разброс по сигме 1 (68,2 % probability) и по сигме 2 (95,4 % probability) составил 800 лет. Это очень значительный интервал. Скорее всего, процесс формирования культурного слоя памятника происходил в течение более короткого временного промежутка. С учетом калибровки радиоуглеродных дат можно датировать материалы этого комплекса первой половиной III тыс. до н.э.

Можно констатировать, что поселение Новоильинка VI является сложным археологическим комплексом с большим количеством различных объектов, хронология и периодизация которых потребует тщательного анализа археологических коллекций и радиоуглеродного датирования каждого объекта.

Коллекции керамики и каменных артефактов находятся в процессе обработки, их количество в данный момент назвать невозможно, но это несколько десятков тысяч артефактов, среди которых есть вещи просто уникальные.

Обнаружено несколько десятков каменных наконечников стрел и скребков, дисковидные скребла на сланцевых плитках, наконечники дротиков, абразивы, стерженек составного рыболовного крючка, обломок утюжка, каменный вкладыш трапециевидной формы. На промывке обнаружены две каменные бусины. Очень интересны орудия из кости: костяные мотыги (или копьевидные орудия), лощила, шпатели, трепала, круглые наконечники стрел (один целый и шесть обломков). Очень интересна серия изделий из первых фаланг коней: наковальни, утяжелители и 12 изделий, условно названных «подшипниками» или «муфтами».

Керамические коллекции очень разнообразны. Наиболее распространенный орнаментальный прием – «отступающая» палочка с элементами накалывания (рис. 1, *1–4, 6;* 2, *2, 3*). Этот орна-

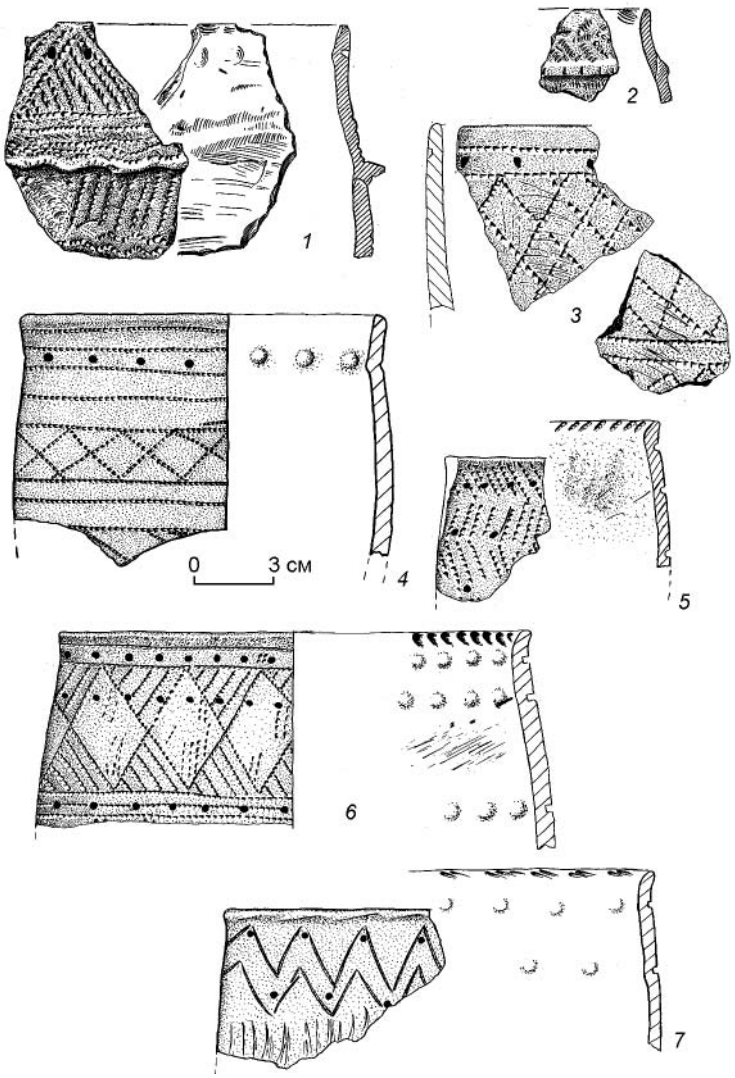


Рис. 1. Керамика из поселения Новоильинка VI.

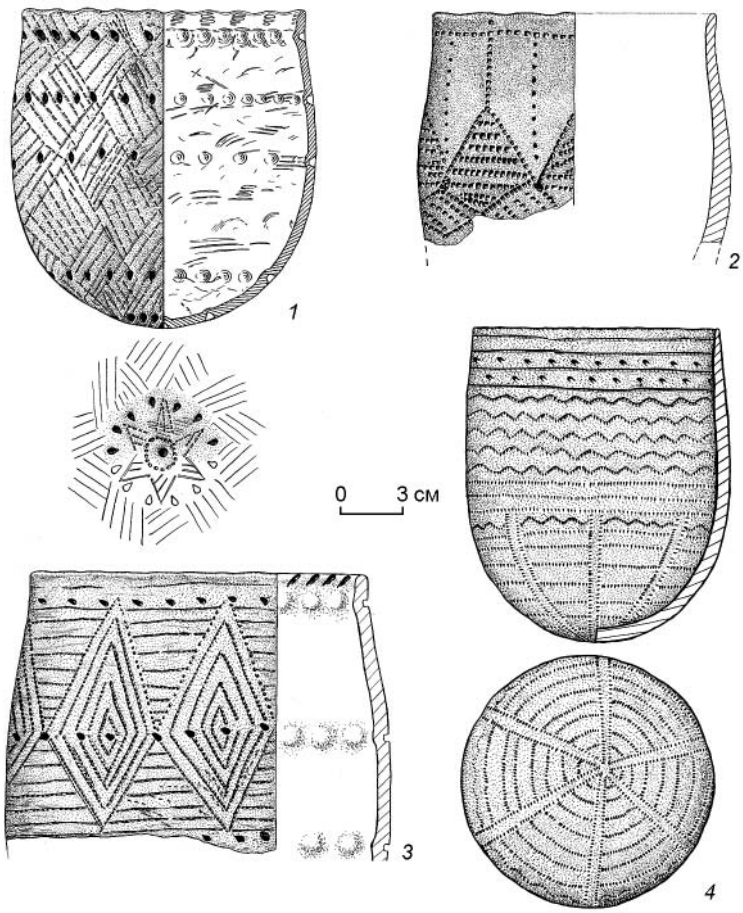


Рис. 2. Керамика из поселения Новоильинка VI.

ментальный прием чаще всего сочетается с рядами ямок (см. рис. 1, *1–4, 6;* 2, *3, 4*). В некоторых случаях сосуды украшены насечками (рис. 2, *4*). Данный орнаментальный прием имеет много общего с «отступающей» палочкой. Разница заключается в некоторых деталях постановки орнаментира относительно поверхности сосуда. Найдено много керамики, декорированной отпечатками гребенчатого штампа и рядами ямок (см. рис. 1, *5, 7*; 2, *1*). Достаточно много керамики, орнаментированной только рядами ямок. На нескольких сосудах отпечатки гребенчатого штампа и ряды ямок сочетаются с гладкой качалкой (см. рис. 1, *7*). Еще несколько сосудов орнаментированы шагающей гребенкой. Единично встречен прочерченный орнамент. У многих сосудов на внутренней поверхности венчика имеются пальцевые вдавления или отпечатки короткого гребенчатого штампа (см. рис. 1, *1, 2, 5–7*; 2, *1, 3*).

У нескольких сосудов реконструируются формы (рис. 2, *1, 4*). Это небольшие круглодонные сосуды открытых форм с практически прямыми стенками, у которых венчик немного загнут внутрь, а высота немного больше диаметра.

Украшением коллекции является керамика, сочетающая в себе энеолитические черты – орнаментация отступающей палочкой с элементами накалывания и ряд ямок по венчику и раннебронзовые – налепной валик в верхней части сосуда (см. рис. 1, *2*). Валик очень выразительный – крупный, волнистый. Сразу возникают ассоциации с посудой елунинской и кротовской культур [Кирюшин, 2002; Молодин, 1977, 1985]. Обнаружено еще два фрагмента керамики с валиком (см. рис. 1, *1*). Валик небольшой, прямой, ровный, рассеченный вертикальными рисками. Аналоги подобной керамики имеются в материалах поселения эпохи неолита Борлы Северо-Восточного Казахстана [Мерц, 2014]. Похожая керамика присутствует в материалах эпохи энеолита третьего горизонта Тавдинского грота [Кирюшин и др., 2013].

Необходимо отметить, что керамика поселения Новоильинка VI, орнаментированная отступающей палочкой с элементами накалывания и рядами ямок, имеет широкий круг аналогов среди памятников кипринского типа Алтая, байрыкского типа или гребенчато-ямочной общности раннего металла Барабы [Молодин, 1977, 1985]. Наиболее близкие аналоги имеются на поселении Новоильинка III, которое находится в 300 м к западу [Кирюшин, Ситников, 2013].

Вместе с этим необходимо отметить, что керамика кипринского типа залегает вместе с посудой, декорированной в «геометрическом» стиле. Отпечатки отступающей палочки или гребенчатого штампа образуют сеточку (см. рис. 1, *3*), ряды ромбов (см. рис. 1, *4*; 2, *1, 3*), треугольников (см. рис. 1, *7*), треугольников, обращенных вершинами друг к другу («шахматные часы») (см. рис. 1, *6*), неправильных четырехугольников (рис. 2, *2*). Аналогии подобной керамики на территории Алтая до сих пор были неизвестны. На сопредельных территориях наиболее близкие аналогии прослеживаются в кругу памятников ботайско-терсекского типов.

К 5 августа 2014 г. было обработано 28 343 экз. костей животных, среди которых численно преобладают кости домашних животных: лошади, крупного рогатого скота (КРС) и собаки. Остеологические коллекции памятника были обработаны в полевых условиях Л.Л. Гайдученко. Были проведены все необходимые измерения, выпол-

нены необходимые описания. Отобраны кости животных для дальнейшего хранения и проведения различных анализов. На зубах коней обнаружены следы от удил. На одном черепе коня обнаружены следы пролома, позволяющие определить способ забоя. Обнаруженные находки позволяют уверенно говорить о производящем характере экономики энеолитического населения памятника. Стоит отметить, что фиксируется своеобразный тип производящего хозяйства скотоводческого типа. В составе стада преобладали лошади, значительную долю составлял КРС при полном отсутствии мелкого рогатого скота.

Материалы памятника, без сомнения, являются уникальными для региона. Продолжение исследования поселения Новоильинка VI позволит получить новые объективные данные для решения проблем формирования и динамики развития энеолитических культур Алтая и сопредельных территорий.

Список литературы

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Остеологический комплекс раннеэнеолитического поселения Новоильинка-6 в Кулунде // Тр. филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана. – Астана: Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана, 2013. – Т. II. – С. 212–220.

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 202–206.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 207–211.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Историко-культурное наследие Бирюзовой Катуни (опыт интеграции в сферу туризма). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – С. 222.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 293 с.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Тр. IV (XX) Всерос. Археол. съезда в Казани. – Казань, 2014. – Т. I. – С. 297–301.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

УДК 904«634»(571.150)

К.Ю. Кирюшин[1,2], А.А. Гольева[3], Л.Л. Гайдученко[4], М.М. Силантьева[2], М.Ю. Соломонова[2], Н.Ю. Сперанская[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Институт географии РАН
[4]Челябинский государственный университет
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА III В 2014 ГОДУ*

В статье приводятся результаты исследования поселения Новоильинка III и их сопоставление с ранее полученными материалами. Представлена краткая история изучения памятника. Дано описание производственного объекта, условно названного «глинище». Важным итогом исследования является обнаружение на стенах раскопа следов от корней трав и деревьев, что позволило с высокой долей вероятности реконструировать последовательность развития растительных сообществ на изучаемой территории. Сопоставление итогов обследования стен раскопа с ранее полученными результатами фитолитного анализа подтверждает наличие лесных сообществ на месте исследования в прошлом.

Ключевые слова: *энеолит, глина, керамика, фитолитный анализ, лес, степь, следы корней.*

The article presents the results of a study of settlement Novoilinka III. Results of the study are compared with previously obtained result. The article gives a brief history of the study of this settlement. The settlement object was investigated in the 2014 and associated with ceramic production, tentatively called "Glinische". An important outcome of the study is a godsend on the walls of the excavation traces the roots of the trees. It allows to reconstruct the sequence of changes in plant communities on the territory of the settlement. The results confirm the presence of forest communities on the spot settlement in the Eneolithic.

Keywords: *Eneolithic, clay, ceramics, flake, phytoliths, forest, steppe, traces the roots.*

Памятник Новоильинка III открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто ок. 40 м^2 [Кирюшин, Ситников, 2013]. По костям животных с поселения Новоильинка III получена серия радиоуглеродных дат 4270 ± 170 тыс. л.н. (Ле-7534), 4585 ± 170 тыс. л.н. (СОАН-8318), 4310 ± 110 тыс. л.н. (СОАН-8319), 4250 ± 120 тыс. л.н. (СОАН-8320), что позволяет датировать материалы памятника серединой – второй половиной III тыс. до н.э. Калибровка этих дат почти на тысячу лет удревняет время формирования культурного слоя памятника.

В 2010–2013 гг. на поселении исследовано 560 м^2. Находки (керамика, каменные артефакты и кости животных) группируются на площади 360 м^2, около прокала в восточной части раскопа и в центральной части раскопа. В центральной части раскопа находки связаны с «пятнами» гумусированной супеси, которые имели аморфные границы по горизонтали и вертикали. Фрагменты от одних и тех же сосудов залегали на разных глубинах от 0,35 до 0,85 м.

Условия залегания материалов вызывало вопросы. Выдвигались различные предположения о формировании культурного слоя памятника, в том числе, что исследованный в 2010–2013 гг. участок представляет древний водоток (старица р. Бурла), который использовался в качестве места, куда выбрасывались мусор и пищевые отходы [Кирюшин, Ситников, 2013]. Работы 2014 г. позво-

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 14.Z50.31.0010 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Опубликовано при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00340).

лили дать ответы на некоторые вопросы. В 2014 г. было исследовано очередное «пятно» размерами 5,0 × 5,5 м и глубиной 1,55 м. Гумусированное заполнение «пятна» темно-серого и местами черного цвета прорезает песок светлого серого цвета и заканчивается на уровне глины. Северная сторона «пятна» имеет крутые, практически вертикальные края, а с южной стороны к нижнему уровню (глине) ведут ступени. Археологические находки связаны с гумусированными «пятнами» темного серого и местами черного цвета, и отсутствуют в окружающем песке серого цвета. Фрагменты керамики от одних и тех же сосудов залегали на разных глубинах от 0,4 до 1,55 м.

Есть все основания предполагать, что в зону раскопа попал производственный объект, условно названный «глинище» – место, где энеолитическое население добывало глину. В процессе раскопок отобраны разнообразные образцы для того, чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутое предположение. В качестве рабочей гипотезы мы исходим из того, что этот производственный объект имел перекрытие из органики, в процессе археологизации которой образовались гумусированные «пятна» заполнения. Можно предположить, что объект по каким-то причинам оказался заброшенным и после обрушения кровли, но до полного разложения органики его начали использовать как место для выброса мусора и пищевых отходов.

Фрагменты от одних и тех же сосудов рассеяны не только по вертикали, но и по горизонтали (до 8–10 м). Фрагменты сосудов, найденные около прокала в восточной части раскопа, апплицируются с находками из «пятен» в центральной части. Стоит отметить, что обломки сосудов различных морфоорнаментальных групп залегали совместно.

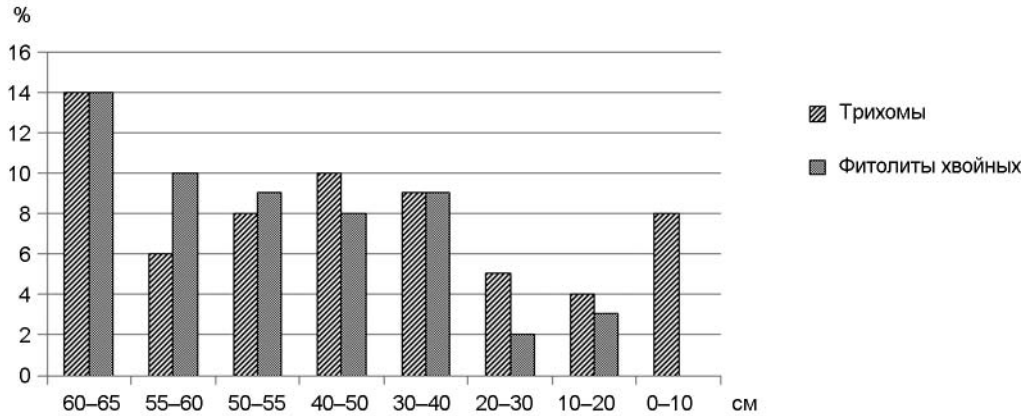
В 2012–2013 гг. на территории памятника были проведены палеоботанические исследования [Кирюшин и др., 2013]. В настоящее время растительность вокруг места археологических работ представлена различными вариантами травянистых сообществ от галофитных и настоящих вариантов степей до послелесных и солонцеватых лугов. Доминантами таких растительных сообществ являются злаки, пыльца которых не различима между собой. К тому же в степных условиях пыльца в почвах сохраняется плохо. Эти причины привели к выбору в качестве палеоботанического метода фитолитного анализа, так как фитолиты – кремневые копии клеток – наиболее специфичны у злаков.

По результатам фитолитного анализа на месте археологических работ реконструируется природная среда, отличающаяся от современной. Возможно, это опушка березово-хвойного леса или остепненный березовый колок с сосной. Материалом для вывода послужило наличие в нижних слоях фитолитного профиля, начиная с глубины культурного слоя (30–60 см от поверхности) фитолитов хвойных растений и увеличение доли лесных и луговых фитолитов в форме трихом (см. *рисунок*) [Кирюшин и др., 2013, Соломонова и др., 2013].

Фитолиты хвойных и трихомы не являются доминирующими формами ни на одной глубине профиля и совместно с ними встречаются фитолиты степных злаков [Соломонова и др., 2013]. Поэтому возникает трудность точного определения фитоценоза и установления времени сведения лесного сообщества.

При исследовании морфологического облика стенок раскопа в 2014 г. А.А. Гольевой были замечены четко выраженные следы корней древесных и травянистых растений в виде темных и светлых вертикальных линий неправильной формы различной протяженности. Анализ особенностей простирания и облика этих линий позволил реконструировать возможную смену растительного покрова на участке раскопа.

На восточной стенке одного из квадратов хорошо видна сплошная линия корней и червоходов, идущая вниз из слоя прокала на глубине 70 см



Доля участия фитолитов хвойных и трихом в фитолитном профиле, %.

от поверхности. Линия имеет понижение в области белесого прослоя под горизонтом прокала. Возможно, здесь было какое-то углубление (яма), в котором сжигалась древесина, т.к. горизонт черный, а обугленный слой состоит преимущественно из древесного угля различной размерности.

Червоходы и корни растений пронизывают темный горизонт, где горели деревья и нижележащий слой почвы. Наблюдаемая небольшая мощность и высокая плотность корневых ходов указывает на то, что на данном месте росли травы, сформировалась травянистая дернина.

В этом же раскопе на южной его стенке заметны вытянутые конусовидные образования белесого цвета, направленные вниз сужающимся концом. Образования имеют значительную протяженность (не менее 25–35 см), расположены единично или на значительном удалении друг от друга. Внутреннее заполнение однородное, белесое, по краям имеется хорошо выраженная тонкая каемка из уплотненного темно-бурого материала. Все эти признаки характерны для корневой системы сосны. В процессе жизнедеятельности корни хвойных выделяют агрессивные растворы, которые разрушают органо-минеральные пленки на поверхности минералов, окружающих корень. В результате соединения железа, входящие в состав пленок, переходят в подвижную форму, мигрируют от корня и осаждаются на границе корень-минеральной массой, формируя уплотненный ожелезненный чехол вокруг корня. В итоге после отмирания корня, создается характерная структура в виде вытянутого опрокинутого конуса неправильной формы с белесым заполнением внутренней части и ожелезненной каймы вокруг нее. След корня заканчивается в верхней части на той же глубине, где в восточной стенке проходит горелый слой. Это говорит о том, что дерево росло до образования горелого слоя.

Помимо корней сосны на других стенках раскопа поселения Новоильинка-3 фиксируются сходные крупные конусовидные образования, но с серовато-бурым заполнением и без охристой каймы вокруг заполнения. Эти формы являются следами корней лиственных деревьев, имеющих стержневую корневую систему.

Верхняя широкая часть конуса перекрывается более светлым материалом, в цвете которого доминируют бурые тона (0,3–0,4 м). Над этим прослоем на глубине 0,5–0,4 м расположен однородный темно-серый гумусовый горизонт. Прослой 0,3–0,4 м по своему облику напоминает корневую систему трав, описанную выше. Единственным отличием является отсутствие следов прокала, хотя единичные древесные угли так же присутствуют в толще. Еще выше слой 0,5–0,65 м, который имеет максимальную интенсивность серой окраски, он однороден с ровной линейной нижней границей. Это типично для пахотных горизонтов почв.

Такая последовательность морфофонов позволяет уверенно говорить, что исходно здесь росли лиственные деревья, которые были вырублены и участок зарос травами, а на последних стадиях развития распахивался.

Обобщая изученный материал и сопоставляя его с данными фитолитного анализа, можно с высокой долей вероятности реконструировать следующую последовательность развития растительных сообществ. Исходно на участке рос смешанный лес, в составе которого были сосны и лиственные деревья, вероятнее всего березы. Так как встречается большое количество фитолитов степных злаков, лес был разрежен. Сведение леса мы можем отнести ко времени формирования памятника. Выявлен участок, где располагалась яма, в которой сжигалась древесина. После сведения леса место исследования заросло травами, сформировался дерновый горизонт, почвообразование пошло по луговому типу. Впоследствии территория длительное время распахивалась, сформировался хорошо выраженный пахотный горизонт.

Таким образом, можно предположить, что поселение располагалось в разреженном березовом колке с примесью сосны. Возможно, лес был сведен не только для бытовых нужд, но и для облегчения доступа к глинищу. Ранее высказывалось предположение, что такое местообитание по аналогии с энеолитическими культурами Урало-Иртышского междуречья могло служить в качестве естественного загона для лошадей, т.к. поваленные деревья образуют естественную преграду [Кирюшин и др., 2013].

Список литературы

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Ситников С.М., Семибратов В.П., Соломонова М.Ю., Сперанская Н.Ю. Археоботанические и фитолитные исследования на поселении Новоильинка-3 (Северная Кулунда) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2014. – № 4. – С. 10–14.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 207–211.

Соломонова М.Ю., Силантьева М.М., Сперанская Н.Ю. Реконструкция растительного покрова мест археологических работ: Новоильинка-3 и Нижняя Каянча (Алтайский край), Тыткескень-2 (Республика Алтай) // Приволжск. науч. вестн. – Ижевск, 2013. – № 10. – С. 10–16.

УДК 904«634»(571.150)

К.Ю. Кирюшин[1, 2], М.М. Силантьева[2], М.Ю. Соломонова[2], Н.Ю. Сперанская[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФИТОЛИТНОГО АНАЛИЗА ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА VI*

В статье представлены результаты фитолитного анализа почвенного профиля стенки раскопа энеолитического поселения Новоильинка VI. Приведена характеристика растительности места исследования, отмечены особенности археологического памятника и его значимость для палеоэкологических построений. Для описания фитолитного профиля использован морфологический подход, но для интерпретации данных фитолиты разделены на несколько экологически значимых групп. Важным итогом является выделение в фитолитном профиле трех качественно различных слоев и обнаружение фитолитных спектров, характеризующих более мезофильные по сравнению с современными сообществами. Проведена аналогия с палеоботаническими исследованиями на территории энеолитического поселения Новоильинка III.

Ключевые слова: *археология, энеолит, поселение, жилище, фитолитный анализ, реконструкция, растительные сообщества, микробиоморфы.*

The paper presents results of phytolithic research on the Novoilinka VI settlement. The Novoilinka VI settlement refers to Eneolithic period. The article is described the characteristics of the vegetation on the explored site of the study and is mentioned the features of the archaeological monument and its significance for paleoecological reconstructions. The morphological approach was used to describe the phytolithic profile. The phytoliths divided into several environmentally significant groups for interpretation. Three qualitatively different layers were allocated in the phytolithic profile. Found spectra phytoliths are more mesophilic then modern communities. Comparisons were made with the palaeobotanical researchs within the Eneolithic settlement Novoilinka III.

Keywords: *archeology, Eneolithic, settlement, housing, phytoliths, reconstruction, plant communities, mikrobiomorfy.*

Поселение Новоильинка VI расположено в Хабарском р-не Алтайского края, на территории северной части Кулундинской степи. Зональная растительность – разнотравно-типчаково-ковыльные степи, переходные к луговым степям. На солонцах встречаются более ксерофитные галофитные варианты степей.

Непосредственно вблизи раскопа встречаются несколько вариантов растительности. К северу и северо-востоку от раскопа находится участок полынно-осочково-типчаковой степи. На востоке и юго-востоке находится заросший водоем (болото), отделенный от раскопа солонцеватым лугом. На западе и юго-западе наблюдается понижение рельефа, занятое послелесным лугом.

Археологический материал поселения датируется рубежом IV–III тыс. до н.э. (эпоха энеолита) и имеет много общего с материалами поселения эпохи энеолита Новоильинка III, расположенном на расстоянии 300 м от места исследования [Кирюшин, 2013].

Поселение Новоильинка VI – это стратифицированный памятник, культурный слой которого дошел до нашего времени в неразрушенном состоянии. В 2014 г. на поселении выявлены долговременные (зимние?) жилища. Это являет-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-22601); гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

ся большой редкостью, т.к. подавляющее большинство памятников неолита и энеолита Алтая представлено поселениями с разрушенным культурным слоем и археологические коллекции с них представлены сборами с поверхности, в результате чего произошло механическое смешение разновременных материалов [Там же]. Благодаря сохранности культурного слоя имеется возможность получения достаточно точных данных об экологической обстановке на момент формирования памятника и особенностях почвообразования.

Для решения вопросов палеоэкологии и хозяйственного предназначения памятника были отобраны образцы для следующих вариантов анализа: карпологический, химический, фитолитный и палинологический.

В настоящий момент получены результаты фитолитного анализа одного почвенного профиля. Благодаря специфичности фитолитов злаков метод удобен для палеоботанических исследований в степной зоне [Гольева, 2001].

Исследуемый профиль имеет мощность 70 см. На глубине примерно 35 см фиксируются останки костей лошади. Эту глубину мы принимаем за древнюю поверхность.

При классификации фитолитов применялся морфологический подход, для интерпретации

Соотношение фитолитов и других микробиоморф на различной глубине почвенного профиля, %

Микробиоморфы	Глубина, см											
	60–70	50–60	45–50	40–45	35–40	30–35	25–30	20–25	15-20	10–15	5–10	0–5
Двулопастные короткие частицы		2	1	1	7	1	2	2	6	2	1	2
Седловидные короткие частицы							1	1			1	
Трапециевидные короткие частицы	11	10	9	7	14	17	21	21	9	16	15	17
Усеченные конусовидные частицы	5	5	3	6	8	15	9	14	7	7	5	9
Неусеченные конусовидные частицы	1		1		2	1	1	1	1			1
Усеченные округлые частицы	3	5	8	4	5	6	11	12	9	6	5	6
Округлые глобулярные частицы	1	2				1	1	1				1
Трапециевидные полилопастные частицы	1	2	1	1	5	3	4	3	2	3	5	3
Трапециевидные волнистые частицы	1	1			1	1	1	3	2	4	2	3
Волнистые пластинки	5	6	2	7	9	8	13	10	15	13	17	12
Трихомы	18	16	19	26	10	17	7	8	13	8	11	8
Пластинки с ровными краями	5	5	3		1	2	2	1	1	3	2	3
Пластинки с порами						2	2	1				
Гладкие палочки	27	26	30	32	22	17	17	15	24	26	23	18
Волнистые палочки		1	1	2		1			2		1	1
Ребристые палочки	2	3	4		3	2	1	2	3	2	1	4
Мелкозубчатые палочки	2	2	1	2	2	2	2	1			2	2
Крупнозубчатые палочки				1	2	1	2	1	1	2		
Палочки с порами	4	3	5	1	3	1	2	1	1	1	1	1
Асимметричные палочки	2	2	1					1	1	2	3	2
Мелкие прямоугольники	3	3	2	2		1			2	2	1	2
Прямоугольники с гладкими гранями	2	1	2	2			1			1		
Прямоугольники с порами	3	4	4	5	4				1		1	1
Прочие	3		1	1		1		1		2	3	4
Спикулы	1	1	1		2							
Пыльца и споры			1									

результатов использованы описания фитолитных спектров разных фитоценозов А.А. Гольевой [2001].

В *таблице* представлены все описанные в почвенном профиле формы фитолитов и прочих микробиоморф в процентном соотношении.

Для удобства представления результатов фитолиты были разбиты на несколько экологических групп: фитолиты степных трав, фитолиты луговых и лесных трав, волнистые пластинки (встречаются у sp. *Koeleria* и некоторых других степных и лугово-степных злаков). В связи с тем, что среди длинных частиц палочки с ровными краями превосходят прочие формы в несколько раз, мы их все объединяем в одну группу.

Двулопастные короткие частицы встречаются у мезофильных злаков подсемейства *Panicoideae*, которые на юге Западной Сибири являются культурными и «сбежавшими» из культуры в естественную среду сорными видами [Сперанская, Соломонова, Силантьева, 2013].

Седловидные (рис. 1, *i, j*), короткие трапециевидные (рис. 1, *a–c*), усеченные (рис. 1, *d–f*) и неусеченные конусовидные (рис. 1, *g, h*), усеченные округлые частицы встречаются в пределах юга Западной Сибири преимущественно у злаков степных фитоценозов [Гольева, 2001; Соломонова, Силантьева, Сперанская, 2013].

Трихомы (рис. 1, *m, n*) и трапециевидные полилопастные частицы (рис. 1, *k, l*) являются фитоли-

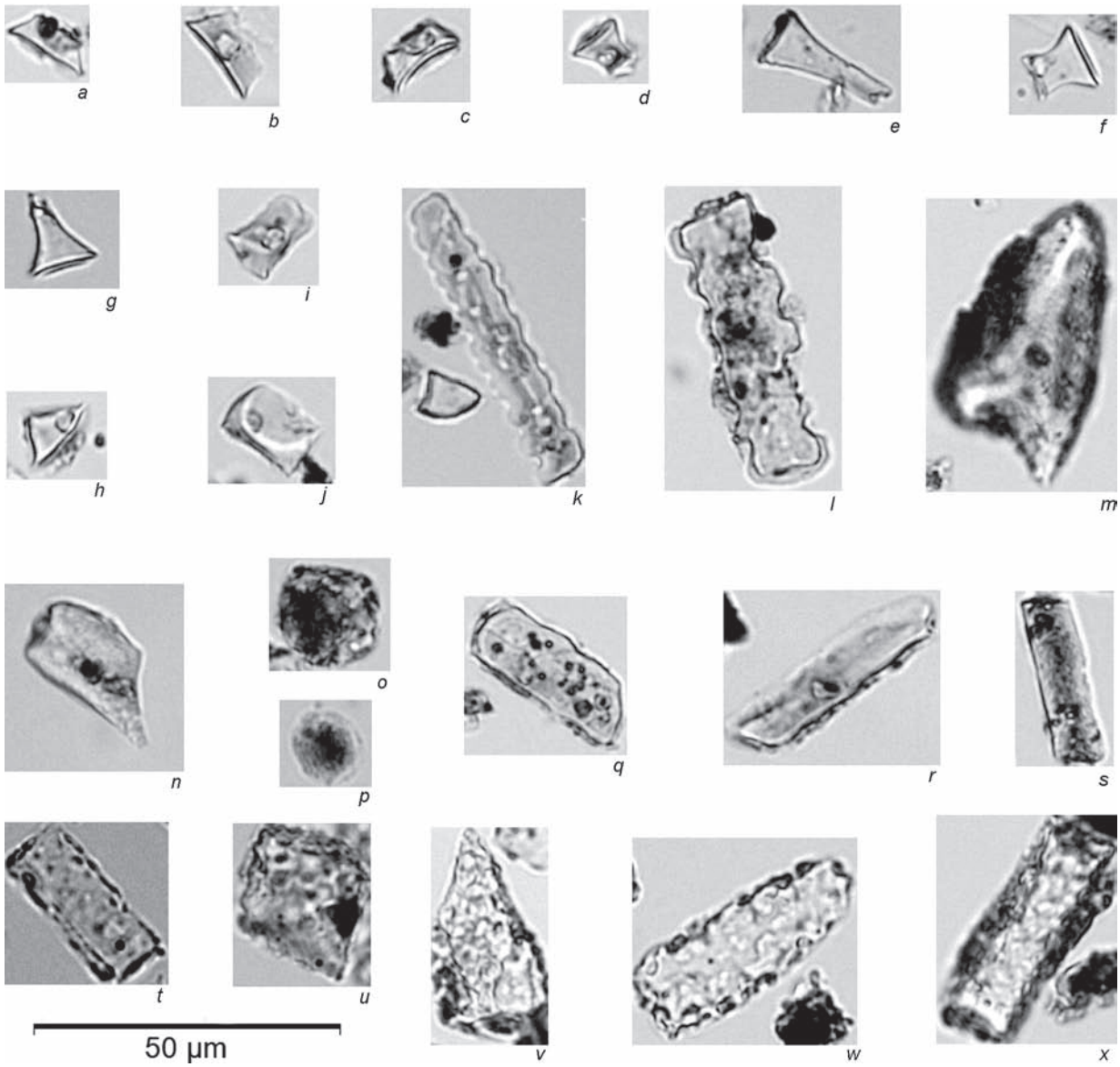


Рис. 1. Фитолиты почвенного профиля памятника Новоильинка VI.

a–c – трапециевидные короткие частицы; *d–f* – усеченные конусовидные частицы; *g, h* – неусеченные конусовидные частицы; *i, j* – седловидные короткие частицы; *k, l* – полилопастные трапециевидные частицы; *m, n* – трихомы; *o, p* – округлые глобулярные частицы; *q, r* – волнистые пластинки; *s, t* – длинные частицы (палочки); *u–x* – фитолиты игл хвойных.

тами лесных и луговых злаков (*Agrostis gigantea*, *Dactylis glomerata*) [Сперанская, Соломонова, Силантьева, 2013]. Округлые глобулярные частицы (рис. 1, *o, p*), возможно, являются разновидностью трихом лугово-степных и степных злаков, однако в большом количестве трихомы встречаются у луговых и лугово-степных видов [Соломонова, 2014], поэтому мы их также выделяем в условную группу фитолитов луговых и лесных трав.

Трапециевидные волнистые частицы и волнистые пластинки (рис. 1, *q, r*) более всего характерны для родов *Koeleria* и *Agropyron* [Динесман, Киселева, Князев, 1989].

А.А. Гольева отмечает, что фитолиты в форме пластинок характерны для сорной, лугово-степной и степной флор. Учитывая также их незначительную роль в почвенном профиле, мы относим пластинки (за исключением волнистых) на ряду с прямоугольниками с гладкими гранями к группе фитолитов без важного индификационного значения.

Длинные частицы в форме палочек (рис. 1, *s, t*) могут образовываться в эпидермисе как злаков, так и других семейств растений. Увеличение их числа указывает на возросшую роль разнотравья в фитоценозе по отношению к злакам.

Перфорированные структуры (рис. 1, *u–x*) являются индикаторами хвойных растений и поэтому выделяются в отдельную группу.

В фитолитном профиле (рис. 2) можно выделить три качественно различных участка.

I – участок почвенного профиля 35–70 см, расположен ниже уровня залегания костей и возможно, характеризует почвенный профиль на момент формирования памятника. Доминируют палочки (в основном ровные и гладкие). На глубине 45–70 см количество фитолитов степных и луговолесных злаков примерно одинаково, на глубине 35–45 см фитолитные спектры носят более луговой характер. Незначительное количество перфорированных форм не позволяет судить о наличии лесных сообществ на территории в момент формирования этого слоя профиля. В настоящее время в непосредственной близости к археологическому объекту есть участки послелесных лугов, что является доказательством возможности развития здесь лесных сообществ в прошлом.

II – участок почвенного профиля 20–35 см, характеризуется резким возрастанием количества фитолитов степных злаков, снижением доли перфорированных частиц, резким снижением фитолитов в форме палочек и незначительным постепенным уменьшением доли луговых и лесных форм. Также возрастает роль волнистых пластинок, что может указывать на присутствие видов *Koeleria* или *Agropyron*. Большинство видов этих родов в местной флоре также являются степными. Резкое

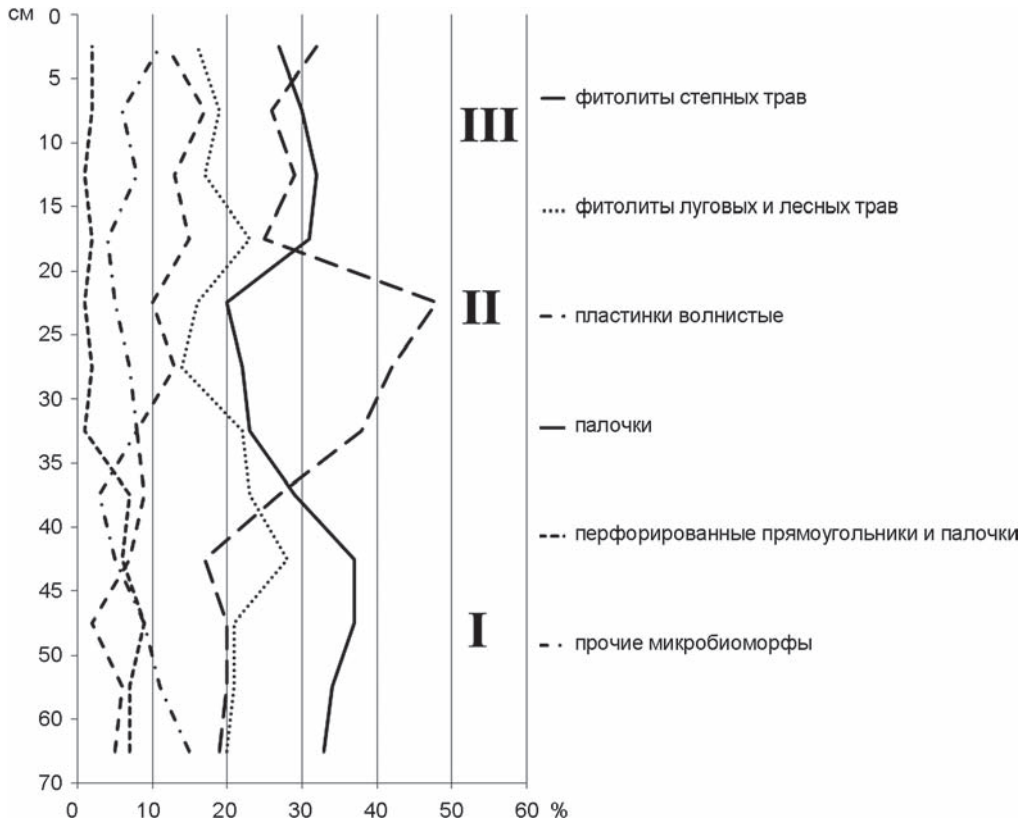


Рис. 2. Фитолитный профиль памятника Новоильинка VI.

остепнение территории первоначально могло быть связано с деятельностью человека, в т.ч. и в эпоху существования энеолитической культуры.

III – участок почвенного профиля на глубине 0–20 см, характеризуется незначительным олуговением. Снижается доля степных фитолитов и увеличивается доля палочек. Последнее, возможно, связано с увеличением доли разнотравья в фитоценозе.

Таким образом, природные условия для поселения Новоильинка VI в период его формирования аналогичны природным условиям памятника Новоильинка III. В обоих случаях рассматривается возможность присутствия лесных сообществ на территории в момент формирования археологических объектов, отмечается сведение леса и последующее остепнение сообществ [Кирюшин и др., 2013].

Список литературы

Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. – Сыктывкар: Элиста, 2001.

Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В. История степных экосистем Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1989. – 215 с.

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 202–206.

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Ситников С.М., Семибратов В.П., Соломонова М.Ю., Сперанская Н.Ю. Археоботанические и фитолитные исследования на поселении Новоильинка-3 (Северная Кулунда) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – Томск, 2013. – № 4 – С. 10–14.

Соломонова М.Ю. Отличительные особенности фитолитов (на примере трихом) мезофильных и ксерофильных злаков // Мат-лы Всерос. конф. молодых ученых «Экология: популяция, вид, среда». – Екатеринбург, 2014. – С. 137–145.

Соломонова М.Ю., Силантьева М.М., Сперанская Н.Ю. Реконструкция растительного покрова мест археологических работ: Новоильинка-3 и Нижняя Каянча (Алтайский край), Тыткескень-2 (Республика Алтай) // Приволжск. науч. вестн. – Ижевск, 2013. – № 10. – С. 10–16.

Сперанская Н.Ю., Соломонова М.Ю., Силантьева М.М. Трихомы и лопастные фитолиты растений как возможные индикаторы мезофильных сообществ при реконструкции растительности // Приволжск. науч. вестн. – Ижевск, 2013. – № 11. – С. 40–46.

УДК 902.2

Ю.Ф. Кирюшин[1, 2], Д.В. Папин[1, 2], А.А. Редников[2], А.С. Федорук[2], Я.В. Фролов[2]

[1]Алтайский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: papindv@mail.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ БУРЛА III*

В статье подводятся итоги исследования поселения Бурла III, расположенного в степной зоне Алтая. Делается вывод о его хронологии и культурной принадлежности. Указывается на возможность миграции населения с территории Средней Азии.

Ключевые слова: *Алтай, поселение, эпоха поздней бронзы, керамика, жилище.*

The article summarizes the research results of the Burla III settlement, located in the steppes of the Altai. The chronological and cultural attribution was identified. The supposition was made about possible migration of the population from the Central Asia.

Keywords: *Altai, settlement, Late Bronze Age, pottery.*

Исследование поселения Бурла III было начато сотрудником Алтайского государственного университета В.С. Удодовым в 1983 г. и продолжалось по 1988 г. Им был заложен раскоп на краю распаханного поля у полевой дороги, ведущей вдоль края речной террасы. Общая исследованная площадь составила ок. 600 м². Было изучено три расположенных компактной группой подквадратных жилища эпохи поздней бронзы [Кирюшин, Удодов, 1990, 1991, 1992; Удодов, 1988, 1989, 1990, 1991, 1994]. Полученные результаты были обобщены в диссертации «Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды» [Удодов, 1994].

В административном плане памятник расположен в Хабарском р-не Алтайского края, в 3,7 км северо-восточнее въезда в райцентр Хабары и в 0,74 км к северу от трассы Хабары – Усть-Курья. Район работ находится в засушливой степной подзоне Приобского плато, в пределах Бурлинской ложбины древнего стока, непосредственно у уступа к современной долине р. Бурла. Превышение над уровнем поймы составляет 5 м. Поверхность сложена среднезернистыми неслоистыми перевеянными песками, имеет слабый уклон в сторону русла р. Бурла. Ландшафт представлен низинными равнинами с солонцово-лугово-степными (верхняя) и лугово-солонцово-солончаковыми (нижняя) террасами аллювиального происхождения с относительной высотой 1–5 м.

В 2014 г. было продолжено полевое изучение поселения Бурла III, работы были сосредоточены в центральной части памятника, где раскопом 2013 г. удалось обнаружить остатки трех конструкций [Кирюшин и др., 2013]. С целью прогнозирования дальнейшего изучения памятника осенью того же года было проведено исследование методом электромагнитного частотного зондирования, показавшее перспективность изучения восточного сектора [Папин и др., 2014]. Новый раскоп общей площадью 320 м² был прирезан к восточному краю раскопа предыдущего года. Таким образом, за период 2013–2014 гг. на памятнике было вскрыто 472 м² (рис. 1). Итогом работ стало полное исследование одного жилища и частичное исследование еще двух построек. Исследованный объект относятся к типу двухкамерных сооружений полуземляночного типа общей площадью ок. 200 м².

Камера № 1 подпрямоугольной в плане формы имела размеры 12,5–13,6 (по линии юго-запад – северо-восток) и 6,1–7,5 м (северо-запад – юго-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00360) и в рамках госзадания (проект № 1006 «Использование естественно-научных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности»).

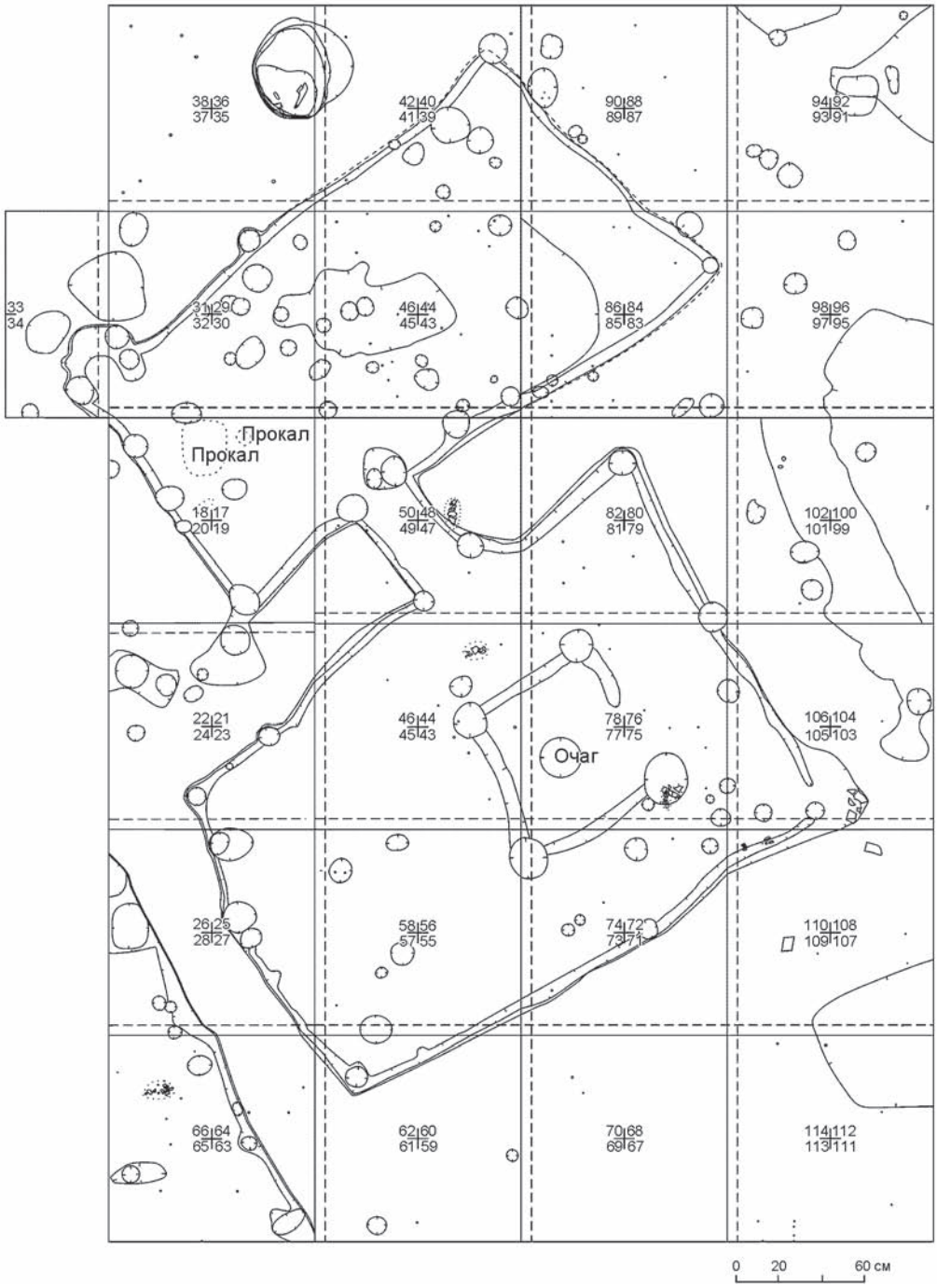


Рис. 1. План раскопа на поселении Бурла III.

восток). Котлован достаточно отчетливо фиксировался на уровне материкового горизонта и предполагаемого древней поверхности. Стенки котлована преимущественно вертикальные, дно ровное, однако имеется плавное повышение к северной стене. В пределах котлована и непосредственно у его стен исследовано более 50 ямок, связанных с конструкцией сооружения, большинство из которых расположено в центральной части котлована, либо вдоль его края. В северо-восточном углу стена котлована не имеет четкого вертикального профиля, а полого выступает за край жилища, вероятно, здесь располагался выход из жилища.

Камера № 2 расположена в 2 м южнее камеры № 1 и соединена с нею четким коридорообразным переходом (ширина коридора 1,5 м, длина 2,2 м). Имеет под прямоугольную в плане форму. Размеры 13,2–13,6 (по линии юго-запад – северо-восток) и 8,2–10,25 м (северо-запад – юго-восток). Котлован отчетливо фиксировался на уровне предполагаемого древнего горизонта. Стенки

котлована вертикальные (лишь юго-восточный угол имел расплывчатые очертания), дно ровное, зафиксировано на глубине 0,2–0,3 м. В пределах котлована и непосредственно у его стен исследовано более 30 ямок, связанных с конструкцией сооружения. Также наблюдаются ряды ям в центральной части котлована и вдоль его стен. В центре сооружения между четырех столбовых ям соединенных между собой канавками, зафиксирован прокал округлой в плане формы, линзовидного сечения, мощностью в центральной части до 0,15 м. Важной конструктивной особенностью всего сооружения является наличие по всему периметру неглубокой канавки, в которую в ряде случаев включены столбовые ямки.

В 2 м юго-западнее камеры № 2 продолжено изучение конструкции, частично уходящей в раскоп В.С. Удодова. Исследован участок площадью ок. 17 м². Зафиксирована восточная стена котлована, вдоль которой обнаружено семь столбовых ямок и одна хозяйственная яма (в заполнение находился развал сосуда бегазы-дандыбаевского облика), непосредственно на дне сооружения обнаружено скопление фрагментов керамики, часть из которых орнаментирована пальцевыми защипами.

В 2 м к востоку от двухкамерного жилища зафиксированы остатки еще одного котлована (глубина до 0,25 м от уровня материковой поверхности), слабо выделяющегося на фоне материка. Вдоль края данного сооружения также прослежен ряд ямок, вероятно, связанных с его конструкцией. В заполнении данного котлована был найден фрагмент глиняной крышки (рис. 2, *1*).

В 2 м севернее котлована камеры жилища № 1 обнаружен объект № 2 – крупная хозяйственная яма (диаметр 2,5 м и глубиной 0,9 м от уровня материковой поверхности), насыщенная фрагментами керамики, камней, костями животных, шлаком, в том числе здесь был найден фрагмент стенки сосуда с ручкой (рис. 2, *2*).

В ходе работ сформировалась многочисленная коллекция керамики (преимущественно изготовленной на гончарном круге, хотя имеется бегазы-дандыбаевская и саргаринско-алексеевская посуда). К серии бронзовых изделий относятся: тесло с кольцевым валиком-упором (рис. 2, *7*), фрагмент лезвийной части ножа (рис. 2, *11*), фрагмент бронзового крюка (рис. 2, *6*), бронзовый крючок (рис. 2, *5*) (Н.А. Ананесовой подобное изделие из клада у аула Тулайкин отнесено к рыболовным крючкам [Аванесова, 1991, с. 36, рис. 36, 35]), зубильце, пронизь (рис. 2, *10*), втульчатый наконечник стрелы со слабовыраженными лопастями (рис. 2, *8*) (аналогии широко известны в материалах памятников эпохи поздней бронзы – поселения Кент [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 128, рис. 27, *9, 10*], Малокрасноярка [Черников, 1960, с. 241, рис. 44], Павловка I), переиспользованное бронзовое втульчатое тесло с тамгой (рис. 2, *3*) (относится к типу III по классификации Н.А. Аванесовой и имеет аналогии на поселении Степняк и Алексеевском поселении [Аванесова, 1991, с. 33, рис. 7, *14*; 37, *14, 15*]), предмет после слома в зоне втулки, впоследствии использовался как клиновидное орудие. Каменные и глиняные предметы представлены фрагментами зернотерок, лощильцами, крышками сосудов, фрагментами керамических «подставок» (более 10 экз.).

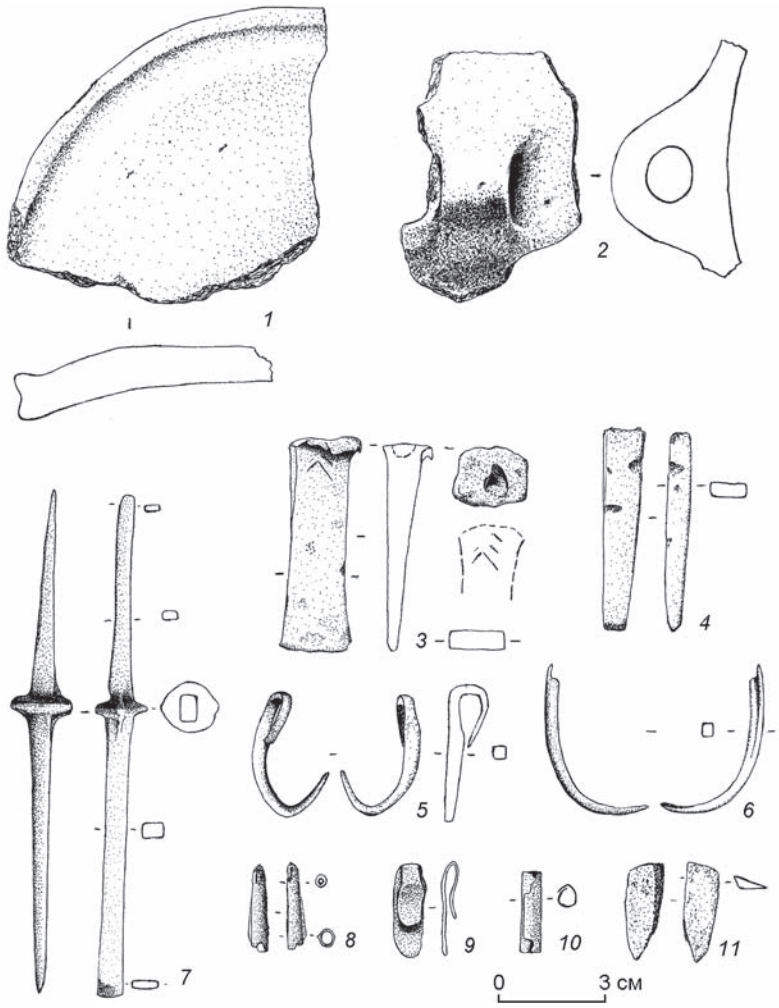


Рис. 2. Материалы из раскопок поселения Бурла III.

Обобщая результаты полевого изучения памятника, можно сделать следующие выводы. Поселение Бурла III являлось стационарным поселком с организованной архитектурно-планировочной застройкой, на памятнике выделяется производственный участок, связанный с производством керамики на гончарном круге. Керамический комплекс памятника не имеет полных аналогий в регионе и на сопредельных территориях (преобладание станковой керамики), круг аналогий указывает на раннюю в пределах эпохи поздней бронзы хронологическую позицию памятника, чему не противоречат радиоуглеродные даты, полученные по углю из первой камеры. Можно предположить, что памятник демонстрирует проникновение на юг Западной Сибири на рубеже развитого и позднего бронзового века групп населения, связанных с традициями Средней Азии.

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент, 1991. – 200 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во Карагандинск. гос. ун-та, 2002. – 138 с.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Проблема изучения «бурлинского типа» памятников эпохи поздней бронзы на территории степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 212–215.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. Экологические факторы и формирование культуры эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 39–43.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. К археологической карте Кулунды // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С. 26–29.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. Некоторые вопросы хронологии памятников бронзового века Алтая // Маргулановские чтения 1990 г. – М., 1992. – Ч. I. – С. 84–90.

Папин Д.В., Федорук А.С., Черных Д.В., Бирюков Р.Ю. Предварительные результаты электромагнитного изучения поселения Бурла-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Мат-лы регион. науч.-практ. конф.) – Барнаул: Азбука, 2014. – Вып. XX.

Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988. – С. 107–110.

Удодов В.С. Некоторые закономерности развития валиковой традиции на Алтае // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул, 1989. – С. 55–57.

Удодов В.С. Некоторые результаты археологических исследований на р. Бурле // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – С. 39–43.

Удодов В.С. О роли бегазы-дандыбаевского компонента в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул, 1991. – С. 84–92.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – 1960. – № 88. – 276 с.

УДК 902.2

Л.С. Кобелева[1, 2], И.А. Дураков[3], А. Наглер[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Новосибирский государственный педагогический университет
[4]Германский археологический институт
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

КУРГАН АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК АРХИТЕКТУРНЫЙ ПАМЯТНИК (по материалам могильника Погорелка-2)*

Публикация посвящена исследованию устройства насыпей андроновских (федоровских) курганов Барабинской лесостепи по материалам могильника Погорелка-2. В ходе совместных российско-немецких исследований были раскопаны три кургана андроновской (федоровской) культуры и получены сведения по сооружению надмогильных архитектурных конструкций. В частности, фрагменты овальных строительных блоков, т.н. вальков и слоев очень плотного грунта, четкое обособление ритуального пространства вокруг центральных погребений четырьмя вытянутыми рвами или ямами, а также следы использования огня.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, эпоха развитой бронзы, андроновская (федоровская) культура, курган, погребальный комплекс.*

This publication contains information on research of embankments of Bronze Age Andronovo (Fedorovo) barrows developed in Barabinsk forest steppe based on materials from the Pogorelka-2 site. Information was obtained for the construction of architectural structures gravestones. In particular, fragments of the oval building blocks, the so-called «Valki» and very dense soil layers, clear separation of space around the central ritual burials by four elongated trenches or pits, and the traces of the use of fire were educed.

Keywords: *Western Siberia, Barabinsk forest-steppe, Bronze Age, Andronovo (Fedorovo) culture, burial complex.*

Как правило, в посвященной описанию погребальных памятников литературе для земляного или каменно-земляного надмогильного сооружения общеупотребительным является термин «курганная насыпь», получивший распространение более ста лет назад. Правомерность такого определения насыпи долгое время серьезно не была оспорена, хотя подобные попытки в теоретических работах предпринимались. Впервые заключение о кургане как о бывшем архитектурном сооружении было сделано М.П. Грязновым [1961, с. 22–25]. Впоследствии к этому вопросу возвращались Я.А. Шер [2009], К.А. Акишев и С.Ю. Гуцалов [Гуцалов, 2002, с. 22]. В 2013 г. А. Наглер на примерах раскопанных им курганов скифо-сакского времени рассматривает курган как сложную дефиницию, частью которой является построенное над ним сооружение, являющееся памятником своеобразной архитектуры [2013]. Насыпи андроновских курганов с этой точки зрения ранее не рассматривались.

В Центральной Барабе были выявлены своеобразные комплексы андроновской (федоровской) культуры, получившие название «курганы с квадратными рвами». Такие сооружения найдены на могильнике Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002. с. 48–62] и Погорелка-2 [Наглер и др., 2011, с. 212–216; 2012, с. 249–253].

Конструктивной особенностью этих погребальных сооружений является четкое обособление ритуального пространства вокруг центральных погребений. В большинстве случаев это конструкция в виде четырех вытянутых рвов, образующих правильный квадрат, ориентированный углами по сторонам света. В кург. № 13 могильника Погорелка-2 в северо-западном и юго-

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

восточном рвах были оставлены проходы в виде узких (30-40 см) перемычек.

В двух случаях – в кург. № 43 могильника Погорелка-2 [Наглер и др., 2012, с. 249–250] и в кург. № 17 могильника Старый Тартас-4 [Молодин и др., 2002, рис. 3] погребальная площадка ограничена заменяющими рвы вытянутыми ямами. По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с упрощением погребальной конструкции с целью уменьшения трудозатрат на ее постройку.

Все описанные рвы имели профиль с очень пологой неровной внешней стенкой и ровной прямой, отвесной – внутренней. Дно неровное и постепенно углубляется по направлению от внешней стенки к внутренней. В случаях, где рвы заменены ямами, эти особенности также соблюдены. Глубина рвов колеблется в пределах 0,35 м, ширина – 1 м. Размеры огороженной рвами площадки во всех случаях примерно одинаковы 15 × 15 м. О важности данной детали погребальной конструкции говорит ее устойчивость. Например, асимметричный профиль сохраняется у рвов андроновских погребений могильника Тартас-1, хотя другие элементы обряда на этом памятнике уже подверглись значительной трансформации [Молодин и др., 2013].

Похожие конструкции, как и близкие в плане сооружения, зафиксированы на более поздних памятниках ирменской культуры, что указывает на хронологическую близость сопоставляемых комплексов данных культур [Молодин, 1985, с. 131–136; Молодин, Чикишева, 1988, с. 132, 135, 146, 148; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 53].

На огороженном рвами или погребальном пространстве располагалось от одной до трех могил. Если могил было больше одной, они были симметрично смещены от геометрического центра погребальной площадки, что говорит о единой планировке их расположения.

Наблюдения, произведенные во время работ на могильнике Погорелка-2, позволяют дополнить сведения об особенности возведения курганов. Курганные насыпи, где это удалось проследить, состояли из фрагментов овальных строительных блоков т. н. вальков и слоев очень плотного грунта. Вальки вылепливались вручную из сильно гумусированной глины, по всей видимости, без каких либо искусственных добавок. Длина их 10–15 см, ширина 7–10 см.

Слой кладки фиксируется на расстоянии 0,2–1,2 м от края рва. Погребенной почвы не прослеживается как внутри строения, так и за его пределами, по всей видимости, перед началом работ весь дерн на площади строительства снимался.

Форма надмогильных сооружений определялась рвами, т.е. в плане была подквадратной и, видимо, представляла собой платформу. Учитывая форму рва (внешняя сторона очень пологая, внутренняя отвесная), все сооружение создавало иллюзию ступенчатой пирамиды. Первая ступень образовывалась внутренним краем рва, вторая – подквадратной платформой из дерна и сырцового кирпича. Следы третьей ступени не прослежены, но учитывая то, что общая высота насыпи превосходила прослеженную платформу, ее существование вероятно.

Впоследствии полученное сооружение, видимо, длительное время использовалось для проведения каких-то ритуальных действий. На это указывают следы кострищ во рвах и насыпях большинства курганов.

Во рву кург. № 13 могильника Погорелка-2, судя по слоистой структуре прокала, костер возобновлялся не менее десяти раз. Свидетельства совершения ритуалов захоронения с использованием огня зафиксированы на многих андроновских могильниках. Например, ямы со следами огня присутствуют в Хрипуновском могильнике на территории Притоболья [Матвеев, 1998, с. 194.]

Трудно сказать, являются ли вышеописанные наблюдения общим правилом в архитектуре курганов андроновской (федоровской) культуры. Учитывая, что курганы с обособлением погребального пространства в виде прямоугольных или квадратных каменных оградок встречаются на памятниках Минусинской котловины и Казахстана [Усманова, 2005, рис. 32, *1*, 34, *3*; Маргулан, Акишев и др., 1966, Максименков, 1978, табл. I, XVIII, XXI; Могильников, 1998, с. 30, рис. 2, 4, 8], вполне можно предположить, что тип надмогильного сооружения в виде подпрямоугольной ступенчатой пирамиды характерен и для других территорий распространения андроновской (федоровской) культуры.

Список литературы

Грязнов М.П. Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. – М., 1961. – С. 22–25.

Гуцалов С.Ю. Курган прохоровской культуры как памятник архитектуры // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. – С. 30–31.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 192 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 436 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.

Могильников В.А. Курганы Корболиха-1 – памятник андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – № 3. – С. 29–43.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ковыршина Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Наглер А., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Вариативность погребального обряда андроновской (федоровской) культуры на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 260–264.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 48–62.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–206.

Наглер А. Погребальные сооружения раннего железного века степей Евразии // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1. – С. 222–232.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновский (федоровский) курган на могильнике Погорелка-2 (Центральная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 212–216.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновские (фёдоровские) курганы могильника Погорелка-2 в центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 249–253.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда, Лисаковск, 2005. – 232 с.

Шер Я.А. Археология изнутри. Научно-популярные очерки. – Кемерово, 2009. – 221 с.

УДК 903.5

Ю.Н. Ковыршина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ АНДРОНОВСКИХ (ФЕДОРОВСКИХ) КРЕМАЦИЙ НА МОГИЛЬНИКЕ ТАРТАС-1 (некоторые методические аспекты)*

Носители андроновской культуры исполняли обряд захоронения по типу как ингумации, так и сожжения тела покойного. Могильник Тартас-1 содержит оба варианта, при этом кремация представлена двумя видами: крупно- и мелкофрагментированная. Работа посвящена нескольким методическим аспектам, связанным с исследованием андроновских (федоровских) захоронений с крупнофрагментированной кремацией на памятнике Тартас-1, а также наличию в подобного типа погребениях инвентаря со следами огня, что тоже представляет немалый интерес. Фиксация сожженного инвентаря, особенностей в расположении фрагментов сожженных костей человека возможна лишь при очень тщательной и методичной расчистке захоронения.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, могильник Тартас-1, андроновская культура, кремация.*

By bearers of the Andronovo culture the funeral ceremonies were performed in the shape of the inhumation and the burning of the dead body. The Tartas-1 burial ground contains both variants. As a rule, the cremation is represented by two types: coarsely and finely fragmented. The work is devoted to several methodological aspects of the study Andronovo graves with coarsely fragmented cremation on the monument Tartas-1. This type of burials has equipment with traces of fire, which also is for us of great interest. Fixation of burnt inventory, peculiarities in the arrangement of the fragments of burnt human bones are possible only with careful and methodical clearing of burial.

Keywords: *Western Siberia, Tartas-1 burial ground, Andronovo culture, cremation.*

Исследования памятника Тартас-1 насыщены открытиями оригинальных конструктивных особенностей погребальных комплексов андроновской (федоровской) культуры [Молодин и др., 2013, с. 260–264]. В 2014 г. вскрыто более 30 погребений, из которых 12 могильных ям содержали кремированные останки человека. Для сравнения в 2013 г. таких погребений было только 10 из более чем 50.

Данная статья посвящена методическим аспектам исследования андроновских (федоровских) захоронений с кремацией на могильнике Тартас-1 в 2014 г. В первую очередь, это касается стадии выборки заполнения могильной ямы, во-вторых, расчистки и разбора самого сожжения.

Захоронения с трупосожжениями свойственны андроновской (федоровской) культуре. Для них характерно отсутствие следов огня в погребальной яме и размеры ямы такие же, как для захоронения с трупоположением. Сожжение выполнялось на стороне, кремированные кости человека собирались с места сожжения в какие-то емкости и транспортировались к месту погребения. В процессе погребальных действий жженые кости человека помещались в могильную яму компактным, порой вытянутой формы, скоплением. Туда же клали характерный для погребальной практики инвентарь [Грязнов, 1970, с. 37–44; Хлобыстина, 1973, с. 50–63; Косарев, 1981, с. 117–132; Виноградов, 1984, с. 136–153; Вадецкая, 1986, с. 41–50; Сотникова, 2003, с. 178–184].

Захоронения с сожжениями на могильнике Тартас-1 не противоречат этой общей характеристике. Более того, возможно добавить некоторые результаты наблюдений, например, наличие двух видов захоронений с кремациями: с мелко и крупно фрагментированными жжеными костями. Кроме того, зафиксировано на памятнике и наличие «биритуальных» погребальных комплексов.

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

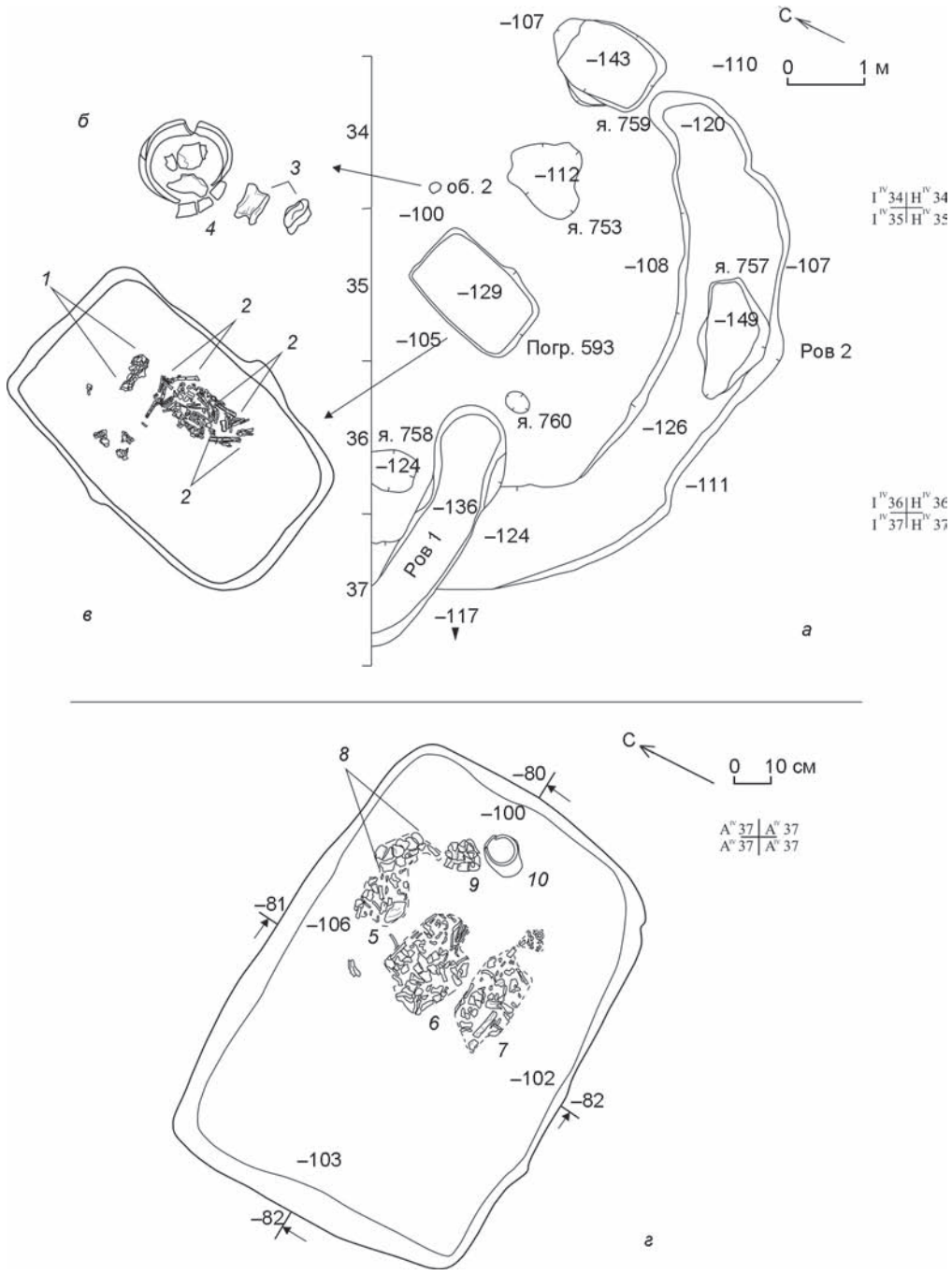
В 2014 г. в процессе расчистки погребений с сожжениями № 579 и 593 зафиксировано весьма интересное расположение определяемых крупных фрагментов жженых костей человека. Во многом это связанно с не очень тщательным обжигом тел умерших. Эталоном различной степени обожжения костей человека в одном скоплении может служить скопление № 1 в погребении № 579, где это хорошо фиксируется визуально – от белых по цвету сильно кальцинированных до обугленных, имеющих черный, иссиня-черный оттенок, и до вообще практически не тронутых пламенем костей.

Погребение № 579 подпрямоугольной формы размером 1, 34 × 0, 93 м, глубиной от уровня материка до 0, 25 м, расположено в одном ряду с погребениями № 577, 563, 564, 555. Все они относятся к андроновской (федоровской) культуре. На дне в восточной половине погребения № 579 зафиксировано расположение трех компактных скоплений жженых костей человека. Погребальный инвентарь представлен двумя керамическими сосудами, характерными для андроновской (федоровской) культуры. Наиболее показательным является скопление № 1, примыкающее к северной стенке и вытянутое по длиной оси по линии восток-запад. Оно имело размеры 0,27 × 0,13 м. В восточной части скопления лежали практически не подвергшиеся температурному воздействию, вполне различимые крупные фрагменты костей черепа человека, а далее были высыпаны оставшиеся, со следами разной степени воздействия огня, крупные фрагменты костей, неподдающиеся идентификации. Необходимо отметить, что справа от костей черепа был обнаружен небольшой археологически целый неорнаментированный керамический сосуд. Судя по расположению относительно друг друга, он мог быть предназначен именно для скопления № 1. Скопления № 2 и 3 несколько более крупные, чем скопление № 1, имели следующие размеры: 0,28 × 0,2 м и 0,29 × 0,14 м соответственно. Жженые кости человека в обоих скоплениях крупно фрагментированы, но плохо поддаются идентификации. Орнаментированный сосуд баночной формы средних размеров, видимо, нужно отнести к этим скоплениям (см. *рисунок*, *г*).

Сходную ситуацию мы наблюдали в погребении № 593 подпрямоугольной формы размером 1,65 × 1,05 м, глубиной от уровня материка до 0,28 м, ориентированном по длинной оси по линии север – юг. Скопление жженых костей, обнаруженных на дне могильной ямы в ее центральной части (с незначительным смещением в сторону восточной стенки), имело вытянутую форму по той же линии, что и ориентация могилы. Скопление кальцинированных костей состояло из двух крупных и четырех мелких участков. Как и в могиле № 579, мы видим выложенные локально идентифицируемые кости черепа, затем примыкающую к нему оставшуюся часть кремации, в которой при разборке обнаружено всего несколько мелких фрагментов костей черепа. Кроме того, определяются фрагменты длинных костей конечностей. Погребение имеет ряд особенностей: находится внутри кольцевидного рва № 2, часть которого исследована в этом году; может быть взаимосвязано с объектом № 2 представленным перевернутым керамическим сосудом классического андроновского облика, располагавшимся на материке с северной стороны от захоронения. Под сосудом находился фрагмент бересты и бронзовой проволоки (серьга?), а рядом два астрагала. В целом обряд погребения, ориентация могильной ямы, возможная связь с предметным комплексом объекта № 2 позволяют отнести погребение к андроновской (федоровской культуре) (см. *рисунок*, *а–в*). При зачистке кремации для последующего фотографирования и рисунка сложилось стойкое впечатление, что отдельно вырисовался не только локализованный крупный участок с фрагментами жженых костей черепа в верхней части, но и длинных костей скелета, расположенных в средней и нижней части скопления, по сути, там, где должны быть кости рук и ног, если бы мы имели дело с обрядом ингумации.

Таким образом, возможно, мы имеем случай, когда для кремированных погребенных в процессе захоронения выполняющие это ритуальное действие люди пытались соблюсти хотя бы относительный анатомический порядок в размещении сгоревшего скелета, разложив жженые кости в необходимой последовательности, как минимум, отделяя кости черепа от прочих. Также может быть не случайным и то, что при размещении жженых костей на дне могильной ямы скоплению придавалась вытянутая форма.

Другой аспект связан уже с вопросом о погребальном инвентаре. Осмотр фрагментов жженых костей в нескольких захоронениях, при выемке из погребения и дополнительной расчистке, позволил выявить остатки погребального инвентаря, который находился с телом в момент сожжения. Это костяной альчик (погребение № 575), фрагментированный костяной наконечник стрелы (погребение № 592), каменная ножевидная пластина (погребение № 592). Важно, что все эти предметы фрагментированы и имеют следы воздействия высоких температур. Мы определенно можем говорить о наличии ряда подобных погребений и



Захоронения с кремацией на памятнике Тартас-1.

а – план погребального комплекса (раскоп 2014 г.); *б* – объект 2: *3* – астрагалы (кость), *4* – андроновский сосуд (керамика); *в* – погребение № 593: *1* – область залегания костей черепа человека, *2* – область залегания длинных костей человека; *г* – погр. № 579: *5–7* – жженные кости человека (скопления № 1, 2, 3), *8* – область залегания практически необожженных костей черепа человека, *9* – неорнаментированный сосуд (керамика), *10* – орнаментированный сосуд (керамика).

очевидности тщательного исследования всех косточек кремации, лежащих в скоплениях, среди них могут встречаться фрагменты инвентаря.

В связи с вышесказанным, хотелось бы обратить особое внимание исследователей на необходимость тщательной работы с кремацией во время расчистки и разборки археологических памятников. Предметы материальной культуры порой настолько фрагментированы и подвержены столь сильному воздействию огня, что их очень трудно отличить от осколков костей человека. Тщательное изучение сгоревших костей позволяет получить определенную информацию по возрастным данным трупа, а характер инвентаря – сделать предположения относительно пола умершего, возможного социального статуса.

Необходимо отметить, что некоторые ученые при реконструкции андроновского обряда захоронения с кремацией предполагают помещение фрагментов жженых костей в «подобие умершего», в куклы, заворачивание в одежду умершего [Грязнов, 1970, с. 37–44; Виноградов, 1984, с. 136–153; Сотникова, 2003, с. 178–184]. Может показаться, что данные, о которых шла речь выше, не подтверждают этой гипотезы, поскольку отмеченные выше случаи захоронения трупосожжений на памятнике Тартас-1 порой явно имитируют положения целого трупа. Косвенно данную предпосылку подтверждают и фрагменты инвентаря среди сожжений.

Захоронения андроновской (федоровской) культуры по обряду сожжения вызывают много вопросов, догадок и предположений. Необходимо провести работу по обобщению полученных данных о захоронениях с кремацией как по материалам могильника Тартас-1 (рассмотреть планиграфию, инвентарный комплекс и пр.), так и могильников андроновского времени от Зауралья до Минусинской котловины. Полноценная выборка с памятника Тартас-1 возможна при наиболее полном его изучении.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – М.: Наука, 1986. – 179 с.

Виноградов Н.Б. Кулевичи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. – 1984. – № 3. – С. 136–153.

Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. – 1970. – Вып. 122. – С. 37–44.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 279 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Ковыршина Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Наглер А., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Вариативность погребального обряда андроновской (федоровской) культуры на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 260–264.

Сотникова С.В. Андроновский (федоровский) обряд кремации: к реконструкции ритуала // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири: сб. науч. тр. – Барнаул, 2003. – С. 178–184.

Хлобыстина М.Д. Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей // СА. – 1973. – № 4. – С. 50–63.

УДК 902:794 (510)

С.А. Комиссаров

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: sergai@mail.ru

САМОЕ РАННЕЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБ ИГРЕ *ЛЮБО* В ДРЕВНЕМ КИТАЕ*

Статья посвящена уникальной находке каменных досок для «любо» – одной из самых известных стратегических игр Древнего Китая, которой увлекались многие полководцы и даже императоры. Материалы, связанные с этой игрой, часто находят в погребениях эпохи Хань, но очень редко – в могилах предшествующего периода Чжаньго. Находка, сделанная в могиле М3 в Пиншань, – самая ранняя из известных. Примечательно, что она сделана при раскопках некрополя государства Чжуншань, созданного племенем «белых ди», входившего в орбиту «скифского мира». Это доказывает высокую степень адаптивности их культуры, которая, в свою очередь, оказывала обратное влияние на чжоускую цивилизацию, о чем свидетельствуют найденные при раскопках предметы искусства.

Ключевые слова: *Древний Китай, игровые традиции, игра «любо», царство Чжуншань.*

The article is devoted to unique find of stone play-tables for «liubo» that was one of the most popular strategic games of Ancient China. Many military commanders and even emperors as well were found of this game. Data on this game were quiet often found during excavations of the Han Dynasty's tombs, but they were very rear among the materials from the burials of previous period, i. e. Zhanguo. Finds from the burial M 3 at Pingshan (Hebei Province) is supposed to be the earliest among those which are known up to the date. It's interesting to note that these finds were made during excavations of Zhongshan State necropolis. The State was founded by «White Di» tribe that belonged to «Scythian World». It testifies about high level of adaptability of their culture which in its turn also exerted back influence upon Zhou civilization. The results of this mutual influence one can see on the objects of art excavated from Pingshan burial ground. Some of them demonstrate the elements of Scythian Animal style.

Keywords: *Ancient China, traditions of game-playing, «liubo» game, Zhongshan State.*

Некрополь в Пиншань, раскопанный на севере Китая в 1974–1982 гг., вблизи одноименного уездного центра в пров. Хэбэй, достаточно хорошо известен специалистам. Там среди прочих находок выявлены захоронения двух правителей царства Чжуншань, в том числе Цо-вана (даты правления 327–313 гг. до н.э.), и их свиты [Цо му.., 1996]. Имя второго правителя не установлено (возможно, из-за худшей сохранности могилы), но в целом погребальный инвентарь также датируется поздним периодом Чжаньго [Чжунго каогусюэ..., 2004, с. 347], но в любом случае не позднее 296 г. до н.э., когда царство Чжуншань было уничтожено коалицией более мощных государств Чжао, Ци и Янь. Благодаря китайским летописям нам известно, что это царство, известное в источниках с 414 г. до н.э., наследовало государству Сяньюй, созданному племенем «белых ди», которое, очевидно, входило в орбиту «скифского мира» (см.: [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 183–184]).

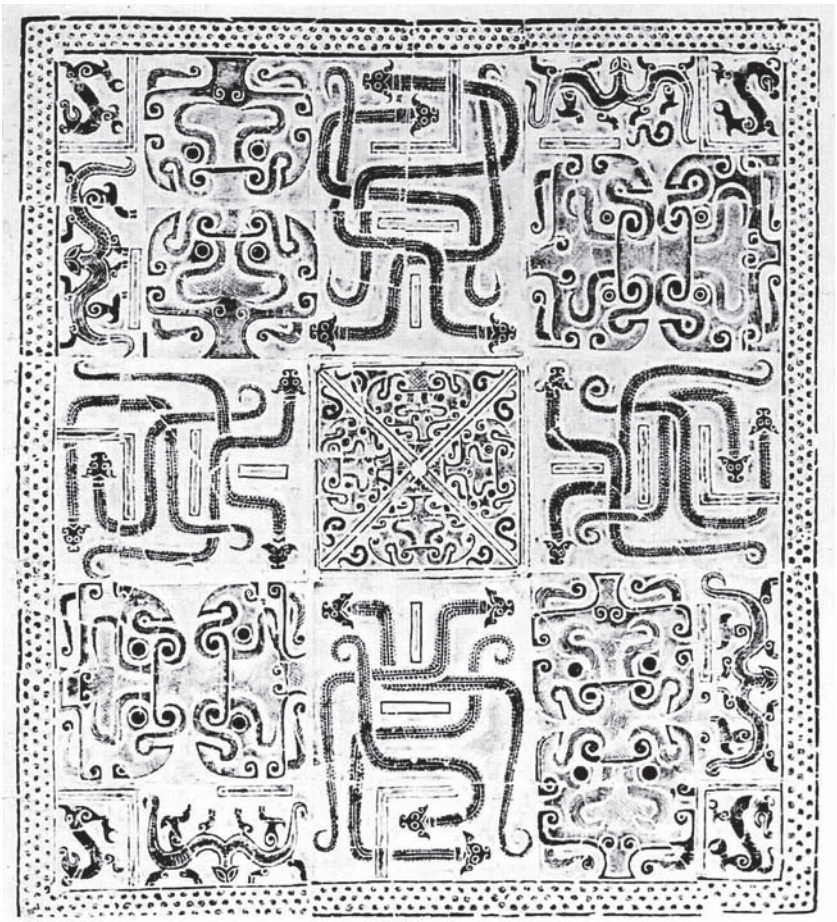
Большинство публикаций концентрировали внимание, прежде всего, на усыпальнице самого Цо-вана и его ближайшего (в прямом смысле) окружения (см., напр.: [Shi Shuzhi, 1984; Loewe, 1985]), где найдено множество великолепных образцов искусства и других материалов. Но в этой статье мы хотели бы привлечь внимание к одной примечательной находке из могилы М3, которая, судя по расположению и инвентарю, принадлежала одному из приближенных чжуншаньских правителей. Там обнаружили две резные каменные доски для игры в *любо* – наиболее ранние из числа найденных до сих пор изделий подобного рода. До этого самыми ранними считались игровые деревянные доски, найденные вместе с костяными фигурками и бамбуковыми палочками для счета при

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00507а).

раскопках циньских могил № 11 и 15 в Шуйхуди (уезд Юньмэн, пров. Хубэй). Их дата по данным эпиграфики была определена как 51-й год правления циньского Чжао-вана, что соответствует 256 г. до н.э. [Го Цюаньчжэнь, б.г., с. 13]. Деревянные и керамические фигурки игроков в *любо*, также как и принадлежности для игры, часто встречаются в ханьских могилах, но для чжоуского инвентаря – это большая редкость.

Доски, найденные в Пиншань, одинаковы по размерам и близки по оформлению, только у одной из них специально выделена центральная часть (см. *рисунок*). Эта настольная игра была хорошо известна в Китае ханьского времени и предшествующего ему периода (судя по цитатам в сочинениях, которые относят к эпохе Чжоу). Правила ее реконструируются не полностью, но это, несомненно, одна из стратегических игр (см.: [Крюков, Малявин, Софронов, 1979, с. 153–155]). В то же время, поскольку последовательность ходов определялась с помощью жребия, ее могли использовать и для гаданий. Разметка чжуншаньской доски очень сложна и пока плохо поддается интерпретации. Также на ней можно проследить т.н. TLV-узор, характерный для ханьских зеркал, на который обратил внимание М.В. Крюков. Он же привел точку зрения Лао Ганя о том, что данный узор на доске для игры в *любо* копирует планировку древнекитайского дворца, но при этом отдал предпочтение гипотезе С. Камманна (на которую, в свою очередь, указал Е.И. Лубо-Лесниченко), связавшего комбинацию линий с космогоническими представлениями китайцев.

На наш взгляд, оба предложенных подхода к интерпретации вполне сочетаются друг с другом, поскольку в традиционных культурах устройство жилища, тем более элитного, воспроизводило космологию (то есть воплощенную космогонию) древних мифов. Переплетающиеся драконы и другие мифические животные, изображенные на доске из Пиншань, могут служить дополнительным указанием на космогоническую основу игры. О том же свидетельствует и окраска одной из найденных досок: красной и зеленой краской поверх резьбы выделены две Г-образные части, как бы соединенные друг с другом (при этом центральный



Каменная доска для игры в *любо*. Длина 44,9 см, ширина 40,1 см, вес 1,8 кг (по: [Тю:сан О-коку…, 1981, ил. 43]).

квадрат остался неокрашенным). Такое выделение в рамках единой структуры двух одинаковых по форме, но разных по виду (окраске) частей, неразрывно связанных друг с другом, могло символизировать монаду Великого Предела [Ли Лин, 2004, с. 178] – одного из важнейших символов традиционной китайской космологии. Согласно одной из предложенных реконструкций, на доске выделяется 28 значимых позиций, через которые проходят фишки игроков, что соответствуют базовому числу дней в лунном месяце, указывая на связь с древним календарем [Cazaux, 2003]. Причем центральный квадрат мог время от времени добавляться в качестве 29-й позиции («дня»), что существенно для календарных исчислений. За игровой доской человек мог даже встретиться с божеством – и победить его в поединке, что наделяло смертного божественной силой [Yang Lien-sheng, 1952, p. 138–139].

Перемещение фишек на доске носило довольно сложный характер, связанный с TLV-разметкой. Попытка реконструировать возможные варианты ходов, предпринятая Ли Лином [2004] с опорой на текст и схему сочинения на деревянных табличках «Бо цзюй чжань» [«Гадание по игровой доске»], найденных при раскопках ханьской могилы в Ивань, содержит много допусков и не всегда очевидных, по нашему мнению, отождествлений разных иероглифов. Но даже на этом этапе удалось установить, что для двух найденных в Пиншань досок использовались разные маршруты передвижения фишек, таким образом, одновременно существовали разные варианты игры в *любо*, один из которых получил дальнейшее развитие в эпоху Цинь-Хань. Можно констатировать, что правители и аристократы государства Чжуншань основательно подготовились к переходу в загробный мир, полагая, очевидно, что и там они будут предаваться своим излюбленным занятиям, выстраивая хитроумные комбинации на игровой доске.

Любопытно отметить, что наиболее раннее (и, добавим, весьма изысканное) свидетельство излюбленной игры древнекитайских интеллектуалов было найдено в захоронениях государства, которое в летописях трактовалось как «полуварварское». Мы не можем только на основании данной находки утверждать, что игра *любо* была изобретена «белыми ди», но она была им очень хорошо известна. Это является еще одним убедительным доказательством того, насколько быстро (в пределах жизни двух-трех поколений) осуществлялась культурная адаптация степного воинства к достижениям высокой цивилизации. Но при этом т.н. варвары не просто благоговейно впитывали ее образцы, но и вносили свою немалую специфику – как свидетельствуют замечательные образцы чжуншаньского искусства, сохранившего реминисценции скифо-сибирского «звериного стиля» [Кравцова, 2010]. Поэтому нельзя исключать, что какие-то новации они добавили и в игру *любо*.

Список литературы

Го Цюаньчжэнь. Любоци – юйлэ юнцзюй (Игра «любо» – принадлежности для развлечения) // Любо [блок информации по игре «любо», размещенный в эл. депозитарии «Байду вэньку»]. – [Б.м., б.г.]. – С. 13. – URL: http://wenku.baidu.com/link?url=n4u4pw4W3sQm38l-o91EMkUUGQLulhbdd0IfUBC7Y1IIfherKrrTJsCKQVsgj_SwJgB2h4pmt4G2XAYulzNUeaJJejuaFFFW4xGWMWePwWy (дата обращения 01.10.2014).

Кравцова М.В. Чжуншань-го ды ишу // Духовная культура Китая: энцикл. в 5 т. + доп. том. – М.: Вост. лит., 2010. – [Т. 6 (доп.):] Искусство. – С. 835–836.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: ГРВЛ, 1979. – 327 с.

Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М.: ГРВЛ, 1978. – 342 с.

Ли Лин. Жушань юй чусай (Поднимаясь в горы и пересекая границы). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. – 2, 6, 387 с.

Тю:сан О-коку бунка тэн (Выставка культуры царства Чжуншань). – Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 1981. – 183 с.

Цо му – Чжаньго Чжуншаньго гованчжи му (Могила вана Цо – правителя государства Чжуншань периода Чжаньго). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1996. – Т. 1; 2. – 960 с.

Чжунго каогусюэ: Лян Чжоу цзюань (Археология Китая: Период обеих династий Чжоу) / гл. ред. Чжан Чаншоу, Инь Вэйчжан. – Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2004. – 6, 19, 32, 563 с.

Cazaux J.-L. We played liubo last night! // Abstract Games. – 2003. – Iss. 15. – URL: http://history.chess.free.fr/papers/Cazaux%202003.pdf (дата обращения 01.10.2014).

Loewe M. The Royal Tombs of Zhongshan (c. 310 B.C.) // Arts Asiatique. – 1985. – Vol. 40, N 1. – P. 129–134.

Shi Shuzhi. Unraveling the mystery of the Zhongshan Kingdom // Recent Discoveries in Chinese Archaeology: 28 articles by Chinese archaeologists describing their excavations. – Beijing: Foreign Languages Press, 1984. – P. 12–16.

Yang Lien-sheng. An additional note on the ancient game liu-po // Harvard J. of Asiatic Studies. – 1952. – Vol. 15, N 1/2. – P. 124–139.

УДК 903.5(315):7.03(357)

С.А. Комиссаров[1, 2], А.И. Соловьев[1], А.Г. Трушкин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: easolovievy@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ МОГИЛЫ ЮЙ ХУНА (ТАЙЮАНЬ, КИТАЙ) В КОНТЕКСТЕ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА*

Статья посвящена представлению и предварительному разбору материалов уникального археологического памятника эпохи раннего Средневековья – могиле Юй Хуна, раскопанной китайскими специалистами возле г. Тайюань (пров. Шаньси, КНР). В его судьбе воплотилась вся сложность этнических и культурных взаимодействий, которые отличаются особой насыщенностью именно в переходный период. Полиэтничность контактов способствует успешному развитию межкультурной коммуникации. В данном конкретном случае мы наблюдаем наложение мощного иранского пласта на китайскую цивилизационную основу при возможных влияниях иных традиций (монгольских, тибетских и т.д.).

Ключевые слова: *Шелковый путь, сасанидское искусство, могила Юй Хуна, межкультурная коммуникация.*

The article devoted to the introduction and preliminary discussion on the materials from the unique archaeological monument of the Early Medieval epoch. This is, namely. Yu Hong's tomb excavated by Chinese specialists near Taiyuan City (Shanxi Province, China). In the fate of him one can see personification of all complicity in ethnical and cultural interactions which usually are more intensive during transitional period. Polyethnicity of these contacts stimulate successful development of cross-cultural communication. In this particular case we can observe the overlapping of the powerful Iranian stratum upon the Chinese civilization background, with the possible influences from the side of other traditions (Mongolian, Tibetan, Tungus and others). F. e., stylistic and also some images of Sassanid art had an effect on frescos and sculptures of Buddhist cave monasteries at Northern China which flourished there at the period of Nanbeichao.

Keywords: *Silk Road, Sassanid art, Yu Hong tomb, cross-cultural communication.*

В процессе перехода общества от одной стадии развития к другой важную, если не решающую роль играет идеология. Выработка и внедрение новых стандартов для жизни и смерти – процесс длительный, временами болезненный и практически всегда – многофакторный. Известно, что для Китая эпохи поздней Древности – раннего Средневековья, растянувшейся на многие века, роль объединяющего идеологического стержня сыграл буддизм, что демонстрируют многочисленные буддийские храмы и монастыри, воздвигнутые в этот период на обширных пространствах от Кумтуры до Юньгана. Однако в процессе активного знакомства жителей Китая с иноземными достижениями в материальной и духовной сфере, чему способствовал возродившийся Шелковый путь, в страну проникали и другие религиозно-мифологические системы, которые оказывали (во всяком случае, могли оказать) определенное воздействие на формирование новой идеологии. Блестящим свидетельством такой возможности стало открытие в 1999 г., примерно в 25 км от г. Тайюаня (пров. Шаньси) могилы Юй Хуна. Краткий отчет о ее раскопках был опубликован в 2001 г. [Чжан Цинцзе и др., 2001] и вызвал целую волну откликов в международной археологической и искусствоведческой литературе [Marshak, 2001; Wu Hong, 2002; Vaissière, 2003; Lerner, 2005]; детальные исследования и популярные публикации продолжаются и в наши дни ввиду исключительной информативности и большой зрелищности открытого памятника [McDowall, 2013; Morgan, 2013].

Могилу обнаружили во время дорожных работ, на глубине до 2,6 м от современной поверхности. Сохранившаяся длина могильной ямы

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00477а).

13,85 м (вместе с дромосом и проходом), ширина 2,0–2,15 м. Внутри камера выложена кирпичом. В целом конструкция и частично сохранившийся инвентарь типичны для захоронений эпохи Наньбэйчао. Могила была ограблена в конце династии Тан, о чем свидетельствуют найденные монеты того времени, поэтому человеческие кости и вещи в беспорядке разбросаны по камере. Трудно судить о том, какие богатства утрачены, но, к счастью, сохранились объекты с уникальной информацией: каменная погребальная стела с иероглифической надписью, посвященной покойному (вторая стела, посвященная его супруге, сохранилась частично) и мраморный саркофаг (см. *рисунок*), украшенный барельефами, который, вероятно, служил и гробом, поскольку остатков других погребальных конструкций не обнаружено. Из надписи мы получаем полный отчет о карьере погребенного вельможи, которого звали Юй Хун. Он жил в государстве Юй, его дед был в числе вождей государства Северное Вэй, а отец – чиновником у жужжу (жужаней). Сам он на службе с 13 лет, получил титул «мохэфу» в

Погребальный саркофаг и образцы составлявших его мраморных плит с барельефами, найденные в могиле Юй Хуна (близ г. Тайюань, Китай). Составлено А.И. Соловьевым по: [Чжан Цинцзе и др., 2001, с. 34–38].

государстве жужаней, был направлен с посольствами в Персию, к туюйхуням и в Северное Ци. Подробно описано его дальнейшее продвижение по служебной лестнице не только в Северном Ци (целый список гражданских и военных должностей), но и в Северном Чжоу (где он возглавляет управление по контролю за иноземцами, получает «графский» титул (*бо*) и 600 душ в кормление) и Суй, где становится одним из «итун саньсы», то есть сановником самого высшего ранга. Скончался он в 592 г., а его жена, тело которой также поместили в мраморный саркофаг, – в 598 г., что обозначает точную дату всего комплекса.

Дополнительное измерение этим передвижениям придает этнокультурный комментарий. Расположение и характер средневекового государства Юй точно не известно, китайские специалисты полагают, что это могло быть небольшое кочевое объединение на территории Западного края. Письменные источники («Суй шу», «Тан шу» и др.) фиксируют некоторую концентрацию «хусцев клана Юй» в районе современного Нинся. Хусцами чаще всего называли тюркские или ирано-согдийские этносы, хотя возможно и собирательное значение этого термина. Сказано также, что предки Юй Хуна были вождями в Юй. Это позволяет обратиться к материалам по древнему государству Юй, которое было создано в эпоху Западного Чжоу к югу от г. Баоцзи племенами ди, возможно, связанными с народом шу [Комиссаров, 1988, с. 39–40, 97]. Последних считают предками йи (ицзу), язык которых относится к лоло-бирманской ветви. Древнее Юй было ликвидировано в результате совместного похода Чу, Ба и племен мань, но не исключено, что оно могло возродиться в эпоху Средневековья на иной этнической основе. Основателями государства Северная Вэй были племена тоба, относившиеся к монголоязычным сянбэй (сяньби). К монгольским народам относят и жужаней, потомками которых считают аваров. Титул «мохэфу» носили обычно племенные вожди северных шивэй – древних монгольских или тунгусских племен. Государство туюйхуней создано сяньбэйскими племенами (при участии древних тибетцев) в районе оз. Кукунор; Северное Ци, вероятно, было связано с бохайцами; а правители государства Северное Чжоу происходили из сяньбэйских юйвэней.

Интересные сведения добавили палеогенетические исследования, проведенные учеными Цзилиньского университета. Они установили, что Юй Хун принадлежал гаплогруппе U5, которая возникает на Ближнем Востоке, но представлена в основном среди населения Европы, а его жена – гаплогруппе G, представленной на территории Восточной Азии [Xie et al., 2007; Lovgren, 2007]. Это первый случай находки типичной западной гаплогруппы так далеко на востоке, причем в Европе она встречается наиболее часто у северных народов (эстонцев, саамов, финнов) и редко – в Таджикистане и Синьцзяне. Что касается гаплогруппы G, то ее никогда не находили на Западе и лишь в количестве 3–4 % у населения Центральной Азии.

Таким образом, Юй Хун воплощал в своей биографии все Великое переселение народов, одним из эпизодов которого стало создание Северных династий в Китае. Европеоид по расе, он был изначально монголоязычен, а в культурном отношении соприкасался с иранскими, тибетскими и, возможно, тунгусскими народами при всеобъемлющем влиянии китайской цивилизации. Из всего доступного ему многообразия он выбрал иранский пласт, о чем свидетельствуют яркие образы на барельефах его саркофага. В сюжетах некоторые исследователи видят сцены из собственной биографии Юй Хуна, но рельефы также воплощают эпизоды иранских эпических сказаний и зороастрийских верований.

Обращает на себя внимание стилистика и композиция фризов, находящая самые прямые параллели в искусстве Сасанидов, особенно в хорошо известных предметах торевтики со сценами охоты царственных особ, смысл которых связан не только с демонстрацией личной удали заказчика, но может быть манифестацией т.н. царственных поединков, в которых отстаивалось право на престол. Характерны практически эталонная посадка верховых (с опущенной вниз стопой и вытянутым вниз носком ноги), манера которой не зависит от вида животного, которого «оседлал» всадник; складчатые «запорожские» шаровары; обилие лент, скрепленных с головным убором и оружием, также повязанных на копыта и хвост коня. Корона на голове и нимбы указывают на высокий ранг персонажей. Вместе с тем, одно из изображений с «простоволосым» всадником на верблюде в стилистике отдельных элементов (бегущая собака, круторогий козел, пернатые, прическа всадника) находят параллели на рельефах по ободку серебряного ковша из Коцкого городка, считающегося хазарским. Обращает на себя внимание, что элементы рельефов, связанные с распознаванием образа, – головной убор, прическа в широком смысле этого слова, включающая фасон бороды и усов, – носят почти этнографический характер и позволяют опознать, если так можно выразиться, «гражданство» или государственную принадлежность персонажей. Вместе с тем множество других деталей, связанных с передачей

убранства вырезанных на камне образов, носит вполне универсальный, «интернациональный» характер, что может быть связано распространением некой «моды», которая отражала колорит эпохи и определяла облик предметно-вещевого комплекса переходного времени. В целом похоже, что набор рельефов на панелях погребального сооружения действительно характеризует какие-то важные для потомков черты биографии его «хозяина» и обозначает факт реального или воображаемого вхождения его в элиту политических образований соседних и отдаленных территорий.

Именно это свое наследие Юй Хун счел достойным прежде всего наложить на китайскую основу, но нельзя исключать и возможных влияний иных традиций, с которыми хорошо был знаком умерший. Дальнейшее изучение этого уникального памятника поможет более подробно разобрать полиэтнический характер межкультурной коммуникации, сыгравшей важнейшую роль в переходе общества от эпохи поздней Древности к Средневековью.

Список литературы

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения Древнего Китая: Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1988. – 120 с.

Чжан Цинцзе, Чан Хунся, Чжан Синминь, Ли Айго. Тайюань Суйдан Юй Хун му цинли цзяньбао (Краткий отчет об исследовании могилы Юй Хуна династии Суй близ г. Тайюаня) // Вэньу. – 2001. – № 1. – С. 27–52.

Lerner J. Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and Furnishings of Central Asians in China. – Philadelphia, 2005. – 166 p. – (Sino-platonic papers. 2005. № 168).

Lovgren S. European Man Found in Ancient Chinese Tomb, Study Reveals // National Geographic News (эл. издание). – 24.05.2007. – URL: http://news.nationalgeographic.com/news/2007/05/070524-china-dna.html (дата обращения 05.09.2014).

Marshak B. La thématique sogdienne dans l'art de la Chine de la seconde moitié du VIe siècle // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. – 2001. – Vol. 145, N. 1. – P. 227–264.

McDowall C. A Silk Road Saga: Sarcophagus of Yu Hong // Интернет-портал «The Culture Concept Circle» (г. Голд-Кост, Австралия). – 12.08.2013. – URL: http://www.thecultureconcept.com/circle/a-silk-road-saga-sarcophagus-of-yu-hong-art-gallery-nsw (дата обращения: 05.09.2014).

Morgan J. Persian treasures of the Silk Road // The Australian (эл. издание). – 20.08.2013. – URL: http://www.theaustralian.com.au/arts/persian-treasures-of-the-silk-road/story-e6frg8n6-1226700071376?nk=690a717c0a919befeb2cc68c206aa5b2 (дата обращения: 05.09.2014).

Vaissière E., de la. Sogdians in China: A Short History and Some New Discoveries // The Silk Road (Saratoga, CA). – 2003. – Vol. 1, N. 2. – P. 23–27.

Wu Hung. A Case of Cultural Interaction: House-shaped Sarcophagi of the Northern Dynasties // Orientations: The magazine for collectors and connoisseurs of Asian art. – Hong Kong, 2002. – № 5. – P. 34–41.

Xie C.Z., Li C.X., Cui Y.Q., Zhang Q.C., Fu Y.Q., Zhu H., Zhou H. Evidence of ancient DNA reveals the first European lineage in Iron Age Central China // Proceedings of Royal Society. Biological Science.– 2007. – Vol. 274, N. 1618. – P. 1597–1602.

УДК 902/904

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: gvkubarev@gmail.com

ГРАФФИТИ НА МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ПЕТРОГЛИФОВ КАЛБАК-ТАШ II

В статье впервые вводятся в научный оборот и интерпретируются фрагменты большой разновременной сцены граффити, скопированной на петроглифическом пункте Калбак-Таш II. На большой скальной поверхности нанесены фигуры животных, стрелы, сцены охоты, относящиеся, по меньшей мере, к трем различным историческим эпохам: скифской (V–II вв. до н.э.), предтюркской (первая половина I тыс. н.э.), древнетюркской (вторая половина I тыс. н.э.). Часть из них перекрывают друг друга и включают в композицию более ранние изображения.

Ключевые слова: *граффити, Алтай, Калбак-Таш II, древнетюркская эпоха, таштыкский стиль, сцены охоты.*

This paper is first published and interpreted fragments of big graffiti scene belonging to the different historical epochs which was copied on petroglyphic site Kalbak Tash II. On a large rock surface animal figures, arrows, hunting scenes, dating to at least three different historical periods, were engraved: the Scythian period (V–II centuries BC.), the Xiongnu period (first half of I millennium AD.) and the ancient Turkic period (second half of I millennium AD.). Some of them overlap each other and were including in the compositions of earlier periods.

Keywords: *graffiti, Altai, Kalbak-Tash II, ancient Turkic period, Tashtyk style, hunting scenes.*

Петроглифы местонахождения Калбак-Таш II, за исключением отдельных статей и упоминания в монографиях, остаются неопубликованными. Основной их массив относится к эпохе бронзового и раннего железного веков [Кубарев В.Д., 2007; 2010; Кубарев В.Д., Маточкин, 1992 и др.]. Именно на данном местонахождении впервые открыты петроглифы каракольской культуры, до недавних пор известные только по красочным росписям, выбитым рисункам и граффити на плитах погребальных сооружений Каракола [Кубарев В.Д., 1988]. Тем не менее среди наскальных рисунков Калбак-Таш II представлены яркие образцы изображений и сцен, созданных в древнетюркскую эпоху, а также в предтюркское время.

Комплекс петроглифов Калбак-Таш II находится на правом берегу р. Чуи, в 1,0–1,5 км от ее слияния с Катунью и в 10 км от местонахождения наскальных рисунков Калбак-Таш I. Петроглифы сосредоточены, в основном, в двух близлежащих пунктах:

1) на скальных останцах, протянувшихся каменной грядой поперек долины р. Чуи, в непосредственной близости к северу от полотна Чуйского тракта. Наскальные рисунки насчитывают порядка 150 различных композиций. Местность носит название Чуй-Оозы;

2) у подножия и по склонам большой горы, в 0,3 км к западу от Чуй-Оозы. Общее число композиций не превышает 30.

В 1991 году В.Д. Кубарев предпринял сплошное копирование наскальных изображений этого петроглифического пункта. Однако копирование больших сцен разновременных граффити из-за сложности их обработки (больших размеров, налегания друг на друга, тонкости гравированных линий) тогда не было осуществлено. Именно эту цель и преследовали работы Чуйского отряда, возглавляемого автором статьи.

Среди прочих граффити была скопирована большая сцена, размеры которой составляют 2,0 × 1,5 м. Она выполнена на почти горизонтальной, сланцевой поверхности, слегка наклоненной к востоку и имеющей коричневый загар. Сцена находится в центральной части второго пункта комплекса Калбак-Таш II, так же как и подавляющее число других изображений и сцен, выполненных в технике граффити. Практически все изображения этой композиции представлены гравировками. Исключение составляют лишь небольшая одиночная

фигура козла и три незаконченных рисунка, сделанных в технике точечной выбивки.

Сложность копирования заключалась не только в тонких, порой едва различимых гравированных линиях многих фигур, но и в признании гравировок в качестве единой сцены или композиции и, как следствие этого, целесообразности ее копирования целиком. Однако невозможность разделения этой композиции на отдельные, законченные части, пересечение ее почти по всей площади продольными и поперечными линиями, а также изображениями стрел, убедило в необходимости копирования этой композиции целиком. Оно происходило при помощи тонких водостойких маркеров на полиэтиленовую пленку с последующим уточнением изображений на месте, а также при помощи цифровых фотографий.

Итак, сцена включает в общей сложности около 30 фигур животных, преимущественно оленей и козлов. Многие из них налегают друг на друга, перечеркнуты продольными и поперечными линиями. Композиция включает изображения небольших «решеток», «кисточек», волнистых линий. Размер многих фигур животных достаточно большой и достигает 30–40 см. В центральной и северной частях композиции несколько достаточно крупных и статичных фигур оленей, часть из которых заштрихованы изнутри линиями. Рядом с одним из оленей изображена собака и непропорционально большая стрела с наконечником и оперением. Имеется схематичное изображение лучника. По-видимому, эти гравировки должны относиться к эпохе раннего железного века.

Особого внимания заслуживают изображения, выполненные в южной части композиции (рис. 1). В центре находятся две фигуры оленухи и оленя, бегущие друг за другом. Их фигуры выполнены очень реалистично и изящно. Они показаны бегущими, с четырьмя ногами. Ноги оленя заштрихованы короткими параллельными линиями, шерсть на теле воспроизведена резами, на голове – большие, раскидистые рога. У оленухи шерсть на шее также показана двумя рядами коротких, параллельных резов. Поверх оленя и оленухи позднее были выгравированы две схематичные фигуры козлов и оленя, на которых охотятся три лучника – сцена загонной охоты (рис. 1). Более поздние олень и козлы изображены с двумя ногами. Две стрелы

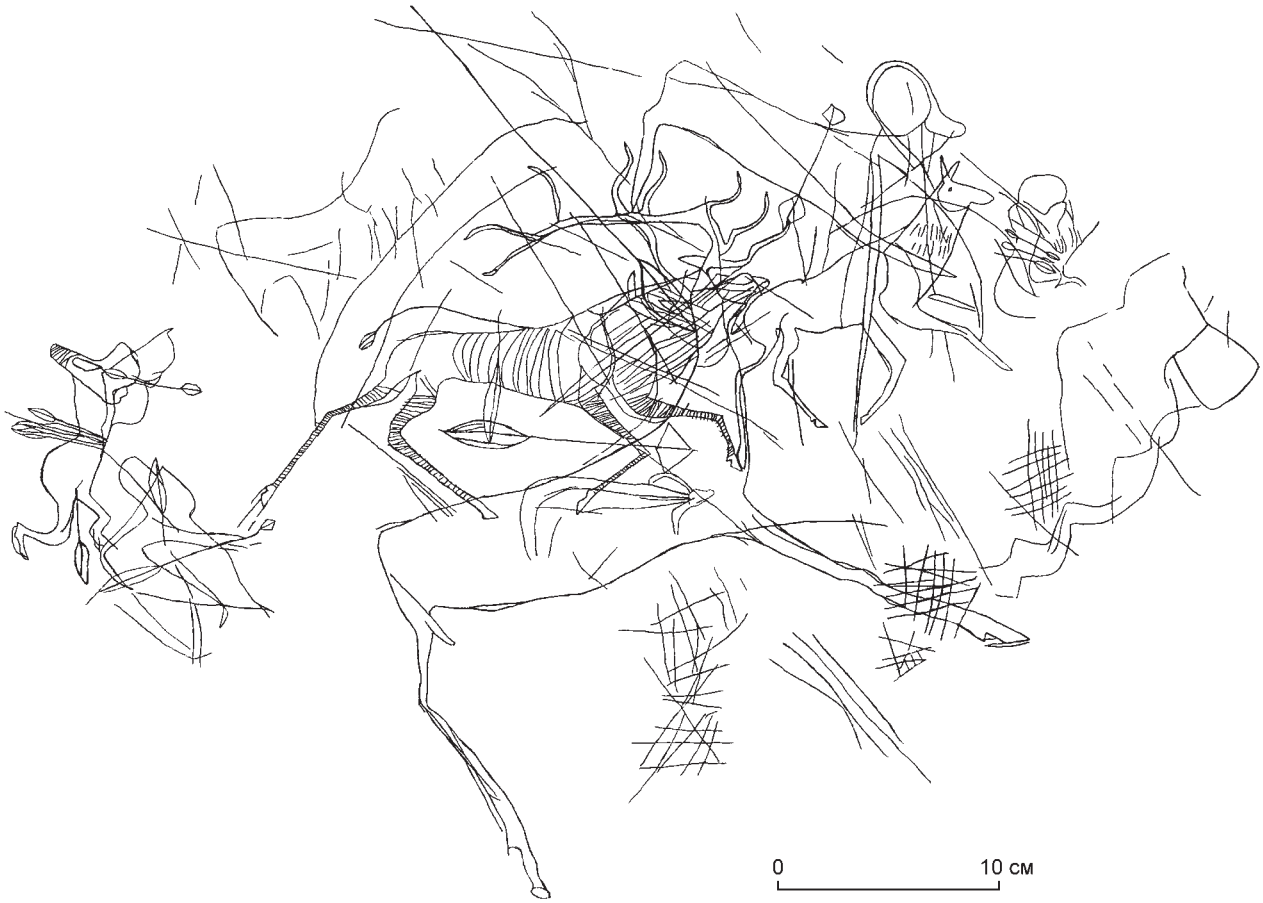


Рис. 1. Сцена загонной охоты на оленя и козла древнетюркской эпохи, перекрывающая фигуры оленя и оленухи, выполненные в таштыкском стиле. Калбак-Таш II.

уже достигли своей цели – попали в оленя и козла. Таким образом, бегущие олень и оленуха были как будто включены более поздним художником в сцену загонной охоты.

В нескольких сантиметрах от рассмотренной композиции расположен еще один блок изображений (рис. 2). Он включает в себя три фигуры животных, в одной из которых, судя по развесистыми и едва различимым рогам, угадывается олень. Две фигуры животных перечеркнуты многочисленными параллельными линиями. Любопытно, что именно в этом месте изображены наконечники двух стрел. Сами стрелы несоразмерно большие в сравнении с фигурами изображенных животных. Длина одной из них составляет порядка 53 см, что близко к длине реально использовавшихся в I тыс. н.э. стрел (70–80 см). Оперение древка стрелы приходится на первую из рассмотренных композиций, а наконечник – на вторую. Обращает на себя внимание ярусный наконечник стрелы и свистунок (рис. 2). Чуть выше изображен натянутый лук и стрела.

Обращаясь к датировке рассматриваемых граффити, необходимо указать на то, что часть из них выполнена в первой половине I тыс. н.э., возможно ближе к ее середине, другая – в древнетюркскую эпоху (вторая половина I тыс.). Так, например, бегущие фигуры оленя и оленухи с воспроизведенными четырьмя ногами стилистически наиболее близки таштыкским гравированным изображениям на деревянных планках из склепа 1 на Тепсее [Грязнов, 1979, рис. 59–61], а также многочисленным наскальным граффити с территории Минусинской котловины [Леонтьев, Панкова, 2012, рис. 23, 24, Миклашевич, Панкова, Мухарева, 2012, табл. VI и др.]. Они выполнены в т.н. таштыкском стиле.

Особый интерес вызывает воспроизведение ярусного наконечника стрелы (рис. 2), который, несомненно, должен рассматриваться как хронологический индикатор первой половины I тыс. н.э. Такие же ярусные наконечники стрел известны в гравировках на тепсейских планках [Грязнов, 1979, рис. 61, *3*], в многочисленных таштыкских граффити (см., напр.: [Леонтьев, Панкова, 2012, с. 24]).

Рис. 2. Фрагмент композиции с выгравированными фигурами животных, стрелами и луком. Калбак-Таш II.

Попытку выделить пласт петроглифов гунно-сарматского времени на Алтае предпринял В.И. Соёнов [2003а; 2003б, с. 23–25]. На мой взгляд, часть изображений, отнесенных исследователем к первой половине I тыс. н.э., вполне может быть датирована и древнетюркской эпохой. Тем не менее, В.И. Соёнов справедливо отметил параллели в изображениях алтайских граффити с гравировками в таштыкском стиле с территории Минусинской котловины, а также в изображениях ярусных наконечников стрел как индикаторе гунно-сарматской эпохи.

Дата сцены загонной охоты, вырезанной поверх оленя и оленухи в таштыкском стиле, древнетюркской эпохой не вызывает сомнения. Она находит многочисленные аналогии как по стилю, так и по характерным реалиям среди других древнетюркских граффити Алтая.

В целом характеризуя эту большую разновременную композицию граффити из местонахождения петроглифов Калбак-Таш II, необходимо отметить, что за исключением одной, уже рассмот-

ренной сцены загонной охоты и еще одной фигуры одиночного лучника, охотники на этой плоскости не воспроизведены, а изображенные фигуры животных поражены стрелами и перечеркнуты многочисленными линиями – вероятно, «убиты». Особенно бросается в глаза отдельное изображение натянутого лука и стрелы, несоразмерно большие в сравнении с животными стрелы, размер которых едва ли не приближается к размеру реально использовавшихся стрел (рис. 2). Примеры воспроизведения отдельных лука и стрел в раннесредневековых граффити Алтая довольно многочисленны и, в том числе, имеются они и в петроглифах Калбак-Таш I [Кубарев В.Д., 2001, табл. 31, *598*]. Так не могут ли подобные гравировки иметь отношение к обрядам охотничьей магии, которая была призвана обеспечить успех в охоте? Можно предположить, что эти изображения, созданные в различные исторические эпохи, были близки и понятны последующим поколениям, дополнявшим своими сюжетами общую композицию.

Список литературы

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89–145.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

Кубарев В.Д. Калбак-Таш II: Памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII, ч. 1. – С. 282–287.

Кубарев В.Д. История изучения святилища Калбак-Таш (Республика Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2010. – № 3.– С. 43–58.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.

Леонтьев Н.В., Панкова С.В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 5–27. – (Тр. САИПИ; вып. X).

Миклашевич Е.А., Панкова С.В., Мухарева А.Н. Петроглифы горы Соснихи // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 72–111. – (Тр. САИПИ; вып. X).

Соёнов В.И. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2003а. – № 10. – С. 100–107.

Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2003б. – 160 с.

УДК 902.03+551.435+551.89(1-925.11)

Я.В. Кузьмин[1], О.В. Софейков[2], Д.А. Чупина[1], И.Д. Зольников[1], О.И. Новикова[3, 4], А.В. Никулина[4], Д.Е. Ануфриев[5]

[1]Институт геологии и минералогии СО РАН
[2]Новосибирское городское юридическое агентство
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
[4]Новосибирский государственный университет
[5]Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ) В 2014 ГОДУ*

Охарактеризованы результаты полевых работ 2014 г. в рамках изучения адаптации древнего человека к обстановкам природной среды в центральной части Барабинской лесостепи на основе ГИС-технологий. Исследования проводились в Кыштовском, Усть-Таркском, Татарском и Купинском районах Новосибирской обл. Установлено, что основная часть археологических памятников приурочена к водораздельному типу рельефа, а наиболее типичной геоморфологической ситуацией является положение памятника у бровки водораздела в зоне сочленения с долиной реки. Некоторые объекты, хотя и находятся в пределах долин рек, но локализуются на останцах водораздельной поверхности.

Ключевые слова: *геоархеология, геоинформационные технологии, пространственный анализ, археология, Барабинская лесостепь.*

The results of the 2014 field season of the project devoted to the study of ancient humans' adaptation to environmental conditions are presented. Work was conducted in the Kyshtovka, Ust-Tarka, Tatarsk, and Kupino counties of the Novosibirsk Province. It is established that the major part of archaeological sites is located on the watersheds, and the edge of watershed surface on the contact with river valley is the most typical position of archaeological sites. Some sites, even though are situated in the river valley, belong to the cut-off lobes surrounded by river floodplains and terraces.

Keywords: *geoarchaeology, geographic information systems, spatial analysis, archaeology, Baraba forest steppe.*

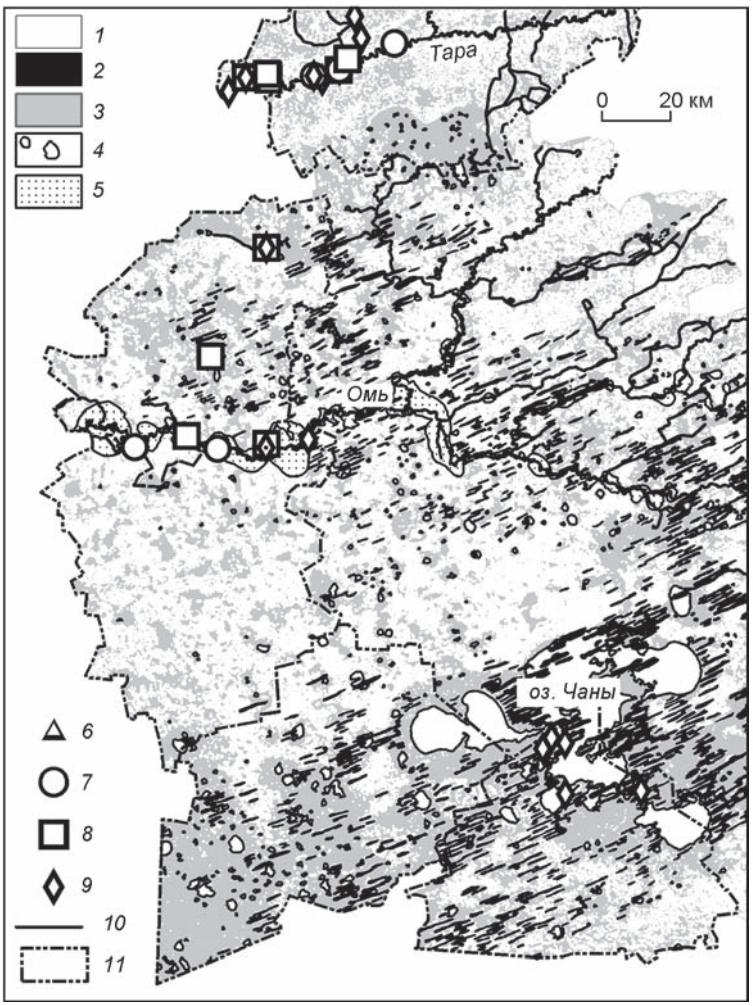
В 2014 г. были проведены заключительные полевые работы в рамках изучения адаптации древнего человека к обстановкам природной среды в центральной части Барабинской лесостепи на основе технологий геоинформационных систем (ГИС), начатые в 2012–2013 гг. [Кузьмин, Зольников и др., 2012; Кузьмин, Софейков и др., 2013]. Исследования проводились в Кыштовском, Усть-Таркском, Татарском и Купинском р-нах Новосибирской обл. Фактическим материалом послужили архивные материалы НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской обл. и Археологической службы Новосибирского городского юридического агентства, материалы личных архивов авторов, а также общие данные по археологии Барабинской равнины [Молодин, 1985; Молодин и др., 1988, 1990; Полосьмак, 1987; Елагин, Молодин, 1991]. Обследовались прежде всего те объекты, которые имеют хронологическую привязку (археологическая эпоха, культура).

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-00045).

Непосредственно в поле определялись GPS координаты и геоморфологическая ситуация. С помощью ГИС-анализа цифровой модели рельефа SRTM до начала полевых работ была построена геоморфологическая схема исследуемого района (см. *рисунок*).

В геоморфологическом отношении изученная территория является частью Барабинской слабоволнистой гривно-озерной равнины [Земцов и др., 1988]. В пределах изученной в 2014 г. территории можно выделить несколько районов: 1) долины рек Оми и Тары, с разделяющими их междуречьями; 2) район к югу от долины р. Оми (административно – Татарский район) с исключительно плоским рельефом водораздельной поверхности; 3) западная и южная части бассейна оз. Чаны с многочисленными водораздельными гривами.

В пределах долины рек Оми и Тары выделяются пойма (высота до 2,0–2,5 м над урезом) и первая надпойменная терраса (высота до 5–7 м); в долинах малых притоков (Чека, Майзас и др.) выделяются пойма (высота до 1,0–1,5 м) и первая надпойменная терраса (высота 2–3 м). Долина р. Оми имеет хорошо выраженное чётковидное строение – чередование озеровидных расширений («займищ») и сравнительно узких участков. Значительные участки междуречий представляют собой плоские водоразделы, частично заболоченные. Наиболее высокие участки в пределах водоразделов заняты гривами (см. *рисунок*).



Геоморфологическая схема района работ 2014 г. и положение археологических памятников.

Типы рельефа: *1* – слаборасчлененная водораздельная поверхность; *2* – гривы; *3* – озеровидные и межгривные понижения; *4* – современные озера; *5* – долинный комплекс (пойма и надпойменная терраса); *10* – реки.

Археологические памятники: *6* – неолит; *7* – бронзовый век; *8* – железный век; *9* – средневековье.

11 – границы административных районов.

К югу от долины р. Оми рельеф в целом менее расчлененный. Общим фоном здесь являются уплощенные водоразделы, наивысшие точки которых занимают гривы; в некоторых частях этой части центральной Барабы гривы практически отсутствуют (см. *рисунок*). Территория вокруг западного и южного берегов оз. Чаны отличается значительным количеством грив, в целом невысоких. Межгривные понижения, а также участки, прилегающие к крупным озерам, часто заболочены и заняты зарослями камыша и другой водной растительностью (см. *рисунок*).

Во время полевых работ 2014 г. было обследовано около 60 археологических объектов неолита, бронзового века, железного века и средневековья (для многослойных памятников каждый культурный компонент учитывался как отдельный объект). Установлено, что основная часть памятников приурочена к водораздельному типу рельефа – главным образом, к контакту водораздельного пространства с долинным рельефом, а также к гривам (см. *рисунок*). Типичным является положение памятника у бровки водораздельной поверхности, в зоне ее сочленения с долиной реки. Ряд памятников занимает плоские водоразделы. Некоторые памятники (в частности, Корчуган-1) находятся в пределах долин рек, но занимают возвышенные участки останцов водораздельной поверхности, окруженные со всех сторон долинными формами рельефа (терраса и пойма). В целом результаты обследования археологических памятников в полевом сезоне 2014 г. подтверждают закономерности пространственного распределения объектов, установленные в смежных частях Барабинской

лесостепи [Кузьмин, Зольников и др., 2013; Кузьмин, Софейков и др., 2014].

Подводя первые итоги геоархеологических работ в центре Барабинской равнины в 2012–2014 гг. в рамках гранта РФФИ № 12-06-0045, можно отметить следующее. Во-первых, проведена ревизия геоморфологического положения датированных археологических памятников в этом регионе; выяснилось, что их подавляющая часть (95–98 % от общего количества) располагается в пределах водораздельных пространств, а непосредственно в речных долинах и на озерных террасах находятся лишь единичные объекты. Это отражает, скорее всего, закономерности расселения древнего человека, для которого близость к воде не была самым важным фактором выбора места обитания. Типичное положение памятников в Центральной Барабе – у бровки коренного берега, на контакте с долиной реки; количество этих объектов достигает 40 % от всех обследованных памятников.

Во-вторых, отмечено, что памятники эпохи бронзы чаще всего приурочены к водораздельным пространствам близ долин рек (у бровки водораздельной поверхности), тогда как памятники раннего железного века и средневековья тяготеют к более удаленным от речных долин участкам водоразделов (в частности, к гривам). Причиной этого могли быть различные природно-климатические условия в эпоху бронзы и в раннем железном веке; нельзя исключать и связи системы расселения с преобладающим типом хозяйства. Сходная точка зрения была высказана ранее М.Ф. Косаревым [1991, с. 42], который отмечал, что из-за повышения уровня воды, связанного с увеличением количества осадков на рубеже эпох бронзы и железа, произошло уменьшение площади пойменных угодий, где люди занимались земледелием; с другой стороны, на водоразделах улучшились условия для произрастания травянистой растительности, что повысило их потенциал для выпаса скота.

В-третьих, нами было проведено сравнение полученных данных о пространственном положении археологических объектов с результатами палеогеографических работ в бассейне оз. Чаны, где в среднем – позднем голоцене (6000–250 л.н.) была реконструирована озерная система с превышением уровня до 3–4 м над современным, т.е. до абсолютной отметки около 110 м [Орлова, 1990]. Нами установлено, что в пределы этого гипотетического водоема попадает ряд археологических памятников, возраст которых равен 4200–1600 л.н. Очевидно, что средне- и позднеголоценовые «палео-Чаны» не могли иметь столь большие размеры.

Список литературы

Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. – Новосибирск: Наука, 1991. – 126 с.

Земцов А.А., Мизеров Б.В., Николаев В.А., Суходровский В.Л., Белецкая Н.П., Гриценко А.Г., Пилькевич И.В., Синельников Д.А. Рельеф Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1988. – 192 с.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Софейков О.В., Новикова О.И., Глушкова Н.В., Чупина Д.А., Ануфриев Д.Е. Результаты геоархеологических исследований в Венгеровском районе Новосибирской области в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 201–205.

Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Новикова О.И., Глушкова Н.В., Чупина Д.А., Софейков О.В., Ануфриев Д.Е., Дементьев В.Н. Анализ пространственного распределения археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области) на основе ГИС-технологий // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7. – С. 87–96.

Кузьмин Я.В., Софейков О.В., Зольников И.Д., Чупина Д.А., Новикова О.И., Никулина А.В., Ануфриев Д.Е. Геоархеологические исследования в Барабинской лесостепи (Новосибирская область) в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. 19. – С. 235–239.

Кузьмин Я.В., Софейков О.В., Зольников И.Д., Чупина Д.А., Новикова О.И., Никулина А.В., Ануфриев Д.Е. Адаптация древнего населения центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) к природным условиям в голоцене: анализ на основе ГИС-технологий // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани 2014 г. – Казань: Отечество, 2014. – Т. IV. – С. 343–346.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чикишева Т.А., Беланов П.И. Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Молодин В.И. Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Орлова Л.А. Голоцен Барабы (стратиграфия и радиоуглеродная хронология). – Новосибирск: Наука, 1990. – 128 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

УДК 902.65

К.Э. Купер[1], Н.В. Полосьмак[2], Л.П. Кундо[2]

[1]Институт ядерной физики СО РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ХУННУ С ПОМОЩЬЮ РЕНТГЕНОСТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА И ЭЛЕКТРОННОЙ СКАНИРУЮЩЕЙ МИКРОСКОПИИ*

В статье приведены результаты междисциплинарного исследования металлических артефактов, найденных при раскопках курганов № 22 и 31 в пади Суцзуктэ (Ноин-Ула). Обсуждается назначение этих предметов.

Ключевые слова: *рентгеноструктурный анализ, электронная сканирующая микроскопия, металлические предметы, хунну, погребальный обряд.*

The large copper rods with rounded tips can be recognized as the most mysterious objects found among artifacts which have been revealed from burial mounds associated with the Xiongnu. It is suggested that these rods could have been used as coffin handles. The reconstruction approaches and electron microscopy techniques used for the analysis of such an object yielded from a burial mound 22 in the Noin-Ula cemetery have made it possible to establish the method of its manufacture. The study showed that the inner rod of the object was made out of steel.

Keywords: *bimetallic object, a Xiongnu burial, the reconstruction approaches and electron microscopy techniques.*

Среди обнаруженных в курганах хунну предметов одними из наиболее загадочных являются медные массивные стержни с округлыми окончаниями (рис. 1). Опираясь на наблюдения, сделанные при раскопках кург. № 7 в пади Царам в Забайкалье, С.С. Миняев считает, что это «поручни», которые с помощью «кожаных шнуров крепились к стенкам гроба, для чего в гроб были вбиты железные кольца с шипом». Кажется, к настоящему времени уже многие из археологов согласились с этим мнением, хотя, когда находки этих предметов были сделаны впервые, такое их назначение было совсем не очевидно. Никаких наблюдений на этот счет не оставили в своих отчетах и дневниковых записях первые исследователи ноин-улинских курганов (см., напр.: [Козлов, 2003; Жизнь и научная деятельность.., 2006; Руденко, 1962, с. 18, рис. 17, с. 19, рис. 19, 20, табл. XXX, 1, 2]). А.Н. Бернштам, а вслед за ним и С.И. Руденко, считал их бронзовыми палицами «чи» – оружием для ближнего боя, описание которого есть в письменных китайских источниках [Руденко, 1962, с. 63]. И в настоящее время некоторые исследователи продолжают считать эти артефакты предметами вооружения хунну [Никоноров, Худяков, 2004, с. 64]. Проводившиеся в последние годы раскопки элитных курганов хунну не прояснили ситуацию, а только усложнили ее. Так, например, в двадцать втором ноин-улинском кургане на полу внутренней погребальной камеры под слоем шелкового текстиля был найден медный стержень [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2013]. В этом кургане гроб сохранился полностью, однако никаких следов отверстий или железных колец на его стенках не зафиксировано. Впрочем, как и на остальных известных находках гробов в могилах хунну, где так же были найдены медные стержни (от 1 до 4) [Руденко, 1962, с. 11–12, рис. 7, 8; Miller et al., 2009, с. 309–313; Treasures…, 2011, p. 62–73;

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-12026 офи-м).

Рис. 1. Фотография продольного разреза биметаллического артефакта из ноин-улинского кургана № 22.

и др.]. Признание использования этих металлических стержней как поручней гроба никак не поясняет, для чего нужно было применять для их изготовления такую сложную технологию (внутри этих медных стержней находится железная сердцевина, что было отмечено еще С.И. Руденко). Кроме того, в двух случаях в погребениях были обнаружены только тонкие стальные стержни без медной оболочки: в кург. № 31 в Ноин-Уле и в кург. № 64 могильника Такхилт хотгор в Монгольском Алтае. Причем в кург. № 64 этот стержень был обнаружен на полу гроба, «там, где должны были быть ноги покойного» [Miller et al., 2009, с. 309]. При большом объеме исследований ни в одном из ханьских погребений в Китае таких предметов найдено не было. Не упоминаются они и в письменных источниках. Это, конечно, не исключает факт принадлежности этих предметов культуре Хань.

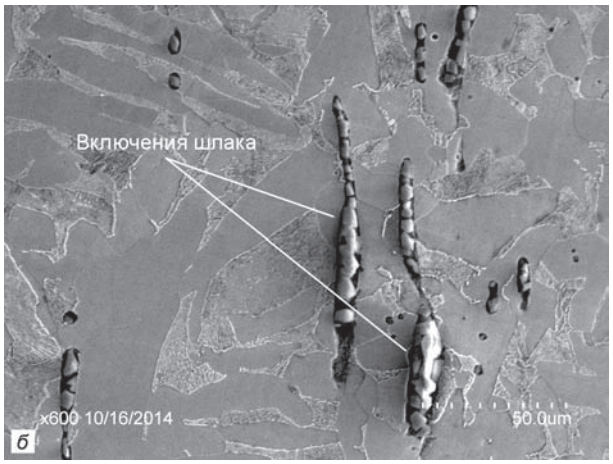


Рис. 2. Фотографии микровключений, полученные с помощью электронной сканирующей микроскопии.
а – в образце меди; *б* – в образце стали.

Для того чтобы лучше понять назначение этих необычных предметов и их свойств был проведен рентгеноструктурный анализ и электронная микроскопия находок из ноин-улинских курганов № 22 и 31.

Артефакт из кург. № 22 представляет собой медный жезл длиной 43 см и диаметром 3,5 см с утолщением на концах, имеющий в своем центре основание в виде стального прута, проходящего вдоль всего предмета (рис. 1). Медная оболочка прута нанесена путем ее заливки из расплава в отливочную форму. Об этом свидетельствую наплавы, наблюдаемые на внутренней стороне жезла. Пористая структура оболочки свидетельствует о фактически моментальном отверждении меди, что может говорить о том, что заливка осуществлялась при температуре близкой к температуре плавления меди – 1100–1200 °С. Стальной прут, проходящий вдоль всего жезла и являющийся его основанием, был закреплен с торцов в отливочной форме путем зажатия между двух чугунных пластин. Внутренняя структура прута имеет неоднородное строение, обусловленное различным количеством углерода, содержащимся в стали. Для оценки неоднородности строения стального прута вдоль направления жезла проведен рентгеноструктурный анализ с использованием двухкоординатного детектора. Для проб, изъятых из стального прута, получено соотношение фаз карбида железа (Fe3C-цементит) и чистого железа (α-Fe). Соотношение фаз позволило определить, что в стальном стержне содержание углерода варьируется от 0,1 до 0,4 %. Наиболее интересная информация об артефакте была получена с использованием сканирующей электронной микроскопии. Анализ медной оболочки показал, что образец имеет пористую структуру с многочисленными включениями (рис. 2а). В основном включения можно классифицировать по двум типам на основании их элементного локального состава. Первый тип включения представляет собой сульфид меди Cu_2S, который распространен в природе в виде минерала халькоцит. Он и послужил рудой

для изготовления меди, покрывающей жезл. Для процесса получения меди необходима продувка измельченной халькоцитной руды кислородом при температурах 1200–1300 °С, что, в свою очередь, требует организации сложного металлургического процесса [Hauptmann, 2007]. При этом, очевидно, выплавка меди могла происходить лишь в специально оборудованной печи, оснащенной мехами для поддержки необходимого уровня кислорода и высокой температуры. Второй тип включения в меди относится к алюмосиликатам, содержит в основном фторид алюминия и оксид кремния, являясь, скорее всего, частичками сопутствующей халькоциту горной породы. Микровключения, найденные в стальных образцах (рис. 2б), представляют собой остатки шлака и являются характерными для производства кричного железа [Buchwald et al., 2005]. Включения содержат вюстит, фаялит и аморфизованный кварц, которые образовываются в кричной печи при взаимодействии алюмосиликатных минералов с железосодержащей рудой (магнетит, гематит). Наличие шлаковых включений говорит о не метеоритном происхождении железа, использовавшегося при изготовлении стали. Включения имеют характерную ориентацию вдоль жезла, что, очевидно, обусловлено направлением проковки стального стержня. Фаялит присутствует во включениях в виде рекристаллизовавшейся из расплава фазе с примесями оксидов щелочных и щелочно-земельных металлов. Температура плавления фаялита, в зависимости от примесей, лежит в пределах 1100–1200 °С, что говорит о том, что железо было получено при схожих с медью температурных условиях. Как уже отмечалось, структура стального стержня сильно неоднородна по процентному содержанию в нем углерода. Однако обычно при изготовлении кованого железа науглероживается в основном внешняя сторона, поэтому содержание углерода в стали имеет характерную направленность и падает в центре изготавливаемого предмета, что не наблюдается в нашем случае. Исходя из этого, можно выдвинуть предположение, что стержень был перекован из готового стального предмета.

В двух стержнях из кург. № 31 медная оболочка отсутствовала. Детальное исследование металла проведено под руководством канд. хим. наук С.С. Шацкой, руководителя аналитической лаборатории ИХТТМ СО РАН. Рентгенофлуоресцентный анализ на сломе изделия показал 100-процентное железо. Содержание примесей определяли атомно-абсорбционным методом на приборе «Varian 280 FS». Содержание углерода и серы определяли на анализаторе C, H, S, N для анализа сталей. Результаты анализа внутренней части показали чистое железо с обоих концов стержня, с малым количеством примесей: никель 0,0016 %, медь 0,0857 %, марганец 0,0029 %, хром 0,0020 %, кобальт 0,0495 %, свинец 0,0058 %. Содержание углерода от 0,95 до 1,5 %, серы – 0,006 %. Можно сделать вывод, что стержни изготовлены из углеродистой стали.

Ключевое слово, как нам представляется, в данном случае – сталь. Дата курганов, из которых происходят находки стержней, укладывается в последние годы I в. до н.э. – начало I в. н.э. В этот период в Китае освоили производство стали, из которой изготовлялось, главным образом, высокого качества клинковое оружие [Погребенные царства…, 1998, с. 130; Леве, 2005, с. 212–216; и др.]. При большом объеме исследований ни в одном из ханьских погребений в Китае предметов, подобных биметаллическим стержням из хуннских могил, найдено не было. Не упоминаются они и в письменных источниках. Это, конечно, полностью не исключает факт их принадлежности культуре Хань. Справедливости ради необходимо отметить, что в этот период времени сталь производилась в еще одном регионе – в Индии: железные и стальные изделия индийских мастеров, оружие в особенности, были очень высокого качества и широко экспортировались.

Обсуждаемые в статье изделия находят как в мужских, так и в женских погребениях. На медных поверхностях известных нам изделий нет следов использования, за исключением фрагментов кожаных ремешков [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2011, с. 74; Treasures…, 2011, p. 73, cat. 060]. Отливка медной оболочки производилась довольно небрежно, возможно, специально для погребения. Вероятно, это было не всегда возможно, и тогда стальные стержни попадали в могилу в «открытом» виде. Очевидно, что эти необычные как по форме, так и по составу металла и способу производства изделия были необходимой частью погребального обряда высокопоставленных хунну, но их роль в этом обряде пока остается до конца не проясненной. Эти прочные за счет стальной сердцевины стержни могли служить опорой своеобразного устройства из кожаных ремней для транспортировки гроба по дромосу и для опускания гроба в могильную яму. Поэтому описываемые предметы находят, как правило, во внутренней погребальной камере, где они и оставались, не имея определенного места и не являясь сопровождающим инвентарем. Непосредственно к гробу они не крепились. В ханьских могилах подобные предметы отсутствуют, вероятно, потому, что их не полагалось оставлять на месте погребения. Это предположение кажется на сегодняшний день наиболее правдоподобным.

Список литературы

Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и России / сост. И.В. Кугальнек, В.Ю. Жуков. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. – 412 с.

Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1924. – СПб.: Наука, 2003. – 1037 с. – (Научное наследие; т. 30).

Леве М. Китай династии Хань. Быт, религия, культура. – М.: Центрполиграф, 2005. – 211 с.

Никоноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2004. – 314 с.

Погребенные царства Китая. Энциклопедия исчезнувших цивилизаций. – М.: Терра – книжный клуб, 1998. – 164 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – 184 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Курган № 22 в пади Суцзуктэ (Монголия): погребальный обряд // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 102–118.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Buchwald V.F. Iron and Steel in Ancient Times // Historisk-filosofiske Skrifter 29. The Royal Danish Academy of Science and Letters. – Copenhagen, 2005. – P. 113–124.

Hauptmann A. The Archaeometallurgy of Copper. Evidence from Faynan, Jordan. – Berlin; Heidelberg; N.Y.: Springer 2007. – 388 p.

Miller B.K., Baiarsaikhan Z., Tseveendorzh E., Konovalov P.B., Logan J. Elite Xiongnu burials at the periphery: tomb complexes at Takhiltyn Khotgor, Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. – Bonn, 2009. – P. 301–313.

Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first nomadic empire in Mongolia. Catalog. – Ulaanbaatar, 2011. – 296 p.

УДК 56.616.3:551.79(571.54)

Н.В. Мартынович[1], С.В. Алкин[2]

[1]Музей Мирового океана
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: alkin-s@yandex.ru

КОСТИ ПТИЦ ИЗ ПЕЩЕРЫ БЛИЗ СТОЯНКИ УСТЬ-ЧЁРНАЯ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ*

При изучении коллекции из 44 костей птиц из нового плейстоцен-голоценового местонахождения – пещеры в составе археологического микрорайона у с. Усть-Чёрная в бассейне р. Шилка – определены 10 видов. Представлены водные, лесостепные, степные и горно-тундровые обитатели. Гоголь (Bucephala clangula) и даурская куропатка (Perdix dauuricae) в субфоссильном состоянии указываются для региона впервые. Это первые публикуемые данные по позднечетвертичным птицам Забайкалья из карстовых местонахождений. Приведены краткие сведения о находках фоссильных и субфоссильных птиц в Забайкалье.

Ключевые слова: *Забайкалье, Шилка, четвертичные птицы, плейстоцен, голоцен*

These are the first published data on late Quaternary birds of the Transbaikal region from karst localities. 10 species were identified in the study of 44 bird bones from the new Pleistocene-Holocene location – cave at the Ust'-Chernaya archaeological microregion (Shilka River Basin). Water, forest-steppe, steppe and mountain-tundra habitants were found. Gogol (Bucephala clangula) and Daurian partridge (Perdix dauuricae) specified in subfossil condition in this region for the first time. Data briefly summarized on fossil and subfossil birds in Transbaikalia.

Keywords: *Transbaikalia, Qquaternary birds, Pleistocene, Holocene.*

Комплекс археологических памятников в приустьевой части р. Чёрная – самого крупного левостороннего притока р. Шилка – исследуется на протяжении шести десятилетий. Первые разведывательные шурфовки были проведены в конце июля – начале августа 1954 г. отрядом Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова [Окладников, Ларичев, 1999]. Начиная с 2006 г. в ходе выполнения программы по изучению археологического микрорайона в районе с. Усть-Чёрная (Сретенский р-н Забайкальского края) были исследованы памятники широкого хронологического диапазона – от верхнего палеолита до Средневековья. Один из таких объектов – небольшая карстовая полость (грот) в скальном останце на южном склоне г. Широкой, на вершине которой расположено Усть-Чёрнинское средневековое городище. На скальной поверхности справа от входа в грот имеется небольшой, плохо сохранившийся рисунок, выполненный охрой оранжевого цвета, который может быть датирован эпохой бронзы.

В ходе раскопок этой небольшой полости археологические артефакты обнаружены не были. Но был получен массовый остеологический материал: 724 ед. находок, включая 216 определимых костных остатков млекопитающих, рыб и человека (определение канд. биол. наук С.К. Васильева, ИАЭТ СО РАН). Изучение коллекции позволило также выделить небольшой набор (44 ед.) костных остатков птиц. Несмотря на малочисленность, они представляют значительный интерес, поскольку любые данные по истории авифауны этого сложного в орографическом, ландшафтном и фаунистическом отношении региона очень интересны, а редкие материалы по птицам из карстовых объектов определены для Забайкалья впервые (см. *таблицу*).

Комплекс фоссильных и субфоссильных птиц из пещеры близ Усть-Чёрной – лесостепной с включением горно-тундровых (белая куропатка), степных

*Работа выполнена в рамках совместного интеграционного проекта СО РАН и ДВО РАН № 39 «Монголы и тунгусо-маньчжуры: этнокультурное взаимодействие в Забайкалье, Приамурье и Северо-Восточном Китае в раннем Средневековье».

Количество костных остатков и минимальное число особей птиц из грота на г. Широкая у с. Усть-Чёрная

Вид	Кол-во остатков	Кол-во особей
Беркут (*Aquilacf. chrysaetos*)	1	1
Обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*)	1	1
Крупный гусь (*Anser sp.*)	1	1
Кряква (*Anas platyrhynchos*)	4	1
Чирок-трескунок (*A. querquedula*)	4	1
Чирок-свистунок (*A. crecca*)	1	1
Свиязь (*A. cf. penelope*)	6	2
Речная утка (*Anas sp.*)	2	2
Гоголь *(Bucephala clangula)*	5	1
Утки (*Anatidae indet.)*	1	1
Бородатая куропатка *(Perdix dauuricae)*	5	1
Белая куропатка *(Lagopus lagopus)*	4	1
Тетерев *(Tetrao tetrix)*	3	1
Мелкая воробьиная птица (Passeriformes indet.)	1	1
Птицы (Aves indet.)	5	?

(даурская куропатка) и интразональных водоплавающих видов. Преобладают кости уток, несколько костей в ориктоценозе – от молодых птиц.

Беркут. Определен по когтевой фаланге. Когтевые фаланги этого крупного орла найдены в забайкальских погребениях – Фофановском могильнике и могильнике Бухусан [Мартынович, 2011].

Утиные. Наряду с костями фазановых доминируют. Определены широко распространенные в Сибири представители речных и нырковых уток. Крупный гусь определен по проксимальной порции правой лопатки, особенности морфологии которой не позволили отнести кость ни к одному из рецентных видов рода *Anser*.

Тетерев. Широко распространенный вид лесостепной зоны Юго-Восточного Забайкалья [Щекин, 2007]. Основной орнитологический объект в голоценовых пещерных местонахождениях Сибири, источник поступления костей – разнообразные хищники и человек.

Белая куропатка. Материалы, в т.ч. полный тарзометарзус, плейстоценовой сохранности. Белая куропатка – оседлый вид гольцового пояса Забайкалья. В настоящее время ближайшее место, где отмечался данный вид – южная часть Витимского плоскогорья [Там же]. Массовый вид пернатых в позднеплейстоценовых и раннеголоценовых ориктоценозах Сибири (см.: [Мартынович, Оводов, 2014]). В северном Забайкалье найдена в финале плейстоцена на стоянке Большой Якорь-1 [Martynovich, 2002].

Бородатая (даурская) куропатка. Характерный вид Забайкалья, в названии которого наряду с даурским журавлем, даурской галкой, даурским ежом запечатлено наименование крупного региона. Субфоссильные материалы для Забайкалья указывается впервые. Эта куропатка хорошо известна из плейстоценовых местонахождений Приенисейской Сибири (например, пещера Двуглазка в Хакасии) и пещерных памятников под Красноярском. Есть (смешанные?) материалы из местонахождений, где кости этих фазановых встречаются вместе с костями белых куропаток [Мартынович, Оводов, 2014].

Обсуждение. В бассейне р. Шилка первое сообщение о находках костей птиц в археологическом контексте относится было сделано в связи с обсуждением результатов раскопок Шилкинской пещеры [Окладников, 1960, с. 56]. Однако после выделения группы костей птиц в списке остеологической коллекции (выполнено Н.К. Верещагиным), дальнейшего их определения не производилось. Тем не менее находки фоссильных материалов по забайкальским птицам хорошо известны.

Основной, исторически определившийся палеорнитологический объект – азиатский страус (*Struthio asiaticus*), который сформировался на открытых пространствах Центральной Азии, начиная с миоцена. Спорные изображения этой крупной птицы остались в виде петроглифов (см.: [Кубарев, Забелин, 2006]), а остатки в виде многочисленных фрагментов скорлупы (были собраны и почти полные яйца) регулярно встречались среди археологических артефактов по дюнам, выдувам лессовидных отложений речных долин, в т.ч. Южного Забайкалья (реки Селенга, Чикой, Джида) (см.: [Иваньев, 1959; Гайдученко, Тиваненко, 1978]).

Несмотря на исследовательскую активность в связи с поисками данных по страусам, сведения о костных остатках птиц из Забайкалья оставались очень скудны. Первые материалы были получены только в 1966 г. Среди палеонтологических находок среднеплейстоценового местонахождения у с. Засухино в Западном Забайкалье Н.И. Бурчак-Абрамович определил чирка-свистунка (*Anas crecca*) и коростеля (*Crex crex*) [Дергаусова, Калмыков, 1986].

В 1997 г. был опубликован конспективный обзор по четвертичным остаткам птиц Байкальского региона в Восточной Сибири, в котором были приведены сведения по птицам Забайкалья из четырех новых точек. Из двух пунктов (122-й и 125-й км) Баргузинской долины из позднего плейстоцен-голоцена определены соответственно две формы *Anassp.*, *Aythya cf. ferina*, *Fulica atra и*

Anatidae indet., *Circus cyaneus*, *Pica pica*. В Чарьской-2 (бассейн р. Тугнуй) для позднего плейстоцена указан юрок (*Fringilla montifringilla*), для пункта Усть-Кяхта-17 (культурный горизонт датирован в 11 600 ± 155) приведены сведения о фрагментах скорлупы азиатского страуса (*Struthio asiaticus*) и указан воронок (*Delichon urbica*) [Mlikovsky, Chenzychenova, Filippov, 1997; Пантелеев, 1997].

В северной части Забайкалья, на Витимской плоскогорье, в ходе раскопок известного палеолитического (12–10 тыс. л.н.) памятника Большой Якорь-1 получена коллекция в 1 416 костей птиц. Основу комплекса составили тундряная и белая куропатки, также указаны чирок-трескунок и мелкая воробьиная птица (*Passeriformes indet.*) [Martynovich, 2002; Инешин и др., 2004].

Из лесостепной зоны Забайкалья птицы известны в голоценовых погребениях в низовьях Селенги (Фофановский могильник) и восточнее – у оз. Исинга (могильник Бухусан). Для двух памятников определены восемь видов из дневных хищных, утиных, тетеревиных, чаек и сов. Общая коллекция замечательна высоким процентом костей хищных птиц [Мартынович, 2011].

Таким образом, наши знания о четвертичной фауне птиц Забайкалья отрывочны и только начинают пополняться. И, пожалуй, самые интересные комплексные материалы можно ожидать из пещерных местонахождений по северной границе Южного Забайкалья, где степные биотопы соседствуют с лесостепными, а равнинные ландшафты переходят в среднегорье.

Благодарности. Авторы признательны за консультации Н.В. Зеленкову (ПИН РАН), Н.Д. Оводову (ИАЭТ СО РАН) и А.М. Клементьеву (Институт земной коры СО РАН).

Список литературы

Гайдученко Л.Л., Тиваненко А.В. Первая находка кладки яиц ископаемых страусов в позднечетвертичных отложениях Западного Забайкалья // Геология и геофизика. – 1978. – № 1. – С. 33–36.

Дергаусова М.И., Калмыков Н.П. Биостратиграфия местонахождения Засухино (Юго-Восточное Прибайкалье) // Биостратиграфия – Геолкарте-50: тез. докл. – Иркутск, 1986. – С. 67–69.

Иваньев Л.Н. Остатки ископаемого страуса в Западном Забайкалье // Тр. Иркут. ун-та. Сер. геол. – 1959. – Т. 14, вып. 2. – С. 157–165.

Инешин Е.М., Клементьев А.Н., Мартынович Н.В., Тернер К.Д., Хензыхенова Ф.И. Проблематика и вопросы методологии зооархеологических исследований Большого Якоря-1 // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2004. – Вып. 2. – С. 49–86.

Кубарев В.Д., Забелин В.И. Авифауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 87–103.

Мартынович Н.В. Птицы из погребальных комплексов Забайкалья (могильники Бухусан и Фофановский) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая 2011 г.). – Иркутск, 2011. – Вып. 2. – С. 16–22.

Мартынович Н., Оводов Н. Позднечетвертичная история авифауны юга Приенисейской Сибири (по материалам из пещеры Еленева). – Lambert Acad. Publishing, OmniScriptum GmbH&Ko. KG, 2014. – 106 с.

Окладников А.П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // Тр. Дальневост. археол. экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1. – С. 9–71. – (МИА; № 86).

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 4–29.

Пантелеев А.В. История изучения четвертичных птиц азиатской части России и Монголии // Рус. орнитол. журн. – 1997. – Экспресс-вып. 72. – С. 3–17.

Сосновский Г.П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье // Тр. Комис. по изуч. четвертич. периода. – 1933. – Т. 3; вып. 1. – С. 115–130.

Тугаринов А.Я. Находка яйца ископаемого страуса в Забайкалье // Природа. –1930. – № 7/8.

Щекин Б.В. Птицы Даурии. – Чита: Экспресс-издательство, 2007. – 504 с.

Kurochkin E.N., Kuzmin Y.V., Antoshchenko-Olenev I.V., Zabelin V.I., Krivonogov S.K., Nohrina T.I., Lbova L.V., Burr G.S., Cruz R. J. The timing of ostrich existence in Central Asia: AMS ^{14}C age of eggshells from Mongolia and southern Siberia (a pilot study) // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B. – 2010. – Vol. 268. – P. 1091–1093.

Martynovich N. Birds from Bol'shoy Yakor archaeological site (Vitim river, East Siberia) // ICAZ Durham: Abstracts. – 2002. – P. 89.

Mlikovsky I., Chenzychenova D., Filippov A. Quaternary birds of the Baikal region, East Siberia // Acta Soc. Zool. Bohem. – 1997. – Vol. 61. – P. 151–156.

УДК 902.01

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕВЫХ НАКЛАДОК ЛУКА В ЭПОХУ БРОНЗЫ (Западно-Сибирская лесостепь)*

Статья посвящена разработке типологии концевых накладок на лук, появившихся в Западно-Сибирской лесостепи в период развитой бронзы (вторая половина III тыс. до. н.э.). Изделия претерпевают эволюцию и существенно видоизменяются к периоду поздней бронзы (XIV–X вв. до н.э.). Изменение концевых накладок свидетельствует об изменении самого лука.

Ключевые слова: *концевая накладка, лук, эпоха бронзы, Западная Сибирь.*

The publication is devoted to the development of bow end-brackets typology. These objects appeared in the West Siberian forest-steppes during the period of full-fledged Bronze age (the second half of III millennium B.C.). Produce undergo evolution and considerable change by the Late Bronze period (XIV–X centuries B.C.). The modification of bow end-brackets indicates the evolution of bow itself.

Keywords: *bow end-bracket, bow, Bronze age, Western Siberia.*

Наличие луков, усиленных костяными накладками, в археологических комплексах эпохи неолита Восточной Сибири, пожалуй, впервые было выявлено А.П. Окладниковым [1940, с. 107–112]. Для более поздних периодов эпохи бронзы уже концевые накладки на лук не раз отмечались на поселениях и могильниках Западной Сибири (см., напр.: [Косарев, 1981]). Хотя этих предметов найдено на сегодняшний день не так уж много, представляется, что мы имеем возможность проследить динамику изменения формы концевых накладок, изготовленных из кости. Это имеет большое значение для возможных реконструкций лука. Излишне, думаю, говорить, насколько востребованным было это орудие (оружие) для жизнедеятельности человека от момента появления (конец палеолита, мезолит, неолит?) вплоть до Нового времени.

Изобретение концевых накладок, несомненно, явилось важнейшим шагом на пути эволюции лука. Их использование делало лук более мощным инструментом, усиливая пробивную способность стрелы. Данное обстоятельство способствовало совершенствованию и самой стрелы, позволяя использовать более крупный и тяжелый наконечник из кости, камня и металла.

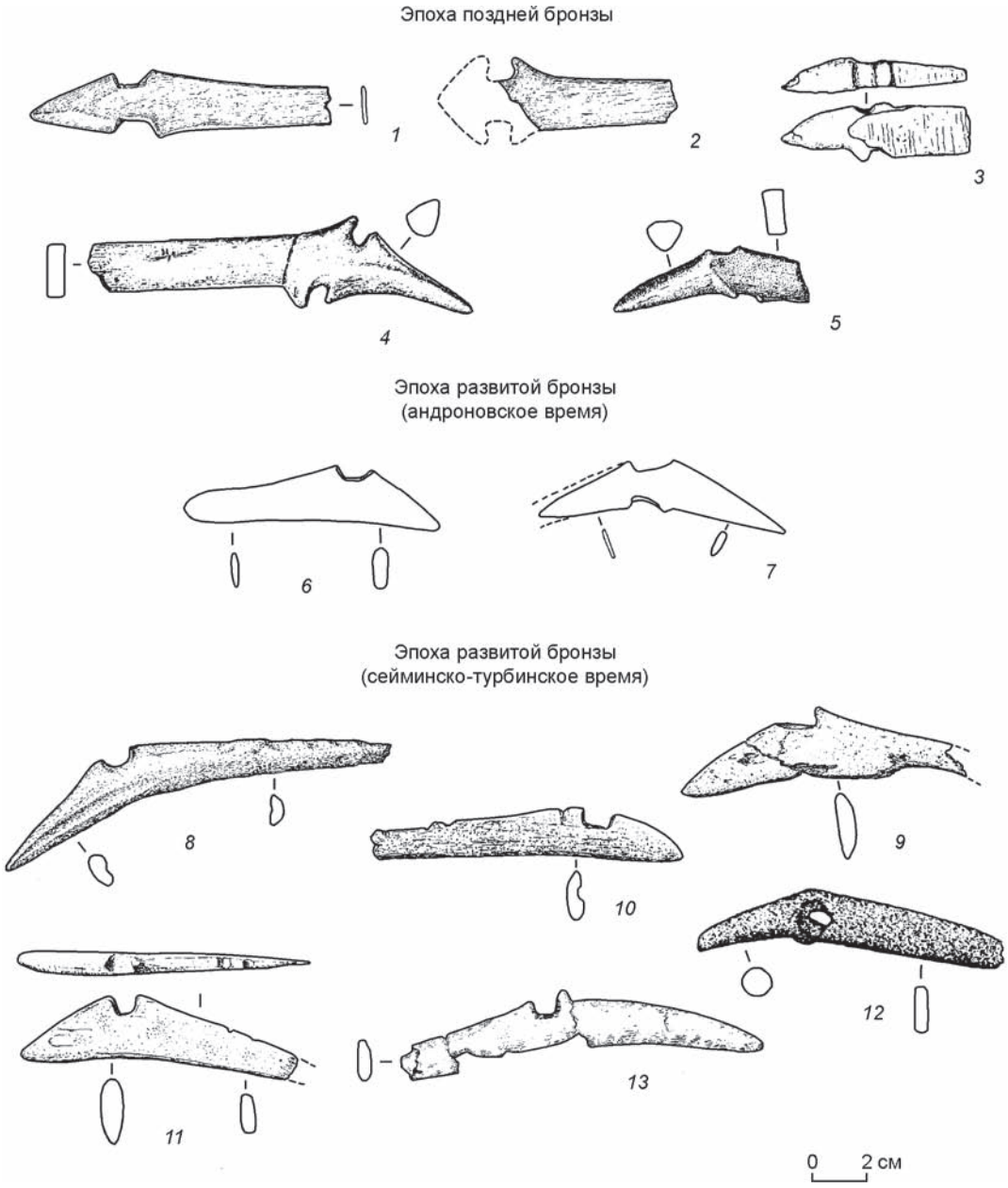
Появление первых концевых накладок, а следовательно, и качественно новый шаг в совершенствовании лука, следует связывать с периодом развитой бронзы (см. *рисунок, 8–13*). Костяные концевые накладки отмечены у носителей нескольких культур, существовавших в это время в Западно-Сибирской лесостепи. Если опираться на последние серии калиброванных радиоуглеродных дат, это происходило в период III – начала II тыс. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, рис. 2]. Не исключено, что толчком к новациям явилось появление у носителей культур этого круга (кротовской, елунинской, самусьской) мощного бронзового оружия сейминско-турбинского облика, а также защитного доспеха [Молодин, Шатов, 2000], потребовавшего усиления проникательных способностей наконечника. В таком случае время появления данной новации можно, по-видимому, снивелировать до второй половины III тыс. до н.э.

Наибольшее количество костяных концевых накладок (пять) обнаружено в кротовском могильнике Сопка-2/4Б, В, при этом три – в погребении литейщика № 282 (кург. 25, погр. 64) [Молодин, 1983] и два – в погр. № 403 (кург. 58, погр. 2)

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00045).

(см. *рисунок*, *8–13*). Каждый из пяти предметов имеет индивидуальные особенности, вместе с тем, они близки по основной идее. Накладки представляют собой прямой или слегка изогнутый стержень, размеры которого составляют от 10,0 до 15,5 см. Тело накладки с одной стороны уплощено для более плотного крепления к деревянной оконечности лука внахлест. У двух накладок на спинке стержня прорезано соответственно по два и три паза, предназначенных для более плотной фиксации ее шнуром. Все накладки завершаются подтреугольной, опущенной вниз головкой, которая во всех случаях приострена. Главной составляющей для данных изделий является вырезанный на спинке между стержнем для крепления и головкой-оконечностью глубокий паз для фиксации тетивы.

Очевидно, пара таких накладок крепилась на оконечностях тела лука внахлест (не исключено, что в некоторых случаях использовалась лишь одна концевая накладка, на эту мысль наталкивает их нечетное количество в могиле литейщика).



Эволюция концевых накладок на лук эпохи бронзы.

1, 2 – городище Чудская Гора (по: [Косарев, 1987]); *3* – Еловское поселение (по: [Косарев, 1981]); *4* – поселение Ново-Шадрино VII (по: [Корочкова, 2010]); *5* – Пахомовская Пристань I (по: [Корочкова, 2010]); *6, 7* – могильник Крохалевка-13 (по: [Троицкая, Сумин, Адамов, 2012]); *8–11* – могильник Сопка-2/4Б, В (раскопки В.И. Молодина); *12* – поселение Черноозерье VI (по: [Стефанова, Стефанов, 2007]); *13* – поселение Крохалевка-1 (по: [Молодин, Глушков, 1989]).

Аналогичное изделие было обнаружено на поселении Черноозерье IV (см. *рисунок*, *12*). Это концевая накладка сопоставима с выше охарактеризованными [Стефанова, Стефанов, 2007, рис. 9, *4*]. Одинаковая (кротовская) культурная идентификация не исключена, поскольку на указанном памятнике обнаружена как кротовская, так и логиновская керамика [Там же]. Как бы то ни было, речь идет в целом об одной эпохе. Особенностью данного предмета является сквозное отверстие для крепления тетивы.

Еще одно аналогичное изделие обнаружено на поселении самусьской культуры Крохалевка-1 [Молодин, Глушков, 1989, рис. 23, *4*]. Особенно оно близко накладкам из погр. № 403 (кург. 58, погр. 2) Сопки-2/4Б, В. Эти изделия имеют длинную, приостренную оконечность (см. *рисунок*, *13*).

Известна концевая накладка и на поселении елунинской культуры Березовая Лука. Изделие имеет длинное, вытянутое тело с характерной приостренной головкой и пазом для крепления тетивы [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005]. Более всего изделие напоминает одну из накладок из погребения литейщика памятника Сопка-2/4Б, В.

К следующему хронологическому периоду развитой поры бронзового века относятся две костяные накладки, найденные в могиле андроновской (федоровской) культуры памятника Крохалевка-13 [Троицкая, Сумин, Адамов, 2012] (см. *рисунок*, *6*, *7*). Первое изделие абсолютно аналогично предмету из кротовской могилы литейщика, с той лишь разницей, что стержень для крепления сделался более тонким, чем головка. Однако вторая накладка при схожих пропорциях имела уже два противолежащих паза для крепления тетивы (см. *рисунок*, *7*). На лицо явная новация, делающая крепление тетивы более совершенным.

Что это именно так, свидетельствуют концевые накладки из комплексов финальной бронзы Западно-Сибирской лесостепи, относящиеся к последней трети II тыс. до н.э.

В качестве образцов позднебронзовых накладок можно привести изделия ирменской культуры из Еловского поселения [Косарев, 1987, рис. 114, *18*] (см. *рисунок*, *3*), памятников пахомовской культуры Ново-Шадрино VII и Пахомовская Пристань-1 (см. *рисунок*, *4*, *5*) [Корочкова, 2010, рис. 8, *8*; 15, *7*]. Известны они и на других памятниках эпохи поздней бронзы (см. *рисунок*, *1*, *2*).

Изделия позднебронзовой эпохи объединяют друг с другом более мелкие размеры, чем у ранних; все они имеют противолежащие пазы для крепления тетивы. Особенно важно, что накладки обладают более коротким телом и заточенным клином черешком для крепления к телу лука. Очевидно, что сам способ крепления был изменен: если у наиболее ранних луков черешок накладки крепился внахлест, то позднебронзовые накладки вставлялись в тело лука, а с наружи дополнительно фиксировались обмоткой.

Такова динамика совершенствования западносибирского лука в эпоху бронзы, которая, вероятно, будет уточняться при пополнении новыми источниками.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – Т. 1. – 288 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тобо-ло-Иртышья). – Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. – 104 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 277 с.

Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 289–304.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 96–109.

Молодин В.И., Глушков И.Т. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 134; вып. 3: Археология и этнография. – С. 136–167.

Молодин В.И., Шатов А.Г. К реконструкции военного дела носителей кротовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 358–363.

Окладников А.П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. – 1940. – Вып. 8. – С. 107–112.

Стефанова Н.К., Стефанов В.И. О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Проблемы археологии Урала и Западной Сибири (к 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. – С. 84–93.

Троицкая Т.Н., Сумин В.А., Адамов А.А. Древности Кудряшовского бора: Крохалева-13 – комплекс археологических памятников. – Новосибирск: Ярус, 2012. – 76 с.

УДК 902.2

В.И. Молодин[1], И.А. Дураков[2], Л.С. Кобелева[1], Н.С. Ефремова[1], М.С. Демахина[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ)*

Публикация содержит информацию о полевых исследованиях ритуальных комплексов эпохи поздней бронзы в Барабинской лесостепи. Выявленные на территории разновременного комплекса Тартас-1 конструкции являются на сегодняшний день одними из самых восточных объектов пахомовской археологической культуры. В результате раскопок 2014 г. получены новые сведения об архитектурных особенностях этих объектов, выявлена тесная связь цветной металлообработки и ритуальной практики населения пахомовской культуры. Зафиксирован многокомпонентный состав керамики, содержащей, помимо пахомовской, позднеирменскую посуду, что демонстрирует сосуществование популяций на одной территории и уточняет хронологию объекта.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, эпоха поздней бронзы, пахомовская культура, ритуальный комплекс, бронзолитейное производство, керамика.*

This publication contains information on field research of Late Bronze Age ritual complexes in the Barabinsk forest steppe. Structural units found on the territory of the multy-temporal complex Tartas-1. It is the one of the most eastern objects of Pakhomovo archaeological culture. During the excavations in 2014 new information of the architectural features of these objects was gained, a close connection between nonferrous metal-working and ritual practice of the population of Pakhomovo culture was revealed. It was stated that ceramic structure was multicomponent and that besides Pakhomovsky it contained Late-Irmen dishes that demonstrates the coexistence of the populations in the same area and makes the chronology of the object more exact.

Keywords: *Western Siberia, Barabinsk forest-steppe, Late Bronze Age, Pakhomovo culture, ritual complex, bronze casting, ceramics.*

Древние святилища – крайне важный и пока весьма загадочный и слабо изученный феномен сибирской археологии. В значительной степени это объясняется проблемой распознания исследователями таких объектов, а также, очевидно, различной ритуальной нагрузкой, которая находила отражение в дошедших до нашего времени археологических реалиях. В отличие от поселенческих и погребальных комплексов, святилища могут содержать признаки характерные и для поселений, и для могильников, что крайне затрудняет семантическое определение таких памятников.

Имея значительный опыт изучения культовых комплексов (см., напр.: [Молодин, Ефремова, 2010]), авторы отдают себе отчет в проблемности идентификации оригинального пахомовского комплекса на памятнике Тартас-1. Раскопки, проводимые здесь на протяжении двух последних лет, наглядно демонстрировали отличие комплекса от поселений, не говоря уже о могильниках [Молодин, Наглер и др. 2012; Молодин, Кобелева и др., 2013]. Продолженные здесь в 2014 г. исследования дали принципиально новые данные, свидетельствующие о существовании на объекте сооружений, связанных с активным бронзолитейным производством, что, впрочем, не исключает первой версии (согласно которой мы имеем дело со святилишем), а скорее дополняет ее, поскольку феномен семантической связи литейного и кузнечного производства с культовым центром не раз отмечался в археологической литературе [Эдинг, 1940, с. 14; Сальников, 1949, с. 94–95], а также был замечен этнографами у

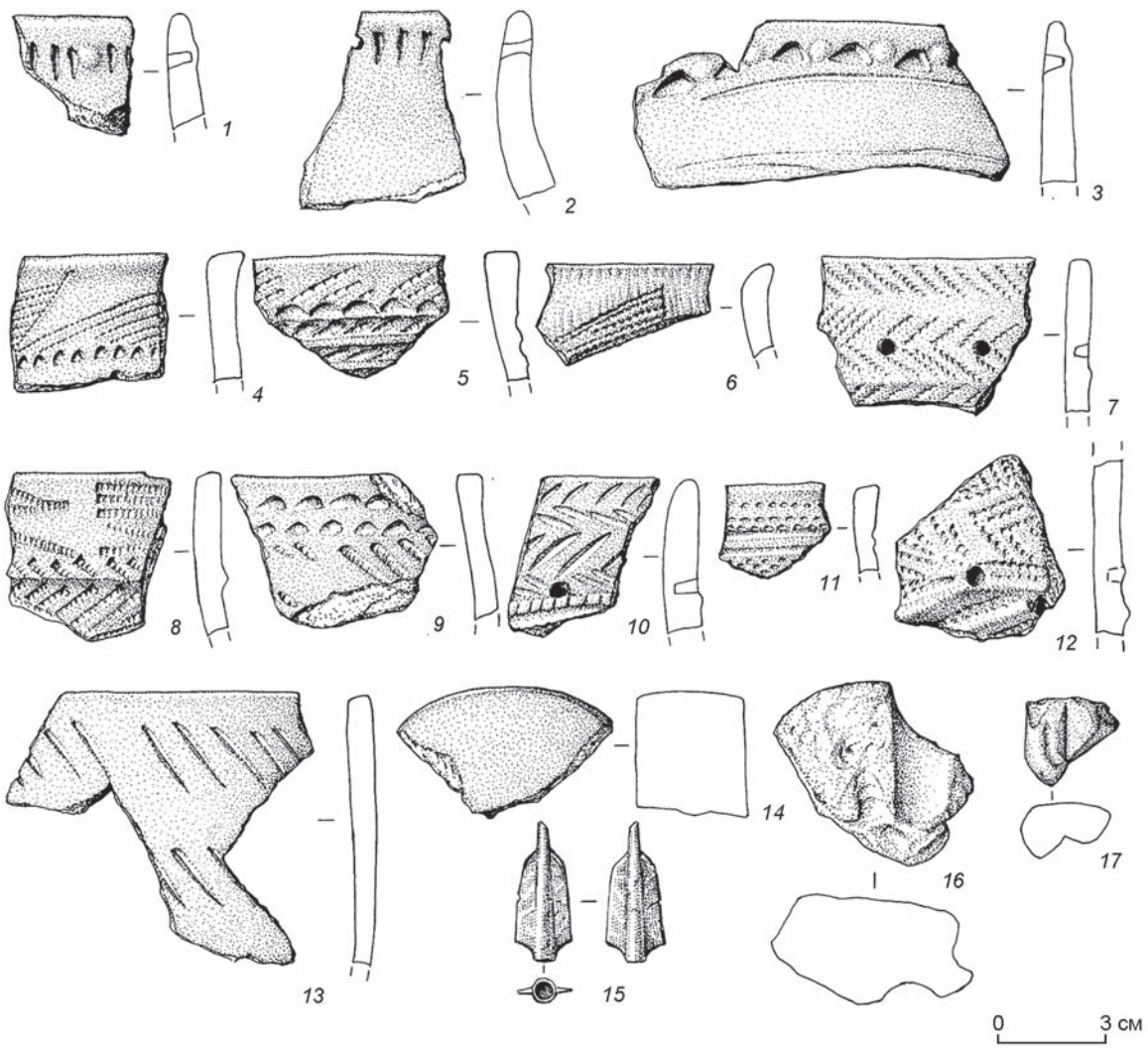
*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-12022 офи-м).

ряда народов, находящихся на ранней стадии освоения металлообработки [Cline, 1937; Childs, Killick, 1993, p. 332].

В сезоне 2014 г. продолжены работы на ранее выявленных ритуальных комплексах пахомовской культуры. У юго-западной оконечности занимаемой памятником надпойменной террасы правого берега р. Тартас, на берегу старицы выявлено каркасно-столбовое сооружение, близкое по своим конструктивным особенностям постройке, исследованной раскопом 2012 г. [Молодин, Наглер и др., 2012, с. 231–232, рис. 1]. Данное строение непосредственно примыкает к исследованным в 2012–2013 гг. ритуальным комплексам № 3 и 4 [Молодин, Кобелева и др., 2013, с. 265–267, рис. 1, *1*] и составляет с ними единый архитектурный ансамбль.

Раскопанное в этом году сооружение представляет собой ориентированную длинной осью по линии С – Ю прямоугольную прямостенную наземную конструкцию размером 15 на 8 м и площадью приблизительно 120 м². Об этом свидетельствует система столбовых ям, расположенных по ее периметру. Менее отчетливо читается два ряда ям во внутренней части конструкции. Ближе к центру строения выявлен овальный прокал. К нему примыкала круглая ритуальная яма, заполненная костями мелкого рогатого скота. Судя по тому, что некоторые столбовые ямы накладываются друг на друга, а одна из них перерезает прокал, описанное сооружение в ходе эксплуатации подвергалось ремонту и перепланировке.

В культурном слое постройки найдены многочисленные обломки керамики эпохи поздней бронзы (см. *рисунок*, *1–13*), кости животных, фрагменты глиняных литейных форм (см. *рисунок*, *16*, *17*), кусочки охры. Особенный интерес представляют обломок каменной створки литейной фор-



Могильник Тартас-1. Ритуальный комплекс.

1–13 – керамика; *14* – фрагмент каменной литейной формы; *15* – бронзовый наконечник стрелы; *16*, *17* – фрагменты глиняных литейных форм.

мы (см. *рисунок*, *14*) и полуфабрикат бронзового наконечника стрелы (см. *рисунок*, *15*).

Наконечник относится к типу двухлопостных втульчатых стрел раннескифского облика. В районе конца жала сохранился не отделенный литник в виде круглого вертикального, слегка сужающегося канала-стояка. Аналогии таким изделиям известны в материалах предскифского времени Северного Причерноморья и Сибири [Тереножкин, 1976, с. 133–139, рис. 82, *4*, 97; Грязнов, 1956]. Нахождение на территории культовых сооружений пахомовской культуры бронзовых вещей (часто без следов использования) является характерной чертой, зафиксированной на других ранее раскопанных участках ритуального комплекса данного памятника [Молодин, Наглер и др., 2012, с. 233; Молодин, Кобелева и др., 2013, с. 266–267]

Внутри помещения, вплотную к его северной стене, помещались три скопления болотной железной руды*, а также два земляных сооружения. Первое из них (конструкция № 3) представляло собой круглое чашеобразное углубление диаметром 1,95–2,2 м и глубиной от уровня материка 0,08–0,15 м. Его дно слегка понижается к центру. У северо-восточной стенки углубления находились два крупных скопления предметов. Первое из них состояло из крупных обломков технической керамики. Второе включало крупные фрагменты литейных форм, свода плавильной печи и находящиеся под ними две бронзовых бусины и кость животного. По-видимому, бусины являются своего рода «прикладами», аналогичными ранее выявленным бронзовым наконечникам копий и кельту.

В центре конструкции находилась овальная яма размером 0,7 × 0,58 м и глубиной 0,2 м. На ее дне находился служивший, по-видимому, алтариком крупный плоский кусок болотной руды, размером 15 на 23 см и толщиной 0,3–0,4 см. В заполнении присутствовали окатанные фрагменты руды, обломок литейной формы, кусочек охры, кости животных. Слой был насыщен золой и мелкими вкраплениями прокаленной почвы.

Конструкция № 4 представляла собой подквадратное углубление размером 2,40 на 2,15 м. Его глубина у северной и восточной стенок составляет 5–6 см. Дно незначительно понижается к центру углубления. У восточной стенки прослеживается скопление обломков свода печи, фрагменты болотной руды, костей животных и бронзовый сплеск.

В центре сооружения находилась круглая чащеобразная яма. Ее диаметр по верхнему краю равнялся 0,67–0,64 м, а глубина – 0,24–0,27 м. Заполнение содержало зольные включения, мелкие фрагменты технической керамики, кости животных, окатанные фрагменты болотной руды.

Таким образом, оба описанных сооружения идентичны как по конструкции, так и по характеру заполнения и инвентаря. Их сооружение, несомненно, вызвано схожими потребностями хозяйственно-ритуальной практики.

Культурно диагностирующими и наиболее массовыми находками являются мелкие и крупные фрагменты керамики, содержащиеся в верхних слоях, столбовых ямах и конструкциях всего комплекса. Без учета полной обработки керамического комплекса можно констатировать факт присутствия фрагментов пахомовской и позднеирменской посуды.

Позднеирменская керамика выявлена в виде фрагментов горловин от нескольких (6–8) сосудов-горшков, орнаментированных двумя рядами жемчужин с разрядкой из 2–4 вытянутых, семечковидных вдавлений (см. *рисунок*, *1–3*). Такая керамика типична для позднеирменских комплексов [Молодин, 1985].

Состав пахомовской посуды более вариативен, представлен «нарядной» и «ненарядной», по классификации О.Н. Корочковой [2010, с. 58], группами. Первая характеризуется андронойдным орнаментом, состоящим из различной формы заштрихованных треугольников, зигзага и «елочки», нанесенных мелкозубчатым гребенчатым штампом (см. *рисунок*, *4–6*). Вторая представлена посудой, орнаментированной по всей поверхности отпечатками крупного гребенчатого штампа, много реже отпечатками гладкого штампа. Среди мотивов преобладают «зигзаг» и «елочка», кроме того присутствуют «ямки» и косые семечковидные вдавления (см. *рисунок*, *7–12*). Часть фрагментов имеет явный сузгунский колорит.

В составе керамического комплекса имеется небольшая группа фрагментов плоскодонных сосудов баночной формы, орнаментированных крупной «елочкой», выполненной в резной технике, имеющая черты посуды раннего железного века (см. *рисунок*, *13*).

Техническая керамика представлена многочисленными мелкими фрагментами литейных форм, сердечников, возможно, свода очажного устройства, обмазки сопла. Основная масса материала зафиксирована в заполнении и на уровне дна конструкций ритуального комплекса и в верхнем слое почвы над ними, а также в несколь-

*Определения выполнены канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик, за что авторы выражают ей искреннюю благодарность.

ких столбовых ямках. Бинокулярное исследование показало наличие в глинистой массе большого количества некалиброванного песка, в двух случаях выявлен шамот. Органика зафиксирована в небольшом количестве, в качестве естественной примеси. Формовка производилась на деревянной модельной плите (сохранились обломки с отпечатками древесной структуры на разъемах створок).

Следует отметить, что значительная часть находок связана с бронзолитейным производством. Эта особенность уже отмечалась ранее как характерный признак культовых мест пахомовской культуры [Труфанов, 1983, с. 66; Молодин, Кобелева и др., 2013, с. 267], однако в таком количестве они встречены впервые.

Таким образом, исследование нового культового сооружения памятника Тартас-1 показывает, что перед нами долго функционировавшее и грандиозное по своим масштабам пахомовское святилище, занимающее значительную площадь.

Найденные в ходе работ материалы позволяют уточнить датировку пахомовской археологической культуры. Исходя из вещевого комплекса (наконечник стрелы раннескифского типа), двухкомпонентного состава керамического материала, включающего обломки сосудов позднеирменской культуры, можно говорить о синхронности позднеирменских и пахомовских памятников на территории Центральной Барабы. Следовательно, данный комплекс относится к переходному от бронзы к железу времени, что свидетельствует, вероятно, о достаточно длительном существовании пахомовской культуры в правобережном Прииртышье.

Список литературы

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.: АН СССР, 1956. – 163 с. – (МИА; № 48).

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. – 104 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука. 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 263 с.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

Сальников К.В. К вопросу о древней металлургии в Зауралье // КСИИМК. – 1949. – № XXIX. – С. 92–95.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 224 с.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1983. – С. 63–76.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. – М.: Гос. ист. музей, 1940. – 102 с. – (Тр. ГИМ; вып. 10).

Childs S.T., Killick D.J. Indigenous African metallurgy: nature and culture // Annual Rev. of Anthropology. – 1993. – Vol. 22. – P. 317–337.

Cline W.B. Mining and metallurgy in Negro Africa. – Paris: P. Geuthner, 1937. – 155 p.

УДК 902.2

В.И. Молодин[1], Н.С. Ефремова[1], Л.С. Кобелева[1], И.А. Дураков[2], Л.Н. Мыльникова[1], Ю.Н. Ковыршина[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

ПОГРЕБЕНИЕ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОГИЛЬНИКЕ ТАРТАС-1

Публикация содержит информацию о полевых исследованиях погребения пахомовской культуры в Барабинской лесостепи, относящегося к эпохе поздней бронзы. В ходе раскопок получен керамический материал, сочетающий в себе андроноидные и позднебронзовые черты, что является характерным признаком для пахомовских поселенческих и погребальных комплексов. Значимой представляется находка бронзового изделия с гвоздевидной шляпкой. Подобные предметы в Западной Сибири характерны для памятников переходного от бронзы к железу времени. Погребальный инвентарь позволил отнести комплекс к завершающей стадии развития пахомовской культуры.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, эпоха поздней бронзы, пахомовская культура, погребальный комплекс, керамика.*

This publication contains information on field research of burials of Pahomovo culture related to the Late Bronze Age in the Barabinsk forest steppe. The excavations produced ceramic material which combines features of Andronovo and Late Bronze Age that is a characteristic feature for Pahomovo settlement and funeral complexes. Particularly significant discovery is a bronze nail-shaped pin. In Western Siberia such objects are typical for the monuments of the transition period from bronze to iron. Due to grave goods it was possible to refer the complex to the final stage of Pahomovo culture.

Keywords: *Western Siberia, Barabinsk forest steppe, Late Bronze Age, Pahomovo culture, funeral complex, ceramics.*

В настоящее время в правобережной части приртышской лесостепи масштабно исследованы два погребальных комплекса восточного варианта пахомовской культуры – Старый Сад-1 и Гришкина Заимка, а также отдельные захоронения на всей территории распространения данной культуры [Корочкова, 2010]. По сути, сегодня можно говорить об этапе формирования источниковой базы по погребальной практике данного образования [Молодин, Мыльникова и др., 2014]. По этой причине каждый новый объект, как правило, предоставляет оригинальную научную информацию. Такое событие произошло в 2014 г. при изучении памятника различных эпох Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.).

Длительное антропогенное воздействие (многолетняя распашка, близость дорожной магистрали) привело к тому, что каких-либо остатков архитектурных сооружений на поверхности почвы практически не фиксируется. Несмотря на неоднократный геофизический мониторинг, раскопки ведутся методом сплошного вскрытия площади памятника, что вполне себя оправдывает.

Рассматриваемый комплекс пахомовской культуры был маркирован (согласно сплошной нумерации погребальных объектов, вне зависимости от хронологической и культурной принадлежности) как погр. № 588. С могильной ямой, несомненно, семантически связан дугообразный ровик (яма 751), охватывающий с восточной стороны могилу и содержащий развал пахомовского сосуда (рис. 1). О наличии или отсутствии какого-то надмогильного сооружения говорить не приходится.

Характеристика захоронения. Могильная яма была отчетливо зафиксирована на уровне материка. Она имеет подчетырехугольную форму с закругленными углами, размером 1,25 × 1,00 м и глубиной 0,3 м. Стенки ямы слегка наклонные, дно ровное. Ориентирована по линии СВ – ЮЗ (рис. 1). Заполнение могилы неоднородно по цвету. Явные свидетельства последующего внедрения не выявлены. Примерно в центре могилы, ближе к восточной стенке, на дне могильной ямы обнаружены кости младенца. Кости плохой сохранности лежали компактной кучей. Идентифицируются

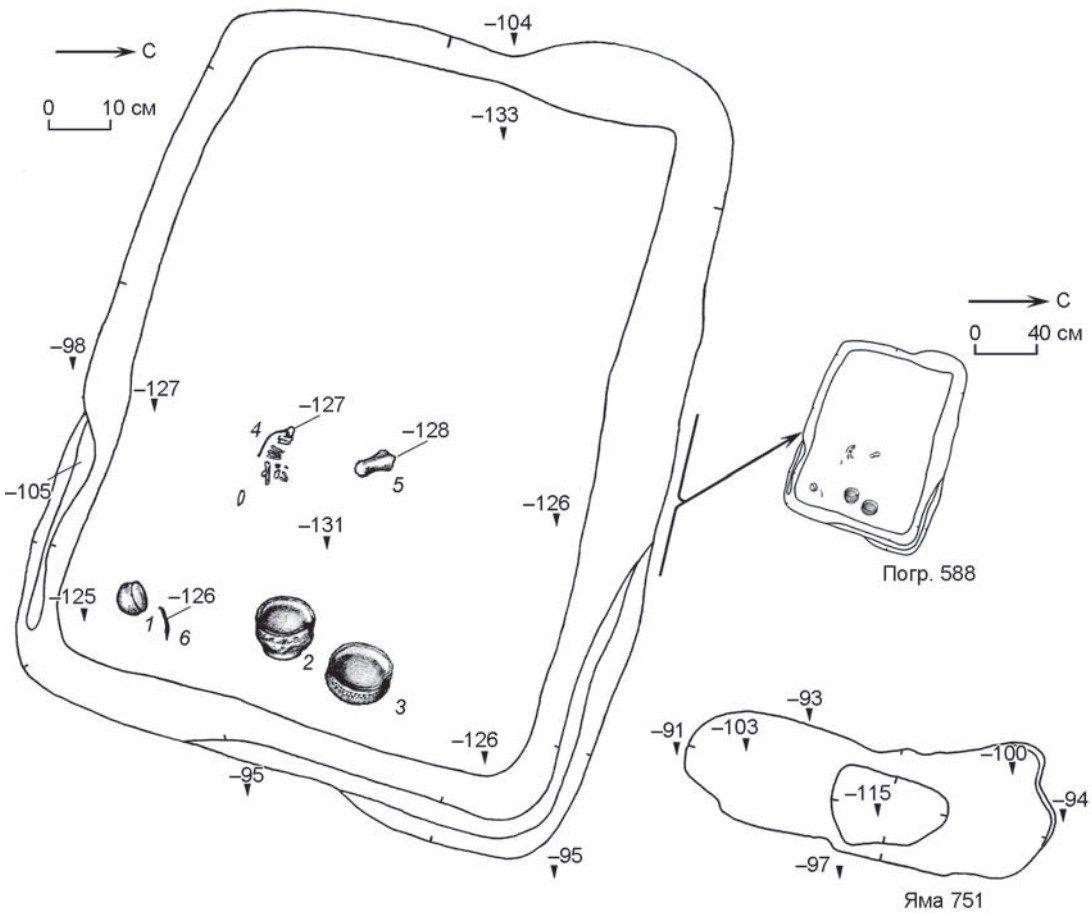


Рис. 1. Могильник Тартас-1. Погр. № 588 и яма № 751. План.
1, 2, 3 – керамика; *4, 6* – бронза; *5* – кость.

ребра, часть черепа, молочные зубы, две длинные кости конечностей. Кости младенца залегают в погребении *in situ*. Вместе с тем скелет неполон, что, скорее всего, обусловлено плохой сохранностью в могиле. В итоге не представляется возможным говорить о позе и ориентации умершего.

К северу от костей погребенного, ближе к центру погребальной камеры, обнаружена первая фаланга ноги молодой лошади (определение канд. биол. наук С.К. Васильева).

На костях ребенка располагалось гвоздевидное изделие с плоской грибовидной шляпкой диаметром до 1,5 см (рис. 2, *6*) и изогнутым у основания под 90° длинным стержнем. Круглый в сечении стержень имеет диаметр 0,2 см. Сохранность изделия крайне плохая, тем не менее удалось зафиксировать его реальную длину, составляющую 8–10 см. Подобные изделия, но с более коротким шпеньком, встречаются в пахомовских древностях на городище Инберень IV и могильнике Черноозерский II [Матвеев, Костомаров, 2011, рис. 4, 5, 9]. Аналогии таким гвоздевидным украшениям известны в позднебронзовых памятниках Сибири [Членова, 1981, рис. 2, 14; Кирюшин, Папин и др., 2004, с. 80–81, рис. 7, *10*].

Остальной сопроводительный инвентарь сконцентрирован у юго-восточной стенки погребальной камеры. Это три стоящие в ряд сосуда и бронзовое шило, лежащее рядом с сосудом в юго-восточном углу погребения (см. рис. 1). Шило четырехгранное в сечении, длиной 6,5 см и толщиной 0,3–0,5 см (рис. 2, *5*), похоже, преднамеренно надломленное. Сохранились следы деревянной рукояти или футляра.

Особый интерес представляет керамическая посуда. Один из сосудов (рис. 2, *1*) и по форме, и по орнаментальной схеме – андроноидный, два других по тем же параметрам – позднебронзовые (рис. 2, *2, 4*). Более подробно о них можно сказать следующее. Сосуд, помещенный ближе к западному углу могилы, высотой 8,5 см, изящно профилирован, горшковидной формы, на поддоне. Выраженная зональность и геометризм, меандровидный узор по тулову демонстрируют его яркую андроидность. Два других – профилированные горшки с одутловатым туловом имеют ярко выраженную форму, характерную для эпохи поздней бронзы (например для

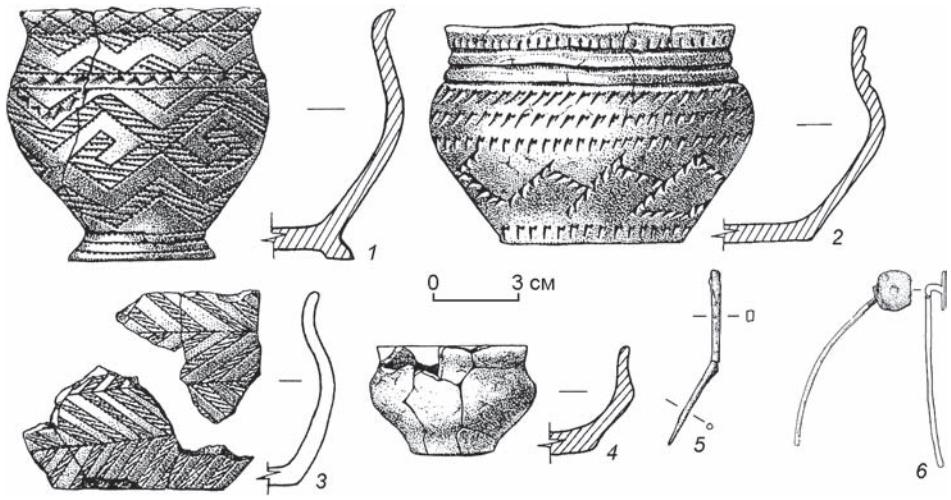


Рис. 2. Могильник Тартас-1. Находки из погр. № 588 и ямы № 751.
1, 2, 4 – керамические сосуды из погр. № 588; *3* – керамический сосуд из ямы № 751; *5* – бронзовая игла из погр. № 588; *6* – бронзовое изделие из погр. № 588.

ирменской культуры). То же самое можно сказать и об орнаменте и его композиционном построении.

Расположенный с ЮВ стороны от могилы ровик носил, без сомнения, сакральные функции. Он имел изогнутую форму, размеры 2,45 × 0,87 м и глубину до 0,1 м. Стенки ровика наклонные, южная пологая, дно ровное. Заполнение его котлована по цвету не однородно.

В центре ровика, почти на дне, обнаружен развал плоскодонного профилированного сосуда (рис. 2, *3*). Форма и орнаментация позволяют отнести его к периоду поздней бронзы. Изделие, без сомнения, составляет единый комплекс с горшками из захоронения. Важно отметить, что он был помещен в ровик не целым, а, скорее всего, преднамеренно разбитым.

Рассматриваемый комплекс имеет абсолютные аналогии с расположенным неподалеку от Тартаса-1 могильником пахомовской культуры Старый Сад, где отмечено 9 % захоронений с оформлением сакрального пространства в виде могилы в сочетании с ямой [Молодин, Мыльникова и др., 2014, с. 42–43]. Такой диагностике не противоречит и инвентарь. Сочетание в одном комплексе керамики андроноидных и позднебронзовых черт вообще является характерным признаком для пахомовских комплексов, как поселенческих, так и погребальных [Корочкова, 2010; Молодин, Нескоров, 1992].

Более того, очень близкие аналогии четырем сосудам исследуемого захоронения имеются на пахомовских памятниках Оськино Болото [Ткачёв, Ткачёва, 2006], Ук III [Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991], Михайловский могильник [Генинг, Стефанов, 1991], Алексеевка XXI [Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997], Черноозёрье II [Генинг, Стефанов, 1991], Старый Сад [Молодин, Нескоров, 1992] и др. [Корочкова, 2009].

Особо значимой находкой является бронзовое изделие с гвоздевидной шляпкой. Подобные предметы характерны в Западной Сибири для памятников переходного от бронзы к железу времени [Кирюшин и др., 2004, с. 80–81, рис. 7, *10*] и относятся (опираясь на хронологическую шкалу, разработанную на городище Чича-1) ко второй половине X – VIII в. до н.э. [Молодин, Парцингер, 2009]. Данная хронологическая позиция комплекса совпадает с датой могильника Старый Сад, основанной на находке там обломка от стремечковидных удил [Молодин, Мыльникова и др., 2014].

Таким образом, рассматриваемый в настоящей работе погребальный комплекс относится к завершающей стадии пахомовской культуры, что сближает его по времени с культовым комплексом данной культуры, исследуемым здесь же, на памятнике Тартас-1 [Молодин, Наглер и др., 2012; Молодин, Кобелева и др., 2013]. Данные наблюдения крайне важны, поскольку позволяют говорить об имеющей место динамике, по крайней мере восточного варианта пахомовской культуры.

Список литературы

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андроноидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1991. – С. 52–60.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная

зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. – С. 62–85.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 75–84.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. – 104 с.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. – Свердловск: Изд-во ИАиА УрО РАН, 1991. – 724 с.

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 46–55.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Особенности организации сакрального пространства в эпоху поздней бронзы (по материалам могильника Старый Сад, Барабинская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 3.– С. 29–45.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения. 1990: мат-лы конф. – М., 1992. – Ч. I. – С. 93–96.

Молодин В.И., Парцингер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Из-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 51–77.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1997. – С. 162–191.

Ткачёв А.А., Ткачёва Н.А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестн. археологии, антропологии, этнографии. – 2006. – Вып. 7. – С. 241–248.

Членова Н.Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. – 1981. – Вып. 167. – С. 100–108.

УДК 903.2

В.И. Молодин[1], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], Д.А. Ненахов[1], Д.В. Селин[2], К.А. Борзых[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: msnesterova@gmail.com

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ И ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА У НОСИТЕЛЕЙ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

В работе представлены новые данные по организации жилого пространства и особенностям домостроения у носителей кротовской культуры, полученные в ходе исследования памятника Венгерово-2. Раскопано самое малое по площади жилое строение. Пополнена коллекция находок, среди которых особый интерес представляет бронзовая «бритва».

Ключевые слова: *организация жилого пространства, домостроение, кротовская культура.*

New data about dwelling space organization and house-building traits among population of Crotovo culture are presented in this publication. These data were received as a part of study of Vengerovo-2 site. The dwelling construction with the smallest floor space was excavated. Collection of findings was supplemented and among them the bronze «razor» is of concern.

Keywords: *dwelling space organization, house-building, Crotovo culture.*

Изучение поселения кротовской культуры бронзового века Венгерово-2 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980; Молодин, Полосьмак, 1978] дало новые результаты как по организации жилого пространства, так и по архитектуре домостроительства. В предыдущие годы на памятнике исследовано четыре жилища полностью и одно частично [Молодин, 1977; Молодин, Полосьмак, 1978; Молодин, Мыльникова и др., 2011; 2013; Молодин, Дураков и др., 2012].

Методической основой раскопок 2014 г., как и ранее, являлся принцип изучения памятника сплошной площадью. Для исследования был выбран участок, прилегающий к раскопу 2013 г. с северо-восточной стороны. Перед началом работ проведена геомагнитная съемка с помощью двух приборов – магнитометра и ЭМС, которая дала четкое представление о расположении объекта и некоторых его деталях.

Площадь раскопа составила 200 кв.м. В нее входили западина и межжилищное пространство кротовского поселка. Ориентация западины несколько отличалась от исследованных ранее комплексов, расположенных длинными сторонами по линии СВ – ЮЗ. Изученный котлован ориентирован практически по линии С – Ю и как бы соединяет ряд жилищ, расположенных вдоль террасы, с котлованом жилища № 5, размещенного перпендикулярно террасе [Молодин, Мыльникова и др., 2013, с. 276–281].

Котлован жилища № 6 имел трапециевидную форму, размеры 8,5 × 5,5 м. Северная сторона котлована (6 м) длиннее южной на 2 м. Углы округлые, стенки отвесные, высотой 0,1–0,2 м. Пол относительно ровный, с понижением к стенкам котлована (рис. 1, *1*).

При исследовании заполнения котлована были зафиксированы насыщенно-черные линзы с фрагментами углей, оставшиеся от сгоревшей конструкции. Их перпендикулярное по отношению к стенкам котлована расположение, а также наличие столбовых ям по внешнему периметру и внутри строения, позволяет предполагать каркасно-столбовую конструкцию пирамидальной формы с плоским верхом, стены которой были

*Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-18033е).

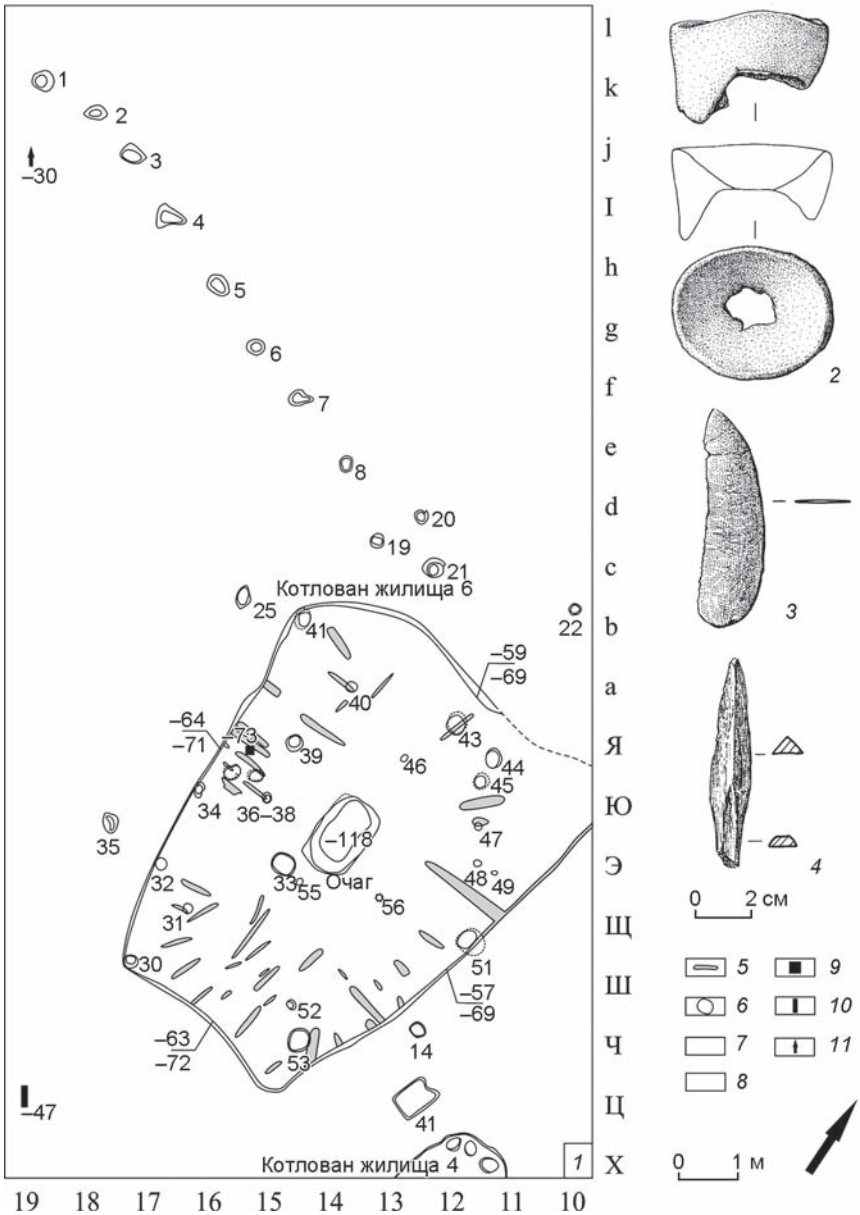


Рис. 1. Венгерово-2, 2014 г.

1 – план расположения объектов кротовской культуры; *2, 9* – тигель; *3, 10* – нож-«бритва»; *4, 11* – наконечник стрелы; *5* – углистые линзы; *6* – границы объектов; *7* – порядковые номера объектов; *8* – нивелировочные отметки. *2* – глина; *3* – бронза; *4* – кость.

укреплены мощной «завалинкой». Аналогичная ситуация была зафиксирована в жилище № 5, исследованном в прошлом полевом сезоне [Молодин, Мыльникова и др., 2013].

В жилище № 6 обнаружено 23 ямы. Диаметр их варьирует от 0,1 до 0,4 м, глубина от уровня материка достигает 0,45 м. Столбовые ямы образуют систему: одна часть из них располагается по периметру вдоль стен жилища, вторая – маркирует периметр плоской кровли внутри котлована, третья – сосредоточена вокруг очажного устройства.

Очаг представлял собой яму подпрямоугольной формы, ориентированную параллельно длинным стенам жилища, расположенную в центре котлована. Размеры очажной ямы по верхнему абрису 1,4 × 0,9 м, глубина от уровня пола жилища с прокаленным слоем до 0,4 м. В заполнении очага обнаружены фрагменты керамики, сформованные куски глины овальной и округлой формы, мелкие фрагменты кальцинированных костей. Его конструкция идентична объектам, изученным ранее на памятнике [Молодин, Мыльникова и др., 2011, 2013]. Единственной отличительной особенностью является наличие нескольких линз прокала, свидетельствующих, как минимум, о двух этапах функционирования очага. Профиль очаж-

ной ямы также подтверждает расширение объекта в процессе его использования.

Анализ планиграфического распределения находок на площади жилища показывает, что организация внутреннего пространства и расположение хозяйственно-производственных зон совпадают с ситуацией, зафиксированной для исследованных ранее жилищ поселения Венгерово-2 [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2012, с. 91–93; Молодин, Нестерова и др., 2012, с. 240; Молодин, Мыльникова и др., 2013]. В северо-западной части котлована был обнаружен развал тигля оригинальной конструкции, подобный выявленному в 2011 г. (рис. 1, *2, 9*) [Молодин, Дураков и др., 2012]. В юго-восточной зоне выявлены скопления керамики, представляющие собой не развалы сосудов, а отдельные их части от разных емкостей. Такое распределение керамики в жилищах кротовской культуры встречается не только на данном памятнике и уже отмечалось исследователями [Генинг, Стефанова, 1982, с. 55].

Керамический комплекс в целом соответствует морфологии и орнаментации, характерной для кротовской посуды. Морфологические типы представлены в основном баночными формами. Орнамент – горизонтально-зональный, отмечаются взаимопроникающие композиции. Венчик нередко волнообразный. Основу декора составляют пояса из разнонаклонных оттисков шагающей или протащенной гребенки и отступающей лопатки с треугольным рабочим краем, сплошь покрывающих стенки сосуда. Любопытно наличие небольшого процента сосудов, оформленных налепным валиком (рис. 2). Подобная ситуация наблюдалась и в керамических комплексах кротовских поселений Черноозерье VI, Саранин II, Инберень X, где были обнаружены один-два сосуда с аналогичным оформлением [Стефанова, 1988].

Состав индивидуальных находок в жилище № 6 практически идентичен материалам раскопок предыдущих лет [Молодин, Полосьмак, 1978; Молодин, Мыльникова и др., 2011, 2013]. Следует отметить их малое количество, что в целом характерно для кротовских поселений [Стефанова, 1988, с. 63]. Каменный инвентарь представлен следующими категориями: отщепы (52 экз.), проксимальные и дистальные фрагменты пластин с ретушью и без (15 экз.), скребки (9 экз.), проколки (2 экз.), сколы со шлифованных орудий (3 экз.), нуклеус, наконечник стрелы на пластине с плоским основанием. Пополнена коллекция изделий на фрагментах керамики. Также обнаружен костяной наконечник стрелы, треугольный в сечении (см. рис. 1, *4, 11*).

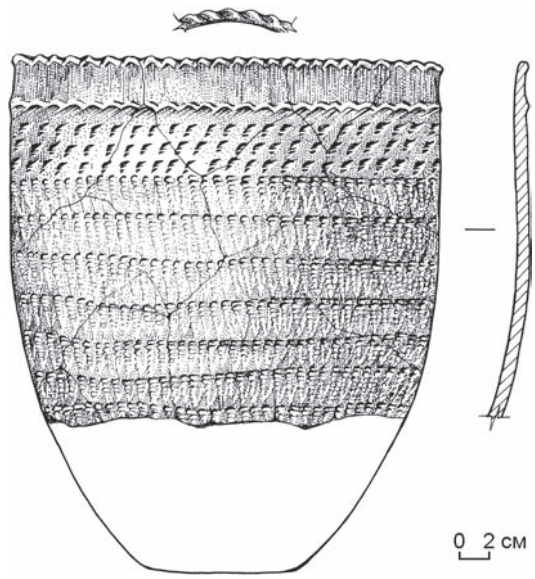


Рис. 2. Венгерово-2, 2014 г. Сосуд с валиком.

Замечательной находкой на поселении явился первый бронзовый предмет (не считая капель сплесков, окалин, сопровождающих процесс бронзолитейного производства). Это тонкая длинная, заточенная по периметру «бритва» (см. рис. 1, *3, 10*). Следует иметь ввиду, что подобные изделия характерны для памятников сейминско-турбинского круга [Черных, Кузьминых, 1989, с. 106]. В Западной Сибири несколько бронзовых бритв обнаружены в погребениях кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б, В [Молодин, Гришин, 2014], ножи-бритвы представлены также в комплексах памятника Сатыга XVI [Кузьминых, 2011, с. 32, рис. 4.2.4] (разумеется, наименование «бритва» достаточно условно, на самом деле это могла быть и часть составного ножа, и скобель, и даже скальпель).

За пределами котлована, с северо-западной стороны, выявлены столбовые ямы, расположенные по одной линии и продолжающие ряд зафиксированных в раскопе 2013 г. объектов. Подобная ситуация отмечалась и при раскопках 2011 г.: с северо-восточной стороны жилища № 3 на расстоянии 3 м от котлована был также обнаружен ряд столбовых ям [Молодин, Мыльникова и др., 2011, с. 201]. Их общее расположение позволяет предположить, что поселок был окружен забором. С внутренней стороны этого ряда ям культурный слой отличался насыщенностью органикой, в нем обнаружено большое количество керамики. Возможно, в местах приближения забора к жилищам могло быть общее перекрытое пространство, где осуществлялась хозяйственная деятельность, что подтверждается наличием прокалов и хозяйственных ям.

Большинство внешних столбовых ям диаметром 10–15 см имеют конусообразное сужение в

нижней части, глубина их варьирует от 15 до 30 см. В верхней части иногда наблюдается приступка. Отмечается забутовка керамикой. Реконструкция сооружения таких ям предложена И.Г. Глушковым и А.П. Бородовским [1988].

Таким образом, в результате исследований на памятнике раскопано самое маленькое по площади жилое строение, демонстрирующее те же конструктивные особенности, что и изученные ранее объекты. Пополнена коллекция материала, уточнены существенные детали организации жилого пространства кротовского поселка.

Список литературы

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозёрье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1982. – С. 53–64.

Глушков И.Г., Бородовский А.П. Хозяйственно-бытовые комплексы поселения Саранин II (реконструктивная модель) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири: межвуз. сб. науч. тр. – Тобольск, 1988. – С. 26–41.

Кузьминых С.В. Металлические изделия // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. – С. 32–36.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. 4. (в печати).

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11; вып. 5: Археология и этнография. – С. 104–119.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11; вып. 7: Археология и этнография. – С. 91–109.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Иванова Д.П., Головков П.С., Селин Д.В., Орлова Л.А., Васильев С.К. Конструктивные и планиграфические особенности жилища № 5 поселения кротовской культуры Венгерово-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 276–281.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерово-2 и открытие неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н., Ефремова Н.С., Борзых К.А. Организация жилого пространства носителями кротовской культуры (на примере поселения Венгерово-2) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVII. – С. 237–240.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Венгерово-2 – поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 17–29.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 53–75.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

УДК 903.2

В.И. Молодин[1, 2], Л.Н. Мыльникова[1, 2], Д.В. Селин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: Mylnikova@archaeology.nsc.ru

СОСУДЫ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТНИКА СТАРЫЙ САД: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

В работе представлены результаты морфологического анализа керамических материалов эпохи поздней бронзы из памятника Старый Сад. Данные получены с помощью статистических методов, разработанных В.Ф. Генингом, А. Шепард, Х. Нордстрёмом, А.А. Бобринским и Ю.Б. Цетлиным. На основании полученных сведений сделан вывод о неустойчивости и смешанности гончарной традиции, что, в свою очередь, может свидетельствовать о смешанном характере культурных традиций оставившего данный памятник населения. Данный тезис подтверждают полученные ранее выводы в смежных исследованиях (особенности организации сакрального пространства, антропология, генетика).

Ключевые слова: *археология, эпоха поздней бронзы, Барабинская лесостепь, керамика, морфология, статистические методы, анализ.*

This paper presents the results of the morphological analysis of ceramic materials of the Late Bronze Age significant site The Old Garden. We obtained the data using statistical methods developed by V. Gening, A. Shepard, H. Nordström, A. Bobrinsky and Y. Tsetlin. Based on these data it was concluded that pottery tradition was instability and mixed – this fact may indicate about the mixed nature of the cultural traditions of the population that has left the monument. This thesis is confirmed by the findings obtained previously in related studies (the features of the organization of sacred space, anthropology, genetic).

Keywords: *archaeology, the Late Bronze Age, Baraba, ceramics, morphology, statistical methods of analysis.*

Памятник Старый Сад расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл., в 5 км к юго-западу от с. Венгерово, на южном краю коренной террасы Государева озера и представляет собой совокупность разновременных некрополей, основную часть которых составляют объекты, относящиеся к эпохе финальной бронзы – переходному от бронзы к железу времени. На данный момент на могильнике изучено 94 насыпи, 76 из них относятся к восточному варианту пахомовской культуры, 4 – к андроновской, 11 – к саргатской и 3 объекта – к началу XX в [Молодин, Нескоров, 1992, с. 95; Молодин, Мыльникова и др., 2014, с. 30]. Комплексы восточного варианта пахомовской культуры датированы на основании бронзового инвентаря (удила, бляшки со шпеньком, шпилька и др.) второй половиной X – VIII в. до н.э.

Могильник Старый Сад является базовым памятником для изучения восточного варианта пахомовской культуры в силу как представительности полученного материала, так и степени изученности. Следует отметить, что это наиболее крупный исследованный раскопками могильник пахомовской культуры не только в Барабинской лесостепи, но и в Тоболо-Иртышье [Молодин, Мыльникова и др., 2014, с. 30].

Особый интерес для изучения вызывает коллекция сосудов восточного варианта пахомовской культуры, которая насчитывает 40 единиц полных форм, из них пригодными для анализа являются 33 изделия (30 сосудов с горловиной, 3 – без горловины; все изделия плоскодонные).

Морфологический анализ был проведен с использованием нескольких методик: «Программы статистической обработки керамики из археологических раскопок» В.Ф. Генинга [1973, с. 114–135], метода изучения соотношения основных пропорций сосудов [Shepard, 1965], методики

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

работы с экстремальными точками и графической корреляции полупрофилей сосудов [Nordström, 1972; Мыльникова, 2014] и метода определения общей пропорциональности сосудов [Актуальные проблемы…, 1999; Цетлин, 2012, с. 160–164]. Предложенные методы направлены на выявление как общих черт традиций изготовления сосудов определенных форм, так и особенностей коллекций отдельных памятников [Мыльникова, 2014, с. 42].

В ходе исследования по методу В.Ф. Генинга сосуды восточного варианта пахомовской культуры могильника Старый Сад распределились по указателям следующим образом:

ФА (указатель высотности) – низкие (67 %), средние (33 %);

ФБ (высотно-горловинный) – очень низкогорлые (100 %);

ФВ (широтногорловинный) – широкогорлые (100 %);

ФГ (профилировка шейки) – с наклоном внутрь (52 %), слабопрофилированная (6 %), среднепрофилированная (18 %), сильнопрофилированная (18 %), очень сильнопрофилированнная (6 %);

ФД (высотный указатель тулова) – сильноприплюснутое (21 %); приплюснутое (79 %);

ФЕ (высотный указатель плечика) – среднее (33 %); высокое (57 %), очень высокое (10 %);

ФЖ (указатель выпуклости плечика) – очень слабовыпуклое (27 %); слабовыпуклое (57 %), средневыпуклое (16 %);

ФИ (указатель ширины днища) – среднедонное (43 %), широкодонное (57 %).

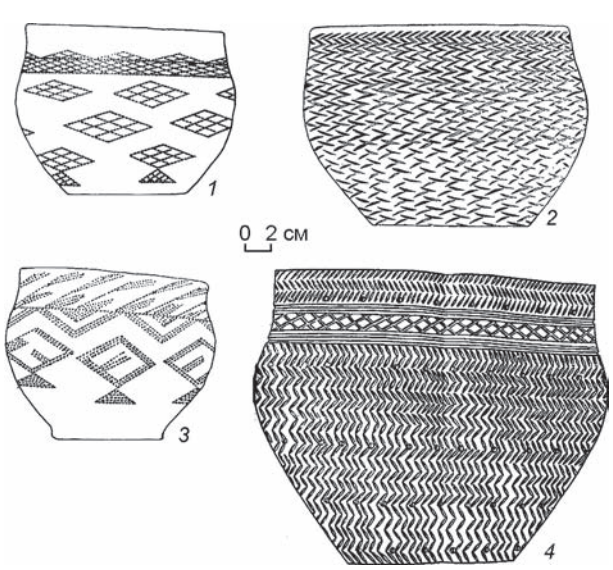


Рис. 1. Могильник Старый Сад. Керамические сосуды. *1* – кург. 87, погр. 1; *2* – кург. 65, погр. 1; *3* – кург. 52, погр. 1; *4* – кург. 69, насыпь.

Обращает на себя внимание факт наличия сосудов, параметры которых совпадают друг с другом по всем приведенным указателям. Такими являются два сосуда из погр. 1 кург. 87 и погр. 1 кург. 65, а также пара изделий из мог. 1 кург. 52 и насыпи кург. 69 (рис. 1). Опираясь на разработки ряда ученых в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства [Бобринский, 1978; Волкова, 1998; Цетлин, 2012], можно предположить, что эти сосуды были сделаны в рамках одного динамического стереотипа. Это свидетельствует об их определенной взаимосвязи, а также о том, что они могли быть вылеплены одним мастером.

Сравнение основных пропорций сосудов показало, что соотношение высоты придонной части к общей высоте для 26 экземпляров (87 %) составило 1:2, что говорит о приземистости форм. Корреляция диаметра горловины и диаметра венчика для всей коллекции составила 1:1, что определяет их широкогорлость. Сравнение величины диаметра горловины с диаметром тулова в 23 случаях (77 %) составило соотношение 1:1. Преобладающей при сравнении диаметра дна к диаметру венчика является пропорция 2:3, выявленная в 21 случае (64 %), что маркирует широкодонность изделий. Помимо этого, в 6 случаях (18 %) она составила 1:2 и в 5 (15 %) – 1:3, в одном (3 %) – 1:1. Соотношение диаметра венчика и диаметра тулова в 24 случаях (77 %) составило 1:1. У 4 экз. (13 %) она равнялась 2:3 и у 3 (10 %) – 4:5, т.е. все изделия были закрытой формы. По отношению высоты придонной части к высоте сосуда коллекция разделилась на две равные части: 15 экз. (50 %) – 1:2 и 15 экз. (50 %) – 2:3. При этом графики основных пропорций сосудов продемонстрировали, что одни пропорции меняются линейно (диаметр венчика/диаметр горловины; диаметр венчика/диаметр дна), а другие – непропорционально (высота сосуда/высота плеча).

Подобные результаты представили прорисовки профилей и «скелетов» сосудов, выполненные в едином масштабе. Они обнаруживают, что при наличии некой «идеальной» модели присутствует множество направлений изменения (рис. 1). Это проявилось в разнообразии приемов конструирования придонной части и плеча сосудов. При прорисовке сосудов с сохранением масштаба фиксируется ассортимент емкостей, который включает как малые, так и большие изделия. Это свидетельствует об отсутствии жестких канонов о том, сосуд каких пропорций должен был использоваться в погребальной практике. Помимо этого, данная прорисовка демонстрирует разнообразие в приемах конструирования горловины,

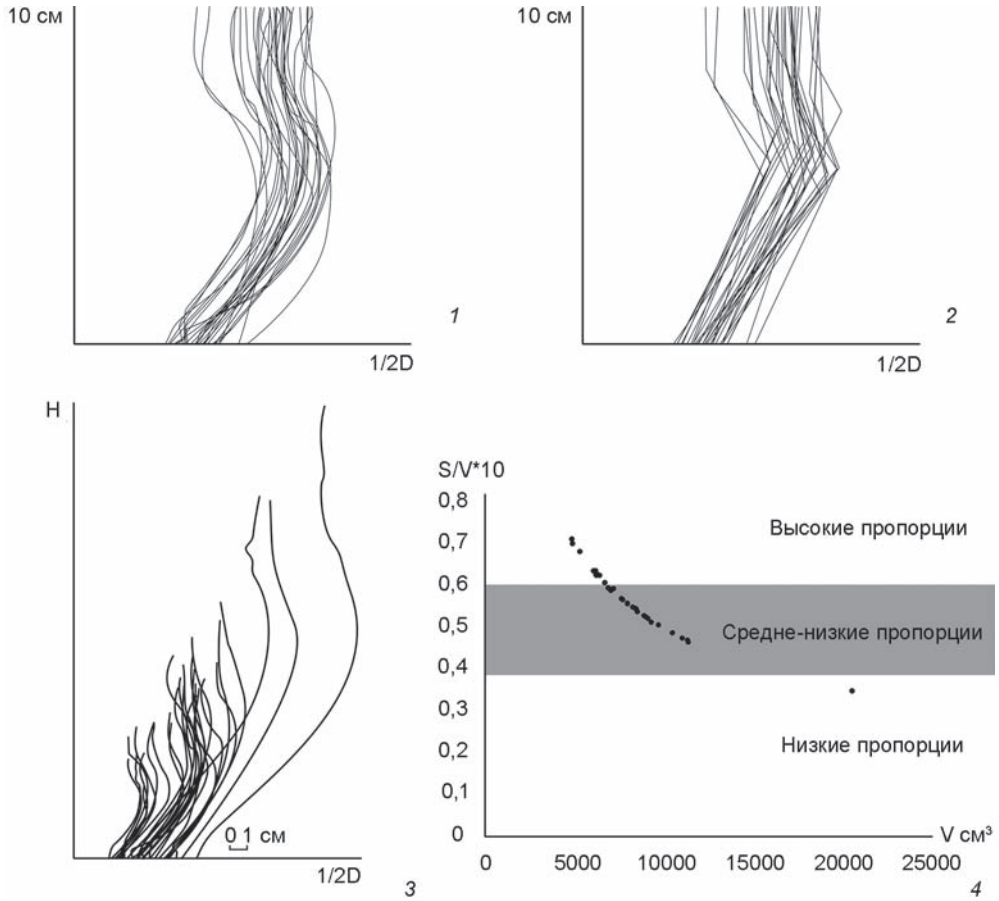


Рис. 2. 1 – корреляция профилей сосудов, приведенных к масштабу 10 см; *2* – корреляция «скелетов» сосудов, приведенных к масштабу 10 см; *3* – корреляция профилей сосудов, прорисованных в одном масштабе; *4* – график общей пропорциональности сосудов.

что проявляется в ее различной высоте и углах отгиба от тулова сосуда.

При выявлении общей пропорциональности (рис. 2, *4*) было установлено, что 25 изделий (76 %) относятся к категории низко-средних пропорций и их следует квалифицировать как «сосуды-подражания», 7 (21 %) – к категории средних, т.е. «привычных» форм, которые характеризуются прямой или слегка отогнутой горловиной, приплюснутым туловом, средними и высокими плечиками различной степени выпуклости, а также наличием по тулову, горловине и придонной части геометрического и «елочного» орнамента. Помимо этого, один сосуд (3 %) попадает в категорию низких пропорций и является «чистой» формой. Следует отметить, что на границе между категориями средних и средне-низких пропорций находятся четыре сосуда, которые созданы мастерами, чьи динамические стереотипы начинают подстраиваться под существующие традиции формообразования. При этом для культур с устоявшейся гончарной традицией характерна высокая концентрация сосудов на границе этого перехода.

Таким образом, морфологический анализ сосудов восточного варианта пахомовской культуры памятника Старый Сад демонстрирует неустоявшуюся гончарную традицию формообразования, что фиксируется в непропорциональности изменений соотношений пропорций сосудов, в размытости эталона, а также в наличии «сосудов-подражаний», составляющих большую часть коллекции (76 %). При этом количество «старых сосудов-подражаний», которые характерны для культур с устоявшейся гончарной традицией, составляет только 12 % (4 экз.). Полученные выводы позволяют предположить смешение нескольких гончарных традиций, что, в свою очередь, может свидетельствовать о смешанном характере культурных традиций оставившего данный памятник населения.

Аналогичные выводы были получены при анализе погребальных комплексов этого могильника, где отмечено многообразие видов организации сакрального пространства. Все это подтверждает тезис об активном взаимодействии представителей восточного варианта пахомовской культуры с другим населением Барабинской лесостепи в период финальной

бронзы – переходного от бронзы к железу времени [Молодин, Мыльникова и др., 2014, с. 44].

Полученные данные по анализу морфологии сосудов подтверждаются результатами генетических и антропологических исследований. Так, установлена как минимум двухкомпонентность мтДНК, которая включает в себя генетические субстраты как автохтонного доандроновского (западных и восточных групп), так и пришлого андроновского населения [Молодин, Пилипенко и др., 2012, с. 67]. Антропологи отмечали связь женской части серии с «бегазы-дандыбаевским» населением [Чикишева, 2010, с. 32–33].

Таким образом, полученные данные позволяют говорить о многокомпонентности носителей восточного варианта пахомовской культуры на территории Барабинской лесостепи, который мог включать в себя ряд черт разных археологических культур эпохи поздней бронзы и переходного к железному веку времени из различных регионов взаимодействия – западных (Тоболо-Иртышье), восточных (Новосибирское Приобье) и южных (степное Обь-Иртышское междуречье, Восточный Казахстан).

Список литературы

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Сам. гос. пед. ун-та, 1999. – 233 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Волкова Е.В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. – М.: Старый Сад, 1998. – 260 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Особенности организации сакрального пространства в эпоху поздней бронзы на могильнике Старый Сад // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 3. – С. 29–45.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990: сб. мат-лов конф. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–96.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Журавлев А.А., Трапезов Р.О., Ромащенко А.Г. Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 62–70.

Мыльникова Л.Н. Изучение форм древних керамических сосудов: теоретический и практический аспекты // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2. – С. 31–43.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М. : Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи бронзы – раннего железного века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 50 с.

Nordström H.A. Cultural Ecology auf ceramic technology. – Stockholm, 1972. – 200 p.

Shepard A.O. Ceramics for archaeologist. – Washington: Carnegie Inst. of Washington, 1965. – 380 p.

УДК 902.2

В.И. Молодин[1], С. Хансен[2], Н.С. Ефремова[1], С. Рейнгольд[2], Л.С. Кобелева[1], И.А. Дураков[1], Ю.Н. Ковыршина[1], Л.Н. Мыльникова[1], Д.А. Ненахов[1], М.С. Нестерова[1], К.А. Борзых[1], А. Наглер[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Германский археологический институт
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 2014 ГОДУ*

Работа посвящена краткому обзору российско-германских полевых исследований в Западной Сибири на могильнике Тартас-1 в 2014 г. В результате раскопок вскрыта достаточно большая площадь (более 2 тыс. м²), исследовались разные участки памятника. Выявлен массив андроновских (федоровских) захоронений, имеющих конструктивные особенности погребального пространства в виде рвов и ям ритуального назначения. Зафиксировано второе на сегодняшний день погребение ирменской культуры на памятнике, возможно, связанное с культовыми сооружениями эпохи поздней бронзы. В западной части террасы могильника продолжено исследование ритуальных сооружений. В настоящее время российско-германским творческим коллективом ведется подготовка публикаций аналитического характера, посвященных основным научным результатам, полученным в ходе раскопок памятника Тартас-1.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, эпоха бронзы, могильник, ирменская культура, андроновская (федоровская) культура.*

This work is devoted to a brief review of the Russian-German field research in Western Siberia on burial Tartas-1 in 2014. The excavations uncovered a large area (more than two thousand square meters) and different parts of the monument were studied. A large block of Andronovo (Fedorov) graves with the design features of the burial space in the shape of ditches and pits of ritual function was found. We studied the second burial on the monument of Irmen culture that is possibly connected with the places of worship of the Late Bronze Age. We continued research of the ritual structures in the western part of the terrace of burial ground. At present time the Russian-German creative team is preparing analytical publications devoted to basic scientific results.

Keywords: *Western Siberia, Barabinsk forest-steppe, Bronze Age, burial complex, Irmen culture, Andronovo culture.*

Сотрудничество российских и немецких археологов в новейшее время в Сибири имеет значительные научные результаты. За достаточно короткий срок (около 20 лет) исследованы и введены в научный оборот уникальные археологические комплексы – Аржан-2, Барсучий Лог, Олон Курин Гол-10, Чича-1 и многие другие [Parzinger, 0 ROGLQ &HYHQGRUÅ Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010; Молодин, Парцингер, Цэвэндорж, 2012; Чича…, 2001, 2004, 2009]. Особое место в этих исследованиях уделяется творческим контактам Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института: совместные экспедиции; научные стажировки ученых России и Германии; международные симпозиумы, конференции и семинары, проводимые на территории наших стран с привлечением ведущих специалистов из стран Европы и Азии [Молодин, Парцингер, 2008, с. 398–403].

В 2014 г. в рамках действующего договора о научном сотрудничестве между Институтом археологии и этнографии СО РАН и Евразийским отделением Германского археологического института (DAI) продолжены совместные раскопки памятника Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.).

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-18014е).

Исследования этого интереснейшего комплекса, объединяющего разновременные и разнокультурные объекты, ведутся на протяжении 10 лет. Практически на всех этапах работ, как полевых исследований, так и последующей аналитической обработки полученных источников, российские и германские специалисты работают в постоянном творческом контакте [Молодин, Парцингер и др., 2004, с. 358–364; 2008, с. 202–207; Молодин, Хансен и др., 2011, с. 206–211].

Руководствуясь методикой сплошного вскрытия площадей, при которой мы опираемся на геофизический мониторинг и другие естественно-научные исследования памятника, а также на уже полученные результаты раскопок, были заложены ряды траншей по линии север – юг. Тем самым нами была охвачена зона мысовой части второй надпойменной террасы правого берега р. Тартас, на которой и расположены разнообразные погребально-поминальные и ритуальные комплексы. В 2014 г. экспедицией сплошным раскопом вскрыта площадь 2 175 м². В юго-западной части памятника исследованы сооружения ритуального комплекса пахомовской культуры, о которых речь пойдет в следующей работе.

Основной массив захоронений, исследованных в 2014 г., принадлежит к андроновской (федоровской) культуре. Вскрыто 31 такое погребение, часть из которых вписывалась в уже выявленные ряды захоронений, другая же часть была отмечена сопутствующими кольцевыми, разомкнутыми рвами и ямами. Данные комплексы локализуются в изучаемой части памятника. На сегодняшний день мы имеем уже восемь таких погребальных комплексов. Не исключено, что данные сооружения сопровождались земляными насыпями, которые впоследствии были полностью распаханы.

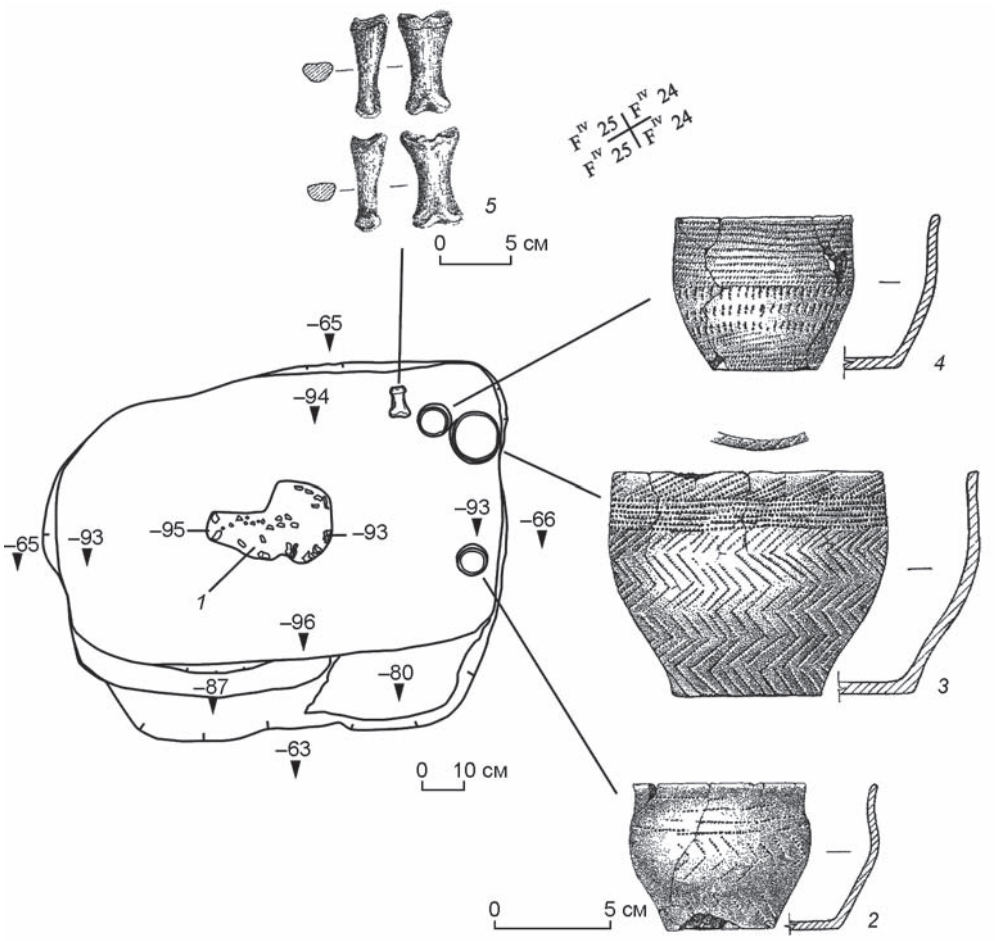
С методической точки зрения крайне интересно, что большая часть обнаруженных комплексов прекрасно коррелируется с данными геофизического мониторинга, однако имеют место сооружения (как захоронения, так и сопутствующие им ровики), которые выявляются только в процессе непосредственно раскопочных работ. Поэтому, несмотря на имеющиеся в нашем распоряжении естественно-научные данные (которые регулярно пополняются), применяемая на объекте методика раскопок себя полностью оправдывает.

Во время функционирования данной части могильника, скорее всего, существовали земляные сооружения. Об этом свидетельствуют и уже исследованные в этом районе Барабинской лесостепи андроновские (федоровские) могильники [Молодин, 1985; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 48–62].

Наличие рельефно выраженных сооружений привело к тому, что практически все захоронения, расположенные в центре выделяемого рвом или ямами сакрального пространства, были ограблены еще в древности. Следует отметить, что могилы, обнесенные рвами, отличаются крупными размерами и значительной глубиной. Чаще всего это оказывались погребения, совершенные по обряду трупоположения, и реже – трупосожжения (см. *рисунок*). Вполне возможно, что в могилы с трупоположениями при совершении обряда захоронения помещались металлические предметы, являвшиеся привлекательными для грабителей-современников. Основным же сопроводительным инвентарем являлись от одного до двух глиняных сосудов баночной и горшковидной формы с характерной для андроновской (федоровской) культуры орнаментикой. В редких случаях, но все-таки удалось зафиксировать не сдвинутые со своих первоначальных мест кости скелета, положение которых позволяет однозначно говорить о том, что умершие первоначально были положены в могилу на боку, в скорченном положении, что также соответствует канонам погребальной практики андроновцев (федоровцев).

В южной части памятника, уже на площади занимаемой пахомовским ритуальным комплексом, обнаружено погребение ирменской культуры (№ 602) периода поздней бронзы. О его семантике однозначно говорить пока сложно, определено одно – перед нами погребальный комплекс, выполненный в целом по ирменским канонам. Захоронение совершено в неглубокой могильной яме, едва прорезающей материк, ориентированной по линии юг – север. Первоначально погребенный (взрослый человек) лежал, скорее всего, на боку в скорченном положении. В качестве сопроводительного инвентаря у него присутствует классический для ирменской культуры Барабы сосуд [Молодин, 1985, с. 117–173]. Надмогильное сооружение (если оно имело место) было полностью уничтожено в результате многолетней распашки.

Интересно отметить, что на памятнике, где сегодня исследовано уже более 600 захоронений мы фиксируем лишь вторую (!) ирменскую могилу, тогда как эта территория, несомненно, входила в древности в сферу влияния носителей ирменской культуры. Не следует, по-видимому, исключать и то, что данное погребение имело отношение к сакральному комплексу пахомовской культуры, практически синхронному по времени с ирменской. Ответить на этот вопрос, мы надеемся, помогут дальнейшие исследования.



План андроновского (федоровского) погребения № 575.

1 – область залегания костей человека; *2* – керамический сосуд № 1; *3* – керамический сосуд № 2; *4* – керамический сосуд № 3; *5* – фаланга животного («бабка»).

Кроме упомянутых выше комплексов, связанных с разновременными могильниками, в районе северного склона террасы обнаружены крупные аморфные ямы с системой столбовых ям, которые, судя по имеющейся в них керамике, относятся к периоду Средневековья. Это могли быть временные жилища – балаганы, которые сооружались аборигенным населением на местах активного рыболовного или охотничьего промысла. Подобные аморфные сооружения, рассчитанные на одного человека, не имеющие очагов и четкой геометрической планиграфии, вероятно, предназначались для ночлега и укрытия от непогоды. Они хорошо известны у коренных жителей, населявших различные территории Западной Сибири [Соколова, 1998, с. 31–33].

В заключение отметим, что в настоящее время российско-германским творческим коллективом ведется подготовка публикаций аналитического характера, посвященных основным научным результатам, полученным в ходе раскопок памятника Тартас-1.

Список литературы

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 48–62.

Молодин В.И., Парцингер Г. Итоги второго цикла работ совместного российско-германского проекта Института археологии и этнографии СО РАН и германского археологического института (2004–2008 годы) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2008. – Т. XIV. – С. 398–403.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пиецонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Исследования могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 358–364.

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Ду-

раков И.А., Кобелева Л.С. Тартас-1. Некоторые итоги полевых исследований // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2008. – Т. XIV. – С. 202–207.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: Триумф принт, 2012. – 565 с.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2011. – Т. XVII. – С. 206–211.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири: (Опыт типологии). М.: ТриЛ, 1998. – 288 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железному времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с. – (Мат-лы по археологии Сибири; вып. 1)

Чича – городище переходного от бронзы к железному времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Мат-лы по археологии Сибири; вып. 4)

Чича – городище переходного от бронзы к железному времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, С.К. Кривоногов и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – 248 с.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche füUWWQNXUDQ$UåDQ IQ7XYD ± 0DQ] 2010. – 331 S.

3DUJIQJHU + 0 RORGIQ9 , &HYHQGRUåD ' Der Skythenzeitliche Krieger aus dem Eis: Neue Entdeckungen im Mongolichen Altai 2008 // Dertigste Kroon – Voordracht. – Amsterdam: Joh. Enschede Amsterdam BV, 2008. – 66 S.

УДК 903.2

В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ БЛЮД-СТОЛИКОВ СО СЪЕМНЫМИ НОЖКАМИ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ*

Деревянная посуда, принадлежащая носителям различных культур, – такой же важный исторический источник, как и другие артефакты. Выявление приемов и способов ее изготовления позволяет исследователю понять не только технологию производства данного артефакта, но и выделить деревообрабатывающие традиции ремесленников-изготовителей, объективнее, с учетом этих нюансов, создать более достоверную классификацию по функциональному назначению.

Ключевые слова: *скифское время, деревянная посуда, технология деревообработки.*

The wooden ware belonging to bearers of various cultures is the same important historical source, as well as other artifacts. Identification of receptions and ways of its production allows the researcher to understand not only the production technology of this artifact, but also to allocate woodworking traditions of handicraftsmen-manufacturers, more objectively, taking into account these nuances, to create more reliable classification by a functional purpose.

Keywords: *Scythian epoch, wooden ware, technology of a woodworking.*

Начало изготовления сосудов из дерева восходит к палеолиту [Rieth, 1955]. Самые ранние находки деревянной посуды, датируемые VII тыс. до н.э., обнаружены в раннеземледельческом комплексе Чатал-Гуюк в Средней Азии. Их формы и назначения исключительно разнообразны: уплощенные овальной формы блюда с фигурными выступами-ручками, круглые кубки на ножках, высокие вазы, миски [Археология…, 1986, с. 33–35]. Все предметы выполнены вручную с помощью кремневых долот, стамесок, строгальных ножей, пилок, скобелей и других каменных орудий [Семёнов, Коробкова, 1983, с. 68–72]. Тщательность отделки деревянной утвари, словно выточенной на токарном станке, свидетельствует о высоком профессионализме мастера, работавшего каменными орудиями, и развитой технике и технологии деревообработки в эпоху неолита.

В раннем железном веке посуду изготавливали при помощи металлических инструментов, а отдельные детали даже вытачивали на самодельном токарном станке [Руденко, 1953, с. 241, табл. XX, *12*; Мыльников, 1999, с. 25–26, 98–99, рис. 45, 46].

Всю деревянную посуду эпохи палеометалла можно подразделить на: *сосуды* (кружковидные, бокаловидные, сосуды с носиком, пиалы, миски, бочонки), *блюда-столики* (цельные и составные), *черпаки-миксеры* (ковши, ложки, шумовки, палки-мешалки).

Нередко сосуды из дерева, наряду с керамическими и выполненными из полых рогов животных, сопровождали покойника в загробный мир. В пазырыкской культуре довольно часто деревянные кружковидные сосуды с резными или фигурными ручками стоят вместе с глиняным кувшином и роговым сосудом в одной тройной связке на войлочных кольцах-подставках (своеобразный символ единства древнейших производств – гончарства, косторезного дела и деревообработки) [Полосьмак, 2001, с. 186, 196, рис. 132]. Кроме деревянных кружковидных сосудов, чашек-пиал и мисок с погребенным клали большие, средние и малые блюда-столики со съемными и несъемными нож-

*Работа выполнена в рамках Программы № 2023-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

ками и без них, с овальным поддоном. Традиция класть блюда-подносы в могилу вместе с покойным известна еще со времен срубной культуры [Отрощенко, 1984].

Исследователи традиционных культур тюркоязычных народов считают, что традиции изготовления деревянной посуды у современных носителей этноса остались практически неизменными со времени раннего железного века [Дьяконова, 1968, с. 50–61].

Блюда-столики по технологии изготовления подразделяются на два типа: сделанные из цельного дерева и составные. Изделия из цельного дерева были с ножками, без ножек, с поддоном [Кубарев, 1992, с. 50, рис. 16]. Все составные блюда имели съемные ножки [Грязнов, 1950; Руденко, 1953, 1960; Мыльников, 1999, с. 131–137, рис. 78–84; Полосьмак, 2001, с. 39, рис. 19; с. 190, рис. 127; с. 194, рис. 129]. Собственно блюда (столешницы) подразделяются по форме на круглые, овальные,

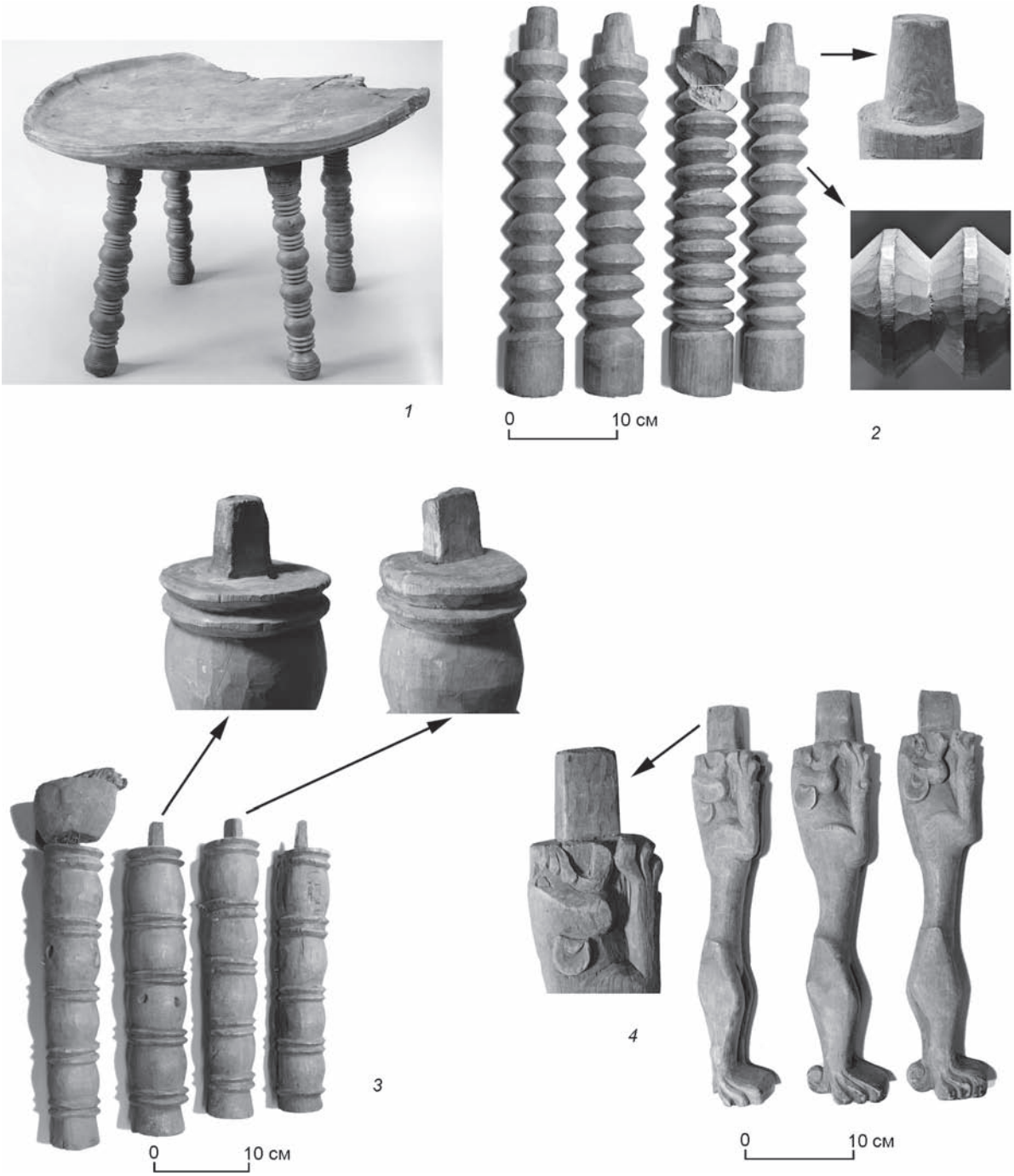


Рис. 1. 1 – блюдо-столик с ножками, выточенными на токарном станке; *2* – ножки столика, вырезанные ножом; *3* – ножки столика, вырезанные ножом и окрашенные; *4* – ножки столика с художественной резьбой.

прямоугольные; по размерам – на большие (до 8 × 68 × 16 см), средние (до 50 × 36 × 15–28 см) и малые (до 30 × 25 × 6–8 см).

Съемные ножки для составных блюд-столиков по морфологии были скульптурные (с художественной резьбой) и круглые в сечении (без художественной резьбы) (рис. 1, 2). По технологии изготовления они подразделяются на вырезанные ножом и выточенные на токарном станке при помощи резцов. На скульптурных ножках запечатлены фигуры кошачьих хищников (рис. 1, *4*). Простые ножки разнообразны по форме и дополнительной отделке: цилиндрические или конические в поперечном сечении, окрашенные, гладкие без рельефа, либо с рельефом из чередующихся полусфер и промежуточных ребер-колец (рис. 1, *2, 3*; 2). Подавляющее большинство таких ножек вырезаны при помощи ножа. Лишь отдельные экземпляры выточены на токарном станке (рис. 1, *1*). Для того, чтобы ножки плотно сидели в гнездах в торцы шипов врезали плоские клинышки (рис. 2, *4*). Встречаются ножки, отлитые из бронзы с деревянными вставками-основами [Грязнов, 1950, табл. IV, *7*; Руденко, 1948, табл. VIII, IX; 1953, табл. XIX, XX; 1960, табл. LV; Кубарев, 1991, с. 65–66, рис. 14]. Блюда-столики со съемными ножками, которые вставлялись в специальные пазы-гнезда приливов в днище, делались для быстрой и удобной сборки-разборки во время переездов, связанных с кочевым образом жизни. Эти гнезда по конфигурации были круглые, прямоугольные, квадратные, конические. Соответствующего гнезду профиля были и шипы съемных ножек. Для подвешивания на стену или приторачивания к вьюкам и седлам у одного из краев блюда-столика тонкой стамеской прорезали небольшое квадратное или прямоугольное отверстие [Кубарев, 1991, с. 67]. Если съемные ножки ломались или терялись в пути, их могли заменить примитивными, сделанными наспех из подручного материала. Блюда долго служили хозяину при жизни, о чем свидетельствуют следы сильной стертости и многочисленных ремонтов. Лицевую и оборотную стороны блюда-столика часто использовали как разделочную доску. На поверхностях столешниц многих блюд зафиксированы следы многочисленных порезов ножом.

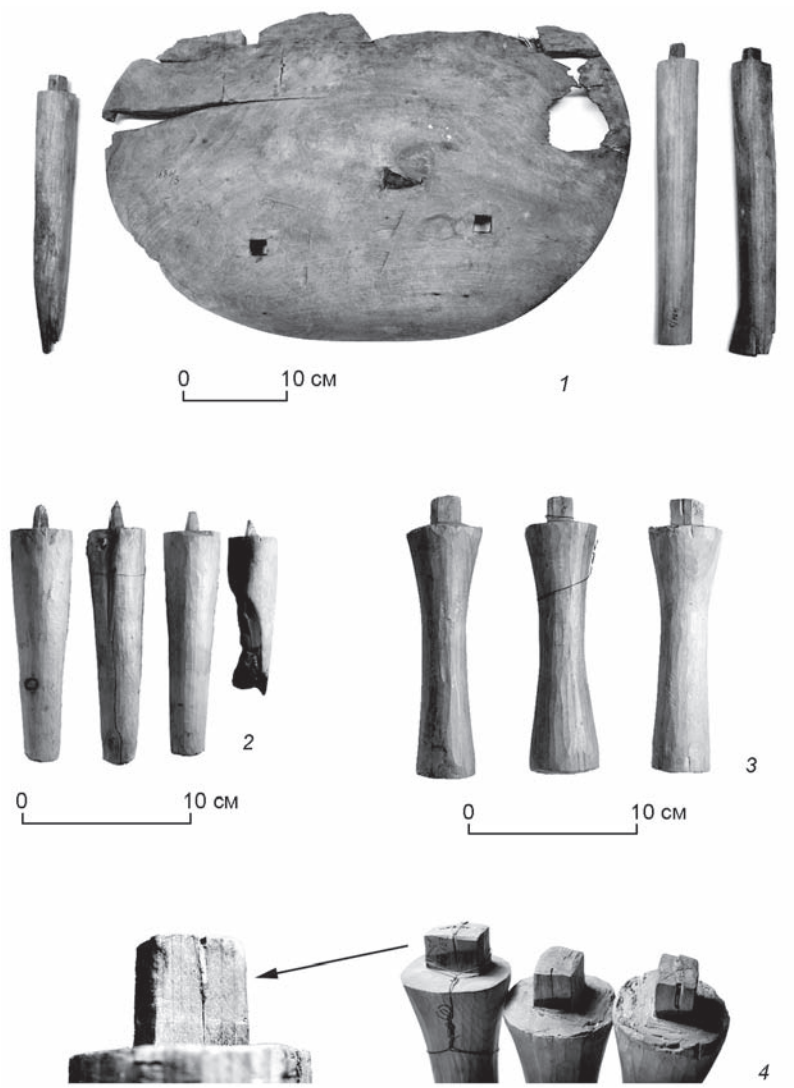


Рис. 2. 1 – блюдо-столик с ножками, вырезанными ножом; *2* – ножки в форме усеченного конуса, с треугольными шипами; *3* – ножки биконические, с прямоугольными шипами; *4* – прямоугольные шипы с врезанными для более плотного прилегания к гнездам клинышками.

Экспериментальные исследования показали, что самыми трудоемкими в производстве были блюда-столики с поддоном из цельного дерева. Сложность заключалась в оформлении фигурного поддона. Здесь был риск при его выявлении разными тяжелыми металлическими инструментами (топор, тесло) расколоть изделие. Чтобы избежать этого, при формировании поддона и при окончательной отделке поверхности в основном использовали стамески и ножи, и применяли операцию резание–строгание. Техника производства столешниц была достаточно сложна, и не всякий мог выполнить эту работу. Для

изготовления блюда, особенно большого размера (70–80 см в диаметре), необходима заготовка хорошего качества, высушенная в соответствии с требованиями технологии плотницкого искусства, с однородной структурой, без сучков и других изъянов. Для этой цели пазырыкские мастера в основном использовали толстые и широкие плахи, полученные путем раскола комлевой части ствола березы большого диаметра, отличающегося особой плотностью и твердостью структуры. Ксилотомические исследования выявили, что только две столешницы для блюд-столиков в скифское время на Саяно-Алтае изготовлены из сосны и кедра [Васильева, 2006, с. 189–197]. Выступы-приливы для съемных ножек на днищах больших и средних блюд сформированы, в основном, ножом. Круглые, прямоугольные, квадратные, конические глухие, а иногда и сквозные отверстия для вставных шипов в них прорезаны с помощью стамесок соответствующего размера. Круглые цилиндрические глухие гнезда изготовлены при помощи коловорота с простейшим зажимным устройством для сверла (типа патрона для современных дрелей), следы которого сохранились вокруг отверстий на днищах некоторых блюд.

Ксилотомические анализы артефактов из опорных памятников, проведенные М.И. Колосовой [Там же], свидетельствуют о том, что материалом для изготовления съемных ножек для блюд-столиков служили заготовки лиственных и хвойных пород дерева.

Пазырык-1 – береза.

Пазырык-2 – береза, сосна кедровая сибирская.

Пазырык-3 – береза, лиственница.

Пазырык-4 – сосна кедровая сибирская, ель.

Пазырык-5 – сосна кедровая сибирская.

Туэкта-1 – сосна обыкновенная, сосна кедровая сибирская.

В заключение необходимо сказать, что преемственность в технологии изготовления отдельных видов посуды, идущая из глубины веков, хорошо прослеживается в традиционных промыслах и народных ремеслах Российского и Казахского Алтая [Чепелев, 1939, с. 3–8].

Благодарности. Огромная благодарность за подготовку материала науч. сотр. Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа Е.А. Степановой

Список литературы

Археология Зарубежной Азии: учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Г.М. Бонгард-Левин, Д.В. Деопик, А.П. Деревянко и др. – М.: Высш. шк., 1986. – 359 с.

Васильева Н.А. К вопросу о материале изготовления деревянных сосудов скифского времени Саяно-Алтайского региона // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: мат-лы тематич. науч. конф. (Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г.). – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2006. – С. 189–197.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 85 с.

Дьяконова В.П. Посуда народов Сибири в собраниях МАЭ // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Искусство, 1968. – С. 50–69. – (Сб. МАЭ; т. 2).

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Отрощенко В.В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья. – Днепропетровск, 1984. – С. 84–97.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 73 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Семёнов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит – неолит. – Л.: Наука, 1983. – 255 с.

Чепелев В. Об искусстве казахского народа // Казахский народный орнамент (Зарисовки художника Е.Б. Клодта). – М.: Искусство, 1939. – 11 с.

Rieth A. Antike Hölz-Gefäße // Archaeology Antiqua. – 1955. – N. 60. – P. 1–26.

УДК 903.02

Л.Н. Мыльникова, С.П. Нестеров, Е.И. Деревянко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Mylnikova@archaeology.nsc.ru

ГОНЧАРСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА – РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (технология изготовления, морфология, функции)*

Предложен анализ развития керамической посуды в раннем железном веке (урильская, талаканская культуры) – раннем Средневековье (михайловская культура, найфельдская и троицкая группы мохэ) населения Западного Приамурья. Представлены рецепты составления формовочных масс, способы изготовления изделий и их морфологическая классификация, степень структурной расчлененности изделий, функции глиняных сосудов. Сделан вывод о сохранении традиций, разнообразии ассортимента, вариативности линейных размеров.

Ключевые слова: *Западное Приамурье, гончарство, технология, морфология, назначение.*

This paper presents an analysis of the development of pottery in the early Iron Age (Urilskaya, Talakanskaya cultural) – Early Middle Ages (Mikhailovo, Naifeldskaya culture, Mokhe group of Troizkaya culture) for population of the West Amur Region. The recipes of making molding compounds, methods of producing, morphological classification, level of structural compartmentalization of products, function of clay vessels was given. The conclusion was drawn about maintaining the traditions and diversity of assortment, the variability of the linear dimensions.

Keywords: *West Amur Region, pottery, technology, morphology, appointment.*

Многолетние археологические исследования в Амурской обл., которая составляет большую часть территории Западного Приамурья, позволили установить, что для раннего железного века и Средневековья этого региона была характерна следующая этнокультурная схема: урильская культура (XII–II вв. до н.э.) – талаканская культура (II в. до н.э. – III в. н.э.) – михайловская культура (III–X вв. н.э.) – мохэская культура (VII–VIII – XII вв. н.э.). В Западном Приамурье урильская культура доживает до II в. до н.э., когда ее носители смешиваются с прототалаканскими племенами, пришедшими из Забайкалья, образуя талаканскую культуру, которая в III в. н.э. эволюционирует в михайловскую культуру (бэй шивэй) раннего Средневековья. Не ранее конца VII в. в Западное Приамурье переселяются хэйшуй мохэ (найфельдская группа), а в VIII в. – бохайские сумо мохэ, которые в результате слияния с бэй шивэй образуют троицкую группу мохэской культуры.

Комплексный анализ керамической посуды носителей данных культур позволил получить информацию о гончарстве населения региона в раннем железном веке и средневековье, установить его сходство и различие, традиции и инновации.

Результаты бинокулярной микроскопии и петрографического анализа показали, что в составе формовочных масс фиксируются девять рецептов (рис. 1). Использование их в разные периоды истории было различным (см. *таблицу*).

В гончарстве носителей урильской культуры выделено три программы изготовления начинов: донно-емкостная, донная и комбинированная. В создании полого тела выявлены два способа – выдавливание и скульптурная лепка зонального конструирования с использованием ленточно-кольцевого налепа. В практике гончаров урильской культуры отмечены различные схемы крепления формуемых изделий к плоскости подставки: с подсыпкой из песка, с подкладкой из листьев, с подстилкой в виде кожаного лоскута, и три режи-

*Работа выполнена в рамках совместного интеграционного проекта СО РАН и ДВО РАН № 39 «Монголы и тунгусо-маньчжуры: этнокультурное взаимодействие в Забайкалье, Приамурье и Северо-Восточном Китае в раннем Средневековье».

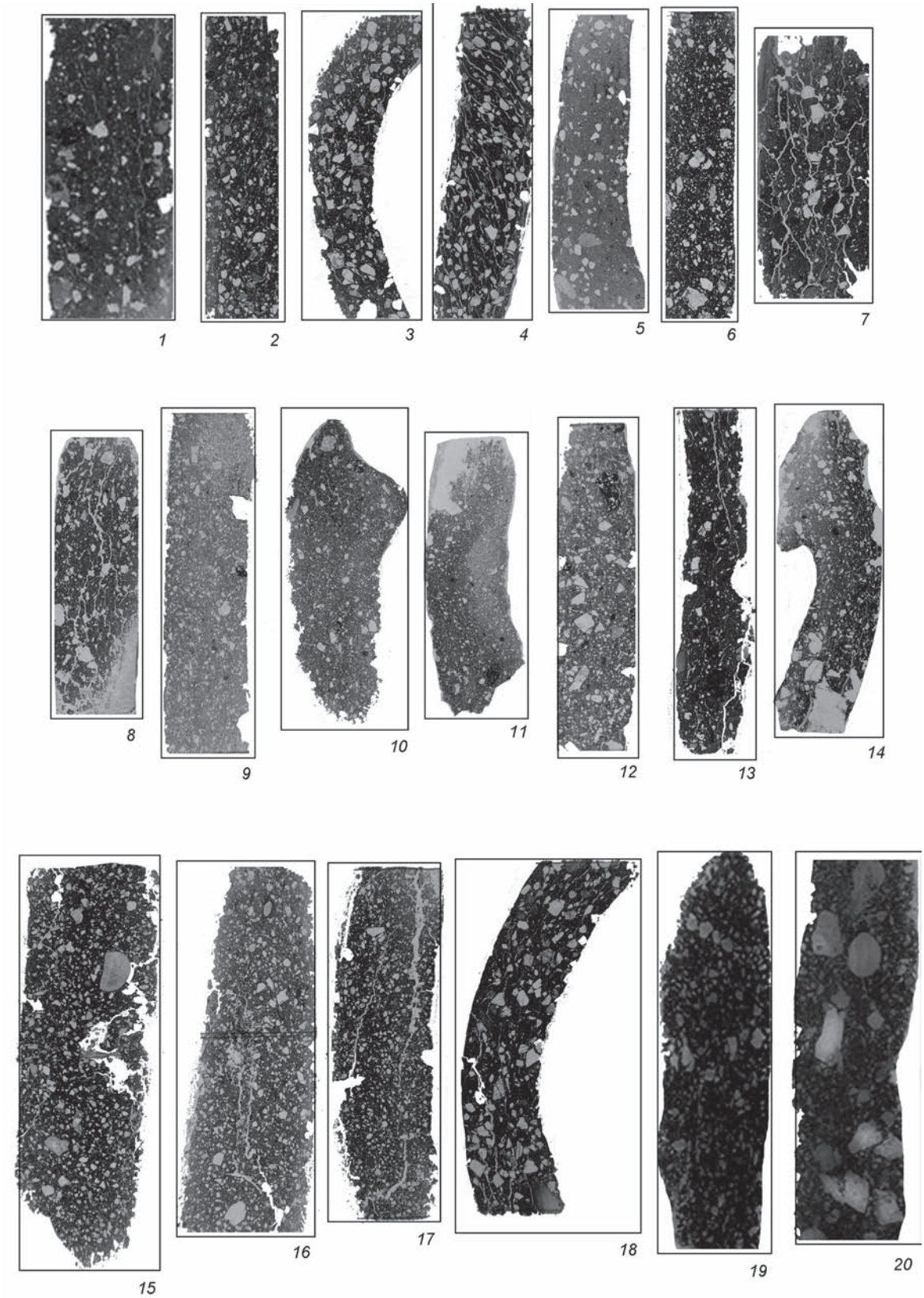


Рис. 1. Фотографии шлифов образцов керамики.

1–5 – урильская культура; *6, 7, 12–14* – михайловская культура; *8–11* – талаканская культура; *15–18* – найфельдская группа мохэской культуры; *19, 20* – троицкая группа мохэской культуры.

Рецепты формовочных масс керамики населения Западного Приамурья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Культура	Рецепты ФМ, %								
	Г+П+Ш	Г+П+О	Г+П+ +Ш+О	Г+По+О	Г+По+ +Ш+О	Г+П	Г+По	Г+По+Ш	Г+Охра
Урильская	2,2	48,7	44,3	4,4	4,4	–	–	–	–
Талаканская	11,5	–	–	–	–	3,8	69,2	15,4	–
Михайловская	50,0	–	–	–	–	25,0	–	–	25,0
Найфельдская группа мохэ	50,0	–	–	–	–	50,0	–	–	–
Троицкая группа мохэ	27,3	–	–	–	–	54,5	9,1	9,1	9,1

Примечание: ФМ – формовочные массы; Г – глина; П – песок; Ш – шамот; О – органика; По – породные обломки.

ма обжига: окислительный, восстановительный, нейтральный [Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001, Кудрич, 2008].

По керамическим материалам памятников талаканской культуры реконструируются две программы изготовления начинов: донно-емкостная и донная на основе выдавливания из одного комка глины либо наращивания последовательно накладываемыми глиняными кольцами. Для стадии конструирования полого тела также выявлено использование двух способов – выдавливания и скульптурной лепки ленточно-кольцевым налепом. На отдельных сосудах фиксируются следы выбивки. Отмечены различные способы крепления формуемых изделий к плоскости подставки: с подсыпкой из песка, с подкладкой из листьев, с подстилкой в виде кожаного лоскута. Обжиг сосудов происходил в окислительном режиме. Применялась операция дымления [Древности Буреи, 2000, с. 119–126; Мыльникова, 2002].

Начины керамических сосудов михайловской культуры сформованы на основе донно-емкостной, донной и «комбинированной» программ с выдавливанием из одного комка глины или с использованием спирально-жгутового налепа. На стадии конструирования полого тела характерно использование двух способов – выдавливания из одного комка глины и зонального конструирования с использованием навыков ленточно-кольцевого налепа. Все типы сосудов михайловской культуры состоят из четырех элементов: придонно-периферийной части тулова, участков стенок, непосредственно примыкающих к зоне максимального диаметра резервуара, верхней части плечиков и шейки, горловины. Отдельные части соединялись в одно изделие методом сборно-блочного конструирования. Стенки сосудов обрабатывались техникой проката рифленого валика. Гончары михайловской культуры знали окислительный и восстановительный режимы обжига [Древности Буреи, 2000, с. 136–143, 155–160; Кудрич, 2008].

По материалам найфельдской группы мохэской культуры фиксируется ленточно-кольцевой и редко – жгутовой способы формовки. Сосуд собирался из трех частей: горловины, тулова и дна с придонной частью. Техника лепки венчиков имеет несколько вариантов приемов крепления валиков, в результате чего венчик приобретал различные профили. Реконструируется восстановительный обжиг. Зафиксированы также отдельные сосуды, обожженные с доступом кислорода [Дьякова, 1984, с. 40–60].

Образование заданной формы сосудов троицкой группы мохэской культуры осуществлялось в последовательности: кольцевое накладывание толстых (до 2 см) жгутов в цилиндр по принципу зональной сборки→деформация и промин жгутов пальцами до создания более или менее однородной по толщине стенки→соединение цилиндров. Каждая секция изготавливалась из 2–4 колец жгута. Полученный цилиндр формовали методом выколачивания. Окончательная отделка собранного сосуда предусматривала уничтожение вафельных отпечатков на поверхности замывкой и лощением. Формовка дна в виде лепешки или чашечки производилась спирально-жгутовым налепом или из одного комка теста [Там же, с. 60–76; Мыльникова и др., 2008; Кудрич, 2008]. Цвет поверхности сосудов и одноцветные изломы позволяют говорить о восстановительном режиме кострового обжига.

В зависимости от наличия или отсутствия разграничения между туловом (основная емкость) и устьем сосуда, керамическая посуда делится на сосуды с горловиной и сосуды без горловины [Жущиховская, 2004, с. 199]. На уровне типов среди сосудов с горловиной в гончарстве населения Западного Приамурья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. выделены горшки, сфероиды, кувшины, сосуды с шаровидным туловом, а среди сосудов без горло-

вины – банки, чаши и единичные формы – крышки и сосуды с косым устьем [Кудрич, 2008, с. 18–19, табл. 1, 2].

Специфика экологической и эпохальной ситуации, хозяйства и быта, уровня социально-экономического развития отразились и на ассортименте посуды (рис. 2). Выделены три группы изделий: сосуды малых форм, сосуды больших размеров и сосуды средней категории. Первая и вторая группы четко разделяются по функциональному назначению.

Первая группа – сосуды для приема пищи (чашки и банки). Большинство из них имеют чистые стенки и цвет, полученный во время обжига. Могли использоваться для приема как жидкой, так и густой пищи. Разница в объеме (до 3 л) может маркировать индивидуальный и коллективный прием еды. Возможным объяснением наличия задымленности на некоторых чашках исследователи считают использование их для подогрева пищи. Для питья использовались пиалы, которые могли служить и крышками. В Западном Приамурье специально изготовленные чаши-пиалы бытовали у населения урильской культуры и у мохэ [Деревянко А.П., 1973]. Носители талаканской и михайловской культур такие чаши делали из придонных частей сломанных сосудов [Древности Буреи, 2000, с. 109, рис. 47, *3*].

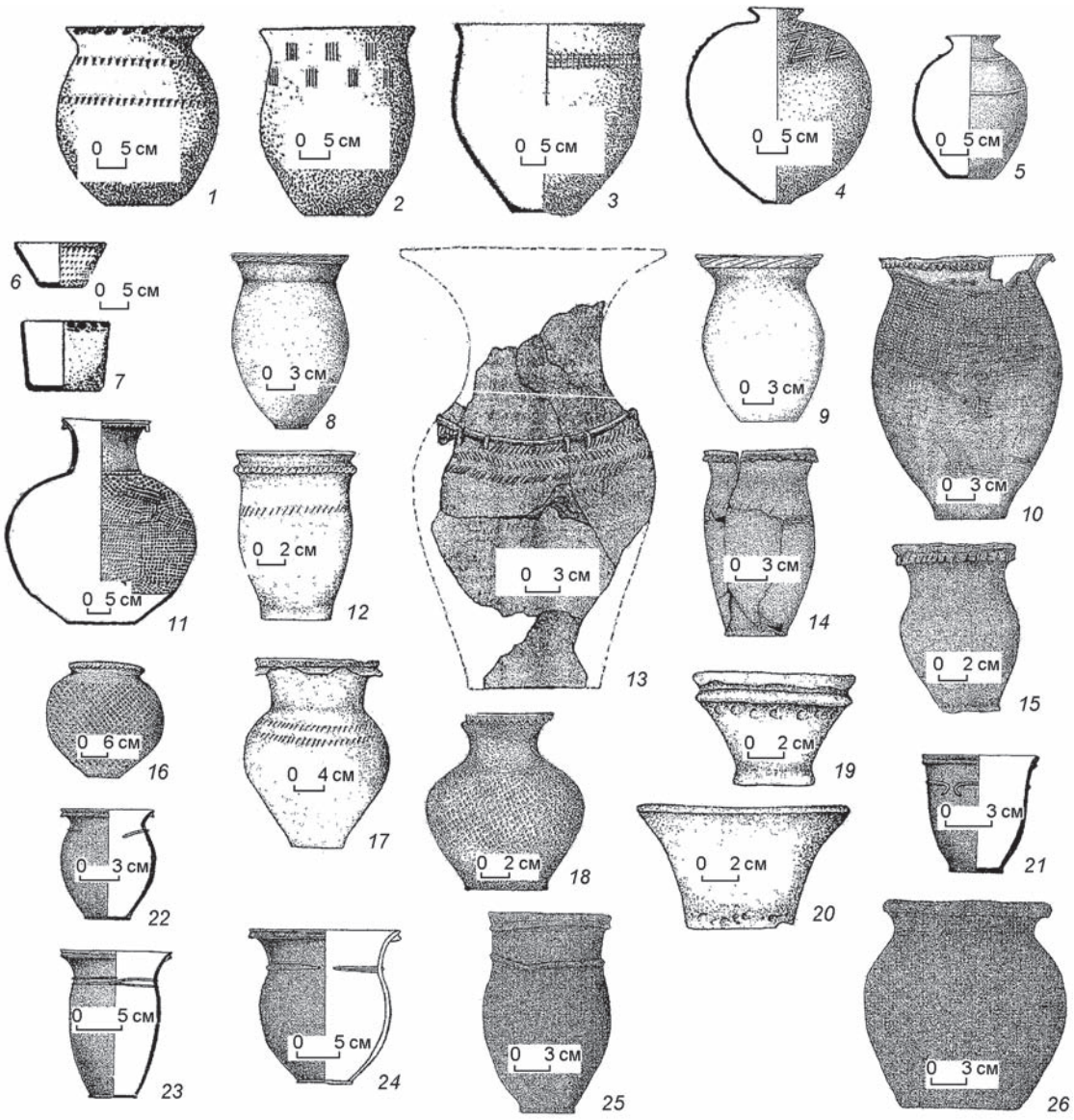


Рис. 2. Керамические сосуды населения Западного Приамурья раннего железного века и Средневековья (по: [Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001; Деревянко А.П., 1973, 1976; Древности Буреи, 2000; Дьякова, 1993]).

1–7 – урильская культура; *8, 9* – талаканская культура; *10–20* – михайловская культура; *21–24* – найфельдская группа мохэской культуры; *25, 26* – троицкая группа мохэской культуры.

Вторая группа – изделия тарного назначения. Среди них выделяются сосуды со сферическим туловом для хранения воды. Подобная форма позволяла при незначительной высоте в 35–40 см достигать объема до 10 л. Для хранения жидкостей также использовались большие высокогорлые горшки. Очевидно, сосуды типа кувшинов предназначались для жидкости, а горшки открытого типа и банки больших размеров использовались для хранения твердых пищевых продуктов.

Особую группу составляют изделия средних форм, среди которых есть представители большинства зафиксированных типов, хотя преобладают горшки. Сосуды этой группы можно отнести к многофункциональной посуде. Половина из них имеет следы копоти, нагара, что говорит об их кухонной специализации. Им присуща вариативность в линейных размерах и форме внутри группы. Следует подчеркнуть, что видовое разнообразие горшков наблюдается в эпоху Средневековья. Кроме приготовления пищи, данная категория посуды могла использоваться для приема еды и в качестве контейнеров.

Таким образом, в гончарстве населения Западного Приамурья фиксируется сохранение традиций на протяжении всего изучаемого периода: основной формовочной смесью, при наличии других рецептов, служил состав «глина + песок + + шамот»; характерными типами выступали закрытые и открытые горшки варианта 2 при разнообразии ассортимента и вариативности линейных размеров; сохранялась многофункциональность сосудов.

Список литературы

Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И. Гончарство древних племен Приамурья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 354 с.

Деревянко А.П. Приамурье: (I тыс. до н.э.). – Новосибирск: Наука, 1976. – 383 с.

Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин и др.; отв. ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. – М.: Наука, 1984. – 202 с.

Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства). – Владивосток: Дальнаука, 1993. – Ч. I. – 176 с.

Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 312 с.

Кудрич О.С. Керамические традиции населения Приамурья в древности и Средневековье. Сравнительный анализ: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2008. – 21 с.

Мыльникова Л.Н. Еще раз о технико-технологических аспектах изготовления керамики талаканской и михайловской культур // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2002. – Вып. 3. – С. 93–98.

Мыльникова Л.Н., Деревянко Е.И., Алкин С.В., Нестеров С.П. Физико-химическое исследование керамики Троицкого могильника // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 224–228.

УДК 902.2

Д.А. Ненахов[1, 2], Ю.Н. Ковыршина[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЛИНО-1*

В Венгеровском р-не Новосибирской обл. обнаружен памятник поселенческого типа Юлино-1. Отснят ситуационный план, проведен топографический анализ. Предварительный данные позволяют охарактеризовать поселенческий комплекс Юлино-1 как сезонную стоянку с жилищами облегченного каркасного типа (чум?). Обработан подъемный материал. Обнаруженная керамика по специфике формовки и орнаментальной традиции полностью соответствует керамике одиновского типа. Выявлены ближайшие аналогии с идентичным керамическим материалом – Марково-2 и Старый Тартас-5.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь одиновская культура, поселения, архитектурный тип.*

Yulino-1 site of settled type is open in Vengerovo district. Plot plan and topographic analysis were made. Preliminary data give an opportunity to define settled complex Yulino-1 as a seasonal site with dwellings of light frame type (chum?). The exposed material was analyzed. Obtained pottery conforms to pottery of Odinovo type on the assumption of specificity of molding and ornamental tradition. The proximate analogies with identical ceramic material were educed in Markovo-2 and Staryi Tartas-5.

Keywords: *Barabinsk forest-steppe, Odinovo culture, settlements, architectural type.*

Эпоха ранней поры бронзового века в Западной Сибири изучена пока достаточно слабо. Поэтому открытие любого нового археологического объекта, относящегося к этому периоду, представляет несомненный научный интерес. Особенно важно если будущие раскопки не осложняет рельеф местности или лесная растительность.

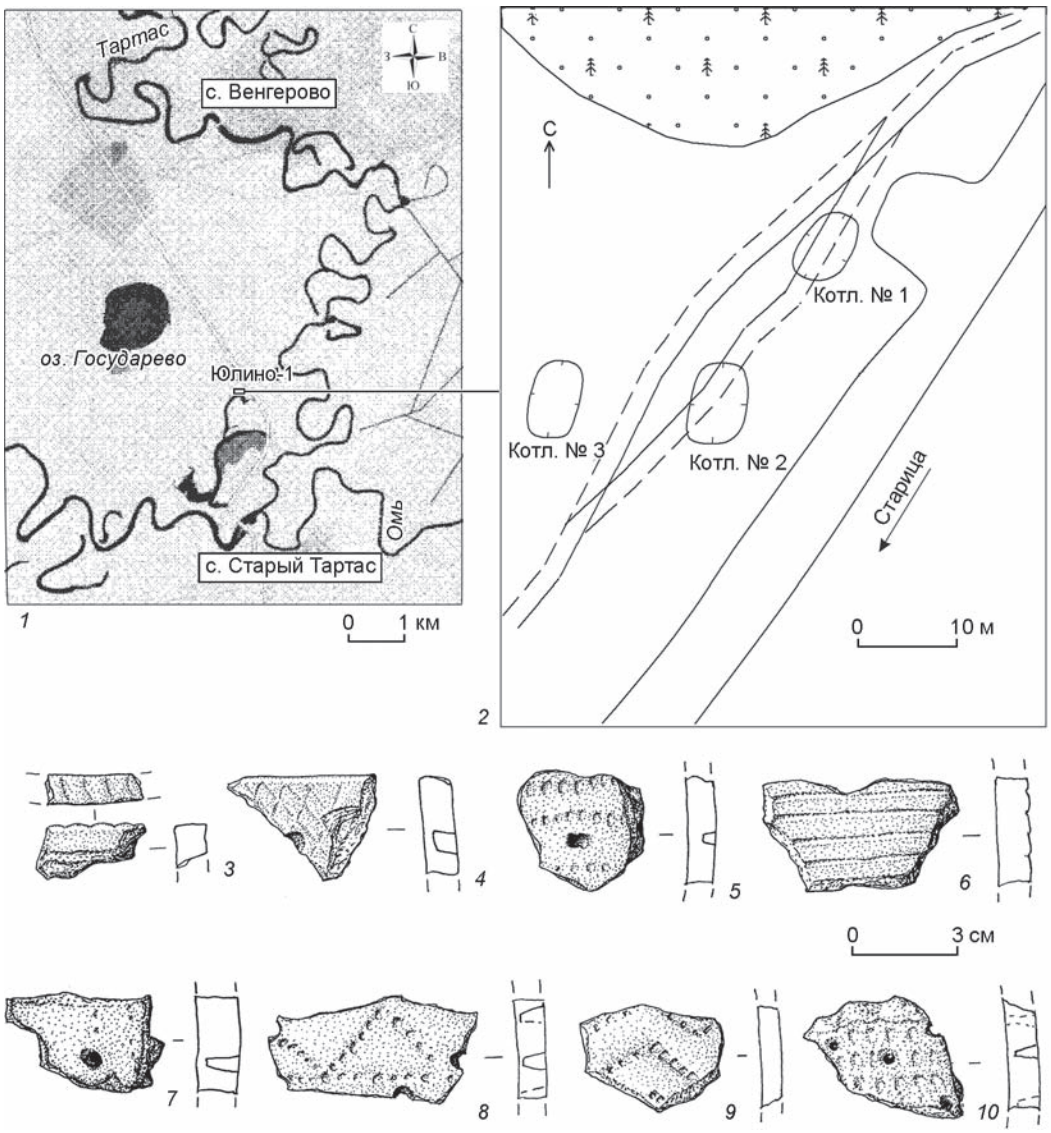
Сотрудниками Западносибирского археологического отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН (нач. отряда – академик В.И. Молодин) в ходе проведения полевого сезона 2014 г. случайным образом на окраине полевого лагеря обнаружен памятник археологии. Собственно об этом объекте и его предварительном анализе в данной работе и пойдет речь.

Памятник Юлино-1 расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Поселение эпохи ранней бронзы находиться в 4,5 км к югу от с. Венгерово, и в 3,16 км на ССЗ от с. Старый Тартас (см. *рисунок, 1, 2*). Поселение имеет слабо выраженные рельефные особенности, расположено на северном берегу старицы, пересохшем рукаве р. Омь, на второй надпойменной террасе правого берега. Координаты объекта N 55º37.858’; EO 76º42.213’.

Западины жилищ расположены достаточно компактно. Удалось зафиксировать три западины подпрямоугольной формы, не более 7–8 м в диаметре. Визуально они слабо читаемы, их глубина колеблется от 8 до 10 см. По-видимому, наземная конструкция в древности едва срезала уровень дерна. Другая сложность с фиксацией этих объектов, связана с сильно изрезанным проселочной дорогой рельефом. Судя по геоморфологии старицы, а также расположению относительно нее западин, вероятно, часть памятника могла быть разрушена.

Состояние памятника в полной мере можно считать аварийным, так как через первый и второй котлованы проходит действующая проселочная дорога. Колея сильно разрушила культурный слой западин № 1, 2 (местами до материка). В силу этого, на их поверхности (в колее) и были обнаружены фрагменты керамики. Судя по глубине колеи, мощность культурного слоя составляла не более 5–8 см. Так же керамика обнаружена в колее на западном и восточном направлении от памятника по краю террасы. Вероятнее всего, большое количество керамики вне западин связано с тем,

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).



Памятник бронзового века Юлино-1.

1 – географическое расположение памятника; *2* – ситуационный план памятника; *3–10* – подъемный материал (фрагменты керамики).

что колея нарушила уровень погребенной почвы в межжилищном пространстве.

Собрано порядка 40 фрагментов керамики. Большая часть из них плохой сохранности, с одной стороны, это обусловлено антропогенным фактором, с другой, очень рыхлым составом теста. Фрагменты керамики орнаментированы наклонными рядами крупнозубчатого гребенчатого штампа и чередующимися ямочными вдавлениями, на срезах венчиков орнамент нанесен гребенчатым штампом (см. *рисунок*, *3–10*). По данным фрагментам сложно судить о формах сосудов, скорее всего, они плоскодонные. В целом фрагменты керамики имеют классическую орнаментацию для одиновской культуры [Молодин, 1981, 2012].

Кроме керамики, подъемный материал отсутствует, в силу этого невозможно рассмотреть и сравнить другие категории инвентаря, который в большом количестве встречается на одиновских памятниках.

Ближайшие аналогии полученным материалам прослеживаются на археологических памятниках одиновской культуры в Барабинской лесостепи. Такими объектами следует считать поселенческие комплексы Старый Тартас-5 [Молодин, Новиков, 1998, с. 57] и Марково-2 [Молодин, 1981], а также некоторые многослойные поселения: Венгерово-1А, Кама-2, Каргат-6Б, Новочекино-5 [Молодин, Нестерова, Мыльникова, 2014, с. 110–124]. В целом керамика с поселения Юлино-1 имеет аналогии и с одиновскими материалами памятников Приишимья [Косарев, 1976; Панфилов, 1993] и Прииртышья [Голдина, Крижевская, 1971, с. 72–77; Крижевская, 1977].

Следует отметить некоторые закономерности в расположении памятников Старый Тартас-5, Марково-2 [Молодин, 1981; Молодин, Мыльникова и др., 2013, с. 282–287] и Юлино-1. Обнаруженные поселения сегодня находятся вдали от главных водных артерий и расположены на берегах сезонно затопляемых водоемов – старицах или пересыхающих речных рукавах. Вероятно, момент функционирования одиновских поселений совпадает с обводнением, и как следствие, периодом влажного и холодного климата в Барабинской лесостепи [Молодин, Зах, 1979, с. 17–29].

Что касается архитектурного типа жилищ, то для одиновской культуры выделены два типа, это котлованы подчетырехугольной формы и легкие наземные сооружения типа чума [Молодин, Нестерова, Мыльникова, 2014, с. 110–124]. Группа западин памятника Юлино-1 тяготеет ко второму типу конструкций одиновских жилищ. Вследствие чего перед нами неглубокие западины и тонкий культурный слой. Скорее всего, прореживание в таких сооружениях носило сезонный характер. Таким образом, с учетом архитектурного типа жилищ, количества видимых западин обнаруженный памятник более всего сближается с поселением Марково-2 (Куйбышевский р-н Новосибирской обл.) [Молодин, 2008, с. 9–13].

На сегодняшний день поселения одиновской культуры эпохи ранней бронзы в Барабинской лесостепи являются одними из самых редких и слабо изученных объектов. Актуальными остаются вопросы происхождения, распространения одиновской культуры и ее взаимодействия с культурами эпохи ранней бронзы на территории Западной Сибири [Молодин, 2010; Molodin, 2012]. Тем ценнее постановка на учет и дальнейшее исследование нового объекта культурного наследия – памятника Юлино-1.

Список литературы

Голдина Р.Д., Крижевская Л.Я. Одино – поселение эпохи ранней бронзы в Западно-Сибирской лесостепи // КСИА. – 1971. – Вып. 127. – С. 72–77.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири: автореф. дис. …д-ра ист. наук. – М., 1976. – 69 с.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1977. – 128 с.

Молодин В.И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 63–75.

Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблемы выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург, 2008. – С. 9–13.

Молодин В.И. Современное представление об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой): сб. ст. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Зах В.А. Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Ини, Оми и их притоков // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – С. 17–29.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А. Поселение одиновской культуры Старый Тартас-5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 282–287.

Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас-5 в Барабинской лесостепи // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. – С. 110–124.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению культ. наследия, 1998. – 140 с.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка-1 в Нижнем Приишимье (итоги полевых исследований). – Препринт. – Тюмень, 1993. – 80 с.

Molodin V.I. The Ob-Irtysh Forest-Steppe in the Bronze Age // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. – Krakow, 2012. – P. 491–499.

УДК 902.2

С.П. Нестеров[1], В.П. Мыльников[1], О.А. Шеломихин[2], Я.М. Мамуль[2], А.В. Яковлев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Благовещенский государственный педагогический университет
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА ОЗЕРО ДОЛГОЕ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2014 ГОДУ*

В статье приведены результаты раскопок в 2014 г. западин 16 и 17 на памятнике Озеро Долгое в Архаринском р-не Амурской обл. В ямах № 16 и 17 обнаружены сожженные деревянные конструкции, которые не могут быть ни жилищами, ни хозяйственными постройками. Стратиграфические и планиграфические наблюдения, находки позволили предположить, что глубокие ямы являются погребальными комплексами троицкой группы мохэ VIII в., не исключено, что кенотафами, т.к. антропологический материал отсутствовал. На основе полученных данных реконструируются элементы погребального обряда мохэ. В результате раскопок было установлено, что на памятнике Озеро Долгое из 57 западин только 14 – жилища, остальные, предположительно, связаны с погребениями.

Ключевые слова: *Амурская обл., Озеро Долгое, раннее Средневековье, мохэ.*

This publication presents the results of excavations of pits 16 and 17 from the Long Lake site in Arkharinsk district of Amur region. The wooden construction observed in the pit 16 and 17 could not be dwellings or utility structures. The stratigraphy, planigraphy and archaeological findings have suggested that deep pits were the burial complexes of Troitskaya Group of Mohe lived in VIII century. It is on the cards that complexes are cenotaphs, because the anthropological material was not found. The elements of Mohe burial ritual are reconstructed on the basis of obtained data. The excavations of Long Lake site have proved that 14 pits out of 57 were the dwellings. As supposed all the other pits are associated with burials.

Keywords: *Amur region, Long Lake site, the Early Middle Ages, Mohe.*

Памятник Озеро Долгое расположен в 10,4 км на северо-запад от с. Иннокентьевка и примерно в 10 км на северо-восток от устья р. Буреи, на северном берегу оз. Долгого. Здесь зафиксировано 57 западин размерами от 3 до 7 м, глубиной до 85 см. Они группируются в пять рядов длиной 120 м, шириной 60–65 м (рис. 1, *1*). В 2008 г. были исследованы жилище 31 (талаканская культура), 32 (михайловская культура) и конструкция 31а, относящиеся ко второй половине III – IV в. [Деревянко А.П. и др., 2009].

В 2014 г. на площади 5 × 12 м раскопаны западины № 16 и № 17. При этом западина № 16 находилась в одном ряду с жилищем 31, а западина № 17 – с жилищем 32.

Стратиграфия площадки включала: слой 1 – дерн; слой 2 – белесый суглинок толщиной до 30 см, который образовался в результате выкида грунта из многочисленных ям; слой 3 – темно-коричневый суглинок – древняя погребенная почва; слой 4 – коричневый суглинок; слой 5 – аллювиальный песок. Фрагменты керамики михайловской культуры, отдельные черепки урильской и польцевской культуры, речные гальки, немногочисленные сколы, плитка-абразив встречены только в слоях 2 и 3. При сооружении ям № 16 и № 17 были прорезаны слои 3–5 и лежащие ниже прослои голубой глины и песка. Ямы копались с уровня слоя 3. Стратиграфия ям № 16 и № 17 схожа: основное заполнение представлено светло-коричневой мешаной супесью с темными пятнами и полосками. Ямы имели в середине глубокие подпрямоугольные в плане воронки (1,2–1,3 м от верхнего уровня слоя 2) (рис. 2).

*Работа выполнена в рамках совместного интеграционного проекта СО РАН и ДВО РАН № 39 «Монголы и тунгусо-маньчжуры: этнокультурное взаимодействие в Забайкалье, Приамурье и Северо-Восточном Китае в раннем Средневековье».

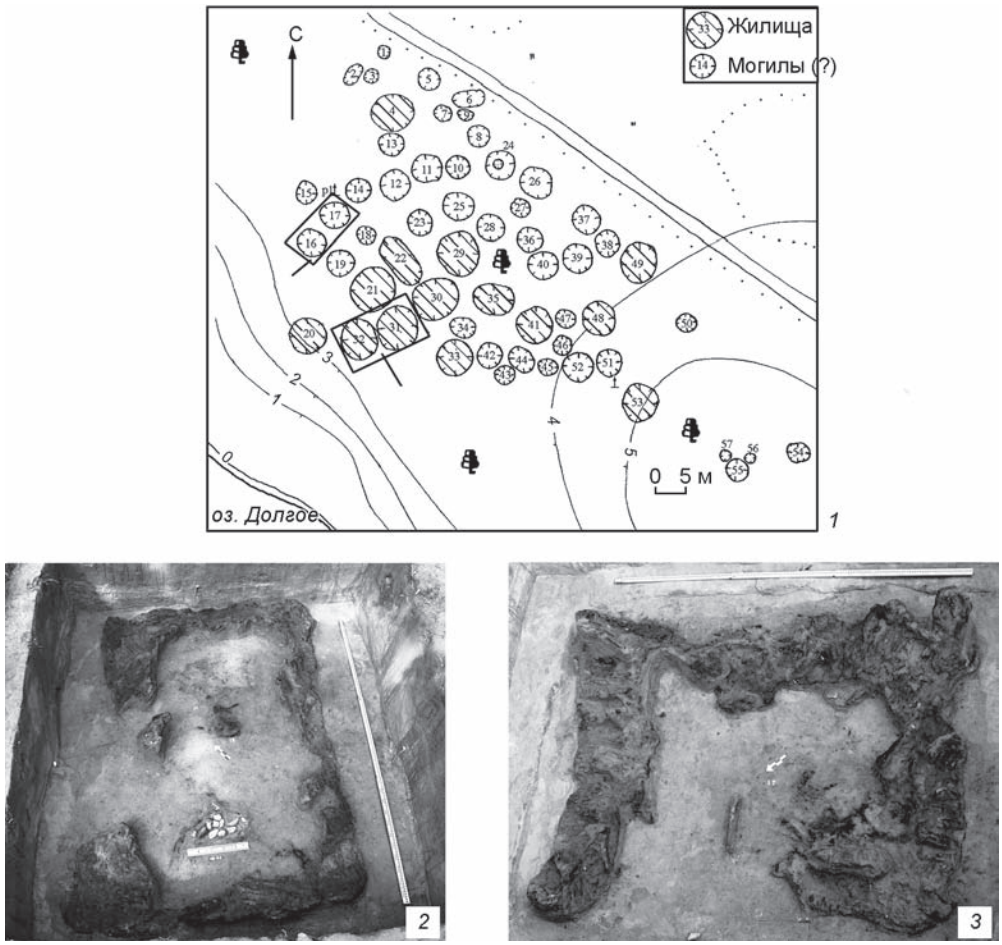


Рис. 1. План памятника Озеро Долгое (*1*), обугленные деревянные конструкции в яме № 16 (*2*) и в яме № 17 (*3*). *2* – фото с северо-запада; *3* – фото с юго-запада.

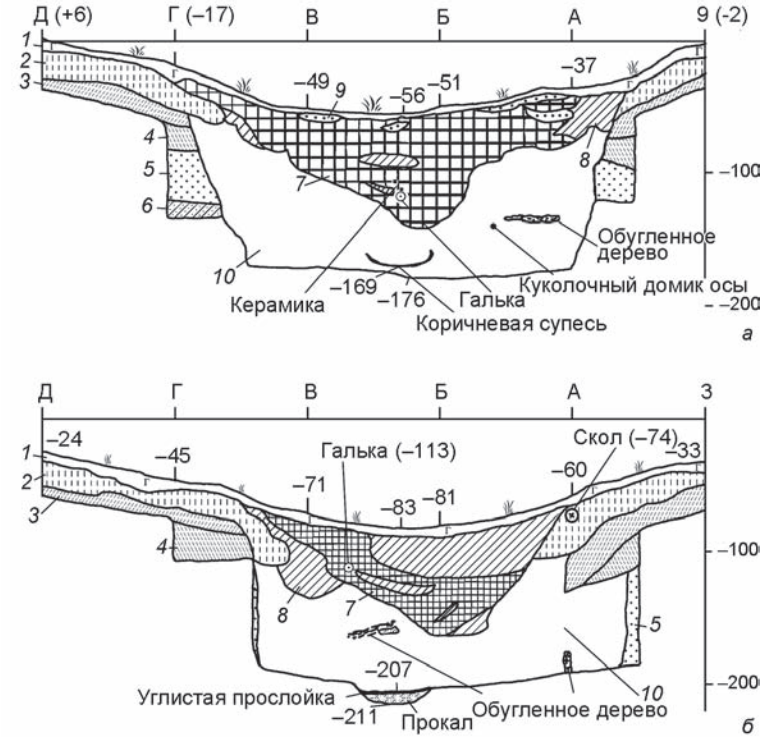


Рис. 2. Стратиграфические разрезы ямы № 16 (*а*) и ямы № 17 (*б*).

Слои: *1* – дерн; *2* – белесый суглинок; *3* – темно-коричневый суглинок; *4* – коричневый суглинок; *5* – песок; *6* – железистый песок; *7* – черный суглинок – заполнение воронок в ямах; *8* – темная мешаная супесь; *9* – светло-коричневый песок с темными пятнами; *10* – светло-коричневая мешаная супесь с темными пятнами и полосками – заполнение ям.

Яма № 16. На современной поверхности была западина подпрямоугольной формы с закругленными углами (4,2 × 5 м), крутыми бортами (от 17° до 28°). Максимальная глубина западины 67 см. В заполнении воронки находок немного: речные гальки, отщеп, два фрагмента керамики.

На дне ямы (2,8–2,87 × 3,28–3,44 м) была установлена рама из вертикально стоящих плах или досок (см. рис. 1, *2*). Только северный угол рамы был прямой, остальные закруглены. Размеры рамы составили 2,13–2,27 × 3,16–3,23 м. Ее высота реконструируется приблизительно в 60 см. Верхние концы плах имели горизонтальную обвязку, что зафиксировано в северной части северо-западной стенки. В середине рамы располагалось округлое пятно диаметром 45 см, верхняя часть которого – мешаный углистый прослой толщиной до 2 см, а под ним прокал красного цвета мощностью до 2,5 см. На дне в юго-западной части рамы было скопление речных галек средних размеров. Они, вероятно, являлись частями большого сетевого грузила, представляющего мешок, набитый камнями (вес 5,5 кг). Найдены также небольшой фрагмент керамики с вафельным орнаментом и несколько разрозненных речных галек.

Яма № 17. На современной поверхности была западина подквадратной формы с закругленными углами (4,6 × 4,8 м), с крутыми склонами (от 18° до 31°). Максимальная глубина – 63 см. Воронка выклинивалась на глубине –156 см, что ниже на 20 см уровня залегания практически всех находок из заполнения самой ямы. В ней обнаружено большое количество обломков крицы, шлака; фрагменты сосудов троицкой группы мохэ, в том числе, черепки со следами высокотемпературного воздействия; обломок железной панцирной пластины и, возможно, железного котла; фрагмент подставки под тигель; речные гальки. Некоторые гальки имеют закопченную поверхность. В верхней части заполнения под дерном лежали обожженные кости птицы (?) и косули.

На дне прямоугольной ямы с закругленными углами (2,8 × 3,46–3,5 м) была установлена рама из наклонно стоящих плах или досок (см. рис. 1, *3*). Их обугленные остатки располагались по направлению от края к середине сооружения. Во всех углах зафиксированы угловые «стропила» (длина восточного 90 см), расположенные также под наклоном к середине (до 62°), на которые опирались плахи стен (длина некоторых 60 см). Высота рамы могла составлять до 80 см. В середине рамы деревянных деталей не было. Дно ямы располагалось на уровне от –165 см до –176 см. С внешнего края юго-восточной стенки у южного угла рамы вертикально стоял обломок плитки-абразива высотой 16 см. Здесь же, но ниже на 4–12 см в пределах рамы и за ее границей, было скопление из 18 галек. Только один фрагмент неопределимой керамики лежал непосредственно на дне ямы (–166 см). Остальные находки: один черепок сосуда, кость животного, шесть костяных шиловидных наконечников стрел, все гальки располагались выше по уровню на 13–18 см.

Материалы исследованных в 2008 г. жилищ 31 и 32 позволили отнести памятник Озеро Долгое к поселению переходного периода от раннего железного века к средневековью. Раскопки западин 16 и 17 показали, что располагавшиеся под ними объекты не могут рассматриваться ни в качестве жилищ, ни как подсобные хозяйственные помещения. В последнем случае настораживает регулярное расположение выявленных на памятнике западин, похожих по размерам и глубине на западины № 16 и № 17, и их значительное количество (не менее 40) (см. рис. 1, *1*). Определенная рядность западин позволяет предположить, что они являются могилами. Однако на дне ям № 16 и № 17 антропологический материал отсутствовал, хотя обнаруженные в заполнении ямы № 17 костяные наконечники стрел и фаланга, предположительно, животного, свидетельствуют о том, что кость сохранялась хорошо. В качестве погребального инвентаря можно рассматривать наконечники стрел, галечный комплекс (грузило), фрагменты керамики. Возможно, эти могилы являются кенотафами погибшим и не найденным рыбакам и охотникам.

Имеющиеся планиграфические и стратиграфические данные позволяют реконструировать процесс погребального обряда. После подготовки ям в них устанавливались деревянные сооружения. Какое-то время ямы стояли открытыми. Так как они были выкопаны в песке, то, например, границы стен ямы № 16 имеют значительную волнистость, образовавшуюся в результате осыпания. Меньшая волнистость границ стен наблюдалась у ямы № 17. О некотором промежутке времени, когда ямы оставались открытыми, свидетельствует находка обожженного куколочного домика осы дорожной в заполнении ямы № 17 у юго-восточной стенки рамы. Глиняный домик был слеплен тогда, когда деревянная конструкция еще не была сожжена. Незначительный по количеству инвентарь размещали или на дне ям, или его бросали в них по мере частичной засыпки грунтом. После этого деревянные рамы поджигались (предметы следов огня не имеют). Еще горящее дерево было засыпано грунтом, поэтому красный прокал образовался как под плахами, так и над ними. Деревянные конструкции внутри ям условно названы «рамами», хотя их

устройство больше соответствует элементам облицовки вертикальными плахами стен жилищного котлована (яма № 16) и перекрытия ската кровли пирамидального по форме жилища (яма № 17). После присыпки деревянных конструкций стенки ям выполаживались примерно до уровня погребенной почвы (рис. 2). В результате выполаживания в середине ям образовались глубокие воронки.

Культурно-хронологическая атрибуция раскопанных объектов однозначно не выявлена. Наличие в ямах деревянных рам, их сожжение, частичная присыпка дна и выполаживание вертикальных стен ямы присуще погребальной практике троицкой группы мохэ, хорошо изученной по материалам Троицкого могильника [Деревянко Е.И., 1977; Деревянко А.П. и др., 2008]. Отличие – в конструкции рам: в могилах Троицкого некрополя они сооружены из плах или досок, поставленных на ребро. На Долгом Озере рама собрана из отдельных вертикальных плах и досок или в виде нижней части жилища каркасно-столбовой конструкции. Подобная облицовка стен жилищ или котлованов была характерна для строительной традиции михайловской культуры и троицкой группы мохэ (Букинский Ключ-1, Большие Симичи, Озеро Долгое, жил. 32, Осиновое Озеро и др.). Обнаруженная в яме № 17 плитка-абразив для заточки плоских металлических предметов также известна у мохэ троицкой группы. Схожие по форме плитки-абразивы, только предназначенные для обточки каменных бусин, найдены в жилище пос. Черемхово и недалеко от Троицкого могильника [Деревянко Е.И., 1968, с. 290; Зайцев и др., 2008, с. 195–196].

Дата сооружения ям № 16 и 17 может быть определена в пределах VIII в., когда на территорию Западного Приамурья мигрируют бохайские сумо мохэ. В это время происходит симбиоз михайловской и мохэской культуры, в результате чего формируется группа населения троицкого типа. Мохэ переняли у аборигенного населения бэй шивэй (михайловская культура) основные элементы домостроения, которые могли использовать и в погребальной практике. Верхняя хронологическая граница определяется по находкам из заполнения воронки ямы № 17. Судя по керамике, ее использовали мохэские металлурги троицкой группы (IX–X вв.) для выброса отходов железоделательного производства, а значит, ее внутреннее содержание им было уже не знакомо.

Таким образом, если ранее памятник Озеро Долгое считали поселением, то сейчас не исключено, что из 57 западин только 14 – жилища, остальные, предположительно, связаны с погребениями.

Список литературы

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия, 2008. – Вып. I, ч. 1: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 г. – 218 с.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сэн, Хабибуллина Я.Ю. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Гос. исслед. Ин-та культурного наследия, 2009. – Вып. II: Раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 г. – 286 с.

Деревянко Е.И. К изучению памятников мохэской культуры на среднем Амуре (по материалам раскопок А.В. Мачинского в с. Черемхово) // Вопр. истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1968. – Вып. 1. – С. 287–292.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Зайцев Н.Н., Волков Д.П., Кудрич О.С., Чередова Т.П., Орешкин К.В. Необычные находки с памятников археологии Амурской области (по результатам археологической разведки 2005 г.) // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2008. – Вып. 5. – С. 195–199.

УДК 902/904 550.837

А.В. Новиков[1], Ю.Н. Гаркуша[1], А.Н. Шеин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН
E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

ПРОДОЛЖЕНИЕ АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЙКАРСКОГО ГОРОДКА В 2014 ГОДУ*

В статье публикуются предварительные результаты изучения архитектурных объектов и геофизических исследований на памятнике Войкарский городок в 2014 г.

Ключевые слова: *приполярная зона Западной Сибири, Войкарский городок, позднее Средневековье – Новое время, традиционная архитектура северных хантов, геофизические исследования в археологии.*

This paper is presented preliminary results of the study of architectural objects and geophysical exploration in Voikarskiy town site.

Keywords: *Circumpolar area of Western Siberia, Voikarskiy town, the Late Middle Ages – Modern Age, traditional architecture of northern Khanty, geophysical investigation in archaeology.*

В 2014 г. были продолжены комплексные исследования памятника эпохи позднего Средневековья – Нового времени приполярной зоны Западной Сибири – Войкарского городка (городище Усть-Войкарское I), ведущиеся нами с 2012 г. [Новиков и др., 2012; Новиков, Гаркуша, Шеин, 2013]. Войкарский городок расположен в Шурышкарском р-не ЯНАО, в 2,25 км к СВ от с. Усть-Войкар. В ходе экспедиционных работ текущего года нами были доисследованы либо полностью исследованы семь деревянных построек различного назначения в северной части верхней площадки памятника. Работы еще на трех сооружениях были приостановлены вследствие обширного распространения мерзлоты в слое, объекты законсервированы. Общая площадь раскопа 2014 г. составила 138 кв.м. Предлагаем описания части жилых построек, сохранивших свою архитектурную целостность (нумерация строений продолжается с 2012 г.).

Постройка № 1 – прямоугольный сруб из бревен длиной 2,8–2,9 м (рис. 1). Стены соединены в углах «в чашу». Внутреннее пространство определялось расстоянию между противолежащими углами, находившимся в пределах 2,4 м. В середине ЮВ стены, в бревне 2-го венца был выполнен дверной проем. Его основание – продольный выруб длиной 0,56 м, обращенный к внутренней стороне помещения. На горизонтальной плоскости выруба-ступени, справа от входа размещен паз для установки и открывания двери. Дверь открывалась внутрь помещения.

Под основанием стен выявлен ряд из плотно пригнанных друг к другу вертикально установленных обрубков досок, закрепленных по уровню пола жердями. Под передней стеной их место занимали уложенные друг на друга бревна, прослеживаемые ниже уровня пола. Ранее они использовались в других строениях в качестве основания дверного проема: все они имели характерный продольный выруб. Фактически, сруб располагался по периметру котлована глубиной около 0,2 м. По обе стороны от входа располагались глиняные печи-чувалы: один из них был обнаружен при доследовании постройки в 2014 г.

Снаружи вход был оборудован коридором. Конструкция размером 2,7 × 0,6 м сооружена в траншее, стены которой обложены полубревнами, закрепленными вертикальными столбами. Пол – продольный настил из обрубков древесины разной длины.

Остатки двух чувалов в интерьере постройки, сосредоточение бревен под основанием ЮВ стены – свидетельство проведенной перестройки (ремонта) строения, связанной и со сменой интерьера.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-18009е).

Рис. 1. Войкарский городок. Исследования 2014 г. Постройка № 1 с коридором.

Коридор также претерпел, как минимум, два этапа перестройки. После демонтажа постройки № 1, практически в тех же границах, были оконтурены остатки другого строения. Фактически, кладка из бревен под ЮВ стеной постройки № 1 является частью нижних венцов выявленного сооружения (№ 1А). В центральной части помещения, располагался открытый очаг, образованный рамой из состыкованных обрубков древесины с грунтовым заполнением и вбитыми в него многочисленными колышками. Сопоставимые размеры построек, расположение в единых границах, общие технологические элементы в конструкциях позволяют принять постройку № 1А за исходное сооружение, преобразованное после ряда перестроек в постройку, обозначенную как № 1.

От постройки № 2А сохранились части южной и восточной стен, соединенных стык в стык. В основании – котлован глубиной 0,2 м. Бревна южной стены, уложенные друг на друга, зафиксированы изнутри столбами; являются также обкладкой стены котлована. Основание восточной стены – установленная на ребро по краю котлована плаха. Дверной проем был ориентирован на юг. Его конструкция была аналогична зафиксированной в постройке № 1. В ЮЗ углу сохранилась основа чувала. Снаружи котлован был окружен стеной из бревен, уложенных между столбами. Образовавшееся пространство было заполнено той же щепой с примесью грунта, из которой и состоит культурный слой городища, дополняя архитектуру постройки № 2А своеобразной «завалинкой».

Постройка № 3 является наиболее целостной архитектурной конструкцией. Ее описание уже было представлено в публикациях [Новиков, Гаркуша, Шеин, 2013; Новиков, Гаркуша, 2014]. После полной зачистки была уточнена планиграфия сруба: расстояние между противолежащими замками-вырубами – 2,26–2,32 м. При основном способе угловой вязки «в чашу» отмечены случаи комбинирования различных видов замкового соединения: в ЮВ углу последовательно применены соединения «в охлуп» (замковый выруб ориентирован вниз) и «в охряпку» (вырубы ориентированы вверх и вниз).

В процессе исследования построек в 2014 г. были скорректированы некоторые выводы об особенностях домостроительства, сделанные ранее (на основе изучения доступных на тот момент участков строений).

Так, в постройке № 1 чувал, расположенный в северном углу, не имел дощатой перегородки, отделявшей его от стены дома, как это предполагалось ранее [Новиков, Гаркуша, Шеин, 2013, с. 307]. Обнаруженные здесь доски – часть горизонтального стенового набора ЮВ стены, относящегося к раннему этапу существования постройки.

Не соответствует действительности, несмотря на всю схожесть с привлеченными аналогиями, предположение о происхождении ряда из коротких обрубков досок, расположенных под основанием сруба этой же постройки [Новиков, Гаркуша, 2014]. Установлено, что эта конструктивная часть является обкладкой стен котлована.

В определенной коррекции нуждаются и наблюдения, полученные ранее при исследовании постройки № 3. Так, «опалубка», зафиксированная непосредственно под нижними венцами сруба [Новиков, Гаркуша, Шеин, 2013, с. 308] – это остатки несущих стен ранней постройки (№ 3А), границы которой были выявлены в 2014 г. Ее нижние венцы были использованы в качестве фундамента. Постройка № 3А смонтирована из бревен длиной 2,70–2,77 м соединенных в углах «в чашу». Расстояние между замками-вырубами – около 2,3 м. В центральной части располагался открытый очаг, обустроенный по той же схеме, что и в постройке № 1. Впоследствии на его площади, при сооружении постройки № 3, возник новый очаг.

Из выявленных в этом году конструкций постройка № 7 отличается не только масштабностью, но архитектурой и иными планировочными решениями в интерьере (рис. 2). Контуры сооружения выявились после снятия верхних 20 см почвенных отложений, оно представляет собой остатки квадратного в плане сруба со сторонами длиной около 7 м; угловое соединение стен – «в чашу». Дверной проем – в южной стене дома. Его конструкция в целом аналогична тому, что было отмечено на примере других построек. Дверь крепилась слева от входа, открывалась внутрь. Для навешивания двери использован вертикально установленный брус с выдолбленной под шарнир чашей. Ширина двери – 92–94 см; ширина дверного проема (расстояние между пазами для стоек косяка) – 78–81 см. В центре, напротив входа, располагалась очажная конструкция: сруб размером 2,6 × 1,05 м, смонтированный из плах «в охряпку». Зона собственно очага ограничена поперечной стенкой и углублена, имеет длину 1,9 м. В противоположной входу части конструкции, незанятой кострищем, было обнаружено скопление кухонной утвари. Вдоль боковых стен на лагах на ширину около 1,4 м располагался поперечный настил из обрубков жердей и плашек, отделенный от центральной части помещения стенкой из бревен, закрепленных торцами в продольных пазах вертикальных столбов. Возможно, что таким образом были обустроены нары. Пол, между предполагаемыми нарами и очажной конструкцией, имел продольный настил из длинных жердей, опиравшихся на лаги.

Остается не решенным вопрос о датировке исследованного нами архитектурного комплекса. Для предварительной оценки возраста объектов мы основываемся на дендрохронологической датировке построек, исследованных ранее на вершине холма: их возраст был определен XVII – концом XIX в. [Гурская, 2008]. Стратиграфически, большая часть исследованных нами построек, по нашему мнению могут относиться к XVII в. К сожалению, предметный комплекс не содержит артефактов, позволяющих уверенно обосновать принадлежность к этому периоду либо предложить иную датировку.

Продолжение геофизических исследований на памятнике связано с применением электротомографии (сплошного электрического зондирования). Метод основан на применении многоэлектродных электроразведочных кос, подключаемых к аппаратуре, способной коммутировать токовые и измерительные электроды (заземленные в грунт) на произвольные выводы косы. От межэлектродного расстояния напрямую зависит глубинность исследования. Общая площадь обследования памятника составила 4 590 кв.м (включая действующий раскоп).

В работе использовалась аппаратура «СКАЛА 48». Выбранная комбинация установок Шлюм-

Рис. 2. Войкарский городок. Исследования 2014 г. Постройка № 7. Общий вид на уровне пола жилища.

берже и дипольной обладает хорошей чувствительностью, как к горизонтальным границам, так и к вертикальным. Измерения проводились с межэлектродным расстоянием 1 м, которое позволяет достичь оптимальной для данного объекта глубинности 6–8 м. Профили длиной 71 м располагались с востока на запад (по короткой оси памятника) с шагом 2 м. Дополнительные измерения проводились по продольным профилям.

По результатам 2D-инверсии данных электротомографии были построены двумерные геоэлектрические разрезы. Установлено, что опытный профиль № 31 пересекает деревянное строение на 18 и 24 электродах. На разрезе в районе 18-го электрода наблюдается вертикальная структура с повышенным сопротивлением, что связано со стеной строения. На 24-м электроде аномалия более высокоомная и не имеет вертикальной направленности. Это связано с мерзлотой в районе противоположной стены. Опытные измерения показали, что строения отражаются в геоэлектрическом разрезе повышением сопротивления.

После 2D-инверсии были построены карты распределения удельного электрического сопротивления на разных глубинах. В восточной части памятника наблюдается резкое повышение сопротивления. У подножия возвышенности оно связанно с речными отложениями, Таким образом, в определенные периоды река подходила вплотную к подножию холма. На верхней площадке возвышенности такие участки обусловлены линейными структурами, которые могут быть связаны с деревянными строениями. Подобные структуры прослеживаются в направлении ЮЗ – СВ, параллельно береговой линии. Это дает возможность говорить о перспективности данного участка площади для продолжения археологического исследования.

Список литературы

Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 212–231.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Некоторые особенности деревянного домостроительства аборигенного населения приполярной зоны Западной Сибири в XVII–XIX вв. (по материалам работ 2012–2013 гг. на Войкарском городке) // Баландинские чтения: сб. ст. научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. – Т. IX, ч. 1. – С. 28–36.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Шеин А.Н. Археолого-геофизические исследования Войкарского городка в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 305–309.

Новиков А.В., Слюсаренко И.Ю., Швец О.Л., Ломов П.К. Предварительные результаты исследований на Войкарском городке в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 262–266.

УДК 903.14

О.И. Новикова, Е.В. Рыбина, А.В. Новиков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: science@archaeology.nsc.ru

О КЕРАМИКЕ УСТЬ-ПОЛУЯ: КОЛИЧЕСТВЕННО-ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ*

В статье представлены количественные и планиграфические показатели анализа керамической коллекции городища Усть-Полуй из раскопок В.С. Адрианова (1935–1936 гг.), Н.В. Федоровой и А.В. Гусева (1993–1995, 2006–2011 гг.). Среди 20 тыс. фрагментов почти половина (45 %) – венчики сосудов. Участки, максимально насыщенные керамикой, соотносятся с такими планиграфическими объектами, как очаги, каменные кладки, деревянные вымостки и ров.

Ключевые слова: *север Западной Сибири, Усть-Полуй, керамика, планиграфия.*

The pottery collection excavated by V.S. Adrianov (1935–1936), N.V. Fedorova and A.V. Gusev (1993–1995, 2006–2011) was analyzed. It was estimated that for all years the researchers had been found more than 20 000 ceramic fragments. The rims is 45,5 % units. Quantitative planigraphic analysis of ceramic fragments distribution in the squares of all years of excavations was shown that all supreme packed with pottery areas abut upon different objects: the hearth complexes, the stone masonries, the ditch.

Keywords: *north of Western Siberia, Ust-Polui, ceramics, planigraphy.*

Материалы городища (древнего святилища) Усть-Полуй вот уже более 80 лет вызывают неослабевающий интерес исследователей и перманентные дискуссии о характере, хронологии и культурных компонентах памятника. Далеко не последнее место в аргументации разных точек зрения отводилось керамике. Все, кому приходилось знакомиться с той или иной частью керамической коллекции Усть-Полуя, отмечали значительное количество и фрагментарность керамики, хотя никто из исследователей не работал одновременно со всем комплексом. Гипотезы и выводы авторов опирались на яркие, но разрозненные части коллекций разных лет. При этом, например, В.И. Мошинская, сознательно отказалась от каких-либо статистических подсчетов, считая, что «расслаиванию подвержены в основном не стенки сосудов, а верхние их части, шейки и особенно венчики. Таким образом, всякий статистический анализ дал бы заведомо неверный результат и создал бы ложную картину» [1953, с. 107]. На наш взгляд, полное отсутствие количественных и статистических данных по керамике Усть-Полуя еще в большей степени запутывает ситуацию. Осознавая неполноту информации (из-за утраты полевой документации 1936 г.) и заведомые погрешности, мы считаем, что некоторые показатели помогут исследователям в решении ряда принципиальных задач, касающихся культурно-хронологической и функциональной интерпретации памятника.

Так сложилось, что на территории памятника в отдельные периоды работали разные исследователи – В.С. Адрианов (1935–1936 гг.), А.Ф. Палашенков (1938 г.), В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская (1946 г.), С.Г. Пархимович (1990 г.), В.М. Морозов (1991 г.), Н.В. Федорова (1993–1995 гг.), она же совместно с А.В. Гусевым (2006–2014 гг.). Общий обзор этих работ представлен в статье А.Б. Мазурина [2012]. Основной фонд источников сформирован в ходе стационарных исследований В.С. Адрианова, Н.В. Федоровой и А.В. Гусева. Мы опирались именно на эти материалы, не учитывая находки последних трех лет (2012–2014 гг.).

В процессе работы с музейными описями и керамическими коллекциями нами уточнены сведения об общем количестве находок с Усть-Полуя и керамики в частности (см. *таблицу*).

Необходимо дать некоторые пояснения к этим цифрам. Здесь не учтены находки, не вошедшие в музейные описи: т.н. «резерв» из раскопок В.С. Адрианова и керамика, которая в силу плохой сохранности и крайней фрагментарности была

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 12-01-00317а).

Данные о количестве находок на городище (святилище) Усть-Полуй

Год раскопок	Всего находок (ед.)	Образцы керамики (ед.)	Венчики (ед.)
1935	12 000	4 674	1 005
1936	11 034	7 196	2 760
1993	2 633	1 694	919
1994	1 954	1 445	820
1995	1 356	1 123	640
2006	725	255	132
2007	734	136	84
2008	230	79	56
2009	1 042	836	621
2010	2 000	1 264	1 094
2011	1 916	1 466	1 056
Всего	*35 590*	*20 166*	*9 187*

оставлена на месте раскопа. Следует отметить, что в полевых записях исследователя эти моменты частично отражены, а в ряде случаев можно даже посчитать количество оставленных фрагментов.

Учтенные (внесенные в описи) фрагменты керамики в общей массе находок составляют более 56 %. Значительная часть коллекции – венчики (45,5% от общего числа фрагментов). Этот показатель является важным, поскольку позволяет (хотя бы примерно) оценить количество сосудов, обнаруженных на памятнике: около 7 тыс. экз. (без учета данных 2012–2014 гг.). При этом целых и реконструируемых форм крайне мало. Незначительно количество фрагментов днищ и придонных частей сосудов: немногим более 300 фрагментов. Данный факт требует какого-то объяснения. На наш взгляд, он вполне вписывается в концепцию интерпретации памятника как древнего святилища. Значительная часть керамики вряд ли использовалась в качестве посуды. Она либо целенаправленно здесь разбивалась, либо была принесена во фрагментированном состоянии, своего рода древняя «визитная карточка», оставляемая наряду с другими изделиями в местах совершения ритуалов – жертвоприношений. Слоистость многих фрагментов вполне может быть свидетельством упрощенной (нарушенной) технологии, не предполагавшей длительного использования сосудов и высокого качества их изготовления.

За учтенные 11 лет стационарных работ на Усть-Полуе в общей сложности вскрыто более 1,5 тыс. м^2 (общую схему раскопов на памятнике см. на рис. 1). Полевая документация 1936 г. после ареста В.С. Адрианова практически полностью утрачена. По двум рисункам, обнаруженным в архиве МАЭ, можно восстановить место расположения и сетку квадратов раскопа 1936 г. Известно, что в этот год исследовались квадраты № 77–138, но точное расположение известно только для квадратов № 77–90.

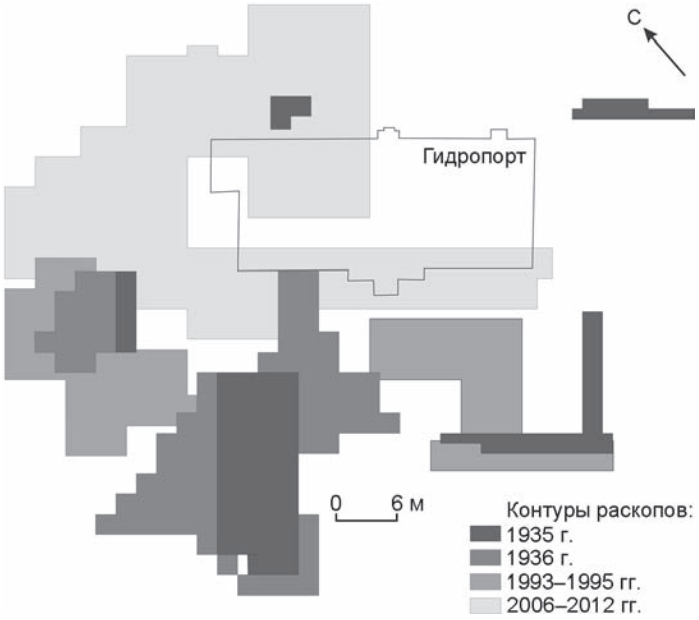


Рис. 1. Схема расположения раскопов на памятнике Усть-Полуй.

Далее была осуществлена пространственно-планиграфическая привязка фрагментов керамики к квадратам раскопов, что позволило оценить и представить насыщенность керамикой отдельных участков памятника. Количество фрагментов, обнаруженных в квадратах раскопов разных лет, варьирует от 1 до 461. Сам по себе этот показатель весьма условный (речь может идти о 50 фрагментах в развале одного сосуда или о 50 фрагментах от разных сосудов). К тому же, квадраты в раскопах имели разную площадь (1–9 м^2). Чтобы как-то сгладить это расхождение, был высчитан средний процент от общего количества учтенных фрагментов керамики, приходя-

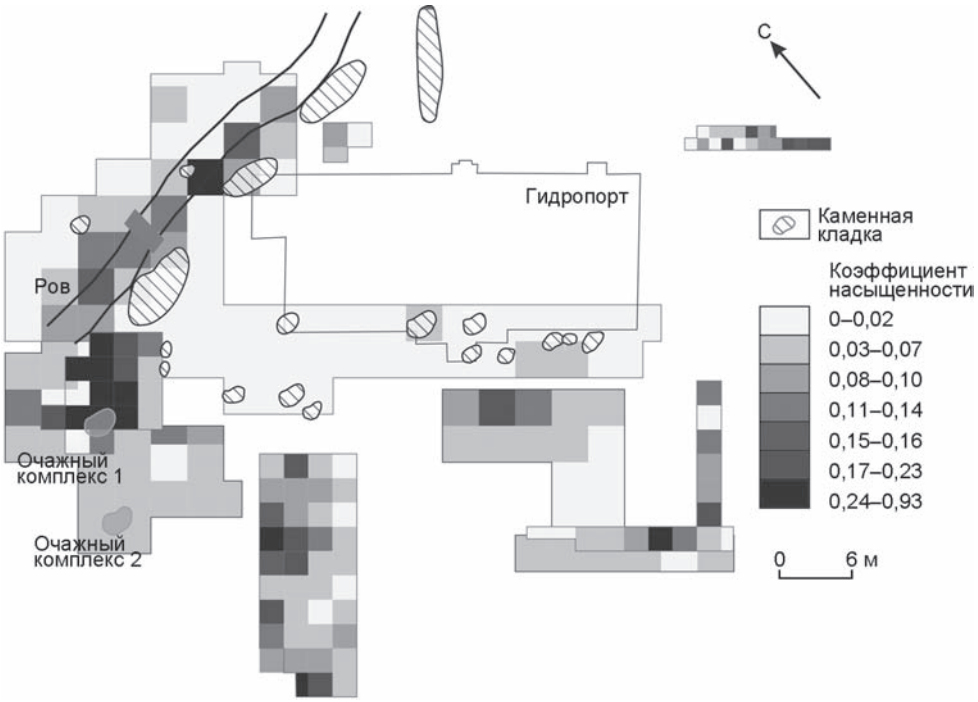


Рис. 2. Количественное распределение керамики в квадратах раскопов.

щихся на квадратный метр раскопанной площади. Этот показатель можно назвать коэффициентом насыщенности. Разброс данного коэффициента получился весьма заметным: 0,02–0,93 %.

В раскопах В.С. Адрианова не выявлено следов каких-либо конструкций (за исключением скоплений камней и остатков кострищ). Но в раскопах последующих лет зафиксированы ров, очажные комплексы, конструкции из камней, настилы и рамы [Гусев Ан., Федорова, 2012; Гусев Ал., 2012]. Самыми насыщенными по количеству фрагментов керамики оказались участки и квадраты, планиграфически привязанные к названным объектам (рис. 2). Корреляция данных по распределению керамики и других категорий находок не проводилась. По мнению авторов исследований, имеет место концентрация изделий вокруг очагов, производственных площадок, связанных с металлообработкой, настилов и каменных выкладок. Они же выявили закономерность в расположении и сочетании разных категорий изделий на верхней площадке памятника и во рву [Гусев Ан., Федорова, 2012, с. 23–25].

Следующая исследовательская задача – статистический анализ орнаментально-морфологических признаков. Без этого невозможно выделить и охарактеризовать культурно-хронологические группы керамики. Данная работа ведется, но пока далека от завершения. Полученные данные и наблюдения позволяют согласиться с теми исследователями, которые придерживаются версии о поликомпонентности и разновременности материалов Усть-Полуя, полагая, что «следует осознавать возможную хронологическую и культурную неоднородность той части усть-полуйской коллекции, которая пока традиционно считается однородной» [Ширин, 2009, с. 50].

Список литературы

Гусев Ал.В. Камень в системе конструкций Усть-Полуя и этнографические параллели // Археология Арктики: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. – С. 36–47.

Гусев Ан.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: размышления Post Factum // Археология Арктики: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. – С. 22–29.

Мазурин А.Б. Археологический памятник Усть-Полуй: к вопросу изучения процесса исследований // Археология Арктики: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. – С. 13–19.

Мошинская В.И. Керамика Усть-Полуйской культуры // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 107–120.

Ширин Ю.В. Остатки средневекового котла из Усть-Полуя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Ханты-Мансийск, 2009. – Вып. VII. – С. 44–52.

УДК 902.652(571.5)

Т.Ю. Номоконова[1], О.И. Горюнова[2, 3]

[1] Отделение Антропологии Университета Альберта, Канада
[2] Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН
[3]Иркутский государственный университет
E-mail: as122@yandex.ru

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСОВ КАМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПОЗДНЕГО ГОЛОЦЕНА ПРИОЛЬХОНЬЯ*

Статья посвящена обсуждению новых AMS-радиоуглеродных дат, полученных по костям животных из каменных конструкций (культовых и погребальных) позднего голоцена Приольхонья (западное побережье оз. Байкал). Результаты датирования внесли много нового в понимание хронологических построений по сооружению шатровых и плоских конструкций в регионе, уточнили и существенно расширили рамки их существования. Комплексы плоских каменных конструкций сооружались в Приольхонье на протяжении широкого хронологического периода – с X до середины XX в.

Ключевые слова: *радиоуглеродное датирование, поздний голоцен, Приольхонье, археологические объекты, каменные конструкции.*

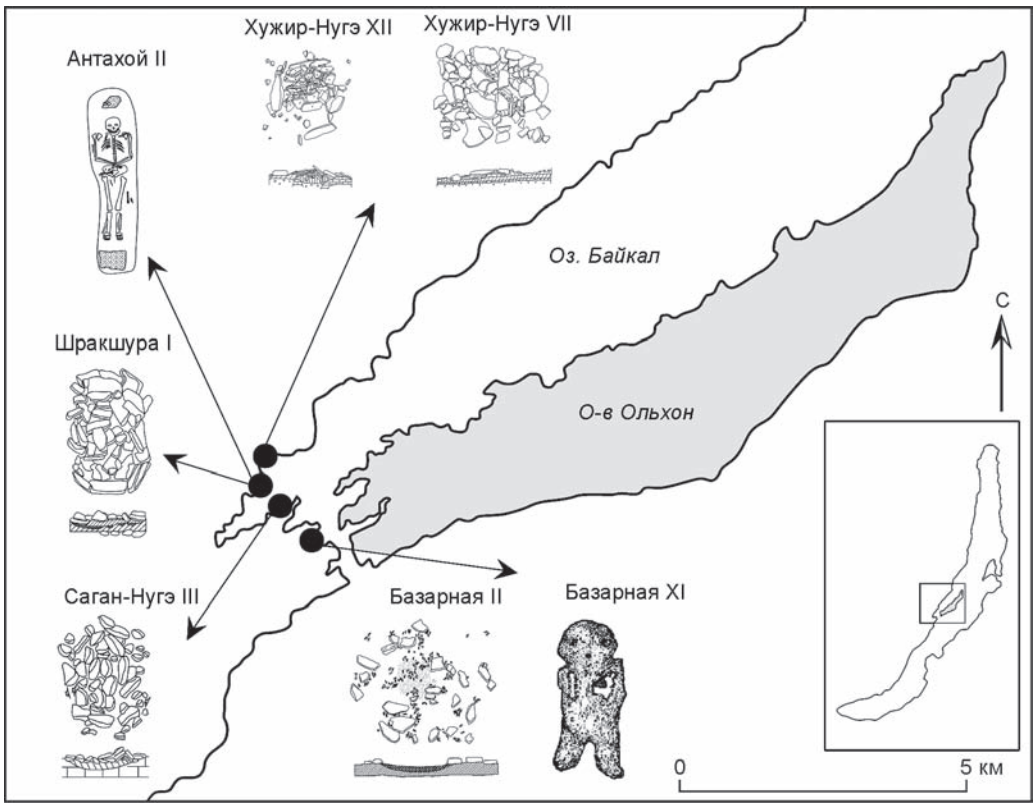
This paper is devoted to the discussion of a few AMS radiocarbon dates made on ungulate bones, which were found among Late Holocene stone features associated with ritual and mortuary practices in Priol'khon'e region on the western shore of Lake Baikal in Siberia. The radiocarbon dating has brought new understanding of the chronology of the stone feature construction process during the Late Holocene and clearly demonstrates that further AMS radiocarbon dating of the materials from these features is necessary for better understanding of the timeline of their use. For example, dating results showed that some of the features associated with oval and ring-shaped forms were made throughout the wider time period, spanning from the 10 to 20th centuries AD.

Keywords: *radiocarbon dating, Late Holocene, Priol'khon'e, archaeological sites, stone features.*

Позднеголоценовые погребения и каменные конструкции, ассоциируемые с жертвенными или ритуальными объектами, часто встречаются на территории Приольхонья (западное побережье оз. Байкал) и не раз широко обсуждались исследователями [Асеев, 1980; Дашибалов, 1995; Павлуцкая, 1990; Харинский, 2001]. Одним из актуальных вопросов является их датирование. Из всех археологических объектов региона каменные кладки особенно сложно датировать и культурно идентифицировать в связи с частым отсутствием в них материалов или наличием недиагностичных для хронологических построений изделий. В тоже время типологическое датирование находок из железа и фрагментов керамики позволяет отнести подобные конструкции к широкому периоду на протяжении всего I тыс. н.э. (особенно к его второй половине), что подтверждено единичными радиоуглеродными датами [Харинский, 2001]. Тем не менее, большинство позднеголоценовых комплексов остаются недатированными, поэтому новые радиоуглеродные даты представляют несомненный интерес для исследователей.

Цель предлагаемой работы – обсуждение семи новых AMS-радиоуглеродных дат, полученных по костям животных из шатровой конструкции Хужир-Нугэ XII, плоских каменных кладок Хужир-Нугэ VII, Саган-Нугэ III, Шракшура I и Базарная II, овальной сплошной конструкции Базарная XI, а также погребения № 2 могильника Антахой II (Шидинский Мыс II) (см. *рисунок*). Эти комплексы открыты и раскопаны в разные годы отрядами Иркутского государственного университа и Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии

*Работа выполнена при поддержке гранта SSHRC (проект № 430-2012-0099).



Карта-схема расположения каменных конструкций позднего голоцена в Приольхонье.

ИАЭТ СО РАН (под руководством О.И. Горюновой и В.В. Павлуцкой). Полное описание конструкций и найденного материала представлено в публикациях [Номоконова, 2002; Номоконова, Горюнова, 2013]. Радиоуглеродные даты анализируются впервые.

Результаты радиоуглеродного датирования суммированы в представленной ниже таблице. Полученные даты калиброваны по двум сигмам (95,4 % вероятности) с использованием программы Calib 7.0.1 по базе данных IntCal13 [Reimer et al., p. 2013]. Хронологические рамки по всем датировкам попадают в промежуток со второй половины VI в. до этнографической современности.

Одной из ранних каменных конструкций среди датируемых объектов является шатровая кладка № 2 Хужир-Нугэ XII, которая относится ко второй половине VI–VII в. Полученная дата соответствует предложенным хронологическим рамкам существования подобных конструкций: VI–XII вв. [Номоконова, 2002]. Результаты радиоуглеродного датирования позволяют определить более узкий период сооружения данной кладки и привязать найденные в ней материалы (астрагал и фалангу нерпы, фрагмент ребра небольшого парнокопытного, сосуд закрытой баночной формы с плоским дном и гладкой поверхностью без орнамента) к этому же периоду.

Результаты AMS-датирования комплексов каменных конструкций позднего голоцена Приольхонья

Комплекс	Тип конструкции	Номер кладки	Видовая принадлежность кости	Лабораторный номер	Дата (л.н.)	Калиброванная дата (гг. н.э., 2 сигмы)
Хужир-Нугэ XII	шатровая	2	копытное	Beta-335120	1470±30	550–650
Хужир-Нугэ VII	плоская сплошная	6	копытное	Beta-335115	1070±30	900–1020
Саган-Нугэ III	плоская сплошная	1	копытное	Beta-335122	630±30	1290–1400
Антахой II	погребение	2	баран	Beta-335119	600±30	1300–1410
Базарная XI	овальная сплошная	–	лошадь	Beta-335121	350±30	1460–1640
Шракшура I	плоская сплошная	2	копытное	Beta-335118	320±30	1490–1650
Базарная II	плоская кольцевая	5	копытное	Beta-335116	190±30	1650–совр.

Радиоуглеродное датирование комплексов плоских каменных конструкций Хужир-Нугэ VII, Саган-Нугэ III, Шракшура I и Базарная II показало: их сооружали в Приольхонье на протяжении широкого хронологического периода – с X до середины XX в. н.э. [Номоконова, Горюнова, 2013]. По датированию этих конструкций отмечены три основных среза.

1. Плоские сплошные конструкции (см. *таблицу*). Наиболее ранняя из них представлена на памятнике Хужир-Нугэ VII и датируется X – началом XI в.

2. Плоские сплошные кладки Саган-Нугэ III и Шракшура I датируются XIII–XIV и концом XV – серединой XVII в.

3. Плоские кольцевые сооружения комплекса Базарная II относятся к наиболее поздним кладкам, судя по радиоуглеродной дате – середина XVII–XX в.

Таким образом, даты, полученные для комплексов плоских сплошных кладок, существенно расширили сложившиеся представления о времени сооружения подобных конструкций, а найденные в них материалы типологически схожи. Они представлены остатками сосудов с ногтевыми вдавлениями и налепными валиками, изделиями из железа, шлаком и крицей, а также многочисленными костями домашних и диких животных – овец, коров, лошадей, собак, нерп, косуль и нескольких видов рыб.

Одним из наиболее интересных результатов радиоуглеродного датирования стала дата для комплекса Базарная XI, представляющего собой овальную сплошную конструкцию с остатками нескольких костей нижних конечностей лошади и антропоморфной фигуркой из железа. Хронологическое определение данного материала было затруднено в связи с уникальностью изображения и широкой встречаемостью костей лошади в комплексах железного века и этно-исторического периода Прибайкалья. Нами предложена предварительная дата для этого комплекса – XVII–XIX вв. Радиоуглеродная дата (см. *таблицу*) позволила уточнить хронологическое определение в рамках середины XV–XVII в.

Дополнительно нами получена дата по большой берцовой кости барана из погребения № 2 могильника Антахой II (Шидинский Мыс II), отнесенного к раннемонгольскому периоду. Захоронения человека с костью барана на территории Приольхонья – редкое явление по сравнению с Забайкальем [Асеев, 1980; Батракова и др., 2011; Харинский, 2001]. В связи с этим новые даты для подобных погребений представляют несомненный интерес. Радиоуглеродное датирование показало, что захоронение человека с большой берцовой костью барана относится к началу XIV–XV в. Это позволило уточнить ранее предложенные хронологические рамки комплекса в пределах XII–XIV в. [Батракова и др., 2011].

В целом, радиоуглеродное датирование комплексов каменных кладок позднего голоценах Приольхонья внесло много нового в понимание хронологических построений для шатровых и плоских конструкций, уточнило и существенно расширило рамки их существования. Появилась возможность датировать комплекс с интересной антропоморфной фигуркой, найденной вместе с костями конечностей лошади, и подтвердить использование большой берцовой кости в погребальном обряде населения Приольхонья в раннемонгольское время. Результаты исследований доказали необходимость продолжать радиоуглеродное датирование археологических объектов позднего голоцена Приольхонья.

Список литературы

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). – Новосибирск: Наука, 1980. – 149 с.

Батракова Н.А., Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Новые данные по погребальной практике раннемонгольского времени Приольхонья (по материалам могильника Шидинский Мыс II) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 404–410.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.

Номоконова Т.Ю. Комплекс шатровых сооружений Хужир-Нугэ XII (оз. Байкал) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск: ОмГУ, 2002. – С. 436–438.

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Плоские каменные жертвенники Приольхонья (оз. Байкал) // Изв. ИГУ. Сер. геоархеология, этнология, антропология. – 2013. – № 2 (3). – С. 93–111.

Павлуцкая В.В. Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников (по материалам могильников XI–XIX вв.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1990. – 16 с.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2001. – 238 с.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidison H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T., Hoffmann D.L., Hogg A., Hughen K.A., Kaiser K., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C., Plicht, J. IntCal13 AND Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. – 2013. – № 55. – P. 1869–1887.

УДК 903.52+543.52

Т.И. Нохрина[1, 2], Т.А. Чикишева[1], А.В. Зубова[1], Я.В. Кузьмин[3], Г.В.Л. Ходжинс[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт геологии и минералогии СО РАН
[4]Аризонский университет, США
E-mail: nohrina@archaeology.nsc.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО НИЗКОМУ ПЕРЕХОДУ ИЗ ИГНАТИЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ*

Статья посвящена антропологическим находкам из Игнатиевской пещеры. В 1982 г. в Низком переходе пещеры В.Т. Петрин обнаружил останки четырех индивидов: двух детей 5–7 и 4–5 лет, женщины 15–20 лет и мужчины 35–45 лет. Наибольшую информацию диагностического характера дали верхние постоянные моляры детей, сочетание признаков которых позволили предположить связь автохтонных одонтологических комплексов лесной полосы Восточно-Европейской равнины и лесостепи Западно-Сибирской равнины. Календарный возраст находок (XVI–XV в. до н.э.) показал, что они не связаны ни с одним археологическим комплексом, самый ранний из которых может быть датирован концом верхнего палеолита, а самый ранний из голоценовых – XI–X вв. до н.э.

Ключевые слова: *Южный Урал, Игнатиевская пещера, Низкий переход, антропология, первая AMS ^{14}C дата.*

In 1982, V.T. Petrin conducted systematic study of the Ignatievskaya Cave, and in the Low Passage area human remains were found. They belong to four individuals: two children (5–7 and 4–5 years old), a female (15–20 years old), and a male (35–45 years old). The most diagnostic skeletal parts were upper permanent molars of children; combination of traits allowed us to establish the connection with the autochthonous populations of the forest zone of East European Plain and forest steppe zone of the West Siberian Plain. Calendar age of human remains (16–15-th centuries B.C.) shows that these finds are not associated with any archaeological complexes of the cave, the earliest of which is dated to the end of Upper Paleolithic, and the latest to the 11–10-th centuries B.C.

Keywords: *Southern Urals, Ignatievskaya Cave, Low Passage, anthropology, the first AMS ^{14}C date.*

Игнатиевская пещера (Катав-Ивановский р-н Челябинской обл.) известна как верхнепалеолитическое святилище [Петрин, 1992]. Пещера условно поделена на три зоны: святилище (Большой и Дальний залы), «переходная зона» (Низкий переход, Основной коридор), внешняя зона (Входной грот, Входной коридор). Элементы святилища – настенные изображения, выполненные красной и черной краской, негативы древних сколов на стенах пещеры, культурные слои. Настенные изображения и сколы на стенах расположены в глубине пещеры (Большой и Дальний залы). Культурные слои разделяются на две группы: 1) слой посещений в глубине пещеры; 2) слой Входного грота и Низкого перехода. Культурные остатки из Входного грота и Низкого перехода представляют собой разновременные материалы, относящимися ко времени функционирования святилища и более поздним эпохам (от бронзового века до средневековья) [Петрин, 1992, с. 140, 141; Шорин, 1992, с. 198–205].

Длина Низкого перехода составляет 10 м, а высота – от 1,5 до 1 м. Наибольшая освещенность наблюдается в утренние часы, когда солнце находится напротив входа. Судя по выбросу в Основном коридоре, а также профилю раскопа IV, расположенному у северной стенки прохода, пол в Низком переходе был углублен примерно на 0,4 м еще в древности [Петрин, 1992, с. 17]. С Низким переходом и прилегающей к нему частью Основного коридора связаны практически все антропологические находки Игнатиевской пещеры.

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 13-04-00070).

Антропологические останки (небольшой череп и кости) в Низком переходе обнаружены П.С. Паллас во время посещения пещеры в XVIII в. [1786]. В начале XX в. на поверхности Низкого коридора и прилегающих к нему участках С.И. Руденко нашел обломок черепа, нижнюю челюсть, крестец и другие кости двух взрослых индивидов и одного подростка [1914]. В 1982 г. во время планомерного изучения Игнатиевской пещеры В.Т. Петрин в Низком переходе на поверхности нашел череп человека. В заложенном здесь раскопе IV тоже обнаружены антропологические останки [Петрин, 1992, с. 85, 97]. Приведем антропологическое описание этих находок.

Сбор с поверхности в Низком переходе. От черепа ребенка 5–7 лет со значительными посмертными разрушениями сохранились: фрагмент лицевого отдела (верхняя челюсть без правого лобного отростка, обе скуловые кости, небольшой фрагмент лобной кости над правой глазницей), а также фрагменты мозгового отдела, поврежденные посмертно (затылочная кость без левой половины основания, каменистые отделы правой и левой височной кости, фрагменты теменных костей). Особенностью черепа является начавшаяся облитерация ламбдоидного шва и полная облитерация правого теменно-сосцевидного шва. При последующем росте до взрослого состояния это могло привести к деформации черепа. На момент смерти появились лишь изменения внутреннего рельефа в результате повышения внутричерепного давления. Более того, участки т.н. «пальцевых вдавлений» в нижнем отделе правой теменной кости деструктурированы и истончены. Это может быть связано с воспалительными процессами, протекавшими в мозговых оболочках данного индивида (менингитом, арахноидитом). Возможно, причиной смерти ребенка была менингиальная инфекция.

Среди признаков нормального антропологического комплекса обращает на себя внимание большая высота орбиты – 36,3 мм (размер взят по более сохранной правой стороне). Этот размер не изменился бы в дальнейшем при росте черепа.

Смена молочных зубов постоянными только началась: оба M^1 находятся в стадии прорезывания; не сформированы ячейки резцов и клыков постоянной смены, в соответствующих альвеолах находятся молочные моляры. Оба M^1 имеют четырехбугорковую форму без признаков редукции гипоконуса. Гипоконус левого моляра заметно крупнее, чем правого. Метаконусы обоих зубов превосходят по размерам параконусы. Правый M^1 прорезался чуть больше левого, обнажив лингвальную поверхность протоконуса, на которой хорошо заметен бугорок Карабелли, описываемый баллом 3. На этом же зубе присутствует лирообразный вариант первой борозды параконуса, чаще отмечающийся в монголоидных популяциях. На обоих первых молярах отмечены дополнительные бугорки мезиального края. Первая борозда протоконуса на правом моляре впадает в центральную ямку, а на левом – в фиссуру III. Соотношение хода первых борозд метаконуса и параконуса на обоих зубах имеет тип 1, что свойственно западным вариантам одонтологических комплексов. Редукция гипоконуса на вторых верхних молярах оценивается баллом 4. Здесь также присутствуют дополнительные мезиальные бугорки. Другие дополнительные элементы коронки отсутствуют.

Находки из раскопа IV ((верхний слой горизонта 1, участок Б/1). 1. Изолированный верхний левый первый моляр ребенка 4–5 лет. Комплекс признаков, наблюдаемый на этом зубе, очень похож на выявленный у первого погребенного: тоже отсутствуют редукционные изменения гипоконуса и метаконуса, есть бугорок Карабелли (балл 2). Одонтоглифические варианты, зафиксированные на данном зубе, относятся к категории признаков, которые могут встречаться как в пределах западных, так и в пределах восточных одонтологических комплексов. Первая борозда протоконуса впадает в центральную ямку. Соотношение хода первых борозд метаконуса и параконуса относится к типу 2. Первая борозда параконуса имеет прямую форму. На зубе отмечен дополнительный дистальный бугорок.

2. Дистальная треть левой малой берцовой кости взрослого мужчины.

3. Головка лучевой кости взрослого человека.

4. Дистальная треть правой лучевой кости взрослого мужчины.

5. Проксимальная фаланга 2, средние фаланги 4 и 5 пальца кисти взрослого индивида (возраст *Adultus*, грацильность костей предполагает женский пол).

6. Проксимальная фаланга 5 пальца стопы взрослого индивида (возраст *Adultus*, грацильность костей предполагает женский пол).

7. Левый верхний первый премоляр молодого субъекта (15–20 лет; миниатюрность коронки и корней предполагает женский пол). Полная высота зуба составила 19,4 мм, высота коронки 7,4 мм, VL 8,2 мм, MD 6,5 мм 13,0.

8. Фрагмент верхней челюсти взрослого человека. Прижизненной утраты зубов не было. Найденный фрагмент имеет только альвеолярный отросток. Ширина альвеолярного отростка 64 мм, а длина –53 мм; ширина неба 32 мм, а длина – 47,5 мм. На небных костях хорошо выражен валик (*torus palatinum*): балл 2. Лобные и скуло-

Результаты AMS ^{14}C-датирования антропологического материала из Игнатиевской пещеры (Низкий переход)

Шифр лаборатории	Материал для датирования	^{14}C возраст (BP)	δ^{13}C (‰)	Выход коллагена (%)	Выход углерода (%)	Калиброванная дата (гг. до н.э.)
AA 90657	кость человека, детский череп	3200 ± 45	–21,0	3,6	42,0	1510–1430
AA 90656	кость взрослого человека	–	–	0,3*	26,0	–

*В связи с очень малым выходом коллагена датирование не проводилось.

вые отростки отсутствуют. На месте корня правого скулового отростка имеется рубленый след. Внутренняя поверхность альвеолярного отростка темного цвета (возможно, это следы огня). Крупные размеры фрагмента позволяют предположить, что он принадлежал мужчине. Стертость зубов до появления больших участков дентина свидетельствует о возрасте индивида в интервале 35–45 лет. К антропологическим особенностям относится узкое носовое отверстие (ширина 24,3 мм) и нижний его край в форме предносовых ямок.

Верхний первый правый резец у данного индивида выбит или выломан при жизни, но незадолго до смерти, поскольку альвеола с оставшимся фрагментом корня не успела облитерироваться, но на корне наблюдаются отложения, предшествующие формированию зубного камня. Правый латеральный верхний резец лопатообразной формы; лингвальная ямка разделена короно-радикулярной бороздой. Первый левый премоляр имеет форму 1, вторые премоляры – форму 3. Оба первых премоляра имели двухкорневое строение, а третьи верхние моляры – трехкорневое.

На зубах отмечены множественные патологии. Во-первых, наблюдается заметная резорбция костной ткани альвеолярного края, связанная с нарушением питания тканей пародонта. Практически на всех зубах присутствуют крупные сколы эмали на вестибулярных краях жевательных поверхностей, связанные с механическим повреждением. Наблюдается мощное отложение зубного камня, но кариес отсутствует, что может свидетельствовать о низкой доле углеводов в рационе.

Подводя итог описанию фрагментарных останков людей, можно сделать заключение, что они относятся к четырем индивидам: детям 5–7 и 4–5 лет, женщине 15–20 лет и мужчине 35–45 лет. Наибольшую информацию диагностического характера дали верхние постоянные моляры детей, сочетание признаков которых позволяет предположить связь автохтонных одонтологических комплексов лесной полосы Восточно-Европейской равнины и лесостепи Западно-Сибирской равнины.

Для установления возможной связи антропологических находок с археологическим материалом проведено прямое ^{14}C-датирование кости из раскопа IV и черепа, обнаруженного на поверхности в Низком переходе, методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Результаты датирования приведены в *таблице*.

Таким образом, датированные антропологические находки из Низкого перехода не связаны ни с одним археологическим комплексом – позднепалеолитическим или голоценового времени. По мнению А.Ф. Шорина, не исключена возможность датирования наиболее раннего культурного комплекса, к которому отнесены фрагменты глиняной посуды межовского типа (XI–X вв. до н.э.) [1992, с. 198–201].

По всей видимости, захоронения в гротах и пещерах в горно-лесной части Урала имеет устойчивую традицию, которая фиксируется с эпохи неолита, а, вероятно, и ранее.

Список литературы

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1786. – Ч. 2, кн. 1. – 657 с.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 207 с.

Руденко С.И. Лаклинская и Игнатиева пещеры Южного Урала // Тр. О-ва землеведения при Имп. СПб. ун-те. – 1914. – Т. 3. – С. 1–15.

Шорин А.Ф. Приложение 11. Археологические материалы позднего времени (бронзовый век – средневековье из Игнатиевской пещеры // В.Т. Петрин. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 198–205.

УДК 902.2

Д.В. Папин[1 2], А.А. Редников[1], А.С. Федорук[1], Я.В. Фролов[1], Д.В. Черных[3], Р.Ю. Бирюков[3]

[1]Алтайский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]Институт водных и экологических проблем
E-mail: papindv@mail.ru

АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ПИКЕТ*

В статье подводятся итоги исследования городища Пикет, расположенного в предгорной зоне Алтая. Рассматривается хронология и культурная принадлежность памятника. Геофизические работы показали наличие сложной структуры городища.

Ключевые слова: *Алтай, городище, переходное время от бронзы к железу, геофизика, керамика.*

The article is summarized the research of Picket settlement, located in the foothills of the Altai. Its history and cultural identity were determined as a conclusion. Geophysical survey showed the presence of the complex structure of the settlement.

Keywords: *Altai, fortified settlements, a time of transition from bronze to iron, geophysics, ceramics.*

Городище Пикет расположено на юго-западной окраине с. Сростки Бийского района и занимает площадку на правой береговой террасе (высота до 50 м) р. Катуни, на восточном мысовом выступе горы Пикет. С трех сторон памятник ограничен крутым склоном. Площадь городища составляет до 1,5 га. Склон имеет выпуклую форму: верхняя часть более пологая, нижняя – крутая. Поверхностные отложения представлены покровными лессовидными суглинками. На городище обнаружено 86 жилищных западин размером от 4 × 5 до 13 × 14 м и глубиной 0,4–8,0 м. Архитектурная организация застройки выражена четко. С напольной стороны городище огибает ров шириной до 7 м и глубиной до 1,3 м. Жилищные западины располагаются вдоль мыса, по направлению запад – восток, концентрируясь в центральной части памятника.

Хотя материалы памятника широко используются в научной литературе, археологические раскопки ранее здесь не производились. Коллекция Бийского краеведческого музея сформирована из подъемных материалов С.М. Сергеева. Памятник не раз посещался археологами. В полевые сезоны 2011–2012 и 2014 гг. раскапывался аварийный участок, разрушаемый оврагом [Кирюшин и др., 2011]. Площадь раскопа составила 118 м^2. Выявлен котлован конструкции площадью 88 м^2 (рис. 1). Максимальная глубина исследованной части котлована составила 1,9 м от дневной поверхности. Жилище имело подпрямоугольную форму (11 × 8 м) и, видимо, представляло собой строение земляночного типа со скатной крышей. Выход располагался в южной части с ориентацией в сторону р. Катуни. В центре располагался очаг округлой формы (диаметр 1,6 м), обложенный крупной галькой из катунского аллювия. В очаге найдены кальцинированные кости. В восточной, северо-восточной и юго-западной частях жилища обнаружены сгоревшие деревянные плашки и прокалы. Возможно, это было перекрытие (крыша) данного сооружения. Столбовые ямки округлой формы располагаются как по периметру жилища, так и с юга на север, образуя при две цепочки. Ямки, входящие в цепочку, имеют диаметр 0,2–0,4 м и глубину 0,5–0,7 м. Это могли быть деревянные опоры для крыши сооружения (рис. 1, *1*).

Находки представлены обломками керамики, развалами сосудов и фрагментами камня, в т.ч. со следами утилизации. Керамический комплекс включает сосуды двух типов (рис. 1, *2–5*). Первый тип наиболее массовый: крупные плоскодонные профилированные сосуды горшкообразной формы, в

*Работа выполнена в рамках государственного задания «Использование естественнонаучных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности» (проект № 1006).

подавляющем большинстве случаев орнаментированные двойным рядом «жемчужника» с разделителем в виде наклонных отпечатков штампа или подтреугольных вдавлений, иногда перемежающихся с сеткой, ёлочкой, наклонными отпечатками штампа. Своеобразным индикатором изделий данного типа является оформление: срез венчика выполнен наружу и украшен наклонными отпечатками штампа. Сосуды второго типа – полусферические чашки без орнамента или декорированные горизонтальными линиями и сеткой. Такая орнаментальная схема широко распространена среди раннескифских древностей Бие-Катунского междуречья. Городище можно отнести к кругу памятников большереченской культуры переходного времени [Абдулганеев, Папин, 1999, рис. 2].

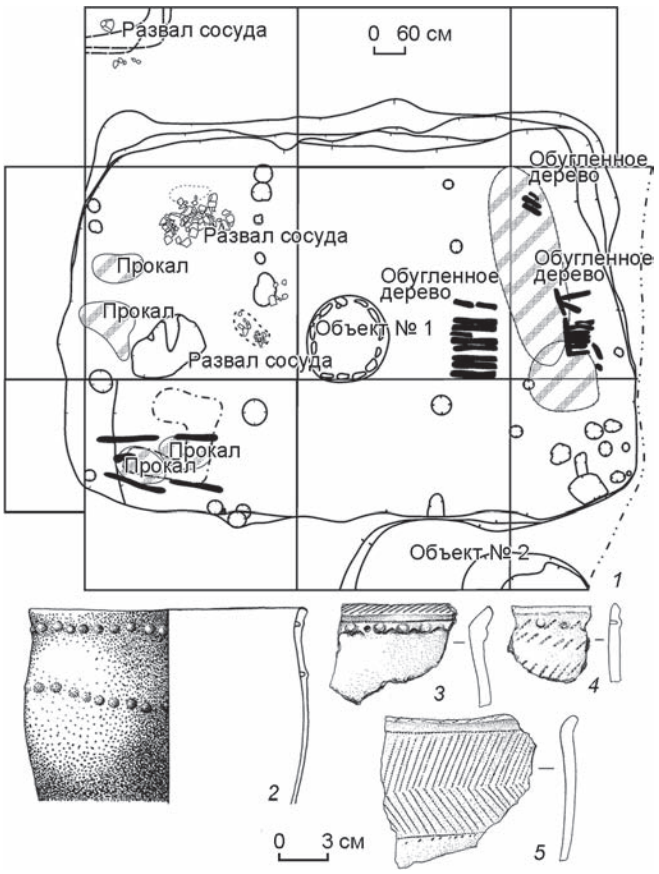


Рис. 1. План раскопа (*1*) и керамика (*2–5*) городища Пикет.

С целью проведения предварительной идентификации и выявления структур археологического объекта (городища), имеющего визуально выраженные в рельефе признаки, до начала раскопок проведено исследование методом электромагнитного частотного зондирования с применением аппаратурно-программного комплекса ЭМС (разработан в лаборатории электромагнитных полей Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН). Аппаратура обладает характеристиками, позволяющими различать вариации удельной электрической проводимости, вызванные небольшими контрастными объектами. Прибор помогает быстро строить карты, разрезы и другие распределения сигнала, пропорционального удельной электропроводности грунта. Измерения проводились на четырнадцати частотах (первая характеризует наибольшую глубину – порядка 10 м, а четырнадцатая – наименьшую). Исследование аппаратурой ЭМС выполнялось по единой с геодезической съемкой разметке территории памятника. Аппаратура переносилась оператором вдоль натянутых шнуров, а измерения выполнялись равномерной сеткой. Чтобы выявить оптимальные параметры съемки, работы проводились в разные сезоны (два выезда: вторая декада мая и вторая декада июля) и с различным шагом (в узлах равномерной сетки с шагом 1 × 1 и 2 × 2 м). Съемка велась на четырех площадках (рис. 2).

Из данных, полученных при обработке по четырем отдельным площадкам, в системе Golden Software Surfer 10 создана мозаика, что позволило в дальнейшем работать с полным и единым массивом данных. Выполнены картосхемы распределения кажущегося удельного электрического сопротивления (КУЭС) для всего полигона в единой шкале и для каждой частоты (глубины). Для наглядности и удобства интерпретации на схемы наложены данные топографической съемки.

В результате проведенных работ отмечена хорошая согласованность в изменении характеристик КУЭС с микрорельефом. Для подавляющего большинства понижений фиксируется направленное уменьшение значений КУЭС по направлению к центру. Данная тенденция прослеживается на всех частотах. Ее можно объяснить увеличением влажности грунтов в понижениях за счет дополнительного натечного увлажнения. Для понижений № 41 и 47 в центральной части характерны незначительные положительные аномалии КУЭС. Одним из возможных объяснений данной ситуации может быть расположение здесь объектов с низкой электрической проводимостью. В северной части площадки 3, на участке с невыраженным микрорельефом, на всех частотах фиксируются расположенные рядом значительные положительная и отрицательная аномалии значений КУЭС. Нельзя исключать, что данные аномалии в условиях однородной среды могут объясняться наличием крупного объекта антропогенного происхождения (не исключено, что современного). Концентрический рисунок изолиний КУЭС, аналогичный тому, что имеется в пределах, выраженных в рельефе понижений, представлен

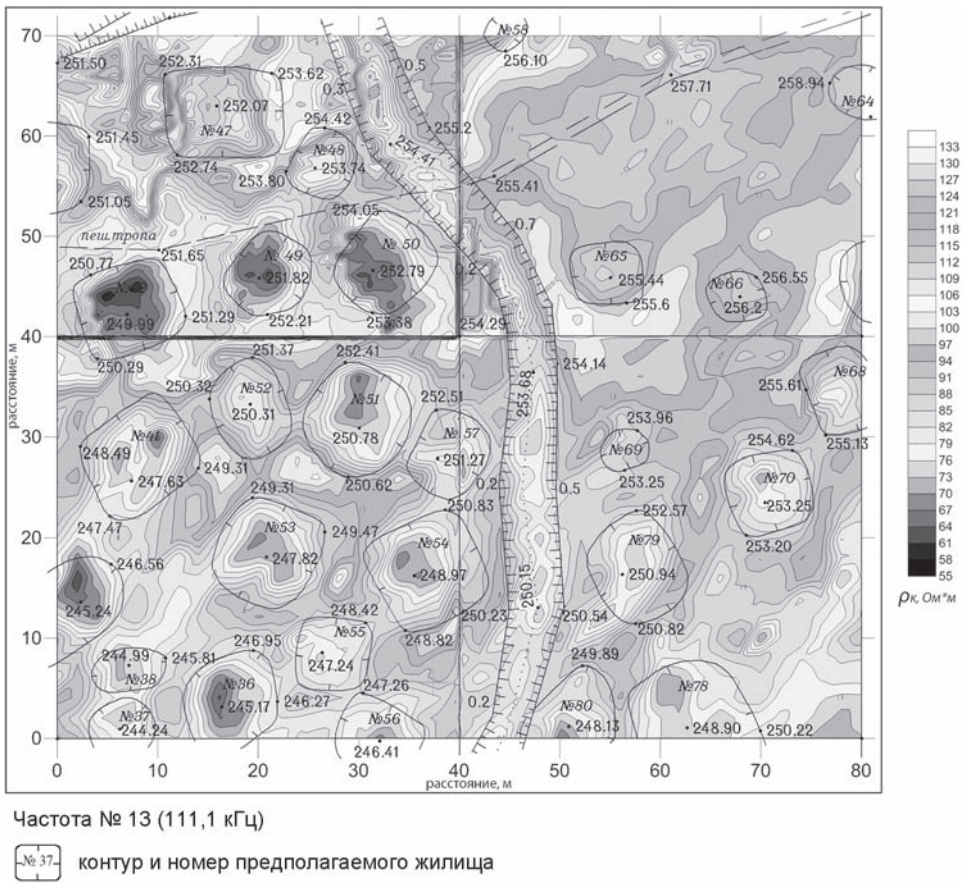


Рис. 2. Результаты геофизического исследования городища Пикет.

на отдельных участках вне таких форм: в верхнем левом (северо-западном) углу площадки 1, в нижнем правом (юго-восточном) углу площадки 4. Возможно, к данным участкам тоже приурочены археологические объекты (см. рис. 2).

Исследования позволили сделать следующие выводы. По особенностям керамического комплекса время существования городища Пикет надежно датируется поздним этапом большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Похожие по конструктивным особенностям жилища находятся в кругу памятников бийского типа [Абдулганеев, Папин, 1999]. Геофизические работы показали структуру памятника, обусловленную наличием фортификационных сооружений, сложных конструкций и протяженностью городища.

Возникновение системы фортификационных сооружений в междуречье Бии-Катуни напрямую связанно со сложной военно-политической ситуацией, сложившейся в алтайской лесостепи в переходное от бронзы к железу время [Папин, 2007]. Факты указывают на проникновение отдельных групп раннескифского населения с западных территорий в долину р. Оби. Дополнительным фактором являлось проникновение носителей «крестовой орнаментации» с севера. Скорее всего, такие городища, как Пикет, Березовка, Солонцы III и Усть-Иша IIIа, оставлены населением, вытесненным из алтайского Приобья на юг, в предгорную часть Алтая, на финальном этапе переходного периода от эпохи бронзы к железному веку [Абдулганеев, Папин, 1999].

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катуни // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 5–13.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Археологическое изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века Алтайского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итог. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 165–170.

Папин Д.В. Особенности расположения памятников рубежа бронзового и железного веков на территории Алтайского Приобья // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. – С. 121–125.

УДК 902.01

А.С. Пилипенко[1], Г.В. Кубарев[2], В.И. Молодин[2], С.В. Черданцев[1], Р.О. Трапезов[1]

[1]Институт цитологии и генетики СО РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

ГЕНОФОНД МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК ДРЕВНЕТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ (первые результаты)*

В статье обсуждаются первые данные по структуре генофонда митохондриальной ДНК (мтДНК) древнетюркского населения Алтая. Особенности выявленного состава линий мтДНК в генофонде древних тюрков Алтая рассматриваются в контексте проблемы их генетических истоков. Проводится сравнение с предшествующими популяциями, традиционно рассматриваемыми в качестве потенциальных источников тюркского населения (скифо-сибирские группы и хунну). Обозначены сходство и отличия древних тюрков от предшествующих групп населения Центральной Азии. Отмечено усиление роли восточно-евразийского компонента генофонда мтДНК, по-видимому, связанное с влиянием населения восточных и южных (относительно Алтая) районов континентальной Азии.

Ключевые слова: *палеогенетика, митохондриальная ДНК, древние тюрки, Горный Алтай, раннее средневековье.*

The article was devoted to the discussion of the first data on variability of mitochondrial DNA (mtDNA) pool of the Altai ancient Turkic population. Peculiarities of the mtDNA lineage pattern are considered in the context of genetic roots of ancient Turkic populations. A comparison with preceding populations traditionally regarded as a potential source of ancient Turkic population (Scythian-Siberian groups and Xiongnu) was conducted. Similarities and differences between ancient and preceding populations of Central Asia were ascertained. An increased role of East-Eurasian components od the mtDNA pool were was shown, that apparently associated with genetic influence of the populations from more eastern and southern regions of Asia.

Keywords: *paleogenetics, mitochondrial DNA, ancient Turks, Altai Mountains, the early Middle Ages.*

Актуальность всестороннего изучения этногенеза и ранней истории древних тюрков определяется их значительным влиянием на кочевые и оседлые племена большей части евразийского степного пояса. Особый интерес представляет изучение материалов древнетюркской эпохи Алтая, с территорией которого в значительной степени связаны ранние этапы формирования древних тюрков. Актуальным аспектом исследования древнетюркских материалов является получение палеогенетических данных о носителях культуры древних тюрков Алтая. Это позволит реконструировать их связи с другими древними группами населения Евразии, найти истоки происхождения и оценить характер культурного и генетического влияния на население обширных территорий евразийских степей.

В данной работе обсуждаются первые результаты исследования вариабельности линий мтДНК в генофонде древнетюркского населения Алтая. В исследование включены палеоантропологические материалы 15 представителей раннетюркского населения из следующих археологических памятников Алтая: Ак-Кообы-3, Барбургазы-3, Бертек-34, Балык-Соок-1, Джолин-1, Кальджин-8, Талдуаир-1, Юстыд I, XII, XIV и XXIV. Датировка исследованных погребальных комплексов укладывается в рамки VI–IX вв. Образцы, взятые для палеогенетического анализа, представлены зубами. Экспериментальная часть работы выполнена на базе Межинститутского сектора молекулярной палеогенетики ИЦиГ СО РАН и ИАЭТ СО РАН. Описание экспериментальных методов

*Работа выполнена в рамках гранта РФФИ (проект № 13-06-00344).

опубликовано [Пилипенко, Молодин и др., 2011; Pilipenko et al., 2010].

Для 12 из 15 пятнадцати образцов, включенных в исследование, получены данные по последовательности первого гипервариабельного сегмента контрольного района мтДНК (ГВСI мтДНК) и определена филогенетическая принадлежность исследованных вариантов (для 2 образцов необходимо уточнение филогенетической принадлежности с помощью анализа структуры других участков мтДНК).

Результаты позволили заключить, что в генофонде мтДНК ранних тюрков Алтая доминировали варианты восточно-евразийского кластера мтДНК. В исследованной выборке обнаружен лишь один вариант мтДНК, относящийся к западно-евразийскому кластеру и предварительно отнесенный нами к гаплогруппе H (его филогенетическая принадлежность будет уточнена).

Доминирующий восточно-евразийский компонент серии представлен вариантами восьми гаплогрупп – A4, B4, C, F2a, M9 (M9a1a1), M* (M10, требуется уточнение гаплогруппы), N9a, Y. Можно констатировать, что исследованная серия характеризуется высоким уровнем разнообразия вариантов восточно-евразийского кластера гаплогрупп мтДНК. Представляет большой интерес сравнение древнетюркской серии образцов мтДНК с предшествующим скифо-сибирским населением Алтая (пазырыкская культура) [Gonzalez-Ruiz et al., 2012; Pilipenko et al., 2010], хунну Забайкалья [Пилипенко, Полосьмак и др., 2011] и Северной Монголии [Keyser-Tracqui et al., 2003] (использованы также неопубликованные данные авторов). Эти группы древнего населения (или родственные им популяции), хронологически предшествующие ранним тюркам, рассматриваются в качестве потенциальных источников происхождения, по меньшей мере, части раннетюркского населения.

Ранние тюрки Алтая отличаются от пазырыкского населения данной территории резким доминированием восточно-евразийских вариантов (и, соответственно, снижением доли западно-евразийских гаплогрупп мтДНК) в генофонде. Так, в большинстве исследованных к настоящему моменту пазырыкских серий не менее трети образцов относится к западно-евразийскому кластеру, преимущественно представленному гаплогруппами U2e, U5a, T и H. Таким образом, ранние тюрки Алтая демонстрируют существенное снижение общей частоты и разнообразия западно-евразийских гаплогрупп по сравнению со скифо-сибирскими популяциями. Восточно-евразийский кластер пазырыкских серий представлен преимущественно гаплогруппами A (A4, A8, A11), C и D. Некоторые из этих гаплогрупп (A4, C) присутствуют и в тюркской выборке. Гаплогруппа A4 наиболее представительна в исследованной нами серии (3 образца из 12). Отметим, что гаплогруппа A4 присутствовала в генофонде населения Горного Алтая уже в эпоху неолита [Пилипенко, Молодин и др., 2011]. Однако роль остальных восточно-евразийских гаплогрупп, которые составляли основу соответствующего компонента пазырыкского генофонда мтДНК, по-видимому, снижена в тюркской серии. Это касается гаплогрупп C (выявлена в одном тюркском образце) и D (не выявлена в серии ранних тюрков Алтая). Данный вывод носит предварительный характер ввиду низкой численности тюркской серии. В то же время, многие гаплогруппы, выявленные в генофонде ранних тюрков Алтая, отсутствовали (M9, M*(M10?), N9a) или мозаично представлены в пазырыкских сериях, суммарную численность которых (более 100 образцов) можно считать высоко репрезентативной для палеогенетического исследования.

Таким образом, ранние тюрки Алтая существенно отличаются от скифо-сибирского населения снижением доли западно-евразийских вариантов мтДНК в генофонде и усилением роли восточно-евразийских гаплогрупп при существенном изменении их состава. Можно предположить, что это изменение в структуре генофонда связано с проникновением в регион населения с преимущественно восточно-евразийским составом генофонда мтДНК с территорий, расположенных к востоку или югу от Алтая. Одной из таких групп могли быть хунну или генетически родственные им кочевые племена, влияние которых на население Алтая было велико в начале I тыс. н.э., т.е. в гунно-сарматское время. Из-за отсутствия достаточных палеогенетических данных о населении Алтая гунно-сарматского периода мы использовали в качестве сравнительного материала наши и опубликованные другими авторами данные по генофонду мтДНК хунну Забайкалья и Северной Монголии. В генофонде мтДНК хунну резко доминируют восточно-евразийские гаплогруппы. Однако их основу составляют гаплогруппы A4, C и D. Гаплогруппы B (B4, B5) и некоторые подгруппы M представлены единичными линиями. Разнообразие и соотношение различных гаплогрупп в серии ранних тюрков Алтая и хунну различается довольно существенно. Влиянием хунну или генетически близких им племен, по-видимому, может объяснить лишь часть специфических черт исследованной древнетюркской серии.

Предварительные результаты филогеографического анализа вариантов мтДНК, выявленных в тюркской серии Алтая, свидетельствуют о воз-

можном участии в формировании генетического состава популяций, проживавших в различных регионах современного Китая и прилегающих территориях. В частности, речь может идти о населении северных областей Китая и прилегающих районов Монголии и Дальнего Востока (Y1, N9a), а также о популяции Синьцзяна и Тибета (M9a1a1, M10, F2a). При имеющемся размере выборки ранних тюрков сложно оценить выраженность тех или иных направлений генетических связей. Более того, проникновение новых восточно-евразийских компонентов из удаленных центров их диверсификации, расположенных на востоке и юге от Алтая, могло осуществляться постепенно и опосредованно, через подвижные группы кочевников, населявшие регион в течение нескольких веков до возникновения ранних групп тюрков Алтая. Очевидно, в период существования ранних тюрков на Алтае новые для региона восточно-евразийские компоненты играли существенную роль в генофонде, а их носители – в составе населения Алтая этого периода.

Таким образом, формирование генетического состава ранних тюрков представляется сложным процессом, в котором могли принимать опосредованное или прямое участие многочисленные генетические компоненты восточно-евразийского происхождения, как связанные с предшествующими группами населения Алтая, так и с мигрантами из восточных и южных районов континентальной Азии.

Список литературы

Пилипенко А.С., Молодин В.И., Ромащенко А.Г. Митохондриальная ДНК женщины из пещеры Каминная (Горный Алтай) эпохи позднего неолита // Вавиловский журнал генетики и селекции. – 2011а. – Т. 15, № 4. – С. 633–643.

Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., П.Б. Коновалов П.Б., Журавлев А.А. Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 222–225.

Gonzalez-Ruiz M., Santos C., Jordana X., Simon M., Lalueza-Fox C., Gigli E., Aluja M.P., Malgosa A. Tracing the origin of the east-west population admixture in the Altai region (Central Asia) // PLoS ONE. – 2012. – Vol. 7.

Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Ludes B. Nuclear and mitochondrial DNA analysis of a 2,000 year-old necropolis in the Egyin Gol Valley of Mongolia // Am. J. Hum. Genet. – 2003. – Vol. 73. – P. 247–260.

Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Molodin V.I., Parzinger H., Kobzev V.F. Mitochondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia // Archaeol. Anthropol. Sci. – 2010. – Vol. 2, № 4. – P. 231–236.

УДК 903.531

С.Г. Скобелев[2], Ю.С. Худяков[1, 2], А.В. Выборнов[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: vb.anton@gmail.com

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК УНЮК (по материалам исследований 2013–2014 годов)*

Статья посвящена описанию средневекового могильника, который исследовался в 2013–2014 гг. на горе Унюк в Краснотуранском районе Красноярского края. Расположен могильник на возвышенностях хребта. Выделяются две курганные группы. В 2014 г. широким раскопом изучены два объекта. В одном кургане зафиксированы остатки трупосожжения на стороне. Разнообразный сопроводительный инвентарь включал изогнутый для погребения палаш, фрагменты седельной и ременной фурнитуры. В другом кургане зафиксировано нарушенное безынвентарное погребение по обряду трупоположения. Объекты связываются с енисейскими кыргызами и их кыштымами. Археологические предметы датируются в пределах монгольского времени. Вероятное время существования комплекса – XIV–XVII вв.

Ключевые слова: *Минусинская котловина, гора Унюк, позднее средневековье, енисейские кыргызы, кыштымы, погребения.*

A number of burial mounds were described on the mountain Unyuk in the Krasnoturansk district of Krasnoyarsk region during the field researches of 2013. The barrows are located on the hills of the ridge, by forming two burial groups. A wide excavation gave the opportunity to explored the two objects in 2014. One barrow contained the remains of cremation outside, accompanied by a variety of implements, including a curved broadsword, fragments of saddle and belt accessories. Another barrow was presented by the disturbed burial rite inhumation (without grave goods). Objects is associated with the Yenisei Kyrgyz and their Kyshtym respectively. Archaeological objects are dated broadly within the Mongol time. Probable dating of complex is XIV-XVII centuries.

Keywords: *Middle Yenisei, Minusinsk Hollow, mountain Unyuk, the late Middle Ages, Yenisei Kyrghyz, Kyshtym, burial.*

Вопросы истории юга Средней Сибири периода позднего средневековья и начала Нового времени, несмотря на наличие письменных источников русского и иностранного происхождения, решены недостаточно полно и доказательно. Проведение культурно-хронологической диагностики памятников, объектов и артефактов актуализирует противоречия, наблюдаемые в современных представлениях об этногенезе и социально-политической ситуации в Южной Сибири во II тыс. н.э. Выделенные эпохальные события и процессы средневековой истории региона опираются на письменные источники и лишь фрагментарно синхронизированы с археологическими объектами. В связи с этим, особое значение приобретает исследование памятников, упоминаемых в письменных источниках: можно установить относительную хронологию объектов различного типа. Такими памятниками являются археологические объекты на горе (хребте) Унюк на Енисее (Краснотуранский р-н Красноярского края). Наиболее значительный по размерам объект рассматривается как часть фортификационного сооружения. В учетной документации и научной литературе он известен как «крепостное сооружение Унюк» [Готлиб, Подольский, 2008, с. 37].

В 2013 г. авторами статьи на горе была проведена археологическая разведка, в ходе которой изучены остатки фортификационных сооружений, известных по письменным источникам и использовавшихся, в частности, в 1652 г. в ходе династической распри в доме Алтын-ханов [Фишер, 1774, с. 512–513]. При поиске погребальных объектов установлено наличие не менее пяти слабо выраженных каменных выкладок на южной оконечности горы, определенных нами как средневековый

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

могильник Унюк. Две группы сооружений расположены на высокой седловине и южном гребне горы. Они представляют собой пологие кольцевые выкладки из мелких и средних обломков плит девонского песчаника. Поверхность курганов интенсивно задернована. Две кладки нарушены, но тоже сильно задернованы, что может говорить о древности воздействия.

В 2014 г. на самой высокой седловине горы, где выделяется наибольшая по площади кладка кургана № 1 и практически незаметны на современной дневной поверхности курганы № 2 и 5, заложен раскоп широкой площадью, включившей курганы № 1 и 5. Изучены погребения по обряду трупосожжения и трупоположения.

Выбранные для исследования объекты находились на одной из самых высоких точек местности, в седловине между двумя возвышенностями горы. Отсюда открывается вид на устье и долину р. Сыда на севере и на долину Енисея на западе. Объекты тяготеют к западному склону седловины. По всем секторам выкладок и вблизи нее есть выходы девонского песчаника.

Курган № 1 – пологая кольцевая выкладка из мелких и средних обломков плит девонского песчаника (самые большие из них – до 0,7 м). В центре кургана есть западина округлой формы. В ходе зачистки каменной конструкции встречены фрагменты кальцинированных костей (в основном внутри кольца выкладки) и погребальный инвентарь.

Все находки зафиксированы в ходе снятия современного дерна и зачистки выкладки. Находились они на небольшой глубине, фактически в составе современного дерна или поверх и между камнями выкладки. Обнаружен 71 металлический предмет: несколько изделий из бронзы и металла белого цвета (вероятно, серебра), один биметаллический предмет (железный пробой с бронзовым упором), остальные находки – железные. На некоторых железных предметах есть следы серебряной аппликации. Сохранность находок различная. Много фрагментированных предметов. Их функциональное назначение в большинстве случаев понятно. Часть железных изделий в результате пребывания в погребальном костре покрыта окалиной. Выделены следующие категории находок: оружие, детали снаряжения, ременные аксессуары, фрагменты изделий неясного назначения, аморфные предметы.

Единственный предмет вооружения – палаш – обнаружен между камнями выкладки, поверх погребенного дерна, в северо-восточном секторе раскопа (см. *рисунок*). Специально для размещения в погребении палаш согнут единожды пополам.

Железный палаш из кладки кургана № 5 могильника Унюк (вид сверху).

Предмет имеет ладьевидное перекрестие, украшенное «елочным» орнаментом, и обойму для ножен.

Детали снаряжения относятся, видимо, к седельной фурнитуре (наиболее возможный вариант использования). Типичный фрагмент железной обоймы с гвоздиком представляет собой изогнутую пластину дугообразного сечения. В различных частях кладки и на разной глубине найдены 20 целых и 1 фрагмент железных гвоздей. Подавляющее большинство гвоздей имеют длину 13–19 мм, подквадратную в сечении, тонкую и изогнутую в результате использования ножку и полусферическую шляпку. Обнаружены также 6 железных петель и пробоев. Большинство пробоев имеют кольцо и фрагмент накладки. В ряду находок данной категории выделяется железный пробой с бронзовым упором круглой формы, украшенный пуансонным орнаментом по краю окружности.

Ременные аксессуары представлены фрагментом пряжки и железным тренчиком для узкого (шириной не более 20 мм) ремня, а также накладками, которые отличает наличие заклепок, определяющих толщину основы крепления (до 3–4 мм). Накладки разные по материалу изготовления и соответствующей морфологии. Бронзовые и серебряные фрагменты пряжки имеют ширину 13 и 18 мм, а толщину 0,5 мм. Отверстие для крепления выполнено по центральной оси у окончания. По краю есть украшение в виде плотного ряда «жемчужин». В сечении пластина волнообразная. Железные накладки представлены фрагментом «рыбовидной» пластины с раздвоенным окончанием, а также вытянутой пятиугольной и «четырехлепестковой» пластинами.

Найдены железные кольцо и несколько фрагментов прямоугольных пластин, а также мелкие застывшие капли бронзы и серебра: вероятно, расплавленные в погребальном костре бронзовые или

серебряные изделия, участки серебряной инкрустации железных предметов.

Расширение раскопа в восточном направлении позволило обнаружить малозаметную на современной дневной поверхности кладку кургана № 5 (погребение по обряду трупоположения). Костяк обнаружен под северной частью выкладки, на границе небольшой центральной западины, на глубине несколько более 0,2 м. В анатомическом сочленении сохранились тазовые кости, крестец, четыре нижних позвонка, нижние конечности без ступней, локтевые и лучевые кости, лежавшие на тазе. Остальная часть скелета фрагментирована и перемешана в небольшом скоплении. Отдельные кости пальцев расположены вдоль нижних конечностей. Сохранившиеся непотревоженными кости нижних конечностей свидетельствуют, что погребенный был уложен на спину, головой на юго-запад. В кургане и погребении отсутствовал сопроводительный инвентарь. Условия залегания останков погребенного предварительно позволяют судить о нарушении целостности вследствие разрушения покрывавшей верхнюю часть туловища каменной кладки. При этом можно предположить стремление оставить его кости в пределах кургана.

Таким образом, на средневековом могильнике Унюк изучены два кургана. Погребение по обряду трупосожжения на стороне, сопровождавшееся погребальным инвентарем позднемонгольского времени, следует датировать XIV–XVII вв. Эта перекрестная датировка опирается на найденный здесь палаш, использование которого может быть отнесено к XII–XIII вв., и накладки с рядом «жемчужин», имевшие хождение после XV в. Обширная хронология отражает сложность периодизации археологических материалов позднего средневековья Минусинской котловины [Кызласов, 1983, с. 64–70]. Продолжение изучения каменных выкладок и фортификационных сооружений на горе Унюк позволит точнее соотнести письменные и археологические источники событий, связанных с осадой крепости Алтын-ханом. Данный объект явно существовал и до этого. В рамках изучения социальных отношений особое внимание привлекает безынвентарное погребение по обряду трупоположения. Ингумация, видимо, отражает статус покойного как зависимого человека, т.е. кыштыма. В данном случае проявилась примечательная тенденция: наличие в составе одного могильника погребений представителей различных социально-этнических групп – енисейских кыргызов и подчиненного им населения. При этом нарушение останков в погребении по обряду трупоположения известно по материалам ряда подобных памятников Минусинской котловины, что является свидетельством сложности этнокультурных и социальных процессов в регионе на рубеже средневековья и Нового времени.

Список литературы

Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. – СПб., 2008. – 222 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с. – (САИ; вып. Е3-18).

Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. – СПб.: Изд-во Имп. акад. наук, 1774. – 631 с.

УДК 902.01

А.И. Соловьев[1, 2], Е.А. Соловьева[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: easolovievyv@mail.ru

СТРЕЛОВИДНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ОТВЕРСТИЯМИ ИЗ АРХИЕРЕЙСКОЙ ЗАИМКИ*

Статья посвящена т.н. «стреловидным» предметам из кургана с кремацией некрополя Архиерейская Заимка (возле г. Томска), исследованного С.К. Кузнецовым в конце XIX в. Рассматриваются вопросы интерпретации назначения изделий, которые ранее трактовались преимущественно как наконечники стрел или детали защитного вооружения. Они изготовлены из деталей доспехов, получивших распространение у скотоводческого населения Южной Сибири и Верхнего Приобья, и могли использоваться как магические средства борьбы со злыми силами для нападения и защиты.

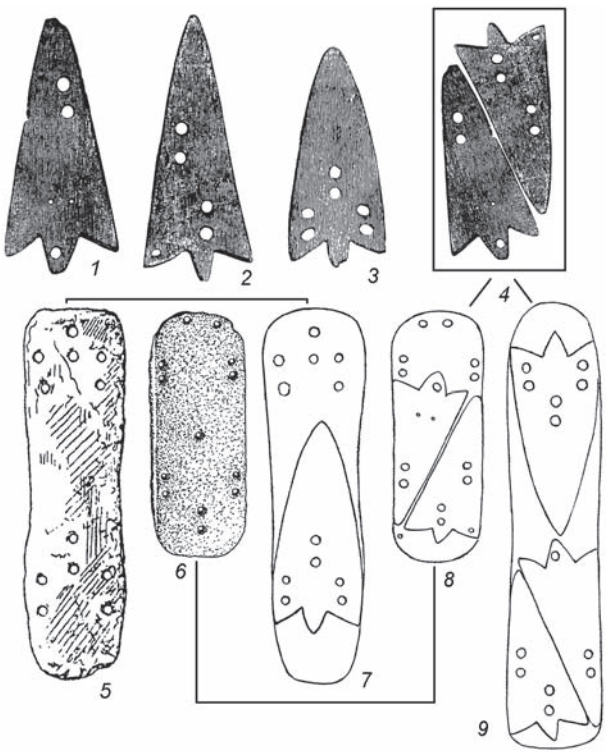
Ключевые слова: *наконечник стрелы, панцирная пластина, защита, духи, погребальная практика.*

The article is devoted to so called arrowhead-shaped artifacts from the burial site Archiereyskaya Zaimka near Tomsk city, excavated by S.K. Kuznetsov in the end of XIX century. The artifacts which were considered as arrowheads and sometimes as details of armour gets a new interpretation. It's shown, that they were made from parts of armours plates, wide spread among the nomadic population of Southern Siberia and Upper Ob Region. These artifacts could be used as magical tool of fighting against evil spirits. Arrowhead-shaped artifacts could be such a junction of attack and defence instrument and probably an indicator of social rank.

Keywords: *arrowhead, armour plate, defence, spirits, burial practice.*

В самом конце XIX в. в Томской губернии, на правом берегу р. Малая Киргизка (правый приток р. Томи), прозектором Томского императорского университета С.К. Кузнецовым была раскопана небольшая курганная группа. Она располагалась якобы на территории заимки Томского архиерея, что и дало название памятнику. Здесь собрана богатая коллекция находок двух хронологических периодов: VI–VIII и IX–X вв. [Беликова, Плетнева, 1983, с. 38]. В погребении № 4 вместе с прахом кремированного и другими находками обнаружены 3 плоских железных изделия в виде «стрелок» с парными отверстиями в плоскостях. Мнения о назначении этих предметов весьма противоречивы. С одной стороны, исходя из формы, они воспринимаются как простые наконечники стрел, использовавшиеся в производственной деятельности. С другой стороны, одним из авторов высказана гипотеза о возможном отнесении этих предметов к элементам чешуйчатого доспеха с ламеллярным принципом скрепления. Основой для данного предположения стала группировка отверстий в плоскостях изделий, аналогичная таковым на панцирных пластинах, а также наличие реальных металлических стреловидных артефактов, набор которых закрывал корпус человека. Назначение находок определяется признаком, который кладется в основу – черешок и шипы (стрела), отверстия (панцирь). Но время идет, появляются новые материалы, меняются концепции и возможности интерпретаций. Попробуем еще раз взглянуть на эти находки, ставшие музейными экспонатами и привлекающие внимание необычным сочетанием стреловидности и «панцирной» группировкой отверстий в плоскости пера. Если сложить эти предметы друг с другом, то получится часть панцирной пластины (см. *рисунок, 4*). Если графически восстановить недостающие части, отыскать аналог реставрированному предмету среди синхронных во времени археологических материалов с Верхней Оби [Горбунов, 2003, рис. 20, 22, 30, 33], то напрашивается вывод: изделия действительно были выкроены из звеньев доспеха, возможно, поврежденных.

*Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).



Металлические пластинки из погребения № 4 Архиерейской Заимки (*1–3*), пример ремонта (*4*) и варианты раскроя изделий из панцирных пластин (*7–9*), а также аналогичные панцирные пластины из Ближних Елбан XIV (*5*) и Кудыргэ (*6*) (*5, 6* – по: [Горбунов, 2003, рис. 20, 22]).

В нижней трети одной из «стрелок», поперек продольной оси, пробиты 2 небольших отверстия. Они подобны тем, что встречаются на небольших плоских треугольных металлических (по большей части бронзовых) предметах со средневековых памятников лесного населения. Эти изделия ассоциируются с наконечниками стрел и служили для соединения наконечника с древком.

Панцирные пластины часто употреблялись не по прямому назначению: для ремонта и украшения, укрепления колчана и пр. [Молодин, Соловьев, 2004, с. 42]. Допустима мысль о наличии здесь магического аспекта, транслирующего свойства одного предмета на другой. В данном случае детали панцирей в колчанном наборе выполняли не только прагматическую, но и магическую функцию. Согласно известным постулатам архаичного мировоззрения, целое в «свернутом», сжатом виде «существует внутри *наделенного смыслом фрагмента бытия*... потому, что любой обладающий смыслом фрагмент реальности *воспроизводит* целое» [Элиаде, 1999, с. 93]. Так, панцирная пластина в сакральной (в т.ч. погребальной) практике будет семантически тождественна доспеху и способна магически осуществлять присущую ему защиту. Скорее всего, защита будет осуществляться и в случае, когда панцирная пластина разделена на части, т.к. согласно указанным принципам, дробление целого на более мелкие части не заставляет их утрачивать его свойства. Классический пример такого плана можно найти в шаманской практике народов Западной и Южной Сибири. Костюм «избранников духов» не осуществляет сплошного бронирования. Вопрос этот разобран С.В. Ивановым, который показал, что защитное сакральное вооружение шамана представляло собой серию небольших металлических подвесок, генетически связанных с панцирем (а в прошлом, вероятно, представлявших его отдельные части) и дававших их обладателю магическую неуязвимость [1978]. Вероятно, стреловидные пластины из Архиерейской Заимки связанны с личной воинской магией, т.е. служили нашивками, дающими владельцу сакральную неуязвимость. Не случайно им придана форма, сочетающая характеристики орудия нападения и средства защиты, что не редкость в военном деле и шаманской практике.

Возникает вопрос: всегда ли треугольные металлические пластинки-наконечники с парными отверстиями использовались в качестве заурядных проникателей стрел? Ведь парное «пуговичное» расположение дырочек крайне удобно и для пришивания предметов на мягкую основу.

К сожалению, многие аспекты традиционных представлений сибирских аборигенов, особенно связанные с военной сферой, прошли через пресс государства, стремившегося снизить накал военного противостояния в регионе и «замирить» враждующих инородцев, используя всю силу административного аппарата и авторитет религии. «Чистоты» отражения идеологии военно-потестарного прошлого, которая сохранилась в этнографии индейцев Северной Америки, здесь нет. Думается, что ряд типологически близких мировоззренческих установок, присущих представителям лесной полосы Нового Света, существовал и у западносибирских аборигенов. Тем более, что близки их уровень общественного развития (военно-потестарные структуры), многие черты хозяйственной деятельности и ряд типологически родственных представлений.

Самым сильным защитным боевым средством у местных воинов считались «прозрачные» щиты, представлявшие собой «паутинки» из тонких ремней или волос на деревянном каркасе. Основная сила щита заключалась не в толщине кожи, а в тех магических силах, которые ему придавались [Котенко, 1997, с. 112; Стукалин, 2008, с. 309]. Чтобы сообщить оружию такую сверхъестественную мощь, предпринимались разного рода «колдов-

ские» меры, которые заключались в снабжении его различными прикладами и амулетами. Средства магической защиты и различные обереги составляли важнейший атрибут подготовки к военным действиям. Без них просто не отправлялись в поход [Котенко, 1997, с. 112; Стукалин, 2008, с. 309; Шульц, 1965, с. 54]. Предметы воинской магии бережно прятали от чужих глаз. Как правило, в мирное время они помещались в специальные мешочки, с которыми хозяин никогда не расставался. Похоже, что именно такие хранилища с личными сакральными предметами обнаружены в погребениях курганного могильника Усть-Изес-1. Среди них есть треугольные предметы из бронзы с отверстием и плоские аморфные фрагменты бронзы с дырочкой. Если первые могли служить наконечниками стрел, то баллистика вторых не поддается обсуждению. Похоже, здесь ключевыми сакральными моментами оказались и сам материал, и отверстия в нем.

Можно ли использовать рассматриваемые находки в качестве наконечников стрел? В сибирском средневековье хорошо известны разнообразные отверстия в плоскостях железных наконечников стрел. Ю.А. Плотников пришел к выводу, что их делали, чтобы придать метательным снарядам особые магические свойства, сделать их всевидящими, думающими, способными предпринимать самостоятельные действия, служить проводником и отпугивать злых духов. Исследователь отмечает, что такие «глазастые» стрелы, известные в преданиях сибирских народов, тесно связаны с воинским мировоззрением, являя пример одушевления оружия [Плотников, 2001, с. 83–88]. В круге идей подобного рода оказались и лесные области Западной Сибири, где на культовых местах встречаются плоские и трехлопастные наконечники стрел с отверстиями в лопастях (Парабельская и Елыкаевская коллекции, культовый комплекс некрополя Усть-Изес и т.д.). Есть среди них экземпляры с такой же комбинацией парных дырочек, как на находках из Архиерейской Заимки. Несложно сделать вывод: пары первичных технологических отверстий вполне могли выполнять функции «глаз», «одушевляя» метательные снаряды, делая их всевидящими, придавали сакральные силы, которые усиливались особыми свойствами материала, происходящего от «одежды, спасающей душу», т.е. от почитаемого в устной традиции доспеха.

Подбор данных о стреле как магическом предмете и обереге сделан Ю.И. Ожередовым. Со ссылкой на сообщение В.М. Кулемзина, он приводит данные устной традиции, согласно которым отверстие в метательном снаряде (в данном случае наконечнике) не позволяло дыханию злых духов отклонить его в сторону [Ожередов, 1999, с. 102]. Автор отмечает, что сакральность материала для наконечника стрелы, являлась «определяющим фактором в борьбе с потусторонними силами». Хотя речь идет о бронзе, происхождение наших предметов от панциря придавало глубокий сакральный смысл. Таким образом, если рассматриваемые изделия использовались в качестве наконечников, то они должны были относиться к категории апотропеев, предназначенных для противодействия козням потусторонних сущностей, что особенно важно было в момент заупокойных странствий усопших. Возвращаясь к опыту традиционных верований, можно отметить, что действенные амулеты высоко ценились, а обладание ими в воинской среде связывали с высоким статусом владельца. Возможно, находка бронзовых треугольных проникателей в погребальном комплексе может служить косвенным указанием на нерядовой статус его владельца. В районах предтаежного Обь-Иртышья они обнаружены в заметных в имущественном плане погребениях (Крючное-6, Усть-Изес-1).

Список литературы

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 245 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). – 174 с.

Иванов С.В. Элементы защитного вооружения в шаманской одежде народов Западной Южной Сибири // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 136–245.

Котенко Ю.В. Индейцы Великих равнин. – М.: Изд. дом «Техника молодежи», 1997. – 158 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – 184 с.

Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов: мат-лы и исслед. к «Энциклопедии Томской области». – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 77–119.

Плотников Ю.А О назначении отверстий в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. – С. 79–95.

Стукалин Ю.В. Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. – М.: Яуза; Эксмо, 2008. – 688. – (Войны Дикого Запада).

Шульц Д.В. Моя жизнь среди индейцев. – М.: Мысль, 1965. – 360 с.

Элиаде М. Трактат по истории религий. – СПб.: Алетейя, 1999. – Т. 1. – 394 с.

УДК 902.01

Е.А. Соловьева[1], А.И. Соловьев[1, 2]

[1]*Институт археологии и этнографии СО РАН*
[2]*Новосибирский государственный университет*
E-mail: easolovievyv@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ ДЗЁМОН В ЯПОНИИ*

Статья посвящена изучению поселенческих комплексов эпохи дзёмон в Японии. Рассматриваются характерные особенности поселений на разных этапах существования культуры. Анализируются основные занятия неолитического населения Японских островов – охота, собирательство, рыболовство и собирание моллюсков, первые формы земледелия. Прослеживается взаимосвязь структурной организации поселений и продолжительность их использования с хозяйственной деятельностью людей. Выявляются планиграфические особенности поселений, связанные с коллективной ритуальной практикой.

Ключевые слова: *Япония, дзёмон, поселения, жилища, ритуал, ритуальные сооружения.*

This publication is devoted to studying of Jomon period settlement in Japan. There are considered main characteristics of settlements at different stages of Jomon culture. Publication analyses the main types of economic activities of Neolithic Japanese population – hunting, collecting, fishery and collecting shellfish, the primitive forms of agriculture. The structure of settlement space is considered to be connected with the duration of its using and economic activity. The features of settlements assumed to be connected with collective ritual practice.

Keywords: *Japan, jomon, settlement, dwelling, ritual, ritual constructions.*

Начало эпохи дзёмон отмечено изменениями в образе жизни населения Японского архипелага, в т.ч. в структурировании жилого пространства. Люди перестали населять пещеры, в Японии появились поселения. Вероятно, это связано с похолоданием климата. Известно, что в этот период в районе современного Токио преобладала тундра, а в центральной части Японских Альп формировались ледники [Kobayashi Tatsuo, 2004, p. 101; Yamanouchi Sugao, 1964, p. 123]. Хозяйственная деятельность тогда была основана на собирательстве, охоте и рыболовстве, особенно в прибрежных областях островов. Охота играла большую роль в жизни людей дзёмон. Основными промысловыми животными были олень, кабан, реже – бурый медведь, енот, лисица, заяц, соболь, а также морские млекопитающие и птицы. Среди находок раннего и начального дзёмона о. Хонсю кости оленя и кабана составляют 90 % [Васильевский и др., 1982, с. 187].

Охота, по всей видимости, в основном была характерна для осенне-зимнего периода. Весной и летом на первый план выходило собирательство съедобных моллюсков. На островах Хонсю и Хоккайдо обнаружено около 3 тыс. раковинных куч эпохи дзёмон. Такое активное употребление в пищу моллюсков связано с тем, что в результате послеледниковой трансгрессии многие низменности Японских островов стали неглубокими заливами и лагунами. Это способствовало распространению моллюсков и делало их вполне доступными для людей. Известно, что древние японцы употребляли в пищу около 350 видов моллюсков [Watanabe Hitoshi, 1986, p. 138].

Рыболовство было известно уже в раннем дзёмоне. Древнейшие в Японии рыболовные крючки со стоянки Нацусима (о. Хонсю) датируются второй половиной VIII тыс. до н.э. [Васильевский и др., 1982, с. 188]. В среднем дзёмоне рыболовство было основным видом деятельности и приобрело региональную специализацию. Например, в районе Канто преобладало рыболовство во внутренних водоемах, в Тохоку – глубоководный промысел, на о. Хоккайдо добавилась охота на морских животных. В начальном дзёмоне, согласно исследованиям японских ученых, появились первые фор-

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 14-01-00017).

мы земледелия [Watanabe Hitoshi, 1986, p. 229–231; Egami Namio, 1973, p. 84–86]. В материалах памятников этого времени встречаются зернотерки и песты, а также семена съедобных растений. Так, при раскопках раковинной кучи Торихама (Фукуи) обнаружены керамические сосуды с остатками семян тыквы, гороха и проса.

В среднем дзёмоне стали возделывать гречиху. Именно с этого времени в центральной части о. Хонсю начался период общего культурного подъема. Позднее в рационе людей появился рис. Всего в период дзёмон люди употребляли в пищу около 40 видов растений [Egami Namio, 1973, p. 86; Васильевский и др., 1982, с. 189]. Однако земледелие, по мнению ученых, носило тогда второстепенный характер. Решающее значение оно приобрело в эпоху яёй.

Использование керамической посуды позволило людям эпохи дзёмон длительное время проводить на поселении, т.к. новые способы приготовления еды и появление в рационе большого количества растительных компонентов не требовало постоянного поиска пищи и смены места обитания. Увеличение численности населения и количества детей в семьях требовало свободного жизненного пространства, которого не могли обеспечить пещерные жилища.

Рис. 1. Жилища-полуземлянки эпохи дзёмон на поселении Госёно. Реконструкция (по: [Такада Ясунори, 2005]).

Рис. 2. Наземные жилища эпохи дзёмон на поселении Ёскэонэ. Реконструкция (по: [Kobayashi Tatsuo, 2004]).

Носители культуры дзёмон для своих поселений выбирали места на речных террасах с доступом к питьевой воде. Использование огня позволяло выжигать дополнительные пространства, создавая в центре поселений свободные территории, т.н. «площади», вокруг которых строили жилища.

Для эпохи дзёмон характерны жилища следующих типов:

1. *Полуземлянки* были квадратными или круглыми в плане, с очагом в центре. Такие жилища не могли использоваться в течение короткого промежутка времени, что свидетельствует об относительном постоянстве этихпоселений.

2. *Наземные жилища* временного и постоянного характера [Esaka Teruya, 1986, с. 230; Ито, Миягава, 1965, с. 12].

На поселении Госёно (преф. Иватэ), относящемся к среднему дзёмону, обнаружены жилища-полуземлянки (рис. 1), сконцентрированные в трех частях поселения: западной, восточной и центральной [Такада Ясунори, 2005]. На поселении Ёскэонэ (преф. Нагано) найдены 12 домов, расположенных по два вдоль террасы (рис. 2). Особенность этого поселения заключается в том, что возле каждой пары домов найдены культовые предметы – догу, сэкибо или каменный столб в определенной последовательности. Позади домов находилась площадь с остатками глиняных сосудов. Между ней и домами обнаружены погребения. На стоянке Тогарииси (преф. Нагано) более 20 домов тоже располагались попарно по прямой [Эсака Тэруя, Оно Миёко, 1983, с. 110–124]. Сходная планировка поселений наблюдается в раннем периоде,

а на более поздних этапах размеры поселений и численность их жителей заметно увеличились.

По мнению японских ученых, полуземлянки строили в течение всей эпохи дзёмон. В позднем дзёмоне их число резко сократилось. Стали преобладать наземные дома. В конце среднего дзёмона начали делать сооружения, пол которых мостили галечником или другими камнями [Васильевский и др., 1982, с. 184, Kobayashi Tatsuo, 2004, p. 103–110]. В целом, в среднем дзёмоне поселения чаще всего располагались на невысоких террасах у берега реки или моря и состояли из полуземлянок. Жилища этого периода обычно располагались по дуге, а раковинные кучи в виде полуколец шли параллельно линии построек. При этом диаметр полукольца мог достигать 200 м. Целая серия таких поселений исследована в префектуре Чиба. Например, поселение Таканэкидо (средний этап периода дзёмон) состояло из 70 домов-полуземлянок, овальных либо прямоугольных в плане. Скорее всего, в них проживали индивидуальные семьи.

Рис. 3. Поселение Намэсака в процессе раскопок. Вид сверху (по: [Kobayashi Tatsuo, 2004]).

Рис. 4. Ритуальное сооружение на поселении Госёно (по: [Такада Ясунори, 2005]).

Наземные жилища впервые выявлены на стоянке Сидзимидзука (юг Хонсю, поздний дзёмон). Стены этих жилищ сложены из дерна или дерна и гальки. Такая традиция в домостроительстве сохранялась и в эпоху яёй. На некоторых стоянках жилища не обнаружены, но найдены отдельные очаги, а рядом с ними – группы керамических сосудов и различные предметы. Примером памятника этого типа является стоянка Хориноути, относящаяся к позднему дзёмону [Эсака Тэруя, Оно Миёко, 1983, с. 182]. По подсчетам японских ученых, на поселениях позднего дзёмона прослеживается тенденция к изменению площади домов. Так, в одном жилище поселения Тогарииси могли проживать до 16 человек, а в домах поселения Сидзимидзука – примерно 4 человека. Кроме того, исследователи считают, что в среднем и позднем дзёмоне в каждом поселке было не более 10 домов, а поселения из 20–30 домов были редкостью [Watanabe Hitoshi, 1986, p. 183]. Что касается жилищ, то следует отметить появление сооружений нового типа – наземных – в позднем периоде и уменьшение площади отдельных жилищ в среднем и позднем дзёмоне. Эти факты, возможно, подтверждают качественное изменение жизни людей в среднем периоде эпохи дзёмон и наличие общего культурного подъема. Вероятно, начиная с середины эпохи дзёмон, поселения стали постоянными. Об этом свидетельствуют их размеры, а также увеличение площади отдельных жилищ. В жилищах того времени зачастую находят напоминающие алтарь каменные сооружения с крупным камнем в центре.

Постепенно планиграфия поселений приобрела систему. В центре поселений часто встречаются открытые площадки. Пример такого поселения с центральной «площадью» –Намэсака (преф. Токио, средний дзёмон) (рис. 3). Наличие «площади» не может быть случайным. Скорее всего, такие поселения имели большую общественную значимость и связаны с коллективными ритуальными действиями [Nagamine Mitsukazu, 1986, p. 263]. Достаточно часто в непосредственной близости с такими «площадями» находят скопления антропоморфных статуэток догу и их фрагменты, что может свидетельствовать о ритуальном использовании пространства. В комплексе с «площадями» встречаются каменные выкладки из горизонтально и вертикально сложенных камней (рис. 4), что позволяет исследователям говорить о наличии «алтарей», небольших культовых сооружений в поселениях эпохи дзёмон.

Поселения культуры дзёмон развивались и приобретали новые черты на протяжении длительного времени. К финальному этапу культуры дзёмон сложились их характерные черты. К ним можно отнести дуальную планировку поселений, выделение центральной части, некой «площади», вероятно, служившей для проведения коллективных церемоний. На территории поселений появились сакральные сооружения, позволяющие судить об изменениях, происходящих в мифоритуальной сфере.

Список литературы

Васильевский Р.С., Лавров Е.И., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 208 с.

Ито Н., Миягава Т. История японского искусства. – М.: Наука, 1965. – 168 с.

Такада Ясунори. Дзёмон-но иэ то мура-но фукуэй. Госёно-исэки. – Токио: Кодансия, 2005. – 96 с. (на яп. яз.).

Эсака Тэруя, Оно Миёко. Догу-но тисики. – Токио: Кодансия, 1983. – 144 с. (на яп. яз.).

Egami Namio. The Beginnings of Japanese Art. – N.Y.; Tokyo, 1973. – 180 p.

Esaka Teruya. The Origins and Character of Jomon Ceramic Culture. A Brief Introduction // Windows on Japanese Past: Studies in Archeology and Prehistory. – Michigan, 1986. – 358 p.

Kobayashi Tatsuo. Jomon Reflections. Forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. – Oxford: Oxbow Books, 2004. – 240 p.

Nagamine Mitsukazu. Clay Figurines and Jomon Society // Windows on Japanese Past: Studies in Archeology and Prehistory. – Michigan, 1986. – 358 p.

Watanabe Hitoshi. Community Habitation and Food Gathering in Prehistoric Japan. An Ethnographic Interpretation of the Archeological Evidence // Windows on Japanese Past: Studies in Archeology and Prehistory. – Michigan, 1986. – 358 p.

Yamanouchi Sugao. Ancient Japanese arts (1): Jomon Pottery. Kodansha. – Tokyo: Kodansha, 1964. – 188 p.

УДК 572

К.Н. Солодовников[1], А.В. Зубова[2]

[1]Алтайский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: solodk@list.ru

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЦЫГАНКОВА СОПКА II ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕЙ БРОНЗЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ*

Статья посвящена обсуждению индивидуальных краниометрических характеристик населения, оставившего могильник елунинской культуры Цыганкова Сопка II в Алтайском крае. Результаты межгруппового сопоставления черепов из могильника Цыганкова Сопка II свидетельствуют об их сходстве с краниологическими сериями эпохи бронзы лесостепного Обь-Иртышья от носителей усть-тартасской, одиновской и кротовской культур классического этапа. Это сходство не меньшее, чем с суммарной серией черепов елунинской культуры Барнаульского Приобья. Набор одонтологических фенов, наблюдаемый в серии, ближе всего к характеристикам неолитических носителей среднеиртышкой культуры из могильников Сопка-2, Протока и Корчуган.

Ключевые слова: *Обь-Иртышская лесостепь, елунинская культура, ранняя бронза, палеоантропология, краниометрия, одонтология.*

The craniometrical traits of Elunino population from Tsygankova Sopka II was discussed in the article. The results of intergroup statistical comparison indicated its similarity with Ust'-Tartas, Odinovo and classical Krotovo groups from Ob'-Irtysh forest-steppe. Dental features of researched sample are closer to Neolithic population of this territory from Sopka-2, Protoka and Korcugan sites.

Keywords: *Ob'-Irtysh forest-steppe, Elunino archaeological culture, Early Bronze Age, paleoanthropology, craniometry, dental anthropology.*

Могильник эпохи ранней бронзы Цыганкова Сопка II находится в левобережной пойме р. Оби, на границе Быстроистокского и Петропавловского районов Алтайского края. Его исследовала в 1985–1986 гг. археологическая экспедиция Алтайского государственного университета (рук. Ю.Ф. Кирюшин). Первоначально культурная принадлежность памятника определялась как кротовская [Кирюшин, 1987, с. 121]. Позже могильник отнесли к елунинской культуре [Кирюшин, 2002; Грушин, 2002, 2013]. Антропологическая коллекция из раскопок могильника 1986 г. хранящаяся в секторе антропологии ИАЭТ СО РАН. В нее входят 5 черепов (из них 2 детских). Приведем их индивидуальные описания (см. *таблицу*).

Могила 6. Реставрированный из фрагментов череп женщины (примерно 18 лет) грацильный, со слабовыраженным наружным рельефом. Мозговая капсула небольших размеров, мезо-, орто- и метриокранная по указателям. Лобная кость абсолютно и относительно среднеширокая, средненаклонная и слабовыпуклая в сагиттальной плоскости, резко профилированная в горизонтальной. Лицо среднеширокое, низкое по высоте лица и указателям, очень сильно профилированное в горизонтальном плане на уровне назиона и средне – на уровне субспинала, с неглубокой клыковой ямкой. По общему лицевому углу лицо мезогнатное, а по указателю выступания и в альвеолярном отделе – прогнатное. Орбиты среднеширокие, очень низкие и резко хамеконхные. Носовой отдел малых размеров и средних пропорций, с нижним краем грушевидного отверстия в форме предносовых ямок. Угол выступания носовых костей к линии общего лицевого профиля средний; симотический и дакриальный указатели также средние. Нижняя челюсть длинная и узкая

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 13-06-00133).

Индивидуальные измерения черепов из могильника Цыганкова Сопка II

Признаки	Могила 6	Могила 9	Могила 10
Пол	жен.	муж.	муж.
Возраст (лет)	около 18	около 50	50–60
1	2	3	4
1. Продольный диаметр	168	190	181
1b. Продольный диаметр от oph.	167	187	177
8. Поперечный диаметр	134	133	133
17. Высотный диаметр от ba.	127	–	129?
20. Высотный диаметр от po.	109	–	116
5. Длина основания черепа	98	–	96
9. Наименьшая ширина лба	92,8	90,0	–
Высота поперечного изгиба лба	21,0	17,1	–
Угол поперечного изгиба лба	131,3	138,4	–
10. Наибольшая ширина лба	–	–	–
11. Ширина основания черепа	121	–	123
12. Ширина затылка	104	103	107
29. Лобная хорда	104	107	107
Sub. Nβ. Высота продольного изгиба лба	22,8	23,3	22,3
30. Теменная хорда	105	116	118
31. Затылочная хорда	91	102	93
Высота изгиба затылка	21,5	32,7	29,6
23a. Горизонтальная окружность через oph.	476	511	–
24. Поперечная дуга	306	–	–
25. Сагиттальная дуга	337	373	370
26. Лобная дуга	116	119	122
27. Теменная дуга	118	127	132
28. Затылочная дуга	103	127	116
7. Длина затылочного отверстия	38,9	–	32,6
16. Ширина затылочного отверстия	–	–	24,0?
32. Угол профиля лба от n.	83	–	–
GM/FH. Угол профиля лба от gl.	79	–	–
33(1). Угол верхней части затылка	84	–	–
33(4). Угол перегиба затылка	130	114	116
Надпереносье (1-6)	2	3	4
Надбровные дуги (1-3)	1	3	2
Наружный затылочный бугор (0-5)	1	3	2
Сосцевидный отросток (1-3)	2	3	2
Форма черепа сверху	Ovoid.	Ovoid.	Ellips.
40. Длина основания лица	99?	–	–
45. Скуловой диаметр	126	–	130?
48. Верхняя высота лица	62,5?	–	–
47. Полная высота лица	100	–	–
43. Верхняя ширина лица	100	106	–
46. Средняя ширина лица	94?	–	–
60. Длина альвеолярной дуги	53?	–	–
61. Ширина альвеолярной дуги	60	–	–
62. Длина нёба	44,8	–	–
63. Ширина нёба	39,0	–	–
51. Ширина орбиты от mf.	41,0	–	–
51a. Ширина орбиты от d.	39,0	–	–
52. Высота орбиты	30,3	–	–
55. Высота носа	45,0?	–	–
54. Ширина носа	23,0	–	–

Окончание таблицы

1	2	3	4
Нижний край грушевидного отверстия	Foss. pr.	–	–
Передненосовая ость (1-5)	–	–	–
SC. Симотическая ширина	9,4	2,2	7,0
SS. Симотическая высота	3,5	0,9?	2,0?
MC. Максиллофронтальная ширина	17,5	20,4	–
MS. Максиллофронтальная высота	6,9	5,3	–
DC. Дакриальная ширина	20,0	24,1	–
DS. Дакриальная высота	9,0	10,3	–
FC. Глубина клыковой ямки	3,7	–	–
Высота изгиба скуловой кости	9,8	–	–
Ширина скуловой кости	48,7	–	–
43 (1). Биорбитальная ширина	93,3	99,4	–
Высота назиона над биорбитальной шириной	20,7	17,4	–
77. Назо-малярный угол	132,1	141,4	–
Зигомаксиллярная ширина	91,5?	–	–
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	20,0?	–	–
∠Zm’. Зиго-максиллярный угол	132,8?	–	–
72. Общий лицевой угол	82?	–	–
73. Средний лицевой угол	89?	–	–
74. Угол альвеолярной части лица	57?	–	–
75. Угол наклона носовых костей	59	–	–
75(1). Угол выступания носа	23?	–	–
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	–	–	–
79. Угол ветви нижней челюсти	113	–	–
68. Длина нижней челюсти от углов	81	–	–
70. Высота ветви нижней челюсти	52	–	–
71a. Наименьшая ширина ветви	30,7	$35{,}4^{пр}$	–
65. Мыщелковая ширина	–	–	–
66. Угловая ширина	84	–	–
67. Передняя ширина	45,2	–	46,5
69. Высота симфиза	25,8	–	–
69(1). Высота тела нижней челюсти	25,8	$30{,}8^{пр}$	–
69(3). Толщина тела нижней челюсти	9,7	$10{,}4^{пр}$	–
∠C’. Угол выступания подбородка	73	–	–

от углов, с вертикально поставленными ветвями небольшой высоты и ширины.

Сохранность одонтологического материала исключительно хорошая. У погребенной отсутствуют патологические изменения зубной системы, травмы или сколы зубов. На медиальных резцах верхней челюсти отсутствуют краевые гребни лингвальной и вестибулярной поверхности, слабо развит лингвальный бугорок (балл 1), отсутствуют архаичные одонтологические фены. На латеральных резцах отмечен балл 2 лопатообразности верхних резцов и промежуточная между баллами 1 и 2 стадия развития лингвального бугорка. На клыках есть дополнительный мезиальный гребень. Верхние первые премоляры имеют двухкорневое строение; вестибулярные бугорки значительно крупнее лингвальных (балл 1). Гипоконус и метаконус первых моляров верхней челюсти не редуцированы. Дополнительные стилоидные бугорки отсутствуют; архаичные фены в строении этих зубов тоже не зафиксированы. На вторых молярах наблюдается значительная редукция дисто-лингвальных бугорков (балл 3+ по Дальбергу). Дополнительные бугорки мезиального и дистального краев не отмечены. На правом зубе есть косой гребень и задняя ямка, отсутствующие на левом. На клыках нижней челюсти отмечен дополнительный дистальный гребень. Форма первых нижних премоляров 4, вторых – 5. Нижние первые моляры имеют 5-бугорковое строение; узор коронки «X». Протостилид, дистальный гребень тригонида, коленчатая складка метаконида, маркеры архаики отсутствуют. Нижние вторые моляры имеют форму Y4.

Могила 7. Фрагменты черепа и зубы ребенка 7–9 лет. На верхнем правом медиальном рез-

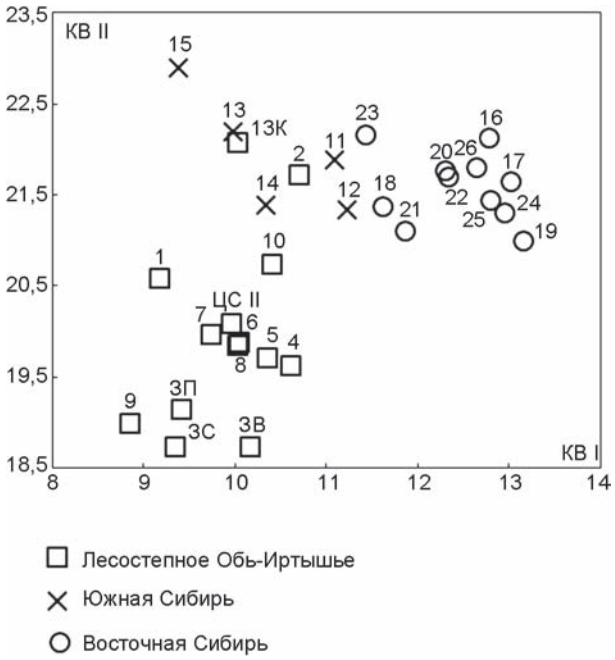
це отмечены слабо выраженные краевые гребни лингвальной поверхности (балл 1). На левом латеральном резце они развиты немного сильнее, но не достигают степени развития, оцениваемой баллом 2. На обоих верхних клыках есть дополнительный дистальный гребень, начальная стадия развития краевых гребней лингвальной поверхности (балл 1) и лингвальный бугорок (балл 2). Верхние первые моляры не редуцированы; бугорок Карабелли отсутствует. На левом моляре есть дистальный маргинальный бугорок, метаконулюс и косой гребень, отсутствующие на правом зубе. На вторых молярах гипоконус отсутствует, метаконус не редуцирован. Дополнительных бугорков и архаичных особенностей нет.

На клыках нижней челюсти наблюдается начальная стадия лопатообразности. Первые премоляры очень слабо дифференцированы (балл 1). Нижние моляры имели 5-бугорковое строение; узор коронки «Y». Дистальный гребень тригонида, коленчатая складка метаконида, tami, маркеры архаики, фены системы протостилида отсутствуют. Вторая борозда метаконида впадает в фиссуру III.

Могила 8. Фрагменты черепа и зубы ребенка 10–11 лет. На верхнем правом медиальном резце отмечен максимальный балл лопатообразности лингвальной поверхности, утолщение режущего края и начальная стадия оформления краевых гребней вестибулярной поверхности. Латеральный резец тоже имеет лопатообразную форму. Гипоконус верхних первых моляров умеренно редуцирован (балл 4–); метаконус не редуцирован. Дополнительные бугорки и маркеры архаики не отмечены. Соотношение точек впадения первых борозд метаконуса и эоконуса относится к типу 1. Первая борозда эоконуса имеет прямую форму. Первая борозда протоконуса впадает в центральную ямку. Гипоконус вторых верхних моляров заметно редуцирован (балл 3+); метаконус не редуцирован.

Клыки нижней челюсти имели по два корня, дополнительные дистальные гребни и ярко выраженную лопатообразную форму (балл 3). Первые премоляры не дифференцированы (балл 1). Первые моляры нижней челюсти имели 6-бугорковое строение; узор коронки «Y». Здесь отмечен дистальный гребень тригонида, ямки протостилида, вариант 2med(III). Осевой гребень метаконида имеет тенденцию к изгибу, но не образует угла, необходимого для фиксации коленчатой складки. Вторые нижние моляры имеют форму X4; на правом зубе отмечены элементы передней ямки.

Могила 9. Черепная крышка и фрагменты нижней челюсти мужчины зрелого возраста. Наружный рельеф в области глабеллы выражен средне, а сосцевидные отростки и затылочный бугор – сильно. Череп длинный и очень узкий, резко долихокранный, с узким и слабовыпуклым в обеих плоскостях лбом, узким и резко преломленным затылком. Лицо на верхнем уровне среднеширокое, со средней горизонтальной профилировкой. Носовые кости редуцированные, относительно средне-



Результаты канонического анализа мужских серий неолита – ранней бронзы Северной Азии. По оси абсцисс отложены значения нагрузок краниологических серий на канонический вектор I (КВ I), по оси ординат – на канонический вектора II (КВ II).

ЦС II – Цыганкова Сопка II*; *1* – неолит Среднего Зауралья (Шигирский торфяник и Дождевой камень); *2* – неолит Омского Прииртышья (Омская стоянка и Усть-Куренга)*; *3* – неолит Барабинской лесостепи: ЗВ – Венгерово II; ЗП – Протока; ЗС – Сопка II/1; ЗК – Корчуган*; *4* – неолит Новосибирско-Каменского Приобья (Ордынское I, Раздумье, Крутиха, Иня IV); *5* – неолит Кузнецкой котловины (Кузнецкий, Заречное I, Васьково IV, Лебеди II); *6* – усть-тартасская культура (Сопка II/3 и II/3А); *7* – одиновская культура (Сопка II); *8* – кротовская культура классического этапа (Сопка II); *9* – ранняя бронза Омского Прииртышья (Черноозерье VI); *10* – елунинская культура (Телеутский Взвоз I, Староалейка II, Елунино I); *11* – неолит Горного Алтая (Каминная и Нижнетыткескенская пещеры)*; *12* – неолит северных предгорий Алтая (Солонцы V, Иткуль (Большой Мыс), Усть-Иша, Костенкова Избушка); *13* – неолит лесостепи Среднего Енисея (Долгое Озеро, Базаиха, Перевозное); *14* – каракольская культура (Каракол, Школьный, Беш-Озек); *15* – окуневская культура Минусинской котловины; *16* – исаковская культура Ангары; *17* – китойская культура Ангары; *18* – китойская культура Верхней Лены; *19* – китойская культура Забайкалья; *20* – серовская культура Ангары; *21* – серовская культура Верхней Лены; *22* – глазковская культура Ангары; *23* – глазковская культура Верхней Лены; *24* – глазковская культура Приольхонья; *25* – глазковская культура Забайкалья; *26* – неолит Якутии.

---

*Суммированы мужские и пересчитанные на «мужские» женские черепа.

высокие в месте наибольшего сужения. Переносье широкое и средневысокое. Зубы сильно стерты, но несмотря на это здесь наблюдаются минимальные патологические изменения. Присутствуют только очень слабые отложения зубного камня и следы умеренно выраженных нарушений питания тканей пародонта.

Могила 10. Череп мужчины 50–60 лет. Сохранилась большая часть мозговой коробки с основанием черепа. С предыдущим черепом его объединяет долихокрания и очень малая величина поперечного диаметра черепа, неширокая и резко изогнутая затылочная и слабовыпуклая лобная кости. Элементы наружного рельефа, напротив, сильнее выражены в области надпереносья и слабее – на затылочной и височных костях. Длина мозговой капсулы и основания черепа небольшие. Высота черепа от базиона (определяемая приблизительно) малая, от порионов – средняя. Лицо узкое на уровне скуловых дуг, а также визуально на верхнем уровне. Размеры носовых костей в месте наибольшего сужения, как и симотический указатель, малые. Верхняя челюсть в материалах погребения отсутствует. На нижней челюсти отмечена прижизненная утрата практически всех зубов, за исключением клыков. Премоляры утрачены незадолго до смерти индивида.

Результаты межгруппового сопоставления черепов из могильника Цыганкова Сопка II (см. *рисунок*) свидетельствуют об их сходстве с краниологическими сериями эпохи бронзы лесостепного Обь-Иртышья от носителей усть-тартасской, одиновской и кротовской культур классического этапа [Чикишева, 2012]. Это сходство не меньшее, чем с суммарной серией черепов елунинской культуры Барнаульского Приобья [Солодовников, Тур, 2003].

Набор одонтологических фенов, наблюдаемый в серии, ближе всего к характеристикам неолитических носителей среднеиртышкой культуры из могильников Сопка-2, Протока и Корчуган [Чикишева, 2012, табл. 15].

Список литературы

Грушин С.П. Культура населения эпохи ранней бронзы лесостепного Приобья: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2002. – 24 с.

Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Барнаул, 2013. – 54 с.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1987. – С. 100–125.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – 294 с.

Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – С. 142–176.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

УДК 902

Н.Ф. Степанова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nstepanova10@mail.ru

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена изучению изделий из металла афанасьевской культуры, обнаруженных в 17 % афанасьевских погребений Горного Алтая и 8 % захоронений на Енисее. Состав вещей сравнительно однообразен: украшения (серьги, браслеты из пронизок), предметы быта (оковки, скобы, гвоздики, ножи, шилья) и неопределимые предметы (пластины, окислы). Серьги характерны для обеих территорий, ножи выявлены в Горном Алтае, скобы и оковки чаще находят на Енисее. Топоры в афанасьевских захоронениях не найдены, поэтому случайные находки топоров, особенно в районах, где не выявлены афанасьевские памятники, не могут служить убедительным доказательством происхождения афанасьевской культуры от ямной.

Ключевые слова: *афанасьевская культура, погребения, металл, украшения, предметы быта, Горный Алтай, Енисей.*

The article is devoted to studying of metalwares of the Afanasyevo culture which were found in the 17 % of Afanasyevo burials in Mountain Altai and in the 8 % of burials on Yenisei. The structure of things is rather unvaried - jewelry (earrings and bracelets made of beads), household items (bindings, staples, tacks, knives and awls) and indefinable subjects (plates, oxidized artifacts). Earrings are typical for the both territories, knives were revealed in Mountain Altai, while staples and bindings can be found on Yenisei more often. Axes were not found in the Afanasyevo burials; therefore casual finds of axes, especially in the areas where no Afanasyevo monuments were revealed, cannot serve as a convincing proof of an origin of the Afanasyevo culture from the Yamna culture.

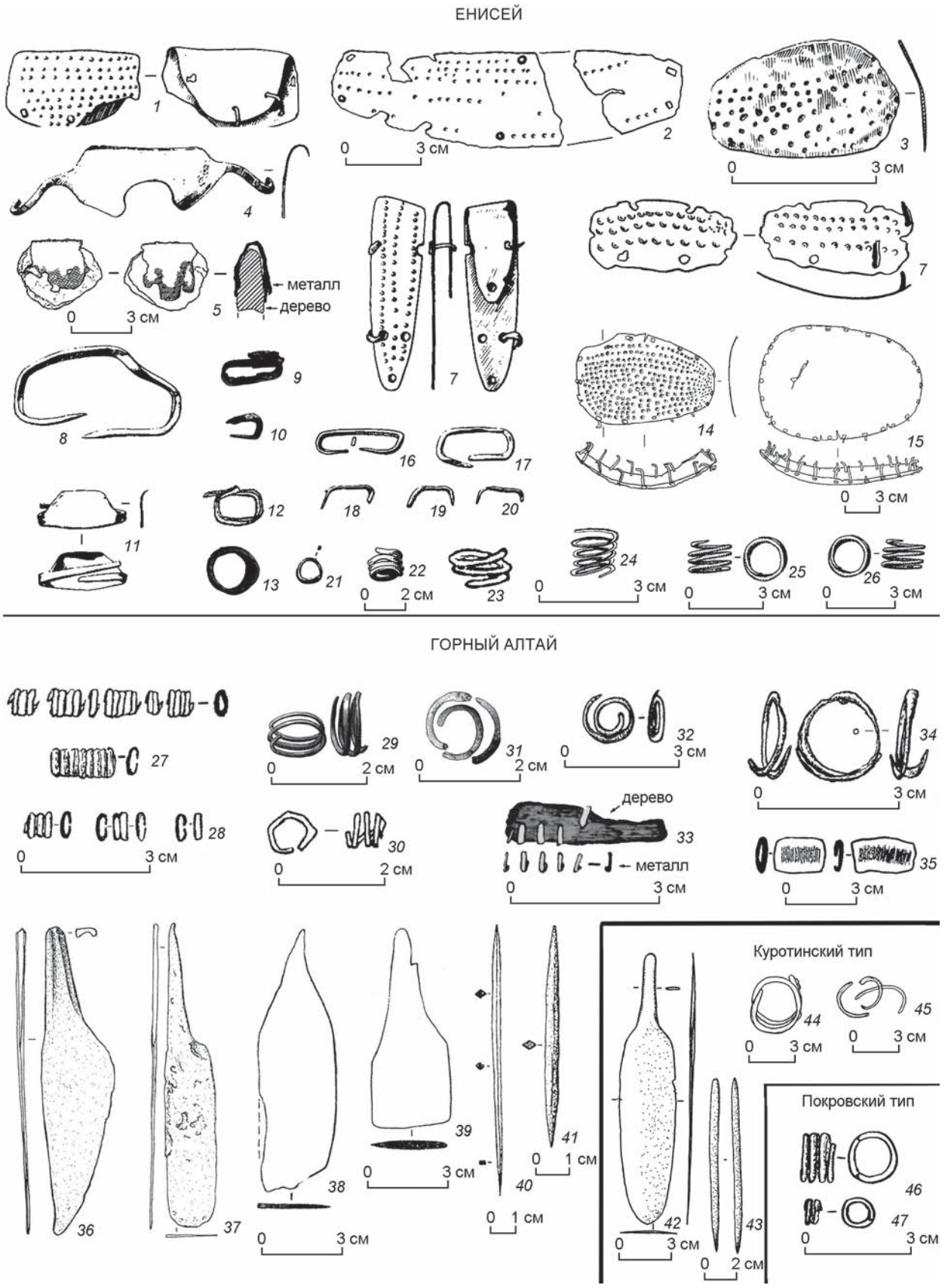
Keywords: *the Afanasyevo culture, burials, metal, jewelry, household items, Mountain Altai, Yenisei.*

Афанасьевская культура – одна из наиболее загадочных в древней истории Южной Сибири, несмотря на длительность ее изучения, наличие разнообразных гипотез и предположений по поводу происхождения, хозяйственную деятельность населения, хронологию и т.п. К настоящему времени проведена ревизия материалов погребальных комплексов, что позволило выделить объекты окуневской культуры на Енисее и куротинского типа – в Горном Алтае, а также уточнить культурную принадлежность инвентаря, в т.ч. из металла, что актуально для характеристики культуры [Вадецкая и др., 2014].

К афанасьевской культуре в общей сложности относится более 500 погребений. Кроме того, в Горном Алтае исследован ряд захоронений, которые сложно однозначно отнести к афанасьевской или куротинской группе. Изделия из металла обнаружены приблизительно в 17 % погребений Горного Алтая. На Енисее этот показатель ниже – около 8 %. Выяснилось, что состав вещей не отличается разнообразием (см. *рисунок*). Отмечено сходство и различие предметов из разных регионов.

Все изделия из афанасьевских погребений могут быть разделены на украшения (серьги или височные кольца, браслеты, состоящие из пронизок), предметы быта (ножи, шилья, оковки, скобы) и изделия неизвестного назначения (фрагменты пластинок, окислы). В погребениях куротинского типа обнаружены украшения, шилья и нож (в насыпи) (см. *рисунок, 42–45*). Химический состав металла многих находок определен С.В. Хавриным [2010]. Большинство изученных предметов состоит из чистой меди или меди с незначительным количеством примесей. Иногда использовали метеоритное железо и золото.

Серьги (височные кольца?) (см. *рисунок, 29–34*). В Горном Алтае серьги найдены в шести захоронениях (Первый Межелик-1, Урускин Лог-1 и др.). На Семисарте-2 (огр. 1) зафиксированы окислы на черепе: по-видимому, остатки подобных украшений. Как правило, изделия находились слева от черепа по одному экземпляру. Предметы различаются по



Изделия из металла с памятников афанасьевской культуры Енисея (*1–26*) и Горного Алтая (*27–41*), погребений куротинского (*42–45*) и покровского (*46, 47*) типов (*1–12, 14–20, 23, 27, 28, 31–34, 36–46* – медь; *13, 22, 24–26* – серебро; *21, 29, 30, 47* – золото; *35* – железо) (*1–45* – по: [Вадецкая и др., 2014]; *46, 47* – по: [Шульга, 2006]).

количеству оборотов (1,7–3), размерам (диаметр от 0,7–0,9 до 1,8 см), материалу (медь и золото). Серьги делятся на 2 типа: 1) изделия с заходящими приостренными концами диаметром 1,8 см (Ело-1, огр. 4); 2) изделия в виде спирали в 2–3 оборота.

На Енисее найдены 9 спиралевидных серег в несколько оборотов (см. *рисунок, 12, 13, 21–26*), в т.ч. золотые, медные и серебряные (Афанасьева Гора, мог. 24; Карасук III, огр. 2, мог. 1; Сыда-I, кург. 5, мог. 2; Малиновый Лог, огр. 1, мог. 1 и др.) [Грязнов, 1999, с. 17, 27, 32, рис. 6, *2, 13*; 23, *6*; Боковенко, Митяев, 2010, с. 18, рис. 5–6].

Браслеты (Горный Алтай) из меди и железа найдены на запястьях погребенных 7 захоронений (см. *рисунок, 27, 28*). Они состоят из отдельных пронизей или подпрямоугольных пластин, различаются по материалу (медь и железо) и размерам (железные звенья более крупные).

Пронизи из меди обнаружены в пяти могилах, но информация есть только по находкам из Ело-Баши (огр. 1) и Кара-Кобы-1 (огр. 2). Пронизки подовальной формы имеют размеры 6 × 3 × 3 × 1, 5 × 2 × 1 и 4 × 3 × 1 мм и выполнены из тонкой проволоки.

Браслеты из метеоритного железа найдены на могильниках Усть-Куюмский (мог. 6) и, по-видимому, Кор-Кобы (кург. 9). Размеры пластинок от 1,6 × 1,7 × 0,2 (0,3) см и меньше [Погожева и др., 2006].

Ножи (см. *рисунок, 36–39*). Известны 4 экз. из Горного Алтая: три обнаружены в могилах (Усть-Куюмский, мог. 8; Урускин Лог-1, кург. 3; Айрыдаш-I, погр. 15), а один – в пределах надмогильной конструкции (Урмулык, погр. 6). Все ножи черенковые. По оформлению лезвия подразделяются на двулезвийные с клинком листовидной формы и однолезвийные (см. *рисунок, 36–39*). Отличия между однолезвийными экземплярами наблюдаются в оформлении спинки (выгнутая и прямая) и лезвия черенка. Длина однолезвийных изделий 11,5–11,8 см, а двулезвийных – 10 × 3 и 7,5 × 3 см. У последних клинки обломаны.

Шилья (см. *рисунок, 40, 41*) в могилах обнаружены в количестве 2 экз. (Горный Алтай – Первый Межелик-1, огр. 1; Толгоек II). Предметы обоюдоострые, в сечении четырехгранные. На Енисее ромбовидное в сечении изделие найдено на могильнике Малиновый Лог (огр. 1, мог. 1). Обоюдоострое четерехгранное шило, обнаруженное в нарушенном погребении Моисеехи (кург. 21, мог. 1), вероятнее всего, относится к окуневской культуре [Ковалева и др., 2010, рис. 8, *6*; Вадецкая и др., 2014, с. 196]. В Монголии, в могиле кургана Кувак Гови, найдено четырехгранное шило [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, рис. 7, *2*].

К составным частям предметов относятся четырехгранные гвоздики и скобы (Первый Межелик-1, огр. 12; Афанасьева Гора; Кок-Хая), а также оковки, которые найдены в 10 погребениях Енисея (Афанасьева Гора, Итколь II) (см. *рисунок, 1–11, 14–33*). Они различаются между собой размерами, формой и наличием гвоздиков. Как правило, предметы украшены пуансонным орнаментом. Для Горного Алтая подобные находки не характерны. Оковка с таким орнаментом обнаружена в разрушенном афанасьевском погребении Боронгола [Бородовский, 2006, рис. 6, *4*].

Пластины (назначение неясно). На Урускином Логу-1 (кург. 2), на левом плече погребенного, найдены 2 обломка железной пластинки длиной 2 см. На Бойтыгеме-2 (кург. 11), у локтя правой руки погребенного, обнаружены фрагмент дерева и небольшая плоская медная пластинка.

Объединяет коллекции разных регионов наличие спиралевидных серег и шильев, а отличает то, что на Енисее нет ножей и браслетов, но сравнительно много скобок и оковок, редких для Алтая. Некоторые вещи имеют аналоги среди материалов памятников других культур, в т.ч. на удаленных территориях. Похожие на афанасьевские серьги найдены в одном из захоронений покровского типа на Северо-Западном Алтае (см. *рисунок, 46, 47*) [Шульга, 2006]. Аналоги обнаружены в погребениях новотиторовской культуры степей Предкавказья (III тыс. до н.э.). Однако традиция использования височных колец в погребальном обряде более древняя [Гей, 2000, с. 159–161, рис. 48]. Медные кольца в 1,5–2 оборота из круглой проволоки встречены в захоронениях раннего бронзового века Приуралья [Богданов, 2004, рис. 56, *10, 11*]. На территории Сибири ножи подобного типа иногда находят в памятниках окуневской культуры, например, на Моисеехе (кург. 17, мог. 1; кург. 24, мог. 2) и Барсучихе IV (кург. 22, мог. 2) [Ковалева и др., 2010, рис. 8, *2, 8*; Грязнов, 1999, с. 41, 42; рис. 23, *11*; Вадецкая и др., 2014, с. 196]. Двулезвийные ножи с клинком листовидной формы близки ножам группы 4, по С.Н. Кореневскому, в т.ч. из погребений северокавказской культуры [1978, с. 41–44, рис. 8–58]. Ножи данной группы появились у племен ямной культуры в период их знакомства с кавказскими мышьяковистыми бронзами, т.е. во второй половине III тыс. до н.э., и входили в обиход степных племен до конца бронзового века [Кореневский, 1978, с. 46]. Такие ножи находят в новосвободенских дольменах и позднеямных памятниках степной полосы [Гей, 2000, с. 151]. В памятниках раннего бронзового века Восточной Европы четырехгранные в сечении, обоюдоострые шилья обнаружены в Приуралье.

Они стереотипны и для других очагов ЦМП [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 66, рис. 31; Богданов, 2004, с. 187, рис. 56, *2–4, 8*].

Подводя итоги, отметим, что изделия из металла из афанасьевских погребений относятся к определенным категориям инвентаря – украшениям и составным частям предметов. Возможно, не случайно на Енисее нет ножей, но много оковок и скобок. Не исключено, что появление двулезвийных листовидных ножей в Южной Сибири является хронологическим показателем и отражением контактов населения. Погребения с ножами, видимо, относительно поздние в Горном Алтае. На Енисее ножи найдены в памятниках окуневской культуры. Количество изученных афанасьевских объектов и анализ инвентаря показали, что нет оснований относить к афанасьевской культуре целый ряд случайных находок, в частности, топоры, которые нередко находят в районах, где нет афанасьевских памятников [Грушин, Тюрина, 2009, табл. III]. В эпоху ранней бронзы территория Горного Алтая была населена не только афанасьевцами [Молодин, 2002], поэтому связывать подобные находки с афанасьевской культурой и привлекать их в качестве аргумента в решении проблемы происхождения культуры преждевременно [Моргунова, 2014].

Список литературы

Богданов С.В. Эпоха меди Степного Приуралья. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – 285 с.

Боковенко Н.А., Митяев П.Е. Афанасьевский могильник Малиновый Лог на Енисее // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 16–29.

Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 84–95.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: Азбука, 2014. – 382 с.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. – М: ТОО «Старый сад», 2000. – 223 с.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб.: Изд-во «Дм. Буланин», 1999. – 136 с.

Грушин С.П., Тюрина Е.А. Эпоха энеолита (афанасьевский металлокомплекс) // Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Харин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – С. 7–23.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 91–108.

Ковалева О.В., Леонтьев Н.В., Амзараков П.Б. Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 г. // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 108–121.

Кореневский С.Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. – 1978. – № 2. – С. 33–48.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – Т. 1: Древность и средневековье. – С. 97–142.

Моргунова Н.Л. О характере культурного взаимодействия населения ямной культуры степного Волго-Уралья и афанасьевской культуры Алтае-Саянского региона // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 3 (26). – С. 4–13.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994. – 153 с.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Азбука, 2006. – Ч. 1. – 234 с.

Хаврин С.В. Древнейший металл Горного Алтая // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 187–189.

Шульга П.И. Погребения эпохи энеолита – бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 47–72.

УДК 903’1

А.В. Табарев[1], А.Н. Попов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Дальневосточный федеральный университет,
E-mail: olmec@yandex.ru

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

Статья посвящена результатам археологических исследований в Колумбии и Эквадоре (Северные Анды), в которых приняли участие отечественные специалисты из Новосибирска, Владивостока и Москвы. Основной акцент сделан на изучении доиспанских культур юго-западной части Колумбии (илама, йотоко, сонсо, кимбайя, малагана, Сан-Агустин) и тихоокеанского побережья Эквадора (Лас-Вегас, вальдивия, Тумако-Ла-Толита). На осень 2014 г. запланировано начало археологических раскопок на важнейшем памятнике культуры вальдивия – Риаль-Альто (пров. Санта-Элена, Эквадор).

Ключевые слова: *Колумбия, Эквадор, доиспанские культуры, международное сотрудничество.*

Starting from 2010 the authors of the paper are conducting wide-scale archaeological researches in Colombia and Ecuador (Northern Andes). This is the first Russian archaeological project in South America after a long break. These works realized by the group of specialists from Novosibirsk, Vladivostok and Moscow. The principle research focus is made on the studies of prehispanic cultures of southwestern Colombia (Ilama, Yotoco, Sonso, Quimbaya, Malagana, San Agustin), and the Pacific coast of Ecuador (Las Vegas, Valdivia, Tumaco – La Tolita). Archaeological excavations at one of the most important sites of Valdivia culture – Real Alto (Province of Santa Elena, Ecuador) – are scheduled for the fall of 2014.

Keywords: *Colombia, Ecuador, prehispanique cultures, international cooperation.*

Изучение древних культур Южной Америки в отечественной археологической науке имеет короткую, но достаточно яркую историю. К сожалению, в силу самых разных причин, за периодом активности 1960–1980-е гг. последовала досадная пауза почти в два десятилетия. Последняя монография по теме вышла более 15 лет назад [Башилов, 1999]. За четверть века были защищены лишь две диссертации по южноамериканской тематике [Березкин, 1990; Острирова, 2013]. Сотрудничество с южноамериканскими коллегами фактически прервалось.

Возвращение в регион и восстановление научных связей оказалось довольно непростым и длительным процессом. В значительной степени это обусловлено тем, что ранее в Сибири и на Дальнем востоке южноамериканская компонента практически не была представлена в исследовательской и образовательной сферах.

«Подобраться» к Южной Америке удалось через тихоокеанскую тематику, в т.ч. в рамках проектов РГНФ по изучению культуры дзёмон и аналогов ее отдельных составляющих в тихоокеанском бассейне (антропоморфная пластика, ритуальная посуда, погребальный комплекс). С самого начала в фокусе наших интересов были Северные Анды. Их культуры представлены в отечественной археологической литературе фрагментарно (работы С.А. Созиной по *муискам*, несколько статей В.А. Башилова по культурам юго-запада Колумбии).

Первое ознакомительное путешествие авторов в Южную Америку (Колумбия, Эквадор) состоялось в 2010 г. За ним последовала серия ежегодных тематических поездок для работы с археологическими материалами, посещения памятников и музеев, выступления с лекциями и участие в международных конференциях. Сегодня есть возможность подвести некоторые итоги этого пятилетнего цикла, обозначить наиболее интересные перспективы и проблемы дальнейших исследований.

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-01-00001а «Древние культуры Колумбии и Эквадора» и Научного фонда ДВФУ.

В первую очередь следует дать внушительный список университетов, музеев и научных центров, с которыми установлены прочные контакты и подписаны рамочные соглашения о сотрудничестве: Музей Археологии, Университет дель Бадье (г. Кали, Колумбия), Университет Магдалена (г. Санта-Марта. Колумбия), Колумбийский национальный университет (г. Богота, Колумбия), Приморский политехнический институт (г. Гуаякиль, Эквадор), Университет Манаби (г. Портовьехо, Эквадор), Политехнический университет Манаби (г. Манта, Эквадор) и др.

К южноамериканским исследованиям привлечен широкий круг российских и зарубежных специалистов – Сектор зарубежной археологии (ИАЭТ СО РАН), Учебно-научный музей ДВФУ, Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова (РГГУ), Лаборатория археологии (Университет Тохоку), Музей Михо. В нескольких случаях удалось наладить связи с представителями российской диаспоры в Латинской Америке.

Разнообразна тематика исследований: анализ коллекций каменных артефактов культуры Лас-Вегас (10,0–6,8 тыс. л.н.); работа с антропоморфной пластикой культуры Тумако-Ла-Толита (2,5–1,5 тыс. л.н.); сбор материалов по истории изучения ритуального центра Сан-Агустин (I–IX вв.); культурная идентификация и датировка золотых изделий (культуры илама, йотоко, сонсо, кимбайя, малагана, Сан-Агустин) из Колумбии в собрании Музея Михо (Япония) и др.

На сегодняшний день уже опубликовано около двух десятков работ, включая статьи в российских рецензируемых журналах «Латинская Америка», «Наука из первых рук», «Вестник НГУ» и «Гуманитарные науки в Сибири» [Табарев, 2012, 2013; Табарев, Родригес, 2013; Табарев, Маркос, Попов, 2013]. Серия статей подготовлена совместно с коллегами из Колумбии, Эквадора, США и Японии и находится в печати в зарубежных изданиях «Revista de arqueologia americana», «Bulletin de la Universidad de la Peninsula de Santa Elena», «Bulletin of Tohoku University Museum», «Bulletin de Miho Museum». Ведется работа над главой для обобщающей монографии по культуре Лас-Вегас (University of Pittsburgh Press). Кроме того, на накопленном материале подготовлена научно-популярная книга «В царстве радужного тукана (из истории открытия и изучения древностей Центральной Америки и Северных Анд)»*.

Одним из наиболее существенных итогов пятилетнего цикла работ является вывод о возможности определения Северных Анд в качестве третьего (наряду с Мезоамерикой и Центральными Андами) очага возникновения и развития цивилизаций в Новом Свете. Целый ряд особенностей культурогенеза в данном регионе (самое раннее появление керамической посуды, самостоятельные опыты по доместикации растений, наиболее древняя металлургия, оригинальные формы социальной организации и т.д.) свидетельствует, что на протяжении всей доколумбовой истории Северные Анды играли важную роль в генерировании технологических и культурных инноваций, а также в их распространении в соседние регионы.

В 2012 г. в Колумбии (г. Перейра) прошла крупная международная конференция «Ранний человек в Америке: тропическая перспектива». Специалисты из Латинской Америки, США и Европы представили археологические, антропологические и палеогеографические факты, свидетельствующие, что уже на этапе первоначального заселения Северных Анд (11,5–11,0 тыс. л.н.) здесь существовали некоторые технологические традиции изготовления орудий и формировались палеоэкономические модели (приморская, озерная, внутриконтинентальная). В совместном российско-колумбийском докладе говорилось о распространении форм каменных наконечников и об одонтологических материалах, которые связывают древнейшее население Южной Америки с районами Восточной Азии (в первую очередь, с Дальним Востоком).

Самый важный практический результат – достижение договоренности о начале археологических исследований на территории Эквадора, начиная с осени 2014 г. В наших планах возобновление раскопок на наиболее известном и важном памятнике раннеземледельческой культуры вальдивия – Риаль-Альто (6,0–3,5 тыс. л.н.). Исследования, проводившиеся в 1970–1980-х гг., выявили здесь следы нескольких периодов обитания, различные жилищные и ритуальные конструкции, погребения, массовый керамический материал [Marcos, 1988]. Всего было вскрыто не более 10 % территории памятника, что оставляет весьма интересную и многообещающую перспективу нового этапа раскопок. В первую очередь, речь идет об обнаружении на Риаль-Альто наиболее ранних горизонтов и следов возникновения гончарства (возможно, одного из самых древних в Новом Свете). Начало раскопок на Риаль-Альто совпадает с открытием в Приморском политехническом институте (г. Гу-

*С книгой можно ознакомиться на странице РГНФ. Режим доступа: http://www.rfh.ru/index.php/ru/rezultaty/nauchno-populyarnye-izdaniya/298-scipop2013

аякиль) бакалаврской и магистерской программ по неотропической археологии (единственных в Эквадоре на сегодня) и возможностью использовать этот проект в формате полевой школы для подготовки молодых эквадорских археологов.

Кроме проекта на Риаль-Альто, в археологии Северных Анд есть другие интересные перспективы: расширение географии исследований за счет территорий Венесуэлы, Панамы и севера Перу (условно – территория «Великой Колумбии» до 1831 г.); анализ культурных контактов по тихоокеанскому побережью между Западной Мексикой, Центральной Америкой и Северными Андами; углубленное изучение локальных культур и культурных ареалов (например, для Эквадора – территория провинций Санта-Элена и Манаби, для Колумбии – археологический район Калима или группа памятников с ранней керамикой у карибского побережья). Значительные коллекции археологических материалов из Эквадора и Колумбии хранятся в фондах европейских музеев (Мадрид, Париж, Брюссель, Амстердам, Берлин, Гетеборг). Многие из них никогда не экспонировались и не изучались специалистами.

Таким образом, полноценное возвращение в Южную Америку состоялось. Впрочем, дальнейшее продвижение и серьезные результаты в изучении древних культур Южной Америки зависят от многих обстоятельств (финансовых, организационных, кадровых): благосклонности и щедрости отечественных научных фондов (РГНФ, РНФ), успешного сотрудничества российских и латиноамериканских специалистов, но что особенно важно – вовлечение в научные исследования мотивированной молодежи (студентов, аспирантов).

Список литературы

Башилов В.А. «Неолитическая революция» в Центральных Андах: две модели палеоэкономического процесса. – М.: ТОО «Старый сад», 1999. – 206 с.

Березкин Ю.Е. Древнейшая история Южной Америки и индейская мифология (от охотников-собирателей к ранним земледельцам): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 1990. – 50 с.

Острирова Е.С. Социально-политическая организация доиспанских вождеств Колумбии: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2013. – 26 с.

Табарев А.В. По обе стороны времени: записки археолога о поездках в Колумбию // Латинская Америка. – 2012. – № 5. – С. 82–92.

Табарев А.В. Гостеприимные боги Сан-Агустина: записки археолога о поездках в Колумбию // Латинская Америка. – 2013. – № 4. – С. 83–96.

Табарев А.В., Родригес К.А. Колумбия: страна археологических головоломок // Наука из первых рук. – 2013. – № 3 (51). – С. 70–85.

Табарев А.В., Маркос Х.Г., Попов А.Н. Эквадор: по следам одной необычной археологической гипотезы // Наука из первых рук. – 2013. – № 5–6. – С. 124–141.

Marcos J.G. Real Alto: la historia de un centro ceremonial Valdivia. Primera parte. – Quito: Corporación Editora Nacional, 1988. – 344 p.

УДК 902.2

С.Ф. Татауров[1], М.Л. Черная[2]

[1]Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
[2]Томский национальный исследовательский государственный университет
E-mail:TatSF2008@rambler.ru

УСАДЬБА НА ТЕРРИТОРИИ ТАРСКОЙ КРЕПОСТИ: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 2011–2014 ГОДОВ

Статья посвящена итогам археологических исследований одной из усадеб на территории тарской крепости. На основании полученных данных создан макет усадьбы и приводится его описание. По планиграфии и найденным при раскопках предметам сделано предположение, что этот жилищно-хозяйственный комплекс принадлежал одному из представителей служилой знати города.

Ключевые слова: *Сибирь, город Тара, усадьба, архитектура, статус.*

Report is devoted to the results of archaeological research one of the farmstead in the territory of the fortress of Tara. The farmstead model and description were created based on the data layout of the farmstead. Based on planigraphy and objects found during excavations it has been suggested that the housing and economic complex belonged to one of the representatives of the serving nobles of the city.

Keywords: *Siberia, city, Tara, mansion, architecture, status.*

В 2014 г. экспедиция Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН при участии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и Томского государственного университета завершила работы по исследованию одной из усадеб на территории тарской крепости. Общая площадь раскопа составила 300 м^2. Следует отметить, что за исключением небольшой части основного жилого дома все объекты, составляющие усадьбу, раскопаны полностью. По результатам раскопок сделан макет усадьбы в масштабе 1:80 (см. *рисунок*).

В плане усадьба представляла собой прямоугольник (ориентированный практически точно по сторонам света). Здания были размещены по периметру, а в центре находился частично перекрытый навесом двор. Усадьба состояла из пяти объектов: жилого дома, бани, избы для челяди, колодца и погреба с надпогребницей.

Дом представлял собой классический пятистенок (6 × 12 м), срубленный из бревен (диаметр не менее 0,5 м) «в лапу» с неровными выпусками. В одной части находилась глинобитная печь, которую, по всей вероятности, несколько раз ремонтировали, а после одного из ремонтов у нее появилась кирпичная труба. В этой же комнате, судя по находкам керамической посуды, была столовая со столами для принятия пищи. Кухонная посуда в доме не обнаружена, поэтому можно предположить, что пищу готовили в избе для челяди, где такая посуда найдена. Матицы пола врублены в третий ряд бревен, поэтому в доме был большой подпол, который примерно на 0,3–0,4 м углублен относительного первого ряда сруба.

Вход в дом шел через просторные сени из бруса, которые имели ширину около 2 м и были прирублены к южной стороне дома. В сени входили с западной стороны, а дверь в дом располагалась в самом конце сеней, у юго-восточного угла, благодаря чему получился большой тамбур для холодного воздуха. Двери в сени находились на высоте 0,6–0,7 м, поэтому к ним вело крыльцо из четырех ступенек. Перед крыльцом располагались ворота с калиткой.

С южной стороны к сеням вплотную примыкала бревенчатая мостовая шириной почти 6 м. В районе крыльца она расширялась до 8 м и выходила на улицу. Бревна мостовой имели небольшой диаметр (не более 0,2 м). Крайние бревна были приподняты примерно на 0,05 м: они служили ограничителями для тележных колес. По всей вероятности, мостовая вела к церкви.

Во дворе, по другую сторону мостовой, напротив сеней, стояла небольшая баня (4 × 4 м).

Макет усадьбы тарской крепости (масштаб 1:80).

Она тоже имела вход с западной стороны. Предбанника не было, что для крытых дворов в Сибири обычное явление. Баня топилась по-черному. Небольшая глинобитная печка располагалась слева от входа. При разборке заполнения бани найдены клепки от нескольких шаек и остатки веников. В одном углу на уровне пола обнаружен маленький лапоть (по всей вероятности, здесь было пристанище банника).

В нескольких метрах от бани, на одной с ней линии, была поставлена изба, которая, скорее всего, предназначалось для проживания обслуги хозяина усадьбы – повара, уборщика, конюха и пр. Изба имела размеры 4,5 × 4,5 м. Вход в нее был с западной стороны, т.е. со стороны дома. В северо-восточном углу избы находилась большая глинобитная печь с большим подом и высоким сводом. Внутри избы найдено несколько больших горшков и другой кухонный инвентарь – мутовки, лопатки, разделочные доски, туески и т.п. Все это использовалось для приготовления пищи. Ели обитатели жилища из деревянных мисок деревянными ложками.

С северной стороны избы сделана небольшая завалинка из остатков бревен и плах шириной около 0,8 м и высотой 0,5 м. На 3 м к северу от нее был выкопан колодец. Над ним была сделана крыша, от которой остались фрагменты столбов по углам. Сам колодец имел размеры 1,2 × 1,2 м. Он стоял на роднике или нескольких родниках, т.к. после снятия четырехметрового культурного слоя и выборки самого колодца с большим напором снизу пошла холодная чистая вода. Пришлось останавливать этот поток, поэтому выбрать колодец полностью не получилось.

На 3 м к северу от колодца располагался погреб с надпогребницей. Погреб срублен из крупных (диаметр 0,4 м) бревен и перекрыт полубревнами (толщина 0,2 м). Размеры внутренней камеры составили 3,2 × 3,2 м. Мощное перекрытие выдержало давление времени и поздних наслоений, поэтому после снятия верхних горизонтов выяснилось, что погреб был совершенно полым, за исключением крышки над лазом. Глубина погреба 1,7 м. Он имел двойной пол. Нижний настил был постоянным, из толстых полубревен, а съемный пол располагался на 0,4 м выше и срублен из толстых (0,15 м) плах. Съемный пол крепился при помощи тонких жердей (0,07 м), которые вставлялись в просверленные (или выдолбленные) в стенах отверстия и пазы в плахах. В холодное время года верхний слой убирали, а в теплый период на него укладывали слой льда, поверх которого стелили второй пол. Таким образом, погреб летом служил ледником. Над погребом была поставлена надпогребница (5,0 × 4,5 м), представлявшая собой каркасное сооружение из мощных угловых столбов с пазами, в которые в набор были вставлены плахи. При исследовании комплекса в погребе были найдены остатки бочек с крышками и несколько камней – гнетов для солений. Примечательно, что для этой же цели служил найденный здесь зуб мамонта. Судя по расположению бревен основания конструкции, крыша надпогребницы и колодца была общая. Следует отметить, что близкое расположение погреба и колодца весьма распространенное явление в Прииртышье (служит для предотвращения появления воды в погребе).

Свободные проходы между домом и надпогребницей с севера и между баней и избой для челяди с юга были огорожены: в первом случае – заплотом, во втором – частоколом из тонких (0,07–0,08 м) жердей. Усадьба была полностью обособлена от окружающей территории.

Раскопки этого года проводились к востоку от усадьбы. Они показали, что здесь находились постройки для содержания скота. Заполнение свидетельствует о том, что в них содержали лошадей, овец и домашнюю птицу – кур и гусей.

После завершения раскопок усадьбы встал вопрос: кому она принадлежала? На картах-схемах города Тары конца XVI – начала XVII в. на этом месте обозначено несколько жилищно-хозяйственных комплексов, в т.ч. воеводский двор. Какие-либо статусные вещи, указывающие на положение хозяина в г. Таре, в ходе раскопок не обнаружены. Однако зафиксированы факторы, показывающих, что эти хоромы занимал высокопоставленный «чиновник»:

1. Расположение и размеры. Усадебный комплекс находится практически в самом центре крепости и занимает достаточно большую площадь. При ограниченном пространстве крепости это говорит об особом статусе его владельца. Общая площадь усадьбы превышает 300 м^2. В середине есть открытый двор, что для тарских усадьб даже для более позднего времени нельзя назвать характерной чертой.

2. Особенности строительства. Во-первых, возведение теплых сеней из бруса при отсутствии пилы являлось очень трудоемким и дорогостоящим предприятием. Во-вторых, мостовая при выходе из усадьбы имела ширину почти 8 м. В посадской части города мостовые не превышали 2 м. Следует отметить, что в данном случае мостовая сделана из цельного леса и снабжена отбойными бортиками. В посаде мостовая выполнена из вторичной древесины – бывших до этого в употреблении полубревен, плах и т.д. В-третьих, сам дом срублен из очень мощных бревен (диаметр 0,5 м). Другие подобные срубы в г. Таре не зафиксированы.

Находки. Из общего количества обуви, найденной при раскопках г. Тары (более 200 только целых предметов) [Богомолов, Татауров, 2010], выделяется набор вещей из усадебного комплекса. Интересны сапоги, которые отличает высокий каблук (на одном сохранилась набойка-шпора), резные отвороты, позолоченные задники и расшитые шелком швы. Лапти (10 шт.) были найдены в избе, которую мы считаем жильем для челяди. Любопытный факт: за все годы раскопок в крепости и посаде ни одного лаптя обнаружено не было.

Заслуживают внимания ножи, найденные в ходе раскопок усадьбы. По крайней мере, три из них по форме лезвия, оформлению рукояти и качеству стали можно отнести к боевым ножам.

В ходе раскопок усадьбы обнаружены предметы, которые не найдены на территории посада: фрагменты 4 шкатулок, ажурные металлические щипчики для снятия нагара со свечей, 2 подсвечника (в посаде пользовались светцами), шахматная доска и 7 шахматных фигурок. Монет найдено мало, как и фрагментов фарфоровой посуды. Таких исключительных объектов, как, например, печь с изразцами в Томском кремле [Черная, 2002], на этом комплексе не обнаружили. Набор предметов с раскопок усадьбы весьма скромен: единичные металлические изделия, 3–4 осколка стеклянных сосудов западноевропейского производства, несколько фрагментов фарфоровой посуды. При соотнесении материалов крепости и острога можно сделать следующий вывод: усадьбы элиты в городах Западной Сибири выделяются не конструктивно-планировочными особенностями застройки (представители разных сословий применяли сходные или универсальные приемы домостроительства), а числом построек, размерам и отделкой.

Предметное наполнение исследуемой усадьбы не соотносится с воеводским статусом владельца. Если учитывать постоянную полувоенную ситуацию в Тарском Прииртышье на протяжении всего XVII в. и частую смену руководства тарского гарнизона, то становится очевидным, что большого количества предметов роскоши в усадьбах тарской крепости могло и не быть. Однако при социальной интерпретации комплекса нельзя отрицать возможность принадлежности двора кому-то из высокопоставленных жителей города.

Список литературы

Богомолов В.Б., Татауров С.Ф. Коллекция обуви из раскопок города Тары в 2009 году // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2010. – С. 91–96.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – 194 с.

УДК 528.8+904

Л.В. Татаурова[1], Л.В. Быков[2], А.П. Макаров[3], П.В. Орлов[4]

[1]Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
[2]ООО «Лаборатория автоматизации геодезических и фотограмметрических работ», Омск
[3]ФГУП «Ростехинвентаризация БТИ», Омск
[4]ФГБОУ ВПО «Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия», Омск
E-mail: Li-sa65@mail.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО КОМПЛЕКСА XVIII ВЕКА АНАНЬИНО I В 2014 ГОДУ*

В статье показаны результаты раскопок русского поселения и кладбища XVIII века Ананьино I. В ходе работ полностью исследован жилищный комплекс – изба-связь с развалом глинобитной печи в горнице и подполом в избе-клети. На кладбище изучены 8 погребений в деревянных колодах. При раскопках собрана представительная коллекция предметов материальной культуры: монеты, нательные кресты, кожаная обувь, железный серп, керамика, китайский фарфор. Взяты образцы дерева для получения дендродат. Сделаны антропологические определения останков погребенных. Представлены итоги экспериментальных работ по геодезическому сопровождению археологических раскопок с использованием фотосъемки с беспилотного летательного аппарата.

Ключевые слова: *археологические памятники, русские, раскопки, аэрофотосъемка, беспилотный летательный аппарат, ортофотопланы.*

This article shows results of excavations of the Russian settlement and a cemetery of the XVIII century which are located on the territory of an archaeological site Ananyino I in the Tarsky District of the Omsk Region. In 2014 there was completely investigated the housing complex which is presented by several log huts and one pise oven. 8 burials in wooden coffins was studied on the cemetery. As a result of excavations representative collection of finds was received. Also samples of tree were taken for receiving dendrologic dates. Moreover the anthropological definitions of remains from the burials were made. Either results of geodetic maintenance of archaeological researches are presented in article. In 2013 we used unmanned aerial vehicle, with trilocular system of fixing objects. Using of three cameras additional labor costs were demanded during the cameral process. In 2014 a quadcopter was used which allowed to simplify the process of receiving of basic data for creation model of landscape. Aerial vehicle promoted increasing of specification of fixing during the excavation in general, and separate objects on an archaeological site.

Keywords: *Archaeological sites, Russians, excavations, aerial photography, unmanned aerial vehicle, orthophotomaps.*

В полевом сезоне 2014 г. нами продолжено комплексное изучение русской деревни XVII–XVIII вв. Ананьино I, расположенной на берегу одноименного озера в Тарском районе Омской области (открытый лист № 877). В письменных источниках упоминание о д. Ананьино приходится на начало XVII в. [Буцинский, 1999, с. 153]. В этом году завершено начатое в 2013 г. исследование усадебного комплекса на поселении и продолжены раскопки кладбища, ранее проводимые в 2005 и 2010 гг.

В результате полностью изучено жилище, представляющее собой трехчастную избу-связь, включая горницу, сени и клеть, в которой был устроен подпол. Дом ориентирован фасадом на озеро, на берегу которого построен. Общая площадь жилища составила около 60 м^2. Вход сделан с восточной стороны: в горницу через сени,

*Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Культура, система жизнеобеспечения и этносоциальная история деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим, письменным, этнографическим источникам и результатам естественнонаучных исследований)» (№ 14-31-01023).

у которых зафиксирован дверной проем и крыльцо; в клеть имелся свой вход с крыльцом.

Сени пристроены к горнице в технике «набирки». С клетью они имели общую срубную стену, от которой хорошо сохранились два венца. Сруб подпола опущен в яму. Сруб состоял из 6 венцов хорошей сохранности, что позволило получить образцы для датирования. Внутренние размеры подпола составили 7 м^2, где с СЗ устроена полка шириной 60 см. Все пространство между стенами клети и срубом подпола было заполнено (вероятно, для теплоизоляции) озерным илом – вязкой плотной субстанцией серого цвета. Внутри заполнения предметы не обнаружены. На дне подпола найдены фрагменты досок.

Горница (36 м^2) квадратная в плане, выполнена в виде сруба, от которого остались два венца с выпусками. Углы рублены «в чашу». Внутренняя планировка горницы с печью справа от входа соответствует принятому в Западной Сибири размещению русской печи в углу у стены, направленной устьем к окнам фасада [Этнография русского крестьянства…,1981, с. 114–115; 128; Очерки культурогенеза…, 1994, с. 127].

В развале печи и рядом с ней зафиксировано большое количество фрагментов глиняной посуды – горшков, корчаг, мисок, сковород. В подпечье найден железный серп, несколько бусин разной формы, фрагменты деревянной посуды, обломки стеклянного флакончика. Не занятое печью жилое пространство было застлано полом из плах. В яме под жилищем найдена монета середины XVIII в.

Оба крыльца выходили во внутренний, вероятно, крытый двор. Его кровля примыкала к жилищу и, скорее всего, держалась на столбах. Все пространство крытого двора было застлано деревянным полом. Ширина этого пространства (СВ–ЮЗ) 6,3 м. Пол уходил под СВ стенку раскопа. Длина половиц 480–500 см, а ширина 40–60 см [Татаурова, 2013, с. 336–340]. Таким образом, раскопанная площадь пола составила около 32 м^2. В СВ части поверх пола зафиксирован угол сооружения, уходящего за пределы раскопа.

В 2013 г. к югу от жилища обнаружено пятно, контуром похожее на жилище. В южном углу над пятном был аморфный, небольшой по мощности прокал. После выборки заполнения прокала в погребенной почве, внутри обозначенного пятна, на разных уровнях, обнаружены 4 скелета собак, целый череп лошади, несколько фрагментов другого черепа лошади и многочисленные кости животных. Назначение данного объекта объяснить было сложно. В 2014 г. его исследовали детально. Под пятном открылась неглубокая прямоугольная яма с остатками дерева по периметру (тонкие, в 10–15 см, бревна) и разрозненными фрагментами дерева внутри. В заполнении ямы найдены монеты середины XVIII в., фрагменты слюды и развалы керамических сосудов.

В ходе двухлетних исследований объектов и прирезки, сделанной в 2014 г. для полного изучения горницы, которая попала в раскоп 2013 г. только наполовину, обнаружено 390 индивидуальных находок. Среди них 10 монет середины – конца XVIII в., много предметов, относящихся к хозяйственно-бытовому комплексу: глиняные и каменные грузила, удила, строительная черта и скобель, ножи, пинцеты, фрагменты веревочек, плетеных из шерсти, головка курительной трубки из кости, бабки для игры, залитые свинцом, белые и синие бусы различной формы, два медных крестика первого типа (по В.И. Молодину), два женских украшения с подвесками из синей и красно-коричневой бусин, швейные иглы, глиняные сосудики-игрушки, костяные иглы и гарпуны, железные серп и кресало, а также представительная коллекция ружейных и кресальных кремней. Найдено много фрагментов изделий из кожи (чирки, голенище сапога, подошвы, части ремня). Представителен массив керамики, среди которой черно- и краснолощеная, лепная и гончарная. Встречены фрагменты китайского фарфора династий Мин и Цин (XVII–XVIII вв.).

На погребальном комплексе в 2014 г. изучены 8 погребений: 4 взрослых (три женских и одно мужское; половозрастные определения сделаны М.П. Рыкун), 4 детских. Захоронения ориентированы на З-В и совершены в неглубоких ямах (40–60 см от современной дневной поверхности). Каждый умершие был помещен в деревянную колоду. Из сопроводительного инвентаря в четырех погребениях найдены медные нательные кресты.

Жилищный и погребальный комплексы и полученный в ходе раскопок инвентарь характеризуют различные стороны культуры проживавшего здесь в XVIII в. русского служилого и крестьянского населения, дает обширную информацию для реконструкции системы жизнеобеспечения.

В полевые сезоны 2012–2013 гг. авторским коллективом разработана и апробирована методика использования геодезических методов для определения пространственного положения археологических памятников, раскопанных объектов и находок с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) типа «Эльф-ПП». Построенные с помощью БПЛА и систем высокоточного позиционирования ландшафтные модели (рис. 1) позволили определить границы памятника и опробовать новые способы фиксации объектов и находок [Орлов и др., 2013, с. 36–45].

В 2014 г. мы продолжили совершенствование методики, применив новые устройства и оборудование повышенной точности. В качестве нового БПЛА нами использовался квадрокоптер типа «DJI Phantom 2» с контроллером «DJI Naza M V2». Применена открытая шина системного интерфейса CAN, подключены системные блоки отображения полетной информации «iOSD», модем управления «2.4G Blue Tooth Datalink» и системный подвес «DJI Zenmuse H3-2D» для камеры «GoPro». Продолжительность полета квадрокоптера составила 25 мин. с аккумулятором емкостью 5,2 тыс. мАч. Время замены аккумулятора составило не более 20 сек. Пульт позволяет управлять квадрокоптером на дальности до 1 км.

Рис. 1. Ортофотоплан комплекса Ананьино I с обозначением границ поселения и кладбища. Выполнен на основе съемки с беспилотного летательного аппарата типа «Эльф-ПП» в 2013 г.

БПЛА типа «Эльф-ПП» использует трехкамерную систему фиксации и требует дополнительных трудозатрат при камеральной обработке и накидном монтаже в специализированных программах [Быков и др., 2013, с. 139–145]. Применение квадрокоптера позволило упростить получение исходных данных для построения ландшафтной модели. Аэрофотосъемка памятника выполнялась с высоты 8,2 и 200 м. В результате удалось повысить детализацию при фиксации раскопа в целом и отдельных объектов на памятнике (рис. 2).

Предложенные методические приемы использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) позволяют:

– точно привязать границы археологических комплексов к геодезической системе координат и создать ландшафтную модель территории, на которой объекты сформировались, функционировали и стали археологическими;

– существенно облегчить задачу постановки археологического объекта на учет в охранные организации и вывод территории памятника из хозяйственного использования;

– при долговременном исследовании памятника обеспечить точную прирезку новых площадей для раскопок.

Рис. 2. Ортофотоплан комплекса Ананьино I с видом на раскопы поселения (*1*) и кладбище (*2*). Выполнен на основе съемки с квадрокоптера типа «DJI Phantom 2» в 2014 г.

В сочетании со строгой фотограмметрической обработкой изображений и применением GNSS методика геодезического обеспечения археологических исследований в целом продолжает совершенствоваться.

Список литературы

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. – С. 153.

Быков А.Л., Костюк А.С., Быков В.Л., Быков Л.В., Татаурова Л.В., Орлов П.В., Погарский П.М. Применение материалов аэрофотосъемки с беспилотного летательного аппарата для картографического обеспечения археологических работ // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2013: IX междунар. науч. конгр. (15–26 апреля 2013 г., г. Новосибирск); Междунар. науч. конф. «Дистанционные методы зондирования Земли и фотограмметрия, мониторинг окружающей среды, геоэкология»: сб. мат-лов. – Новосибирск: Изд-во Сиб. гос. геодез. акад., 2013. – Т. 1. – С. 139–145.

Орлов П.В., Татаурова Л.В. Лашов М.В. Использование БПЛА и систем высокоточного спутникового позиционирования для построения трехмерных ландшафтных моделей археологических памятников // Виртуальная археология (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции): мат-лы Первой междунар. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 36–45.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Т. 1. – 489 с.

Татаурова Л.В Жилищный комплекс русского поселения XVII–XVIII веков Ананьино I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итог. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2013. – Т. XIX. – С. 336–340.

Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

УДК 903.2

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

КЫРГЫЗСКАЯ САБЛЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА У ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ МИНУСИНСК*

В статье описана редкая железная сабля, обнаруженная в ходе раскопок могильника кыргызской культуры в окрестностях железнодорожной станции Минусинск в начале 1960-х гг. археологом Красноярского краеведческого музея Р.В. Николаевым. Изучение этого рубяще-колющего оружия позволило уточнить особенности конструкции клинка, рукояти, перекрестья и обоймы ножен. Проанализированы находки предметов вооружения из курганов кыргызской культуры из Минусинской котловины и Тувы. Выявлено, что оружие в большем количестве представлено в кыргызских погребениях Тувы, где разворачивались активные действия в ходе кыргызско-уйгурской войны IX в.

Ключевые слова: *культура енисейских кыргызов, сабля, клинок, перекрестье, курганы, обряд кремации, Минусинск.*

A rare find of an iron sabre was analyzed in the article. It was found in the process of the excavation of Kirghiz mound in the vicinity of the Minusinsk railway station. The excavation was leaded by R.V. Nikolaev the archeologist worked in Krasnoyarsk History Museum in early 1960s. Researching of the find allowed clarifying the features of blades, curved hilts, cross-guards and scabbard beckets designs. In the article the author analyzed available weapon items from Kirghiz mounds in the Minusinsk Hollow and Tuva. It was revealed that in Kirghiz burials in Tuva, where were active hostilities during the Kirghiz-Uyghurs war in IX AD, weapons presented in greater numbers.

Keywords: *Yenisei Kirghiz culture, sabre, blade, cross-guard, mounds, cremation ceremony, Minusinsk.*

Во время раскопок, проводившихся в окрестностях железнодорожной станции Минусинск археологической экспедицией Красноярского краеведческого музея в 1961–1962 гг., Р.В. Николаевым в кургане № 9 обнаружена хорошо сохранившаяся железная сабля. Исследователь подробно описал эту редкую для тех лет находку клинкового оружия. Согласно его описанию: «…большая часть клинка сабли прямая. Лишь конец близ острия имеет плавный изгиб, и в этом месте клинок обоюдоострый. Основание рукояти, выкованное из одной полосы с клинком, имеет форму сильно вытянутого треугольника с округлым отверстием у вершины. Основание согнуто кольцом, вероятно, под воздействием пламени. Перекрестье изготовлено отдельно от сабли. Оно имеет овальную прорезь и надето на основание. Очевидно, посредством прорези скреплялась нижняя часть деревянной обкладки рукояти сабли. Обкладка эта, по-видимому, сгорела. Перекрестье имеет форму сильно вытянутого ромба с округлыми углами. От границы клинка и рукояти лезвия идет декоративная железная обкладка с фигурными вырезами в виде полумесяцев. Под перекрестьем на саблю была надета железная обойма, несомкнутая, эллипсоидная в плане. Концы ее скреплены железным стержнем с вдетым в него свободно вращающимся кольцом. Обойма эта скрепляла верхнюю часть ножен. Каких-либо остатков от них не сохранилось» [Николаев, 1973, с. 199–201].

На схематичном рисунке изображен почти прямой клинок с остроугольным острием, ребром по вертикальной оси полосы, оковкой в верхней части лезвия, обоймой с кольцом от ножен, пластинчатым перекрестьем и загнутым на правую сторону череном рукояти с округлым отверстием на конце [Николаев, 1973, рис. 7, *1*]. Р.В. Николаев отметил, что сабля найдена в восточной части кургана № 9.

*Работа выполнена в рамках проекта «Изучение военного дела древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии» (№ 06/06/2014).

Она помещалась наклонно в насыпи кургана и «была ориентирована по линии север-юг, острием в южную сторону». Верхняя часть рукояти «обнаружена при расчистке камней выкладки кургана» [Николаев, 1973, с. 200]. Однако на плане этого кургана сабля отмечена в западной части каменной выкладки, острием на юг. В восточной части кургана среди редких камней выкладки отмечена ямка с сожженным прахом погребенного [Николаев, 1973, рис. 7, *2*]. Исследователь отметил, что сабля из кургана № 9 «находит близкие аналогии среди раннесредневековых сабель Восточной Европы, которые Н.Я. Мерперт датирует временем до X в. [Николаев, 1973, с. 205; Мерперт, 1955, с. 134, 162; рис. 1, *1*; 2, *1*].

Предпринятый Р.В. Николаевым опыт анализа находки минусинской сабли был принят другими исследователями культуры енисейских кыргызов, в т.ч. автором этих строк [Худяков, 1980, с. 44; табл. VIII, *3*; Кызласов, 1981, с. 56; рис. 33, 87]. Во время посещения Красноярского краевого краеведческого музея в 2014 г. мне удалось осмотреть и заново зарисовать эту интересную находку (№ ККМ 3317-26), что позволило вновь вернуться к ее изучению.

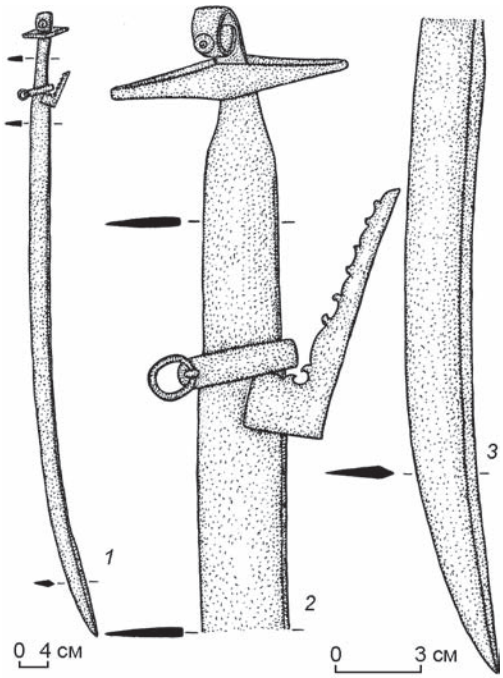


Рис. 1. Изображение сабли из кургана № 9 могильника у железнодорожной станции Минусинск.
1 – сабля; *2* – рукоять; *3* – острие клинка.

Сабля имеет длинный однолезвийный, трехгранный в сечении, слабоизогнутый клинок с обоюдоострым острием (елманью) и загнутым череном. Черен рукояти и клинок, что довольно необычно, выкованы из одной трехгранной в сечении полосы. Только в самой верхней части черен заужен и свернут в кольцо. В верхнем конце черена продета заклепка со сферической шляпкой. Можно предположить, что первоначально, мастер-оружейник предполагал изготовить сабельный клинок большей длины, а когда потребовалось его уменьшить, не стал сужать полосу по всей длине. Длина клинка с изогнутым череном рукояти составляет 78,5 см, длина двулезвийного острия – 23 см, ширина клинка близ острия – 2,5 см. Под верхним загнутым концом на черен надето перекрестье «ладьевидной формы» в виде уплощенного ромба с расширением в средней части и сужением к приостренным окончаниям. На спинке клинка, с противоположной стороны от лезвия, сохранилась оковка с «фигурными вырезами в виде полумесяцев», направленная приостренной частью в сторону черена. Вероятно, она расположена не там, где нужно, в результате превратностей хранения. На рисунке в статье Р.В. Николаева оковка изображена на лезвии, где и должны быть [1973, рис. 7, *1*]. На клинке выше оковки есть пластинчатая обойма ножен, скрепленная заклепкой с округлой петлей, в которую продето кольцо для крепления к портупейному ремню. Судя по расположению этого кольца, саблю носили в наклонном положении, в ножнах лезвием вверх (рис. 1, 2).

Предложенное описание клинка позволяет уточнить хронологию бытования сабель с елма-

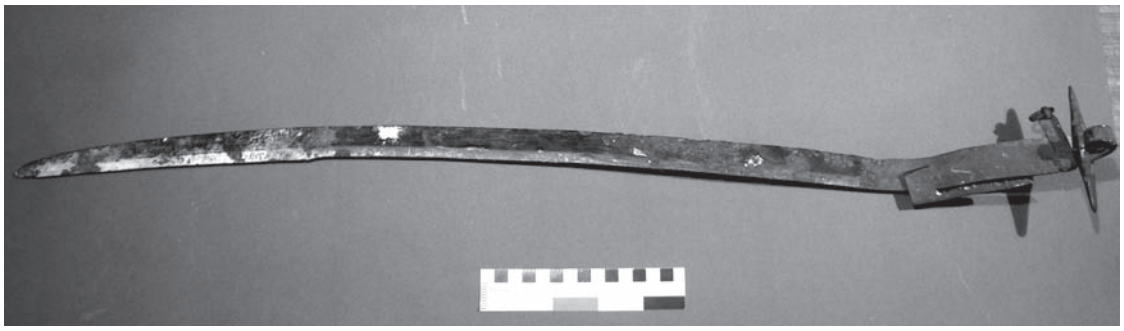


Рис. 2. Фото сабли.

нью, оковкой в верхней части лезвия и ладьевидным перекрестьем. Сабля обнаружена в кургане № 9 могильника у железнодорожной станции Минусинск, в котором находилось захоронение по обряду кремации в неглубокой ямке, в составе крупного могильника из 60 курганов. Это характерно для памятников культуры енисейских кыргызов IX–X вв., т.е. эпохи Кыргызского Великодержавия. Судя по всему, подобное оформление клинка и ножен появилось у кыргызских воинов уже в тогда [Николаев, 1973, с. 198]. Сложно объяснить, почему в этом погребении не было другого сопроводительного инвентаря, в т.ч. вооружения. Вполне возможно, что клинковое оружие, высоко ценившееся кыргызскими воинами в период многолетней войны с уйгурами в IX в., помещали в могилу только тех воинов, у которых не было прямых наследников мужского пола.

В могильнике у железнодорожной станции Минусинск сопроводительный инвентарь, помимо кургана № 9, найден еще в трех захоронениях (всего 60). В кургане № 36 обнаружен железный черешковый «вогнуто-обушковый» кинжал с трехгранным в сечении клинком, изогнутым в сторону спинки при подходе к острию [Николаев, 1973, с. 199; рис. 5, *3*]. В курганах № 21 и 24 найдено 4 железных черешковых трехлопастных наконечника стрел вытянуто-пятиугольной формы, с шипами и вогнутыми плечиками. Для этих стрел характерно необычное оформление отверстий в лопастях. Только на двух лопастях из трех в нижней части, при подходе к плечикам, имелись округлые отверстия. Третья лопасть была сплошная, без отверстия [Николаев, 1973, с. 199]. Правда, на рисунке воспроизведены только два таких наконечника. У третьего наконечника стрелы лопасть частично обломана, но на ней показана округлая выемка, которая может быть не полностью сохранившимся отверстием. У четвертого наконечника одна лопасть обломана полностью, а другая – частично, поэтому судить о ней как о «сплошной» невозможно [Николаев, 1973, рис. 6, *2–5*]. Не вполне ясно, с чем связано изготовление стрел, одна из лопастей которых отличается от двух других. Возможно, эти стрелы оформлены не полностью и предназначались именно для совершения захоронения. Судя по небольшому количеству оружия в могилах, очевидно, среди кыргызов, которым принадлежало кладбище в окрестностях станции Минусинск, воинов было немного.

Для сравнения можно привести данные о находках оружия в кыргызских курганах IX–X вв. могильника Тора-Тал-Арты в Туве, где в 820–840-х гг. разворачивались основные военные действия между кыргызами и уйгурами. В составе этого могильника 12 кыргызских курганов с захоронениями по обряду кремации. Из них оружие обнаружено в 5 курганах, в одном из которых, вероятно, захоронены 3 воина. Однако только в двух курганах найдены палаши, копье, панцирные пластины и наконечники стрел, а еще в трех обнаружены только костяные накладки, костяные свистунки и одна стрела [Нечаева, 1966, с. 109–137]. Судя по этим находкам, среди кыргызских воинов, воевавших против уйгуров на территории Тувы, выделялись панцирные всадники- батыры в ламеллярных доспехах, с луками, палашами и копьями, а также легковооруженные лучники с луками и стрелами. Почти в половине кыргызских погребений никакого оружия не было. Одно из этих захоронений по обряду кремации могло принадлежать женщине, т.к. здесь найден фрагмент зеркала [Нечаева, 1966, с. 122–126].

Отмеченные различия в отношении оружия в качестве сопроводительного инвентаря в составе предметных комплексов кыргызских захоронений на территории Минусинской котловины и Тувы в IX–X вв. объяснимы. Они вполне соответствуют историческим событиям, в которых принимали участие енисейские кыргызы в рассматриваемый исторический период. Участие в войне с уйгурами требовало от кыргызских правителей размещения основных воинских сил на территории, непосредственно прилегающей к театру военных действий, т.е. в Туве. Минусинская котловина в это время оставалась в глубоком тылу. Большинство кыргызов, остававшихся во время военных действий с уйгурами в Минусинской котловине, не являлись воинами, поэтому их хоронили без оружия.

Список литературы

Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 54–59.

Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. – 1955. – Т. XXIII. – С. 131–168.

Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Тр. Тув. комплекс. археол.-этнограф. экспедиции. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. II. – С. 108–142.

Николаев Р.В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. – 1973. – № 2. – С. 198–205.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

УДК 903.22

Ю.С. Худяков[1, 2], А.Ю. Борисенко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЗНАМЕН РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ВОИНОВ НА МИНИАТЮРАХ «РЕМЕЗОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»*

В статье рассматриваются изображения знамен и вымпелов на миниатюрах «Ремезовской летописи». Анализ этих рисунков наглядно продемонстрировал, что их создатели знамена татарских воинов изображали в виде прямоугольных полотнищ с двумя длинными «косицами». Флаги русских казаков и служилых людей отличаются наличием христианской символики или горизонтальных полос. В тоже время практически одинаково изображены вымпелы на древках сибирских татар и русских воинов, а также на мачтах казачьих стругов и башнях сибирских острогов.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, сибирские татарские воины, русские казаки, служилые люди, струги, остроги, знамена, вымпелы.*

The article deals with images of banners and pennants on the Remezovskoy Chronicle miniatures. Analysis of these images clearly demonstrated that painters certainly made the difference between banners of Tartar warriors, which they depicted as a rectangular cloth with two long swallowtails, as well as banners of Russian Cossacks and service class people, which showed predominantly Christian symbols, or horizontal stripes. At the same time pennants of Siberian Tatars and Russian warriors fixed on poles and on masts of Cossack strugs or towers of Siberian ostrogs looked the same.

Keywords: *Western Siberia, Siberian Tartar warriors, Russian Cossacks, service class people, strugs (strooks), ostrogs, banners, pennants.*

Важным изобразительным источником по истории военного дела в период присоединения Западной Сибири к Российскому государству могут служить миниатюрные изображения лицевого свода «Ремезовской летописи». Рисунки созданы через столетие после описываемых событий. Однако на них подробно и достоверно переданы особенности вооружения, воинского и конского снаряжения, оборонительных сооружений и других предметов материальной культуры русского населения Сибири. Менее информативны рисунки воинов сибирских татарских, поскольку ко времени создания рисунков сторонники восстановления Сибирского татарского ханства во главе с потомками и наследниками хана Кучума уже прекратили вооруженное сопротивление. Среди этих миниатюр не все являются оригинальными. Некоторые рисунки выполнены по образцам известных европейских книжных миниатюр конца XVII в. [Багрин, 2013, с. 150–154]. Несмотря на определенные сомнения в достоверности, эти изображения интересны и информативны.

Один из первых опытов введения в научный оборот тех миниатюр «Ремезовской летописи», на которых изображены русские и сибирские татарские воины со знаменами, предпринят Г.Ф. Миллером – выдающимся историком-сибиреведом, историографом Российской империи [1937, рис. 8, 10, 11, 12, 13, 17]. В современном переиздании этого труда сохранены все иллюстрации, на которых есть различные знамена и вымпелы русских казаков из отряда атамана Ермака и татарских воинов хана Кучума [Миллер, 1999, с. 203, рис. 8; с. 235, рис. 10; с. 252, рис. 11; с. 267, рис. 12; с. 283, рис. 13; с. 360, рис. 17]. Многие миниатюры «Ремезовской летописи» с батальными сценами столкновений русских и татарских воинов со знаменами наличествуют в труде Е.И. Дергачевой-Скоп и В.Н. Алексеева [2006, с. 52, ил. 78; с. 54, ил. 79; с. 99, ил. 216]. Наиболее полно, но в

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ «Воины сибирских народов на российской службе в Сибири в XVI–XVIII вв.» (проект № 13-01-00049).

довольно схематичных прорисовках, изображения «Ремезовской летописи» изданы в своде «Сибирские летописи» [2008, с. 461, 463, 465, 467–472, 474, 479, 482–483, 485–488].

Знамена татарских воинов, как правило, изображены почти везде в виде прямоугольного полотнища с двумя длинными «косицами» (см. *рисунок, 1, 4, 8, 11, 14*). Такие знамена показаны у конных татарских воинов, в сценах боев за столицу Сибирского ханства – г. Кашлык, происходивших до прихода казачьего отряда под командованием атамана Ермака [Миллер, 1999, рис. 8; Сибирские летописи…, 2008, с. 474]. Близкие по форме флаги с двумя «косицами» показаны у татарских воинов, противодействующих российскому воинскому отряду под командованием воеводы В. Кольцова-Масальского в боях у оз. Чиликуль [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с. 99, ил. 216]. Этот поход состоялся в конце XVI в., т.е. после гибели атамана Ермака.

Иногда на полотнище знамени выделялся большой квадрат, который должен был отличаться по цвету от остальной части стяга (см. *рисунок, 4, 8*). Подобные знамена изображены развевающимися над татарскими военными отрядами хана Кучума в сражениях на реках Туре и Тоболе в период противоборства с казаками Ермака [Миллер, 1999, рис. 13]. Татарские знамена показаны закрепленными на специально выделенных, утолщенных или обычных древках, которые иногда венчали навершия и наконечники ромбической или удлиненно-ромбической формы (см. *рисунок, 4, 14*). Во всех случаях знамя изображено над группой конных или пеших воинов, среди большого количества поднятых вверх копий [Миллер, 1999, рис. 8, 13; Сибирские летописи…, 2008, с. 474, 492, 495, 496, 500–503, 505, 517–521]. Судя по этим рисункам, знаменосцы должны были находиться в центре вооруженного отряда, чтобы флаг был надежно защищен со всех сторон от посягательства врагов. К сожалению, в источниках нет сведений о цветовой гамме, характерной для боевых знамен сибирских татарских воинов. Нет и упоминаний о том, присутствовала ли на полотнищах мусульманская символика, что вполне вероятно.

Знамена российских воинов на миниатюрах «Ремезовской летописи» выглядят иначе: в виде крупных квадратных полотнищ с широкой полосой вдоль всех четырех сторон и фигурой христианского святого или ангела. На знаменах российских воинов широко представлена христианская символика. В сценах боев казачьего отряда под командованием атамана Ермака с татарскими воинами на реках Тагиле, Тоболе и Туре в руках у пеших знаменосцев показаны знамена, на которых

Изображения знамен татарских (*1, 4, 8, 11, 14*) и русских (*2, 3, 5–7, 9, 10, 12, 13, 15*) воинов на миниатюрах «Ремезовской летописи».

1 – знамя татарских воинов в бою под г. Кашлык; *2* – знамя русских казаков в бою на р. Тобол; *3* – знамя русских казаков в бою на р. Туре; *4* – знамя татарских воинов в бою на р. Туре; *5* – знамена русских казаков в бою на р. Тобол; *6, 7, 9, 10* – знамена русских казаков в походе на татарский стан на оз. Чиликуль; *8* – татарское знамя в бою на р. Тобол; *11, 14* – татарские знамена в бою на оз. Чиликуль; *12* – вымпелы на копьях русских воинов из отряда атамана Ермака при задержании Кутургая; *13* – знамя и вымпелы на мачтах гребных судов русских воинов во время волока через Уральские горы; *15* – знамя и вымпелы на вершинах башен Тюменского острога (по: [Миллер, 1937, 1999; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006; Сибирские летописи…, 2008]).

изображена стоящая фигура ангела, развернутая анфас на зрителя, с нимбом и крыльями за спиной, весами в руках. Либо на знамени нарисован стоящий святой с нимбом над головой, воздевший руки к небу или держащий в руке прямоугольный предмет, напоминающий свиток [Миллер, 1999, рис. 11, 13; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, ил. 216; Сибирские летописи…, 2008, С. 469, 472, 492, 500, 520, 521, 545] (см. *рисунок, 2, 3, 5*). Иногда святой покровитель изображен не только на знамени, но и среди российских воинов, атакующих противника. В этом случае его отличает нимб над головой, панцирь, меч и сабля в обеих руках [Сибирские летописи…, 2008, с. 494].

В некоторых случаях знамя показано таким небольшим, что кроме нимба над головой и силуэта фигуры святого трудно что-либо разобрать (см. *рисунок, 9*). Знамена с изображением святого нарисованы у русских казаков, сидящих в стругах, собираясь отчалить или плывя по реке [Миллер, 1999, рис. 10; Сибирские летописи…, 2008, с. 502, 503] (см. *рисунок, 13*). Встречаются флаги, в центре которых изображен крест с двумя перекладинами и две косые линии с двух сторон. Возможно, так показаны символы страстей христовых. Такое знамя показано у российских воинов, совершивших под командованием воеводы В. Кольцова-Масальского поход на лагерь хана Кучума на оз. Чиликуль [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, ил. 216] (см. *рисунок, 7, 9, 10*). Это знамя не было единственным в отряде. У бойцов В. Кольцова-Масальского нарисованы еще два стяга. На одном из них изображена фигура святого с нимбом над головой, а на другом воспроизведены три горизонтальных полосы, вероятно, разного цвета (см. *рисунок, 6, 9*). Знамена российских воинов во всех случаях показаны прикрепленными к утолщенным древкам, увенчанным удлиненно-ромбическим или удлиненно-треугольным наконечником, либо навершием с выступами на шейке. В некоторых случаях наконечник разделен по вертикальной оси: одна его половина белая, другая – черная (см. *рисунок, 2, 3, 5–10, 13*).

На древках у российских и татарских воинов иногда изображены небольшие флажки – вымпелы. Они бывают двух видов – удлиненно-треугольные и удлиненно-прямоугольные с двумя «косицами». Подобные вымпелы показаны у казаков, охранявших шатер атамана Ермака во время переговоры с плененным татарским тарханом Кутугаем [Миллер, 1999, рис. 12; Сибирские летописи…, 2008, с. 487, 488] (см. *рисунок, 12*). Вымпелы с полотнищами разной формы изображены у стоящих рядом воинов с одинаковым вооружением, поэтому судить о сути наблюдаемых различий затруднительно. Удлиненно-треугольные вымпелы на древках показаны у многих татарских воинов, в т.ч. конных, пеших и даже сражающихся между собой [Сибирские летописи…, 2008, с. 479, 483, 485, 497]. Подобные вымпелы с удлиненно-треугольным полотнищем нередко изображены на мачтах гребных судов, на бревенчатых башнях острогов, что может свидетельствовать об их широком применении (см. *рисунок, 13, 15*).

Рассмотренные изобразительные материалы свидетельствуют о широком использовании знамен и вымпелов сибирскими татарскими воинами и русскими казаками и служилыми людьми в период присоединения Западной Сибири к российскому государству.

Список литературы

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 288 с.

Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремизовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская краткая кунгурская: исследование, текст и перевод. – Тобольск: Изд-во «Возрождение Тобольска», 2006. – 270 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. I. – 662 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд. – М.: Вост. литература, 1999. – Т. I. – 630 с.

Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань: Александрия, 2008. – 688 с.

УДК 903.2.393

Ю.С. Худяков[1, 2], А.Ю. Борисенко[2], Ж. Орозбекова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЛУКАХ КЕНКОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

В статье анализируются костяные накладки луков из памятников кенкольской культуры из Чуйской долины Кыргызстана. Прослеживаются основные результаты изучения сложносоставных луков древних кочевников хунно-сяньбийского времени. Рассматриваются разные формы концевых боковых и составных боковых накладок, части срединных фронтальных накладок, по которым можно реконструировать форму лука. В результате анализа выявлены некоторые конструктивные особенности сложносоставных луков кенкольских воинов. Подтверждена важная роль оружия дистанционного боя в комплекте вооружения древних номадов кенкольской культуры.

Ключевые слова: *костяные накладки, сложносоставные луки, кенкольская культура, Чуйская долина, древние кочевники, хунно-сяньбийское время.*

The finds of bone plates for a bow from Kenkolsk culture localities from the Chuy Valley in Kyrgyzstan were analyzed in the article. The author noted the main results of the studying of composite bows of ancient nomads from Xiongnu-Xianbei period. The various kinds of end-side plates, composite side plate and median frontal plates, which could be used for a bow shape reconstruction, were presented in the article. As a result of the analysis some new design features of Kenkolsk composite bows were revealed. The important role of weapons for distant fighting in the weapon system of Kenkolsk ancient nomads was confirmed.

Keywords: *bone plates for a bow, composite bows, Kenkolsk culture, The Chuy Valley, ancient nomads, Xiongnu-Xianbei period.*

В составе комплекса вооружения кочевников, населявших горы и долины Тянь-Шаня и Семиречья в первой половине I тыс. н.э., важное место занимало оружие для дистанционного боя, лук и стрелы.

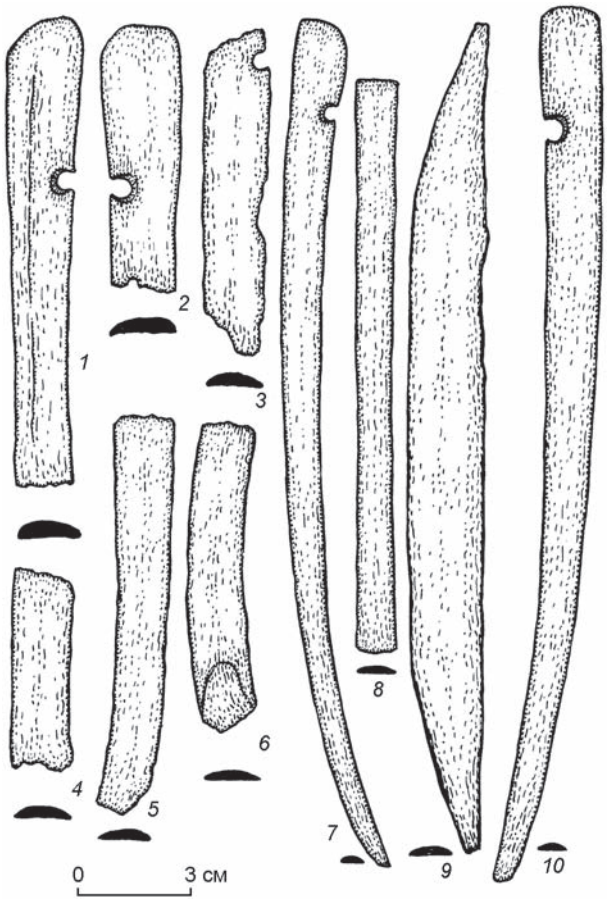
Отдельные предметы вооружения для дистанционного боя, в т.ч. железные трехлопастные наконечники стрел, обнаружены в ходе раскопок археологических подбойных и катакомбных памятников в долине р. Талас в конце XIX в. финским исследователем Г. Гейкелем [Heikel, 1918, s. 21, 37]. В 1938 г. найденные костяные накладки лука и железные наконечники стрел из раскопок подбойных захоронений проанализированы М.В. Воеводским и М.П. Грязновым. Они решили, что эти памятники относятся к древним кочевникам – усуням [Воеводский, Грязнов, 1938, с. 163, 170–173]. В 1930–1940-х гг. изучением оружия, в т.ч. деталей луков и наконечников стрел из раскопок могильника Кенкол, занимался А.Н. Бернштам [1940, с. 30–31]. Он сопоставил находки с предметами вооружения из комплексов хунну Центральной Азии. Исследователь связал памятник Кенкол со среднеазиатскими гуннам [Бернштам, 1940, с. 30–31; 1997, с. 19–62]. Несмотря на большую значимость этих исследований для развития археологии хунно-сяньбийской эпохи в Кыргызстане и Средней Азиии в целом, нужно отметить, что А.Н. Бернштам предложил неточную схему реконструкции кибити кенкольского лука по сохранившимся костяным накладкам из катакомбы № 2 Кенкольского могильника. Согласно его предположению, накладки занимали большую часть кибити, с небольшими перерывами между концевыми и срединными накладками. При этом кибить выгнута дугой по направлению к стрельбе, а срединные боковые и фронтальная накладки размещены противоположно их реальному положению на кибити [Бернштам, 1940, табл. XXVIII; 1997, рис. 12]. При таком размещении накладок

*Работа выполнена по плану НИР X.100.2.2. «Саяно-алтайская горная страна в эпоху палеометалла и средневековья. Блок 2. Гуннская эпоха».

на кибити лука почти не остается места для плеч, которые должны изгибаться при натяжении тетивы и выстреле.

В памятниках кенкольского типа, раскопанных в последующие годы, тоже обнаружены фрагменты костяных накладок луков [Бернштам, 1952, с. 62; рис. 37, *1–7, 10, 17*]. В результате сравнительного изучения этих материалов С.С. Сорокин указал на их отличия от хуннских, предложив отнести памятники к кочевому скотоводческому населению Средней Азии [1956, с. 14]. Отдельные находки костяных деталей сложносоставных луков и железных наконечников стрел из раскопок памятников хуннского времени на Центральном Тянь-Шане введены в научный оборот во второй половине 1950-х гг. [Кибиров, 1959, рис. 26, 28].

В последующие годы исследования курганов с катакомбными захоронениями на Тянь-Шане продолжил И.К. Кожомбердиев. Среди материалов с памятников Акчий-Карасу, Джал-Арык, Торкен и



Костяные накладки луков кенкольской культуры.

1–3, 5, 7, 10 – концевые боковые накладки и их фрагменты; *4, 8* – целая срединная фронтальная накладка и фрагмент; *6* – составная концевая боковая накладка; *9* – срединная фронтальная накладка (*1, 2* – из Чуйской долины; *3–6* – с памятника Акчий-Карасу; *7–10* – с памятника Джал-Арык).

др. большое количество костяных накладок луков и разнотипных железных наконечников стрел. По результатам их изучения подготовлены научные статьи и обобщающие труды [Кожомбердиев, 1963, с. 72; История…, 1968, с. 86; 1984, с. 165]. В конце 1980-х гг. комплекс вооружения кенкольских воинов, включая луки и стрелы, реконструирован И.К. Кожомбердиевым и одним из авторов настоящей статьи [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 78–88]. Новые находки деталей луков из памятников хунно-сяньбийского времени на Тянь-Шане введены в научный оборот кыргызскими и российскими исследователями [Худяков и др., 2013, с. 83–85].

Нам удалось изучить несколько интересных костяных деталей сложносоставных луков из памятников кенкольской культуры в Чуйской долине, хранящихся в Государственном историческом музее Кыргызской Республики и в фондах Института истории Национальной академии наук. Большая часть этих предметов введена в научный оборот [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 78–80]. Однако некоторые материалы подробно не рассматривалась. В 2013 г. авторами данной статьи были собраны интересные материалы по оружию дистанционного боя, относящиеся к хунно-сяньбийскому времени. Анализируя костяные накладки луков, изученные в разные годы, мы пришли к следующим выводам.

Среди находок, обнаруженных в окрестностях Бишкека в Чуйской долине, есть 2 фрагмента концевых боковых накладок на один из концов лука. Они имеют арочные вырезы для тетивы. Обе накладки сохранились частично. Один фрагмент имеет длину 12 см, а другой – 7 см. Ширина обеих накладок 1,5–2 см. Обращает на себя внимание расположение арочных вырезов для крепления тетивы: они находятся на расстоянии до 4 см от конца накладок и кибити лука (см. *рисунок, 1, 2*). В отличие от большей части других концевых накладок из памятников кенкольской культуры, эти совершенно прямые. Возможно, изгиб начинался в нижней части накладки.

Среди костяных деталей этого сложносоставного лука есть фронтальная накладка с выделенным овальным окончанием. Подобная форма срединной фронтальной накладки довольно необычна. Накладки такой конструкции редко встречаются в памятниках кенкольской культуры [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 78].

Среди изученных фрагментов костяных деталей лука из кургана 31 могильника Акчий-Карасу привлекает внимание частично сохранившийся обломок концевой боковой накладки с арочным вырезом для тетивы и обломанными концами. Длина его сохранившейся части 8,5 см, а шири-

на – 1,7 см (см. *рисунок, 3*). Верхний конец этой накладки обломан, поэтому судить о форме окончания достаточно сложно. Сохранившаяся часть накладки прямая.

Из этого же памятника происходит фрагмент концевой боковой накладки с пологим срезом на одном из концов. Длина сохранившейся части изделия 8 см, а ширина – 1,5 см (см. *рисунок, 6*). Наличие косого среза свидетельствует о том, что эта накладка состояла из склеивавшихся между собой частей пластины. Подобные составные накладки изготавливали потому, что не хватало роговых заготовок нужной длины. В составе коллекции есть частично сохранившаяся, плавно изогнутая нижняя часть концевой боковой накладки (длина 10,5 см, ширина 1,5 см) (см. *рисунок, 5*).

В данном кургане найден также фрагмент срединной фронтальной накладки (длина 5,2 см, ширина 1,5 см). Оба конца накладки обломаны (см. *рисунок, 4*).

На памятнике Джал-Арык обнаружен полный набор накладок от сложносоставного лука: две пары концевых боковых, одна пара срединных боковых, одна срединная фронтальная. Концевые боковые накладки снабжены арочными вырезами для крепления петель тетивы (см. *рисунок, 7, 10*). Накладки на верхний конец кибити немного длиннее накладок на нижний конец лука. Срединные боковые накладки длинные, широкие, со скошенными концами (см. *рисунок, 9*). Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с прямыми боковыми сторонами (см. *рисунок, 8*).

Обращает на себя внимание характерная особенность срединных фронтальных накладок сложносоставных луков кенкольской культуры. В отличие от большей части подобных накладок сложносоставных луков кочевников хунно-сяньбийского времени центральноазиатского региона, некоторые луки носителей кенкольской культуры снабжены срединными фронтальными накладками без заметного расширения на концах. Вероятно, это обусловлено тем, что, в отличие от луков хуннских и саяно-алтайских кочевников, у кенкольских номадов срединные фронтальные накладки не выходили за пределы середины и на плечи кибити лука. Изученные материалы позволяют расширить имеющиеся представления о конструктивных особенностях сложносоставных луков кенколькой культуры.

Список литературы

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. – Л., 1940. – Вып. 2. – 34 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – № 26. – 348 с.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек: Айбек, 1997. – Т. I. – С. 19–62.

Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР: к истории усуней // Вестн. древней истории. – 1938. – № 3. – С. 162–179.

История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – Т. I. – 708 с.

История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – Т. I. – 798 с.

Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953–1955 гг. // Тр. Киргиз. археол.-этнограф. экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. II. – С. 63–138.

Кожомбердиев И.К. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963. – С. 33–78.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.

Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 3–14.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Акматов К.Т. Сложносоставные луки с памятника Уч-Курбу в Кыргызстане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 3. – С. 81–86.

Heikel H.J. Altertumer aus dem Tale des Talas in Turkestan // Travaex ethnographiques. – Helsinki, 1918. – T. VII. – 47 s.

УДК 903.2.393

Ю.С. Худяков[1, 2], А.Ю. Борисенко[2], Ж. Орозбекова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОРУЖИЕ ИЗ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ КОТЛОВИНЫ (из музейных коллекций и частного собрания)*

В статье анализируются средневековые железные предметы вооружения, хранящиеся в музейных коллекциях и частном собрании нескольких населенных пунктов Иссык-Кульской котловине Кыргызстана. Среди этих изделий есть наконечник стрелы, предназначенный для ведения дистанционного боя, древковое колющее и клинковое оружие ближнего и рукопашного боя. Авторами проведен типологический анализ находок по формальным признакам. Определена принадлежность всех предметов вооружения к определенным группам и типам. Названы аналоги изученных находок среди оружия, обнаруженного в Таласской и Чуйской долинах Кыргызстана. Судя по всему, анализируемые предметы вооружения должны относиться к эпохе позднего средневековья, к предметному комплексу культуры кыргызов Тянь-Шаня.

Ключевые слова: *предметы вооружения, музейные коллекции, частное собрание, Иссык-Кульская котловина, Кыргызстан.*

This article analyzes the finds of medieval iron items of weapon that are kept as a part of museum collections and private collection in some inhabited areas in the Issyk-Kul hollow of Kyrgyzstan. There is a tip of the arrow for the distant battle and a spear cutting and stabbing weapon for near and hand-to-hand fight among the investigated finds items of weapon. The typological analysis of investigated finds was conducted in this article by formal evidences. The essential quality of all studied items of weapon to the certain groups and types. The analogies with the studied finds among the similar types of weapon, have been found in the other regions of Talas and Chui valley of Kyrgyzstan. To judge from these analogies, the investigated items of weapon must be date from the epoch of the Late Middle Ages and to the complex of items of the Kyrgyz culture of Tyan Shan.

Keywords: *The Middle Ages, the items of weapon, museum collection, private collection, Issyk-kul hollow, Kyrgyzstan.*

Оружие средневековых кочевников Тянь-Шаня, в т.ч. тянь-шаньских кыргызов, неоднократно привлекало внимание исследователей. В предшествующие десятилетия ученые обращались к изучению некоторых предметов вооружения из музейных собраний [История…, 1984, с. 611, 620]. В последние годы целенаправленное изучение кыргызского вооружения на территории Кыргызстана проводилось авторами настоящей статьи, археологами из Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета.

Во время экспедиционного маршрута по южной части Иссык-Кульской котловины в августе 2014 г. нам удалось осмотреть несколько музейных коллекций и одно частное собрание в разных населенных пунктах, расположенных к югу от оз. Иссык-Куль. В составе археологических коллекций есть предметы вооружения, которые представляют интерес для изучения военного дела средневекового кочевого населения Тянь-Шаня.

В краеведческом музее в г. Каракол, расположенного на южном побережье оз. Иссык-Куль, изучен железный наконечник копья, обнаруженный в предшествующие годы в окрестностях города. В настоящее время наконечник является частью археологической экспозиции Каракольского краеведческого музея.

У этого наконечника копья уплощенное, ромбическое в сечении перо, короткая шейка и

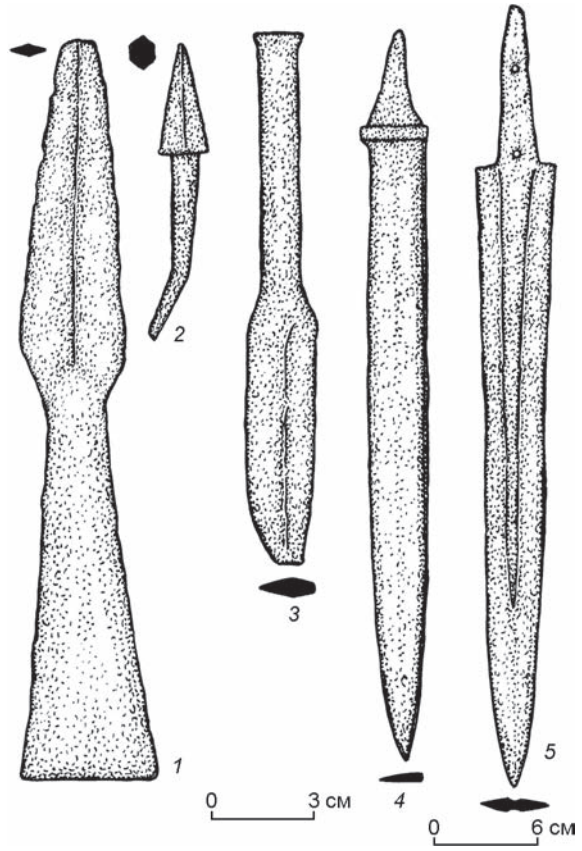
*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

коническая втулка. Перо имеет затупленное острие, удлиненно-ромбическую форму и покатые плечики. Втулка плавно расширяется к нижнему краю (см. *рисунок, 1*). Общая длина наконечника копья со втулкой составляет 21,5 см, длина пера 10 см, ширина пера 5 см, длина втулки 11,5 см. По очертаниям и размерам пера каракольский наконечник копья сходен с кыргызским наконечником из собрания частного музея «Раритет» г. Бишкека [Худяков и др., 2013, с. 166]. Характерные особенности дают основание относить наконечник копья из Каракольского краеведческого музея к кыргызской культуре эпохи позднего средневековья и Нового времени.

Судя по сечению пера, данное изделие относится к первой группе кыргызских наконечников копий с ромбическим в сечении пером. По форме пера его необходимо причислить к первому типу наконечников с удлиненно-ромбическим пером. По деталям оформления несущей части его можно включить в самостоятельный, третий вариант копий первого типа – наконечники с укороченной шейкой и конической втулкой, который имеет определенные отличия от изученных ранее кыргызских копий [Худяков и др., 2013, с. 165–167].

Несколько предметов вооружения изучены в частной коллекции В. Фоменко – жителя с. Талды-Суу, расположенного в юго-восточной части Иссык-Кульской котловины. Эти предметы обнаружены в окрестностях села в течение нескольких лет.

В составе коллекции есть железный черешковый наконечник стрелы. По словам собирателя, он найден на пашне во время полевых работ. У наконечника необычное, шестигранное в сечении перо. Ударная часть изделия имеет остроугольное острие, удлиненно-треугольные очертания, прямые плечики и удлиненный, согнутый посредине под тупым углом черешок (см. *рисунок, 2*). Длина пера составляет 3 см, а ширина пера 1,4 см; длина черешка 5,3 см. По сечению пера данный предмет можно отнести к группе наконечников с шестигранным в сечении пером, а по форме ударной части – к типу наконечников с удлиненно-треугольным пером. Бронебойные наконечники удлиненно-треугольной формы с прямыми плечиками, трехгранного и четырехгранного сечения были в арсенале монгольских воинов в эпоху развитого средневековья [Худяков, 1991, с. 114]. Аналоги этого наконечника среди железных стрел кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего средневековья и начала Нового времени не выявлены [Бобров, Худяков, 2008, с. 95–103]. Данную находку можно отнести к культуре кыргызов Тянь-Шаня эпохи развитого средневековья.



Оружие из южной части Иссык-Кульской котловины.

1 – наконечник копья из Каракольского музея; *2* – наконечник стрелы из с. Талды-Суу; *3* – однолезвийный кинжал из музея им. К. Жетимишбаева в с. Оргочор; *4* – однолезвийный кинжал из с. Талды-Суу; *5* – меч из с. Талды-Суу.

В музее им. К. Жетимишбаева в с. Оргочор (южная часть Иссык-Кульской котловины) нами изучен железный кинжал с цельнокованой рукоятью. Его случайно обнаружили на территории села. У кинжала уплощенно-ромбический в сечении клинок с уплощенной спинкой и удлиненно-треугольным острием. Конец острия обломан. Лезвие клинка параллельно спинке. По вертикальной оси клинка с обеих сторон выделяются ребра. Клинок имеет пологие плечики. Кинжал снабжен цельнокованой, округлой в сечении железной рукоятью с небольшим расширением, выполняющим функцию навершия (см. *рисунок, 3*). Длина клинка 7,5 см, ширина клинка 2 см, длина рукояти 7,5 см. По сечению клинка изделие отнесится к группе однолезвийных кинжалов или боевых ножей с уплощенно-ромбическим в сечении клинком. По форме клинка он может представлять самостоятельный тип – кинжал с прямым однолезвийным клинком и пологими плечиками. На памятниках кочевников Центральной Азии кинжалы с подобным сечением клинка не выявлены. Однако кинжалы с уплощенно-ромбическим в сечении клинком, но

без выделенной спинки с одной из сторон, были на вооружении у монгольских и тюркских кочевников в эпоху позднего средневековья и Новое время [Бобров, Худяков, 2008, с. 284, 292]. Можно предположить, что данная находка может относиться к культуре кыргызов Тянь-Шаня.

Однолезвийный кинжал (или боевой нож) изучен нами в составе частного собрания В. Фоменко. Этот предмет вооружения во время сельскохозяйственных работ в окрестностях с. Талды-Суу. У боевого ножа удлиненно-треугольный в сечении однолезвийный прямой клинок с остроугольным острием, уплощенным овальным упором и коротким удлиненно-треугольным черенком (см. *рисунок, 4*). Длина клинка 17,8 см, ширина клинка 1,7 см, длина черенка 3 см. По сечению клинка изделие представляет группу кинжалов с удлиненно-треугольным в сечении клинком. По форме кинжал необходимо отнести к типу изделий с прямым однолезвийным клинком и уплощенным, овальным упором. Подобные боевые ножи с коротким клинком были в арсенале воинов многих тюркских и монгольских народов Центральной Азии в средние века и Новое время [Бобров, Худяков, 2008, с. 289, 292].

В коллекции В. Фоменко есть короткий меч с двулезвийным прямым клинком и уплощенным черенком. У него остроугольное острие, обоюдоострый уплощенный прямой клинок с пологими широкими долами с обеих уплощенных сторон, прямые плечики и уплощенный черешок с двумя отверстиями для крепления обкладки рукояти (см. *рисунок, 5*). Длина клинка 36 см, ширина клинка 4 см, длина черешка 9 см. По сечению клинка изделие можно отнести к отдельной группе – мечи с уплощенно-ромбическим в сечении клинком и пологими выемками. Этот меч должен быть выделен в самостоятельный тип – мечи с прямым двулезвийным клинком и прямыми плечиками. В составе рубяще-колющего клинкового оружия ближнего боя тюркских и монгольских народов Центральной Азии в периоды позднего средневековья и новое время есть мечи с прямыми двулезвийными клинками восточноазиатского производства [Бобров, Худяков, 2008, с. 264–271]. По сечению клинка изделие сходно с иранским ритуальным мечом, относящимся к Новому времени, из собрания Российского этнографического музея [Лютов, 2006, с. 183].

Изученные предметы вооружения могут служить информативными вещественными источниками для реконструкции комплекса вооружения кыргызских воинов Тянь-Шаня периодов развитого и позднего средневековья и Нового времени.

Список литературы

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и начала нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 776 с.

История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – Т. I. – 798 с.

Лютов А.М. Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. – СПб.: Рос. этнограф. музей, 2006. – 247 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Наконечники копий кыргызов Тянь-Шаня из музейных собраний «Манас-Ордо» и «Раритет» в Кыргызстане // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. – С. 164–170.

УДК 903.2.393

Ю.С. Худяков[1], К.Ш. Табалдиев[4], А.Ю. Борисенко[2], О.А. Солтобаев[3], Ж. Орозбекова[1, 2], К.Т. Акматов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
[4]Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
E-mail: khudjakov@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ И ИЗОБРАЖЕНИЙ ОРУЖИЯ ИЗ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ДОЛИНЫ РЕКИ НАРЫН И ИССЫК-КУЛЬСКОЙ КОТЛОВИНЫ*

В статье анализируются предметы вооружения древних и средневековых номадов и изображения оружия на каменных изваяниях и петроглифах долины р. Нарын и Иссык-Кульской котловины. Они найдены во время работы совместной археологической экспедицией Кыргызского национального университета, Кыргызско-Турецкого университета «Манас» и Нарынского государственного университета в 2014 г. В раскопках приняли участие сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета. Собранные материалы – ценный источник по военной истории кочевых этносов, обитавших на территории Кыргызстана в древности и средневековье.

Ключевые слова: *Тянь-Шань, Нарынская долина, Иссык-Кульская котловина, археологические памятники, древние тюрки, вооружение.*

The article analyzes the findings of weapon items and arms depicting on the kurgan stelaes and petroglyphs from archeological locations of ancient and medieval culture of nomads. These findings were analyzed by joint archaeological expedition of the Kyrgyz National University, «Manas» Kyrgyz-Turkish University and Naryn State University in 2014 field season including researchers of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences and Novosibirsk State University in the Naryn valley. Materials collected in the process of excavation are valuable informative source of the military history of the nomadic ethnic groups living in Kyrgyzstan in ancient times and in the Middle Ages.

Keywords: *Tian Shan, Naryn valley, Issyk Kul Basin, archaeological sites, ancient Turkic peoples, weapons.*

В августе 2014 г. группа сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета приняла участие в археологических исследованиях, проводившихся совместной экспедицией Кыргызского национального университета, Кыргызско-Турецкого университета «Манас» и Нарынского государственного университета на археологических памятниках, попавших в зону строительства Университета Центральной Азии на западной окраине г. Нарын, и в Нарынской области Республики Кыргызстан, а также в археологических разведках в долине р. Нарын и Иссык-Кульской котловине.

На памятнике Айгырджал II, расположенном на высокой террасе правого берега р. Нарын, исследовано несколько курганов, отнесенных к древнетюркской культуре. Надмогильные сооружения представляли собой пологие кольцевые выкладки из скальных обломков. Под выкладками были могилы, включавшие дромос и перпендикулярную ему яму с подбоем. Умерших сородичей соплеменники хоронили в подбойных могилах, а лошадей помещали во входной яме. В некоторых древнетюркских комплексах обнаружены предметы вооружения и принадлежности конской сбруи. В одном из курганов у пояса погребенного

*Работа выполнена в рамках проекта «Изучение военного дела древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии» (№ 06.06.2014).

найден железный черешковый наконечник стрелы с линзовидным в сечении окончанием и железный черешковый нож с укороченным клинком.

На памятнике Ак-Кыя, находящемся на поверхности горного увала горы Ала-Мышык, к югу от западной окраины г. Нарын, исследовано древнетюркское погребение, совершенное по обряду ингумации, в сопровождении верхового коня. Погребенный покоился на спине, в вытянутом положении, головой на восток. В южной части могильной ямы, за перегородкой из деревянных кольев и скальных обломков, обнаружен скелет коня. Животное поместили в могилу взнузданным и заседланным. Конь был уложен на брюхо, а его ноги подогнуты. Скелет коня ориентирован на запад, а голова повернута на восток. В зубах у коня сохранились сильно корродированные железные удила с однокольчатыми окончаниями звеньев. На спине животного помещалось седло, от которого сохранились остатки деревянного остова и костяные накладки. Некоторые накладки декорированы циркульным и вычурным орнаментом, придавшим сбруе нарядный вид (см. *рисунок*).

На территории памятников Айгырджал I и II изучены рисунки на крупных валунах, расположенных на склоне террасы правого берега р. Нарын. Среди них есть изображения охотников с луками, меча с рукоятью и зооморфным навершием, схематичные рисунки колесниц. Подобные рисунки встречаются на многих петроглифических местонахождениях бронзового и раннего железного веков на территории Центральной Азии [Окладников, 1981, табл. 99, *8*].

Во время работы в долине р. Нарын были изучены некоторые предметы древнего и средневекового оружия, хранящиеся в собрании Нарынского краеведческого музея. Среди них бронзовый кинжал с двулезвийным клинком и уплощенным черенком, который можно датировать периодом развитой бронзы, трехлопастной бронзовый на-

Древнетюркское захоронение с конем на памятнике Ак-Кыя в долине р. Нарын.

конечник стрелы сакского времени, крупный и плоский железный наконечник стрелы эпохи позднего средневековья.

В ходе экспедиции по Ат-Башинскому району осмотрена средневековая крепость Кошой-Крогон, изучены предметов вооружения, обнаруженные при ее раскопках. Среди находок есть бронзовые и железные трехлопастные наконечники стрел, железные панцирные пластины, которые могут относиться к раннему железному веку и эпохе развитого средневековья [Москалев и др., 2007, рис. 24, 25, 27]. При следовании вдоль южного берега оз. Иссык-Куль осмотрено оружие из археологических памятников и древнетюркские каменные изваяния, которые в разное время были найдены в этих местах и размещены в музеях и школах нескольких населенных пунктов.

В музее в с. Боконбаево установлены две скульптуры древнетюркских воинов с оружием на поясе. У одного воина в левой руке, слегка согнутой в локтевом суставе, показана рукоять сабли с изогнутым на концах перекрестьем и слабоизогнутым клинком, вложенным в ножны. На другой статуе, значительно поврежденной, спереди изображен клинок в ножнах, наклонно прикрепленный к поясу. За спиной у воина показан пояс и две полосы, идущие от него крест-накрест. Возможно, так обозначено ударное оружие или воинское снаряжение (например, булава или камча). В музейном собрании хранится бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы с памятника Сырт (передан в музей К.Ш. Табалдиевым).

Во дворе школы с. Туура-Суу установлено прекрасно изготовленное и хорошо сохранившееся каменное изваяние, которое ранее в течение длительного времени находилось в земле. Скульптура изображает сидящего человека в округлом головном уборе с завернутыми кверху наушами. У него миловидное лицо с дуговидными бровями, узкими глазами, прямым носом и узкими губами, но без усов. В ушах показаны серьги. Волосы на голове зачесаны на две стороны и ниспадают на плечи. Человек изображен в верхней одежде с оторочкой по бортам и сапогах. В правой руке, согнутой в локте, он держит сосуд. Левая рука также согнута в локте. К поясу подвешена сабля в ножнах с двумя петлями, прямым перекрестьем и рукоятью с навершием, а также огниво (с левой стороны).

В музее с. Оргочор изучен железный однолезвийный кинжал с цельнокованой рукоятью. Изделие можно датировать поздним средневековьем. В археологической экспозиции краеведческого музея г. Каракол осмотрен железный втульчатый наконечник копья с ромбическим в сечении пером и конической втулкой.

В Каракольском университете находится древнетюркское каменное изваяние, изображающее усатого мужчину с сосудом в правой руке и подвешенным к поясу клинковым оружием. Несколько каменных скульптур древнетюркских воинов с саблями на поясе изучены в селениях Аксу, Тюп и Шаты.

В с. Талды-Суу удалось осмотреть каменные изваяния и железные предметы вооружения из частного собрания местного жителя В. Фоменко. На поясе одно из каменных скульптур, передающих облик древнетюркского воина с сосудом в правой руке, изображен коленчатый кинжал в ножнах. Среди железных предметов, обнаруженных в разное время на распаханных полях села, есть железный черешковый наконечник стрелы с шестигранным пером, два железных ножа и меч с прямым двулезвийным клинком.

В местности Каркыра осмотрен памятник Санташ. Он включает два кургана, насыпи которых сложены из скальных обломков. В центре большой насыпи находится глубокая воронка. По свидетельству местных жителей, ранее здесь было возвышение, которое со временем просело вглубь насыпи. Центральная часть насыпи второго кургана полностью выбрана. Согласно легенде, эти курганы были насыпаны воинами Тамерлана во время похода в Китай [Валиханов, 1984, с. 325–326].

В г. Чолпон-Ата изучено каменное изваяние, установленное при входе в краеведческий музей. Оно передает облик древнетюркского воина с сосудом в правой руке и подвешанными к поясу коленчатым кинжалом и саблей в ножнах.

Собранные материалы послужат информативными вещественными и изобразительными источниками для изучения истории военного дела древних и средневековых номадов Кыргызстана.

Список литературы

Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль // Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата: Гл. ред. Казах. сов. энцикл., 1984. – Т. I. – С. 306–357.

Москалев М.И., Солтобаев О.А., Омурбеков Т.Н. Кошой-Коргон – древний город Атбаш. – Бишкек: ОФ «Кошой-Коргон», 2007. – 86 с.

Окладников А.П. Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981. – 228 с.

УДК 903.27

Д.В. Черемисин[1], Л.В. Зоткина[2], Ю. Плиссон[3], К. Кретан[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Университет Бордо, Франция
[4]Национальный центр первобытной истории, Франция
E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ КАЛГУТИНСКОГО РУДНИКА В 2014 ГОДУ*

Статья посвящена исследованиям петроглифов Калгутинского рудника, проводимым в 2014 г. в рамках российско-французского проекта. При помощи различных методов, в т.ч. экспериментального и трасологического, осуществлены наблюдения, направленные на понимание механизмов изменения скальной поверхности в ходе создания изображений и в процессе выветривания. Установлены некоторые особенности местной горной породы, позволяющие приблизиться к пониманию принципов формирования следов на калгутинских гранитах, а значит, и дифференцировать следы пикетажа, выполненного различными орудиями.

Ключевые слова: *петроглифы, наскальное искусство, трасология, эксперимент, техника, выбивка, Горный Алтай, Калгутинский рудник.*

The study of petroglyphs as opposed to other archaeological sites can be resumed at repeated occasions. In the network of the Russian-French research project the investigation of rock art site Kalgutinsky Rudnick was renewed in 2013 and continued in 2014. Experimental and traceological methods were employed as a part of the study. Results of observations are directed to the comprehension of the mechanism of rock surface modification and alteration. We have distinguished a few characteristics of the local rock. As a result the principle of trace shaping can be understood on the Kalgutinsky granitic rock; hence the differentiation of the pecking traces made by various tools is conceivable.

Keywords: *petroglyphs, rock art, traceology, experiment, techniques, pecking, Altay Mountains, Kalgutinsky Rudnick.*

Местонахождения наскальных изображений по сравнению с другими археологическими объектами, как правило, в меньшей степени подвержены разрушениям, неизбежно происходящим в ходе раскопок. К петроглифическим памятникам, не разрушенным в ходе реализации масштабных проектов по преобразованию природы, можно вернуться, проверить и уточнить полученные ранее результаты, применить новые методы исследований, использовать недоступные ранее технические средства документирования, реализовать новые подходы к интерпретации и т.д.

Почти двадцать лет назад петроглифы местонахождения Калгутинский рудник были скопированы на прозрачный полиэтилен стойкими маркерами. Фотофиксация обнаруженных фигур осуществлялась на пленочные аналоговые фотоаппараты. Цифровой техники в ту эпоху авторы в распоряжении не имели. Небольшая группа выбитых фигур животных (лошади, бык, олень), отличающихся стилевым своеобразием, была отнесена к «древнейшим» петроглифам Алтая, для которых предполагалась верхнепалеолитическая дата [Молодин, Черемисин, 1998].

Своеобразие калгутинских изображений и необычность скальных поверхностей состоит в том, что петроглифы выбиты здесь на гранитоидных, а не на сланцевых скальных выходах. Это и определило основное направление современных исследований памятника в области трасологии. Возможности современного трасологического изучения петроглифов связаны с применением

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 13-21-08002).

цифровых технологий (фотография, фотограмметрия, обработка полученных данных при помощи графических редакторов и т.д.).

В 2013 г. в рамках международного проекта РГНФ – Дома Наук о Человеке (Франция) возобновлены исследования на памятнике Калгутинский рудник на плоскогорье Укок в Горном Алтае [Черемисин, Зоткина и др., 2013]. В ходе полевых работ в 2014 г. применены новые, по сравнению с прошлым сезоном, методические приемы, что позволило получить новые данные [Черемисин, Лбова и др., 2014]. Первичный осмотр петроглифов Калгутинского рудника, осуществленный в 2013 г., показал, что способ копирования большинства изображений с помощью пластичной силиконовой массы не дает необходимой точности получаемых реплик. Это связано с тем, что петроглифы здесь по большей части очень слабо углублены в поверхность скалы. Поэтому в ходе исследований 2014 г. продолжена работа по фиксации изображений и их деталей с помощью бесконтактной методики – облачной фотограмметрии (рис. 1, *2, 4, 6*). Опыт доказал продуктивность параллельного изучения следов выбивки при помощи микроскопа и их фиксации с использованием возможностей цифровой фотографии и фотограмметрии.

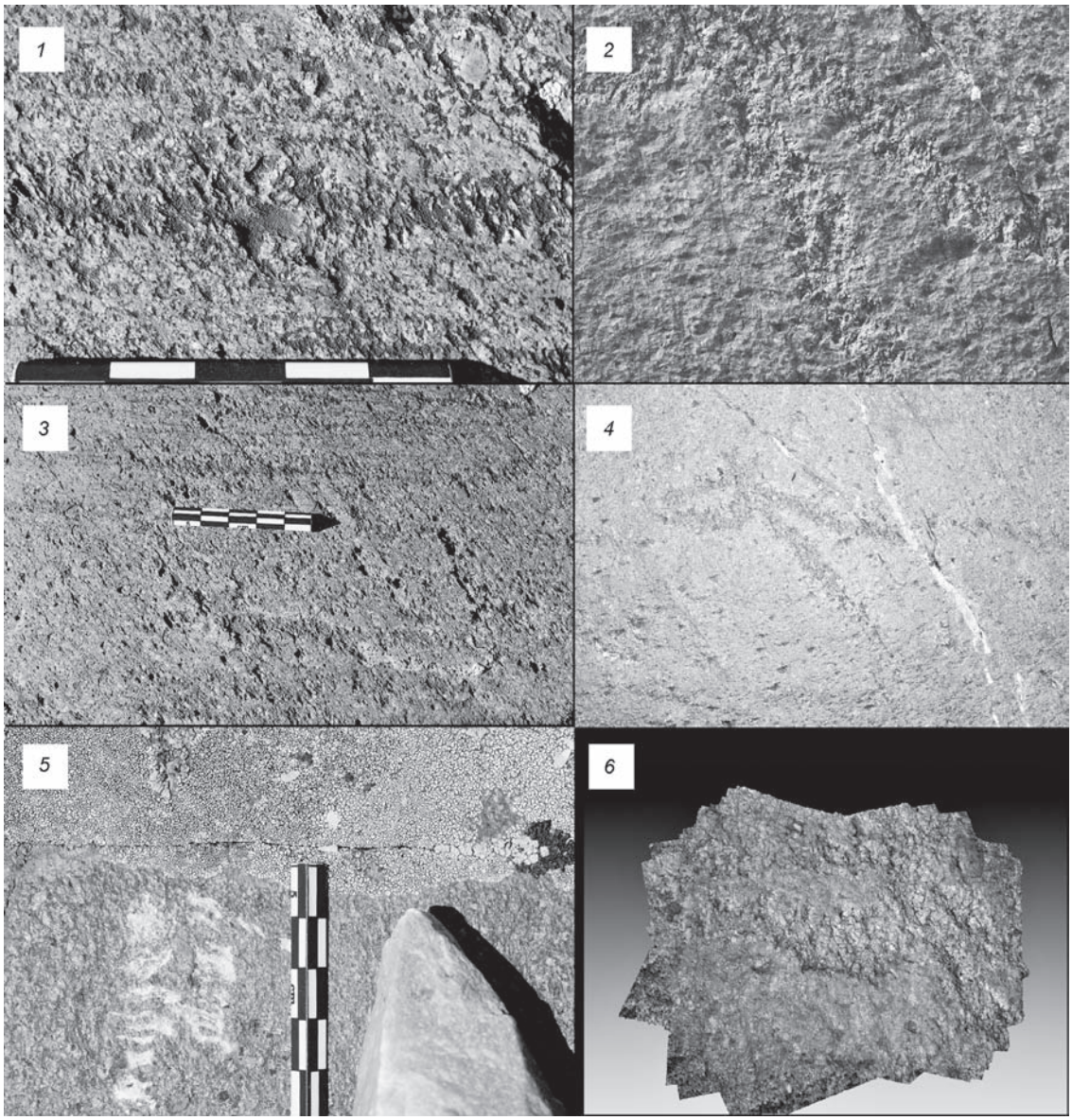


Рис. 1. Следы на поверхности валунов гранита на местонахождении Калгутинский рудник.

1, 3 – естественные следы на наскальной поверхности, трасологически схожие со следами выбивки, образующими петроглифы; *2* – фрагмент изображения лошади (шея); *4* – общий вид изображения лошади; *5* – экспериментальные следы опосредованного пикетажа с каменным орудием (кварцит), которым они получены; *6* – ортогональная фотография фрагмента изображения лошади (голова), выполненная по методу фотограмметрии.

Фиксация наскальных изображений Калгутинского рудника по методу фотограмметрии и макрофотографии связана с двумя основными исследовательскими задачами:

1. Объемная реконструкция (3D) в масштабе около 1 см. Это необходимо для фиксации наиболее важных деталей рельефа петроглифов, которые трудно или невозможно показать при обычной цифровой фотосъемке.

2. Макрофотография в масштабе от 1 мм и менее. Благодаря этому, можно рассмотреть структуру гранитоидной породы, как при помощи стереоскопического микроскопа.

Эти два направления фотофиксации петроглифов позволяют сосредоточиться на проблеме механизма изменения скальной поверхности калгутинских гранитоидов не только в ходе нанесения следов выбивки, но и при процессах выветривания.

Трасологическое изучение калгутинских петроглифов, начатое в 2013 г., было продолжено в 2014 г. В алгоритм был включен не только простой визуальный осмотр и обследование с помощью луп, дающих небольшое (5–10-кратное) увеличение. Впервые для трасологического анализа рельефных изображений данного местонахождения применен бинокулярный микроскоп (Nikon SMZ1) (рис. 2). Он использовался для детального изучения скальной поверхности без штатива. При этом осматривались не только участки скальных плоскостей, преобразованные в результате выбивки, но и естественные повреждения субстрата (рис. 1, *1*, *3*).

Рис. 2. Трасологическое изучение скальной поверхности с петроглифами на местонахождении Калгутинский рудник.

Экспериментальные разработки 2014 г., были развернутыми и включали несколько серий опытов, связанных с различными техническими приемами и их сочетаниями (рис. 1, *5*). Кроме того, осуществлены серии экспериментов, в ходе которых для нанесения петроглифов использовалось самое разное каменное сырье, в т.ч. редкое (например, горный хрусталь), а также несколько видов заготовок из разных металлов. Для получения экспериментальных серий использовались разные типы скальной поверхности (с разной степенью выветренности), что также позволило получить новые данные о возможностях преобразования калгутинской горной породы в результате разных видов пикетажа, скобления и т.д.

В результате исследования петроглифов Калгутинского рудника в 2014 г. выдвинут ряд предположений о возможностях преобразования структуры скальной поверхности гранитоидов при нанесении изображений. Сложности получения достоверных заключений связаны с тем, что на данной породе даже с применением микроскопа крайне трудно дифференцировать следы различных по материалу орудий, использовавшихся для нанесения фигур (камень или металл). Это зависит от характера разрушения поверхности скалы в ходе пикетажа и в результате последующего выветривания. Дело в том, что после нарушения целостности скальной корки, гранулы породы выкрашиваются. Вследствие этого, даже если первоначально следы орудия и могли быть зафиксированы, по прошествии длительного периода очертания следов подверглись изменениям в результате выветривания.

Несмотря на это, летом 2014 г. экспериментальным путем удалось доказать возможность использования каменных орудий для нарушения целостности скальной поверхности и получения видимых следов пикетажа при их применении (рис. 1, *5*). Сделаны выводы о специфических технических приемах, которые представляются наиболее подходящими для обработки такого вида поверхностей, как на местонахождении Калгутинский рудник. Дальнейшее продолжение экспериментальных разработок в этой области и применение современных методов бесконтактной фиксации (фотограмметрия, 3D-моделирование) и трасологического изучения петроглифов представляются наиболее перспективными. В рамках традиционных подходов проводятся новые опыты контактного копирования наскальных изображений памятника, поиски петроглифов на соседних скальных выходах в верховьях р. Калгуты, предусматриваются геоморфологические исследования, анализ репертуара и стиля калгутинских

изображений в широком контексте древнейших наскальных памятников Евразии.

В дальнейшем планируется проведение дополнительных серий экспериментов, в ходе которых будет использоваться не только более широкий инструментальный набор и скальные поверхности различной степени выветренности. Одной из дальнейших задач является объемная реконструкция общего вида памятника Калгутинской рудник с помощью фотограмметрии.

Особое внимание следует привлечь к тому, что по скальным плоскостям местонахождения Калгутинский рудник проложена трасса проектируемого газопровода Алтай, идущего по плато Укок к перевалу Канас. Необходим выбор такого маршрута, который гарантировал бы неприкосновенность скал с петроглифами.

Список литературы

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображение плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука,1999. – 160 с.

Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Миклашевич Е.А., Лбова Л.В., Женест Ж.-М., Плиссон Ю., Кретан К. Исследование технологических особенностей наскальных изображений Горного Алтая в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 362–368.

Черемисин Д.В., Лбова Л.В., Миклашевич Е.А., Зоткина Л.В., Женест Ж.-М., Плиссон Ю., Кретан К. Исследование наскальных изображений Горного Алтая (документирование технологических особенностей петроглифов Калбак-Таша II) // Тр. IV (XX) всерос. археол. съезда. – Казань: Отечество, 2014. – Т. IV. – С. 111–115.

УДК 903.2

А.Н. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

КОМПЛЕКСЫ НЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА УСТЬ-КУТАРЕЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ*

В статье кратко представлены результаты исследований памятников Усть-Кутарейского археологического микрорайона в 2008–2011 гг. в контексте основных проблем изучения комплексов неолита и бронзового века в Северном Приангарье. Накопленный материал требует обобщения и согласования с культурно-хронологической схемой региона. Хотя напластования носят «компрессионный» характер, стратиграфическая ситуация и керамические комплексы дают возможность датирования сопутствующих материалов. В дальнейшем это позволит использовать их для построения единой хроностратиграфической шкалы региона.

Ключевые слова: *комплексы неолита и бронзового века, Северное Приангарье, «компрессионный» характер отложений.*

This work contains brief research results of sites from the Ust-Kutarey microregion studied in 2008–2011 in the context of main problems of investigation Neolithic-bronze age complexes in North Angara Region. The accumulated material requires consent of the generalizations and matching with cultural-chronological scheme of the region. Although layers are of a "compression" nature, stratigraphic situation, as well as ceramic complexes of the sites allow to date accompanying materials. In the follow these data can be used for construction of a single chronostratigraphic regional scale.

Keywords: *Neolithic-bronze age complexes, North Priangare, layers with "compression" character.*

В ходе широкомасштабных археологических работ, связанных с возобновлением строительства Богучанской ГЭС, на территории Северного Приангарья накоплен значительный объем фактического материала. Он требует обобщения и согласования с культурно-хронологической схемой региона. Очень интересные материалы получены при изучении хорошо стратифицированных памятников неолита и бронзового века в Усть-Кутарейском археологическом микрорайоне (левобережье р. Ангары в среднем ее течении, правый приток р. Кутарей).

При исследовании памятников Усть-Кутарейского микрорайона (Устье реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей) обнаружено более 30 тыс. артефактов. Проведение рекогносцировочных работ позволило выявить наиболее перспективные участки с четкой стратиграфией, где проведены раскопки сплошной площадью.

Одним из наиболее дискуссионных остается вопрос о хронологии и периодизации неолита и бронзового века Северного Приангарья.

Начиная с 1950-х гг. эта тема широко представлена в работах А.П. Окладникова, М.М. Герасимова, Б.Э. Петри, Л.П. Хлобыстина, Н.А. Савельева и Г.И. Медведева, В.В. Свинина, О.И. Горюновой [Гришин, 2000, с. 8–36], И.В. Асеева [2003, с. 13].

Наиболее перспективным в контексте данной проблематики представляется изучение материалов памятника Устье реки Кутарей.

Стоянка Устье реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангары, в 15 км ниже по течению от с. Кежма, на правом берегу, в устье р. Кутарей. В месте впадения в р. Ангару русло р. Кутарей образует широкую пойму, поросшую высоким кустарником и затопляемую во время сезонных паводков. Памятник располагается на террасе высотой 5–10 м от уреза воды. С запада терраса огра-

*Работа выполнена в рамках проекта НШ-255.2014.6.

ничена урезом р. Ангары, а с юго-востока – устьем р. Кутарей. Первоначально памятник определен как стоянка эпохи неолита (IV–III тыс. до н.э.), но в результате работ 2010 г выявлены три культурных горизонта от эпохи неолита до средневековья.

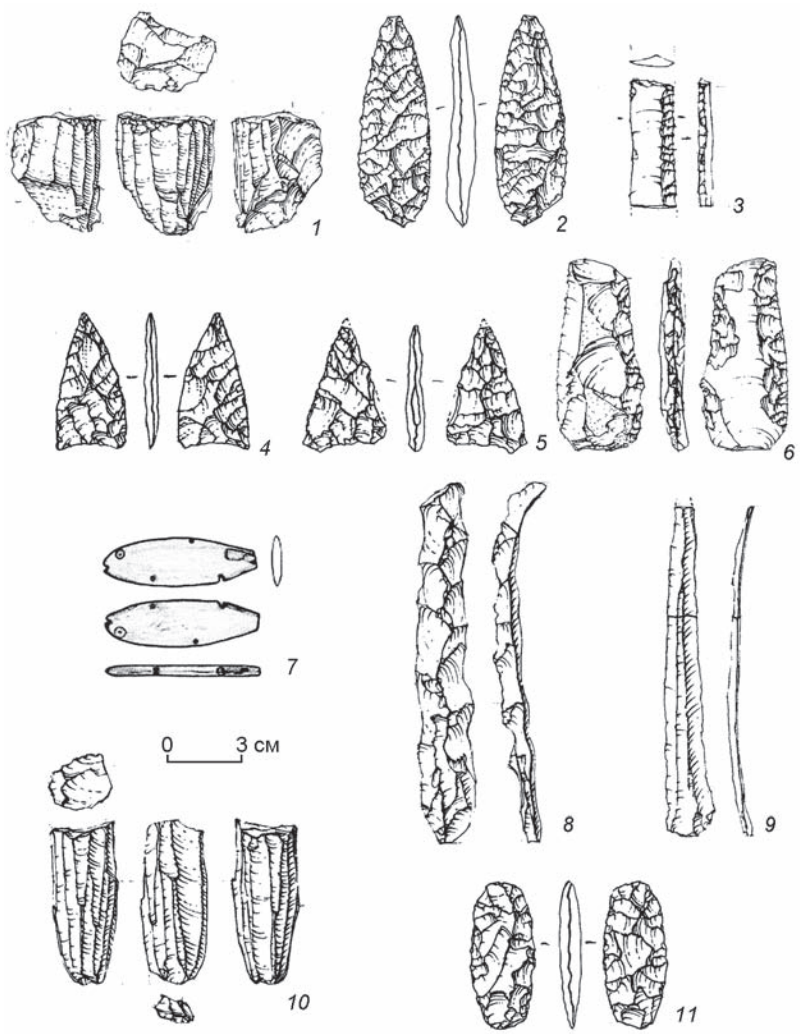
Практически вся территория террасы имеет множественные следы техногенного нарушения, связанные с существованием на этой территории до 1980-х гг. крупного поселения, а так же с периодической очисткой террасы от леса.

Памятник открыт в 1974 г. Кежемским отрядом САА Э КГПИ под руководством Н.И. Дроздова. Впоследствии исследование памятника проводилось в 2008 г. отрядом ИАЭТ СО РАН в рамках проекта сохранения памятников историко-культурного наследия Красноярского края в зоне затопления БоГЭС. В результате работ 2008 г. были уточнены границы памятника и исследована степень сохранности археологического материала. В юго-западной части памятника, на прибрежном участке террасы, на краю дорожной выемки, направленной к устью р. Кутарей, произведен осмотр территории и проведена зачистка береговых обнажений (площадь 1 × 1 м, глубина 0,82 м). В результате выявлены два культурных слоя (мощность от 0,08 до 0,65 м) и обнаружены 173 предмета, в т.ч. фрагменты керамики, изделия из камня, отходы каменной индустрии, а также фрагменты костей млекопитающих и рыбы.

Рекогносцировочные исследования производились, согласно методике археологических исследований, принятой ОПИ Института археологии РАН, раскопами 2 × 2 м, разбитыми в единой сетке координат на расстоянии 100 м, а также рекогносцировочными зачистками размерами 2 × 2 м. Рекогносцировочные зачистки располагались в единой сетке координат на береговых склонах и осыпях, по краям техногенных разрезов. Стратиграфическая ситуация памятника представлена чередованием следующих основных слоев.

Слой 1 – почвенно-растительный горизонт. Насыщен корнями луговой растительности. На большей части исследованной площади почвенно-растительный горизонт плотный, с мелкокомковатой структурой. При этом он включает находки техногенного происхождения и археологические материалы, что свидетельствует о его современном образовании после техногенных нарушений площади памятника. Мощность слоя колеблется от 0,02 до 0,1 м.

Слой 2 – темная гумусированная супесь, равномерно подстилающая стратиграфический слой 1 на всей исследованной площади памятника. Слой относится ко времени существования поселения XX в. На это указывают находки инструментария кузнечного производства, изделия из железа, гончарная керамика. Слой слабоувлажнен, рыхлый, пылеватый, бесструктурный, с неоднородной пятнистой текстурой. В нем содержались археологические материалы, фрагменты керамики, изделия из камня. На отдельных участках слой перерезает нижележащие культурные напластования. Мощность достигает 0,2 м. Нижняя граница слоя нечеткая, волнистая, с переходом до 0,07 м.



Археологические материалы из слоя 3 памятника Устье реки Кутарей.
1, 10 – нуклеусы; *2, 4, 5* – наконечники; *3* – фрагмент пластинки с ретушью; *6, 11* – орудия; *8* – реберчатая пластинка; *9* – микропластина.

Слой 3 – светло-желтая слабоувлажненная супесь, мелкодисперсная, пылеватая при высыхании. Слой содержал археологические материалы эпохи раннего железного века и периода эпохи бронзы. Нижняя граница слоя нечеткая, ясная. Граница слоя субгоризонтальная, со слабо выраженной волнистостью. Мощность слоя достигает 0,43 м.

Слой 4 – светло-серая подзолистая супесь, слабоувлажненная, при высыхании пылеватая, приобретает белый цвет. Слой бесструктурный, слабоуплотненный, имеет отчетливые следы профильного вымывания гумусовых кислот. Слой содержит крупные потеки различного цвета: от пепельно-белого до сизого. Исследован на глубину до 0,35 м, но археологические материалы не обнаружены. Является «материковым» основанием раскопа [Савин, 2011, с. 23–25].

Массовые археологические комплексы из слоев 3 и 4 включают в основном каменную индустрию (см. *рисунок*) (технологически индустрия неолитическая не отличается от индустрии бронзового века) и керамику (сопоставимую с материалами Прибайкалья и Нижней Ангары, четко фиксируются группы посольской и усть-бельской керамики) [Савин, 2011. с.113]. Информативным представляется анализ материалов Устья реки Кутарей в сравнении с коллекциями памятников Синий (Сенькин) камень и Ручей Поварный (они гораздо менее многочисленны – 1,4 тыс. артефактов, но содержат показательные типы орудийного набора).

Культурно-хронологическая интерпретация памятников Северного Приангарья зачастую затруднена из-за смешения в одном слое материалов неолита и бронзового века. Это вызвано т.н. «компрессионным» характером напластований, как правило, без стерильных разделяющих прослоек, вскрытием всей толщи культурного слоя условными горизонтами. В данном случае культурным и датирующим маркером может служить керамика.

Новые исследования по изучению керамических комплексов бронзового века Енисейского Приангарья представлены работами П.В. Мандрыки. На данной территории с конца Ш тыс. лет до н.э. он выделяет несколько культурных традиций: комплексы с гладкостенной керамикой и гребенчато-пунктирной орнаментацией (бобровский тип); комплексы с «тонкошнуровой» керамикой (усть-шилкинский тип), переходный комплекс (с утолщенными краями венчика, под венчиком орнаментация сеткой), самоделкинский комплекс, шепилевский комплекс [Мандрыка, 2008]. Н.П. Макаров [2013] дал описание культурных горизонтов 4 и 5 стоянки Усть-Карабула, содержавших артефакты неолитического облика. А.Н. Савин охарактеризовал материалы многослойного поселения Парта [Савин, 2010, с. 585]. Особенно актуально изучение материалов Усть-Кутарейского археологического микрорайона в контексте новых данных по усть-бельской керамике (по материалам стоянки Сергушкин-1). Они позволяют отнести ранний период бытования усть-бельского комплекса к концу VI – началу I тыс. до н.э. [Герман, Леонтьев, 2013, с. 151].

Отчетливые стратиграфические напластования и связанные с ними керамические комплексы памятников Усть-Кутарейского микрорайона дают возможность датировать сопутствующие материалы, а в дальнейшем позволят внести существенный вклад в построение единой хроностратиграфической шкалы археологических памятников среднего течения реки Ангары.

Список литературы

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Комплекс археологических материалов с Усть-Бельской керамикой стоянки Сергушкин-1, пункт «А» // Изв. ИГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 133–156.

Гришин Ю.С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. – М.: Старый сад, 2000. — 128 с.

Макаров Н.П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий – Красноярск: Изд-во Краснояр. краевед. музея, 2013. – С. 130–175.

Мандрыка П.В. Степь и тайга: проблема взаимоотношений племен раннего железного века (по материалам Енисейского Приангарья) // Журнал СФУ. – Красноярск, 2008. – С. 261–269.

Савин А.Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 582–587.

Савин А.Н. Отчет об археологических раскопках стоянки Устье Реки Кутарей 2010 г. (Кежемский район Красноярского края). – Новосибирск, 2011. – Т. I. – 175 с.

УДК 902.6 (516)

П.И. Шульга[1], Д.П. Шульга[2] , Е.А Гирченко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОИДНОЙ КУЛЬТУРЫ МАОЦИНГОУ (Северный Китай)*

В статье рассматривается вопрос о происхождении скифоидной культуры маоцингоу (V–III вв. до н.э.), пока не рассматривавшийся российскими и китайскими исследователями. Между тем, в последние годы получены новые данные, позволяющие обоснованно связывать культуры маоцингоу и юйхуанмяо. Последняя в VI в. до н.э. на 200–300 км продвинулась с востока на запад, к Хуанхэ (Ордосу). Генетическая связь этих культур подтверждает сходство погребального обряда и вещевого комплекса. Согласно недавно опубликованным материалам из могильников у оз. Дайхай, в процессе формирования культуры маоцингоу принимали участие и носители культур шацзин и янлан (VI–IV вв. до н.э.), переселившиеся с востока Ганьсу. Вероятно, перемещение этих племен с востока и юга к излучине Хуанхэ в значительной мере связано с их постепенным вытеснением земледельцами северных царств Китая.

Ключевые слова: *археология Северного Китая, хронология, скифоидные культуры юйхуанмяо, маоцингоу, янлан, шацзин.*

The issue of origin of the Scythian-like maoqinggou culture (5th – 3d centuries B.C.) has not been considered by the Russian researchers yet, neither has it been studied in China. Meanwhile, in recent years new data have been received which allow to connect that culture with the yuhuangmiao culture which moved 200-300 km from the East to Ordos in the 6th century B.C. Their genetic link is proved by similar burial ritual and things complex. According to the recently published materials from the burial grounds near Daihai Lake, the representatives of the shajing and yanglang cultures (the 6th – 4th centuries B.C.) who migrated from the East Gansu also took part in forming the maoqinggou culture. The migration of the tribes from the East and South to the Huang he bend (Ordos) is likely to have been connected with their gradual being ousted by the farmers of the Northern Chinese kingdoms.

Keywords: *Northern China archaeology, chronology, Scythian-like cultures yuhuangmiao, maoqinggou, yanglang, shajing.*

В настоящее время культура *маоцингоу* – наиболее известное в России этнокультурное образование скифоидного облика (Северный Китай). Впрочем, российские и зарубежные исследователи, как правило, оперируют материалами одного могильника Маоцингоу – первого оперативно опубликованного крупного памятника V–III вв. до н.э. [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; Graberkatalog Maoqinggou, 1992]. Из захоронений Маоцингоу получена крупная коллекция инвентаря: оружие, поясная фурнитура, керамика, конское снаряжение и др. Многие изделия имеют аналоги среди материалов с памятников Южной Сибири. Помимо этого, интерес к данному могильнику изначально подогревался предположением о его принадлежности ранним хунну [Полосьмак, 1990; Миняев, 1991; Варенов, 1995, 2004; Ковалев, 2002; Шульга, 2011]. Всего в могильниках культуры маоцингоу на 2007 г. учтено 204 исследованных погребений: 79 – в Маоцингоу, 31 – в Госяньяоцзы, 38 – в Иньнюгоу, 56 – в волости Дяньцзы [У Энь, 2007].

Сравнительно недавно в сокращенном виде опубликованы материалы раскопок в районе оз. Дайхай памятников Сяошуан (1996 г., 15 могил), Синьдяньцзы (1999 г., 56 могил), Синьчжоуяоцзы (2003 г., 69 могил) [Синьдяньцзы, 2009; Сяошуан, 2009; Синьчжоуяоцзы, 2009]. Все эти могильники, подобно Маоцингоу, расположены на пологих склонах. Погребения ориентированы

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 12-01-00301а).

длинными сторонами в широтном направлении. Захоронения одиночные. Погребенные уложены на спину вытянуто, головой на восток, с отклонением к северу, а в головах или сбоку зафиксированы жертвенники с черепами животных (см. подобный обряд в Маоцингоу; рис. 2, *2*). На основании этого их можно отнести к культуре маоцингоу. Однако некоторые погребения имеют хорошо выраженные черты располагавшихся далеко на юго-западе культур *шацзин* (боковые подбои с уступом) и *янлан* (ниши в восточных стенках могил) (рис. 1). Прослеживаются и специфичные черты культуры *юйхуанмяо* (положение черепов животных в линию сбоку от умершего и др.). Захоронения типа янлан сохранили значительную часть особенностей, в т.ч. большое количестве черепов жертвенных животных во входной яме. Но ниша с захоронением человека значительно уменьшилась в длину и скрывала лишь верхнюю часть тела умершего [Синьдяньцзы, 2009, рис. 3]. Наиболее интересные изменения произошли с захоронениями типа шацзин. Конструкция могилы и положение умершего там остались прежними, но сосуд с поверхности «переместился» во входную яму, а рядом с ним стали помещать черепа животных (рис. 2, *3*), что в культуре шацзин не практиковалось. При этом, формы и орнаментация сосудов из таких переходных погребений зачастую подобны встреченным в Маоцингоу. Таким образом, материалы из указанных могильников у оз. Дайхай (ареал культуры маоцингоу) демонстрируют приход в этот район различных групп населения с востока, за 300 км (культура юйхуанмяо, примерно во второй половине VI в. до н.э.), и с юго-запада, за 600–900 км (культуры янлан и шацзин, предположительно в V–IV в. до н.э.).

Аналогичная картина прослеживается и по инвентарю. В указанных трех могильниках он характерен для культуры маоцингоу, но там найдено и значительное количество изделий типа шацзин (рис. 2, *4–6*) и юйхуанмяо [Синьдяньцзы, 2009, рис. 8, 9]. Эти особенности представляют особый интерес для решения проблемы происхождения культуры маоцингоу. Впрочем, первые догадки на этот счет появились уже через десять лет после исследования Маоцингоу, когда завершились раскопки крупнейшего могильника (400 погребений, VII–VI вв. до н.э.) «горных жунов» Юйхуанмяо [Могильники…, 2007]. На этом памятнике, расположенном примерно в 300 км к востоку от Маоцингоу и в 80 км к северо-востоку от Пекина (где в древности находилась столица царства Янь) зафиксирован аналогичный погребальный обряд (рис. 2, *1, 2*). Во многом совпадают порядок расположения и состав инвентаря, с той лишь разницей, что в Юйхуанмяо инвентарь имеет более ранние формы, много китайских изделий. Генетическая связь этих могильников подтверждается данными антропологии [Могильники…, 2010, с. 720]. В свою очередь, материалы могильника Юйхуанмяо восходят к более ранней скифоидной культуре верхнего слоя Сяцзядянь (около IX–VII вв. до н.э.), располагавшейся примерно на 300–350 к северо-востоку (рис. 1, *2, 3*).

В целом, процесс образования культуры маоцингоу выглядит следующим образом. В начале VII в. до н.э. часть населения культуры верхнего слоя Сяцзядянь и кочевые племена из Монголии

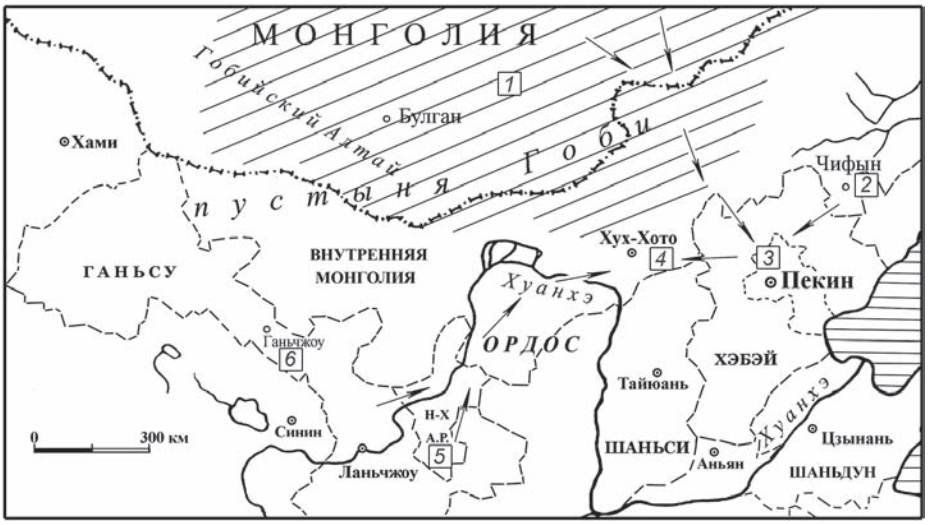


Рис. 1. Карта-схема расположения и перемещения скифоидных археологических культур в Северном Китае.

1 – культура плиточных могил; *2* – культура верхнего слоя Сяцзядянь (около IX–VII вв. до н.э.); *3* – культура юйхуанмяо (VII–VI вв. до н.э.); *4* – культура маоцингоу (конец VI–III вв. до н.э.); *5* – культура янлан (VI–III вв. до н.э.); *6* – культура шацзин (VI–IV вв. до н.э.).

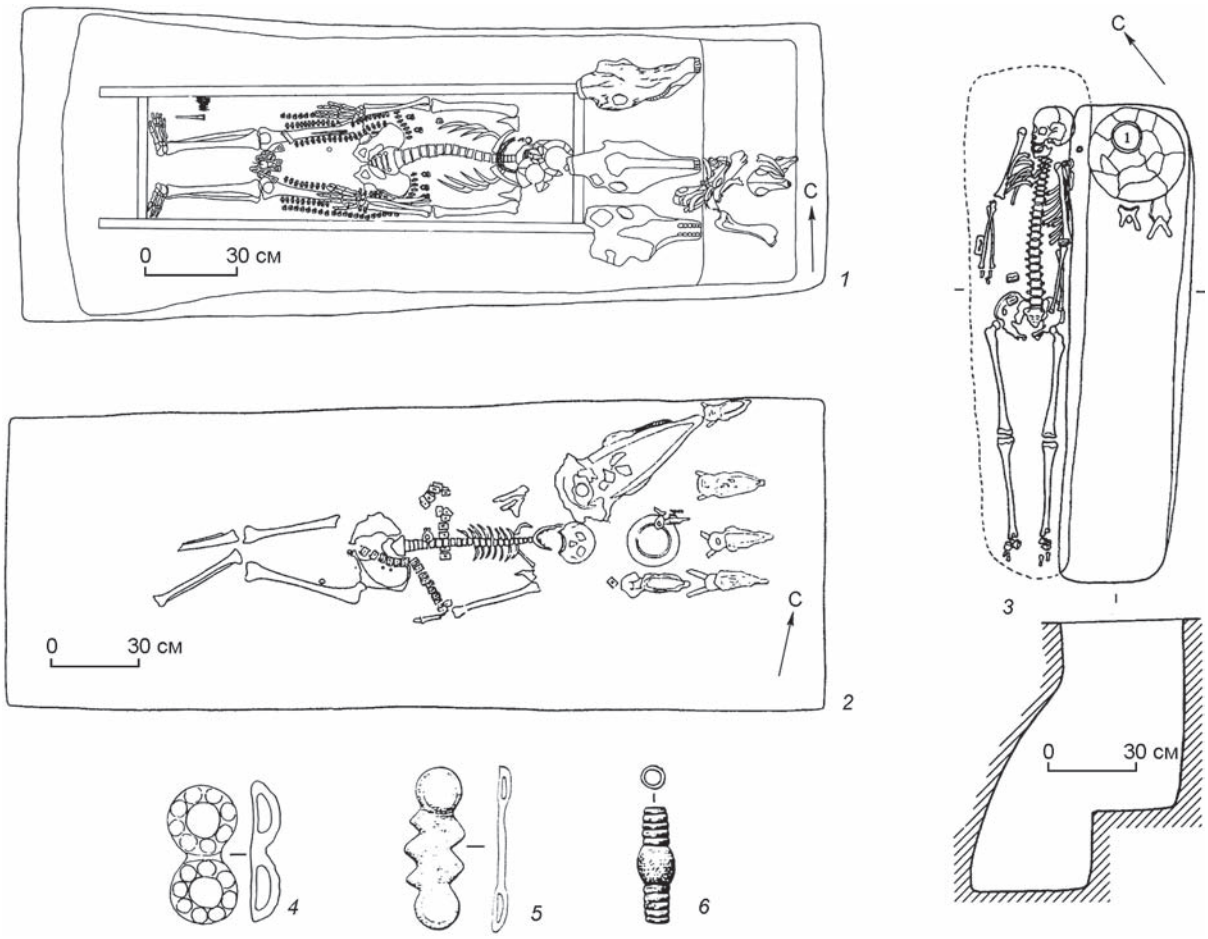


Рис. 2. Погребения могильников Юйхуанмяо (*1*), Маоцингоу (*2*) и Сяошуан (*3*).

1 – могила М52 (по: [Могильники…, 2007]); *2* – могила М43 (по: [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986]); *3* – могила М13 (по: [Сяошуан, 2009]); *4–6* – изделия, характерные для культуры шацзин, обнаруженные в Маоцингоу (по: [Graberkatalog Maoqinggou…, 1992]).

переместились к северной границе китайского царства Янь, где перемешались и осели. Во второй половине VI в. до н.э. земледельческое население Янь постепенно ассимилировало и вытеснило «варваров» культуры юйхуанмяо, часть которых ушла на 250–300 км западнее, к Ордосу, в район оз. Дайхай. На этой основе в конце VI – начале V в. до н.э. там сформировалась культура маоцингоу (рис. 1, *4*). В V–IV вв. до н.э. на эту же территорию с юго-запада пришли группы населения культур янлан и шацзин. Это хорошо фиксируется по характерному погребальному обряду и инвентарю. Все они погребали умерших на тех же кладбищах, что и носители культуры маоцингоу. Очевидно, представители культуры янлан ушли к северу, за Хуанхэ, под давлением китайского земледельческого населения, чему есть многочисленные письменные свидетельства. С первоначального места обитания им пришлось уйти на северо-восток на 700–800 км (рис. 1, *5*). Еще больше (не менее 900 км) нужно было пройти представителям культуры шацзин из центральной части Ганьсу (рис. 1, *6*). Согласно кратким суммарным публикациям, время прихода шацзин и янлан в район оз. Дайхай не вполне ясно, но в их материалах нет достоверно ранних изделий VI в. до н.э. Показательно, что и в Маоцингоу типичные для шацзин трубочки и поясные бляшки (см. рис. 2, *4–6*) на начальном этапе отсутствовали. Подчеркнем, что, в отличие от носителей культуры янлан, непосредственно контактировавших с государством Цинь, представители культуры шацзин обитали далеко к западу от китайских земледельцев, поэтому их приход в Дайхай, вероятно, был вызван другими причинами. Если соотнести культуру шацзин с юэчжами, как это делают некоторые китайские исследователи, то их продвижение к северо-востоку в IV–III вв. до н.э. на фоне борьбы с хунну выглядит вполне логичным. По мнению Ян Цзяньхуа, во второй половине IV в. до н.э. территория культуры маоцингоу вошла в состав государства Чжао. Очевидно, к этому времени относится большинство меридионально ориентированных могил в поздних частях могильников Маоцингоу и Иньнюгоу, где

умершие погребены по обряду, характерному для китайцев Центральной равнины. Важно подчеркнуть, что «варвары» и пришельцы до самого конца продолжали погребать умерших на одном кладбище. В III в. до н.э. все эти могильники перестали функционировать.

Список литературы

Варенов А.В. Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 123–125.

Варенов А.В. Парадоксы скифских памятников Ордоса и проблема происхождения культуры сюнну // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Парадоксы археологии. – Новосибирск, 2004. – Вып. 3. – С. 150–163.

Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. - С. 103–131.

Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 108–120.

Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо: в 4 т. / Тр. Пекин. гор. ин-та культ. наследия. - Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2007. - 1660 с., 449 табл. (на кит. яз.).

Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан: в 2 т. / Тр. Пекин. гор. ин-та культ. наследия. - Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2010. - 850 с., 114 табл. (на кит. яз.).

Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 101–107.

Синьдяньцзы, 2009. Институт культурного наследия и археологии Внутренней Монголии: отчет о раскопках могильника Синьдяньцзы в уезде Хорингер Внутренней Монголии // Каогу. – 2009. – Вып. 3. – С. 3–14 (на кит. яз.).

Синьчжоуяоцзы, **2009**. Институт культурного наследия и археологии Внутренней Монголии: отчет о раскопках могильника Синьчжоуяоцзы в уезде Лянчэн Внутренней Монголии // Каогу. – 2009. – Вып. 3. – С. 3–14 (на кит. яз.).

Сяошуан, **2009**. Институт культурного наследия и археологии Внутренней Монголии: отчет о раскопках могильника у городища Сяошуан в уезде Лянчэн Внутренней Монголии // Каогу. – 2009. – Вып. 3. – С. 28–39 (на кит. яз.).

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Могильник Маоцингоу // Бронзы ордосского стиля. – Пекин, Вэньу, 1986. – С. 227–315 (на кит. яз.).

У Энь (Уэньюэсыту). Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. – Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. – 386 с. (на кит. яз.).

Шульга П.И. Об истоках погребального обряда хунну // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы междунар. науч. конф. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 389–398.

Graberkatalog Maoqinggou // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veroffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T.O. Hollmann und G.W. Kossack u. Mitarb. Mainz am Rhein. – 1992. – S. 110–119. – (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archaologie: Bd. 50).

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 314.122.62

Л.Н. Арбачакова[1], И.В. Октябрьская[2]

[1]Институт филологии СО РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: siem405@yandex.ru

ОБРАЗ ПИРА В ШОРСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

Статья посвящена анализу образа пира в героическом эпосе шорцев. Оригинальные тексты в авторской записи и переводе, а также опубликованные источники позволяют дать исчерпывающую характеристику семантических аспектов темы пира, которая в тюркской (в т.ч. шорской) эпике относится к числу сюжетообразующих элементов. В ходе исследования сделан вывод: образ пира в шорских сказаниях связан с представлением о доле и счастье. При исполнении сказания доля героя-богатыря, явленная в описании пира, транслируется слушателям. Эта традиция имеет устойчивый характер в традиционной культуре.

Ключевые слова: *шорцы, героический эпос, тема пира, представление о доле и счастье.*

This article is presented the analysis of the feast image in the Shor heroic epic. The original texts in the shape of authors record and translation, as well as published sources allow us to give a comprehensive description of semantic aspects of the feast theme, which is one of plot-elements in Turkic epics, including Shor. The study gave the conclution that the feast image is associated with the notion of destiny and happiness in Shor legends. the hero's destiny, revealed in the feast description, is translated to listeners during the execution of the tales. This tradition is steady in the traditional culture.

Keywords: *Shor, heroic epic, the theme of the feast, the idea of destiny and happiness.*

Описание пира, «богатырской еды» является «общим местом» тюркской эпической традиции и представляет один из сюжетообразующих элементов богатырских сказаний шорцев. Пиры эпические герои устраивают по случаю рождения, наречения, свадьбы, победы над врагом. Во время многодневного застолья с многочисленными гостями, связанными друг с другом родством, богатыри соперничают в еде и питье, скачках, стрельбе, борьбе, состязаниях на копьях и вспоминают обычаи старины [Липец, 1984, с. 26–34].

Центром пира в шорском эпосе часто является огромный золотой или серебряный стол, помещенный в центр жилища. В описании богатырского застолья воспроизводится ряд обязательных элементов, а локализация в центре эпического кочевья подчеркивает его сопричастность сотворению и структурированию мира. Описание эпического пира бывает порой гиперболизировано до космических масштабов.

Размах застолья соответствует статусу и потенциалу богатыря: кушанья на него ставятся самые изысканные. В сказании «Алтын Сырык» во время застолья *«разве что птичьего молока не давали»* [Шорские героические сказания…, 1998, стк. 470].

Однако рецептов богатырской кухни шорский эпос не раскрывает. Известно лишь, что происхождение еды для героев часто имеет чудесный характер. *«Кюн Кёк бегая-хлопоча, Стала пищу-еду готовить. / Из одного пирожка – пять пирожков, / Из пяти – сто пирожков настряпала, / На золотой стол их положила. / Вокруг сели, / Пищу-еду стали есть…* («Солнце увидевшая Кюн Кёк» – записано в 2000 г. Л.Н. Арбачаковой от В.Е. Таннагашева. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН, стк. 1517–1523).

Размах пиршества, часто имеющего общенародный (в границах эпического богатырского кочевья) характер, подчеркивает величие и силу героя. За столом эпические герои не знают меры ни в еде, ни в питье. Мясо на пиршественных столах возвышается горами, а арака и кумыс меряются десятками бурдюков.

В сказании «Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго» герой устраивает победный пир. *«Кан Мерген из золотого дворца вышел, сорок плешивых кликнул, сорок топоров им дал, тридцать плешивых кликнув, тридцать колунов им дал. "Сорок табунов зарубите и, искрошив на мясо, угощение приготовьте. Тридцать конских табунов убейте, изрубите и свадьбу устройте"» –*

закричал (им) Кан Мерген. Плешивые с гору мяса наложили, водки с море налили. В ближней земле живущих родственников криком собирали, в далеких землях живущих родственников, послав посла, собирали. С таскыл – мяса наварили, с море – вина приготовили. Пировали, пировали, – худые пожирели, голодные люди насытились. У двери птицы худые зажирели, так что хвосты у них слиплись. У худых людей уши в голову вдавились – так зажирели. Как тайга, мясо лежало, как море, водка была налита. Едой, на которую прямо не могут смотреть глаза, водкой, которая не горчит рот, угощали» [Дыренкова, 1940, с. 141].

Пир продолжается много дней и ночей. В шорских сказаниях при описании участников пира акцентируется не только их сила, но и аппетит. В сказании «Ак Плек» герои так поглощают мясо: *«Большие кости у них изо рта вылетают, / Маленькие кости из носа летят!»* (записано в 2000 г. Л.Н. Арбачаковой от В.Е. Таннагашева. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН, стк. 663–664).

Физическая мощь не только определяет богатырскую стать, она является мерилом щедрости и соотносится с военным статусом героя. Он способен справиться с огромными объемами еды и питья так же, как он способен расправиться с врагами. *«Золотой панцирь-куйак надев, потомок алыпа, / Приплясывая-распевая, вышел. / Подмышкой слева белый чан держит. / В золотую чашу, из которой / И шестьдесят алыпов до дна не выпьют, / Доверху аш-напитка налив, к Ак Плеку идет: / – Эзе, потомок алыпов, сюда пришедший, / Аданмада, на лучшем из коней, – говорит, / – На светло-сивом коне / С серебристой гривой ездящий!/ Аданмада, – говорит, – своим рожденьем / Весь белый свет заполнивший! / Великого хана напиток возьми, выпей, / Потом имя-прозвище назовешь…»* («Ак Плек» – записано в 2000 г. Л.Н. Арбачаковой от В.Е. Таннагашева. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН, стк. 277–290).

Обильные многочисленные пиры, чередуясь со сражениями, сопровождают все этапы богатырской биографии. Противопоставление «пир – сражение» отражает противопоставление миропорядка конфликту и нарушению гармонии.

Пир – апофеоз и суть мирной жизни героя. Для кочевого военизированного общества, воспетого эпосом, он имеет глубокий общественный, мировоззренческий и моральный смыслы. Пир героя-правителя и его подданных связан с перераспределением добычи и доли. Он гарантирует стабильность жизни на основе сопричастности судьбе, богатству и счастью богатыря.

Сцена пира, с которой часто начинаются и заканчиваются сказания, – это воссоздание идеального общества в пространственном, культурном и социальном измерении. В стратифицированности пира по «кругам» знатных мужей, женщин, молодежи (по социальным и половозрастным группам), при строгом этикете и традиционности действий, воспроизводятся социальные связи, скрепляющие эпический микрокосм в единстве с макрокосмом. *«Семь дней, / Ночной земли не замечая, / Великую свадьбу отмечают. / Девять дней – / Ночной почвы не чувствуя, / Большую свадьбу справляют /, Через девять дней / Великая свадьба завершилась. / Ближним золотые шубы дарят, / Тем, что подальше, / Шёлковые шубы дарят»* («Ак Кан» – записано в 2000 г. Л.Н. Арбачаковой от В.Е. Таннагашева. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН, стк. 990–1001).

Пир моделирует ситуацию единения общества как воплощение гармоничной целостности героического мира. По сути, он является ритуалом, утверждающим незыблемость мира и устанавливающим всеобщую социальную гармонию. Часто в его обозначении используется термин «ойын» («праздник/игра»), который обозначает всякую форму неутилитарного действия, приближающегося к сакральному творчеству.

Как ритуальное действо эпический пир состоит из цепи последовательных, закрепленных как по форме, так и в своем чередовании эпизодов, имеющих важное внутреннее содержание. Пир – это праздник. Его описание можно трактовать как некую ритуальную формулу, имеющую прогностический характер. Сцена финального пира воспроизводит состояние всеобщего благоденствия. Согласно одной из типичных формул в сказании «Ак Кан» гости на богатырском пиру *«изголодавшиеся, себя насыщали, исхудавшие, себя подкрепляли. Пустые места мясом заполняя, ели; впалые места наваром наполняя, ели»* [Дыренкова, 1940, с. 215].

Богатырское пиршество в эпической парадигме становится важнейшим средством вербального моделирования, обеспечивающего благополучие рода. Многие тюркские сказания заканчиваются благопожеланиями: *«Много ли, мало ли времени прошло, лежащее на бересте (мясо) истощилось, – весь народ разошелся, дно казанов загремело, – народ разошелся. Люди, которым достались мозговые кости, прославляя возвращаются. «Жизнь ваша пусть длинной будет, дела ваши славными пусть будут!»* [Там же, с. 141, 143].

Подчеркнутый пиетет по отношению к праздничному застолью и его описаниям актуален для традиционной культуры и сохраняется в системе ценностей тюрков Южной Сибири. Новые

поколения добавляют в эпические повествования штрихи повседневности. Часто архаичная тема героического пира упрощается до обыденности. Шорские сказания описывают застолья, в ходе которых герои решают семейные проблемы. В сказании «Кан Кес» Алтын Сучу встречает мужа накрытым столом. *«Вино пить стали. Изголодавшие желудки наполнять стали, утомленный ум развлекать стали. Прежнее поворотив, раннее повернув, между собою разговаривали. Великое питье пить стали…»* [Там же, с. 60, 63]. Во время застолья Алтын Сучу спрашивает у мужа: «*Кан Кес, муж мой, если какой-нибудь человек придет и твоего кроваво игреневого, не ударяемого плетью коня на бега попросит, дашь ли ты?»* На его отрицательный ответ она замечает: *«Не, Кан Кес, когда настоящий день придет, не заметишь, как отдашь!»* [Там же, с. 60, 63].

В шорских сказаниях, исполняемых в конце XX – начале XXI в., элементы повседневности переплетаются с героической проблематикой, настоящее сливается с прошлым, а события, имевшие место в легендарное время, проецируются на реальность.

В сказании «Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго» говорится: *«Нынешнее поворотив – прежним сделав, друг с другом разговаривали; прежнее повернув, в нынешнее обратя – беседовали..»* [Там же, с. 85].

Эпос стирает грани времен, прошлого и будущего. Героические события, включая праздничный богатырский пир, являются для исполнителей и слушателей эпоса своеобразным эталоном, с которым соотносится система актуальных этнических норм и практик.

Исполнение эпоса в шорской культуре стало редкостью, однако для сказителя и его слушателей легендарное прошлое имеет абсолютную ценность [Арбачакова, 2003]. Эпос выступает своего рода даром, адресованным от предков – потомкам. Счастье богатырей-ханов делится *кайчи* между всеми присутствующими. Доля богатыря, явленная в описании пира, транслируется в социокультурную реальность в финале сказания «Алтын Сырык»: *«Тем, кто слушал меня сидя, – / Полная доля пусть достанется! / Тем, кто слушал меня лежа, – / Пусть половина доли достанется!* [Шорские героические сказания…, 1998, стк. 2451–2461].

Традиционно сказания заканчиваются словами: *«Сидя слушающим хорошим / Целый подарок доставил. / Лежа слушающим хорошим / Половину подарка доставил»* [Дыренкова, 1940, с. 155].

Список литературы

Арбачакова Л.Н. Ролевые функции кайчи в шорских героических сказаниях // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2003. – № 3. – С. 92–95.

Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с.

Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М: Наука, 1984. – 262 с.

Шорские героические сказания. Кан-Перген. Алтын-Сырык. – М.; Новосибирск: Наука, 1998. – 463 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 17).

УДК 394

Ш.К. Ахметова[1], И.В Толпеко[2]

[1]Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
[2]Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

ПАМЯТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК ДАНЬ ПРЕДКАМ У КАЗАХОВ ТАВРИЧЕСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье на новых полевых материалах анализируется традиция установки памятных знаков казахским населением Омской области. Дана характеристика памятников Таврического района, обладающих рядом характерных черт: индивидуальный подход к оформлению, приуроченность к местам расположения бывших аулов, совмещение с обелисками воинам, погибшим в Великой Отечественной войне. Выдвинуто предположение о появлении в рамках формирующейся традиции локальной специфики.

Ключевые слова: *казахи, Омская область, стела, мемориал, традиция.*

On the basis of the new field materials this article is presented installations of memorable signs and traditions by the Kazakh population of the Omsk region. The characteristics of the monuments in the Taurian Area possess different features: an individual approach to registration, a location of the former auls, combinations of memorable signs with soldier's monuments who were lost in the Great Patriotic War. The emergence of local specifics within the formed tradition was proposed.

Keywords: *Kazakh, Omsk region, stele, memorial, tradition.*

Памятные знаки – отдельный пласт культуры казахского населения Омской области. Такие знаки устанавливают для увековечивания памяти о малой Родине, как правило, на месте расположения исчезнувшего аула или на территории мемориальных комплексов, которых продолжают функционировать. Среди подобных памятников небольшие стелы и сложные монументальные сооружения. Каждый из устанавливаемых памятных знаков самобытен. Это выражено в архитектурном решении, оформлении прилегающей территории, используемых строительных материалах, оформлении и тексте надписи. В данном аспекте изучения их с полным основанием можно отнести к отдельному направлению творческой деятельности казахов Омской области [Ахметова, Толпеко, 2013].

Исследования 2014 г. в Таврическом районе Омской области позволили выявить новые линии развития этой традиции. Установку памятных знаков и проведение в местах их расположения обрядовых действий на сегодняшний день можно считать устойчивым явлением в жизни казахов района. Памятники есть практически на всех местах, где проживали казахи.

Один из самых первых памятных знаков на территории Таврического района установили в 2002 г. на месте средней школы аула Амре Стахановского аулсовета (в него входили 12 аулов). Массивный бетонный монумент выкрашен голубой краской. К нему прикреплены две небольшие таблички из светло-серого мрамора. Надписи лаконичны: на одной указаны место и дата установки знака, на другой перечислены двенадцать аулов, располагавшихся неподалеку – Амре, Арбабай, Жапырақты, Жүзбай, Касым, Қара Сырым, Қара Құнан, Рыспай, Сара Сырым, Саттібай, Іргебай, Ұқібай. Во всех аулах существовали начальные школы, выпускники которых получали среднее образование в Стахановской школе-интернате в ауле курман кереев Амре.

В 2005–2006 гг. на месте аула Сара Сырым соорудили мемориал. Инициаторами выступили мулла А. Шалагаев, фермер Г. Балтабеков и С. Нурахметов. Аул Сара Сырым объединял когда-то четыре аула: Теміраулы – Уақ, Қара Құнан, Ұқібай и Арбабай. Их уроженцы установили памятный комплекс, посвященный пяти аулам и воинам, погибшим в 1941–1945 гг.

Мемориал располагается на специально отсыпанном возвышении (рис. 1). К памятнику ведет бетонная лестница, выкрашенная белой краской. Доминирующее сооружение – пирамидальная

Рис. 1. Мемориальный комплекс на месте аула Сара Сырым.

стела (высота около 4 м), отлитая из бетона с добавлением мраморной крошки. Вершина стелы увенчана полумесяцем. На двух черных досках перечислены пять аулов и выполнен текст на казахском языке с указанием времени установки памятника:

А. Сара Сырым
А. Теміраулы – Уақ
А. Қара Құнан
А. Ұкібай
А. Арбабай
Ата-Анан тұрган ауылда
Бесауыл біріккен орында
Аруак қолдап жұрсіндеп
Белгі Тас қалдыр тарихта!
2005 ж

Слева от стелы поднимается вверх прямоугольная стена на массивном основании. Сверху на стене сделан треугольный выступ, увенчанный полумесяцем. Все сооружение построено из кирпича и выкрашено желтой краской, а у основания и посередине – белой. На стене закреплены три плиты из серого мрамора с фамилиями и именами жителей, погибших в Великой Отечественной войне. Слева и справа от стел выложены из кирпича два постамента (окрашены желтой краской). Сверху на них уложены большие каменные глыбы. Еще по одному камню прислонено к постаментам с внешней стороны. Все части комплекса стоят на бетонных фундаментах.

Мемориальный комплекс строили в два этапа. Стела, посвященная аулам, установлена в 2005 г. Памятник участникам Великой Отечественной войны построен в 2006 г. По окончании работ был устроен *той* с проведением общей молитвы и обрядом жертвоприношения с поминовением всех предков рода (известен в народе под названием *дұға* – молитва). Жители пяти аулов ежегодно приезжают на мемориал на рамадан, курбан байрам и 9 мая. После торжественного собрания здесь проводят *дұға* без пиршества. Затем все приехавшие расходятся по расположенным рядом кладбищам своих аулов.

Пять аулов перестали существовать в 1989 г. Уезжать из них люди начали с 1975 г. В период расцвета в самом крупном ауле Сара Сырым было 80 дворов. До 1929 г. этот аул располагался за переездом. После наводнения из-за разлива р. Иртыш жители Сара Сырыма переехали на место за мемориалом. В окрестностях с. Карповки до революции были аулы двух братьев – Сара Сырыма и Қара Сырыма. Аул Қара Құнан существовал с 1900 г.

В 2010 г. поставлен памятный знак на месте аула Қара Сырым. Он представляет собой

квадратную в основании колонну из красного кирпича, пирамидально сужающуюся вверху. Сооружение увенчано полумесяцем. Лицевую сторону украшает плита из серого мрамора. В ее верхней части в орнаментальном обрамлении представлен рисунок мечети, а ниже – указание места и года установки памятника. Подход к монументу вымощен бетонными плитами.

В 2010 г. по инициативе М. Булхаирова, Б. Ахметова Д. Жукенова установили памятный знак на месте некогда расположенных рядом аулов Жүзбай и Саттібай. Это – монументальное краснокирпичное сооружение с обрамлением из желтого кирпича. На двух небольших табличках из серого мрамора указано время установки и названия двух аулов – Жүзбай и Саттібай. Большую часть лицевой стороны монумента занимают четыре плитки из серого мрамора с фамилиями и именами жителей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Интересный памятник в 2011 г. установили бывшие жители аула Іргебай по инициативе одного из потомков старейшины Іргебая. Памятный знак и сопутствующие ему элементы (выкладка перед знаком, бортики, обрамляющие подход к сооружению) выполнены из желтого кирпича. Лицевую сторону памятника украшает плита из черного мрамора с надписью, указывающей на место и дату установки. Оригинальность оформления демонстрирует картина, занимающая чуть меньше половины плиты. На ней изображена юрта с привязанной рядом оседланной лошадью. Перед юртой сидят ребенок и старик, играющий на домбре (рис. 2).

В июне 2014 г. в ауле Байдалин по инициативе профессора Евразийского университета З.Е. Кабульдинова состоялось открытие памятника герою-батыру казахско-джунгарской войны из рода керей Байболату Шегірекұлы (1694–1782). На памятнике выполнены три надписи: две из них повторяют один текст на казахском и русском языках, а третья – цитата Балтабека Жүрсінұлы.

Памятные знаки Таврического района можно разделить на коллективные и индивидуальные. Одними из первых здесь стали устанавливать памятники коллективные. Вероятно, такое увековечивание памяти о малой Родине для многих бывших жителей этих мест оказалось недостаточным. Стали возводить памятные знаки непосредственно на местах исчезнувших аулов. Следует заметить, что память о предках занимает особое место в культуре казахского народа. Одно из проявлений этого – действующие кладбища на местах прежнего проживания.

Анализ показал, что в Таврическом районе в полном объеме получила развитие новая традиция казахов Омской области – установка памятных знаков на месте исчезнувшего населенного пункта или на территории мемориального комплекса. Однако подобные объекты Таврического

Рис. 2. Памятный знак на месте аула Иргебай.

района обладают целым рядом черт, выделяющих их среди многих памятников подобного назначения в других местах проживания казахского населения Омской области. Одной из таких черт является индивидуальный подход к оформлению. В других местах памятный знак представляет собой небольшой бетонный постамент со стелой. На исследованной территории не выявлено ни одного стандартного или похожего на другой памятника. Все они в той или иной степени оригинальны.

Еще одна особенность – совмещение памятных знаков с обелисками воинам, погибшим в Великой Отечественной войне. Это традиция свойственна лишь казахскому населению Таврического района. Интересен и тот факт, что памятники здесь в основном приурочены к территории аула.

Подводя итог, следует отметить, что развивающаяся и укрепляющаяся традиция установки казахами Омской области памятных знаков со временем получает новое наполнение и приобретает локальную специфику.

Список литературы

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Памятные знаки как новая традиция казахов Омского Прииртышья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итог. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 396–399.

УДК 392.8

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

О ШАМАНСКОМ ОБРЯДЕ ПОСВЯЩЕНИЯ ЖИВОТНЫХ «СЭТЭРЛЭХ» У ЗАКАМЕНСКИХ ХОНГОДОРОВ*

Автор статьи на основе полевых, архивных и литературных данных попытался выделить изменения в обряде сэтэрлэх у закаменских хонгодоров. Сопоставление материалов первой трети XVIII и начала XX в. показало, что коллективное жертвоприношение тайлаган, в рамках которого проводился обряд сэтэрлэх, упростился и приобрел синкретичные черты. Изменения вызваны трансформацией мировоззрения закаменских хонгодоров под воздействием традиций буддизма.

Ключевые слова: *шаманизм, буддизм, традиционная обрядность, закаменские буряты, хонгодоры, проблема трансформации.*

The problem of transformation of ethnic culture is relevant for domestic ethnographic science. The author of the article tries to mark out the changes in the rite seterlah among Zakamensk Hongodors on the basis of the literary, field and archive data. The materials of the first third of the XVIII century and the beginning of the XX century were compared. It showed that collective sacrifices tailagan and the seterleh rite as a part of it stand more simple and acquired the syncretic traits.The changes were primarily stemed from the transformation of worldview Zakamensk Hongodors influenced by traditions of Buddhism.

Keywords: *shamanism, buddhism, traditional culture, Zakamensk Buryats, Hongodors, the transformation problem.*

Посвящение животных божествам-небожителям и духам-хозяевам места, именуемое *сэтэрлэх*, одновременно существовало в двух религиозных традициях – шаманской и буддийской. В рамках изучения традиционной бурятской обрядности исследователи касались этой темы, но проблема трансформации данного обряда не получила должного освещения.

Настоящая статья посвящена изменениям, которые претерпел шаманский обряд посвящения животных у закаменских хонгодоров в первой трети XVIII – начале XX в.

В число домашних животных, которых буряты обычно посвящали небесным покровителям и духам-хозяевам места, входили определенной масти лошади, крупный и мелкий рогатый скот. У некоторых территориальных групп бурят к ним относили еще и верблюдов [Жамцарано, 2001, с. 141], а также птиц и рыб [Михайлов, 1987, с. 25]. Согласно бурятской мифологии, судьбы людей определяет воля обитателей Верхнего мира: 55 светлых, западных божеств во главе с *Хан Хурмас* и 44 темных, восточных – возглавляемых *Ата-Улаан тэнгри* [Михайлов, 1987, с. 13]. В выборе посвящаемых им животных проявлялась цветовая символика. Животное со светлым волосом даровалось западному *тэнгри*, а с черным волосом – восточному *тэнгри*. Этот колерный принцип действовал и в отношении животных, посвящаемых духам-хозяевам места. Полагали, что такое животное является живым *онгоном*, т.е. телесным воплощением духа или божества, призванного сберегать хозяйство и домашнее стадо. Более узко животное рассматривали как средство передвижения для небожителей и духов-хозяев.

Обряд *сэтэрлэх* – компонент шаманского коллективного жертвоприношения *тайлаган*, на который собирались представители одного территориального или родового сообщества, а также его семейного или индивидуального аналога – *хэрэга*. Следует заметить, что обряд совершался и в ходе семейных, а также личных поклонений духам-покровителям наследуемых профессий.

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Остановимся на сценарии проведения *тайлагана* и месте, которое в нем занимал обряд *сэтэрлэх* у части закаменских хонгодоров, приверженцев шаманизма и компактно проживавших в улусах Енгорбой и Хуртуг.

Жители этих селений собирались на *тайлаган* в мае, перед началом летней кочевки, и в октябре, когда возвращались на зимники. На изменение сроков общественного жертвоприношения могли повлиять неординарные события в жизни локального сообщества, например, смерть или рождение его членов (тогда его переносился на 49 дней позже).

Культы божеств и духов-хозяев, за чьей помощью обращались на *тайлагане*, имели различные ареалы распространения. Одни из них были известны нескольким территориальным группам бурят. Другие культы возникли и были популярны за пределами этнической Бурятии. Существовали и локальные варианты. К первым можно отнести *Буха-нойон-баабай* – божества, рассматриваемого булагатами в качестве прародителя, культ которого заимствовали хонгодоры. По представлениям закаменских бурят, Буха-нойон-баабай являлся покровителем крупного рогатого скота [Галданова, 1992, с. 15]. Иностранное происхождение у наиболее общего для закаменских бурят культа *Даян Дэрх* – покровителя монголов и бурят Прихубсугулья, воспринимаемого как буддийское божество. Вхождение его в круг почитаемых закаменскими хонгодорами мифических персонажей объясняется проживанием их предков на территории упомянутой географической области Монголии. К Даян Дэрх обращались с просьбой чадородия и получения шаманского посвящения [Галданова, 1992, с. 15]. Локальные культы связаны с духами-хозяевами места. Так, *Дорготай* – дух-хозяин одноименной горной вершины, расположенной к северу от улуса Енгорбой.

Место проведения *тайлагана* могло быть следующим:

1) запретный для женщин сакральный природный объект (гора и др.), согласно народным воззрениям, имеющий своего духа-хозяина;

2) костер, вокруг которого совершался обряд *сэтэрлэх*;

3) отстоящий от обрядового костра импровизированный стол с шаманскими атрибутами;

4) еще один костер, на котором готовили *саламат*.

Заметим, что, кроме саламата, всю пищу (молоко, зеленый чай с молоком, топленое масло, конфеты, водку) люди приносили с собой. Для ритуальных целей были обязательны зерно и настоянный на горных травах напиток – *аршан*.

Приглашенный на *тайлаган* шаман руководил ходом жертвоприношения, призывал мифических покровителей и совершал жертвы «белой» пищей (молоком, зеленым чаем с молоком, водкой) и саламатом. В качестве помощников шамана выбирали семь молодых мужчин и юношей, в обязанность которых входило выполнение по указанию шамана обряда *хаялга* («выливание») и завязывание ленточек на священных деревьях.

Для обряда отбирали пару лошадей разной масти (черной и чалой), а также быка (как утверждают информанты, для него окрас не являлся определяющим) (Правда, согласно мнению Г.Р. Галдановой, Буха-нойону, который в мифах предстает как сивый пороз, предназначался бык соответствующего окраса [1992, с. 15].) Ежегодно для этого обращались к одним и тем же владельцам, которые наследовали от предков право поставлять таких животных. До начала жертвоприношения шаман троекратно окуривал дымом можжевельника животных и их снаряжение (конскую уздечку, синюю или зеленую попону для лошадей, бычий поводок). Затем лошадиные гривы с левой стороны и левый бычий рог украшали цветными лентами *зурам*, а коней покрывали попонами.

Обрядовые действия начинались так: шаман и его помощники обращались на запад к «светлой» стороне мира. Шаман призывал «светлых» покровителей, включая и предков хонгодоров. Его помощники «брызгали» поочередно саламат и «белую» пищу из чашек перед собой, а затем вешали яркие ленточки на ветки деревьев, растущих к западу от места проведения *тайлагана*. По той же схеме происходило моление на восток «темным» покровителям, но на ветки деревьев, расположенных к востоку от места жертвоприношения, привязывали черные ленты.

По завершении этой части общественного моления переходили к обряду *сэтэрлэх*, который предполагал вождение животных посолонь вокруг горящего костра. Основным в этом процессе было гадание, осуществляемое посредством деревянной чашки, поставленной на крестец животного. Коней и быка водили по кругу, пока чашка не опрокидывалась на землю. Добрый знак, если чашка оказывалась на земле дном вниз: считали, что животное принято мифическими покровителями, и с их стороны будет оказываться помощь и защита локальному сообществу. В случае приземления чашки дном вверх, обряд повторяли, но уже с другим животным, принадлежащим тому же хозяину. Если неудачной была и эта попытка, могли быть испытаны лошади и быки других хозяев.

Первым выводили для гадания чалого коня, которого посвящали «светлой» стороне. Затем

наступал черед черного коня: через него искали покровительство «темной» стороны мира. Последним в гадании участвовал бык, чьи рога, рот и копыта перед обрядом смазывали топленым маслом. Когда гадание заканчивалось, хозяева лошадей привязывали новую пару ленточек к гриве и отпускали животных на свободу, предварительно сняв с них попону и уздечку. Отметим, что владельцы животных могли использовать их для работы (кроме охоты). Продавать и забивать их на мясо запрещалось. В течение года лошади должны были оставаться ритуально чистыми: их не должны были касаться женщины, на них нельзя было ездить на похороны, а хозяин, побывавший на траурном мероприятии, обязан был отпустить лошадь на волю на 49 дней. Лошадей и быка, пока они не пали, ежегодно приводили на *тайлаган* для совершения *сэтэрлэх*. При этом каждый раз добавляли пару новых ленточек к тем, что уже были привязаны к гриве лошади.

Тайлаган заканчивался совместной трапезой, где съедали ритуальную пищу. Каждая семья, участвовавшая в обрядовых действиях, уносила с собой понемногу благословленных шаманом зерен и *аршан*. Вернувшиеся домой буряты сыпали зерно в огонь очага, желая приумножения стада и приобретения богатства. Вечером члены семьи отпивали из посуды аршан, а оставшимся напитком умывали лицо и слегка смачивали макушку головы. Затем совершали очищение пропитанной аршаном бумагой: протирали разные участки тела, где, как полагали, накапливается негативная энергия. Использованную бумагу присыпали золой и крошками хлеба, а потом выбрасывали вдали от дома.

Теперь коснемся вопроса трансформации рассматриваемого обряда. Архивные материалы первой трети XVIII в. (РГАДА. Ф. 199. П. 509-2. Л. 26–29) свидетельствуют, что на состав ритуальной пищи оказали влияние изменения в пищевом комплексе. В пище первой трети XVIII в. отсутствовал зеленый чай с молоком, еще не произошла замена молочного вина русской водкой, а кобыльего молока коровьим, нет сладостей (конфет). Список обрядовых блюд, приготовляемых непосредственно на месте жертвоприношения, раньше были обширнее, чем в начале XX в. Варили не только саламат, но и кашу на молоке из «каленой и толченой ржи». Мясо жертвенного барана отваривали и жарили на рожне. Обращает на себя внимание отказ закаменских хонгодоров от традиции принесения кровавой жертвы на шаманском тайлагане, что, вероятно, обусловлено влиянием буддизма. Кстати, воздействие буддизма можно увидеть и в ритуальном очищении аршаном, совершавшемся в домашних условиях. Отошел в прошлое целый ряд других элементов:

1) специально привозимые молодые березки, на каждую из которых вешали отдельные онгоны в виде шкурок зайца, горностая, белки, хорька или козла;

2) обращение во время жертвоприношения только к одному мифическому покровителю;

3) гадание чашкой, производимое помощниками шамана;

4) передача благословения небожителей и духов-хозяев участникам жертвоприношения через удар шаманской палочкой или отломленными от березок ветками;

5) обливание посвященного животного молоком;

6) отпускание животного с гадательной чашкой на крестце и др.

Таким образом, в начале XX в. *тайлаган* и занимавший в нем центральное место обряд *сэтэрлэх* упростились и приобрели синкретичные черты под воздействием буддизма, изменившего мировоззрение хонгодоров Закамны.

Список литературы

Галданова Г.Р. Закаменские буряты: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 173 с.

Жамцарано Ц.Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 382 с.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. – Новосибирск: Наука, 1987. – 288 с.

УДК 94(57) «16/18»

Н.А. Березиков, А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: warumbaum@gmail.com

ПРАКТИКА «ВЗЯТИЯ НА ПОРУКИ» В СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

Статья посвящена практике поручительства в Сибири в XVII в. «Взятие на поруки» издавна было принято на Руси. Со временем его закрепили законодательными актами как некую форму коллективной ответственности за индивида. На новой, включенной в систему русской государственности территории Сибири поручительство приобрело особое значение: оно препятствовало оттоку работоспособного населения и консолидировало общество, разрозненное по социальным, культурным и этническим параметрам. Практика «взятия на поруки» охватывала все слои населения Сибири и оказывала позитивное влияние на развитие региона. Передача на поруки позволяла удерживать сибирских переселенцев на постоянных местах обитания. Практика поручительства глубоко проникала в сибирский социум и во многом определяла степень его сплоченности.

Ключевые слова: *Сибирь, поручительство, законодательство, ответственность.*

The bail (guarantee) used to be long practiced in Russia. It was confirmed by the legislative acts and acquired some form of collective responsibility for the individual. In Siberia which became a new part of Russia the bail got special significance: it prevented the drift of the labor force and consolidated the scattered population of Siberia, which was ethnically, socially and culturally dissimilar. The practice of the bail covered all segments of the population of Siberia and had a positive impact on the further development of the region. The bail allowed to keep Siberian migrants for permanent habitation. The practice deeply penetrated into the new Siberian society and determined the degree of its cohesion.

Keywords: *Siberia, XVII century, bail, guarantee laws, responsibility, Russian colonists.*

Порука как вид ручательства за кого-либо при неких обстоятельствах – социальный феномен, восходящий к родовому обществу. В первых потестарных и государственных образованиях тоже использовали поруку как основу исполнения карательной и судебной функций. Наличие поручительства в определенной степени способствовало консолидации общества и в более поздние эпохи. Практиковалось «взятие на поруки» и на Руси. Работ, посвященных поручным записям как социокультурному явлению в Московском государстве, немного. Еще меньше исследователей обращались к ним на сибирском материале. Специально поручные записи рассматривались как источник по истории функционирования сибирской общины XVII в. [Языков, 1992], местных административных учреждений [Селин, 2008], сообщества ямских охотников [Семенов, 2009] и пашенных солдат [Брусницына, 2011].

Сведения о раннем использовании поруки на территории русского государства зафиксированы на берестяных грамотах, датированных XI–XII вв. Например, читаем: «Купил еси робу Плескове, а ныне мя в том яла княгыни. А ныне ся дружина по мя поручила» [Дювернуа, 1894, с. 153]. В данных случаях поручительство предполагало фиксацию подписи, оставленную человеком или отдельными лицами, несшими ответственность за нуждавшихся в этом.

Законодательное закрепление «поручные» отношения получили впервые в четырех статьях Псковской судной грамоты конца XIV в. [Российское законодательство…, 1984, с. 360, 366, 368]. Подтверждением повсеместного и широкого закрепления этой формы отношений служат законодательные нормы Судебника 1550 г. и Соборного уложения 1649 г., подробно регламентировавших случаи использования поручных записей и санкции за их нарушение. Некоторые разъяснения о положении человека «на поруке» приводятся в Уставной книге Разбойного приказа: «А не учнет на себя говорить, и его дать на чистую поруку, за записью; а не будет поруки, и его посадить в тюрьму, докуды по нем порука будет... А которой оговорной человек дан на чистую поруку, а за порукою учнет каким воровством воровати, и того человека поимати и указ ему чинити по тому же, до чего доведется; а на порутчиках его взяти выть, потому что за их порукою воровал» [Акты исторические…, 1841, с. 295].

На территории Сибири в пору ее включения в состав Московского государства практика поручительства использовалась часто. На огромном неустроенном сибирском пространстве поручительство приобрело особую окраску. Новые земли перманентно заселялись колонистами, однако это был долгий процесс. При этом определенное количество пришлых людей было задействовано на пушных промыслах, а государевы служилые люди в основном занимались своими прямыми обязанностями – созданием условий для мирной жизни в окружении автохтонного населения края. Между тем, хозяйственное освоение Сибири требовало огромных усилий. Создавались новые поселения, жители которых нуждались в продукции жизнеобеспечения. Людей же для этих целей не хватало. Ценность жизни имела в условиях Сибири особое значение. В документах XVI–XVII вв. не единожды отмечены сравнительно мягкие наказания для нарушителей установленных норм поведения. Кроме того, обширные пространства предоставляли возможность «затеряться» в Сибири. Именно поэтому поручительство приобрело здесь особый смысл: оно тормозило сокращение количества работоспособного населения, препятствуя его исключению из сложившегося социума. Особенно актуальным такое положение было для начального периода освоения Сибири.

Поручные записи, распространенные в Сибири, мало отличались по формуляру от московских. Так, наиболее ранний текст поручной записи 1628 г. Афанасия Аврамова и Демида Григорьева свидетельствует о подследственных по «мангазейскому делу». Текст сохранен в полной редакции и содержит представление поручителя, указание на групповую принадлежность лица, за которого ручались, обозначает предмет поручительства. Далее идет перечисление обязательств, исполнение которых гарантирует поручитель, обозначаются санкции, применяемые к поручителям в случае неисполнения лицом, за которое дано поручение, своих обязанностей. «А буде <имярек> не <...>, и на нас, на порутчиках, государева... пеня, а пене, что государь укажет, и наши, порутчиковы, головы в их голов место» (НИА СПбИИ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 565. Л. 1).

Поручительство практиковалось среди всех слоев сибирского населения, но прежде всего это касалось наиболее организованного служилого казачества. В этом плане любопытен случай, произошедший в 1640-х гг. в Кузнецком остроге. Из отписки кузнецкого воеводы Афонасия Зубова следует, что сбежали из Кузнецка иноземцы Илейка Пашков и Ивашка Жидок, а вслед за ними «побежали» пашенный крестьянин Степка Леливцев вместе с красноярским казаком (по более поздней версии тоже крестьянином) Мишкой Терентьевым. В результате неудачного побега, после долгих мытарств беглецы были возвращены в Кузнецк. После проведенного воеводскими властями разбирательства и исполнения наказанья они были возвращены в пашню «по-прежнему». Освобождение было совершено под поручную запись: «…чтоб... впредь не воровать» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 136. Л. 233–239, 323). Выдача преступника на поруки происходила, как правило, после наказания. Подтверждением этому служат события в Якутске. Якутский воевода в 1656 г. предписывал провинившимся «чинить наказанье, бить по торгом кнутом нещадно, а учиня наказание и поимав по них поруки, велели им жить по прежнему, кто откуды побежали» [Дополнения…, 1851, с. 87].

В условиях поручной записи иногда прописывали обязательство поручаемого возместить убытки поручикам (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 224. Л. 64–66). Формуляр поручной записи оставался неизменным на протяжении всего XVII в. На это указывают тексты поручных записей в сыскном деле о винном курении киренского попа Михаила Данилова (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1372. Л. 979–979об., 980–980об., 992–992об., 992об–993). Санкции в случае неисполнения обязательств могли варьировать от выплаты годового оклада и приискания нового лица в службу взамен сбежавшего до домашнего ареста и тюремного заключения [Дополнения…, 1855, с. 33–37].

При подряде на государевы работы необходимо было подыскать себе поручителей. Если же по требованию властей они не были найдены, применялись карательные санкции вплоть до заключения в тюрьму. Подобные меры зачастую применяли по отношению к плотникам, делавшим кочи и лодки для государевых нужд в Сибири. Приведем фрагмент поручной записи по поводу строительства речного флота: «...поручилися есми на Ленском волоку Съезжие избы целовальнику Семену Ондрееву по ленском пашенном по Офонасье Иванове Долгом, в том: порядился есми в Ылимском остроге в Съезжей избе по приказу воеводы Богдана Денисьевича Оладьина у целовальника, у нево, Семена Мыльника, сделать ему, Офонасью, за нашею порукою десять дощаников по семи сажен по колоде печатных всякой дощаник, широта трех аршин со штью вершки ...А буде тех судов он, Офонасей, за нашею порукою на срок не зделает и не отведет, и на нас, на порутчиках, государя Алексея Михайловича пеня, а пене, что государь укажет, и задаточные деньги. А которой нас, порутчиков, в лицех, на том и порука

вся сполна...» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 123. Л. 60–68; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 586. Л. 42–51). Однако известны случаи применения таких санкций и к служилым людям (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 2. Д. 1137. Л. 28е).

Исключений «по поруке» не делали ни для кого. Например, известный землепроходец Е.П. Хабаров в 1660 г. подал челобитную об отпуске его из Якутска в Илимский острог, чтобы набрать поручиков (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 191. Л. 34–34об.). Провинившиеся красноярские казаки вынуждены были ходить по деревням Илимского уезда в 1670 г., чтобы набрать «себе людей в поруки» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 814. Л. 103–111). Руководителю отряда казаков, отправлявшихся в дальнюю экспедицию, наказывали составлять поручные записи по каждому спорному случаю, возникшему между членами отряда в процессе похода. В качестве яркого примера можно привести челобитную С.В. Полякова и его спутников о поведении Я.П. Хабарова на Амуре в 1650–1653 гг. [Русские первопроходцы…, 1995, с. 32–50]. При возникновении серьезных «государевых дел» за подозреваемого ручалось все «войско» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 819. Л. 1–70). Порука была действенным средством. Взятие поручных записей можно было использовать в т.н. «подковерных» воеводских играх. Так, нарымский воевода Иван Скобельцын со своим противников «насильством имал» поручные записи и «заводные челобитные» против него (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 212. Л. 4, Л. 55, 109).

Обобщая многочисленные сведения о системе поручительства, приходим к выводу, что эта мера широко применялась и, в конечном итоге, служила консолидации сообщества пионеров-первопоселенцев на пространствах Сибири.

Список литературы

Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссией. – СПб.: Тип. II отд-ния соб. Е.И.В. канцелярии, 1841. – Т. 2. – 220 с.

Брусницына Д.В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. История. – 2011. – № 4. – С. 104–118.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. – Т. 4. – 416 с.

Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. – М.: Университетская тип., 1894. – 234 с.

Российское законодательство X–XX веков. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1. – 432 с.

Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. / Отв. ред. А.Р. Артемьев. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1995. – Т. 2. – 320 с.

Селин А.А. Новгородские приказы в 1611–1617 годах // Российская история. – 2008. – № 6. – С. 52–61.

Семенов О.В. История Демьянского яма в XVII в.: возникновение и первые годы существования // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гум. науки. – 2009. – Т. 65, № 3. – С. 152–159.

Языков С.А. Поручные записи по новоприбылым посадским людям как источник по истории сибирской общины XVII века // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 80–87.

УДК 903.07

Ф.Ф. Болонев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: bolonev@rambler.ru

ТИПЫ РУССКИХ ПРЯЛОК В СИБИРИ: СПОСОБЫ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

В статье впервые приводятся сведения о способах и приемах изготовления прялок корневых или цельных из одного ствола дерева с корнем, а также составных – из разных деревьев. Обычно прялку искусствоведы и этнографы описывают как предмет художественного значения. О том, как изготавливалась прялка, столь необходимая в повседневном быту русского крестьянина, в литературе говорится мало. Автор попытался показать некоторые технические приемы создания прялок разной формы в Сибири.

Ключевые слова: *русские прялки в Сибири, типы и конструктивные особенности прялок, способы изготовления прялок.*

This article first provides information on the ways and methods of manufacture of root or whole spinning wheels in use a single trunk of a tree with a root and of a composite in use the different trees. Usually art historians and ethnographers describe the distaves as the subject of artistic values. The manufacture of this necessary in everyday life of the Russian peasant published scanty. We attempt to show some techniques for making different forms of spinning wheels in Siberia.

Keywords: *Russian distaff in Siberia, their types and design features, methods of their manufacture.*

Искусство и техническое мастерство
в крестьянском творчестве представляют неделимое целое.

В.С. Воронов

Русскую прялку не обошли вниманием искусствоведы и этнографы. Ей посвящено много научных работ. Надо отметить, что искусствоведы, занимающиеся народно-прикладным и художественным искусством, особое внимание уделяли не прялке как орудию прядения, а ее украшениям (лопаски, ножки, донца), резьбе и росписи. Декор щедро представлен на этой важной «рукотворной вещи», необходимой в повседневном быту русского крестьянина.

О конструктивных особенностях прялок и их отдельных частей некоторые сведения есть в немногочисленных работах В.С. Воронова [1972], Н.И. Лебедевой [1956], О.В. Кругловой [1974]. Вот описания разных видов русских прялок, сделанное В.С. Вороновым: «Деревянная ручная прялка состоит из двух главных частей: вертикальной части (лопаска, ножка), куда привязывали кудель и горизонтальной (донце), где сидит пряха. Вертикальная часть прялки вставляется (втыкается как, например, в прялках ярославского типа или ввинчивается, как в прялках тверского типа) в возвышение или подножку, “гнездо”, сделанное в одном конце донца. В некоторых типах прялок (например, в вологодских или ярославско-костромских) горизонтальная и вертикальная части вырезаются из одного цельного дерева, из той нижней части ствола, где он вместе с корнем дает прямой или приблизительно прямой угол» [1972, с. 204]. Такие цельные прялки в народном быту северных русских губерний назывались *копылами*. Позднее это название стало синонимом слова прялка [Там же].

О.В. Круглова по конструкции разделяет прялки на сплошные или корневые, сделанные целиком из одного корня и «прямизны» (ствола дерева), разъемные или составные из гребня с шейкой (ножкой), т.е. *лопаски* и *донца* [1974, с. 11].

Об изготовлении прялок семейскими автор этих строк писал: «Делали их в основном из целого обрезка комля дерева, вырубленного с корнем, расположенным почти под прямым углом относительно ствола. Донце – из корня, лопаска из ствола» [Болонев, 1980, с. 150].

Изучала русские прялки искусствовед Н.В. Тарановская. В своей статье она дала следующее определение: «…русская прялка – это стоячок в виде лопастки, гребня или развилки, крепящейся под прямым углом к подставке – донцу, на которую садится пряха. Делали прялки из единого куска дерева – пня с корнем. Их называли “копани”, “копылы”, “кокорицы”» [Тарановская, 1981, с. 93]. Через двадцать лет она пишет: «Прялки вырубались из пней березы, ели с корнями или делались составными, где стоячок крепился в выступающую голову донца или в “шип” или ввинчивался» [Тарановская, 2001, с. 1].

В Сибири собранные учеными и хранящиеся в музеях прялки в основном сделаны из пихты, ели и кедра, реже – березы. Из березы прялка получается тяжелая, а из кедра, ели и пихты – более легкая, проще поддающаяся обработке.

Этнографическое описание прялок и их функционального назначения – большая редкость в научной литературе. В этом плане следует отметить работу Н.И. Лебедевой [1956, с. 461–540]. Она выделила четыре типа прялок: лопатообразные, гребнеобразные, вилкообразные и палкообразные. Их вставляют в приспособление для сидения (донце). Н.И. Лебедева указала области их распространения [1956, с. 487] и выделила локальные приемы и способы прядения, характерные для великорусского населения [1956, с. 587–590].

Названные типы прялок во многом меняют представление об этом орудии прядения, отрезвляя горячее воображение некоторых этнографов-искусствоведов, видящих в росписях на прялках изображение райского сада или царства небесного, др. сюжеты.

Типы и формы прялок разных провинций связаны с особыми климатическими условиями и наличием определенных пород деревьев, а также с хозяйственной потребностью сделать процесс прядения удобным и рациональным.

Для изготовления прялок вырабатывались особые технические приемы и навыки, требовалась сноровка и мастерство, применялись разного рода инструменты (топор, копаница, лом, пилы, долота, нож). Процесс это трудоемкий, сопряженный с целым рядом действий: поиском дерева с нужным корнем, годным для донца, его выкорчевкой и обработкой. Иногда нужные для прялки деревья обнаруживали во время корчевки леса под пашню. Подсчитано, что для расчистки путем «чертежа» одной хозяйственной десятины из-под леса средней густоты и возраста затрачивали 25–50 людских поденщин и 5–10 конных. Больше всего времени требовалось на выкорчевку пней: от 20 до 40 дней [Бутович, 1898, с. 129–130].

Во время экспедиционных работ в селах Забайкалья нам удалось записать способы корчевания пней. Корни обычно подсекались копаницей, а затем извлекались при помощи лома, лопаты и ваги. Потомственный крестьянин из села Большой Куналей Тарбагатайского района Бурятии Иван Андреевич Рыжаков, которому пришлось расчищать лес под пашню в местности Барка, где впоследствии был образован новый поселок, рассказывал: «Строевой лес и деловую древесину вырубали заранее и вывозили обычно зимой, мелкие деревья и кустарники срубали весною, часть леса сгнивала быстро, особенно березняк. Большие деревья и камни не убирали с пашни – их опахивали. Раскорчевка длилась несколько лет. Оставшиеся пни уже при пахоте окапывали копаницей. Пахарь шел за сохой, а за поясом (иногда тканым) или кушаком была копаница. Когда соха цеплялась за корень, пахарь останавливал коня и начинал окапывать пень». Если пень был высокий (больше одного метра) и с толстым корнем, расположенным почти перпендикулярно к стволу дерева, то корень откапывали и обрубали так, чтобы он был годен для донца, а лишнюю толщину стесывали. Пень раскалывали или аккуратно расщепляли, оставляли остов для будущей прялки, вывозили в деревню и там стесывали лишнюю древесину, придавая нужную форму.

У старообрядцев каждый мужик владел топором. Руки крестьянина, привыкшие к любой работе по хозяйству, всегда находились в постоянной связи с деревом: валили лес, рубили, пилили, строгали, тесали и мастерили. Этот монотонный труд мало интересовал исследователей-искусствоведов, уделявших основное внимание украшению прялки. Производство изделий разной формы – от рогульки и гребня до корневой прялки с мощной лопаской вологодского типа (стояк высотой до одного метра) – требовало умения. Цельные богатырские прялки встречаются в Забайкалье. Их делали из столетних кедров. Не каждый мужик мог сделать из прялки произведение искусства. Изготовить, вытесать цельную природную корневую прялку мог только мастер, подобно скульптору, откалывавший лишние куски дерева, приближаясь к нужной форме. Так, мастер готовил из массивного комлевого ствола с умело вырубленным корнем (примерно под прямым углом) нужные в хозяйстве приспособления для прядения. Только после этого наносились резьба и роспись.

Составная прялка включала следующие элементы: лопаски, ножки (иногда называют шейкой) и донца или большой деревянный гребень и донца. В последнем случае на зубья большого гребня

напяливали грубо обработанные волокна или свалявшуюся шерсть и расчесывали небольшим ручным деревянным гребнем.

В Сибири были распространены прялки двух типов – корневые и составные. Корневым в старообрядческих поселениях отдают предпочтение. Так, у семейских по конструктивной форме прялки определяли прилежание и трудолюбие семьи. По изделию судили о хозяине. Девушкам, выходившим замуж, было принято давать в приданное корневую прялку или швейку, что свидетельствовало о трудолюбии и достатке семьи. Если прялка была не корневая, а составная, то над невестой смеялись: «Какие твои родители ленивые, нерадивые, даже не могли найти корня на прялку» [Лебедева, 1975, с. 93].

Нужно отметить, что древнейшей считается прялка из копани, т.е. корневая. Такая прялка найдена в свайном неолитическом поселении на р. Модлоне (Вологодская обл.), в торфяном слое начала II тыс. до н.э., вместе с семенами культурного льна [Лебедева, 1956, с. 486].

Плотники, резчики и живописцы часто передавались приемы мастерства по наследству. В Сибирь переселенцы из разных областей России перенесли традиции изготовления прялок. Преобладают прялки, характерные для Русского Севера (вологодские, карельские, каргопольские). Это отражает процесс первоначальной колонизации Сибири русскими из Вологодской и Архангельской губерний. Позже в Сибирь хлынули переселенцы из центральных и южных областей Европейской России. Отсюда проистекает разнообразие способов обработки дерева, нанесения резьбы и особенности росписи.

Русские прялки этнографы Сибири изучаются и как традиционное народное изобразительное искусство [Русакова, 1989, с. 5–6], и как художественное народное творчество [Фурсова, 2012, с. 103]. Нами предпринята попытка показать способ технической обработки дерева с целью получения орудия прядения.

Список литературы

Болонев Ф.Ф. Прядение, ткачество и вязание у семейских Забайкалья (XIX – начало XX в.) // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 139–163.

Бутович Н. Земледелие в связи с характеристикою естественных условий пахотных угодий // Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. – СПб., 1898. – Вып. 11. – С. 129–131.

Воронов В.С. О крестьянском искусстве // Избранные труды. – М.: Сов. художник, 1972. – 350 с.

Круглова О.В. Русская народная резьба и роспись по дереву. – М., 1974. – С. 239.

Лебедева А.А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – Ч. II. – С. 81–101.

Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев, белорусов в XIX – начале XX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 806 с. – (Тр. Ин-та этнографии; т. 31).

Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – 175 с.

Тарановская Н.В. Русские прялки // Добрых рук мастерство: произведения народного искусства в собрании Государственного Русского Музея. – Л.: Искусство, 1981. – С. 312.

Тарановская Н.В. Русские прялки // Альманах. – СПб., 2001. – Вып. 7. – С. 50.

Фурсова Е.Ф. Народное художественное творчество крестьян Западной Сибири: северорусские и уральские традиции в орнаментации прялок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3. – С. 103–113.

УДК 395+398

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет
E-mail: venariy@ngs.ru

К ВОПРОСУ О КАМЕННОМ ИЗВАЯНИИ *УЛУҒ ХУРТУЯХ ТАС* (из архивных материалов А.Н. Липского)*

Статья посвящена изучению роли каменного изваяния Улуг Хуртуях тас (‘Большая Каменная бабушка’) в мифоритуальном комплексе хакасов, в обрядах, связанных с жизненным циклом человека. На протяжении столетий это божество являлось сакральными символом материнства и неиссякаемой жизненной силы родной земли. В мифологическом восприятии Улуг Хуртуях Тас – некая трансцендентальная сила, стоящая выше таких понятий как половая принадлежность, время и пространство. Отсюда проистекает вера в ее чудодейственные свойства, способность помочь женщинам и мужчинам, обратившимся к ней в различных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: *хакасы, традиционное мировоззрение, священный камень, Улуг Хуртуях Тас, обряд, плодородие, жизненный цикл.*

In this publication the role of stone statue «Ulug Khurtuaykh Tas» – «Great Stone grandmother» in Khakass mythoritual complex, especially in ceremonies associated with human life cycle, has been discussed. The human being and life of posterity and the whole generation were the one of the most significant values in traditional society. The native religious consciousness conceived this stone as a mythological woman-progenitress, who provided for continuity and prosperity of life. This stone deity was the sacred symbol of motherhood and inexhaustible vitality of motherland for the centuries. People believed that deity implies the forces of ancestor spirits. And with it, people with their mythological perception made aware of Ulug Khurtuyakh Tas in the capacity of transcendental force, which was superior to such concepts as sexual identity, time and space. It is the source of belief and conviction to the wonder-working properties of that force, to the help of deity to men and women, who have been resorting to her in different living situation since a few centuries ago to our days. The Ulug Khurtuyakh Tas image was beginning to seem in the capacity of one of the key symbol of Khakass ethnocultural revival in contemporary reality.

Keywords: *Khakasses, traditional worldview, sacred stone, Ulug Khurtuaykh Tas, rite, fertility, life cycle.*

В мифо-ритуальном комплексе хакасов особое место занимают стелы и каменные изваяния. Среди них наибольшей известностью и ритуальной значимостью выделяется *Улуг Хуртуях тас* – ‘Большая Каменная бабушка’. Этот историко-культурный объект расположен в Аскизском районе Республики Хакасия. Он является ключевым экспонатом Анхаковского муниципального музея под открытым небом «Хуртуях тас» и входит в список памятников окуневской культуры (конец III – начало II тыс. до н.э.) (рис. 1).

С момента изготовления каменного изваяния и до настоящего времени *Улуг Хуртуях тас* был и остается важнейшим культовым объектом для местного населения. В этой связи на протяжении уже более трех столетий он неизменно привлекает внимание исследователей.

Первое научное описание памятника с зарисовкой было осуществлено еще в XVIII в. Летом 1722 г. немецкий ученый-натуралист Д.Г. Мессершмидт в ходе экспедиционных работ в долине среднего течения реки Абакан впервые зафиксировал у хакасов культ этого каменного изваяния [Радлов, 1989, с. 432]. В дальнейшем сведения о религиозно-мифологических воззрениях и ритуальной практике, связанной с *Улуг Хуртуях тас*, регулярно пополнялись такими исследователями, как П.С. Паллас [1788, с. 501–502], Г. Спасский [1818, с. 22–23.], И. Пестов [1833, с. 69–74], И.П. Корнилов [1851, с. 1–30], Н.А. Костров [1852, с. 63–64;

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Рис. 1. Каменное изваяние *Улуг Хуртуях Тас*. Фото автора, лето 2013 г., с. Анхаков.

1884, с. 229–230], А.А. Кропоткин [1895, с. 49], Е.К. Яковлев [1900, с. 111–112], В.В. Радлов [1989, с. 432], Л.Р. Кызласов [1986, с. 87–136], А.Н. Липский [1970, с. 6–7], Э.Б. Вадецкая [1981, с. 60–78], В.Я. Бутанаев [2003, с. 192–200], Л.В. Еремин [2008, с. 364–367], Ю.Н. Есин [2010, с. 159–161], В.А. Бурнаков [2012, с. 335–344] и др.

У хакасов широко распространено убеждение, что каменное изваяние *Улуг Хуртуях Тас* наделено особой чудодейственной силой, способной исполнять просьбы человека. Полагают, что в нем сосредоточена сакральная энергия, которая может защитить от бед и обеспечить благополучие. Верующие обращаются к ней в различных жизненных ситуациях. В традиционном сознании «Каменная бабушка» с ее нарочито выделенным животом (беременность) воспринимается как ключевой символ плодородия. Она почитается как одна из главных покровительниц женщин. Плодотворная сила этого изваяния подчеркнута фаллической формой, подразумевающей воспроизводящую мощь. Священный камень в мироощущении хакасов воплощает двуединую божественную целостность, которая гармонично сочетает мужское и женское начала, элементы человеческого и природного [Бурнаков, 2012].

В 1954 г. археолог А.Н. Липский с целью гарантированного сохранения изваяния перевез его в Абаканский краеведческий музей. Следует отметить, что данное решение принималось без учета мнения и специфики религиозных настроений коренных жителей. Изъятие *Улуг Хуртуях Тас* с исконного места было воспринято верующими как попрание традиционных ценностей и покушение на один из главных источников плодородия и благосостояния, гарант стабильности жизни общества. Все это, естественно, вызвало волну негодования со стороны местного населения. Описание сцены вывоза *Улуг Хуртуях Тас*, ярко характеризующее традиционную ментальность и религиозные установки хакасов, есть в полевом дневнике А.Н. Липского. Приведем его полностью: «Оно стояло у самого улуса Онхаково, в нескольких десятках метров от жилищ и вывоз его явился для населения сенсацией. Почти все жители селения собрались вокруг нас, когда мы выкапывали камень. “Хуртуях тас увозят”, – слышалось то и дело среди собравшихся, объяснявших вновь подошедшим, что происходит. Я увидал старую женщину, согбенно опираясь на палку, подходившую к нам. Я повернулся к ней, чтобы приветствовать старого человека и это спасло меня от доброй “шишки” на голове. Старая женщина с удивительным проворством перехватила палку за тонкий конец и ударила по мне. Я увернулся и, убегая от ее кия, стал быстро ходить вокруг обелиска, а женщина за мной под хохот и восклицания собравшихся: “Бей его, бабушка, бей”. Но старушка быстро устала, села на курганный камень и… стала меня проклинать. Чего только она не пожелала!

В тот день не пришел автокран, чтобы погрузить обелиск с изваянием на автомашину и мне пришлось заночевать в улусе. Со старым хакасом я пошел к бабушке, готовой было меня избить, чтобы узнать, почему же нельзя вывозить Хуртуях тас. Только под воздействием старика женщина со мной заговорила. “Если ты увезешь Иней тас – бабушку каменную”, – сказала старая женщина, – “нам плохо будет, скот плохо будет водиться, детей не будет, больные они будут”. “Ты, бабушка, хитрая”, – ответил я, – “ты хочешь, чтобы только вам было хорошо, чтобы только у вас родились дети и здоровы были, а вот увезу я Хуртуях тас в Абакан, и она будет помогать и аскизским людям и боградским, да и нашим абаканским женщинам нужны дети”. “Ваши абаканские женщины ходят к доктору, чтобы у них детей не было”, – запальчиво ответила старушка, – “а нашим женщинам дети нужны, они хотят иметь детей”. Но потом, несколько поуспокоившись, старая женщина сказала: “Ты, пожалуй, прав. Вези Хуртуях тас в Абакан”. Когда погрузили его на машину, на темени каменной головы “бабушки” лежала свежая лепешка, а рот был обильно смазан салом: с Иней тас кто-то попрощался, покормил ее на дорогу. Может это все та же старая женщина, что вчера протестовала против ее вывоза…» (Архив МАЭ. Ф. 5. Оп. 7. Д. 91. Л. 3–4).

Будучи установлен на территории Абаканского краеведческого музея, *Улуг Хуртуях Тас* по-прежнему оставался культовым объектом для хакасов. А.Н. Липский стал случайным свидетелем ритуала почитания каменного божества. Этот случай он тоже зафиксировал в дневнике: «“У каменных бабушек какое-то моление”, – сказала мне сотрудница музея. – “Поглядите”! Действительно, во дворе музея у собраний древний изваяний, перед “Хуртуях тас” – каменной старушкой, – так называли ее хакасы, я увидел молодую женщину, стоящую с пиалой в руках, а сзади нее, на земле сидела на корточках очень пожилая хакаска и рядом с нею стоял пожилой мужчина. Втроем они были обращены лицами к изваянию. На земле между молодой женщиной и изваянием, стояли берестовые туяски с пищей, с аракой – молочной водкой. Рот каменной “старушки” был обильно обмазан салом и растертой на нем пищей. С чашки, что держала молодая женщина у рта изваяния, несло острым запахом араки. За калиткой штакетной ограды площадки музея собралось уже значительное количество прохожих, с любопытством и недоумением глядевших на происходящее у изваяний. Ко мне подошел товарищ из горкома… “Что здесь происходит? Моление какое-то?” – спросил он, – “Жертвоприношение?” Признаться,

Рис. 2. Молодожены совершают троекратный ритуальный обход вокруг *Улуг Хуртуях Тас*. Фото автора, лето 2007 г., с. Анхаков.

я был в тяжелом, затруднительном положении. Ну, что я мог ответить этому товарищу, готовому усмотреть в происходящем чуть ли не религиозную пропаганду. Подошли и некоторые из зрителей, увидев меня… Между тем, молодая хакаска, прошептав что-то, подняла чашку с аракой к губам “бабушки” и тихонько вылила питье. Косясь в ее сторону, чтобы не пропустить действий молящейся, я ответил товарищу то “спасительное”, что пришло в тот момент мне в голову. “Мы проводим репетицию, – сказал я. – “Будем снимать на кино древние обычаи”. Несколько позже, когда смущенные собравшимися зрителями, герои этого события, явно скомкав свое обращение к “Хуртуях тас”, приглашенные мною в музей, были у меня (мне хотелось узнать смысл этого моления), я услышал от пожилой женщины (молодая женщина вела себя со мной, как глухонемая), что молодая женщина – ее невеста, что она уже десятый год замужем, но у нее нет детей. И ей посоветовали поехать к Хуртуях тас и просить ее дать детей» (Архив МАЭ. Ф. 5. Оп. 7. Д. 91. Л. 2).

В 2003 г. по многочисленным просьбам верующих было принято решение вернуть *Улуг Хуртуях Тас* на прежнее место, в урочище *Хамхазы*. С этого времени и организован одноименный музей. В наши дни каменное изваяние продолжает оставаться востребованным культовым объектом

не только для коренных жителей, но и для представителей других народов. Зародилась традиция ее посещения местными молодоженами любой этнической принадлежности (рис. 2).

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении более трех веков каменное божество *Улуг Хуртуях Тас* у хакасов имело высокий культурный и обрядовый статус. В традиционном сознании хакасов его образ сочетает черты культурного героя и божества плодородия. Камень является сакральным символом материнства и неиссякаемой жизненной силы родной земли и предков.

Список литературы

Бурнаков В.А. Каменные изваяния в сакральном пространстве хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – № 3 (37). – С. 335–344.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. – 260 с.

Вадецкая Э.Б. Сказы о древних курганах. – Новосибирск: Наука, 1981. – 112 с.

Еремин Л.В. Мать матерей: Улуг Хуртуях тас // Сокровища культуры Хакасии. – М.: НИИ Центр, 2008. – С. 364–367.

Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. – Абакан: Изд-во ХНИИЯЛИ, 2010. – 184 с.

Корнилов И. Очерки быта лесных зверопромышленных инородцев Восточной Сибири // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1851. – Т. 108. – С. 1–30.

Костров Н.А. Качинские татары. – Казань: Тип. Губ. правления, 1852. – 66 с.

Костров Н.А. Очерки быта минусинских татар // Тр. IV археол. съезда. – Казань, 1884. – Т. 1. – С. 208–248.

Кропоткин А.А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. – СПб.; М.: Изд. Тов-ва М.О. Вольф, 1895. – Т. XII, ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. – С. 19–50.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 294 с.

Липский А.Н. Енисейские изваяния. – Абакан: Хак. обл. тип., 1970. – 18 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. – СПб., 1788. – Ч. 3. – 624 с.

Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. – М.: Тип. ун-та, 1833. – 297 с.

Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Спасский Г. О сибирских древних курганах // Сибирский вестник. – 1818. – Ч. 2. – С. 20–50.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. – Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. – Вып. IV. – 212 с.

УДК 392.8

В.А. Бурнаков[1, 2], Д.Ц. Цыденова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: venariy@ngs.ru

ОБРЯДОВАЯ ПИЩА ХАКАСОВ (конец XIX – XX век)*

Статья посвящена изучению роли пищи в мифо-ритуальном комплексе хакасов, в частности в обрядах жизненного цикла. Условия жизни традиционного общества формировали уважительное, нередко ритуальное отношение к трапезе. Будучи одним из важнейших элементов системы жизнеобеспечения человека, пища наделяется высоким семиотическим статусом. В культуре хакасов не было жесткого противопоставления повседневной и обрядовой пищи. Она выступала важнейшим объектом соционормативной культуры, была ключевым предметом дарообменной практики и жертвоприношений. Пища, выполняя посредническую функцию между человеком и божествами, порой сама становилась объектом особого почитания и наделялась магическими свойствами.

Ключевые слова: *хакасы, традиционное мировоззрение, пища, обряд, магия, жизненный цикл, шаманизм.*

This publication is devoted to the matter of food in life-cycle rituals of Khakass mytho-ritual complex. Their ife conditions formed respectful and ritual treatment of meal. As one of the main elements of life support system the food was endowed with high semiotic status. There was not dichotomy of everyday and ceremonial. It took on the role of the important object in socio-normative culture. Food was key goods in gift exchange and sacrifice practices. As an intermediary between people and gods sometimes food became an object of special worship and was endow with magic properties.

Keywords: *Khakasses, traditional worldview, food, ceremony, magic, life cycle, shamanism.*

Обряды – важнейшая часть культуры каждого этноса. Их отправление связано, как правило, с каким-либо важным событием в жизни человека, семьи или народа. Так, в традиционном обществе обрядность неизменно сопровождает весь жизненный цикл человека – рождение, свадьбу и смерть. Ритуал стал неотъемлемой частью взаимоотношений человека с окружающим пространством и природой. В мифологическом сознании обряд является основным способом коммуникации с потусторонним миром и его представителями.

Огромное значение в обрядности уделяется пище (хак. *ас-тамах, чиис*). Зачастую в сакральных действиях ей отводится ключевое место. Следует отметить, что в архаических культурах всегда наделялось большой ценностью (а нередко и одухотворялось) то, что входит в систему жизнеобеспечения человека. В полной мере это относится к пище. Общеизвестно, что без еды невозможно биологическое существование человека. Именно поэтому в мифологическом сознании пища стала наделяться сакральными свойствами. Данный факт способствовал тому, что в традиционной культуре пища – неотъемлемая часть мифо-ритуального комплекса.

Общепринято противопоставлять пищу повседневную и обрядовую (праздничную). У хакасов же подобная пищевая дифференциация весьма условна. Обрядовая пища мало отличается от повседневной. Специфика первой проявляется лишь в технологии приготовления (напр., варили без соли и др.) и ритуальной избирательности отдельных частей пищи. Так, у хакасов верхняя часть («первинка») любой повседневной еды – молочных, мясных или растительных продуктов, а также спиртных и др. напитков – неизменно может выступать в качестве обрядовой пищей. Она, как правило, всегда подносится духам и божествам (рис. 1, 2).

Характер и состав повседневной пищи хакасов, а также связанные с ней соционормативные практики во многом определялись природно-географическими и климатическими особенностями региона и типа хозяйствования. Следует отметить,

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Рис. 1. Столик с жертвенной пищей на хакасском празднике *Уртун тойы* (Празднике урожая). Новосибирск, 20.10.2014 г. Фото авторов.

Рис. 2. Обряд подношения пищи духу огня на хакасском празднике *Уртун тойы*. Новосибирск, 20.10.2014 г. Фото авторов.

что традиционное хозяйство хакасов было комплексным: пастбищное скотоводство (с сезонными перекочевками), охота, земледелие и рыболовство. Каждая отрасль хозяйствования неизменно сопровождалась обрядами. В прошлом пища хакасов преимущественно имела сезонный характер. В рационе преобладали молочная продукты (*сӱт-сӧл*), мясо (*ит*) и зерновые (*тамах*).

В обрядовом комплексе хакасов, связанном с детским циклом, пище отводилось значитель-

ное место. Вся система питания женщины и ребенка строго регламентировалась. С первых дней беременности женщина должна была соблюдать запреты и предписания, обусловленные мифологическими представлениями о том или ином виде пищи. Эти нормы во многом определялись верой в магические свойства отдельных пищевых продуктов. Так, женщине, ждущей ребенка, нельзя было есть некоторые виды дичи (например, зайчатину). Полагали, что в противном случае ребенок может родиться с заячьей губой. По сведениям В.Я. Бутанаева, беременной не рекомендовали употреблять мясо с тазобедренных костей. Считалось, что иначе роды будут тяжелыми из-за того, что у женщины не расширится таз. Табу распространялось и на мясо с лопаточной кости. Верили, что у женщины, попробовавшей его, будет неправильное расположение плода [Бутанаев, 2014, с. 82].

Употребление детьми мясной и молочной продукции тоже регламентировалось. Эта норма основывалась на вере в симпатическую магию и неотвратимость воздействия пищи на состояние здоровья и психологическое состояние ребенка [Бутанаев, 2014, с. 108].

Распространенной обрядовой пищей были *сӱт* – молоко, *айран* – кисломолочный напиток, *хайах* – масло, *потхы* – сметанная каша, *талған* – мелко смолотый ячмень или пшеница. Ими делали подношение духу домашнего очага *От ине* и кормили *тӧс'ов* – семейно-родовых духов, расположенных в юрте. Кроме того, эти блюда широко использовались в ритуалах свадебного цикла.

Ни одно пиршество (*той*) не проходило без мяса (*ит*) – главного и всеми любимого продукта питания. У хакасов перед свадебным застольем совершали обряд *оор-пус*. Во время него куски только что сваренного горячего мяса выкладывали на поднос и с молитвенным обращением к верховным божествам троекратно поднимали вверх. Сакральное действо происходило у очага. Затем отрезали три кусочка мяса и с благопожеланием бросали в огонь [Бутанаев и др., 1999, с. 13].

Особенное внимание пище уделялось и в похоронно-поминальной обрядности хакасов. По традиции для умершего «накрывается» отдельный стол. В религиозно-мифологическом сознании он представляет собой пространство, в котором происходит выделение живыми людьми «доли» умершему. Каждый родственник, прибывший на похороны, кладет в чашу для покойного угощение. Обычно при этом произносят следующие слова: «Это от меня (называется имя), принес тебе то-то (указываются продукты): не голодай, не жаждай». В настоящее время на стол обязательно ставят чай с молоком, куски вареного мяса, мясо курицы (для женщины) или петуха (мужчины), иногда баранью голову, кондитерские изделия и др. [Бурнаков, 2009].

Обряды завершающей части похоронного цикла принято называть «поминками». Однако семантическое поле данных ритуальных действий не ограничивалось только поминовением. Оно включало общение и прощание с умершим. Согласно традиционным воззрениям, живые и мертвые в равной мере зависели друг от друга. Благополучие мертвых связано с тем вниманием, которое они получают от живых. Счастье живых во многом определяется ушедшими в иной мир родственниками, главным образом – предками. У хакасов поминальные обряды совершаются на седьмой, двадцатый и сороковой день, через полгода и год. Необходимо заметить: в отличие от процесса погребения, основной вектор обрядовых действий поминального цикла направлен на контакт живых и умершего. Важнейшей составляющей поминок является «угощение» покойного. Трапеза устраивается ради восстановления связи между членами сообщества живых и покойным [Ван Геннеп, 2002, с. 150; Майнагашев, 1915, с. 280]. «Угощением» умершему служит запах (*хуюх*) от сжигаемой на костре пищи. Хакасы верят, что эту пищу в потустороннем мире может получить не только сам умерший, но и другие ушедшие родственники. «Кормление» покойника производится до наступления сумерек путем сжигания в огне кусочков пищи и вербального обращения к нему.

Среди обрядовой пищи важнейшее место отводится молоку (*сӱт*). В традиционной культуре молоко из-за специфических пищевых свойств и белого цвета получило соответствующий знаковый характер «белой пищи» и «чистой жертвы», предназначенной божествам. Молоко – первая пища в жизни человека, дающая ему силу и здоровье. На протяжении столетий молоко неизменно выступало универсальным символом сакрального и непрерывного потока жизни. В хакасских верованиях есть образ молочного озера (*сӱттіг кӧл*) в водах которого любит омываться богиня плодородия и покровительница детей *Ымай іҷе* (Умай). Хакасы убеждены, что она посылает женщинам невинные души младенцев, предварительно очищенные в священном озере. Именно поэтому молоко широко использовалось в ритуалах призывания души ребенка – *Ымай тартханы* [Бутанаев, 2014, с. 83–86]. Даже в похоронной обрядности, связанной с преждевременной кончиной ребенка, использование молока – один из ключевых моментов. Молоко при этом могло восприниматься

в качестве возрождающей субстанции – своеобразного нектара жизни. По этому поводу С.Д. Майнагашев сообщал: «В чашку наливают молока, и какая-нибудь пожилая женщина обносит это молоко вокруг тела три раза со словами: “Не уходи совсем, возвратись!” После этого молоко дают выпить матери. Смысл обряда ясен: хотят зазвать душу ребенка, чтобы она снова родилась от той же матери» [1915, с. 292].

Образ молока как жизнеутверждающего символа представлен не только в обрядности, связанной с миром ребенка. Этот напиток широко использовался в ритуальной практике, имеющей отношение к воззрениям о *хут* – душе и жизненной силе человека. Так, в шаманском камлании, основной целью которого было возвращение похищенной души человека, обязательно использовалась чаша с молоком. Именно в нее помещалась возвращенная *хут*. В заключительной части ритуала больной должен был выпить этот одухотворенный напиток, тем самым вернув душу на место. Описание этой шаманской практики есть и в архивных этнографических материалах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.

«Шаман, который камлал с платком, брал его у больного <…> и камлал. В него загонял “хут” человека, которую утащил черт. В это время рядом с больным стоит стакан с молоком. В него шаман загоняет “хут”, потом дает выпить больному» (Архив МАЭС ТГУ. № 680-8. Тетр. № 8. Л. 15).

«Когда шаман камлал около больного, то около дальнего отверстия юрты вешали белую тряпку. Он отбирал у айна (злого духа. – Авт.) душу больного, бросал вверх молоко и говорил: “Белое озеро, молоком питаться будем”» (Архив МАЭС ТГУ. № 680-8. Тетр. № 8. Л. 22).

«Меня шаманка лечила. Она посадила меня на ковер и била над моей головой палочками. Потом она наговаривает на молоко и мажет меня молоком. Покрывает чистым носовым платком. На дне это чашечки я сам видел звездочку, это моя судьба» (Архив МАЭС ТГУ. № 677-4а. Тетр. № 4. Л. 8).

Представленный материал позволяет сделать вывод, что в культуре хакасов пища выполняет не только утилитарную, но и обрядовую, религиозную функции. Будучи одной из важнейших составляющих системы жизнеобеспечения человека, она наделяется высоким семиотическим статусом. Еда выступает важнейшим символическим предметом при дарообмене, в т.ч. в жертвоприношениях. Пища остается ключевым знаковым элементом в соционормативной и экологической сферах жизни человека.

Список литературы

Бурнаков В.А. Смерть и похороны в культуре хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 1 (23). – С. 521–538.

Бутанаев В.Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. – Абакан: ООО «Журналист», 2014. – 316 с.

Бутанаев В.Я., Верник А.А., Ултургашев А.А. Народные праздники Хакасии. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1999. – 76 с.

Ван Геннеп, А. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. – М.: Восточ. лит., 2002. – 198 с.

Майнагашев С.Д. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина. – 1915. – № 2. – Вып. 2–3. – С. 277–292.

УДК 39+929.53

Ю.В. Гейбель[1], М.А. Осинцева[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: julija-hld@mail.ru

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕННОНИТАМИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (на примере жителей села Ананьевка Алтайского края)*

В статье рассматривается система ценностей сообщества меннонитов с. Ананьевка Алтайского края как фактор сохранения этнической идентичности. На основе интервью, взятых в ходе полевых исследований в с. Ананьевка в 2014 г., выделены ценностные ориентиры, обозначенные респондентами. Почитание старших, любовь к труду, сдержанность, потребность в чистоте, чувство справедливости – вот жизненные установки, которые закладываются в меннонитов с детства. Самоопределение «я – меннонит» остается актуальным до настоящего времени. Нормы поведения, нравственные законы и жизненные принципы являются мощным фактором консолидации меннонитов Западной Сибири.

Ключевые слова: *меннонитство, религия, этноконфессиональные группы, историческая память, этническая идентичность, система ценностей.*

Problems of formation and maintenance of ethnic identity stir interest in the modern academic community. In this article we study system of values of the Mennonite community in the village Ananievka in Altay Territory as a factor of maintenance of their ethnic identity. Based on the in-depth interviews conducted during the field research in Ananievka in 2014 we emphasized the value baseline mentioned by the respondents. Respect to the elders, diligence, self-control, neatness, sense of justice are those life values which Mennonites nurture from the childhood. "I am Mennonite" self-identity is still pertinent. Behavioral norms, ethic laws, life values are the powerful factor of consolidation of Mennonite community in Western Siberia.

Keywords: *Mennonite, religion, ethno-confessional group, historical memory, ethnic identity, system of values.*

В современном научном дискурсе большой интерес вызывают вопросы формирования и сохранения этнической идентичности. В.А. Ачкасов рассматривает этническую идентичность как принадлежность к определенной общности. «Для отдельного человека именно этническая группа, к которой он принадлежит, представляется тем, что важнее и больше его самого, что во многом определяет и пределы и принадлежность его жизненных стремлений, и что будет существовать после него» [Ачкасов, 1999, с. 45].

Система ценностей как фактор сохранения этнической идентичности является важнейшей характеристикой того или иного этнокультурного образования. В этой системе культура задает основные направления этических стандартов, на основании которых складываются т.н. «личностные ценности» отдельно взятого индивида [Кузнецова, 2010, с. 20]. При этом личностная система ценностей складывается под непосредственным влиянием общественной системы ценностей. Таким образом, этническая идентичность человека формируется в процессе его социализации под влиянием культурного окружения.

Для иллюстрации данного утверждения рассмотрим этноконфессиональную группу сибирских меннонитов. Помимо вероисповедания и голландского происхождения именно устойчивая система ценностей позволила выделить меннонитов в отдельную группу немецкого населения Западной Сибири.

Этноконфессиональная общность меннонитов зародилась в XVI в. в Нидерландах в условиях Реформации. На первых этапах становления

*Работа выполнена при поддержке Президентского гранта № МК-4002.2014.6 «Российская нация в сибирском измерении. Оценка иерархии идентичностей народонаселения Западной Сибири».

религиозного течения последователи Менно Симонса подвергались гонениям со стороны католической церкви и государственной власти. Это обусловило множественные перемещения меннонитов сначала в пределах Европы, а затем и по всему миру. Так, в 1789 г. по приглашению императрицы Екатерина II меннониты основали колонию Хортица на правом берегу Днепра. В Сибири первые меннонитские поселения появились на рубеже XIX–XX вв.

Село Ананьевка, основанное меннонитами из Украины и Причерноморья в 1912 г., находится в Кулундинском районе Алтайского края. В связи с тем, что меннониты предпочитали селиться компактно и отдельно от представителей других конфессий вплоть до 1970-х гг., население Ананьевки оставалось однородным. Сейчас облик села изменился, а меннониты, составлявшие 90 % населения в начале XX в., сейчас занимают лишь малую его часть. При этом у них устойчиво сохраняется этническая идентичность, одним из признаков которой является особая система ценностей. В ходе экспедиции нами собраны материалы, на основании которых можно выделить культурные ценности меннонитов с. Ананьевки.

Воспитание и духовно-нравственное развитие являются фундаментом, на котором формируется личность меннонита. Нормы морали, нравственные ценности прививались ребенку с детства в семье и общине. Уважение и почитание старших – одно из основных правил и ценностей жизни меннонитов.

«Мне кажется, самое главное – уважение к старшим. Для меня, например. Я даже еще больше хочу добавить про это. Смотрела “Давай поженимся”. Там какой-то был жених, он маму называл на “вы” и у них была такая семья, очень культурная, интеллигентная в высшей степени. И ведущая сказала, что высшая степень уважения – это называть на “вы” старших. Поэтому у нас высшая степень культуры и уважения!» (ПМА-2014).

Действительно, меннониты с. Ананьевки к родителям обращаются на «Вы», тем самым выводя уважение к старшим в одну из основных культурных установок.

Еще одним важным маркером, выделяющим меннонитов, является особое отношение к труду и трудолюбие вообще. Респондент подчеркивает, что это качество особенно характерно для меннонитов.

«И работящесть, трудолюбие, оно все равно было где-то в крови. Но все люди разные, хоть какой ты веры, хоть какой национальности: кто-то любит работать, кто-то любит лениться. Но, может быть, меннониты отличаются от других тем, что больше трудолюбия заложено изначально» (ПМА-2014).

По словам респондентов, качества эти заложены родителями с детства, а постоянная потребность в труде – жизненная необходимость, неотъемлемый элемент уклада повседневной жизни.

«Да, это родители закладывают с детства. С детства знаешь, что нет никакой свободной минуты. Я помню, что даже когда замуж вышла, чтобы где-то сесть на скамеечку, даже в мыслях не было. Все бегом. Ага, до коров еще надо это успеть, а еще это. Ой, а там же еще кипит! Мне же потом сепарировать надо...» (ПМА-2014).

Меннониты – протестантская деноминация, возникшая в эпоху Реформации в Европе. Их отношение к хозяйственно-трудовой деятельности складывалось под воздействием идей основоположников протестантизма М. Лютера, Ж. Кальвина и др. «Всепоглощающий труд в своей земной профессии стал религиозной обязанностью верующего, религиозным долгом, службой Богу в миру» [Элбакян, 2003, с. 61]. Труд для меннонитов – важнейшая жизненная ценность, священный долг перед Богом, обществом и человеком [Там же, с. 63].

Сдержанность и осторожность меннонитов – показатель внутренней культуры и воспитанности человека. В процессе интервью неоднократно подчеркивалась необходимость быть сдержанным в речах, лишний раз не «лезть на рожон».

«Чревато чем-то плохим, лишний раз рот вообще надо держать закрытым. Лишнее нельзя говорить потому, что люди, во-первых, перевернут, во-вторых, сплетня – она очень быстра, и ты же останешься виноватой» (ПМА-2014).

Сдержанность меннонитов выражается не только в речи, но в высокой степени самообладания и самоконтроля.

Важное место в жизни меннонитов отводится поддержанию чистоты. К примеру, потребность в соблюдении чистоты жилища, по словам респондента, является даже «комплексом», болезненной необходимостью.

«Но вот это даже до комплексов, понимаешь. И это было у нас в селе. Ужасно тяжело жить с этим потому, что ты все время был на чеку: вдруг кто-то придет, а у тебя что-то не убрано! Это ужасно тяжело было! Я помню: у меня дети маленькие. И суббота, я убиралась по дому, директор школы пришел. Боже мой! У меня палас там свернутый! У меня там грязь! Я не дошла еще до прихожей, а тут директор школы зашел. Боже мой! Позорище! Это же осудят!» (ПМА-2014).

Такое стремление к чистоте и порядку выражается и в упорядоченности и размеренности жизни в целом.

Не менее важно выделить такую характеристику характера меннонитов, как чувство справедливости.

«И знаешь еще, у меня отец, он тоже за справедливость был всегда. Вот был у нас тут один дяденька, он жадный был. И люди смеялись над ним, иногда могли сказать, мол, он даже паслен сорвет и на базар едет продавать. У меня отец был механиком, и вот сидят еще там кто-нибудь отмечают что-нибудь и вот этот дядька. И они начинают над ним издеваться. И мой отец один, но он становился на сторону этого товарища. И говорил: "Да хватит! Перестаньте!", или каким-то образом пытался перевести тему на другую. И вот это во мне тоже есть. Мне всегда жалко, когда нападают на одного» (ПМА-2014).

На эту важную черту характера указывает и Е.Ф. Фурсова. Она приводит интересный пример, когда «неграмотная, но боевая» женщина в поисках справедливости писала письма И.В. Сталину и Н.С. Хрущеву. Ответы на эти письма до сих пор хранятся в семейных архивах [Фурсова, 2000, с. 131].

Итак, исходя из всего перечисленного, можно составить перечень основных ценностей немцев-меннонитов:

1) почитание старших;
2) любовь к труду;
3) сдержанность;
4) потребность в чистоте;
5) чувство справедливости.

Нами были выделены только те ценностные ориентиры, которые обозначены и иллюстрированы респондентами. Несмотря на фактический распад меннонитской общины, связанный с массовым отъездом в Германию, оставшиеся стараются сохранить культурные особенности и жизненные принципы.

«*Знаешь, когда общаешься, все равно чувствуешь. Или немец, или русский, потому что какие-то понятия или рассуждения, или принципы, они чувствуются. Я вот меннонитов чувствую*» (ПМА-2014).

Самоопределение «я – меннонит» остается актуальным до настоящего времени. Это выделяет меннонитов в особую этноконфессиональную группу с набором устойчивых этнокультурных ценностей.

Интересно заметить, что респонденты не называли пацифизм одной из культурных ценностей. Ведь именно пацифизм являлся важнейшей догмой, на основе которой зародилось меннонитство как религиозное течение. На современном этапе данная культурная установка утратила свою значимость под влиянием культурного окружения, но идеи пацифизма сохранились в исторической памяти.

Таким образом, этноконфессиональная идентичность меннонитов как отдельной группы немецкого населения Западной Сибири во многом сохраняется за счет устойчивой системы ценностей. Нормы поведения, нравственные законы и жизненные принципы –мощный фактор консолидации меннонитов Западной Сибири.

Список литературы

Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. 2, № 1(5).

Кузнецова Е.Г. Личностные ценности: понятие, подходы к классификации // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. – Оренбург, 2010. – № 10. – С. 20–24.

Фурсова Е.Ф. Меннониты юга Западной Сибири в XX веке: традиции и новации (материалы полевых исследований) // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. – Новосибирск, 2000. – Вып. 2. – С. 130–133.

Элбакян Е.С. Христианская трудовая этика: сравнительный анализ конфессиональных особенностей // Религиоведение: науч.-теор. журнал. – Благовещенск, 2003. – № 2. – С. 61–69.

УДК 394

В.И. Гутыра

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gutira@mail.ru

МОЛОДЕЖЬ В ОКУНЕВО: МОДА ИЛИ ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР?*

В статье представлены выводы, полученные в ходе экспедиции в д. Окунево летом 2014 г. Основное внимание исследования сосредоточено на молодежи деревни, ее религиозных и культурных предпочтениях. Главной задачей стало определение причин выбора данного места для все большего количества молодежи. Что движет поколением next, выбирающим вместо модных клубов и популярных баров сельскую глубинку? Является это осознанным выбором или лишь данью моде на все «диковинное»?

Ключевые слова: *молодежь, город, деревня, религиозные практики, мода, Окунево.*

In this work we present the main conclusions made after the expedition to Okunevo village in the summer of 2014. The main focus of the study was the village youth, its religious and cultural preferences. The clue objective was the definition of the reason why this place is becoming more and more important among youth. What moves the next generation to go the remote country instead of visiting fashionable clubs and glamorous restaurants? Is it a reasonable choice or only a tribute to all unusual?

Keywords: *youth, city, village, religious practicals, fashion.*

Феномен нового «потерянного поколения» СССР и Российской Федерации становится одной из популярных дискуссионных тем в научном мире, СМИ и обществе в целом. Тем для изучения современной молодежи огромное количество: особенности субкультур, идентичность, молодежь и власть, молодежь – локомотив социального прогресса и др. Закономерен вопрос: что особенного ученые видят в этом поколении?

Возможно, главная особенность заключается в жажде самореализации, нахождения *особенного* пути? Сейчас существует огромное количество сообществ и групп, объеденных желанием достичь какой-либо цели. Каждая из них включает огромное количество индивидуальностей, предлагающих свой *новый* путь. Являясь индивидуалистами по духу, они все равно создают «кружки» индивидуалистов, в которых пытаются найти смысл для себя.

Такое же решение применяется к поиску веры. Церковь как социальный институт не всегда привлекает современную молодежь. Атеизм тоже не дает ответов на все вопросы личности. Именно поэтому существует потребность в новых религиозных практиках. Конечно, можно создать свою «церковь», но поколение 1980–1990-х гг. приучено упрощать, пользоваться уже изученным. Таким образом, молодежь ищет ответы на религиозные вопросы там, где их находят другие. Одним из подобных мест ответов в последнее десятилетие стала д. Окунево Муромцевского района Омской области.

Привлекают молодежь в д. Окунево и развлечения. Казалось бы, что обычная деревня может предложить искушенному в празднествах поколению? В этой деревне удивительным образом создано культурное, религиозное и мистическое пространство, наполненное множеством девушек и юношей.

Главной целью нашего исследования стал поиск ответа на вопрос: что движет молодыми людьми, которые приезжают в деревню, – мода на сакральный центр Окунево и желание развлечься или абсолютно осознанный, обоснованный выбор?

Деревня Окунево Муромцевского района Омской области, на первый взгляд, рядовое поселение. Здесь плохие дороги, бескрайние поля и леса. Местные жители всю сознательную жизнь провели

*Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Новый сакральный центр России в социальном окружении: проблемы взаимодействия с государственными, религиозными, медийными институтами» (№ 14-01-00431).

в этом районе. Они представлены в основном двумя национальными группами – татары и русские. Но с середины 1980-х гг. жизнь деревни стала меняться. В первую очередь, это связано с именем Расмы Розиты, которая приехала на поиски священного места из Индии [Селезнев, 2014]. Появление этой женщины стало поворотным событием в истории деревни.

Для нас больший интерес представляет современная жизнь Окунево. За последнее десятилетие деревня стала популярной среди различных пластов населения, изрядно подогретых масс-медия [Селезнева, 2014].

Деревню Окунево можно считать небольшим туристическим заповедником. За летний период, по разным источникам, деревню посещают от 2 до 30 тыс. человек. Можно с уверенностью говорить о значительном потоке туристов. Возрастной и социальный облик людей, приезжающих в Окунево, обширен, но молодежь составляет большинство.

Многие приезжают в деревню на теплый период, несколько недель или выходные. Это вызывает удивление: путь до деревни не самый легкий и приятный, а местность не самая живописная. Меньшее количество молодых людей решается на окончательный переезд в Окунево, с которым связываются свою дальнейшую жизнь и жизнь детей.

Те молодые люди, которые решились на переезд в деревню Окунево по «зову души», вынуждены искать средства для обеспечения себя и семьи. Один из способов – ведение бизнеса.

В ходе летней экспедиции 2014 г. нам удалось побеседовать с информаторами в возрасте 17–30 лет. Стоит отметить некоторые трудности, с которыми мы столкнулись в ходе работы. Имена информаторов не всегда достоверны: часто указаны псевдонимы или просто выдуманные имена. Реальный возраст и социальное положение респондентов установить не представляется возможным, т.к. подобные вопросы отталкивают собеседника, делают его подозрительным.

Деревня Окунево, особенно в летний период, живет насыщенной жизнью. Нам удалось познакомиться с владельцами нового сувенирного дома. Один из них – молодой человек 20–23 лет, неразговорчивый, с подозрением относится к покупателям, старается не вступать в диалог. Вместе с ним живет девушка 17–19 лет. Она, напротив, очень любезна и разговорчива: за несколько минут поведала, что они не так давно открылись и живут в этом же доме.

Вместе с продажей сувениров в их домике осуществляются другие услуги: очистка ауры, предсказания, снятия болезней и другие интересны ритуалы. Этим занимается Тара Николаевна, возраст которой 22–25 лет. Нам удалось застать ее в процессе работы над письмом «счастья», которое написано не на человеческом языке, а на арктурианском. По словам Тары, она прилетела на Землю с планеты Арктур, а Окунево стало ее новым домом. Она с легкостью пишет и разговаривает на актурианском языке, но пользуется им только в особых случаях. Вопросы о земной жизни ей удавалось успешно игнорировать.

Не менее интересной особенностью деревни является значительное количество детей. Это дети той молодежи, которая сбегает в Окунево «под гнетом города». В их семьях насчитывается по пять, три или двое детей. В деревни были случаи *бабничества*, когда мужчина самостоятельно принимает роды у своей жены. С момента рождения дети д. Окунево попадают в иной мир, чем те, что родились, например, в городе Омске.

Воспитание новых жителей Окунево полностью соответствует жизни их родителей: с малых лет им рассказывают о мироздании, которое отличается от общепризнанного.

Во время экспедиций в деревню Окунево нам удалось стать невольными свидетелями взросления девочки Тары, которая с малых лет с легкостью умела обращать с животными. Уже к пятишести годам она управлялась с лошадью, смело разъезжая на ней по деревне без седла, удерживая животное лишь уздечкой. Контакт детей с животными полностью поддерживается семьями. Вопросы о будущем вызывают у родителей некоторое недоумение. Их позиция однозначна: Окунево – лучшее место для них и детей. Их не пугают возможные трудности. Они готовы с ними справляться благодаря своей вере.

В деревню Окунево переезжают люди, которые в городе сумели достигнуть некоторых вершин, но, разочаровавшись, стали искать иной смысл жизни. Здесь они смогли рассмотреть потенциал для возрождения славянской души. Чтобы реализовать такой проект, необходимо приложить немалые духовные усилия и понести материальные затраты.

Например, Игорь – молодой человек 30–34 лет, бывший бизнесмен. Его мечта – строительство нового поселения, которое разрастется до города, станет местом возможного возрождения русского духа. За время реализации этого проекта ему вместе с подвижниками удалось построить несколько каркасов домов, зернохранилище, летнюю кухню, а также разбить огород. Единственным капитальным строением можно считать землянку, рассчитанная на 4–6 человек. В ней есть все необходимые для жизни объекты: раковина, кровать, письменный

стол, шкафы. Здесь нам удалось найти чертежи будущего города-поселения и литературу, способствующую просвещению. Для этих людей деревня Окунево стала отправной точкой, с которой можно начать менять мир в лучшую сторону.

На территории деревни сосуществуют несколько религиозных практик: славяне-язычники, бабаджисты, кришнаиты, староверы и традиционные православные. Каждое из этих объединений имеет свои культовые места, где исправно, в строгом соответствии с религиозным календарем проводят праздники и другие ритуалы.

Конечно, большая часть молодежи приезжают в Окунево на празднование каких-либо значимых событий, но встречаются молодые люди, живущие здесь на протяжении длительного времени. Они живут в общинах, исполняют ряд обязанностей, принимают участие в ритуалах. Однако это лишь одна сторона жизни деревни Окунево, которую представляют люди, искренне верящие в свои идеи, видящие смысл в жизни именно здесь.

Большая часть приезжих могут быть отнесены в группу «туристов» или «паломников». Для них деревня Окунево – некий *антропо-парк*, где они могут соприкоснуться с «чудаковатыми людьми». Такая позиция не редкость, множество респондентов дают подобную оценку тому, что происходит в Окунево. Конечно, существуют и другие люди, относящиеся к проводимым здесь ритуалам с большим внимание, уважение и интересом.

Как видим, люди, приезжающие в деревню Окунево, неоднозначны. Для некоторых из них Окунево прекрасная альтернатива городу. Здесь они могут провести время со своей семьей, отдохнуть и узнать что-то новое. Для других это – место, где можно устроить пикник, со всем сопутствующим.

Слухи об Окунево распространяются достаточно быстро. Без труда информацию о деревне можно найти в Интернете. Тысячи постов, страниц, статьей посвящены тайнам Окунево. Необходимо добавить и ту информацию, которая доносится с экранов телевизора. Различные программы рассказывают интересные и интригующие новости о загадочных случаях в сибирской деревне.

Современная городская молодежь имеет широкий спектр развлечений, но для ее части деревня Окунево стала местом, которое дало им больше, чем просто отдых. Окунево стало их домом. Другая часть молодежи посещает в Окунево, отдавая дань моде. Здесь любопытно и весело, но это – развлекательная программа, о которой можно позже отписаться в социальных сетях или «запостить» в Инстаграмм.

Список литературы

Селезнев А.Г. Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 5. – С. 41–59.

Селезнева И.А. Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 5. – С. 59–73.

УДК 394

М.А. Жигунова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
E-mail: marizh.omsk@rambler.ru

КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

В статье рассматривается роль культуры в современном российском обществе, предлагаются конкретные меры по улучшению государственной культурной политики. Общность культурных и морально-нравственных ценностей – тот необходимый единый стержень, который может объединить и сплотить всех россиян, независимо от их этнической, религиозной и социальной принадлежности. Это – задача первостепенной государственной важности, поскольку именно культура выступает основанием гражданской идентичности.

Ключевые слова: *культура, общество, современность, культурная политика.*

In article the culture role in modern Russian society is considered, concrete measures for improvement of the state cultural policy are offered. A community of cultural and moral values are that necessary uniform core which can unite and rally all Russians, irrespective of their ethnic, religious and social origin. It is a problem of paramount state importance because the culture is the basis of civil identity.

Keywords: *culture, society, modern, cultural policy.*

2014 год, объявленный президентом В.В. Путиным «Годом культуры», поставил перед каждым регионом задачу формирования нового подхода к развитию культурной сферы и создания целостного духовного пространства, которое будет объединять многонациональное российское государство. Состояние культуры, как известно, в решающей степени определяет уровень прогресса общества в материальном, нравственном и духовном измерении. Это суждение справедливо по отношению к любой стране. Особое преломление оно имеет по отношению к России. При наших территориальных масштабах, многообразии народов, религий, культур и языков единое культурное пространство становится одним из главных стержней государства.

В данной статье, написанной на основе многолетних этнографических, этносоциологических, культурологических и музееведческих исследований, использован опыт личного участия в двух масштабных мероприятиях, посвященных обсуждению основ культурной политики. Первое из них – Сибирская окружная проектная сессия «Дружба народов – единство России: Формирование общероссийской идентичности и укрепление духовной общности россиян», организованная «Ассамблеей народов России» (Новосибирск, 29–31 марта 2014 г.). Второе мероприятие – выездное заседание Общественной палаты Российской Федерации по обсуждению проекта «Основы государственной культурной политики» (Омск, 3–4 августа 2014 г.). Автор статьи выступил координатором мероприятия по Сибирскому федеральному округу.

Делегацию Общественной палаты Российской Федерации возглавлял председатель оргкомитета «Общественного форума культуры» и прямой потомок известного русского поэта и писателя М.Ю. Лермонтов. Он отметил, что пока продолжается работа над Федеральным законом о культуре, можно утвердить «Основы государственной культурной политики». Документ, который президент планирует подписать в конце этого года, должен стать смыслообразующим для России, ее системы образования и воспитания, культурной сферы. Он должен определить основные параметры и принципы формирования государственной культурной политики, высших ценностей и приоритетов. Документ призван решать комплексные задачи формирования единого культурного пространства, обеспечения благоприятных условий для сохранения и развития отечественной культуры.

К началу XXI в. человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, контуры которых все больше «размываются» в связи с глобализацией, урбанизацией, высокой миграционной активностью. Все большее распространение получают массовые формы культуры.

Это сужает многочисленные функции культуры до одной – развлекательной. Между тем, традиционная культура несет в себе огромный воспитательный, образовательный, нравственный, патриотический, туристический потенциал. Основные отличительные особенности этносов сосредотачиваются в сфере традиционно-бытовой культуры. Именно культура этноса в целом обеспечивает его функционирование как системы. На одной из лекций в ОмГУ я предложила студентам-историкам ответить на вопрос: «Что такое традиционная культура и какова ее роль в современной жизни?». Ответы были самыми разными, но особенно поразил один из них: «Традиционная культура – это культура наших родителей, дедушек с бабушками. Она доживает свои последние дни в современном мире, ее роль: мешать жить молодежи, так как нам хочется». Между тем, для поддержания культурной традиции необходимо ее постоянное воспроизводство. Основную роль здесь играет межпоколенная трансляция.

Социальная стратификация и поляризация российского общества по уровню доходов с ориентацией на различные традиции (народные, советские, религиозные, западные, восточные и т.д.) породили многообразие форм современной культуры. Определяющее значение все чаще стали играть не этническая, религиозная или сословная принадлежность, а финансовые возможности и личные вкусовые предпочтения отдельной семьи или человека. Актуализировалась проблема сохранения и передачи историко-культурного наследия.

Необходимо проработать вопрос о нормативах деятельности в сфере культуры на федеральном уровне, выполнить общую синхронизацию всех нормативно-правовых актов, касающихся сферы культуры. В настоящее время культура финансируется по остаточному принципу. Необходимо ввести раздел «Финансовое обеспечение», возможно, с указанием определенного процента в бюджете, который субъект РФ обязан направлять на развитие культуры, а также механизма адресной поддержки из федерального бюджета для субъектов РФ на объекты культуры и образования, которые выполняют важные воспитательные и просветительные функции. В основу бюджетного финансирования культуры нужно заложить принцип равенства территорий. Сегодня, чем дальше люди проживают от столицы и других крупных городов, тем меньше у них возможностей и доступа к культурным ценностям. Культура должна быть доступной, но в современных реалиях без поддержки государства это невозможно (особенно в Сибири, учитывая огромные расстояния между населенными пунктам). Нужна и соответствующая поддержка государства, налоговые льготы организациям и частным лицам, оказывающим благотворительную помощь в сфере культуры.

Любая нация определяется через приобщенность к культуре. Культура начинает играть все большую роль. Это подтверждают материалы многолетних этносоциологических исследований. В последние годы основанием для определения национальной идентичности все чаще выступают не этнические корни (происхождение и национальность ближайших родственников), язык или территория проживания, а именно культура. Нередко при опросах встречаются люди, которые отвечают так: «Я родился и воспитан в русле русской культуре, поэтому считаю себя русским, независимо от национальности моих родителей». Необходимо отметить роль русской культуры как культуры основной части российского общества, ее объединяющей и консолидирующей функции для всех граждан страны. Общность культурных и морально-нравственных ценностей – тот необходимый единый стержень, который может объединить и сплотить всех россиян, независимо от их этнической, религиозной и социальной принадлежности. Это – задача первостепенной государственной важности. Именно культура выступает основанием гражданской идентичности. Необходим диалог общества и власти в сфере культурной политики в регионе и формировании общероссийской гражданской идентичности.

Государственная культурная политика РФ должна включать соответствующее информационное пространство, направленное на сохранение и пропаганду традиционных культурных ценностей и формирование общегосударственной идентичности. В настоящее время большинство населения Сибири более четко осознают свою региональную идентичность, а не общероссийскую. Следует обратить внимание на радикальное изменение каналов распространения информации среди подрастающего поколения и пересмотреть эффективность традиционных методик воспитания с учетом сегодняшних реалий. Особое внимание следует уделить виртуальному пространству, в котором находится активная молодая часть общества. Формирование настоящего патриота и гражданина невозможно без соответствующего знания истории и культуры своего народа, своей страны. Сегодня много говорится о необходимости возрождения народных традиций. Делать это нужно на высоком профессиональном уровне, четко понимая, что именно и как нужно возрождать. Поэтому для эффективности государственной культурной политики необходима координация усилий не только науки, культуры, образования

(т.е. тех сфер, которые формируют самосознание человека и делают его личностью и гражданином), но и органов власти, СМИ, всех слоев общества.

Нужно отметить, что основы культуры закладываются в семье, где передаются из поколения в поколении лучшие национальные традиции. Необходимо усилить блок историко-культурных дисциплин в государственном образовательном стандарте. Существует потребность в издании учебной и научно-популярной литературы, посвященной историко-культурному наследию народов нашей страны, нужны исследовательские гранты по этой тематике, чтобы развивать национально ориентированное общество и собственную страну.

При обсуждении вопросов культуры зачастую физическая культура не учитывается. Между тем, как гласит народная мудрость: «В здоровом теле – здоровый дух». В современном мире людям не хватает двигательной активности и адреналина, что ведет к деформации психики, проблемам со здоровьем, антисоциальному поведению. В спорте есть все основания для качественного развития молодежи, обмена культурными ценностями и борьбе за мир. Поэтому следует уделить отдельное внимание формированию здорового образа жизни и физической культуре.

Исследования закономерностей и особенностей развития современных этносов, сохранения этнокультурной идентичности приобретают все большую актуальность. Анализ этой проблематики необходим не только для разработки концепций современного социокультурного развития регионов, но и для профилактики межэтнических и межрелигиозных конфликтов. В истории отечественной культуры был век, который называют «золотым», был «серебряный», существенные изменения произошли в советский период времени. От всех нас сегодня зависит, каким будет наше время, как его назовут потомки. Необходимо приложить все усилия для того, чтобы не только сохранить наше уникальное культурное наследие, но и существенно приумножить его.

УДК 314.7.044

Е.В. Ким

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: kimkatya@list.ru

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЕЙЦЕВ СИБИРИ*

Статья посвящена оценке социально-демографической ситуации в корейском сообществе Сибири начала XXI в. Рассматривается динамика численности корейского населения в сибирском макрорегионе на протяжении XX в. на фоне общего роста численности корейцев в России. Несмотря на то, что изначально корейские мигранты в России были представлены сельским населением, к 1970-м гг. они трансформировались в преимущественно городское этническое сообщество. В Сибири корейцы проживают главным образом в городах, т.к. основной причиной миграции было стремление к получению высшего образования в сибирских вузах. Это обусловило сравнительно высокое социальное положение корейцев в Сибири.

Ключевые слова: *корейцы Сибири, демография, этносоциальная характеристика, диаспора, миграция.*

This article is aimed to give social and demographical characteristic of Korean Russian community in Siberia in the beginning of XXI century. It reviews the dynamics of Korean population in Siberia macroregion during XX century against the background of general Korean population growth in Russia. Originally Korean migrants were mainly rural population in Russia, but they transformed into the urban ethnic group. Korean Russians mainly live in the cities in Siberia, because one of the main reason of their migration was the intention to get higher education in Siberian universities. It determined relatively high social status of Korean Russian community in Siberia.

Keywords: *Korean Russians in Siberia, demography, ethno-social characteristics, diaspora, migration.*

Сибирь никогда не была местом компактного проживания корейцев в России, в отличие от Дальнего Востока и Средней Азии. Однако стремительное формирование и демографическая устойчивость корейского сообщества в Сибири позволяет изучать его миграционный потенциал.

На фоне неуклонного роста численности корейцев в Российской империи, СССР и России на протяжении 150 лет лишь со второй половины 1950-х гг. можно говорить о формировании корейского сообщества в Сибири.

График динамики численности корейского населения в пределах Царской России, СССР и Российской Федерации (рис. 1) позволяет проследить тенденцию постоянного роста. Он косвенно свидетельствует о перемещении корейцев в 1937 г. в республики Средней Азии и резком увеличении их численности в РСФСР в 1939–1959 гг. в связи с присоединением о. Сахалин [Итоги…, 1897–2010].

На территорию Сибири первые корейские поселенцы начали проникать в начале XX в. Формирование корейского сообщества в Сибири началось в 1950-е гг. в связи с ослаблением политического режима в СССР. Основной причиной миграции корейцев в сибирские города было стремление к получению высшего образования.

Графа переписи населения 2010 г. «Год начала непрерывного проживания» в определенном регионе позволяет выявить приблизительное время формирования укорененного корейского сообщества в Сибири. Начало непрерывного проживания корейцев в Сибири зафиксировано переписью в Иркутской области (1943 г.). В Алтайском крае корейцы начали селиться в 1947 г., в Новосибирской области – в 1952 г., в Томской области – в 1954 г., в Красноярском крае – в 1956 г., в Омской области – в 1960 г. Анализ этих данных позволяет предположить, что корейское сообщество

*Работа выполнена в рамках гранта Правительства Новосибирской области № ОН-14-15 «Сибирское измерение российской нации. Структура идентичностей народонаселения Новосибирской области», а также гранта Президента РФ МК-4002.2014.6 «Российская нация в сибирском измерении. Оценка иерархии идентичностей народонаселения Западной Сибири».

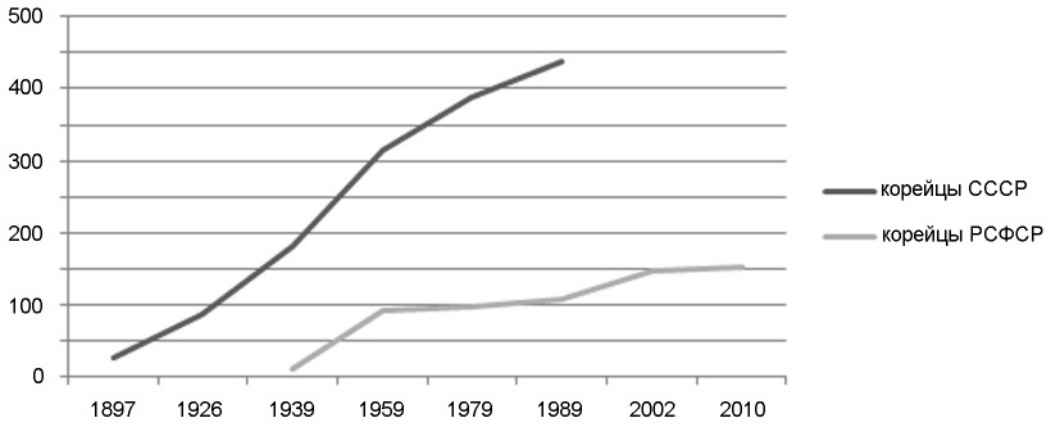


Рис. 1. Динамика численности корейцев в России в 1887–2010 гг., тыс. чел. (по итогам переписей населения России 1897–2010 гг.).

в Сибири очень подвижно. Для него характерны частые, множественные передвижения внутри страны. На фоне роста численности корейцев в Сибири небольшое количество респондентов, назвавших 1950–1970 гг. началом непрерывного проживания, говорит о постоянной динамике и замещении корейского населения в регионе [Краткая социально-демографическая характеристика…, 1991]. Постоянный миграционный поток корейцев из других регионов России и ближнего зарубежья компенсирует их отток из Сибири (рис. 2).

В Сибири корейцы проживают преимущественно в городах. К примеру, по состоянию на 2010 г. 93 % корейцев Новосибирской области живут в городах. 85 % из общего числа корейцев области – жители г. Новосибирска [Национальный состав…, 2012, с. 11]. При этом большинство опрошенных являются мигрантами из сельской местности и малых городов. Следует заметить, что урбанизация корейцев – общероссийская тенденция.

Таким образом, начиная с 1950-х гг. корейцы постепенно трансформируются из сельских жителей в горожан (рис. 3). К 1970 г. они становятся преимущественно городской этнической группой России, что обуславливает смену основных этносоциальных характеристик сообщества. С увеличением доли городского населения повысился уровень образования, социальный статус, изменилась сфера деятельности и проч.

Согласно переписи 2010 г., по типу населения во всех рассматриваемых регионах Сибири, за исключением Алтайского края, среди корейцев преобладает городское население (рис. 4).

При анализе половозрастной пирамиды корейцев Сибири очевиден дисбаланс числа мужчин и женщин трудоспособного возраста. Вероятно, это свидетельствует о присутствии в регионе трудовых мигрантов из КНДР, занятых в основном в строительстве. Половозрастная пирамида корейцев по состоянию на 2010 г. (рис. 5) соответствует регрессивному (стареющему) типу [Баталина, Волков, 1985, с. 66]. Российский демограф Д.Д. Богоявленский также выделяет корейцев России в группу с заметным уровнем старости, где доля пожилых людей (старше 60 лет) приблизительно 18 % [Богоявленский, 2013].

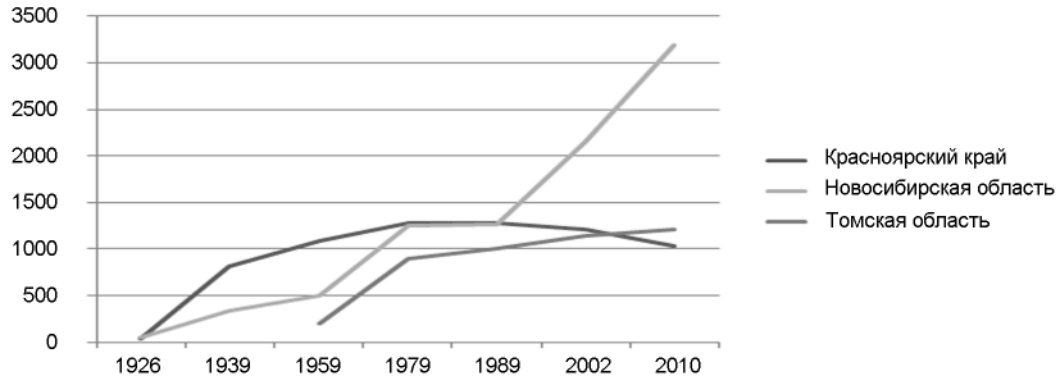


Рис. 2. Динамика численности корейцев в некоторых субъектах СФО в 1926–2010 гг., чел. (по итогам переписей населения России 1897–2010 гг.).

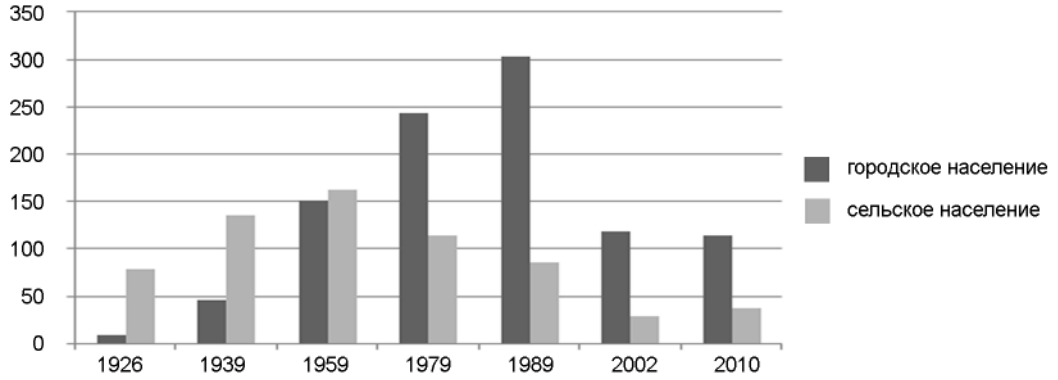


Рис. 3. Соотношение городских и сельских жителей среди корейцев России в 1926–2010 гг., тыс. чел. (по итогам переписей населения России 1926–2010 гг.).

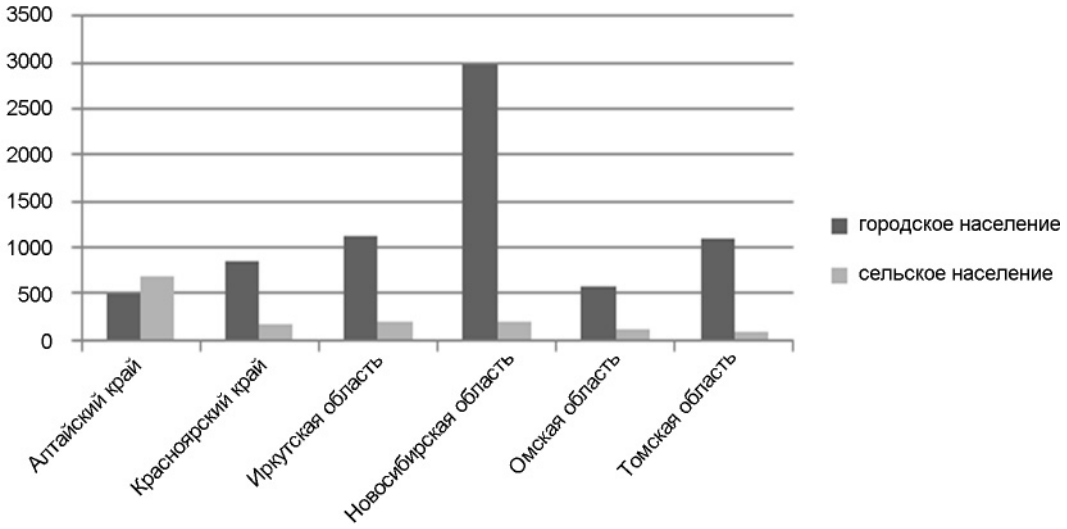


Рис. 4. Распределение корейцев в некоторых субъектах СФО по типу населения на 2010 г., чел. (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.).

На старение корейского населения России и Сибири влияет снижение рождаемости. Согласно данным Всероссийской переписи 2010 г., у большинства корейцев Сибири по 1–2 ребенка либо нет детей. Гораздо реже в корейских семьях 3–4 ребенка, в единичных случаях – более 4 детей.

В большинстве случаев корейцы приезжали в крупные города Сибири для получения высшего образования. Одной из наименее оспоримых характеристик корейцев Сибири является высокий образовательный уровень.

По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. количество корейцев, имеющих высшее образование, составило 24 % от общей численности корейцев России. Для сравнения: у русских аналогичный показатель находится на уровне 20 %, у евреев (самой образованной этнической группы России) – 60 %. Однако в Сибири процент образованных корейцев в среднем выше общероссийского показателя. Например, в Томской области 37 % корейцев имеют высшее образование.

По данным полевых исследований, в городах Новосибирск, Томск, Барнаул, Красноярск, Омск и Иркутск в 2006–2014 гг. основными сферами деятельности корейцев являются наука и образование (24 %), бизнес и предпринимательство (18 %), медицина (11 %), сфера услуг (11 %), финансы (9 %) и строительство (7 %).

Корейцы широко представлены во властной, научной и бизнес-элите Сибири. Они есть в законодательных собраниях практически всех рассматриваемых регионов, что иллюстрирует высокий уровень интеграции корейцев в принимающее сибирское общество. Можно сделать вывод, что адаптационные процессы первых корейских поселенцев с успехом перешли на уровень интеграции в принимающем обществе.

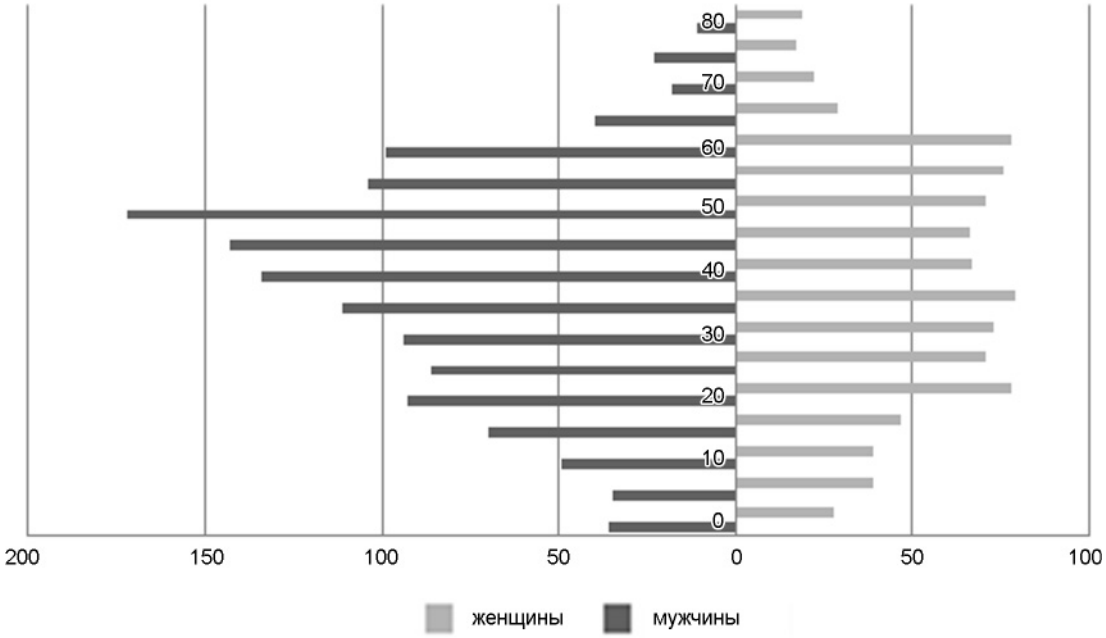


Рис. 5. Половозрастная пирамида корейцев СФО на 2010 г., чел.
(по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.).

Таким образом, формирование корейского сообщества в Сибири произошло под влиянием активных миграционных процессов второй половины XX в. Можно проследить связь миграционной активности с социальной мобильностью корейцев. Переезд в крупные города Сибири с целью повышения образования послужил платформой для повышения социального статуса корейского сообщества в целом. В Сибири современное корейское сообщество преимущественно представлено городским населением с высоким уровнем образования. Присутствие корейцев во властных структурах региона свидетельствует об их глубокой интеграции в российское и сибирское общество.

Список литературы

Баталина Т.С., Волков А.Г. Возрастная пирамида // Демографический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – С. 65–67.

Богоявленский Д.Д. Перепись 2010: этнический срез // [Электронный ресурс]: Фонд исторической перспективы. 2013. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/demo/perepis_2010_etnicheskij_srez_2013-04-28.htm

Итоги Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // [Электронный ресурс]: Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1

Итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. // [Электронный ресурс]: Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php

Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. // [Электронный ресурс]: Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: СССР: сводный том. – М.: Госстатиздат, 1962. – 284 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1989. – Т. 4: Национальный состав населения СССР, ч. 1: Распределение населения СССР, союзных республик и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку, кн. 2. – 478 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. // [Электронный ресурс]: Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // [Электронный ресурс]: Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1

Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Госстатиздат, 1991. – Ч. 1: Численность населения, пол, возраст, национальности, состояние в браке, уровень образования. – 209 с.

Национальный состав населения Новосибирской области (итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.). – Новосибирск: Территор. орган Фед. службы гос. статистики по Новосиб. обл., 2012. – 99 с.

УДК 394.014

Е.А. Коптяева

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ekaterinakoptyaeva@ymail.com

ЭТНИЧНОСТЬ И СОСЕДСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА ОМСКА (по материалам полевых исследований 2014 года)

Автором статьи предпринята попытка выявить возможную связь этнических и социальных установок у населения г. Омска. На основе полевых материалов анализируется взаимосвязь этнических стереотипов, свойственных рассматриваемой категории населения, и представлений об идеальных соседских отношениях. Предполагается проследить зависимость наличия или отсутствия внимания к вопросам национальной принадлежности потенциальных соседей от этнических установок, существующих в обществе.

Ключевые слова: *этнические стереотипы, межэтнические отношения, соседство, молодежь.*

This article is an effort to detect the possible linkage of ethnic and social attitudes among the population of the city of Omsk. The main goal of the study is to track interrelation between the ethnic stereotypes which are peculiar to the concerned category of the population and an image of an "ideal neighbor". Author uses to track interrelation between phenomena of existence/absence of attention to a nationality of potential neighbors and the ethnic attitude, which is prevailed in concerned society. This idea is associted with notion that image of an "ideal neighbor" often can reflect the ethnic stereotypes.

Keywords: *interethnic representations, ethnic stereotypes, neighbourship, youth.*

Добрососедские отношения – один из важных аспектов современной жизни. Конечно, не стоит исключать влияния на отношения между соседями личностных факторов, но в целом представления об «идеальном соседе» зачастую отражают имеющиеся в обществе социальные установки, в т.ч. этнические стереотипы.

В 2014 г. нами проводились исследования среди населения г. Омска. В качестве основных методов использовались анкетирование и интервьюирование. Для статьи проанализированы ответы молодежи (17–23 года) – учеников старших классов средних общеобразовательных школ и студентов высших учебных заведений (Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омской государственной медицинской академии, Омского медицинского колледжа). Собранные данные позволяют рассмотреть картину типичных межнациональных отношений, наиболее распространенных в указанной возрастной группе.

Акцент на молодежную возрастную группу сделан по ряду причин. Старшие школьники и студенты находятся на этапе формирования собственного взгляда на мир, в т.ч. собственных этнических установок. В этом возрасте люди в определенной степени склонны ориентироваться на социальную группу, к которой принадлежат. «В процессе социализации под воздействием семьи, школы, малых групп, средств массовых коммуникаций и т.п. у индивида вырабатываются социально-профессиональные ориентации, склонности и установки» [Чередниченко, 2004, с. 41]. Однако позиция молодежи отражает и установки родителей, учителей и других авторитетных для них людей. Соответственно, изучение этнических установок молодежи дает возможность выявить бытующие в обществе стереотипы, т.к. «младшие возрастные группы отличает в большей мере, чем зрелых людей, черно-белое восприятие действительности» [Сикевич, 1996, с. 119]. Таким образом, молодые люди выражают социальные стереотипы с меньшей осторожностью и оглядкой на политкорректность, которые свойственны представителям более зрелого возраста.

При проведении исследования использован специально разработанный нами вопросник. В данной работе приводятся ответы информантов на вопрос относительно их потенциальных соседей: «Если бы у Вас была возможность выбирать себе соседей, представителей какой национальности вы бы выбрали? Почему?». Собранные

данные были разделены на две группы, согласно гендерной принадлежности респондентов. Этническая принадлежность не рассматривалась, т.к. внимание акцентировалось на представлениях об «идеальном соседе», свойственных городской молодежи в целом. Полученные ответы разделены на категорий соответственно содержанию: «Этническая принадлежность соседей не имеет значения», «Среди соседей предпочтительны представители только своей национальности», «Имеются предпочтения в этнической принадлежности соседей».

Ответы *мужской группы* характеризуются высокой степенью равнодушия к национальности предполагаемых соседей. Часто встречались ответы: «Все равно», «Без разницы», «Люди» (45 % опрошенных мужчин). На втором месте ответ «Среди соседей предпочтительны представители только своей национальности» (около 33 %). Встречались респонденты с определенными предпочтениями национальности потенциальных соседей (22 %). В качестве наиболее желаемых соседей указаны: грузины (около 40 %), армяне (10 %), представители «славянской народности» (50 %). Из уточнений к ответам можно сделать вывод, что под «славянской народностью» подразумевались украинцы, белорусы и русские.

В отличие от мужчин, *женская группа* оказалась более щепетильна в данном вопросе. Не считают этническую принадлежность соседей сколько-нибудь важным фактором 29 % опрошенных женщин. Предпочли бы видеть среди соседей представителей собственной национальности 21 % респондентов. Половине женщин не безразлична этническая принадлежность потенциальных соседей. Причем, если мужские ответы в данной категории представляют монолитный блок информации, то женщины указали большое количество вариантов желательных и нежелательных соседей. Стоит отметить, что женщины чаще указывали не только желательную национальность, но и аргументы, обусловившие тот или иной выбор. Респонденты, указавшие среди желаемых соседей немцев, аргументировали свой выбор так: «аккуратные», «можно доверить ключи и не волноваться», «не лезут в жизнь соседей». Украинцы названы среди желательных соседей, т.к. они «веселые», «у нас с ними обычаи одинаковые». Русские соседи названы «всегда радушными».

Многие женщины (43 %) среди наиболее желательных соседей назвали представителей народов Кавказа. Однако некоторые респонденты (4 %), наоборот, указали, что их устроили бы любые соседи, кроме выходцев с Кавказа. По-видимому, в данном случае сработали два стереотипа, связанные с кавказскими народностями. Один их них – гостеприимство и радушие представителей данных народностей. Можно предположить, что этот фактор обусловил популярность кавказских народов как потенциальных соседей у представителей обоих полов. Другой стереотип касается некоторой невоспитанности и излишней любвеобильности представителей данных этносов. Возможно, именно поэтому нежелание видеть их в соседях характерно именно для девушек.

Возвращаясь к анализу женских ответов о желаемых соседях, стоит отметить, что вторыми по популярности оказались немцы (29 %). В качестве аргументов «за» были приведены такие характеристики: «чистоплотность», «доброжелательность», «невмешательство в жизнь соседей». Также среди желаемых соседей указаны украинцы (14 %): «добрые», «радушные», «близкие по ментальности», «у них похожие обычаи». Другой национальностью, желательной для соседства, стали казахи. Подобный выбор аргументирован следующими вариантами: «восточное гостеприимство», «давно живем по соседству».

На наш взгляд, соотношение представлений о людях определенной национальности и идеальных соседях характеризует уровень межэтнических отношений. При доброжелательных или нейтральных межнациональных отношениях вопросам национальной принадлежности соседей будет уделяться минимум внимания, с указанием «желательной» национальности. Наличие предубеждений относительно представителей той или иной национальности среди соседей маркирует межэтническую напряженность.

Сравнение показателей обеих групп показало, что мужчины более терпимы и неприхотливы в вопросах соседства (выделили только две группы). Женщины тщательнее подошли к вопросу о выборе соседей.

Рассмотрим полученные данные в совокупности. 39 % респондентов указали, что совсем не против представителей других (но определенных) национальностей среди соседей. Для 35 % опрошенных этническая принадлежность соседей не является значимой. 26 % указали, что среди соседей хотели бы видеть представителей только своей национальности. Таким образом, для молодежи г. Омска характерны невысокие показатели межэтнической напряженности.

Список литературы

Сикевич В.З. Русские: «образ» народа (социологический очерк). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 152 с.

Чередниченко Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования). – СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. – 504 с.

УДК 294.3+930.85

В.В. Лыгденова[1, 3], О.Б. Дашинамжилов[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт истории СО РАН
[3]Новосибирский государственный университет
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ И РАЗВИТИЕ БУДДИЙСКОЙ ЦЕРКВИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990-е – начало 2000-х годов)*

Статья посвящена развитию буддийской церкви в постсоветский период. Показаны особенности формирования новой системы взаимоотношений между различными частями буддийской церкви. Проведен детальный анализ основных проблем, с которыми буддийская церковь столкнулась в 1990-е гг.: разногласия между членами буддийской организационной структуры, недостаточная проработанность правовой базы, отсутствие квалифицированных кадров, противоречия во взглядах на реформы между разными поколениями на уровне управления. Проводятся параллели в политике буддийской Сангхи и правительства Российской Федерации.

Ключевые слова: *история буддизма в России, буддийская церковь, Бурятия, «перестройка», политика буддийской церкви, история религии, возрождение буддизма.*

The article is devoted to development of Buddhist church in Post-Soviet period. Research is prented the peculiarities of a new system of evolution of the relationship between structural parts of the Buddhist church. Detailed analysis detected the main problems that the Buddhist church was faced with in 1990-s: disagreements between members of Buddhist organizational structure, gaps in the law system, lack of qualitative personnel, contradictions in the view on reformations between different generations on the level of management. As a result the parallels was drawn between the politics of Buddhist Traditional Sangha of Russia and the Russian Federation government. It is concluded that Buddhist Sangha was supported by the government in response to positive arrangement developed by the leader of the Buddhist Traditional Sangha of Russia Damba Ayusheev.

Keywords: *history of Buddhism in Russia, Buddhist church, Republic of Buryatia, “Perestroyka”, Buddhist church politics, history of religion, Buddhism renaissance.*

Начавшаяся в стране во второй половине 1980-х гг. «перестройка» изменила положение буддийской конфессии в Республике Бурятия. Важнейшим событием стало принятие в 1990 г. союзного закона «О свободе совести и религиозных организациях», целью которого было сведение к минимуму государственного контроля над религиозными объединениями. Закон 1990 г. полностью признал право на религиозную деятельность без предшествующей регистрации. Был введен запрет на организацию специальных учреждений для наблюдения за деятельностью религиозных объединений [Фурман, Каариайнен, 2000, с. 144]. Результатом стало возникновение на территории постсоветской России большого количества религиозных общин, в т.ч. нескольких десятков буддийских.

Институциональные преобразования в начале 1990-х гг. поставили буддийскую Сангху России в непростое положение. Сложившиеся условия требовали реформы административного аппарата церкви, выработки стратегии развития в новых условиях, другой формулы взаимоотношений с республиканской и федеральной властью, с зарубежными буддистами. Новым дацанам остро не хватало квалифицированных священнослужителей. В начале 1991 г. при Иволгинском дацане была открыта буддийская школа, которую позднее преобразовали в институт «Даши Чойнхорлин». Еще один буддийский институт открыли при Агинском дацане [Дамдинжапова, 1999, с. 6].

В 1990-х гг. стали явными острые противоречия в Центральном духовном управлении буд-

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

дистов (ЦДУБ). Рост разногласий был вызван рядом причин.

1. В советское время буддистов СССР (Бурятии, Тувы, Калмыкии) усилиями советского руководства объединили в одну организационную структуру. С распадом союзного государства из состава ЦДУБ вышли организации Тувы и Калмыкии (ПМА-2005, интервью с председателем ЦРБО «Майдар» Ф.С. Самаевым, 18 февраля). С выходом в 1990 г. закона «О свободе совести и религиозных организациях» и исчезновением контроля со стороны партийно-государственного аппарата необходимость в сохранении единства отпала. Кроме того, выходу общин из состава ЦДУБ способствовало то, что некоторые региональные лидеры стремились поставить под контроль «свои» структуры буддистов, следовательно, не были заинтересованы в сохранении единой религиозной организации.

2. Возникло много независимых дацанов и общин, а священнослужители были не только из Бурятии, но и из Монголии, Китая, Индии. Недостаточная проработанность правовой базы функционирования буддийской Сангхи в новых условиях породила немало разногласий с независимыми религиозными деятелями и организациями (ПМА-2005, интервью с председателем ЦРБО «Майдар» Ф.С. Самаевым, 18 февраля).

3. Изменение положения церкви в обществе совпало с уходом старого поколения лам, получивших образование еще до начала гонений на буддийскую церковь в 1930-е гг. В начале 1990-х гг. не было признанного всеми авторитетного священнослужителя, который мог бы взять руководство делами Сангхи России [Базаров, 1998, с. 3].

4. Противоречия во взглядах на дальнейшие пути развития церкви возникли уже внутри нее, между разными поколениями священнослужителей. В этот переломный период появилось много служителей культа, недостаточно ясно понимавших существующие проблемы, задачи и стратегию дальнейшего развития Сангхи, что способствовало кадровой чехарде и перестановкам (ПМА-2005, интервью с руководителем Сангхи России хамбо-ламой Д. Аюшеевым, 14 марта).

В первой половине 1990-х гг. сменилось несколько Хамбо-лам. В 1995 г. был избран ныне действующий Бандидо Хамбо-лама Дамба Аюшеев. Старый устав ЦДУБ, существовавший около 50 лет, не соответствовал новым реалиям, и его в 1996 г. заменили новым. Центральное духовное управление буддистов переименовали в Буддийскую традиционную Сангху России (БТСР). В состав обновленной Сангхи вошли около 20 дацанов Бурятии и буддийских общин России. Религиозные организации Тувы и Калмыкии в новую структуру не были включены [Бадмаринчинов, 1996, с. 4].

Руководство Сангхи России на следующих этапах развития основной задачей считало возрождение сильной церковной организации, объединяющей всех буддистов традиции *гелугпа* на территории Бурятии. При этом упор делался на установление позитивных отношений с федеральным центром. Д. Аюшеев считает, что именно буддийская церковь должна встать во главе возрождения бурятского этноса, его духовности и культуры (ПМА-2005, интервью с руководителем Сангхи России хамбо-ламой Д. Аюшеевым, 14 марта).

Международная деятельность традиционно была важной составляющей функционирования Сангхи. Советские руководители использовали авторитет буддизма в странах Азии для решения внешнеполитических задач. С 1956 г. Сангха СССР участвует во всех конференциях Всемирного братства буддистов (ВББ) – крупнейшей буддийской международной организации. Буддисты СССР неизменно выступали против войны во Вьетнаме, призывали «решительно выступить за полное запрещение ядерных испытаний, за запрещение и уничтожение всего ядерного оружия, за всеобщее и полное разоружение, за мирное сосуществование государств с различным социальным строем» [Из истории…, 2001, с. 204]. Они боролись с представителями правого, проамериканского крыла ВББ, которые считали, что подобные проблемы не должны рассматриваться, т.к. носят политический характер.

Руководство СССР небезосновательно считало, что ВББ стоит в стороне от обсуждения проблем, связанных с разоружением и войной во Вьетнаме. Это было связано с интересами внешней политики США. В 1966 г. на VIII Генеральной конференции этой организации усилиями правого руководства принято решение о запрещении ВВБ прямо или косвенно вмешиваться в политические дела.

В ответ левое крыло, поддерживаемое Советским Союзом, организовало в 1970 в г. Улан-Баторе Азиатскую буддийскую конференцию за мир (АБКМ). Основной целью организации стала координация действий буддистов в борьбе за мир, разоружение и нераспространение ядерного оружия. ЦДУБ СССР в Иволгинском дацане стало одним из центров АБКМ. Основные задачи организации были изложены в резолюции VII Генеральной конференции, проходившей в августе 1982 г. в г. Улан-Баторе: принимать активное участие в мероприятиях, предпринимаемых ООН, ЮНЕСКО и др. организациями, по обеспечению мира, дружбы и разоружения, выступать против

агрессивных действий Израиля по отношению к Ливану и Палестине. Представители АБКМ принимали участие в международных конференциях, круглых столах [Брянский, 1986, с. 74].

После распада СССР проблемы внешней политики отошли на второй план. В связи с этим зарубежная деятельность буддистов значительно сократилась. Одна из первых попыток оживить конференцию приходится на 1996 г. В японском г. Токио 24–28 мая того года состоялось рабочее заседание организации. Российскую делегацию возглавил Хамбо-лама Д. Аюшеев [Дондоков, 1996, с. 2].

Летом 1997 г. в г. Улан-Удэ прошло заседание Исполнительного совета АБКМ, на котором решено провести в июле 1998 г. IX Генеральную конференцию под девизом: «Духовное развитие делает мир устойчивым». Она прошла с 7 по 11 сентября 1998 г. в г. Улан-Баторе. На конференции присутствовал 121 делегат из большинства стран, где буддизм играл значительную роль в общественной жизни. Приехали гости из буддийских организаций России, Сингапура и Тайваня, а также делегация Буддистской ассоциации Китая (БАК), которая в заседаниях участия не принимала. В выступлении, которое было распространено, но не озвучено, делегация БАК выдвинула два условия своего вступления в АБКМ: 1) переименование Тайваньского национального центра АБКМ в Китайский тайваньский центр; 2) исключение Департамента по делам религии и культуры правительства Далай-ламы XIV из состава членов АБКМ. Секретариат и Исполнительный совет АБКМ не рассматривал вопрос о вступлении БАК в состав организации, т.к. заявление об их вступлении в АБКМ не поступило (ПМА-2005, из личного архива пресс-секретаря Буддийской традиционной Сангхи России Б. Дондокова). На X Генеральной конференции, прошедшей в г. Вьентьяне (Лаос) с 18 по 22 февраля 2003 г., были приняты документы, осуждающие международный терроризм, а также одностороннее нарушение устава ООН со стороны США по развязыванию войны в Ираке.

Одной из главных задач, которая на данном этапе стоит перед руководством буддийской Сангхи, является решение вопроса о визите Его Святейшества Далай-ламы XIV в Россию. На организацию приезда лидера буддистов значительное влияние оказывают взаимоотношения России и Китая. Китайское правительство рассматривает Далай-ламу как сепаратиста и весьма болезненно относятся к тому, что его где-то принимают официально. Для российских властей Китай является важным стратегическим партнером, крупнейшим импортером российского вооружения. Китайские власти заключают с Россией контракты на поставку различного оружия [Бадмаев, 2001, с. 3]. Китай – возможный крупный потребитель российской нефти и газа. По мнению руководства БТСР, в данном случае требуется гибкий подход, дипломатический такт и выбор момента. Бандидо хамбо-лама готов начать организацию встречи, но при условии согласия МИД России.

Таким образом, буддийская церковь Бурятии с начала 1990-х гг. претерпела значительную трансформацию. Сангха в XXI в. продолжила процесс консолидации, а в БТСР вошли прежде самостоятельные буддийские общины Бурятии и России. Руководство БТСР твердо позиционирует себя в качестве сторонника проводимой российским правительством внешней и внутренней политики. В целом, буддийская церковь Бурятии приобрела значительный вес в религиозном и политическом плане.

Список литературы

Брянский М.Г. Атеизм и религия в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – 79 с.

Бадмаев Т. Б. Далай-лама не приедет? // Информ-Полис. – Улан-Удэ, 2002. – № 8. – С. 3.

Бадмаринчинов Н.Д. Принят новый устав буддистов России // Буддизм: информ. бюл. – 1996. – № 3. – С. 4.

Базаров Б. В. Буддизм в Бурятии: «Болезнь роста»? // Правда Бурятии. – 1998. – № 6. – С. 3.

Дамдинжапова О.М. Тибет в Агинских степях // Правда Бурятии. – 1999. – № 2. – С. 6.

Дондоков Б.Д. Заседание Азиатской буддийской конференции за мир // Буддизм: информ. бюл. – 1996. – № 2. – С. 2.

Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX в.: сб. док. – Улан-Удэ: Нац. архив Респ. Бурятия. – 2001. – 260 с.

Фурман Д.Е., Каариайнен К. Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России. – СПб.; М.: Летний сад, 2000. – 248 с.

УДК 39+930.85

Г.В. Любимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: terra-gl@mail.ru

АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ: РОССИЙСКИЙ И КОРЕЙСКО-КИТАЙСКИЙ ОПЫТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ*

В статье на основе архивных и опубликованных данных рассматриваются особенности систем земледелия, сложившихся у разных групп сельского населения Нижнего Приамурья в ходе аграрной колонизации края во второй половине XIX – начале XX в. Предпринято сопоставление российской и корейско-китайской традиций обработки и возделывания земли. Освещены результаты дискуссии о сравнительных преимуществах казачьей и крестьянской колонизации. Выявлены характерные черты старожильческого и переселенческого хозяйств.

Ключевые слова: *Нижнее Приамурье, аграрная колонизация, системы земледелия, казаки, переселенцы, зазейские маньчжуры.*

On the basis of archival and published data the article is discussed the features of farming systems appeared among different groups of the rural population in the Lower Amur region in the course of agrarian colonization in the second half of XIX – early XX centuries. The author undertakes a comparison of the Russian and Korean-Chinese traditions of processing and cultivation of land, highlights the results of the discussion on the relative merits of the Cossack and peasant colonization, revealed the characteristic features of the old residents and later settlers economy.

Keywords: *Lower Amur, agrarian colonization, Russian and Korean-Chinese farming systems.*

Включение левобережной части Амура в состав России положило начало массовому земледельческому освоению края. Уже к началу 1860-х гг. в результате переселения забайкальских казаков и нижних гарнизонных чинов из внутренних губерний в Приамурье было основано около сотни станиц и поселков. Свою историческую роль амурское казачество видело в том, чтобы служить «верным проводником русских государственных начал на далеких окраинах Империи» (ХКА. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 17 об.). Подтверждением распространенного мнения о том, что «казаки на Амуре не склонны к земледелию» [Приамурье…, 1909, с. 351–352], явились широко представленные в казачьей среде неземледельческие промыслы («посторонние заработки»). Сами казаки, как следует, например, из общественного приговора казачьего схода об отводе дополнительного надела земли Хорскому поселку Уссурийского казачьего войска (от 17.03.1907), не рассматривали частные заработки (рыбную ловлю, рубку леса и пр.) как постоянные, рассчитывая *«со временем… возвратиться к земледелию»*. Несмотря на трудности возделывания имеющейся у них земли *«вследствие далекого протяжения и непроходимости болотных мест»*, а также *«изобилия сильного гнуса»*, они просили наделить их *«участком по правую сторону р. Хор… у медовой сопки»*, без которого *«жизнь в поселке совершенно невозможна»* (ХКА. Ф. И-286. Оп. 1. Д. 8. Л. 9).

Колонизация Приамурья, как констатировали члены Комитета по заселению Дальнего Востока в январе 1910 г., «затруднена гористым рельефом, распространением заболоченных пространств и девственных лесов, требующих от новоселов упорного труда по их раскорчевке» (ХКА. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 об.). Несметное количество комаров, мошек и слепней «в состоянии привести в отчаяние степняка-переселенца». Бывали случаи, согласно автору публикации в газете «Приамурские ведомости», когда «переселенцы снимались с места и возвращались в Россию, откуда их выгнала нужда». Зато казаки-старожилы сложили по этому поводу песню: *«Обтерпелись мы в тайге и живем не тужим, на далеком рубеже царю верой служим!»* (13.08.1903).

Вместе с тем, публичная дискуссия рубежа XIX–XX вв. о «сравнительных преимуществах

*Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

казачьей и крестьянской колонизации», в ходе которой проведено экономическое обследование 259 казачьих и крестьянских поселков края, завершилась однозначным выводом: «…крестьяне по сравнению с казаками являются более исправными и сильными хозяевами». Таким образом, вопрос «Могут ли крестьяне по трудолюбию и хозяйственным навыкам служить поучительным для казаков примером в хлебопашестве» был разрешен в пользу крестьян. Решающие аргументы касались не только хозяйственной, но и социальной сферы. «Возможность выдела и укрепления земли в личную собственность дает крестьянам больше перспектив для развития хозяйства», чем «общинный строй войскового поселения», который «не позволяет рассчитывать на… значительный прогресс сельскохозяйственной культуры у казаков» (ХКА. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 17 об., 20).

Относительные успехи крестьянской колонизации были достигнуты, скорее, не «благодаря», а «вопреки» деятельности властей. Ссылаясь на то, что «наплыв представителей желтой расы находится в полном противоречии с задачами обороны края», а также на необходимость подготовки земледельческой базы для армии, правительство взяло курс на «плотное заселение» порубежной территории «русскими людьми в кратчайший срок» (ХКА. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 16, 18). Из двух областей – Амурской и Приморской – первая «росла медленно, но упорно развивая свои силы», вторая «строилась давлением извне, механическими толчками, благодаря политическим и ведомственным соображениям». В итоге, как пишут авторы исследования «Приамурье: факты, цифры, наблюдения», «необходимый правительству русский хлеб» дает не Уссурийский край, а поставляют «пасынки правительства» – переселенцы Амурской области [Приамурье…, 1909, с. 720–722]. «Поучительный вывод» из данного опыта, по мнению земских авторов, заключается в том, что «колонии создаются не повелениями начальства... а свободной деятельностью живых людей» и «собственной инициативой переселенцев». Лучшим доказательством этому служат хозяйственность, энергия и «усердие к водворению на новом месте», отличающая «своекоштных» поселенцев от тех, кто прибыл казенный счет [Приамурье…, 1909, с. 84, 128–129, 169].

С 1905 г. переселенческое дело в России было сосредоточено в руках Главного управления землеустройства и земледелия. В 1906–1917 гг. заселение и освоение Приамурья осуществлялось преимущественно за счет выходцев из средней и южной полосы России, представленных в основном русским и украинским крестьянством. Однако назначив крестьянам «выполнять государственную задачу в суровых и мрачных низовьях Амура», начальство «упустило», что переселенцы происходят из различных местностей: жителей степных пространств и лесной полосы поселили в лесной таежной местности Приамурья [Приамурье…, 1909, с. 101–102]. Так, в донесении землемера Гр. Смирнова сообщалось, что он *«закончил работы по распланированию деревни Каменец Подольской на участки»*. Расположенная среди крупного смешанного леса деревня была разбита на каменистой подпочве низкого и сырого берега протоки. Протекающие по участку ручьи летом пересыхали, поэтому *«воду… можно добыть лишь из глубоких колодцев»*. Всего было нарезано 87 усадеб, из которых сразу заселили 72. *«На случай прибытия новой партии новоселов»* дополнительно было *«прирезано* (еще) *три просека»* (ХКА. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 2 об.). Не удивительно, что, ознакомившись с условиями водворения, часть потенциальных мигрантов предпочла отказаться от переселения. В отказной записи одного из несостоявшихся переселенцев говорилось, что *«нижеподписавшийся крестьянин с. Кислицкого… Ямпольского уезда Подольской губернии Василий Федоров Мартынюк»*, переуступает свою землю *«крестьянину с. Отченашевки… Карпу Григорьеву Герману»*. Последнему, таким образом, переходил записанный в 4-ом Хорском участке Киинской волости Хабаровского уезда надел *«в количестве шести долей»* (ХКА. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 4).

Разработка новых участков требовала от новоселов немалых трудов. После неизбежных палов и корчевания поселенцы приступали к борьбе с кустарником. «На такую пашню крестьяне собираются и вооружаются, как… в поход на лютого врага» [Приамурье…, 1909, с. 410–411]. За редким исключением, в русских хозяйствах Приамурья преобладала залежная система, когда пахотная земля засевалась несколько лет подряд, пока давала удовлетворительные урожаи. Затем для восстановления плодородия ее бросали «в залежь», а под пашни занимали новые участки целины или отдохнувшей несколько лет залежи. По мере увеличения «густоты населения» и уменьшения «земельного простора» на смену экстенсивным системам земледелия пришли интенсивные. Сокращение сроков залежи вынудило крестьян «прибегать к пару» и, в конце концов, переходить к трехпольной системе полеводства [Приамурье…, 1909, с. 385–386]. По контрасту с «примитивным хозяйством» русского новосела, основанным на «беспорядочной переложной системе», «цветущее состояние» хозяйства амурских духоборов, молокан и староверов-семейских выделялись зажиточностью и применением машин.

Однако истинную причину успеха молокан – «этих российских американцев» – исследователи связывают с пребыванием на территории «дешевых и добросовестных» работников – «зазейских маньчжур» [Приамурье…, 1909, с. 81, 110, 361 и др.].

Во времена походов русских землепроходцев маньчжуры, известные как *дючеры*, занимались хлебопашеством по берегам Амура, в районе впадения в него р. Зеи [Золотухин, 2013, с. 30–31]. К началу XX в. зазейские маньчжуры занимали около 100 тыс. дес. земли и вели «образцовое земледельческое хозяйство», но в связи с политическими событиями в Китае в 1900 г. были выселены за р. Амур. Местная администрация, охотно принимавшая в край корейцев и китайцев, которых гнали с родины «неурожаи, малоземелье и поборы чиновников», стала ограничивать их приток [Приамурье…, 1909, с. 88, 149–151].

«Несмотря на первобытность орудий» корейско-китайское полеводство, по оценке земских авторов, являлось одной из высших форм земледелия, особенность которого заключалась «в наиболее интенсивной эксплуатации надельных земель» при полном отсутствии залежей и пара. Наряду с зерновыми культурами (пшеницей, ярицей, овсом и пр.), характерными для русской земледельческой традиции, корейцы и китайцы возделывали растения, свойственные «исключительно культуре желтой расы» (бобы и просо – *чумизу* и пр.). Вся земля находилась у них под посевами, а восстановление плодородия достигалось удобрением, тщательной обработкой (напоминающей огородную) и плодосменом. Пашни удобряли навозом, а грядки постоянно сменялись междугрядьями. Интенсивность корейско-китайской системы достигалась за счет громадных затрат ручного труда при очень незначительных затратах капитала [Приамурье…, 1909, с. 400–403]. Так, при посеве главной культуры (чумизы) весной один рабочий слегка перепахивает подготовленное с осени поле. Одновременно с этим другой рабочий высевает из особой трубки семена. Третий закрывает их, ступая по обе стороны борозды и слегка сдавливая ее бока. Четвертый уплотняет борозду, идя по грядке «так, чтобы ступня одной ноги примыкала к ступне другой». Пятый старается ступать на стыки следов предшественника. Полка и пропашка повторяются за лето четыре раза. К сказанному следует добавить, что корейцы и китайцы обладают «изумительной нетребовательностью, терпением и выносливостью» [Приамурье…, 1909, с. 463]. Сложившуюся в крае ситуацию в сфере земледелия авторы-составители сводного труда характеризуют как «экономический парадокс». В то время как себестоимость русской и корейско-китайской продукции приблизительно одинакова, русское земледелие, требующее больших капиталовложений, «по политическим соображениям» всячески поощряется, а корейско-китайское – «еле терпится, урезается или попросту изгоняется».

Список литературы

Золотухин С.Ф. Древнее рыболовство в районе Хабаровска. – Хабаровск: Ковчег, 2013. – 128 с.

Приамурье: факты, цифры, наблюдения. – М.: Гор. тип., 1909. – 922 с.

УДК 391.9

А.Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: annmaini@gmail.com

ДОКУМЕНТЫ КОДИНСКОГО СВЯТО-ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ XVIII ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИЙ ЖИЛЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК*

В статье анализируются документы Кодинского Свято-Троицкого монастыря (XVIII в.) как источник для реконструкции различных построек. Планы восстановления в сибирских музеях под открытым небом первых острогов привели к необходимости научного обоснования воссоздания различных крепостных сооружений, включая жилые и хозяйственные постройки. Немалую роль в осуществлении достоверной реконструкции играют размеры планов построек. К редким архивным документам, где можно найти размеры разного вида жилых и хозяйственных построек, относятся поступные, доношения, указы, ведомости и описи Кодинского Свято-Троицкого монастыря.

Ключевые слова: *реконструкция зданий и сооружений XVIII в., монастырь, исторический источник, музеи под открытым небом.*

The first forts are planned to reconstruct in the Siberian open-air museums. It determined the necessity to give scientific credence a reconstitution of various building inside forts, including residential and household building. The sizes of building plans play a major role in the actualization of authentic reconstruction. The rare documents contain the information on the dimensions of the buildings. It is decrees, statements and inventory of Kodinsk Holy Trinity Monastery of the XVIII century, deposited in the archives.

Keywords: *reconstruction of buildings of the 17–18 century, a monastery, a historical source, open-air museums.*

Обращение к наследию прошлого приобрело в настоящее время неожиданный ракурс – практический. Особенно часто реконструируются здания и сооружения периода раннего освоения Сибири. В сибирских музеях под открытым небом реализуют проекты по восстановлению крепостей и острогов в виде макетов в натуральную величину. Исполнители таких проектов сталкиваются с необходимостью обеспечения исторической достоверности, что приводит к поискам аналогов, которые ныне уже не существуют. В этом случае значимыми становятся археологические сведения и письменные источники. Подробные описания крепостных сооружений (башен, стен) известны по многочисленным отпискам, отправленным в Сибирский приказ в качестве инвентаризационной описи для получения денег на ремонт. Другие же здания, как правило, лишь упоминаются. Для восстановления одного названия мало, нужны сведения о размерах и материале изготовления. С материалом обычно проблем не возникает: как правило, все здания выполнялись в срубной технике из леса хвойных пород. Размеры можно установить лишь приблизительно, исходя из планов крепости и аналогов.

Рассмотрим с точки зрения выявления размеров и внешнего вида сооружений XVII–XVIII вв. такой письменных источников, как документы Кодинского Свято-Троицкого монастыря. Они отложились в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области и опубликованных отдельным изданием [Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь…, 2005]. Описание особенностей самого монастыря и общая характеристика состава документов, созданных в XVIII в., довольно обстоятельны [Там же, с. 5–25].

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Остановимся на конкретных документах – поступных, доношениях, указах, ведомостях и описях. В тексте все даты даны по новому стилю, размеры в метрической системе округлены до целых значений, а в ряде случаев – до десятых долей. В измерениях источника сажени и значения в 3 аршина, но нет уточнений, какая сажень взята за основу. Именно поэтому для перевода в метрическую систему использовано значение четырехаршинной сажени (284,48 см), что практически равно городовой сажени (284,8 см).

В поступной, данной «Еленой Митрофановой дочерью вдовой Леонтьевской женой Пушкаревой з дочерью своей Настасьею Леонтьевою» о продаже принадлежавших им в г. Тобольске «дворового места» и «хоромов» Кодинскому монастырю в 1741 г. [Там же, с. 216], указано, что продается земля с жилой постройкой «…мерою… длиннику девять сажен с аршином, а поперечнику две сажени з двумя аршины». Площадка имела длину 26 м и ширину 7 м. На ней располагалась трехчастная постройка: «…на дворе хором – изба, а против избы – клеть, а меж избою и клетью сени». Эта постройка занимала лишь часть площадки, что сразу дает порядок цифр размеров – меньше 26 метров в длину и 7 м в ширину. В ведомостях имеющегося в Кодинском монастыре «всякого монастырского строения, денежной казны, разных вещей, хлебных припасов и скота» 1763 г. [Там же, с. 223–241] указан полный перечень сооружений: «…около монастыря ограда древянная, в столбах заплотом забранная, четверы ворота; внутрь ограды строения древянного келей и кладовых анбаров…, келии настоятельские… о дву партаментах (этажах. – *А.М.*), а в них покоев седьм, двои сени и два кладовых чюлана. Подле тех келей холодный покой с сеньми и кладовым чюланом. Келия иеромонашеская…, в ней забранных из досок чюланов четыре, сени. В сенях забранных чюланов из досок же четыре. Келия монашеская с сеньми…, в ней покоев: кладовой чюлан и в сенях два чюлана ж. Келия больничная… Две келии строения нового. Обиход (бытовые и хозяйственные постройки. – *А.М.*), в нем строений шесть. Между ними поварня. Трои сени и два кладовых чюлана. Хлебня для печения хлебов строения новаго с сеньми и два кладовых чюлана. Келия казенная ветхая, в ней покоев четыре. Анбар кладовой о дву портаментах. Погребов ветхих два. Сараи для корму лошадей овсом ветхие. Анбарцов небольших четыре. Баня братская с сеньми ветхая» [Там же, с. 223–224]. Описание дает представление о застройке территории монастыря жилыми и хозяйственными постройками различного назначения, по типу и назначению совпадающими с обычными городскими зданиями. Пожалуй, лишь название «келия» выдает принадлежность к монастырской бытности, в светской части городов их бы назвали избами, палатами или комнатами.

В этих же документах есть сведения о количестве запасов и строительного материала, а также некоторые размеры: «Бревен новых мерою четырех и трех сажен, в отрубе 9, 7 и 4 вершков на дворовое монастырское строение – 400, …оследнику (строевого леса. – *А.М.*) мерою 5 сажен – 50, …с четырех барок брусового и бокового лесу» [Там же, с. 241]. Можно сделать следующий вывод: в основном, на строительство использовали бревна несколько больше шести и восьми метров, диаметром приблизительно в 40, 31 и 18 см. Реже требовался высококачественный большеразмерный лес длиной около десяти с половиной метров. Не гнушались использовать и детали старых судов. Можно предположить, что размеры срубов тоже укладывались в указанные рамки, а принцип их стыковки, известный со времен Древней Руси, позволял возводить сооружения различной протяженности.

Очень информативны относящиеся к 1763 г. описания монастыря, где кроме перечисления построек указаны их размеры. Так, из них узнаем, что вокруг подворья, т.е. земли со строениями, принадлежавшей монастырю, находилась ограда в виде заплота с двумя воротами – 10 саженей 2 аршина 6 вершков в длину и 15 саженей 8 вершков в ширину [Там же, с. 259], что составляет 29 м в длину и 42 м в ширину.

Внутри ограды находилось «деревянное все строение»: «…келии о дву апартаментах» [Там же, с. 260]. Одна нижняя келья была жилой. Ее стены были обиты синими бумажными обоями (длина 6 саженей 2 аршина 10 вершков – 19 м, ширина 4 сажени 2 аршина 12 вершков – 13,5 м). Над этой кельей была такая же по размерам холодная келья (т.е. без отопления), с оштукатуренными по холсту стенами. С другой двухэтажной кельей их соединяли сени, имевшие в длину 1 сажень 4 вершка, т.е. 3 м. На первом этаже двухэтажной кельи находилась стряпчая (длина 4 сажени 12 вершков – 12 м, ширина 2 сажени 2 аршина 3 вершка – 7 м), на втором – жилая комната (длина 3 сажени 4 вершка – 8,6 м, ширина 2 сажени 2 аршина 3 вершка – 7 м) и холодная комната 3 сажени длиной (8,4 м) и 2 сажени 3 аршина 3 вершка шириной (7,8 м). Следовательно, верхний этаж несколько выступал над нижним. Вокруг келий находилась галерея 4 сажени 1 аршин 4 вершка длиной (12 м) и 3 сажени 4 вершка шириной (8,6 м).

Кроме того, на подворье были: 1) сарай для сена 4 сажени 2 аршина 8 вершков длиной (13 м)

и 2 сажени 1 аршин 4 вершка шириной (6,5 м); 2) погреб 4 сажени 1 аршин 2 вершка длиной (12 м) и 2 сажени 2 аршина 3 вершка шириной (7,1 м); 3) амбар 3 сажени длиной (8,4 м) и 2 сажени 2 аршина 3 вершка шириной (7,1 м).

Длина «деревянного строения» ограды монастыря составляла 276 саженей 3 аршина 12 вершков, т.е. 775,5 м. По правилам того времени в ограде находились святые и обычные проезжие ворота, а также были добавлены двое маленьких ворот. Предполагалось, что деревянную ограду заменит каменная из шестисот тысяч кирпичей и ста сажен бутового камня «серовика» [Там же, с. 261], т.е. около 1 тыс. м^3. Внутри ограды находились: церковь во имя Живоначальной Троицы, колокольня, несколько жилых и хозяйственных построек, огород «для сажения на братию капуст» (длина трех сторон 35 саженей – 98 м). Среди жилых построек были: 1) двухэтажная настоятельская келья 6 саженей 8 вершков длиной и 5 саженей шириной (17×14 м); 2) еще одна настоятельская келья с сенями и чуланчиком кладовым 2 сажени 1 аршин 10 вершков длиной и 2 сажени 1 аршин шириной (6,7×6,3 м); 3) казенная келья 11 саженей длиной и 5 саженей шириной (30,8×10,7 м); 4) три братские кельи: 7×6 саженей (19,6×16,8 м), 5 саженей 2 аршина 8 вершков × 4 сажени 2 аршина (15,7×12,6 м), 8×3 сажени (22,4×8,4 м). Все кельи имели сени.

Хозяйственные постройки включали: 1) хлебню (т.е. пекарню, где в монастырях выпекали и раздавали хлеб) с маленьким хлебным амбаром (9×4 сажени – 25,2×11,2 м); 2) келарию (кладовую), размещенную под одной крышей с братской кельей и поварней (10×8 сажени – 28,4×22,4 м); 3) летний погреб (4×4 сажени – 11,2×11,2 м); 4) конюшню (8×5 саженей – 22,4×14 м); 5) две хлебные житницы (5 саженей 1 аршин 8 вершков × × 3 сажени – 15×8,4 м; 6 саженей 1 аршин 8 вершков × 3 сажени – 16,8×8,4 м); 6) амбары для хранения соли (3 сажени 8 вершков × 2 сажени – 8,8×5,6 м); 7) кладовые амбары (3 сажени 1 аршин × 3 сажени – 9,1×8,4 м); 8) баню для монастырских служек (4×3 сажени – 11,2×8,4 м); 9) больницу (3 сажени 1 аршин 12 вершков × 3 сажени – 9,6×8,4 м).

Многие постройки помечены как «ветхие», т.е. они были построены задолго до составления документов. Для изучаемого периода характерна статичность деревянной архитектуры Сибири – окраины России, куда новые веяния доходили с запаздыванием. Исходя из этого, с некоторым допущением можно распространить данные, зафиксированные в XVIII в., на конец XVII в. В документах речь идет о монастырских постройках, но конструктивно они мало отличались от тех, что возводили в городах и острогах. При реконструкции можно пользоваться приведенными размерами реально существовавших зданий и сооружений. Однако пока неясно, касаются ли они измерений внешней стороны зданий, т.к. в XVII в. было принято к размерам внутренней части постройки добавлять размеры бревен в отрубе (т.е. 4, 6 или 9 вершков – приблизительно 18, 27, 40 см). Установить это можно, видимо, обратившись к данным археологических раскопок. Кроме того, анализ прочих архивных данных позволит набрать своего рода статистику и создаст возможность выбора между несколькими вариантами, а знание площади, занимаемой постройками, поможет уточнить вероятные размеры. Сведения, содержащиеся в документах Кодинского Свято-Троицкого монастыря, позволяют считать его ценным источником для реконструкции зданий и сооружений XVII–XVIII вв.

Список литературы

Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации: сб. док. – Томск: Изд-во Асиновское, 2005. – 354 с.

УДК 391.9

А.Ю. Майничева[1, 2], Е.И. Глухих[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: annmaini@gmail.com

ДОМОСТРОЕНИЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ В СРЕДНЕМ ПРИАНГАРЬЕ (новые результаты полевых исследований)*

В статье представлены результаты новых полевых исследований в области домостроения русских старожилов Среднего Приангарья. Выявлено преобладание усадеб замкнутого разделенного типа, домов-пятистенков с печным отоплением. Новое строительство практически не ведется. Отток населения и хорошая сохранность домов позволяют обеспечивать нуждающихся жилой площадью. Оживление строительства наблюдалось в 1970-е гг., при переносе жилищ и хозяйственных построек из зоны затопления Братского и Илимского водохранилищ. Оно показало преемственность основных строительных традиций в обустройстве усадеб и возведении жилищ, в строительной и домоохранительной обрядности.

Ключевые слова: *домостроение, усадьбы, жилище, русские старожилы, Среднее Приангарье, полевые исследования.*

The publication is considered the new research field results in the sphere of house building among Russian old-timers in the Middle Angara Region. The study showed a predominance of closed estates and five-walled houses with oven heating. New construction almost does not exist. Renewal of construction observed in the 1970s, when houses and outbuildings were moved away from flood zone of Ilim and Bratsk water-reservoirs. This process demonstrated the continuity of the basic building traditions in the settling estates, the construction of dwellings, the building rites in general.

Keywords: *building construction, estate, housing, Russian old-timers, Middle Angara Region, field research.*

Традиции домостроения остаются в ряду постоянных тем этнографии. Актуальность этого направления обусловлена не только интересом к народным знаниям и их оценкой с научной точки зрения, но и необходимостью рационального отношения людей к природе на различных уровнях, включая этнический. Долговременность проживания русских старожилов в Среднем Приангарье позволяет выявить характерные черты трансформации различных сфер культуры, в т.ч. домостроение. Исследование жилищ и усадеб русских в Среднем Приангарье проводилось в середине XX в. [Вагнер, 1956, с. 53–68; Глухих, Глушенко, 2014, с. 131–137; Лебедева, 1971, с. 78–95; Маковецкий, 1971, с. 11–120; Сабурова, 1967]. Затем после долгого перерыва оно было возобновлено специалистами ИАЭТ СО РАН (Сибирский этнографический отряд под рук. А.Ю. Майничевой) в связи со строительством каскада гидроэлектростанций и затоплением значительных территорий Братским и Илимским водохранилищами. По материалам полевых работ в Братском районе Иркутской области (д. Калтук, Дубынино и Кобляково) и написана данная статья.

В настоящее время в русских старожильческих поселениях Средего Приангарья новое строительство практически не ведется, за редким исключением (новые дома в д. Дубынино). Отток населения и хорошая сохранность домов позволяют обеспечивать нуждающихся жилой площадью. Оживление строительства наблюдалось в 1970-е гг., при переносе жилищ и хозяйственных построек из зоны затопления. Так, в с. Калтук много привозных домов. В д. Кобляково привозных домов нет.

Усадьба. Преобладают усадьбы замкнутого типа. Обычно усадьбы разделены на два двора – чистый и скотный. На чистом дворе располагаются

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

«зимовьюшка» – летняя кухня, «лопатной» амбар, мучной амбар с «амбарушкой» (небольшой хозяйственной пристройкой), а на скотном дворе – стайки для коров, сеновал, навесы или повети для хранения конской упряжи и рыболовных снастей. Хозяйственные постройки в усадьбе могут располагаться под одной крышей: амбар соединяли со стайками, навесами. Дворы в усадьбах раньше старались мостить. За пределами усадьбы располагались одноэтажные общественные амбары с двухскатной крышей, где размещались сусеки для хранения зерна. Такие амбары называли «мангазеями». Окна в них, как правило, были сделаны в виде небольших прорезей, чтобы «не зачахло» зерно.

Бани раньше выносили к реке, а позже стали ставить в усадьбе. В банях «по-черному» печи делали из камня («каменки»). С 1950-х гг. их стали класть из кирпича. Предбанник местные жители называли «перебарником».

Огород обычно располагался позади усадьбы. Однако в д. Дубынино Братского района обнаружен усадебный комплекс, в котором огород выходил на улицу наряду с домом и палисадником.

Жилище. Распространены пятистенные дома, а также четырехстенные с перегородками, к которым примыкали бревенчатые сени. Встречаются дома «на связи» – «два дома на одних сенях» или «дом на двух хозяев». Дома с двухскатной крышей называли «по-амбарному», а с четырехскатной – «круглые» или «по-круглому».

Плохим для дома считалось место, где земля проваливалась или проползали змеи. После выбора понравившегося места для постройки дома созывали помощь (местн. «помочь»), т.е. приглашали родственников и соседей в качестве помощников. По окончании работ всех угощали, накрывая богатый стол.

Лес на строительство жилища заготавливали весной. Деревья рубили «по соку». Считалось, если сокодвижение остановится («встанет»), то лес будет непригоден (д. Кобляково). По воспоминаниям некоторых старожилов, лес на строительство дома могли заготавливать зимой или осенью, выбирая ровные стволы. Местные жители знали определенные дни, когда можно было валить лес (с. Калтук). На фазы луны при заготовке леса не ориентировались. Говорили так: «Хороший лес сразу видать».

Оклад дома и стойки сооружали из лиственницы. Для защиты от гниения бревна предварительно обжигали. Сруб делали из сосны. В высоту выводили десять или двенадцать венцов. Между бревнами укладывали сырой мох. При стыковке стен использовали врубки «в угол» и «в лапу». Пол и потолок мастерились следующим образом: толстые длинные бревна распиливались пополам: нижние половинки бревна использовали для пола, а верхние – для потолка. Традиционно стены стесывали, позже стали обмазывать глиной. Полы не красили. Нижние венцы дома снаружи обшивали досками, между которыми для тепла укладывали сено, устраивая завалинки. Сейчас завалинки делают изнутри дома, присыпая стены землей.

Крыши домов были тесовыми. Обтесанное бревно раскалывали специальным инструментом на четыре части, из которых «драли» доски и получали тес для крыши. Местной особенностью является значительная высота крыш.

Внутреннее пространство дома разделялось на горницу («залу»), «куть» и спальни. «Куть» и горницу отгораживали от остальных комнат перегородками («заборками»), которые часто расписывали красками. Встречались заборки с растительным орнаментом (цветы, листья) и зооморфным (животные, рыбы). Внутреннее убранство описывали так: «Раньше к стенам в избе были прибиты деревянные лавки, в комнатах стояли деревянные диваны, больше мебели-то и не было, а во всю стену нарисованы маки» (д. Дубынино). Было принято также стены штукатурить смесью из глины и песка. Красный («святой») угол в доме располагался над обеденным столом и назывался «божничкой». В праздничные дни его украшали кружевами или рушниками. На «божничку» ставили иконы (в каждой деревне был свой почитаемый святой).

Печи в домах были глинобитные, русского типа. Хозяева делали их сами: мастерили деревянную опалубку и укладывали глину ровными слоями, прибивая ее деревянным молотком. В глину замешивали битое стекло: «чтобы печь была горячее», а в доме дольше сохранялось тепло. Печь обмазывали серой глиной, но не расписывали. Печь имела чело, под (куда «садили» хлеб), печурки. Над подпольем между печью и стеной располагался «гобец» – полки из досок, где хранили лук и другие припасы. Печь в избе располагали слева или справа от входа (чаще справа). Ставили и железные печи – «буржуйки».

Оконные наличники из сосны хозяева вырезали сами по имеющимся образцам.

Строительная и домоохранительная обрядность. При возведении дома под углы и «матку» обязательно подкладывали монеты, полагая, что это обеспечит достаток семье. Особую роль в ходе строительства дома играло поднятие «матки» – поперечной потолочной балки, под которую было принято подкладывать монетки на богатство хозяев. Местные жители говорят: «После того, как ее (матку) подымут – мужики гуляют».

Бытовали поверья, что в избе или на чердаке избы живет домовой (местн. «хозяин», «суседко»).

Домового угощали молоком, хлебом или кашей в благодарность за то, что он бережет все хозяйство, ставили угощенья в загнетку печи. По представлениям местных жителей, «суседко» – старичок в шляпе, с усами и бородой. Когда хозяева праздновали новоселье, то в новый дом сначала пускали кошку, приговаривая: «Иди вперед, а мы за тобой». Домового из старого дома на новое место перевозили в корзине со словами: «Полезай в корзину, в новом доме будь со мной, охраняй меня. Я тебя люблю, и ты меня люби». В д. Шаманово был случай, когда два соседа поругались: один у другого с помощью заклинаний домового увел. В осиротевшем доме стало все пропадать. «Только когда знающего человека привели, он смог домового обратно в дом вернуть». Если в доме жил домовой (хозяин), он же за скотину отвечал. В бане жил банный хозяин.

Новые полевые исследования домостроения русских старожилов Среднего Приангарья показали преемственность основных строительных традиций в обустройстве усадеб и возведении жилищ, в строительной и домоохранительной обрядности. В настоящее время сохранились основные типы усадебных комплексов и жилищ, технология строительных работ и принципы выбора строительных материалов. Преобладают такие конструктивно-технологические особенности, как возведение срубной конструкции с горизонтальной кладкой бревен венцами из леса хвойных пород (преимущественно сосны). Сохранились специфические способы заготовки материала и выбора места для дома. В редких случаях для нового строительства применяются оцилиндрованные бревна, шифер и металлические листы. Обрядовая сфера сопутствует технологическим приемам в переломные моменты строительства: при закладке дома, при установке матичной балки, на новоселье. Выполняют обряды и домоохранительную функцию.

Список литературы

Вагнер Г.К. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье // Сов. этнография. – 1956. – № 3. – С. 53–68.

Глухих Е.И., Глушенко М.А. Материалы экспедиции студентов НИСИ в зону затопления Братского водохранилища в 1956 г. // Баландинские чтения. – 2014. – № 1. – С. 131–137.

Лебедева Н.И. Хозяйственный быт Приангарья (XIX – начало XX в.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1971. – Ч. I. – С. 78–95.

Маковецкий И.В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1971. – Ч. 1: Приангарье. – С. 11–120.

Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. – Л.: Наука, 1967. – 279 с.

УДК 39

А.Ю. Майничева[1, 2], Д.С. Рыговский[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: danielrygovsky@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СООБЩЕСТВАХ СТАРООБРЯДЦЕВ БЕЛОКРИНИЦКОГО СОГЛАСИЯ (по материалам Западной Сибири)*

В статье рассматриваются традиционные механизмы контроля социально-психологической напряженности, основой которых является набор правил, регулирующих взаимоотношения членов группы или межгрупповые отношения, базирующиеся на комплексе обычаев. Закрепление в культуре той или иной модели поведения, позволяющей найти выход из конфликтной ситуации или ее избежать, связано с выработкой неких этикетных форм: словесных формул, жестов примирения, церемониалов и пр. Старообрядческая культура выработала собственный «идеал общежительства», согласно которому членам общины предписывается соблюдение определенных норм поведения, иногда именуемым «внешним благочестием». Эти и другие проблемы обсуждаются на общинных и епархиальных собраниях. В ряде случаев примирение достигается за счет вмешательства совета общины, священника или епископа.

Ключевые слова: *белокриницкое согласие, старообрядчество, механизмы контроля социальной напряженности, конфликты, примирение.*

This paper is aimed to elicit mechanisms of control mechanisms of social tension in Old Believers' communities during the twentieth century in different historical contexts. All materials were collected by authors within the researches of Siberian Ethnographical Crew, affiliated to Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Science. West Siberian Old Believers attach a particular value to such topics as so called "outward devotion". They prefer to solve this problems in public, at community and eparchial meetings, where conflicts are discussed and clarified.

Keywords: *Belokrinitskie Old Believers, mechanisms of control of social tension, conflicts, reconciliation.*

Конфликты неизбежно приводят к установлению границ, поэтому актуальны работы, которые рассматривают механизмы появления границ в различных сообществах и возможности преодоления возникших противоречий. Новейшие этологические исследования (напр., М.Л. Бутовской и др.) показывают, что человеческой природе присущи «древние биологические механизмы» примирения [Агрессия…, 2006, с. 27]. В каждом коллективе эти механизмы получают конкретное культурное выражение. История старообрядчества показывает, что большинство принципиальных моментов, по поводу которых в среде древлеправославных христиан возникали разногласия, связаны с «идеалом общежительства». Пагубно или спасительно принимать беглое духовенство, сохранилось или исчезло таинство брака, следует ли христианину иметь деньги или нет – вот далеко не полный перечень вопросов, которые приводили к делению старообрядчества на разные толки и согласия. Каждому древлеправославному сообществу, кроме того, необходимо было выстраи-

*Исследование выполнено в рамках совместного интеграционного проекта СО РАН № 87 «Исследование этнофенотипических, нейрофизиологических и молекулярно-генетических индикаторов реализации психологических и эмоциональных личностных свойств у людей с особенностями социальных коммуникаций и представителей различных этнических и социальных групп».

вать взаимоотношения с иноконфессиональным окружением, что связано с дискуссией по поводу норм «внешнего благочестия» (см.: [Островский, 2011, с. 24]). В нашей статье будет показано на примере белокриницких общин Западной Сибири, как на протяжении XX в. в различных контекстах реализовывались механизмы контроля социально-психологической напряженности, присущие старообрядческим сообществам. Работа основана на полевых исследованиях авторов 2011–2014 гг. (Сибирский этнографический отряд, рук. д-р ист. наук А.Ю. Майничева), материалах старообрядческих журналов «Церковь» [Красноярский поселок…, 1914; Поселок Красноярский…, 1914] и «Сибирский старообрядец» [Деловой визит…, 2003; Евгений, 2002; Письма читателей…, 2003], а также фондов Государственного архива Алтайского края (ГААК).

Каждой культуре присущи модели взаимодействия, которые позволяют найти выход из конфликтной ситуации или ее избежать, что связано с выработкой определенных речевых формул, правил этикета и норм поведения. Как отмечает К. Лоренц, общественное поведение людей проникнуто культурной ритуализацией настолько сильно, что неритуализованные действия низведены в разряд запретных: в повседневной жизни назначение манер состоит в торможении агрессии и создании социального союза [2001, с. 107].

Как показали полевые исследования, подобные механизмы общественного поведения присущи старообрядцам. Например, в межличностном общении используются формулы, призванные предупредить потенциальное развитие конфликта. Обычное завершение диалога двух староверов – это фраза: «Прости меня Христа ради», на которую собеседник должен ответить: «Бог простит, и ты меня прости» (ПМА). Тем не менее, в старообрядческих сообществах случаются внутренние конфликты, связанные с изменениями в устройстве общины или нарушениями норм «внешнего благочестия». Обсуждение их было характерно для белокриницких общин 1920-х гг., что хорошо прослеживается по материалам делопроизводства Крестовоздвиженской общины г. Барнаула. На общих собраниях барнаульские староверы активно поднимали темы борьбы с табакокурением, алкоголизмом и брадобритием, а также взаимодействие с инаковерующими. Эти же проблемы обсуждались на епархиальных съездах, где были представлены в виде вопросов к собравшимся. Съезд формулировал ответы, подкрепленные ссылкой на Священное Писание и Святоотеческую литературу. В решениях Освященного Собора белокриницкой иерархии было указано, как следует поступать с нарушителями тех или иных норм (ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 22–22 об., 24, 57 об., 138 об.–139 об.). В дальнейшем сибирские общины могли ориентироваться на решения епархиальных съездов. Барнаульские староверы на своих собраниях обсуждали те же проблемы, но в ином ключе. Они либо зачитывали доклады против перечисленных выше «пороков», либо заслушивали отчеты о проделанных мероприятиях по их искоренению или же по проведенным беседам с представителями иных конфессий (ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 12. Л. 8 об., 14; Д. 16. Л. 5 об.).

В некоторых сибирских белокриницких общинах неоднократно происходили разногласия по поводу организации духовного пения в храмах. В конце XIX – начале XX в. не раз выносился на Освященные Соборы и горячо обсуждался в старообрядческих изданиях вопрос о допустимости пения женщин на клиросах. Женское пение было широко распространено в русской православной церкви, поэтому многие старообрядцы, охраняя древнюю традицию сугубо мужского пения, не могли допустить его у себя. Сторонники женского пения обращали внимание на его эстетическую сторону, на факты, подтверждающие участие женщин в богослужебном пении древней христианской Церкви [Дынникова, 2009, с. 84]. В 1909 г., когда данный вопрос еще не был окончательно решен, в Новониколаевскую общину приезжает из Богородска-Московского учительница пения, А.С. Архипова [Олех, 1995, с. 181]. Группа прихожан выступила против того, чтобы она обучала детей прихода пению. Местный священник о. Пётр вынужден был обратиться за помощью к знаменитому старообрядческому полемисту Ф.Е. Мельникову [Старухин, 2008, с. 108]. Он сообщает, что инициаторы конфликта имели свое «умение и знание», «свои напевы и роспевы, свои выговоры и прикрасы» [Там же]. В итоге победила тенденция позволять женщинам петь на клиросах, поэтому предмет спора в Новониколаевской общине исчез сам собой.

Еще один конфликт по поводу организации богослужебного пения разгорелся в барнаульской общине в 1929 г. Здесь были проблемы с распределением обязанностей псаломщиков. Так, нанятого общиной заведовать правым клиросом псаломщика В.А. Филатова супруги Волковы якобы заставляли переходить на левый клирос, который в действительности был поручен им. Конфликт разбирался на общем собрании, но потребовал вмешательства епископа (ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 24. Л. 8 об., 53–53 об.). Произошло все это не случайно. Взаимоотношения В.А. Филатова с общиной были далеко не гладкими. В частности, Совет общины

просил его «не впадать в порок брадобрития» (ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 24. Л. 11 об.). Видимо, это несоблюдение нормы «внешнего благочестия» было основной причиной негативного отношения к В.А. Филатову со стороны общины, поскольку барнаульские староверы задавали своему епископу в письме вопрос: «…где найти достойного человека <…>, который был бы не пьяница, ни табашник, ни брадобрийца и чтобы знал пение и устав церковный» (ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 24. Л. 8 об.). Хотя епископ постановил В.А. Филатову заведовать правым клиросом, а супругам Волковым – левым, он отметил в своем ответе следующее: «…если которые не подчиняются порядку равномерности на клиросах, то я благославляю удалять тех с клиросов в особенности бритых, что бы они не превозносили <неразб.> как явные грешники» (ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 24. Л. 53 об.).

Значение богослужебного пения в культуре староверов очень велико. К певцам, участвующим в богослужении, по сей день предъявляются повышенные требования. В 2002–2003 гг. разгорелась еще одна дискуссия, нашедшая отражение в журнале «Сибирский старообрядец». Судя по всему, конфликт разрешил присутствовавший в г. Новосибирске митрополит [Деловой визит…, 2003, с. 4; Евгений, 2002, с. 6; Письма…, 2003, с. 6].

Таким образом, одним из механизмов контроля социально-психологической напряженности в сибирских белокриницких общинах является проведение собраний и епархиальных съездов, на которых обсуждаются значимые для всего коллектива вопросы соблюдения норм «внешнего благочестия» и совместно формулируются ответы на них. Кроме того, духовенство выступает в роли арбитра. На протяжении XX в. указанные механизмы позволяли белокриницким общинам сохранять целостность и преемственность традиций.

Список литературы

Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека. – М.: Научный мир, 2006. – 276 с.

Деловой визит // Сибирский старообрядец. – 2003. – № 13 (34). – С. 4.

Дынникова И.В. Морозовский хор в контексте старообрядческой культуры начала 20 века. – М.: Индрик, 2009. – 440 с.

Евгений. О церковном пении // Сибирский старообрядец. – 2002. – № 11 (32). – С. 6.

Красноярский поселок Томской губернии // Церковь. – 1914. – № 9. – С. 220.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). – СПб.: Амфора, 2001. – 349 с.

Олех Г.Л. Из жизни Новониколаевской старообрядческой общины 1907–1911 гг.: по материалам личного архива председателя Совета общины купца К.А. Полякова // Страницы истории Новосибирской области: люди, события, культура. – М., 1995. – С. 179–182.

Островский А.Б. Старообрядцы и православные в русском сельском социуме. Вторая половина XIX–XX век: формы общения; Ритуальная специфика: этнографические очерки. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 277 с.

Письма читателей // Сибирский старообрядец. – 2003. – № 13 (34). – С. 6.

Поселок Красноярский Барнаульского уезда Томской губернии // Церковь. – 1914. – № 27. – С. 654.

Старухин Н.А. К проблеме формирования региональных старообрядческих центров: история новониколаевской белокриницкой общины в переписке старообрядческих деятелей // Актуальные вопросы истории Сибири 18–21 вв.: тематич. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. – Вып. 3. – С. 103–109.

УДК 394

О.В. Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: olymals@gmail.com

«МОРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ» ПРИАМУРСКОГО КРАЯ (вторая половина XIX –начало XX века)*

Статья посвящена становлению рыбной промышленности в Приамурском крае в контексте преобразований, проводимых на Дальнем Востоке накануне XX в. Приамурский край, объединявший Приморскую (с о-вом Сахалин) и Амурскую области со сложившимися промысловыми традициями, был богат рыбными ресурсами, освоение которых позволило бы решить экономические, социальные и внешнеполитические проблемы страны. В развитии региона ставка была сделана на крестьянство, но эстафету успешных рыбопромышленников переняло городское население г. Николаевска – одного из первых русских тихоокеанских портов, в котором сформировался рынок рыбной торговли. Автором использовались отчетные материалы исследований второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: *Приамурский край, правительство, рыбный промысел, сельское население, наемные рабочие, рынок.*

This article discusses the development fishing industry in the Amur region in the context of the colonial policy of Imperial power in the Far East on the eve of the 20th century. The Amur region, uniting the Primorye (it including the Sakhalin) and Amur territories, with established fishing and hunting traditions, was a rich source of fish resources. Their elaboration was intended to solve economic, social and political problems of the country. Initially the development of region relied on the peasantry, but after the urban population have adopted the baton of successful fishermen. They mainly based in the city of Nikolaevsk – one of the first Russian Pacific ports, in which the fish industry was formed. The study is based on the reporting of research materials in the second half of XIX - early XX century.

Keywords: *Amur region, government, fisheries, rural population, employees, market.*

Во второй половине XIX в. Россия вступила в новую фазу развития. Административные реформы, а также присоединение восточных территорий определили новый вектор социальных и экономических преобразований. Районы восточной окраины стали своеобразным экспериментальным полигоном, на котором царское правительство оттачивало новые подходы в управлении огромной державой. Природно-климатические условия, отличные от европейских, пограничное положение земель влияли на принятие решений, которые бывали ошибочными и указывали на недостаточность знаний о новом месте. Так, изначальные расчеты по превращению участков долины Амура и Тихоокеанского побережья в земледельческую колонию не оправдали себя. Восточноевропейский аграрный опыт не приживался в новых условиях, что сдерживало переселенческое движение. Крестьяне сталкивалось с трудностями возделывания европейских сельскохозяйственных культур. Промерзание почвы на большую глубину зимой, сильная влажность, гнус летом приводили к значительным потерям урожая [Приамурье…, 1909, с. 338–342]. Упрочить крестьянские хозяйства и предотвратить отток населения с восточных окраин помог ряд мер, связанный с популяризацией в среде новоселов рыбного промысла. В конце XIX – начале XX в. входившие в состав Приамурского края Амурская и Приморская (с о-вом Сахалин) области были знамениты обилием рыб разных видов [Крюков, 1894]. Для амурских «инородцев» рыболовство являлось основой жизни. Переселенцы же не имели навыка обработки и заготовки рыбы на зиму. Согласно сведениям наблюдателей, русские, обосновавшиеся на р. Уссури, проигрывали *гольдам* в организации рыбного хозяйства. Со слов очевидцев, гольды выловленных на реке осетров и калуг вялили, тогда как «русские едят пока

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

ловится, а потом сидят без рыбы» [Носков, 1865, с. 33–34].

Проблема адаптации русского населения к среде со сложившимся промысловым комплексом побудило правительство края к поиску путей создания в Николаевском и других прибрежных районах Дальнего Востока особенного постоянного «морского» населения [Общий отчет…, 1911, с. 218–219]. В реализации данной идеи ставка делалась на крестьян, овладевших навыками добычи и переработки проходной рыбы. Однако в реализации проекта местные власти с самого начала столкнулась с трудностями. Хотя прибывшие крестьяне и наделялись рыболовными угодьями, оказалось недостаточным прикрепление промысловых участков к поселкам, где внедрялись новые правила деятельности. Необходимо было правовое регулирование, допускающее новоселов к добыче, переработке и сбыту продукции. В реальности они были лишены таких полномочий. В конце XIX – начале XX в. разгоревшаяся в правительственных кругах дискуссия по поводу статуса крестьян в экономической жизни края и их участия в развитии рыбной промышленности указывало на непонимание властями специфики рыбного промысла [Общий отчет…, 1911, с. 218–227]. В силу распространенного стереотипа, что крестьянство крепко связано с сельским хозяйством, краевая администрация не могла допустить мысли о приоритете рыболовства в спектре занятий. Когда на Амуре осенью начинался массовый заход кеты, приходившийся на время сбора урожая, жители поселков отвлекались от своих наделов. Уже со второй половины XIX в. в местные органы власти стали поступать сигналы о несостоятельности земледельческих поселений [Алябьев, 1872, с. 12; Отчет об исследованиях…, 1892, с. 21–23]. Исправить положение могло использование крестьянами дополнительной рабочей силы на рыбном промысле, но правительство запретило сельским переселенцам нанимать рабочих. Генерал-губернатор Приамурского края П.Ф. Унтербергер писал об этом так: «…местные люди, номинально являясь хозяевами промысла, на самом деле служили лишь ширмой для пришлых рыбопромышленников, которые под видом рабочих вылавливали огромное количество рыбы…» [Нужды Николаевского района…, 1911, с. 36; Общий отчет…, 1911, с. 221]. В 1909 г. запрет на использование наемного труда был проведен на законодательном уровне. Постановление имело и внешнеполитический подтекст: ослабление влияния японского рынка на Дальнем Востоке. Японские бригады, занимавшиеся промыслом в низовьях Амура и конвенционных водах, наладили сбыт в свою страну кеты, трески и сельди. Добыча, переработка и транспортировка продукции были налажены до мельчайших деталей. Ключевыми элементами в их деятельности стало использование каботажа и засолки рыбы сухим способом (РГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–46; Ф. 394. Оп. 1. Д. 7. Л. 22). Интенсификация промысла привела к истощению рыбных запасов в Татарском проливе и заливе Петра Великого. Это беспокоило правительственных чиновников, подталкивало к поиску способов охраны амурского водного бассейна [Унтербергер, 1900, с. 185–203]. Дальнейшее поощрение японской экономической экспансии могло привести к потере недавно приобретенной территории с ее рыбными богатствами, сулящими немалый доход в государственную казну. Однако правительство не было готово сделать сельских переселенцев основными игроками на рыбном рынке. Новоселы за применение наемного труда облагались высокими штрафами. Во избежание контактов сельчан с промышленниками предлагалось японские «засольни» переносить в другие места амурского побережья, не смежные с крестьянскими поселениями [Общий отчет…, 1911, с. 226]. В декабре 1909 г. николаевские рыбопромышленники на III всероссийском съезде высказали обеспокоенность таким решением вопроса: «…опасение, что разрешением найма пришлых рабочих сельское население будет обращено в тех же предпринимателей промышленников, едва ли основательно, т.к. размеры промысла этого населения фактически могут и должны нормироваться не столько числом рабочих…, сколько числом, размерами и качественною пригодностью рыболовных угодий, предоставляемых сельскому населению…» [Нужды Николаевского района…, 1911, с. 37–38; Общий отчет…, 1911, с. 222]. Участники съезда предлагали наделить крестьян-переселенцев правами, которые давали возможность заготовки и сбыта рыбных продуктов. Одним из пунктов являлось обеспечение новоселов «засольнями». Здесь они могли научиться засаливать кету «русским способом», т.е. в тузлуке [Нужды Николаевского района…, 1911, с. 38–42; Приамурские ведомости…, 1903, с. 2].

В конце XIX – начале XX в., несмотря на попытку провинциальных властей пресечь деловую активность жителей края и провести преобразования, уповая на старые методы управления, российский юг Дальнего Востока оказался в эпицентре стихийно развивающегося рынка. В нарождающейся прослойке предпринимателей-рыбопромышленников ключевыми фигурами стали владельцы береговых участков в нижней части Амура, а также «заездков» и «засолен». Вся береговая зона и прибрежные воды первоначально контролирова-

лись амурскими народами, что открывало для них широкие перспективы в рыбопромышленной сфере. К примеру, у *гиляков* места рыбалок на путях миграции кеты находились в родовых владениях, переходя по местному «обычному» праву наследования. Эти участки чаще всего перегораживались «заездками», количество которых иногда достигало 10–12 [Приамурские ведомости…, 1897, с. 11]. Часть добытой рыбы шла на приготовление юколы, другую – сбывали скупщикам, засольщикам, получая доход 150 руб. от одной «заездки». Русские скупщики и засольщики получили возможность селиться вблизи «инородческих» деревень на один летний сезон. Для этого они выкупали разрешение у начальника Удской округи, заплатив в пользу волостного правления особый налог в 75–150 руб. за лето. При волости имелось особое расписание *гилякских* селений с примечаниями: сколько отдельных засольщиков имеют право производить при каждой деревне засол; какую плату с них взымать. Иногда между засольщиками вспыхивала конкуренция при закупке свежей рыбы у местного населения. Были случаи, когда один организатор засольни, потратившись на рабочих, посуду и соль, по приезду на рыбалку обнаруживал соперника, уже выкупившего договорную партию рыбы [Крюков, 1894, с. 54–58; Приамурские ведомости…, 1897, с. 12–13].

В конце XIX в. лучше пошли дела у более организованных, состоятельных и технически хорошо оснащенных скупщиков, имевших в распоряжении дорогостоящие места для рыбалки вблизи г. Николаевска. Прибрежная зона вблизи города с неплохой инфраструктурой и стала стартовой площадкой, на которой разворачивалось русское дальневосточное предпринимательство. Как указывают источники, «русские вместо 2 лодок, используемых гиляками, имеют 3–4 хороших лодки». Изготовление прочных рыболовных мешков из американского матоуза и обустройство крытых «засолен» позволяло получать с городского участка доход в 210 руб. [Приамурские ведомости…, 1897, с. 11]. В г. Николаевск приезжали перекупщики рыбы из Хабаровска, Владивостока и Благовещенска. Временные правила, утвержденные 1 ноября 1899 г., дали перевес русским промышленникам в правах на получение в аренду рыбных промыслов, право долгосрочной аренды, тем самым упрочив статус городской прослойки, занятой в рыбном секторе экономики края [Приамурские ведомости…, 1903] (ХКА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–14).

Список литературы

Алябьев Г. Далекая Россия. Уссурийский край. – СПб.: Б.и., 1872. – 115 с.

Крюков Н.А. Некоторые данные о положении рыболовства в Приамурском крае. // Зап. Приамур. отд. Имп. рус. геогр. общ-ва. – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1894. – Т. 1, вып. 1. – С. 1–88.

Носков И. Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношениях. – СПб.: Б.и., 1865. – 62 с.

Нужды Николаевского района Приморской области. – СПб.: Б.и., 1911. – 183 с.

Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 год // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. – СПб.: Б.и., 1911. – Вып. 1. – 288 с.

Отчет об исследованиях Амурской области как земледельческой колонии проф. С. Коржинского. – Иркутск: Б.и., 1892. – 66 с.

Приамурские ведомости. – 1897. – № 185. – 13 июля. – С. 9–13.

Приамурские ведомости. – 1903. – № 543. – 10 окт. – С. 2.

Приамурье: факты, цифры, наблюдения. – М.: Б.и., 1909. – 922 с.

Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг.: очерк. – СПб.: Б.и., 1900. – 324 с.

УДК 39 (639.2/3)

О.В. Мальцева, Г.В. Любимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: olymals@gmail.com

«СВОЯ – ЧУЖАЯ» ТОНЬ В МЕСТНЫХ ФОРМАХ ОРГАНИЗАЦИИ РЫБОЛОВЕЦКОГО ХОЗЯЙСТВА НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ*

В статье рассмотрены локальные особенности организации рыболовецкого хозяйства в низовьях Амура, обусловленные не только гидрологической спецификой и местным биоразнообразием, но и местонахождением рыболовных участков. Сопоставление традиционных и современных норм природопользования разных групп коренного и пришлого населения позволило прийти к выводу, что расположение тоней вблизи или на удалении от населенных пунктов определяло характер промысловых практик и являлось основным критерием разделения рыболовных угодий на «свои» и «чужие». В основу статьи положены материалы, собранные авторами в Хабаровском районе Хабаровского края во время этнографической экспедиции 2014 г.

Ключевые слова: *Нижнее Приамурье, рыболовецкое хозяйство, промысловые участки, коренное и пришлое население.*

The article considers the local peculiarities of organization of fishing communities in the lower reaches of the Amur River. Features are caused not only hydrological characteristics, biodiversity areas, but also the location of fishing areas. So the location of fishing plots near or distance to settlements identified the nature of fishing practices in different groups of population, and also became the main criterion for separation of fishing grounds on their own and others which is clearly manifests in the traditional and innovational environmental standards. The paper compares the organization of fishing farms indigenous and alien population in pre-collective farm and collective farm periods, at the present stage. The article is based on data collected in the Khabarovsk district of the Khabarovsk territory during ethnographic expedition in 2014.

Keywords: *Lower Amur, fishing farm, plots, indigenous peoples and alien population*.

С включением во второй половине XIX в. левобережной части Амура в состав России началось систематическое освоение природных ресурсов края. Богатая ихтиофауна амурской речной системы определила вектор экономического развития присоединенных территорий, связанный с выловом проходной и туводной рыбы. В основе промысловой деятельности аборигенного населения, имевшего длительный опыт существования в условиях края, лежало доскональное знание амурской поймы и ее обитателей [Крюков, 1894]. Гидрологическая специфика района, выраженная в наличии многочисленных притоков и распаде русла Амура на крупные рукава, обусловила вариативность местных форм рыболовецкого хозяйства.

Одним из форпостов земледельческого движения на восток, с центром в г. Хабаровске, стала верхняя часть Нижнего Приамурья. Здесь сложилась своеобразная комбинация хозяйственных практик коренного и пришлого населения. Соседство рыболовных участков с пахотными угодьями изменило карту природопользования поймы, в которой «свои – чужие» территории обрели новое содержание. Строительство г. Хабаровска и хозяйственное освоение его окрестностей вынудило нанайцев переселиться подальше от города. Водворение русских крестьян, ориентированных на земледельческое преобразование ландшафта, вело к перераспределению промысловых угодий амурских аборигенов.

Рыболовство служило существенным подспорьем крестьянским хозяйствам Нижнего Приамурья, однако являлось преимущественно вспомогательным промыслом старожилов и переселенцев. «В редком крестьянском доме, – писали сотрудники Общеземской организации в 1909 г., – не найдется хотя бы самых простых принадлежностей рыбной ловли. Ловят обыкновенно для себя и в свободное от других занятий время. Но почти в каждой деревне найдется 2–3 человека, которые

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 14-01-18085е).

занимаются рыбной ловлей как промыслом». Практически все «рыбные ловли» выше Хабаровска находились к этому времени «в исключительном пользовании казачьего населения», в значительной степени ориентированного на продажу рыбной продукции. Лишь в самой верхней части Амура «инородцы» продолжали заниматься рыбной ловлей «для своих надобностей» [Приамурье…, 1909, с. 232–234].

Традиционные рыболовецкие приемы коренных жителей Амура варьировались в зависимости от расположения тоней вблизи или на удалении от населенных пунктов. Широкий фарватер основного русла реки, находящийся на довольно большом расстоянии от береговой террасы с жилыми комплексами, предполагал использование крупногабаритных, устойчивых к сильному течению лодок и больших сетей. Проходящий вблизи берега фарватер мелких проток позволял комбинировать индивидуальный (на удочку или закидушку) и мелкогрупповой (плавными, закидными и ставными сетями) способы рыбной ловли. До середины XX в. географическое преимущество нанайских сел на небольших притоках Амура объяснялось совпадением мест вылова лососевых и частиковых видов рыб. К началу XXI в. от более десятка разбросанных по рекам Тунгуска, Кур, Урми и Улика нанайских поселений осталось лишь два населенных пункта – Кукан и Улика-Национальное (ХКА. Ф. 1752. Оп. 1. Д. 21. Л. 1).

В полевой сезон 2014 г. в с. Улика-Национальное зафиксировано массовое обращение местного населения к нормам доколхозного природопользования. Отсутствие рабочих мест и отрезанность поселения от районного и краевого центров стали причиной натурализации и даже архаизации хозяйства с проявлением традиционных черт распределения местных ресурсов. В настоящее время большая часть населения занята любительским ловом «белорыбицы» (частика) в течение всего года и лицензионным ловом кеты в осеннюю путину (согласно действующим квотам, на одного человека в семье полагается 51 кг «красной» рыбы).

Малая численность населенного пункта (около 170 чел.) способствует свободному выбору промысловых участков. В прошлом, по словам местных жителей, тони закреплялись за отдельными родами. К примеру, род Удинкан контролировал часть протоки у с. Улика. Здесь и сейчас располагаются дома представителей этого рода. Даже наводнение 2013 г. не убедило жителей в необходимости перенести усадьбы в безопасное место, что указывает на тесную эмоциональную связь с территорией проживания и восприятие ее в качестве родовой. Главным компонентом местного рациона, согласно опросам, является «белая» рыба (щука, угорь, сом, налим, ауха). Летняя и зимняя рыбалка позволяют полностью прокормить семью. Из-за небольшой плотности населения не оказывается существенное давление на окружающую среду. Регулирование пользования «поселковыми» тонями проявляется в ограничении размеров улова. Шаговая доступность мест рыбалки делает заготовку промысловой продукции впрок (путем консервации) необязательной: семье из четырех человек хватает улова в 7 кг на неделю. Другая причина нормирования связана с тем, что местное население отождествляет окрестности села с домашним пространством.

«Мы не можем здесь бесконтрольно рыбачить или охотиться, ведь не будем же мы пакостить у себя дома» (ПМА-2014, В.Г. Актанко, 1950 г.р.; с. Улика-Национальное, Хабаровский р-н).

Сезон «красной» рыбы начинается в селе с середины сентября. В это время, по наблюдением рыбаков, «белорыбица» прячется, спасаясь от нападений кеты, которая поднимается из моря к местам нереста (ПМА-2014, Е.П. Шароварина, 1955 г.р.; с. Улика-Национальное, Хабаровский р-н). Что касается проходной рыбы, то местное население стремится получить максимально возможный объем добычи. Если на самом Амуре в период путины ведется коллективный промысел с одновременным заплывом множества лодок, то небольшая ширина амурских притоков не позволяет осуществлять маневры сразу нескольких плавсредств. Согласно полевым наблюдениям, в условиях лицензионного лова в протоке Улики-Национальной организуется поочередный заплыв лодок. Ожидая своей очереди, рыбаки выстраиваются на берегу. Когда истекает отведенное время, лодка возвращается к берегу, и рыбак встраивается в конец цепочки, готовясь к очередному рейду.

В колхозный период произошло изменение традиционных принципов распределения рыболовных угодий. Согласно архивным данным, тони мелких водоемов и истоков рек оказались для планового хозяйства нерентабельными. За некоторыми из расположенных на протоках селений закрепили отдаленные тони в русле Амура. Данная практика привела к отчуждению промысловых участков, а масштабный плановый лов сказался на показателях потребления рыбной продукции. До 1956 г. поставка рыбы в торговую сеть контролировалась Рыбакколхозсоюзом, а после – рыбопромышленными трестами (ХКА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 65. Л. 9, 14–16). Ограничение права распоряжаться собственным уловом привело к массовому сокрытию части добычи и «серым» схемам нелегальных поставок колхозной рыбы. В материалах

1952–1954 гг. по рыбной промышленности Кур-Урмийского района приводятся сведения о членах рыболовецкого колхоза «Путь Ленина», которые обменивали часть улова на бензин и перепродавали его частным лицам (ХКА. Ф. 1752. Оп. 1. Д. 177. Л. 13–16).

Сходные процессы наблюдались и среди русского населения. По словам старейшего жителя с. Казакевичево А.А. Лончакова (1925 г.р.), зерновой колхоз, организованный на базе казакевичевского станичного округа, еще до войны был перепрофилирован в промыслово-рыболовецкий, т.к. *«рыбу было выгоднее производить»*. Для заморозки улова в колхозе имелся огромный холодильник. Бригады колхозников ездили промышлять рыбу в низовья Амура, где за ними были закреплены тони (ПМА-2014, Хабаровский р-н). В обзоре Главного управления рыбной промышленности амурского бассейна за 1951 г. перечисляются основные причины, по которым колхозники-рыболовы систематически не выполняли план. Наряду со «штормовой погодой», «тяжелой ледовой обстановкой» и «недостаточным обеспечением трестов путинными материалами», в числе причин, тормозивших «дело добычи рыбы», названа «низкая организация труда… рыбаков-колхозников». «Нередки случаи, когда ловецкие бригады выходят на лов в 8–9 утра, вместо ранних и более уловистых зоревых тоней, когда рыба концентрируется на постой у берегов при слабом течении» (ХКА. Р-1342. Оп. 1. Л. 1, 2, 25, 39).

После ратификации в 2008 г. договора о демаркации российско-китайской границы, расположенные возле с. Казакевичево о-в Тарабаров и половина о-ва Большой Уссурийский были переданы Китаю. В настоящее время бывшая казачья станица является местом дислокации российской погранзаставы. Местное население, лишившись сенокосных угодий и не имея прав на лицензионный лов проходной рыбы, вынуждено наблюдать за интенсивным промыслом, который ведется китайскими рыбаками и не расценивается китайским законодательством как незаконный (ПМА-2014).

В постсоветское время кета получила негласный статус амурской «валюты». Высокий уровень безработицы толкает население на занятия браконьерством. В осеннюю путину ставка делается не только на лицензионный, но и на неучтенный вылов. В 1990-е гг. берега нерестовых притоков Амура были покрыты вспоротой из-за икры и брошенной рыбой [Новомодный, Золотухин, Шаров, 2004, с. 29–31]. Сегодня на каждую деревню на Нижнем Амуре в среднем приходится 15 лодок, занятых в незаконном промысле. Десятикратное сокращение запасов осетровых и лососевых рыб Амура, произошедшее с начала XX в., требует разработки и реализации специальных программ по их охране и воспроизводству с опорой на экономическое законодательство и местные формы рыболовецкого хозяйства [Золотухин, 2013, с. 120–121].

Список литературы

Золотухин С.Ф. Древнее рыболовство в районе Хабаровска. – Хабаровск: Ковчег, 2013. – 128 с.

Крюков Н.А. Некоторые данные о положении рыболовства в Приамурском крае // Зап. приамур. отд. Имп. РГО. – СПб.: Б.и., 1894. – Т. 1, вып. 1. – С. 1–88.

Новомодный Г.В., Золотухин С.Ф., Шаров П.О. Рыбы Амура: богатство и кризис: аналит. обзор. – Владивосток: Б.и., 2004. – 63 с.

Приамурье: факты, цифры, наблюдения. – М.: Гор. тип., 1909. – 922 с.

УДК 394.21(=512.1)+391.5

М.В. Москвина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

КОНКУРСЫ ПРИЧЕСОК И НАКОСНЫХ УКРАШЕНИЙ НА ПРАЗДНИКАХ ТЕЛЕУТОВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

В статье рассматривается современная праздничная культура телеутов Кемеровской области и ее роль в сохранении этнической идентичности. Важной составляющей сценария праздников стали конкурсы этнического костюма и причесок. На примере областного телеутского праздника Единства «Теле Каан» показаны организация и проведение конкурса «Тяряш Кыс» на лучшую женскую прическу, а также критерии оценки конкурсанток. Подобные конкурсы распространены среди тюркских народов юга Сибири, являются одним из механизмов сохранения и трансляции этничности. Входят они и в комплекс символов этнической культуры телеутов.

Ключевые слова: *Кемеровская область, телеуты, этническая идентичность, праздники, конкурсы, костюм, прически, женские украшения.*

The article discusses the modern festive culture of Teleuts – one of the indigenous people from the Kemerovo region and its role in ethnic identity's preservation. Nowadays various competitions of the ethnic costumes and hairstyles have become an important part of holiday scripts. During the first Regional Teleut holiday of Unity «Tele Caan» this competition called «Tyaryash Kys» – «The cute for all girl». Its purpose is to choose the best female hairstyle among contestants from each of the Teleut delegations. The article characterizes the general scheme of the competition and evaluation criteria of the winner. Similar competitions are widespread among many Turkic peoples of southern Siberia, as one of preservation and transmission mechanisms of ethnicity. They are included in the set of symbols of Teleuts ethnic culture.

Keywords: *Kemerovo region, Teleuts, ethnic identity, holidays, contests, costume, hairstyle, women's jewelry.*

В Кемеровской области в настоящее время эффективно реализуются программы сохранения культурного наследия проживающих здесь народов. Сохранение и развитие культуры коренного телеутского населения осуществляется в рамках областной целевой программы «Культура Кузбасса», включающей подпрограмму «Социально-экономическое развитие наций и народностей Кемеровской области» [Постановление…, 2013].

Одной из форм популяризации традиционной телеутской культуры являются праздники и фестивали, объединяющие телеутов городов Белово и Новокузнецка, а также жителей сел Беловского и Гурьевского районов. Усилиями клубных и музейных работников в начале 1990-х гг. началось возрождение традиций престольных праздников, которые появились у телеутов с принятием православия. Главная задача таких праздников виделась их организаторам в том, *«чтобы коренные народы смогли встретиться друг с другом и передать культурные традиции своим детям»*. Постепенно подобные праздники стали символами этнической идентичности [Батьянова, 2011].

К настоящему времени сложился календарь общетелеутских праздников. Начинается он с Николиного дня, отмечаемого 22 мая в с. Заречном. Следующим становится праздник Пардакай, символизирующий окончание посевных работ. Его отмечают на новую луну в июне в микрорайоне Телеут г. Белово. Тоже в июне в микрорайоне Телеут г. Новокузнецка отмечаю Девятую Пятницу (от Пасхи). Праздником д. Шанда считается Прокофьев день / Пайрам (21 июля). Завершает календарь Ильин день (2 августа) в с. Беково.

Праздники проводят по устоявшемуся сценарию. Мероприятие открывает обряд освящения праздничной площадки дымом можжевельника. Затем следует обряд «кормления» огня молоком и встреча гостей с обязательным «чаем по-телеутски».

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 13-31-01258).

Праздничное действие определяет концертная программа. Постоянные участники телеутских праздников – местные фольклорные коллективы «Солоны», «Чорчок», «Тилдыз» и «Рябинушки», образцовый танцевальный коллектив «Кунучек», детская эстрадная группа «Аяс», национальный ансамбль «Телекей». Частыми гостями и участниками праздников стали делегации из республик Алтай, Хакасия и Тува.

Одновременно проходят спортивные соревнования – борьба *куреш*, стрельба из лука, перетягивание палки, поднятие гири, командная беговая эстафета. Значимое место в структуре праздников занимают конкурсы: 1) оформление палатки – «национального стана» каждой приехавшей делегации; 2) приготовление национальных блюд и оформление праздничного стола; 3) инсценированные обряды; 4) исполнение песни на телеутском языке; 5) телеутская одежда и прическа – «Тяраш кыс».

Летом 2014 г. календарь праздников телеутского народа пополнился. На территории этнического культурного центра д. Шанда Гурьевского района впервые проведен областной телеутский праздник Единства «Теле Каан». Организованный Гурьевским районным управлением культуры и региональной общественной организацией Ассоциация телеутского народа «Эне-Байат», праздник поддержал Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области. Мероприятие посвящено завершению Второго международного десятилетия коренных народов мира [Положение…, 2014].

В рамках этого праздника проводтлся ставший традиционным с 1990-х гг. конкурс одежды и причесок в этническом стиле «Тяраш кыс» – «Всем милая девушка». Каждая делегация представила по одному женскому традиционному костюму и по одной прическе.

«Говорят, что Луна похожа на прекрасное лицо восточной женщины, я скажу вам больше – это лицо телеутской красавицы. Сегодня на этой сцене – разноцветье красок и девушек. Встречайте наших луноликих красавиц!» (ПМА-2014, д. Шанда Кемеровской обл.).

Критерии оценки конкурса костюмов, причесок и украшений: соответствие этническим традициям, оригинальность представления истории костюма, органичность и взаимодополняемость прически и костюма [Положение…, 2014].

Презентация костюмов и причесок проходит в песенном, танцевальном или театрализованном сопровождении на сцене.

«Телеуты – кочевой народ. Поэтому большая часть одежды и украшений делалась из кожи и меха. Девочкам плели косу, вплетая в нее пууш. Главным украшением пууш были ракушки-каури, которые завозились купцами и служили разменной монетой. После свадьбы девичью косу расплетали и заплетали две женские, связывали их ленточкой и цепочкой, к которой привязывали тана. Но мода не стоит на месте, она делает большие шаги вперед. С косичками наши девочки ходят в школу. Плетение кос – очень увлекательное занятие. Косу можно превратить в произведение искусства. Вы наверняка видели прическу “корзиночка”. Так вот, она снова в моде, ее современный вариант очень популярен. Этой прическе уже больше пятидесяти лет, но она по-прежнему остается актуальной. Рыбий хвост – настоящий тренд сезона. С этой экстравагантной косой можно пойти куда угодно. Самую банальную косу модно превратить в произведение искусства. Прически с элементами плетения косичек в сегодняшнем сезоне – самые модные. Элегантные прически с плетением всегда притягивают взгляды окружающих» (ПМА-2014, д. Шанда Кемеровской обл.).

Комментируя показы, участницы конкурса говорили о трансформации культуры телеутов сообразно времени, при этом подчеркивая, что традиционный костюм и прически не должен выходить из употребления.

«Но времена идут, мода меняется, и наряды девушек идут в ногу со временем. Так и наш костюм – это телеутское платье и чеймек. Но уже в более современном и стилизованном стиле. Хотя орнамент костюма остается неизменным. Также неизменной частью каждого телеутского женского платья остается нагрудное украшение тошток и воротник тяка. Так как платье является стилизованным, мы не стали подвязывать его поясом. Но любой наряд – хоть стилизованный, хоть народный – наши девушки будут с удовольствием примерять и демонстрировать» (ПМА-2014, д. Шанда Кемеровской обл.).

Непосредственно во время конкурса проходил своеобразный мастер-класс по сооружению национальной прически. При оценке импровизированных причесок жюри учитывало наличие национальных украшений и их оригинальное использование, технику плетения, комментарий к прическе, ее соответствие костюму [Положение…, 2014].

При представлении причесок участницы конкурса предлагают различные версии толкования их значения.

«Вашему вниманию мы представляем прическу, олицетворяющую нашу Телеутскую землицу. Центральная коса символизирует нашу матушку-реку (р. Бачат – прим. авт.). *Боковые косы – берега реки, где еще с давних времен поселились наши*

предки-телеуты, которые до сих пор стараются не забывать и сохранять традиции и обычаи. И одним из этих доказательств – это вплетенное в косу красивое женское украшение волос».

«Прическа “по-телеутски в XXI век” (много косичек, закрепленных петлями стоймя на голове, сзади – три косички, спущенные на спину. – *М.М.*): *крайние косы – матриархат и патриархат, средняя – равноправие. Чтобы у телеутов и других тюркских народностей было всегда равноправие между собой!»* (ПМА-2014, д. Шанда Кемеровской обл.).

Специально для участия в конкурсе «Тяраш кыс» сочиняют стихи, воспевающие красоту телеутских девушек.

«В небе, высоко на холмах <…>, / вырос цветок красоты необычной. / Замерли все в ожидании чуда. / Вдруг распустился цветок, а оттуда / девушка поступью легкой спускалась. / Девушка та Тяраш Кыс называлась. / И не случайно: / красива, стройна, / поступью легкой ступает она. / Носит волос переплет непростой. / Пууш украшает тот волос густой. / Словно сияние солнца – красива. / Стройная очень, / легка, горделива. / В танце кружится – / как птица парит. / Голос чарующий сказку молвИт. / Нет никого в Телеутской землице, / кто бы посмел с красотой той сравниться. / Ведь Тяраш Кыс, / что с цветка снизошла, / символом веры народа была».

«Ты красотой своею всех пленяешь. / С земными цветами сравнить тебя хочу. / Походкой статною ты по земле шагаешь. / Тебя я телеуточкой зову. / О, гордая дочь телеутов! / С открытой душою / на встречу с миром ты пришла. / Любуюсь я тобою. / Горжусь твоей силой. / Пусть высоко горит твоя звезда!» (ПМА-2014, д. Шанда Кемеровской обл.).

Подобные тексты демонстрируют значимость традиционных эстетических канонов, костюма, прически и украшений для самоидентификации телеутов. Хотя в современном обществе, в условиях городской среды, традиционная одежда и украшения исключены из повседневного обихода, однако в среде телеутов они сохраняют статус престижных элементов культуры.

Традиционные костюм, прическа и украшения становятся актуальны в рамках праздничных мероприятий и концертной деятельности. Важность сохранения и развития этих элементов этнической культуры подчеркивается всеми представителями телеутского сообщества. Женский костюм и украшения, как и родной язык, праздники, кухня и виды спорта, являются важной составляющей самоидентификации телеутов Кемеровской области в начале XXI в.

Список литературы

Батьянова Е.П. Национальные праздники у телеутов в XX–XXI веках // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 16–25.

Положение «О проведении областного телеутского национального праздника Единства «Теле-Каан – 2014», посвященного завершению Второго Международного десятилетия коренных народов мира / Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.depcult.ru/documents/depkult_402.doc (дата обращения: 05.07.2014).

Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 25 октября 2013 г. № 462 «Об утверждении государственной программы Кемеровской области «Культура Кузбасса» на 2014-2016 годы» / Главное финансовое управление Кемеровской области // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ofukem.ru/content/view/1719/137/ (дата обращения: 23.09.2014).

УДК 745+739.5

М.В. Москвина[1], Е.Ю. Павлова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Нижегородский государственный историко-культурный музей-заповедник
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ В НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛАХ ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ (опыт возрождения традиций)*

В статье с привлечением новых архивных и полевых материалов предпринята попытка выделить основные этапы становления и развития промысла художественного металла в Саяно-Алтайском регионе с конца XIX в. и до начала XXI в. Имея высокий уровень развития к началу XX в., этот промысел не выделился в отдельное ремесло, оставаясь в структуре домашнего хозяйства. Подъем интереса к искусству аборигенного населения Сибири наблюдался в 1920–1930-е и 1960–1970-е гг. Художественный металл отражал идеологические установки советского государства, ориентированные в основном на историко-политическую тематику. Этническая тема занимала небольшую часть ассортимента. В начале 2000-х гг. в Саяно-Алтае началось возрождение традиционных технологий художественного металла, стали организовывать школы ремесленного мастерства, а изделия исполнялись в стилистике этноархаики.

Ключевые слова: *народное декоративно-прикладное искусство, ювелирные промыслы, традиции и новации.*

This article is an attempt to show the main stages of formation and development of the metal art and jewelry trade since the late XIX century to the early XXI century in the Sayano-Altai region involving new archival and field materials. Having a high level of development to the beginning of the twentieth century, this trade is not evolved as a separate craft and remained in the household structure. The rise of interest in the art of the indigenous Siberian peoples marked in 1920-1930-ies and in 1960-1970-ies. Art metal reflects the ideological tenets of the Soviet state, and mainly focuses on the historical and political themes. Ethnic theme occupied a small part of the range. Since the beginning of the 2000s at the Sayano-Altai revival of traditional technologies of artistic metal has been started, schools craftsmanship has been organized, the products have been made in the etnoarchaic style.

Keywords: *national arts and crafts, jeweler crafts, traditions and innovations.*

Кузнечное ремесло и искусство художественного металла у скотоводов-кочевников Саяно-Алтая традиционно отличались высоким уровнем исполнения. Кроме бытовых вещей алтайские кузнецы изготавливали декоративно оформленную упряжь и женские украшения [Потапов, 1951, с. 190]. Разнообразие ювелирных изделий определяло репертуар хакасских мастеров, работавших с серебром и его сплавами. Многочисленную группу ремесленников среди кочевых тувинцев составляли кузнецы. Они делали накладки и бляхи для конской упряжи, поясные пряжки, серьги, браслеты, игольники и др. [Вайнштейн, 1972, с. 236, 244]. При достаточно высоком уровне развития к началу XX в. ювелирное искусство коренных народов Саяно-Алтая не выделилось в самостоятельный промысел, продолжая существовать в рамках натурального домашнего производства.

Попытки преобразований в этой сфере начались в 1920-е гг. Программы советского государства по сохранению культурного наследия его народов были основаны на теории, что произведения искусства нужно использовать для создания нового социального уклада жизни. Открытый в 1925 г. в г. Москве Музей кустарного мастерства стал методическим центром по работе с мастерами на местах. Сотрудники музея вели большую работу по восстановлению промыслов в различных регионах государства, с широкой поддержкой на местах.

В 1927 г. в г. Новосибирске прошел Первый сибирский съезд художников, обозначивший перспективы изучения и популяризации традиционного

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 13-31-01258).

искусства народов Сибири [Первый сибирский съезд…, 1927]. В 1931 г. художница Н.Н. Нагорская была командирована в Хакасию Сибирским союзом промышленных кооператоров для организации местных художественных промыслов. Созданная ею артель «УлучБыт», производившая вышивки и курительные трубки, просуществовала только до 1932 г., оказавшись экономически нецелесообразной для региональной власти. Хакасское ювелирное искусство в те годы не получило поддержки.

В 1930-е гг. при краевом музее в г. Барнауле был организован художественный отдел, проводивший экспедиции по изучению художественных промыслов Горного Алтая. К концу 1930-х гг. отдел констатировал отсутствие в регионе специализированных художественных промыслов (ГАС РА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 66. Л. 42).

Интерес к народному искусству возродился в 1960–1970-е гг. Идеологема расцвета и сближения наций в условиях социализма играла большую роль в моделировании процессов развития и взаимодействия национальных художественных культур.

В феврале 1969 г. было принято постановление Совета Министров СССР «Об увеличение производства, расширении ассортимента, повышении качества сувениров и о мерах по улучшению торговли ими» [Бардина, 1972, с. 37]. В постановлении ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» от 17 декабря 1974 г. народное искусство рассматривалось как часть культуры развитого социалистического общества [Сборник законов…, 1976, с. 736]. Эти постановления стали толчком для развития системы промыслов, в т.ч. ювелирных. В связи с развернувшимся промышленным и культурным строительством на Сибири было уделено особое внимание. Развитие промыслов и этнического искусства Сибири было призвано демонстрировать торжество советской национальной политики.

В 1960–1970-е гг. Научно-исследовательский институт художественной промышленности (НИИХП, г. Москва) в ходе экспедиций в Сибирь вел сбор материалов об особенностях художественного творчества аборигенов. Была поставлена следующая задача: разработать мероприятия по дальнейшему развитию местных художественных традиций. В 1977–1978 гг. экспедиции в Красноярский край и Хакасию имели целью создание ассортимента художественных изделий и сувениров из цветных металлов. Задачами экспедиций стали изучение и творческое переосмысление традиций художественной обработки металла, формирование нового ассортимента художественных изделий с использованием местных приемов и декора. В отчете отмечалось: *«…создание нового ассортимента художественных изделий и сувениров для предприятий Сибири носит экспериментальный характер, выявляющий новые принципы использования традиций народных орнаментов в новых формах и конструкциях, а также новый подход к решению тематических сувенирных изделий»* (ГАРФ. Ф. 643. Оп. 2. Д. 185. Л. 10).

В задачи экспедиций и дальнейшей экспериментальной работы входило возрождение приемов художественной обработки металла, характерных для Сибири. В рамках исследовательской работы был издан фотоальбом «Художественные изделия из цветных металлов народов Сибири», предназначенный для художников и мастеров. Предполагалось, что некоторые принципы построения орнамента и конструирования металлических украшений будут использоваться при производстве современных изделий (ГАРФ. Ф. 643. Оп. 2. Д. 185. Л. 11).

Для Красноярской сувенирной фабрики и Шушенской фабрики сувениров сотрудники НИИХП разработали 10 проектов сувенирно-подарочных изделий, рассчитанных на ручную чеканку из латуни или мельхиора. Среди них выделялись вещи с использованием мотивов бронзовых изделий тагарской культуры и пазырыкских курганов. Однако основными ориентирами в деятельности экспертов в те годы стала историко-политическая проблематика: пребывание В.И. Ленина в Красноярском крае, стройки коммунизма – Красноярская и Саяно-Шушенская ГЭС, юбилейные даты края, а также Олимпиада-80. В результате был предложен репертуар чеканных панно из цветных металлов (медь, латунь), отражающих *«историческое прошлое и героическое настоящее Красноярского края»* (ГАРФ. Ф. 643. Оп. 2. Д. 185. Л. 12). Подобное идеологизированное и неукорененное в традиции искусство не получило развития.

К концу XX в. среди тюркоязычных народов Саяно-Алтая искусство художественного металла и ювелирных украшений пришло в упадок. Традиционные ювелирные изделия выполнялись лишь отдельными мастерами на основе частных заказов и представляли собой упрощенные реплики старинных украшений.

Новый подъем интереса к народным промыслам и художественному металлу пришелся на рубеж 1990-х гг. и был связан с процессами суверенизации. В Саяно-Алтайском регионе актуализировалась тема восстановления этнической культуры коренных народов, инициированная общественными и культурными организациями и поддержанная административной властью

национальных республик. Были приняты программы по поддержке, развитию и восстановлению народных промыслов и ремесел.

На Алтае были утрачены аутентичные художественные традиции. Их восстановление происходило на основе синтеза этнических и археологических культур, с использованием современных технологий и привлечением опыта мастеров других регионов. Техники изготовления предметов из металла приходилось реставрировать по сохранившимся музейным образцам, опираясь на аналоги в культуре других народов.

Центром восстановления алтайского художественного металла стало с. Купчегень Онгудайского района. Мастера С. Кунаков, Э. Баинов, В. Кухаев, А. Кухаев, С. Урчимаев и Н. Аилдашев работают в пазырыкской стилистике, которая сегодня в большой степени ассоциируется с традиционным искусством Алтая. Образцами служат репродукции археологических находок из Башадара, Шибы и Туэкты. Мастера изготавливают точные копии древних изделий и импровизируют, создавая оригинальные предметы конской сбруи, украшений и пр. (ПМА-2014, с. Чуй-оозы).

Осенью 2014 г. в рамках инвестиционного проекта по развитию предпринимательства «Купчегень – село мастеров» планируется открыть Центр народно-прикладного искусства «Копши-Кем» – учебное предприятие по народно-прикладному искусству. Все желающие могли бы здесь обучаться традиционным ремеслам – художественной обработке металла (литью, чеканке, ковке), выделке кожи, изготовлению войлока – непосредственно у действующих мастеров. Одной из практических задач центра является обучение населения народным промыслам, а также производство и продажа продукции местных ремесленников. Организация центра должна помочь обеспечить работой на постоянной и временной основе 35 мастеров района, стать примером устойчивого развития местного сообщества [Центр…, 2013].

В Республике Хакасия широкого распространения промысел художественного металла не получил. С 2000-х гг. подготовка специалистов для проектирования и производства изделий с региональной и этнической спецификой ведется в рамках высшего профессионального образования на кафедре декоративно-прикладного искусства Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. В своих изделиях они используют близкие к традиционным формы и орнаменты, стараясь выработать понятные мотивы и удобные в использовании современному человеку формы и технологии. Популярностью пользуются ювелирные украшения, сделанные на заказ или малыми партиями (перстни с большим щитком, серьги с коралловыми инкрустациями) в этническом стиле с использованием мотивов археологии и традиционной хакасской вышивки. Украшения становятся стилизованными, с облегченными конструкциями.

Воссоздавая народные промыслы по литературным, этнографическим и археологическим источникам, тюркские народы Саяно-Алтая во многом опираются на изделия конца XIX в., когда традиционная культура еще не была затронута процессами европеизации. Можно говорить, что в настоящее время на территории Саяно-Алтая промысел художественного металла и изготовления ювелирных украшений пока не оформлен, но индивидуальные мастера активно ведут поиски путей его восстановления и дальнейшего развития в условиях современного общества.

Список литературы

Бардина Р.А. Товароведение изделий народных художественных промыслов и сувениров и организация торговли ими: учеб. пособ. для проф.-тех. учеб. заведений и подготовки рабочих на производство. – М.: Высшая школа, 1972. – 248 с.

Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. – М.: Наука, 1972. – 314 с.

Потапов Л.П. Народы Южной Сибири. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1951.

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938-1975 гг.). – М.: Известия, 1976. – Т. 4. – 736 с.

Первый сибирский съезд художников // Сибирские огни. – Новосибирск, 1927. – № 3. – С. 206–231.

Центр подготовки мастеров народных ремесел появится в Горном Алтае // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/tourism/20130730/952935739.html#ixzz3FSnWbA00 (дата обращения: 21.09.2013).

УДК 394

Д.А. Мягков

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
E-mail: tomich-84@mail.ru

СИСТЕМА РЫБОЛОВСТВА ТОМСКИХ ТАТАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

В статье на основе полевых материалов рассматривается цикл рыболовного промысла локальной группы томских татар во второй половине XX – начале XXI века. Выявляются природно-географические и этнические причины различий в развитии рыболовства в разных населенных пунктах. Устанавливаются объекты, территория, орудия, способы и сезонные особенности рыболовства. Прослеживаются изменения в рыболовстве на протяжении второй половины XX – начала XXI века.

Ключевые слова: *томские татары, рыболовство, природная среда, орудия, изменения.*

Based on the field data the article is discussed the cycle of fisheries of local group Tomsk Tatars for the second half of XX – beginning of XXI century. Natural and ethnic reasons for the distinctions in a development of fisheries in different settlements are identified. An object, land, tools, methods, seasonal features of fisheries are ascertained. The changes in fisheries throughout second half of XX – beginning of XXI century are tracked.

Keywords: *Tomsk Tatars, fisheries, natural environment, implements, changes.*

Макроэкономические процессы, происходившие на протяжении XX в. под воздействием изменений в политике нашего государства, нашли отражения на локальном уровне, в т.ч. в хозяйстве сельских групп населения, ведущих традиционный образ жизни. Экономика сибирских татар в прошлом веке сохраняла традиционные элементы. Они не исчезли с введением инноваций, а трансформировались, либо угасли на некоторое время, а потом возродились. Это свидетельствует о глубокой обусловленности данных компонентов культуры особенностями окружающей среды. Сказанное в полной мере относится к присваивающим отраслям хозяйства. В традиционном обществе сибирских татар они составляли наряду с животноводством основу жизнеобеспечения. В советский период их вытеснили на периферию экономической деятельности, но после перехода от плановой экономики к рыночной они вновь обрели утраченные позиции, являясь основным источником существования для сельского населения в кризисных условиях.

Рассмотрим один из базовых компонентов традиционного хозяйства локальной группы томских татар – рыболовство – в условиях процессов модернизации второй половины XX – начала XXI в. В качестве объекта исследования выбрана обособленная группа томских татар, проживающих в населенных пунктах Казанка, Юрт-Акбалык и Юрт-Оры Колыванского района Новосибирской области. Данная группа томских татар граничит с каргатско-убинской группой барабинских татар. Источником исследования стали полевые этнографические материалы, собранные автором в рамках экспедиционных работ, проводившихся Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН в названных поселениях в 2009 г.

Прежде всего, следует отметить неравномерность в развитии рыболовства в исследованных населенных пунктах. В деревнях Юрт-Акбалык и Юрт-Оры рыболовство имело массовый характер, а его экономическое значение здесь было существенным. В д. Казанка, напротив, оно не получило сколько-нибудь значительного распространения. Данное обстоятельство может быть обусловлено следующими факторами.

1. Деревни Юрт-Акбалык и Юрт-Оры расположены в непосредственной близости от р. Оби (первая – в 5 км, вторая – на берегу). В их окрест-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-01-00412 «Татары Барабы: трансформация культуры в эпоху модернизации».

ностях много мелких речек и старичных озер, в половодье сообщающихся с р. Обью. Все это гарантирует местному населению доступные, стабильные и богатые рыбные ресурсы. Деревня Казанка отстоит от р. Оби на 11 км. Вблизи нее нет рек и озер, на которых можно заниматься рыболовным промыслом.

2. Разный этнический состав исследованных населенных пунктов. Юрт-Акбалык и Юрт-Оры – деревни коренных сибирских татар, для которых традиционно рыболовство было одной из основ экономической деятельности [Томилов, 1980, с. 20; 1993, с. 63]. Казанка – поселение, основанное в 1920-е гг. казанскими татарами, переселившимися в сибирскую тайгу из-за голода в Поволжье. В хозяйственном комплексе большинства казанских татар, по оценке Н.А. Халикова, к началу XX в. рыболовство имело лишь любительское значение [1995, с. 141].

Основные рыбопромысловые пространства жителей д. Юрт-Акбалык – речки Уень и Исток, а также озера Малое Лебяжье, Большое Лебяжье, Идыкуль (комплекс из семи озер, из которых шесть к настоящему времени пересохли), Булды и Камышовое. Жители д. Юрт-Оры рыбу ловили в р. Уень и озерах Чатртуколь, Малый Елбак, Большой Елбак, Каракуль и др. Объекты промысла – чебак, окунь (*олабуга*), щука (*чуртант*), нельма (*ок балык*), язь (*кызыл конат*), карась (*тобан балык*), линь (*кора балык*). Примерно 30 лет назад в местной акватории появились сазан, серебристый карась и лещ, которые тоже стали объектами рыболовства.

Рыболовный сезон начинался в конце апреля – начале мая, когда на водоемах «поднимался лед». В это время под лед ставили сети (*ау*), в которые в основном ловились щука, чебак и сребристый карась. Обычно лед сходил к 9 мая, и тогда рыбаки устанавливали сети с обласков (*кимя*). После окончания икромета (у щуки, леща – в начале мая, у чебака и окуня – в середине мая) в реках рыба «ложилась», а в озерах, наоборот, «поднималась». Соответственно, в летний период основной промысел производился на озерах с использованием сетей. Представители старшего поколения рыбаков ставили на озерах весной и летом «фитили» и «мордушки».

В послевоенное время, до 1960-х гг., в изучаемой местности функционировали рыболовецкие бригады, состоявшие чаще всего из *пожилых* мужчин. Они осуществляли лов неводом (*ау*) после окончания у рыб икромета. Возрастная особенность состава участников бригад, на наш взгляд, свидетельствует о важной и особенной роли рыболовства в первой трети XX в., пришедшейся на начало трудовой деятельности старшего поколения. Однако рыболовство, будучи явлением традиционным и массовым, к середине XX в. утратило былые позиции и привлекательность для нового поколения. В этом отношении характерен пример М.С. Амирова (1923 г.р.) из д. Юрт-Акбалык. Он *«полтора года рыбачил в артели, потом выучился и с 1949 г. начал работать трактористом, а рыбачить стал любителем»*.

В сентябре рыбаки практиковали массовый лов рыбы «ботом». Для этого сетью огибали заросли травы, устанавливая оба конца возле берега. Затем рыбак, сидя в лодке, бил ботом по воде, распугивая рыбу. При таком способе лова в сети попадались преимущественно окуни, серебристые караси и щуки. В сентябре же производилась добыча щук с использованием остроги (*чачке*). Отметим, что когда в местных озерах «завели» сазана, татары начали практиковать его добычу острогой после завершения рыбой икромета. Во второй половине XX в. получила распространение практика добычи щук при помощи ружья (*мултык*), заряженного дробью. Таким способом рыбу добывали на «полоях» и в «кочкарнике» (кочки в зарослях камыша).

Меньшее распространение среди местных татар получил лов рыбы удочками (*кармак*). Представители старшего поколения осуществляли в заводях р. Оби лов рыбы «кривдой» (*кору*).

Осенью, когда рыба скатывалась вниз по течению, на перекатах (мелких местах) р. Уени делали запруды (запоры) – перегородки из тальниковых веток, между которыми ставили «мордушки» или «фитили». Как правило, у каждого рыбака со стажем был свой запор.

В декабре, когда устанавливался лед, рыбаки ловили рыбу на мелких озерах во время «загара». Для этого возле берега выдалбливали лунки. Когда в них на воздух выплывали щуки и чебаки, то рыбу вычерпывали сачками.

Изменения в рыболовстве томских татар в рассматриваемый период обусловлены как природными, так и культурными факторами. После заполнения Новосибирского водохранилища, в 1957–1959 гг., снизился уровень р. Оби. Вода, а вместе с ней и рыба, перестала заходить по копанцам в мелкие озера. Часть таких озер и копанцев пересохла. В результате рыбные ресурсы значительно сократились: *«Сейчас и половины рыбы нет… раньше к берегу подойдешь, голова кружится – так много рыбы было»*. С другой стороны, примерно 30 лет назад в местную акваторию запустили новые виды рыб (сазан, серебристый карась, лещ), которые стали полноценным объектом рыболовства.

Изменения в орудийной базе промысла выразились в постепенном отказе от наиболее архаичных средств – «запоров», «фитилей», «мордушек», «кривд». *«Сейчас люди даже таких названий не знают, плести не умеют»* (Р.Ш. Мавлютов, 1938 г.р., с. Юрт-Акбалык). Их место заняли более универсальные сети, в результате чего современное рыболовство стало более единообразным.

Сами рыбаки отмечают постепенное забвение норм промысловой этики. Перестал соблюдаться обычай, запрещавший промысел в период нереста. *«Раньше во время икромета никакого рыбнадзора не было, старики не разрешали ловить»*. Получили распространение правонарушения: кража рыбы из сетей или самих сетей посторонними.

Отметим, что в советский период на р. Оби существовало оживленное судоходство, что создавало определенные помехи для занятия рыбным промыслом. В настоящее время интенсивность судоходства значительно снизилась, и в последние годы наблюдается рост рыболовной активности томских татар на р. Оби.

Список литературы

Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (хозяйство и материальная культура). – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – 200 с.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). – Томск: Изд-во ТГУ, 1993. – 222 с.

Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). – Казань: Б.и., 1995. – 236 с.

УДК 394

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОСТАВА СЕВЕРОАЛТАЙСКОЙ ЭЛИТЫ (1910–1920-е годы)*

Статья посвящена проблеме трансформации национальной элиты кумандинцев, тубаларов и челканцев в 1910–1920-е гг. Алтайская духовная миссия сформировала национальную интеллигенцию, большую часть которой составили учителя-миссионеры и другие сотрудники. Национальная элита была подконтрольна Алтайской духовной миссии, а основная функция – просветительская. В 1917 г. национальное движение на Алтае включало отдельных представителей североалтайской элиты. Одновременно «старую» элиту начали вытеснять из общественно-политической жизни региона. Данный процесс завершился в первые годы советской власти. После этого начался новый этап формирования североалтайской интеллигенции, но уже лояльной советской власти.

Ключевые слова: *национальная элита, кумандинцы, тубалары, челканцы, Алтайская духовная миссия.*

Article is devoted to transformation the national elite of Kumandins, Tubalars and Chelkans in the 1910–1920th years. The Altai clerical mission made the national intellectuals. They became teachers, missionaries and other employees of mission. The national elite was under control to the Altai spiritual mission. Its main function was educational. In 1917 there is a national movement in Altai. The part of the North Altai elite takes part in it. At the same time "old" elite clean out from political life of the region. This process comes to the end in the first years of the Soviet power. The new stage of formation the North Altai intellectuals begins, but already loyal Soviet power.

Keywords: *national elite, Kumandins, Tubalars, Chelkans, Altai clerical mission.*

Рост национального самосознания и возрождение этнических культур на рубеже XX–XXI вв. сопровождался увеличением роли национальной элиты среди алтайцев. Одновременно возник академический интерес к данной проблематике. Одной из первых попыток поиска генезиса алтайской элиты стало обращение В.И. Эдокова [1994] к биографии и деятельности Г.И. Гуркина. Позднее появляется цикл работ Н.А. Тадиной [2009; и др.], где алтайская элита рассматривается сквозь призму возрождения институтов *сеока* и *зайсанама*. Современной символьной элите и ее деятельности по формированию этнонационального движения посвящена монография Е.В. Самушкиной [2009]. Поверхностно, на наш взгляд, рассмотрел истоки алтайской интеллигенции Д.А. Михайлов [2013], связав ее становление с деятельностью областников.

Таким образом, внимание исследователей в большей степени сосредоточено на современных процессах, а история формирования алтайской элиты зачастую остается вне рамок исследований. Попытаемся проследить трансформацию состава североалтайской элиты (кумандинцев, тубаларов, челканцев) в 1910–1920-е гг.

Наша работа основана на архивных изысканиях в Государственном архиве Алтайского края. Интересующие нас сведения содержались в документах, аккумулированных в фондах Алтайской духовной миссии (ГААК. Ф. 164), Каракорум-Алтайской уездной земской управы (ГААК. Ф. 239), отдела народного образования Алтайского губисполкома (ГААК. Ф. 141).

Основание в 1828 г. Алтайской духовной миссии (далее – АДМ) стало важным шагом на пути христианизации коренного тюркоязычного населения Алтая. В ходе структурирования данной организации, а также определения ее целей и задач, руководство миссии уделило особое внимание формированию новой лояльной элиты из числа автохтонного населения подотчетной территории.

*Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ (проект № 12-31-01223а2).

Данная задача переплелась с другими потребностями миссии: 1) развитием школьной сети, которая рассматривалась как инструмент христианизации автохтонов; 2) привлечением в ряды сотрудников миссии представителей коренного населения. В записках священника Бачатского отделения Г. Оттыгашева за 1907 г. говорится: «…проповедь и школа вот два главных двигателя просвещения инородцев» (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 129. Л. 1 об.).

Первая церковно-приходская школа была открыта в 1830 г. в с. Улала (современный г. Горно-Алтайск) – центре АДМ (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 61. Л. 6). В последующие годы количество школ стабильно увеличивалось, поставив перед руководством миссии проблему решения кадровой проблемы. Для этих задач создали Улалинское миссионерское центральное училище, в 1883 г. преобразованное в Катехизаторское училище и переведенное в г. Бийск (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 37. Л. 5). В 1887 г. в училище числилось 15 алтайцев, 10 шорцев, 9 телеутов, 6 киргизов, 4 черневых татарина, 1 сойот, 4 абаканских инородца и 1 русский (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 37. Л. 23 об.). Уровень востребованности выпускников училища был высок. По воспоминаниям С.С. Ильтеева, восемь из двенадцати его одноклассников стали сотрудниками АДМ: миссионерами, учителями, причетниками и др. (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 46. Л. 5 об.). Кроме того, в целях улучшения качества преподавания в 1916 г. были созданы педагогические курсы при Чемальской двухклассной школе для всех учителей миссии (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 11 об.).

В результате АДМ была обеспечена собственными квалифицированными специалистами. По данным на 1918–1919 учебный год из 90 из 95 учителей указали свой образовательный ценз: 43 чел. окончили или учились в Катехизаторском училище, 24 чел. завершили обучение в Чемальской второклассной школе. Остальные сотрудники учебных заведений Алтая прошли профессиональную подготовку вне миссионерской структуры региона или за пределами региона (ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 19. Л. 20). Таким образом, 70,5 % учителей были подготовлены силами АДМ, большую их часть представляла автохтонное население.

Именно в стенах миссионерской школы стала формироваться североалтайская интеллигенция, основную массу которой составляли учителя, миссионеры и иные сотрудники АДМ. Администрация миссии умело использовала новый ресурс, закрепляя в местных органах различного уровня лояльных ей новокрещенов.

Базой, на основе которой складывалась национальная элита, стала грамотная часть коренного населения. Ее численность в течение XIX – начала XX в. росла, составив к 1917 г. 6,1 % всего автохтонного населения североалтайского региона (см. *таблицу*). Грамотность вкупе с усвоением христианских норм благоприятствовала более активным ассимиляционно-аккультурационным процессам в этой среде. В данной связи выглядит вполне закономерным появление сотрудников миссии из инородческого сословия, не владевших родным языком. По данным на 1920 г. среди учителей «слабо знающих алтайский язык» числилось 10 чел., среди которых были В.И. Каланаков, Е.И. Параев, М.И. Ялбачев и др., вышедшие из инородческой среды (ГААК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 274. Л. 59 об.).

В целом, на наш взгляд, североалтайская элита до конца 1910-х гг. находилась в фарватере миссионерской политики АДМ. Структурообразующим элементом в ее формировании стала миссия, обусловившая просветительскую задачу национальной элиты.

Политические события 1917 г. изменили положение элиты. Деятельность АДМ в регионе была постепенно свернута. На Алтае возникло и нарастало национальное движение, среди участников которого были и северные алтайцы, в частности, торговец и бывший зайсан тубаларского сеока комдош Д. Тобоков. Большая же часть североалтайской элиты, как и территория традиционного проживания кумандинцев, оказалась вне данного процесса. В новых условиях элита, состоявшая в основном из сотрудников АДМ, оказалась

Уровень грамотности в домохозяйствах коренного населения по волостям Бийского уезда (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года)

Волость	Численность коренного населения (чел.)	Количество грамотных	
		чел.	%
Верхне-Бийская	2 747	167	6,1
Лебедская	625	37	5,9
Нижне-Кумандинская	2 695	139	5,2
Озеро-Куреевская	512	13	2,5
Паспаульская	1 141	180	15,8
Сузопская	873	55	6,3
Тайнинская	499	7	1,4
Троицкая	352	15	4,3
Урунская	1 982	79	4
Всего	11 426	692	6,1

Сост. по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1а., 1б., 5.

невостребованной. Алтайская Горная дума в лице лидера национального движения Г.И. Гуркина обратилась в миссию, чтобы выяснить «содержимые ею учреждения, материальные средства, суммы специальных и неприкосновенных, и недвижимых имуществ», затем возбудила «ходатайство о передаче Бийского Катехизаторского училища в ея (Алтайской Горной Думы. – *В.Н.*) ведение для преобразования его… в Учительскую семинарию для подготовки учителей алтайских школ» (ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 28. Л. 1, 4).

Руководство АДМ и алтайская элита в период борьбы за суверенитет придавали особое значение созданию школьной сети для формирования лояльности населения и условий воспроизводства национальной интеллигенции.

Установление советской власти сопровождалось дальнейшим вытеснением «старой» элиты, а также сохранением внимания к образовательной сфере. Так, в с. Чемал на базе миссионерской двухклассной школы в 1920 г. открыли «краткосрочные курсы инородческих учителей». При подборе курсантов и преподавателей требовалось исходить из «классовой их принадлежности и проявляемой идеологии» (ГААК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 274. Л. 66 об.).

Аналогичные условия устанавливались при формировании советских органов власти на местах. В результате новой власти приходилось опираться на необразованные или малограмотные слои населения. Так, в 1923 г. членами сельсоветов в Солтонской, Тайнинской и Урунской волостях были 19 представителей коренного населения, из которых только 7 имело «домашнее образование», а 1 – «сельское» (ГААК. Ф. 768. Оп. 1. Д. 168. Л. 17; Д. 169. Л. 8; Д. 179. Л. 8, 13, 18, 44, 50, 80). Членами верхнебийского волисполкома являлись два брата Ильтеевых, обучавшихся в Катехизаторском училище, но не закончивших образование и не имевших в дальнейшем никакого отношения к миссии (ГААК. Ф. 768. Оп. 2. Д. 9. Л. 136, 137).

Представители североалтайской элиты оказались вытеснены из общественно-политической жизни региона, часть из них подверглась репрессиям. Так, известные кумандинские торговцы Назар Чинчикеев и Александр Набутов были признаны кулаками, а их имущество (дом, амбар и лавку) предполагалось перевести из д. Кубия в с. Сузоп «для сдания волисполкома и столярной мастерской» (ГААК. Ф. 768. Оп. 2. Д. 4. Л. 87).

Новое поколение учителей рекрутировалось со всей Советской России, проходило переподготовку в г. Бийске и в большинстве случаев не имело никакого отношения к миссии. Лишь в Елейской школе национальных меньшинств в 1923–1924 учебном году преподавал выпускник Катехизаторского училища Н.К. Уканаков, которого в силу возраста (25 лет) сложно было отнести к «старой» элите (ГААК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 95. Л. 43).

Таким образом, истоки североалтайской элиты восходят к сторонним задачам миссионерской деятельности в регионе. Взращенная миссией элита была лояльна и основной задачей видела просвещение сородичей. В период Гражданской войны местная интеллигенция находилась в сфере влияния алтайского национального движения, играя в основном второстепенную роль. Распространение советской власти нивелировало успехи АДМ в деле формирования североалтайской элиты, приведя к вытеснению ее из общественно-политической жизни региона. Опора новой власти на малообразованных представителей коренного населения, привлекаемых в волисполкомы и другие региональные руководящие органы в начале 1920-х гг., по-видимому, носила декларативный характер. Начался новый этап формирования североалтайской интеллигенции, но уже лояльной советской власти.

Список литературы

Михайлов Д.А. Алтайский национализм и археология // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 1. – С. 37–51.

Самушкина Е.В. Символические и социо-нормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия (конец XX – начало XXI в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 274 с.

Тадина Н.А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 77–81.

Эдоков В.И. Возвращение мастера. – Горно-Алтайск: Чаптыган, 1994. – 240 с.

УДК 745+739.

И.В. Октябрьская

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: siem405@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВОЙЛОК РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются тенденции развития художественных войлоков Республики Алтай в конце XX – начале XXI в. Отмечается, что производство войлоков в регионе переживает возрождение. Составляющими этого процесса являются: воссоздание традиций производства войлока коренным населением региона, эксперименты профессиональных художников, широкий опыт международного и межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: *художественный войлок, домашние промыслы, традиции и новации, ремесленные центры, фестивали.*

This article reviews development tendencies of artistic felt in the Republic of Altai in the end of XX – beginning of XXI century. It is noted that the felt manufacture in the region enjoys its resurgence. This process consists of: recreation of regional native people's traditional felt manufacture, professional artists' experiments, and wide range of international and intercultural interaction.

Keywords: *artistic felt, home craft, traditions and innovations, craft centers, festivals.*

Традиционные алтайские войлоки производились вплоть до середины XX в. как часть повседневного домашнего обихода и атрибут семейной обрядности. Они имели простые художественные решения: преобладала техника вкатывания и тканевой аппликации, а узоры отличались лаконичностью; орнаментальные мотивы соединялись с реалистичными сюжетами. К 1990-м гг. изготовление художественных войлоков в среде коренного населения Алтая пришло в упадок.

В настоящий момент оно переживает возрождение. Составляющими этого процесса являются: воссоздание традиций домашнего производства войлока коренным населением региона, авторские эксперименты профессиональных художников, широкий опыт международного и межкультурного взаимодействия.

В связи с актуализацией на Алтае бурханистких религиозных практик в республике получили распространение сакральные войлоки – *ширдеки*, декор которых воспроизводит образы традиционной картины мира. Сложился круг мастеров, рассматривающих их изготовление как форму трансцендентного откровения.

Наряду с сакральным творчеством на Алтае развиваются ремесленные художественные практики. Одной из форм этого развития становятся фестивали. В июле 2014 в с. Чуйозы Онгудайского района Республики Алтай прошел фестиваль народного творчества «Алтын Казык», приуроченный к празднованию Межрегионального праздника «Эл-Ойын» (3–6 июля 2014 г.) в рамках года культуры. В нем приняли участие мастера из различных регионов Сибири, а также из Монголии, Киргизии и Турции.

Учредителями фестиваля выступили: Правительство Республики Алтай, Министерство культуры РА, Министерство туризма и предпринимательства РА, Министерство экономики и инвестиций РА и Министерство сельского хозяйства РА. Фестиваль включал конкурс изделий из войлока «Кийис байрам». Его организаторами стали: АУРА «Центр народно-художественных промыслов Энчи», некоммерческое партнерство «Палата ремесел Республики Алтай», Всемирный фонд дикой природы и др. организации.

На фестивале обсуждались перспективы ковроделия в Республике Алтай: проблемы стиля, технических приемов и художественных принципов. Его проведение стало показателем уровня развития художественного войлока в регионе.

Ставка на развитие ремесел сделана в Республике Алтае с середины 2000-х гг. С этого времени регулярными стали обучающие семинары

и мастер-классы, в т.ч. по искусству изготовления войлоков. В 2012 г. при поддержке Палаты ремесел и ОО «Женщины Алтая» они прошли в Усть-Коксинском и Майминском районах. Результатом высокой активности стало создание ряда центров, специализирующихся в области художественного войлока. Ведущими среди них на Алтае стали НКО «Айкумена» и «Алтайский войлок».

НКО «Айкумена» и «Алтайский войлок» возникли в 2012 г. Его лидеры – художники по войлоку – получили грант Министерства труда и социального развития Республики Алтай. В результате в с. Онгудае и г. Горно-Алтайске прошли обучающие семинары по искусству войлоковаляния. Один из семинаров организовали на базе кружка «Художественный войлок» Горно-Алтайского университета. В работе семинаров в 2013 г. приняли участие несколько десятков женщин.

В июле 2014 г. при поддержке фонда Елены и Геннадия Тимченко алтайские войлочники организовали практический семинар по изготовлению ковров в с. Каярлык Онгудайского района Республики Алтай. Его проведение рассматривалось как толчок для развития местного производства и возрождения народных ремесел Алтая. Обоснование семинара включало анализ ресурсного потенциала территории.

Согласно данным республиканской статистики, на 1 января 2014 г. поголовье овец и коз Алтая насчитывает около 500 тыс. голов. В регионе произведено свыше 1 тыс. тонн шерсти. Сырьевое обеспечение рассматривается как условие для развития народных текстильных промыслов.

Искусству валяния войлоков в регионе придается большое значение в контексте развития местной промышленности и туризма. В настоящее время в границах горно-степных территорий, ориентированных преимущественно на скотоводство, формируется сеть ремесленных центров. Речь идет о создании нового туристического продукта – искусства художественного войлока. Промыслы по производству войлока позволяют решать проблемы занятости, прежде всего, сельского населения, повышают уровень доходов и способствуют развитию социальной активности.

Семинар, проведенный на Алтае, стал частью большого проекта. В ходе реализации его программы разработано методическое пособие «Алтайские войлочные ковры-кийис» и CD-диски с уроками по валянию войлока.

По итогам семинара каждая участница изготовила ковер, а вместе они создали «ковер дружбы», который стал экспонатом фестиваля «Войлок кочевников», состоявшегося в сентябре 2014 г. в Каракольском этно-природном парке «Уч-Энмек» Онгудайского района Республики Алтай. В фестивале приняли участие ведущие мастера – художники Алтая Каламбина Желтковская, Айдана Тадыкина, Айсулу Такина, Айсура Таханова, Ольга Саватова, Яна Кондратьева, Ольга и Иван Зиновьевы и др.

Производство художественного войлока в Республике Алтай к настоящему времени приобрело надэтнический характер. Современные мастера используют местное и привозное сырье – натуральную шерсть и искусственные волокна, практикуют ручное валяние и механическую прокатку, работают в разных техниках мокрого и сухого валяния (набивка, вкатывание, аппликация, объемное моделирование, смешанные техники). Айдана Тадыкина создает ковры по мотивам Пазырыка, выполняет копии картин Г. Чорос-Гуркина преимущественно в ахроматической гамме. Каламбина Желтковская соединяет традиционный и современный войлок. Ей принадлежат коллекции одежды «12 месяцев», «Пазырык». Ольга Саватова работает в традиционной технике аппликации по войлоку, экспериментирует с плетеными жгутами и объемом. Иван и Ольга Зиновьевы из с. Чепош Чемальского р-на специализируются на производстве костюмов и аксессуаров. Айсула Такина из с. Иодро Онгудайского района работает в стилистике этномодерна. Она является автором нескольких серий одежды по мотивам Пазырыка и скифской древности. Ольга Сельбекова из с. Курай изготавливает из войлока сувениры, украшения, амулеты и шапки. Лидия Топасова, Ольга Чулунова, Елена Олчонова – мастера из с. Улаган – создают ковры, одежду, сувениры, костюмы и украшения. Алтайский войлок отличается стилевым многообразием, выразительностью, пластичностью, органичным соединением традиций и творческих экспериментов.

Мастера Алтая ярко проявляют себя во всех сферах дизайна. Решающее значение в развитии современного художественного промысла имеет межкультурное взаимодействие и творческий диалог. В России, странах СНГ и Центральной Азии увеличивается количество фестивалей, представляющих искусство войлока.

За последние годы мастера Алтая принимали участие в международных выставках, в т.ч. в выставке «Содружество культур», посвященной 20-летию независимости Казахстана (Этнографический музей, г. Усть-Каменогорск), в выставке и дефиле в Национальном театре Горно-Алтайска «Алтайский войлок. Новые имена», в выставке «Алтай в Москве» — в Музее Современной истории, в фестивале «Женщина. Семья. Творчество» 2013 г. на Алтае.

В августе 2014 г. в Республике Тыве прошел V международный фестиваль «Узоры жизни на войлоке» с участием мастеров из Монголии, Кыргызстана, Казахстана, Хакасии, Алтая, Красноярского края и Бурятии, Кемеровской, Омской и Иркутской областей, других регионов.

Этот фестиваль проводится в г. Кызыле с 2010 г. За несколько лет он превратился в крупнейший форум художественного ремесла в Центральной Азии и стал значимым событием в туристическом календаре макрорегиона. Программа фестиваля традиционно включает мастер-классы и круглые столы по проблемам войлоковаляния в традиционных и пострадиционных обществах.

Мастера по войлоку Республики Алтай эффектно заявили о себе на фестивале в 2013 г. Помимо демонстрации работ признанных художников региона 12-летней Екатериной Суховеевой был проведен мастер-класс художественной росписи по войлоку с применением современных и традиционных технологий. Традиции и новации органично сочетаются в творчестве алтайских мастериц. На фестивале 2013 г. Айдана Тадыкина охарактеризовала эти особенности в докладе «Традиции и современность в художественном оформлении войлока», а Ольга Зиновьева представила доклад «Выявление новых художественных процессов в области создания современных произведений в войлоке». Обсуждение актуальных тенденций в развитии искусства художественного стало важной частью программы фестиваля.

Цель его заключалась в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить возможность для возрождения и сохранения народных традиций декоративно-прикладного искусства народов Сибири, России и Евразии, с другой – создать новую культурную среду, пространство для творческого общения и состязательности, развития деловых и творческих контактов мастеров и художников в контексте становления транснационального сотрудничества.

Международный фестиваль «Узоры жизни на войлоке» является частью евразийской и мировой сети художественных площадок и акций, протянувшейся от Японии и Монголии до России, Казахстана, Кырзыстана и далее. Он ориентирован на развитие художественных войлоков и ковроделия. Современный художественный войлок Республики Алтай органично включен в художественное пространство Евразии.

УДК 394

А.Ю. Охотников

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: tindrum@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЗДНЕИНДУСТРИАЛЬНОЙ И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В НИЖНЕМ ПРИАМУРЬЕ (1960–2010-е годы)*

В статье рассмотрены два примера вхождения сельских общин Приамурья – русской и нанайской – в ритмы позднеиндустриальной модернизации и последующего включения в постиндустриальную экономику. Материалами послужили данные опроса жителей сел Малышево и Сикачи-Алян Хабаровского района Хабаровского края (2014 г.), районная периодика (1967–1973 гг.) и похозяйственная документации Малышевского сельсовета (1973–1975 гг.).

Ключевые слова: *система природопользования, позднеиндустриальная модернизация, постиндустриальная экономика, социальная антропология, нанайцы, русские старожилы, рыболовство, традиционная культура, Нижнее Приамурье.*

The publication is considered two cases about entry countryside communities of russian and nanai Amur Region in conditions of lateindustrial modernization and their follow entry in post-industial economy. Results are presented by population survey in the Malyshevo and Sikachi-Alyan villages of Khabarovsk district in the Khabarovsk region (2014) and regional periodicals (1967–1973) and count property documentation of Malyshevo village council (1973–1975).

Keywords: *system of nature management, lateindustrial modernization, social anthropology, nanai, russian old-resident, fishery, traditional culture, Lower Priamurye.*

Села Малышево и Сикачи-Алян расположены на правом берегу р. Амура, в семидесяти километрах восточнее г. Хабаровска. Русское старожильческое село Малышево и нанайское село Сикачи-Алян широко известны благодаря научным описаниям петроглифов академика А.П. Окладникова [1971].

Влияние модернизации на традиционные культуры народов Севера – одна из самых плодотворных тем социальной антропологии. Воздействие советской позднеиндустриальной модернизации середины 1950 – начала 1960-х гг. на аборигенные культуры Сибири и Дальнего Востока отражено в аналитических обзорах сотрудников ИЭА РАН [Этнологическая экспертиза…, 2004, 2005]. Влияние деиндустриализации, постиндустриальной и «сырьевой» экономики на жизнь коренных обитателей Севера – центральная тема исследований современных антропологических школ [Хабек и др., 2009].

Статья основана на данных опроса жителей сел Малышево и Сикачи-Алян, материалах районной периодики и похозяйственных книгах Малышевского сельсовета.

В начале 1960-х гг. в с. Малышево была основана ремонтно-эксплуатационная база речного флота Амурского пароходства (РЭБ флота). Деятельность масштабного объекта транспортной инфраструктуры привела к эволюционированию старожильческого села в рабочий поселок. Быт, школьная социализация и основные хозяйственные практики подверглись влиянию мощного индустриального предприятия, оборудованного и организованного в соответствии с новейшими достижениями науки и техники своего времени. Так, в 1967 г. в Амурском пароходстве была введена «научная организация труда», благодаря которой оказался возможным перевод команд теплоходов «на высшую схему совмещения» должностей (по материалам газеты «Сельская новь» от 03.08.1967). По этому

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 14-01-18085е).

регламенту речники работают и сегодня. Помимо двух собственно «речных» специальностей, речник владел «береговой» специальностью и обязан был работать на судоремонте в период ледостава. По словам ветерана речного флота М.А. Примакова, отпуск и немалое число отгулов, накопившихся за навигацию, не удавалось использовать полностью – следовал вызов на предприятие. На экономике РЭБ флота эти обстоятельства отражались положительно. Так, план по выработке на одного работающего в июне 1967 г. был выполнен на 163 %, а предприятие стабильно занимало районную Доску почета (по материалам газеты «Сельская новь» от 22.07.1967).

Чрезвычайная занятость работников не благоприятствовала развитию местных форм хозяйствования и благоустройству села. Редкий дом в с. Малышево имеет резной наличник, усадьбы не предполагают содержание молочного скота, а занятие рыболовством носит исключительно любительский характер.

«В молодости был любителем подледного лова… Сейчас уже не могу себе позволить – руки зимой стали мерзнуть… А чего тут [в среднем течении] рыбачить? Амур когда станет, берешь махалку, лунку бьешь, и лови себе… [Здесь] для рыбалки хватает и резиновой лодки».

Рыбалка не получила в с. Малышево промыслового развития и по причине доступности товарной рыбы в низовьях Амура в период навигации.

«А чего я буду ее ловить, эту кетину, когда она 15 копеек за штуку у рыбаков шла? И отец мой [тоже речник] – сам не ловил, а покупал».

Сокращение объемов поставок по Амуру и приватизация речного транспорта привели к середине 1990-х гг. к выводу непрофильных активов и социальных программ из сферы интересов предприятий отрасли. Часть жителей села ныне занята в сфере услуг – охранники, таксисты, гражданский персонал военных объектов. На территории Малышевского сельского совета функционируют четыре малых предприятия (три фермы и пекарня), которые обеспечивают занятость только семей их владельцев.

Нанайское село Сикачи-Алян в 1960–1980-х гг. относилось к рыболовецкому колхозу «Красный маяк». Профиль деятельности подобных предприятий на Амуре мало отражал специфику традиционной производственной культуры аборигенного населения. Весьма значимым промысловым занятием была охота. Приготовление юколы – гораздо более рациональный способ заготовки красной рыбы, нежели ее охлаждение льдом перед отправкой на государственный рыбозавод. А.В. Смоляк отмечает существовавшую в середине 1950-х гг. практику запрета заготовки юколы (компактного и калорийного корма для охотников и промысловых собак) со стороны рыбоохраны [2004, с. 281]. Наряду с отсутствием колхозных вложений в организацию таежного промысла и масштабными трудозатратами в ходе крайне неудачных попыток организовать земледельческое освоение затопляемых территорий это привело к деградации традиционных охотничьих практик.

К концу 1960-х гг. хозяйственная и бытовая жизнь села претерпела масштабную модернизацию. В дома было проведено электричество, хозяйства обзавелись моторными лодками. Информанты 1950–1960-х годов рождения упоминают деревянный пол в родительских домах (у бабушек в селах Нанайского района он был земляным). Ко Дню рыбака 1967 г. «Красный маяк» служил вполне успешным примером диверсификации хозяйственной жизни приамурского колхоза. Помимо восьми мощных катеров предприятие располагало пятью пасеками, двадцатью гектарами овса, двенадцатью – гречихи; на 15 га возделывались картофель, капуста и бахчевые (по материалам газеты «Сельская новь» от 08.07.1967). Труд рыбаков был востребован не только в период путины. Промысловое значение для колхоза имел и вылов частиковых. Это делало доходы колхозников относительно стабильными, а их работу – регулярной. Кроме того, информанты говорят о весьма развитой практике молочного животноводства в личных подсобных хозяйствах, сложившиеся к 1960-м гг. Семьям удавалось держать до пяти голов крупного рогатого скота (в похозяйственных книгах указаны на 1975 г. две-три головы на хозяйство (ГАХК. Ф. Р1859. Оп. 1. Д. 166, 167). Откармливали также поросят и птицу. Выпас молочного скота осуществлялся на заливных лугах левого берега Амура. Свиней кормили рыбой, лишь за полтора-два месяца до забоя переходя на преимущественно растительный рацион кормления, благо урожай картофеля обычно был значительными. В Сикачи-Аляне успешным оказалось и приусадебное садоводство. Обычными для середины 1970-х гг. были посадки сливы, груши и смородины. В нескольких хозяйствах выращивали также яблони и вишни (ГАХК. Ф. Р1859. Оп. 1. Д. 166, 167).

Большая часть трудоспособных женщин в Сикачи-Аляне первой половины 1970-х гг. имела профессию швеи. Он были заняты в надомном производстве «национальной» обуви (тапочек) из кожи и меха, организованном Хабаровским потребсоюзом. Значимым видом деятельности в середине 1970-х гг. являлось обслуживание инфраструктуры образовательных, культурно-бытовых

и производственных объектов, расположенных на территории села. Часть жителей Сикачи-Аляна была занята на базе речного флота в с. Малышево. Несколько нанайских семей проживают там и сегодня.

В условиях постиндустриальной экономики оказались более состоятельны ремесла и навыки, практиковавшиеся в пределах домохозяйства. При деградации инфраструктурных проектов советского времени в сельской экономике произошла натурализация хозяйственной жизни: к прибрежному рыболовству вынуждены были прибегнуть и сельские специалисты, благо установка переметов не требовала дорогостоящих снастей и приобретения лодок. Прибрежные промысловые угодья распределили между представителями родовых структур, а внутри родов – по согласованию. Более ярко этот порядок проявился еще в советское время при распределении сенокосных угодий. Вместе с тем, архаизация экономики и ослабление коллективистских практик способствовали исчезновению молочного скотоводства: при отсутствии колхозного стада возникли проблемы с возобновлением поголовья, сугубо частным порядком держать скот оказалось трудоемко, маловыгодно и рискованно, т.к. в 1990-е гг. начали красть скот.

На сегодняшний день экономика Сикачи-Аляна базируется преимущественно на туризме. Изделия местных ремесленников находят сбыт среди посетителей филиала Гродековского музея. Рыболовный промысел приносит существенный доход лишь в путину. Занятость мужчин носит выраженный сезонный характер, что существенно ухудшает криминогенную ситуацию в поселении. Кроме того, рыболовный промысел в путину носит выраженно индустриальный характер и с традиционным занятием имеет уже мало общего. Лидер местной нанайской общины Р.Д. Одзял видит шанс для развития села в сочетании элементов туристического бизнеса с практиками традиционного природопользования. Так, угодья левого берега рационально использовать для охоты и экотуризма. Эта инициатива могла бы обеспечить постоянной работой мужское трудоспособное население Сикачи-Аляна, а также дала бы новый импульс развитию местных ремесел. При отсутствии поддерживающих хозяйственных занятий художественный промысел рискует выродиться в производство сувениров. Проблема состоит в специфике районирования Приамурья. В 1963 г. правобережье Нанайского района Хабаровского края решением крайисполкома было передано в Хабаровский район. В итоге селитьба и хозяйственные угодья Сикачи-Аляна оказались разделены между двумя муниципальными образованиями.

Автор выражает признательность за помощь в ходе исследования главе Малышевской сельской администрации Н.В. Даниловой и директору филиала Гродековского музея «Петроглифы Сикачи-Аляна» С.Н. Оненко.

Список литературы

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 334 с.

Смоляк А.В. О положении коренного населения Комсомольского и Нанайского районов Хабаровского края // Этнологическая экспертиза: народы севера России. 1956–1958 годы. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2004. – С. 273–314.

Хабек Х.О., Витебски П., Комарофф Ж., Костопулос А., Наварете Ф. Этнографические исследования на севере и их вклад в глобальную антропологию: попытка оценить современную ситуацию // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 3. – С. 371–373.

Этнологическая экспертиза: народы севера России. 1956–1958 годы. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2004. – 370 с.

Этнологическая экспертиза: народы севера России. 1959–1962 годы. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005. – 410 с.

УДК 39:27-526.62 (571=161.1)

И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: salnikovair@rambler.ru

КОЛЛЕКЦИЯ МЕДНОЛИТЫХ ИКОН (собрание Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН)

Статья посвящена обзору коллекции православных меднолитых икон. Ценность коллекции в том, что она скомплектована в местах компактного проживания старообрядцев различных толков. Предметы сгруппированы по типам пластики (иконы, складни, киотные кресты, врезные иконы «кивотки») и классифицированы по сюжетам. Отмечены различия в композиции культовых предметов старообрядцев различных толков и направлений.

Ключевые слова: *музейная коллекция, икона, складень, крест, икона врезная, старообрядцы, сюжет, систематизация.*

The paper is devoted to description of Orthodox cast copper plastic art collection. It was assembled in the compact habitation areas of Old Believers with different persuasions. The artifacts form three groups in the assumption of plastic art type: icons, icons with foldable side flaps, icon case cross-crucifixes, icons cutting in the stand ("kivotka"). The objects are classified according to the items. The compositions of objects of religious worship differ among the Old Believers with different persuasions and directions.

Keywords: *museum collection, icon, icons with foldable side flaps, icons cutting in the stand, Old Believers, item, systematization.*

В фондах Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН хранится небольшая по объему, но разнообразная по сюжетам, декору и композиции коллекция меднолитой православной пластики. В коллекции более сорока предметов. Необходимо отметить, что данное собрание уникально и заслуживает особого внимания и изучения. Большая часть предметов привезена из мест компактного проживания старообрядцев. По месту комплектования коллекцию можно разделить на две неравные части. Самую значительную часть (ок. 30 ед.) составляют предметы, приобретенные в 1976 г. при проведении комплексной археографической экспедиции в пос. Майский Томской области. По свидетельству руководителя экспедиции, доктора филологических наук Е.И. Дергачевой-Скоп, здесь проживали представители филипповского толка (одна из ветвей беспоповского согласия), отличающиеся закрытостью и строгой приверженностью традициям.

«Филипповцы – одно из течений в старообрядчестве в России. Возникло в начале 18 в. на севере Европейской части России в среде черносошного крестьянства; основатель – беглый стрелец Филипп (1672–1742). В 1737 г. филипповцы вышли из Выговской общины поморцев и основали скит на р. Умбе в Карелии. Отличались фанатической нетерпимостью к другим направлениям раскола» [Советская историческая энциклопедия…, 1974, с. 107].

Остальные предметы привезены из мест проживания семейских старообрядцев Забайкалья доктором исторических наук Ф.Ф. Болоневым в 1970–1980-е гг. Коллекция включает иконы, иконы-складни, кресты-распятия (напрестольные и киотные), врезные иконы «кивотки».

Иконы многочисленны и разнообразны по сюжету и декору. В первую группу входят «праздничные» иконы. Основные сюжеты – двунадесятые праздники. Все иконы отличает многофигурность композиции, высокий рельеф литья, богатое декорирование поля, использование многоцветной эмали, наличие рамки и бортиков. По размерам они относятся к полутора-двухвершковым иконам. Так, икона «Ветхозаветная троица» украшена

эмалью. Она восхищает четко прорисованными ликами и складками одежды. Икона вставлена в резной деревянный оклад, декорированный растительным орнаментом и покрытый золоченым левкасом.

Вторая группа икон – «святые». На этих иконах изображен один святитель или святой. Центральный образ – фронтальное погрудное изображение святого. Отличается икона «Огненное восхождение Илии пророка», на которой изображены сцены жития святого. Иконография сложная. Изделие имеет следы золочения. Другой образец этой группы – семивершковая икона «Святитель Никола Чудотворец». Она поражает нарядностью, глубокой проработанностью лика святого, его одежд. Икона украшена многоцветной эмалью. Ее широкий бортик декорирован гравировкой в виде растительного орнамента (виноградная лоза).

Третья группа включает изводы с образами избранных святых. На этих иконах присутствуют многофигурные композиции. Сюжеты разнообразны. Святые показаны в полный рост. К фронтальной фигуре святого в полупрофиль повернуты остальные персонажи. По размеру иконы полутора-двухвершковые. Практически все они украшены эмалью, имеют высокий рельеф литья. Среди предметов этой группы выделяется редкая по сюжету икона «Кирик и Иулитта». Кроме центрального образа на ней изображены еще десять фигур. Икона имеет килевидное резное навершие, украшена эмалью и рельефной рамкой.

Изводы, посвященные образу Богоматери, представлены тремя экземплярами: «Богоматерь. Всем скорбящих радость», «Умиление», «Неопалимая купина». Первая икона украшена навершием в виде «кокошника». Все предметы декорированы многоцветной эмалью.

В состав следующей группы входят четырехстворчатые складни с изображением двунадесятых праздников. Все они с килевидным навершием. На складнях размещены следующие композиции: «Распятие Христа», «Новозаветная троица», «Воздвижение Креста Господня». На трех створах расположены по четыре клейма – сюжеты главных православных праздников. Четвертая створа посвящена поклонению иконам Богоматери. На обороте центральной (второй) створы изображен Голгофский крест в орнаментированной рамке-заставке.

Кресты-распятия напрестольные и киотные имеют восьмиконечную форму и разную иконографию оглавий: «Образ нерукотворный», «Бог Саваоф». Все кресты, кроме одного, украшены многоцветной эмалью. Оборотные стороны изделий декорированы по-разному: на некоторых выполнен текст молитвы поклонения кресту, другие украшены растительным орнаментом; встречается сочетание текста и декора. Два киотных распятия отличаются многофигурностью композиции. К ним добавлены боковые пластины с новыми образами: на левой пластине – Богоматерь и святая Марфа, на правой – апостол Иоанн Богослов и мученик Лонгин сотник.

Иконы собрания отличаются прекрасной сохранностью и редкостью исполнения. «Ветхозаветная троица», «Святитель Никола Чудотворец» и несколько икон с сюжетами избранных святых относятся к редким изводам. По каталогу «меднолит» они числятся в 8,9 группе редкости [Электронный ресурс]. С большой долей вероятности, данные предметы можно отнести к московской школе художественного литья.

Следует отметить семь врезных икон – «кивоток». Домашние иконостасы, по мнению С.В. Гнутовой [1993, с. 192], сохранились только в старообрядческой среде. Доска, в которую врезались иконы и кресты – распятия киотные, служила декоративным обрамлением пластического элемента. Таким образом, живопись соединялась с культовым предметом. Используя классификацию С.В. Гнутовой, можно выделить домашние иконостасы и «кивотки» двух видов.

Домашние иконостасы отличаются от «кивоток» большими размерами и художественным оформлением фасада.

Пример домашнего иконостаса: в центр киота (деревянный ящик с бортиками, украшенный накладными резными колоннами) помещен многофигурный крест-распятие. Крест-распятие киотный восьмиконечной формы, с парными изображениями предстоящих. В оглавии креста – образ Бога Саваофа с изображением птицы. Навершие изделия украшает 21 фигура херувимов и серафимов. По сторонам в восемнадцати клеймах помещены следующие композиции: «Троица Новозаветная», «Богоматерь Одигитрия с избранными святыми», «Богоматерь Знамение», «Троица Ветхозаветная», «Святитель Никола Чудотворец», сюжеты двунадесятых праздников. Произведение органично. Поле темно-зеленого цвета. Рамка ковчега подчеркнута красной волнистой линией. В верхних углах ковчега намечены красные цветы.

Другой пример домашнего иконостаса: предметы помещены в глубокий резной киот, украшенный накладными балясинами. В центр киота врезан крест-распятие, ниже и сбоку – два складня. Один складень трехстворчатый, с сюжетом «деисусный чин», другой – трехстворчатый, с килевидным навершием. На центральной створе

изображен Святитель Николай в полный рост, а на других створах – по два клейма с избранными святыми. Поле киота зеленого цвета, рамка и балясины – красные.

Третья икона – образ Спаса Вседержителя – вставлена в металлический киот и украшена рамкой, сплетенной из бисера. По периметру рамка декорирована бусинами и крупными стразами.

Последний предмет представляет собой резной киот коричневого цвета, с арочным оглавием, на котором нарисован Образ Нерукотворный, а на боковых гранях – образы предстоящих. В центр врезан трехстворчатый складень с сюжетом деисусный ряд.

К «кивоткам», которые служат обрамлением литой иконы, отнесена икона «Вознесение Господне, сошествие во ад». Центральным образом является крест киотный с предстоящими; две иконы по бокам – с сюжетами «избранные святые». Поле иконы красного цвета и украшено цветами, нанесенными кистью. Вторая икона этого круга представляет собой доску зеленого цвета, куда помещены крест-распятие киотный (в центральной части) и икона с сюжетом «Образ вознесение Господне» (в правой части).

К «кивоткам», сочетающим иконную живопись с пластическим образом, отнесена икона «Крест распятие с предстоящими». В центр помещен литой крест-распятие с образом; фигуры на полях и предстоящие – писанные. Вся композиция – единое произведение, где пластика и живопись гармонично сливаются в один сюжет

Систематизация коллекции и атрибуция икон дает основание фиксировать особенности иконографии сюжетных композиций и отнести некоторые ранее неатрибутированные иконы к разным течениям старообрядчества Сибири.

Для икон филипповского толка характерны: высокий уровень исполнения, редкость сюжетов, богатая палитра эмалей, высокий рельеф. Иконы семейских старобрядцев имеют более простое исполнение, особенно это касается врезных икон первого типа. Вероятно, для их изготовления могла использоваться вторичная матрица.

На кресты и иконы поморского согласия никогда не помещали изображение Бога Саваофа [Гнутова, Зотова, 2000], поэтому культовые предметы с подобной иконографией можно вязать только со старообрядцами Восточной Сибири – семейскими. Все врезные иконы и часть крестов-распятий можно отнести к семейским старообрядцам Забайкалья. Некоторые параллели прослеживаются в декорировании врезных икон и прялок этого региона.

Вопрос датировки предметов коллекции остается открытым. При определении времени изготовления учитывается иконография предмета, сюжет, техника исполнения, способы декорирования [Рындина, 1978; Сальникова, 2005; Русское медное литье…, 1993]. Хронологический диапазон коллекции – последняя треть XIX в. Иконы врезные худшей сохранности: лики стерты, некоторые сюжеты не читаются. По иконографии они соответствуют этой дате, но могут относиться и к середине XIX в. Более детальное изучение даст возможность уточнить даты, позволит определить центры изготовления и авторство изделий.

Список литературы

Гнутова С.В. Русское медное литье. – М., 1993.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни: медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. – М.: Интебрук, 2000.

Русское медное литье: сб. ст. / Центр. музей древнерус. культуры. – М., 1993. – Вып. 1–2.

Рындина А.В. Древнерусская пластика. – М.: Наука, 1978.

Сальникова И.В. Образ Святителя Николая в меднолитой пластике в коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея // Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX вв. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 105–108.

Советская историческая энциклопедия. – М.: Энциклопедия, 1974. – Т. 15.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mednolit.ru/photo/obrazy_svjatykh_17_19_veka/249.

УДК 314.122.62

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: khakassie@yahoo.com

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЙЦЕВ (1920-е годы)*

Статья посвящена традиционной культуре алтайцев в советском общественно-политическом дискурсе 1920-х гг. Исследование основано на архивных документах, материалах центральной и периодической печати. Основные идеологемы советского этнополитического дискурса – «отсталость туземного населения» до Октябрьской революции, русификаторская политика Алтайской духовной миссии, идея разрыва с прошлым, мотив дружбы народов, хозяйственное и культурное развитие под руководством советской власти. Формой презентации «победы нового строя» среди коренных народов Сибири (в т.ч. Алтая) стали выставки, посвященные прошлому и настоящему региона.

Ключевые слова: *алтайцы (ойроты), образы прошлого, этнонациональная политика, трансформация традиционной культуры, сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка.*

This article reviews representation traditional culture of Altai in Soviet socio-political discourse. Research is based on archival records, central and periodic press materials. Author elicits main ideologemes of Soviet ethno-political discourse: undevelopment of "aboriginal population" before October revolution, russification policy of Altai ecclesiastical mission, the idea of break with the past, motive of peoples' friendship and surmounting of economic and cultural undevelopment under the guidance of Soviet government. The form of presentation «the victory of the new system» steel exhibition at various levels among the indigenous peoples of Siberia (including Altai), representing the past and present of the region.

Keywords: *Oirots (Altaian), image of the past, ethno-national policy, transformation of traditional culture, agricultural exhibition and trade show.*

В 1920-х гг. в Сибири были созданы этнонациональные административно-территориальные образования. 1 июня 1921 г. ВЦИК принял постановление об образовании Ойротской автономной области. Вслед за этим в печатном органе Народного комиссариата национальностей, газете «Жизнь национальностей», появилась статья, поясняющая сущность политики советской власти по «национальному вопросу» на примере Ойротии. В тексте акцентировались идеологемы, характерные для советского этнополитического дискурса периода формирования Советского социалистического государства: «дикость туземного населения» до Октябрьской революции, ассимиляционная политика Алтайской духовной миссии, мотив дружбы народов и преодоления хозяйственной и культурной отсталости коренных народов под руководством советской власти.

В статье, посвященной будущему Алтая, перед его коренным населением была поставлена следующая задача: «…на почве самобытных местных условий изыскать практические пути и методы для приобщения и ойратов к тем грандиозным задачам, которые стоят ныне перед трудящимися народов всей федерации» [Жизнь национальностей…, 1922, с. 1–2].

Проводя в жизнь политику коренизации, развивая местные языки и внешние формы этнической идентичности, советская власть особое внимание уделяла музейным и выставочным практикам в национальных регионах. Ярким примером воспроизводства культурной самобытности стала череда сельскохозяйственных и кустарно-промышленных выставок, организованных в различных автономиях страны. В Ойротии подобная выставка прошла в с. Улала 7 июля 1923 г. По ее итогам 139 лучших

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 12-31-01223 а2).

экспонатов направили на Первую всероссийскую сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку, проведенную в 1923 г. в г. Москве, на территории современного Нескучного сада и Парка культуры и отдыха им. М. Горького. Одно из центральных мест на выставке отводилось экспонатам, демонстрирующим преимущества национальной политики советской власти на местах.

Анализируя организацию и результаты Первой сельскохозяйственной выставки, заведующий отделом национальных меньшинств при Наркомнаце А. Скачко выделил среди главных ее задач одну: сравнение Российской империи, преследовавшей интересы русского большинства за счет пренебрежения интересами других народов, с новой Россией, представляющей союз равноправных народов. Смотр народов, по мнению эксперта, призван был убедить мировое сообщество, что «многочисленный сильный физически и экономически народ (в данном случае русский) может жить с другими, более слабыми, не только не угнетая и не эксплуатируя их, а, наоборот, путем самопожертвования, поднимая на равную себе экономическую и культурную высоту» [Скачко, 1923, с. 5].

Одной из важных задач выставки стала демонстрация развития хозяйства народов страны в связи с выполнением национальной политики РКП. «Любопытное зрелище будет представлять на выставке территория, отведенная нерусским национальностям. Там сойдутся люди со всех концов света… Сойдутся со своими постройками, саклями, юртами, кошами, чумами, со своим хозяйством, со своими промыслами, со своим искусством, своими нравами и обычаями, чуждыми и неизвестными друг другу. Сойдутся говорящие на сотнях языков, будто бы для того, чтобы оживить старинный библейский миф о постройке вавилонской башни» [Скачко, 1923, с. 12–13].

Обращение к библейской истории отвечало христианским мотивам воздаяния и обретения Царства Божия на земле, характерным для ранней постреволюционной публицистики коммунистической России. Миф о Вавилонской башне трактовался автором на основе сравнения с периодом первобытного коммунизма. Создавая советское государство, представители различных народов якобы возвращались к состоянию общности различных племен с целью построения общества всеобщего благоденствия. При этом отмечалось, что культурное и языковое многообразие является преимуществом нового государства, где доминирует классовая идентичность. «Тундровые оленеводы, таежные звероловы, горные пастухи узнают, что появился в мире новый титан – пролетариат и железным молотом разбил социальные оковы, национальные перегородки, религиозные предрассудки; прогнал всех богов, царей и господ и очистил место для всех трудящихся…» [Скачко, 1923, с. 13]

Большое значение в подготовке выставки было уделено окраинным территориям России. Отдельного павильона Сибири не существовало. Представители алтайцев (ойротов), хакасов, якутов, бурят, северных народностей были представлены в Отделе народного быта. Общий уровень культурных достижений народов Сибири, развитие их хозяйства были показаны в схемах и диаграммах Павильона Наркомнаца.

На территории Нескучного сада организовали выставочное пространство, где экспонировались традиционные постройки сибирских народов, в т.ч. юрты алтайцев, полностью обустроенные. Рядом с аилом были установлены подлинные жертвенник и коновязь. На протяжении работы выставки в традиционных жилищах проживали представители коренных народов, выполняя, насколько это возможно в предложенных условиях, повседневную работу. Им также вменялось за правило носить традиционные костюмы. Для придания зрелищности мероприятию из Ойротской автономной области выписали шамана, который должен был камлать для посетителей выставки, демонстрируя «темное прошлое туземцев» (ГАРФ. Ф. Р-3920. Оп. 1. Д. 11. Л. 21). Каждый вечер проводились концерты этнической музыки, исполнялись эпические произведения, обряды и «живые картины» (ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1271. Л. 25).

Помимо культурной программы, организаторы выставки устраивали беседы, читали лекции о национальной политике советской власти, борьбе с культурной отсталостью и мерах, предпринятых для организации образования среди меньшинств Сибири (ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 64. Л. 23).

На закрытии выставки 30 сентября 1923 г. был проведен «Праздник народов СССР». Подготовительная работа к этому мероприятию предполагала организацию «бытовых картин» (свадьба узбеков, живая картина из татарской жизни, азиатский караван с арбами и национальными костюмами, выступление на сцене народов Кавказа) и разъяснительных бесед о значении праздника как символа сплоченности, впервые декларируемой властью Советов. По мысли организаторов, цель праздника заключалась в показе политического и экономического значения объединения народов, культурного сотрудничества на фоне этнографической специфики (ГАРФ. Ф. Р-3920. Оп. 1. Д. 18. Л. 214). Открывало мероприятие шествие народов в традиционных костюмах. Затем был проведен

митинг, на котором выступили лидеры РКП. Закончился праздник концертом народной музыки и танцев.

Активное участие в выставке приняли делегаты от Ойротской автономии и учащиеся Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). В дар организаторам выставки было преподнесено знамя ойротов, выполненное алтайским художником, бывшим членом Главного национального комитета алтайских туземных народностей Алтайской Горной думы Н. Чевалковым. Творческой презентацией стало исполнение сюиты «Кан-Алтай», написанной алтайским этнографом и композитором А.В. Анохиным, а также демонстрация горлового пения [Ойраты…, 1995, с. 20–21].

Профессор Б. Соколов, фольклорист и организатор музейного дела в СССР, так воспоминал об этом празднике: «Впервые со всей ясностью испытываешь чувство моральной справедливости за эти народности, что им наконец дано право на устройство своей жизни, развития своей культуры, без насильственного их подавления главенствующей русской народностью. Но при этом с еще большей ясностью осознаешь всю крепкую связь, какая при всей разноликости племен СССР объединяет их с нами единством наших интересов, устремлений и культуры, которая определена многовековой прожитой совместной жизнью, совместной борьбы и общими идеалами. С жадным любопытством ходите вы по выставке и, словно, совершаете быстрейшие перелеты из одной местности России в другую… Но ваше представление было бы не полным, если бы все эти постройки не были бы оживлены их обитателями – человеком, под которого и который все это создает. Перед вами не безжизненные манекены, а живые типы. Вы видите их, слышите их речь, их песни, …вы видите их в подлинной своей обстановке, с их способами передвижения. А когда вся эта разноплеменная, разноликая толпа народа вышла на улицу, чтобы принять участие в шествии народов в воскресенье 30 сент., то трудно передать то великолепие, яркости жизни, пестроту и разнообразие костюмов, народных песен, когда это шествие движется перед вами» (РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3048. Л. 1–2).

Успешная работа выставки позволила поставить перед Народным Комиссариатом по делам национальностей вопрос о создании на основе собранных экспонатов Музея народного быта СССР. Музей должен был стать символом единения народов, их «братского союза» на почве хозяйственного строительства (ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1270. Л. 102).

При этом главное значение при подборе экспонатов уделялось способности «местных туземных культур», в т.ч. ойротов, к адаптации к меняющимся условиям, а также к народному творчеству. Народное искусство рассматривалось как пример творчества трудящихся различных этнических групп и символ подлинного таланта народов.

Анализируя выставочные практики советского государства 1920-х гг., посвященные коренным народам Сибири, в т.ч. алтайцам (ойротам), можно сделать следующий вывод: идеологию определяло двойственное отношение к традициям. С одной стороны, традиции рассматривались как воплощение архаики и «отсталости туземцем», а с другой – свидетельствовали о творческом потенциале. Поддержка национальных традиций в масштабах выставок демонстрировала успехи новой власти в национальной политике. В 1920-е г. в области политической идеологии и науки формировался концепт «народная культура», под которой понималась, прежде всего, творческая деятельность трудящихся – представителей коренного населения.

Список литературы

Жизнь национальностей. – 1922. – № 13.

Ойраты в **Москве** (письмо ойратов-студентов КУТВ) // Кан Алтай. – 1995. – № 1. – С. 20–21.

Скачко А. Национальная политика и автономные объединения на Всесоюзной сельско-хозяйственной выставке // Жизнь национальностей. – 1923. – № 5. – С. 3–14.

УДК 930.85

К.Н. Серпова[1], Е.Ф. Фурсова[1, 2], И.Ю. Аксенова[2]

[1]Новосибирский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: mf11@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ПРИЧУЛЫМЬЯ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА*

В статье проблема трансформации этнического самосознания переселенцев с западных окраин России в Причулымье Новосибирской области рассматривается на сопоставлении архивных и полевых материалов. Сведения из переписей и похозяйственных книг нередко разнятся по содержанию графы о «преобладающей национальности» в конкретных населенных пунктах. Полевые материалы в одних случая свидетельствуют о трансформации этнического сознания, а в других – о стойком его сохранении при условии компактности проживания и единства мест выхода переселенцев. Очевидно, с территорий Белоруссии и Украины в Причулымье переселялись не только этнические белорусы и украинцы, но и русские.

Ключевые слова: *этнический состав, население Причулымья, трансформация самосознания, анализ архивных и полевых источников.*

The article is devoted to the problem of the transformation of ethnic identity among immigrants of Chulym river (Prichulymya, Novosibirsk region) from the western suburb of Russia is considered on a comparison of archival and field material. Obviously, household books often differ from each other on the content of the graphs of the "dominant nation" in specific localities. Field data indicates the transformation of ethnic consciousness in some cases and it is saved with a persistent condition for compactness and common origin where they exit immigrants. It is obvious fact that the territories of Belarus and Ukraine moved not only ethnic Belarusians, Ukrainians, but also Russian, who lived there for centuries.

Keywords: *ethnic composition, population of Prichulymya, transformation of ethnic consciousness, analysis of field and archival sources.*

К середине XX в. Западная Сибирь стала территорией для расселения сотен тысяч людей, оторванных от родных мест и материнских этносов. Национальный состав ее районов – результат сложных многовековых этнокультурных процессов. В 1770-х гг. масса ссыльных помещичьих крестьян, беглых и «в зачет рекрутов» оседала в пределах Западной Сибири в южных округах, одним из которых был Каинский [История Сибири…, 1968, с. 190]. В Восточной Барабе в это время существовали 12 деревень, где по неполным данным проживало свыше 500 чел. [Громыко, 1965, с. 102, 103]. К XIX в. потомков этих русских переселенцев стали называть «коренными сибиряками», «чалдонами» [Фурсова, 2002, с. 31].

Этническая картина населения Причулымья усложнилась в конце XIX – начале XX в. Согласно переписи населения 1926 г., на территории современного Чулымского района Новосибирского округа (включая Ужанихинский) в 264 населенных пунктах проживали русские (большая часть), белорусы (10,8 %) и украинцы (5,9 %) [Шнейдер, 1930, с. 110]. В 1930–1940-х гг., в силу разных обстоятельств, здесь оказались выходцы из Балтии, Поволжья и др. мест. Сведения из похозяйственных книг Чулымского района Новосибирской области за 1920–1940-е гг. были проверены и дополнены полевыми этнографическими материалами авторов (ОАСТАЧР; ПМА-1999, 2005). В ходе детального анализа удалось выяснить этнический состав населения, определивший этнокультурный облик края.

Деревня Иткуль (основана в 1630 г.) [Список населенных мест…, 1928, с. 314–318]. Была волостным центром, а в материалах переписи 1926 г. обозначена как русское село (рис. 1). До настоящего времени ее населяют старожилы, которое считает себя потомками «чалдонов» (Изосимовы,

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

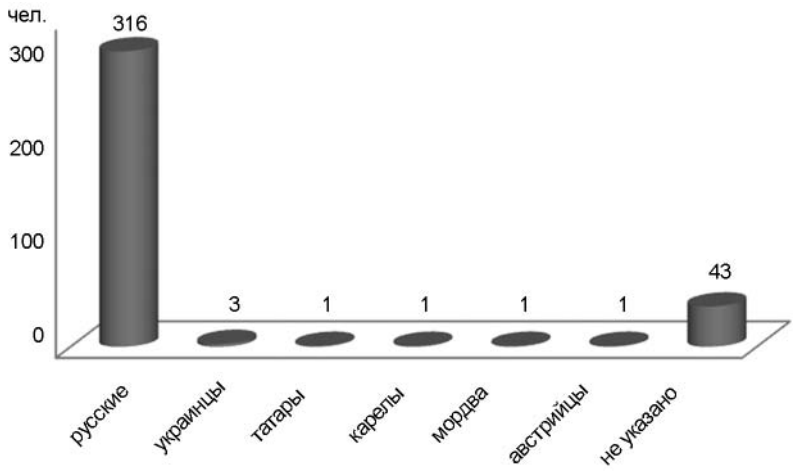


Рис. 1. Этнический состав населения по данным похозяйственных книг Иткульского сельского совета с. Иткуль за 1925–1941 гг. (ОАСТАЧР. Ф. 24. Оп. 3. Д. 10–25).

Климовы). В отличие от «чалдонов» правобережья р. Оби, чулымские «чалдоны» свое название ведут не от «Дона», а от пристрастия к чаю.

«У меня самовар был. Стаканов 5–6 пью. Кирпичный чай берегли для гостей. Себе морковь парили. Фруктовый чай тоже привезут с Каргату или с Чулыму» (К.А. Изосимова, 1912 г.р.; К.Г. Климова, 1912 г.р.).

Одни переселенцы рассматривают «чалдонов» как особую «нацию», но признают их русскими. Другие считают, что «чалдон» – прозвищем старожилов.

«Сын живет в Краснокамске (Белоруссия. – Е.Ф.). Как меня чалдонкой звали, так и его там чалдоном зовут» (А.А. Изосимова, 1915 г.р.).

Считается, что «чалдоны» в основном разъехались в г. Чулым или г. Новосибирск. В памяти людей сохранилась группа старообрядцев-«кержаков», которые «жили сами по себе», не общаясь с соседями. Сегодня здесь уже нет «кержаков», однако у населения можно увидеть старообрядческие иконы и кресты. В полевой практике периодически всплывали рассказы о «поляках».

«Отец закаленный был сибиряк, чалдоном назывался. А мать полячка» (А.А. Изосимова, 1915 г.р.).

В момент переселения чалдоны отводили «минским и польским посельщикам» земли отдельно, в трех километрах от Иткуля. До конца 1920-х гг. круги брачных связей чалдонов были ориентированы на своих невест, но с ослаблением влияния родителей и разрушением патриархальных устоев старожилы стали брать в жены переселенок. Традиционная культура чулымских чалдонов несомненно испытала белорусское влияние, прежде всего, в календарной и окказиональной обрядности.

Деревня Васильевка (основана в 1900 г.). По переписи 1926 г. белорусы здесь были «преобладающей национальностью». Клавдия Ивановна Аникеенко (1918 г.р.) вспоминала, что их семья с восемью детьми приехала из д. Любнички Могилевской губернии. На новое местожительство перебрались «всей родней»: с тетями и дядями, дедушками и бабушками, «чтобы не скучать». Мать Клавдии Ивановны вышла замуж за сибиряка-«чалдона» в соседнюю д. Свистуново. У жителей д. Васильевки сохранились особенности речи их родителей («иногда наворачивают песни по-белорусски»). Чугуны до сих пор называют «цугунами», гусей – «гусами», картошку – «бульбой». Специфика языка проявилась также в бытовавших еще в 1940-е гг. именах, которые, хотя и давались по святцам, звучали с характерными белорусскими суффиксами и окончаниями: *Петрак*, *Наста*, *Христя*, *Пелагейка*, *Гана* и т.д. Информаторы вспоминаяют, что деды приехали в Причулымье из «Мигилёво», «Мугулёво», но считают себя русскими (например, Ляулины, Войтовы).

В настоящее время в д. Васильевке проживают потомки тех, кто приехал из Украины. По их сведениям, бабушки еще могли говорить по-украински (*«который раз хорошо скажет, а который по-украински»*, А.П. Саенко, 1923 г.р.), а родители говорили только по-русски.

Село Дубрава. Здесь по переписи 1926 г. русские значились как основные жители. Сейчас в селе остались в основном потомки выходцев из Смоленской и Витебской (Оршанского уезда) губерний, значительная часть которых вследствие реализации политики укрупнения колхозов переехала в г. Чулым (ранее с. Романовское). Основное население с. Дубравы – люди пожилого и преклонного возраста. Фёкла Карповна Шев-

ченко (по мужу Кулешова) хорошо помнит, что их «мигилёвская» деревня Чашники находилась в ста километрах от г. Москвы.

«В Белоруссии земли мало было. Там жили помещыки, богачи. Под ими земля, под ими леса. Поедем пасти лошаденку в лес – смотри, чтобы уже в ихнюю дачу не залезла. Пойдешь тада отрабатывать за ето» (Ф.К. Шевченко, 1909 г.р.).

Многие переселенки вышли замуж за «чалдонов» и быстро обрусели. Коренных «чалдонов» сейчас здесь не осталось, но память о них сохранилась.

«Чалдонами назывались. Богато жили, хорошие домы стояли. Скоту много. Брали таких бедных в работники. Нас звали хахлами, что мы белорусские».

Потомки белорусских переселенцев помнят не только содержательную часть традиционных обычаев и обрядов мест выхода, но и песенно-танцевальную составляющую, чем отличаются от соседей-старожилов. Например, П.Н. Зайцова (по мужу Валенская, 1905 г.р.) смогла напеть нам рождественские, новогодние и «жнейские» песни, показать хороводные игры (ПМА).

Деревня Куликовка (основана в 1918 г.). На примере этой деревни наглядны неточности архивных сведений по вопросам этнического состава населенных пунктов Причулымья. Согласно материалам переписи 1926 г., здесь преобладали белорусы. Однако похозяйственные книги за 1925–1941 гг. сообщают о стопроцентной принадлежности местного населения к русским [Список населенных мест…, 1928, с. 522] (ОАСТАЧР. Ф. 35. Оп. 3. Д. 17–30]. Дмитрий Владимирович Бабарыко (1928 г.р.) в младенчестве привезли из д. Симахи Оршанского уезда Витебской губрении. Он считал, что на белорусском языке в их семье никогда не говорили: *«Мы не белорусы – мы русские. Говорили по-деревенски. А белорусский язык тяжелый, старший брат учил в Белоруссии»* (ПМА).

В настоящее время кроме выходцев из белорусских земель здесь проживают потомки мордвы-мокши, которые бежали из Поволжья от насильственной коллективизации.

«Родители бежали из Мордовии, когда стали создавать колхозы…А потом и тут колхозы. И тада поехали в лес, рубили березы и делали себе землянки. Там жили и другие люди, которые недовольны колхозами…» (Е.В. Цыганова, 1930 г.р.).

Деревня Ваничкино. Здесь, согласно данным похозяйственных книг, проживали 132 русских семьи, 10 украинских, 2 немецких, по одной марийской и эстонской (ОАСТАЧР) (рис. 2). В процессе интервьюирования выяснилось, что здесь было немало белорусских семей, которые «писались» русскими. Так, местного жителя А.М. Нечеухина (1922 г.р.), «чалдона» по происхождению, удивляли рассуждения сверстников, приехавших из Могилевской губернии: *«Нет, наверное, надо ехать в Россию. Я там хоть буду у пана свиней пасти. А тут ужо что у вас в Сибири делать?»*. О немногочисленных семьях немцев, эстонцев и марийцев местные жители, часть которых проживает теперь в г. Чулыме, вспомнить уже не могут.

Село Ужаниха (основано в 1874 г.). По материалам переписи 1926 г. здесь преобладали украинцы [Список населенных мест…, 1928, с. 80]. Однако похозяйственые книги 1925–1941 гг. свидетельствуют, что украинцы составляли только 29 % населения. О том, что в с. Ужаниха преимущественно жили украинцы, воспоминает В.И. Мяленко: «Вся свойская компания наших переселенцев из Украины, а это почти двадцать

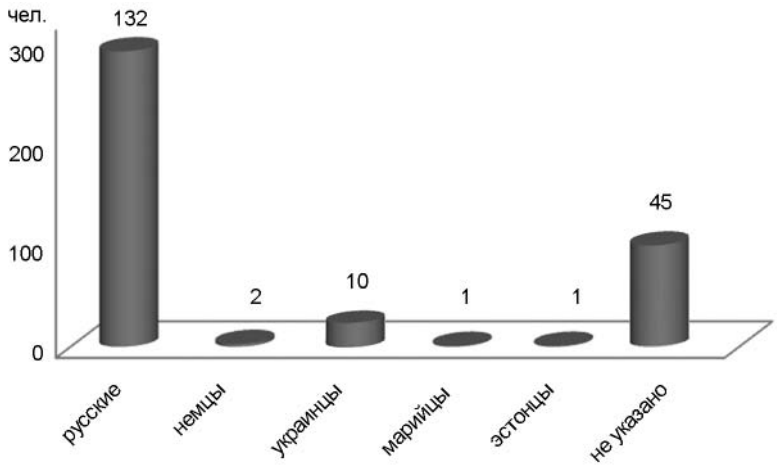


Рис. 2. Этнический состав населения по данным похозяйственных книг Иткульского сельского совета д. Ваничкино за 1925–1941 гг. (ОАСТАЧР. Ф. 24. Оп. 3. Д. 1–10).

семей, в числе которых была семья Мяленко Афанасия, после длительного переезда наконец достигла своего конечного пункта следования. Теперь это место называется село Ужаниха Чулымского района Новосибирской области (ранее Томской губернии). Им посчастливилось в том, что они переехали и создали целую деревню» [2010, с. 66]. Экспедиционные исследования выявили потомков выходцев из Черниговской губернии. Интонации, лексика и особенности традиционной обрядовой культуры даже сегодня выдают в жителях бывших малороссов, «чистых украинцев» или, как называли их в Сибири, «хахлов». Главной причиной долго сохранявшейся украинской специфики с. Ужаниха стало компактное проживание выходцев из одного места – Черниговской губернии.

Анализируемые материалы свидетельствуют о размытости этнического самосознания переселенцев к середине XX в., что нашло отражение в переписях и архивных документах разных лет. В Сибири белорусы и украинцы стремились влиться в культурную среду русских. Полевые материалы обнажают и тот факт, что с территорий Белоруссии и Украины переселялись не только этнические белорусы, украинцы, но и испокон веков проживавшие там русские.

Список литературы

Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. – Новосибирск: Наука, 1965. – 267 с.

История Сибири. Сибирь в составе феодальной России. – Л.: Наука, 1968. – Т. 2. – 358 с.

Список населенных мест Сибирского края. – Новосибирск: Изд-во Сиб. краев. стат. комитета, 1928. – Т. 1: Юго-Западная Сибирь.

Мяленко В.И. Переселенцы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2010. – 384 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). – Новосибирск: Агро, 2002. – 286 с.

Шнейдер А.Р. Округа и районы Сибирского края. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – 160 с.

УДК 394.21

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: mf11@mail.ru

ЛОКАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ ВОРОНЕЖСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ (деревня Карымка Манского района Красноярского края)*

Статья посвящена проблеме региональной и локальной этнокультурной специфики южнорусских переселенцев Сибири. Рассмотрены комплексы традиций календарной обрядности южнорусских и смешенных южнорусско-украинских переселенцев для их внешней и внутренней идентификации. Работа основана на полевых материалах, собранных автором в д. Карымка Манского района Красноярского края и в Воронежской области в 2009 и 2014 годах.

Ключевые слова: *воронежские переселенцы, украинцы, Красноярский край, локальные традиции, календарные обряды.*

The problem of regional and local ethno-cultural specificity of the Southern Russian settlers in Siberia Siberian historiography is not indicated. The author considered traditional complexes of the calendar rites among the southern Russian and blended southern Russian-Ukrainian immigrants to their external and internal identification. In this paper, the problem is considered on the basis of field data collected in the Karymka village, Mana district of Krasnoyarsk region, as well as in the Voronezh region in 2009, 2014 years, among the residents of the Central Chernozem and descendants of Siberian immigrants from this region. According to the materials of the expedition, customs and ceremonies committed in Mansky district of Krasnoyarsk region is typical not only for the Southern Russian calendar tradition, but also for the south of Voronezh land where the influence of the Ukrainians is substantive. Interaction with Siberian old-complexes occurred in accordance with the laws of cultural interference.

Keywords: *Voronezh immigrants, Ukrainians, Krasnoyarsk region, local traditions, calendar rites.*

В XVII – начале XX в. миграционные потоки из Европейской России способствовали закреплению среди народонаселения Сибири русских. Их численное преобладание сохраняется и в настоящее время. Этнокультурная самоидентификации внутри групп русских переселенцев носила дробный характер, определявшийся этнокультурной спецификой и конкретными местами выхода (см. *рисунок*). Из Черноземного края – благодатного уголка России – в пореформенный период, особенно в годы столыпинских реформ, в Сибирь хлынул поток южных переселенцев. Он был вызван малоземельем: количество земли на душу населения сократилось на 44 %. Из-за этого за 20 пореформенных лет в Воронежской губернии, например, произошло 116 крестьянских протестных выступлений [Историческое краеведение…, 2012. с. 52].

Продолжая тему локальных исследований на юге Западной Сибири, рассмотрим календарные обрядовые комплексы воронежских переселенцев. В основу исследования положен этнографический материал, собранный Восточнославянским этнографическим отрядом ИАЭТ СО РАН в д. Карымка Манского района Красноярского края в 2009 и 2014 гг., а также сравнительный полевой материал 2014 г. из Воронежской области. Информаторами были люди преклонного возраста. С их слов можно реконструировать народные календарные обычаи, представления и верования. Нам охотно и подробно рассказывали о происходивших действиях, иногда даже проясняли ритуальный смысл обрядов. Южнорусских переселенцев идентифицировали в сибирских селах как украинцев-«хохлов», однако сами они четко отделяли себя от последних, указывая на особенности разговорной речи.

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 14-01-00343а).

Воронежские переселенцы. Фото М.А. Круковского, 1911–1913 гг.

«Ну, мы, не украинцы, а мы хохлы, хохлушка я. Что это означает? А Бог его знает. Украинцы по-другому разговаривают. Не по-нашему».

К этому можно добавить обоюдное желание украинских и южнорусских переселенцев селиться на разных территориях Сибири, как правило, в отдалении друг от друга. Так, в д. Карымка живут потомки воронежских и тульских переселенцев, а также сибиряки-старожилы.

Согласно православной традиции, Рождеству предшествовал сорокадневный пост «Филипивка» (начинался 27 ноября, в день поминовения Св. Апостола Филиппа). Наиболее строгим был последний день поста, когда, как вспоминали воронежские переселенцы, ели главным образом квашеную капусту. Ритуальный обход дворов в д. Карымка назывался «колядой», т.е. аналогично традициям Черноземного края.

«Под Рожество коляды были, ходили девчонки, и я ещё там была, ходили ещё там, соберёмся штуки 3–4 и пойдём коляды. Бабы нас научат песню какую божественную, мы подойдём, им пропоём, они нам выносят колбасы, печенья, ну што у кого есть».

Фольклор в памяти сибирских переселенцев не сохранился. Можно предположить, что рефреном запевов были слова «Ой, каледа!», поэтому так и называлась сценарная модель.

Следующим праздником, отмеченным обрядовыми действами, был Новый год. Как и у сибирских старожилов, святочная традиция включала новогодние обходы дворов с посеваниями.

«Тода это ходили ребятишка, посыпалы зерном в избе, штоб хлеб родився на поле. Говорили: “Сею, сею, посеваю, с Новым годом поздравляю, как-то уже расты жито и пшаница, всяка пашница, всё, чтоб росло”. Ох, было, это на Новый год. С Новым годом поздравляем. Ходилы не девочки, мальчики посыпалы».

Под Новый год готовили обрядовое блюдо кашу-«кутью».

«Вот кутю варили, это ставили на угольник, пока с церкви не прийдут, не едять, тогда уже едят».

Способы ряженья, которые когда-то несли различную символическую нагрузку, в памяти людей сохранились плохо. Этим переселенцы отличались от сибиряков-старожилов.

«А ряженые были в святки, Рожество же долго, в святки ряжени наряжались и ходилы, как-то назывались. Здесь в Сибири ряженые тоже бегалы... Мы как-то пошли с девчонками, а вечером ходим, уже темнеет, поздравляем, коляды, коляда называется, так нас ребятишки захватилы, научили их или чё, нас погнали. А старуха вышла: «Та што ж вы стервы делаете, не трогайте девчонок, они нам поють».

Не сохранилась и не получила здесь развитие традиция жжения «пурины» (соломы).

Сибиряки воронежского происхождения Манского района встречали Масленицу приготовлением празднично-обрядовой еды по украинскому обычаю, распространенному в южных районах Центрального Черноземья: галушками, варениками из творога, картофеля, пирогами с пасленом, блинами (ср.: [Календарные обряды…, 2005, с. 67]). На Масленицу жгли костры вместе с сибиряками, у которых это тоже входило в сценарий

праздника. Ряженые девушки с наступлением темноты ходили с песнями по деревне, что называлось «козла водить».

«Девки песни ходили пели, это “козла” водили, с песнями по деревне ходили».

«В масленку такой месяц хороший светит, зимой же холодно, так они соберутся, понаденут, и по улице пройдутся по одной, по другой, и козла водят».

С сибиряками объединяли воронежских переселенцев обычаи катания с гор, а также на конях, что фиксируется и в местах выхода. Традиция кулачных боев, известная воронежским фольклористам, в д. Карымке исчезла, не поддержанная сибирскими носителями традиционной культуры, которые знали о масленичных конных бегах и схватках борцов [Агаркова, 2007, с. 81; Фурсова, 2002, с. 180].

На раннюю весеннюю календарную обрядность влияние оказала христианские традиции и обряды, по смысловому содержанию воздействующие на будущую урожайность. Благовещение было отмечено жесткими запретами на домашние работы, особенно прядение.

«Прясть в Благовещенье, воскресенье нельзя, в субботу попрядут до вечера, а на воскресенье всё спрячут и праздник. Говорили, хватит и буднего дня, а в праздник нельзя».

В Сибири ушли или редуцировались традиции выпекать на Благовещение двухярусные булочки – «просвирки», в Сороки – «жаворонки», в Средокрестье – «кресты» (ПМА-2014) [Мануковская и др., 2007, с. 67; Агаркова, 2007, с. 83]. На Пасху пекли куличи и красили яйца, которые освящали в церкви. Как и у старожилов, устраивались игры в яйца, устанавливались качели-«крутелки».

Если в Нижнедевицком и др. районах Воронежской области праздник Ивана Купала не был отмечен массовыми обливаниями, то по рекам Савала и Ворона такая традиция хорошо помнилась местным жителям (ПМА-2014). Воронежцы-сибиряки актуализировали традицию купальского обливания, поддержанную старожильческим населением. Как и на своей прародине, они караулили «ведьму», искали папоротник, собирали травы [Мануковская и др., 2007, с. 68]. Повсеместно Иван Купала знаменовал начало купального сезона до Ильина дня, после которого вода в водоемах считалась нечистой. В мифологическим сознании воронежских переселенцев сохраняются представления о расцвете сакрального для русских цветка папоротника, будто бы приуроченного к двенадцати часам ночи. Однако из-за боязни вторгнуться в неведомую сферу жизни не каждый отваживался в одиночестве ходить в ночной лес. Манящим стимулом было обнаружение чудесного цветка, гарантировавшего счастливую жизнь («значит, щастье будет у жизни»). По украинско-белорусскому обычаю, неизвестному сибирякам, переселенцы жгли купальские костры.

«Костры жгли и сидели все, около дому, я уже спала, посмотрела, думала, дом горит, а они костёр зажгли, всю ночь тут, караулили. И раньше так, и щас ещё».

Молодежь проводила время активно: *«Прыгалы, девчонки прыгалы так, это раньше дак у юбке, а щас уже в штанах и девки, как козлы прыгают через костёр».*

Следует отметить, что на фоне сибиряков воронежцы более активно отмечали Первый и Второй Спасы, т.е., согласно церковному календарю, праздники начала Успенского поста и Преображения Господня.

«Так вот мы девчонки соберёмся, нам чашки дадут глиняни, там один продаёт мёд, надо к Спасу взять мёду, и яблоко, кушать, у кого садок, а у кого садка нет, так покупают яблочко к Спасу».

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы воронежские женщины связывали с состоянием природы в этот день.

«Уже всё покрыло снегом, уже в другой раз мороз, уже всё убрали, всё значит покрыто».

Являясь исконными земледельцами, воронежские переселенцы привезли с собой много обрядов, связанных с севом и уборкой зерновых и огородных культур.

Таким образом, согласно экспедиционным материалам, в д. Карымка, как и на других восточнославянских территориях, была распространена традиция ряженья (зимними святками, на Масленицу). Однако к концу XX в. практически исчез обрядовый фольклор: ни «каляд», ни «овсеней», известных в ряде районов Воронежской области, у карымчан услышать не удалось. Как известно, пение обладало огромной созидательной силой, было действенным инструментом славянской магии, поэтому, видимо, содержательная часть некоторых обрядов информаторам понятна мало. Из масленичных обрядов в Сибири сохранились обычаи варить вареники, кататься по селу и с гор, «водить козла», как это имело место, например, в Кантемировском и Петропавловском районах Воронежской области [Календарные обряды…, 2005, с. 68, 70]. Хорошо сохранились в д. Карымке купальские обряды (разжигание костров, сбор трав, купания

и обливания), получившие развитие на сибирских землях и ставшие местной спецификой [Фурсова, 2002, с. 55]. Обычаи и обряды, совершаемые в Манском районе Красноярского края, типичны не только для южнорусской календарной традиции, но и для юга Воронежской области, где ощущается влияние украинцев. Взаимодействие с сибирскими старожильческими комплексами происходило в соответствии с законами культурной интерференции.

Список литературы

Агаркова Е.Н. Традиционные календарные праздники и обряды сел Острогожского района Воронежской области // Этнография Центрального Черноземья России: сб. науч. тр. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 8. – С. 75–90.

Историческое краеведение Воронежской области. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2012. – 112 с.

Календарные обряды Воронежской области // Афанасьевский сборник: материалы и исследования. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – С. 39–126.

Мануковская Т.В., Бухтоярова Н.С., Ситникова Е.О. Календарные обряды и особенности традиционного костюма с. Першино Нижнедевицкого района Воронежской области // Этнография Центрального Черноземья России: сб. науч. тр. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 8. – С. 64–74.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – Ч. 1. – 287 с.

УДК 39 (=161.2)

Ю.Н. Цыряпкина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: guzvenko@yandex.ru

РУССКИЕ ФЕРГАНЫ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ*

В статье рассматриваются процессы адаптации русского и русскоязычного населения к новым общественно-политическим и социокультурным условиям независимого Узбекистана. Исследование основано на авторских полевых материалах – неформализованных интервью, записанных летом 2014 г. в г. Фергане (Республика Узбекистан). В постсоветский период этот крупнейший культурный центр поменял этнодемографический облик: русские и русскоговорящие жители превратились в «новое этническое меньшинство».

Ключевые слова: *русские Узбекистана, староферганская идентичность, этническое меньшинство, языковая ситуация, идентичность.*

The work is based on the author's field materials: nonformalized interviews recorded in the summer of 2014 in Fergana city, Republic of Uzbekistan. Fergana is one of the largest cultural centers of the country in the post-Soviet period. The ethnodemographic town image changed: Russian/Russian-speaking residents have become «the new ethnic minority». The article is discussed the processes of adaptation of Russian/Russian-speaking population in new socio-political and socio-cultural conditions of independent Uzbekistan. Using the qualitative research methods, this article reveales changes in the ethnic and cultural identity of Russian-speaking population of Fergana.

Keywords: *Russian people in Uzbekistan, Old-Fergana identity, ethnic minority, language situation, identity.*

Этнокультурные процессы в современном Узбекистане, несмотря на их значимость, остаются мало исследованной проблемой. В работах узбекских ученых анализируется в основном демографический аспект развития всех народов Узбекистана, в т.ч. русских [Ата-Мирзаев и др., 2011]. Известны исследования американского политолога Скотта Радоница и британского антрополога Мойя Флинна, посвященные идентичности узбекских русских [Flynn, 2007; Radnitz, 2006]. Однако проблемы «новых этнических меньшинств», среди которых особое место занимают русские и русскоговорящие жители республики, остаются за рамками российской аналитической экспертизы. Исключение составляют работы по этносоциальным процессам, в которых рассматривается миграционный потенциал русских Узбекистана [Мониторинг…, 2008].

В рамках данной статьи анализируются этнокультурные процессы среди русскоязычного населения г. Ферганы, основаного в 1877 г. как центр военной российской администрации (Новый Маргилан) в Ферганской долине.

Основой авторского исследования стали материалы неформализованного интервьюирования, проведенного в июле-августе 2014 г. в г. Фергане Республики Узбекистан. Десять респондентов идентифицировали себя как русских, два – как узбеков, один – как таджик.

Ситуация в г. Фергане во многом отражает общие тенденции, характерные для Республики Узбекистан в целом, но имеет некоторые принципиальные отличия.

Согласно официальным данным, на 1 января 2013 г. в Республике Узбекистан проживало 4 858 159 (82 %) узбеков, 1 449 974 (4,8 %) таджиков, 809 530 (2,6 %) русских, 211 119 (0,7 %) татар, 184 699 (0,6 %) корейцев и др. (Мат-лы Госкомстата Респ. Узбекистан. № 01/2-05-05/3-50 от 12 мая 2014 г.).

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 13-31-01277).

В г. Фергане на 1 января 2013 г. проживало всего 261 382 чел.: 236 268 (90 %) узбеков; 9 018 (3,4 %) русских, 3 114 (1,1 %) таджиков, 2 028 (0,7 %) корейцев, 626 (0,2 %) татар и др. (Мат-лы Госкомстата Респ. Узбекистан. № 01/3-15-07/3-221 от 7 авг. 2013 г.). Для сравнения: по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в г. Фергане было 14 275 жителей: 7 942 (55 %) русских, 3 011 (21 %) узбеков, 728 (5 %) татар, 667 (4,6 %) украинцев, 514 (3,6 %) евреев, 388 (2,7 %) армян, 164 (1,1 %) среднеазиатских еврея, 132 (0,9 %) таджика, 111 (0,7 %) немцев [Всесоюзная перепись…, 1928, с. 148–149]. Долгое время г. Фергана был «европейским» и русскоязычным городом. Треть его населения, принадлежавшая к коренным народам региона (узбеки, таджики), свободно владела русским языком и придерживалась урбанизированного стиля жизни.

Среди других городов Средней Азии г. Фергана имел негласный статус культурной столицы. Здесь работал известный в масштабах СССР Русский драматический театр под руководством Г.Д. Абдулова. На гастроли приезжали лучшие московские театральные труппы. В советский период город был центром образования и науки, одним из самых читающих городов Средней Азии. Здесь находился самый большой книжный магазин в Ферганской долине. Высокий уровень образования был характерен для всех этнических групп города. Эти факторы сформировали «староферганскую идентичность».

Опрошенные респонденты ностальгируют по прежней русскоязычной г. Фергане – городу образцовой культуры с театром всесоюзного значения и т.д. Респонденты подчеркивают, что потеряли часть прежней привычной среды:

«Мы постоянно сетуем на то, что, когда было много русских, было лучше. Но это было действительно так. В Фергане был какой-то свой дух, своя культура» (ПМА-2014, М., русская, 37 лет, бухгалтер).

К настоящему времени Фергана перестала быть русским и русскоязычным городом. За постсоветский период кардинально изменился социокультурный облик города. В 1990–2000-е гг. в связи с внутренней и внешней миграцией произошли существенные трансформации в его этническом составе.

Заметно шире распространился узбекский язык. Его успешно осваивает молодое поколение русских и русскоязычных жителей. Председатель Русского культурного центра в г. Фергане Галина Алексеевна Акопджанова подтвердила, что в городе каждый второй русский знает узбекский язык. Это связано с быстрым развитием сфер услуг и туризма. Русскоязычные жители активно учат узбекский язык, который теперь является языком большинства. Из 13 опрошенных в Фергане респондентов 7 владеют повседневным узбекским языком, а остальные знают его «на уровне базара».

Однако в интервью преподаватель местного колледжа подчеркнул, что за 23 года независимости Узбекистана русские и русскоязычные жители по-прежнему инертны в вопросах изучения государственного языка.

«Вот почему русские не учат-то язык (узбекский. – Ю.Ц.)? Потому что есть чувство превосходства внутреннего, когда вот над американцами – нет превосходства, все английский учат, французский, да и немецкий, а здесь не учат…» (ПМА-2014, А., русский, преподаватель).

В г. Фергане, как и в других городах Узбекистана, чрезвычайно высок спрос на обучение на русском языке. В одну из лучших школ города – Лицей мировых языков, по неофициальным данным, летом 2014 г. поступило около 600 заявлений на прием в два первых класса с русским языком обучения (ПМА-2014, С., таджичка, работает в коммерческой структуре).

Данные факты подтверждают, что русский язык по-прежнему значительно укоренен в государствах Центральной Азии [Fierman, 2012, p. 1077]. Норвежский исследователь Пол Колсто в одной из статей подчеркнул, что русские в советское время в любой республике СССР чувствовали себя свободно в употреблении родного языка. Уверенности в себе придавало наличие государственных институтов на русском языке [Kolsto, 1999, p. 613].

Актуальным для русскоязычного населения г. Ферганы является вопрос о переезде за пределы Узбекистана. Из 13 опрошенных 7 респондентов имеют намерение переехать из Узбекистана, у 3 респондентов дети учатся или уже обустроились за пределами республики, а 2 респондента выезжали на заработки в Россию.

Пример г. Ферганы показывает, что русское и русскоязычное меньшинство, встречаясь с трудностями адаптации, делает выбор не в пользу интеграции. В настоящее время трудно прогнозировать, как в дальнейшем будет идти этнокультурное развитие г. Ферганы. Сохраняя прежние позиции в социокультурном пространстве города и «староферганскую идентичность», русскоязычное меньшинство имеет тенденцию к сокращению.

Список литературы

Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: ист.-демогр. аспект. – Ташкент: Янги аср авлоди, 2011. – 252 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – Т. IV: Узбекская ССР. – 200 с.

Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в центральноазиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). – М.: Ин-т стран СНГ, 2008. – 269 с.

Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. – 2012. – Vol. 64, № 6. – P. 1077–1100.

Flynn M. Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities paper. – 2007. – Vol. 35, № 2. – P. 267–288.

Kolsto P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // Millennium: Journal of International Studies. – 1999. – № 1. – P. 607–631.

Radnitz S. Weighing the Political and Economic Motivation for Migration in Post-Soviet Space: The Case of Uzbekistan // Europe-Asia Studies. – 2006. – Vol. 58, № 5. – P. 653–677.

УДК 316.347

А.П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: arjana@ngs.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КУМАНДИНЦЕВ КРАСНОГОРСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ*

В статье характеризуется современное состояние традиционной этнической культуры кумандинцев Красногорского района Алтайского края. Обращается внимание на разрушение в среде кумандинцев традиционного механизма трансляции народной культуры от поколения к поколению. Особое внимание уделяется деятельности активистов культурного возрождения и Экспериментального центра традиционной народной культуры кумандинцев, созданного при поддержке Администрации Алтайского края.

Ключевые слова: кумандинцы, этническая культура, возрождение, экспериментальный центр традиционной народной культуры.

The paper observes some results of scientific research, which took place during 2014 in Krasnogorsky District of Altai Krai. The present-day hereditary ethnic culture of Kumandins of Krasnogorsky District is described. Certain attention is paid for decay of traditional conformation that provides intergenerational transition of Kumandin national culture. The primary subject of paper is the ongoing efforts for preservation of Kumandin culture heritage, which are made by culture resurgence activists, as well as Kumandin traditional national culture experimental center that have been created with the support of Altai Krai administration.

Keywords: Kumandin, ethnic culture, resurgence, traditional national culture experimental center, Krasnogorsky District, Altai Krai.

В Красногорском районе Алтайского края проживает 282 представителя коренного малочисленного народа – кумандинцев [Национальный состав…, 2013, ч. 1, с. 43]. Удельный вес кумандинцев в численности населения района составляет 1,7 %. Этническая культура кумандинцев Красногорского района сильно разрушена. Кумандинским языком в районе владеют лишь 24,8 % кумандинцев [Национальный состав…, 2013, ч. 3, с. 570]. При этом большинство носителей языка – люди пенсионного возраста, старше 60 лет. Основная масса кумандинской молодежи говорит на русском языке.

Многие пласты кумандинской культуры утрачены. Из повседневной жизни кумандинцев практически исчезли традиционные одежда, головные уборы и обувь, традиционные формы жилища, орудия труда, предметы быта, домашняя утварь. В этой связи современный образ жизни кумандинцев мало отличается от образа жизни остального населения района. Тем не менее, некоторые элементы традиционной культуры кумандинцев еще воспроизводятся, хотя и в ограниченном виде. Кумандинцы сохраняют верность традиционной кухне. Во многих семьях известны переданные из поколения в поколение рецепты блюд, которые готовят в праздники и будни. Отчасти не утеряны обычаи гостеприимства, уважения к старшим, некоторые религиозные представления и ценности, элементы традиционной похоронной обрядности.

Угрозы полного исчезновения этнокультурного наследия кумандинцев вызывает у части коренного населения Красногорского района серьезную озабоченность. За сохранение этнической культуры кумандинцев активно ратует «Алтайская региональная общественная организация кумандинцев “Тореен чер” (Родина)», действующая на территории района. В настоящее время пред-

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

седателем правления этой общественной организации является Л.П. Елбаева.

Отметим, что на протяжении нескольких лет общественная организация «Тореен чер» выступала за открытие этнокультурного центра кумандинцев. Члены общественной организации многократно обращались с данной инициативой к руководству района. Однако администрация Красногорского района не нашла возможности открыть кумандинский этнокультурный центр, но предоставила общественной организации помещение в здании сельского клуба – Муниципального бюджетного учреждения культуры «Малиновский культурно-досуговый центр».

Размещаясь в одной из комнат Малиновского культурно-досугового центра, общественная организация «Тореен чер» проводила активную работу, направленную на возрождение кумандинской культуры. Члены общественной организации «Тореен чер» сыграли большую роль в пробуждении у кумандинцев Красногорского района интереса к истории своего народа и родному языку. Их усилиями была создана музейная экспозиция по истории и материальной культуре кумандинцев, по пошиву традиционной кумандинской одежды. Стараниями В.Т. Белековой организована работа детской воскресной школы по изучению кумандинского языка. Многие активисты общественной организации являются участниками творческого коллектива – фольклорной группы «Одычак» (Огонек), исполняющей кумандинские песни и частушки. В целях привлечения молодежи к традиционной культуре создана детская песенно-танцевальная группа «Чакайяк» (Цветок).

Между тем, 12 августа 2011 г. администрацией Алтайского края было принято постановление № 445 «Об утверждении ведомственной целевой программы “Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края” на 2012–2014 годы». Заявленная цель программы – сохранение, возрождение и развитие традиционной народной культуры как основной составляющей процесса формирования единого культурного пространства Алтайского края. В продолжение данной программы 30 ноября 2011 г. был издан приказ № 466 Управления Алтайского края по культуре и архивному делу «Об утверждении положения о порядке создания экспериментальных центров традиционной народной культуры, центров ремесел и фольклора, национально-культурных центров».

Начиная с 2012 г., в Алтайском крае в рамках представленной программы стали создавать экспериментальные центры традиционной народной культуры на конкурсной основе. Согласно утвержденным правилам, экспериментальные центры традиционной народной культуры формировались только на базе муниципальных учреждений культуры, к которым относятся музеи, дома культуры, клубы, учреждения дополнительного образования детей.

Представители кумандинцев Красногорского района в 2012 г. участвовали в конкурсе по созданию экспериментального центра традиционной народной культуры, но не смогли его выиграть. Попытка в ноябре 2013 г. оказалась более успешной. На базе муниципального бюджетного учреждения культуры «Малиновский культурно-досуговый центр» Красногорского района был открыт экспериментальный центр традиционной народной культуры «Национально-культурный центр кумандинской культуры».

Важно отметить, что создание «Национально-культурного центра кумандинской культуры» спасло Малиновский культурно-досуговый центр Красногорского района от планировавшегося закрытия. По целевой программе в поддержку нового центра было выделено 150 тыс. руб. Средства пошли на развитие центра, приобретение расходных материалов, оборудования, костюмов и музыкальных инструментов.

«Национально-культурный центр кумандинской культуры» имеет неофициальное название – Кумандинский этнокультурный центр «Эстей». В настоящее время он успешно работает, используя для своих мероприятий все помещения сельского клуба, в т.ч. концертный зал.

Кумандинский этнокультурный центр «Эстей» ведет комплексную работу по сохранению и восстановлению традиционной народной культуры. Эона включает исследовательскую деятельность в архивах, занятия с подрастающим поколением, воссоздание обрядов и праздников, бытовавших ранее, восстановление традиционного костюма.

В Малиновском культурно-досуговом центре (художественный руководитель А.Д. Амирова) продолжают совершенствовать репертуар фольклорная группа «Одычак» и детская песенно-танцевальная группа «Чакайяк». Они снискали уникальными выступлениями признание жителей Красногорского района и активно участвуют в культурных мероприятиях международного, всероссийского, межрегионального и краевого уровней. Среди достижений этих творческих коллективов – участие в фестивале тюркской музыки «Астана-аркау» (Казахстан), фестивале кочевой цивилизации «Тысячелетия вокруг Астаны» (Казахстан), всероссийском фестивале культур коренных малочисленных народов Севера, Сибири

и Дальнего Востока Российской Федерации «Кочевье Севера», московском городском театральном фестивале «Такие разные и такие похожие», краевом фестивале национальных культур «Я горжусь тобой, Алтай!».

Кроме того, в центре сформирована детская группа «Кушкаяч» (Пташка). Она включает детей младшего школьного возраста, осваивающих игру на традиционных музыкальных инструментах. В рамках центра продолжает функционировать детская воскресная школа по изучению кумандинского языка. В.Т. Белекова разработала необходимые учебно-методические материалы и обучает кумандинскому языку всех желающих детей, в т.ч. русских. Доброй традицией центра стало празднование учениками воскресной школы Праздника родного языка.

При центре действует кружок декоративно-прикладного искусства «Ус колар» (Умелые ручки). Кружок ведет О. Афанасьева, обучающая детей бисероплетению, вязанию и ткачеству. В кружке занимаются все желающие школьники. В кумандинском этнокультурном центре есть мастера по изготовлению сувенирной продукции из бересты (обереги, браслеты, ободки на голову) и глины (небольшие куколки).

Итак, изучение современных этнокультурных реалий коренного населения Красногорского района Алтайского края показало, что традиционные механизмы трансляции культуры кумандинцев сильно разрушены. Кумандинская этническая культура фактически не передается от родителей к детям. В наши дни судьба этнической культуры кумандинцев зависит от деятельности отдельных личностей, приверженных традиционным ценностям, и институтов культуры (этнокультурные центры, музеи и т.д.), обеспечивающих широкий доступ к культурным истокам народа. В этой связи участие государства в деле сохранения народной культуры через государственные и целевые программы становится одним из важнейших условий воспроизводства культурыкумандинцев.

Список литературы

Национальный состав и владение языками, гражданство: стат. сб. – Барнаул: Территор. орган Фед. службы гос. статистики по Алт. кр., 2013. – Т. 4, ч. 1. – 206 с.; ч. 3. – 192 с.

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.21

А.В. Выборнов[1, 2], А.А. Цыбанков[1], В.И. Макулов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: vb.anton@gmail.com

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА 2014 ГОДА НА АНГАРЕ В КЕЖЕМСКОМ И БОГУЧАНСКОМ РАЙОНАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В рамках выполнения исследовательской программы по выявлению объектов культурного наследия в Северном Приангарье проведена археологическая разведка на берегах р. Ангары в Кежемском и Богучанском районах Красноярского края. Разведка проведена по двум основным направлениям. Первое – изучение берегов близкого к наполнению Богучанского водохранилища – территории, прилегающей к изученным и затопленным объектам археологического наследия. Выявлен новый объект в районе бывшего Толстого Мыса. Второе направление посвящено поиску объектов археологического наследия на берегах Ангары от створа плотины БоГЭС до пос. Богучаны. Общая протяженность маршрута составила более 100 км по каждому берегу. В результате работ дана оценка состояния и характера культурного слоя известных археологических объектов, выявлены новые.

Ключевые слова: *Северное Приангарье, Богучанское водохранилище, неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье, археологическая разведка.*

As part of a research program to identify objects of cultural heritage in North Angara conducted archaeological reconnaissance of the coast of the Angara River in Kezhemsk and Boguchan district in Krasnoyarsk region. Exploration carried out in two main directions. The first is the study of the shores close to filling Boguchan reservoir area adjacent to the study and flooded archaeological sites. Identified new sites in the area of the former Tolstiy Mis. The second direction is devoted to the search sites on the shores of the Angara from the alignment of the Boguchan's dam to the Boguchani town. Total length of the route was over 100 km on each coast. As a result of the work assessed the state and the nature of the cultural layer known sites and revealed new objects.

Keywords: *Northern Angara, Boguchan reservoir, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, archaeological reconnaissance.*

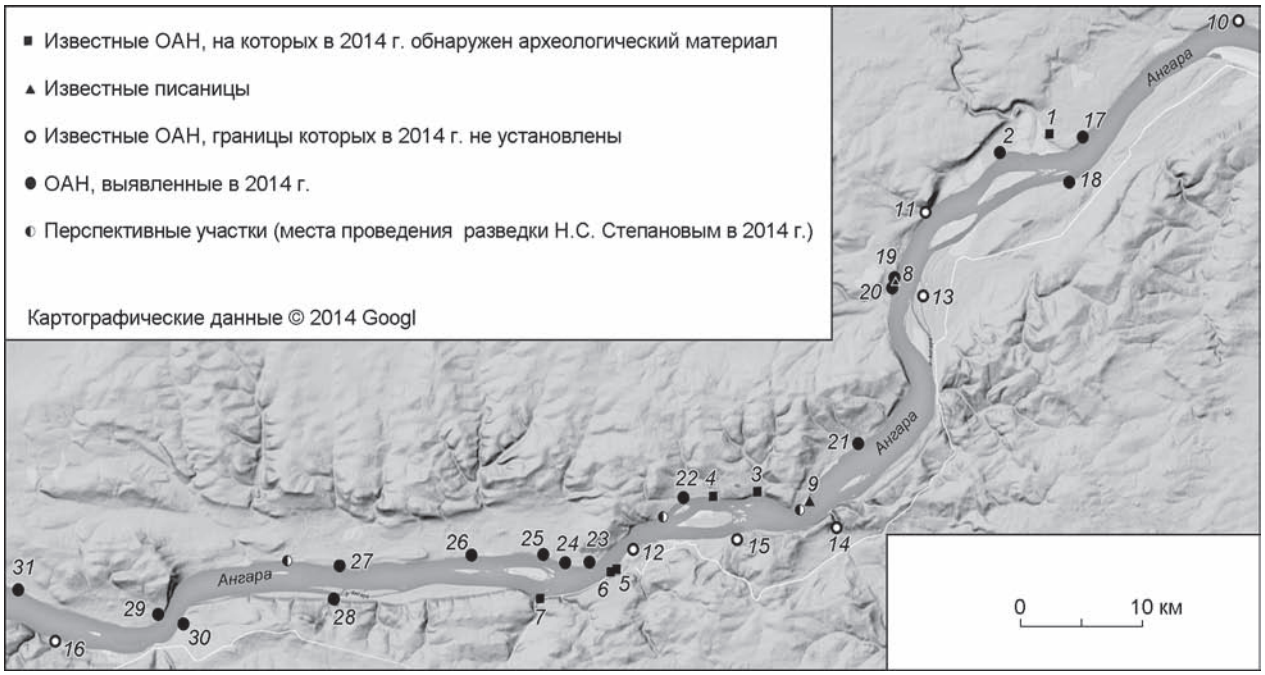
В современной археологии в качестве приоритета определяется физическое сохранение объектов археологического наследия (ОАН) как свидетельств исторических эпох и цивилизаций [Положение..., 2013]. Исходя из этого, ООСА ИАЭТ СО РАН акцентирует внимание на спасательных археологических раскопках и археологическом исследовании территорий, предназначенных для хозяйственного освоения (землеотводах). Ключевое значение в обеспечении сохранения культурного наследия в целом и археологических источников в частности имеет корректный корпус сведений о расположении и характере ОАН. На основе этих данных определяются закономерности расположения памятников, их относительная хронология, территориальная дифференциация. Поиск новых памятников, уточнение сведений об известных объектах в рамках археологической разведки являются важнейшим условием для эффективной научной деятельности и сохранения культурного наследия. Опираясь на это положение, в 2014 г. ООСА продолжил разведочные работы на территории Северного Приангарья. Проведены исследования берегов, появившихся в связи с наполнением Богучанского водохранилища, и сплошной разведкой охвачены территории нижнего течения Ангары – от створа БоГЭС до пос. Богучаны.

Наполнение Богучанского водохранилища началось в 2012 г. Этому предшествовали работы Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, которая изучила памятники в зоне затопления вплоть до нормального подпорного уровня 208 м по Балтийской системе высот. В период

разведки 2014 г. наполнение приблизилось к этой отметке, но еще продолжается. Линия берега будет меняться незначительно. В настоящее время, большая часть линии уреза вода представлена находящимися в воде деревьями, подход к берегу затруднен, выход маловероятен. Как правило, это склоны вершин, обнажения скал на мысах и бывших порогах. Земляные работы удалось провести в двух пунктах на правом берегу выше по течению затопленного села Кежма. Севернее затопленной стоянки Толстый Мыс [Лысенко, Матвеев, Веженко, 2011] в заложенном шурфе обнаружен нуклеус, маркирующий культурный слой на глубине 0,20–0,35 м от современной дневной поверхности. Нуклеус из кремня, призматический, конусовидный, относительно сработанный. Датировка объекта предварительная, наиболее вероятная хронология – эпоха неолита (IV–III тыс. до н.э.).

Второй участок разведки – территория ангарского побережья от плотины БоГЭС до пос. Богучаны (см. *рисунок*). Это 115-километровый участок Ангары, на котором известно 17 ОАН, поставленных на учет. В рамках разведки от створа БоГЭС до пос. Богучаны выделены участки, обусловленные наличием сведений об ОАН, археологического материала в слое или на поверхности, геоморфологическими особенностями. Таким образом, подтверждено наличие культурного слоя и уточнен его характер и границы на 8 известных ОАН; зафиксированы известные петроглифы в двух пунктах; не обнаружен культурный слой на семи известных ОАН – либо разрушен, либо локализован в отличном от учетной документации месте; обнаружен культурный слой и установлены предварительные границы на 15 участках. Большая часть обнаруженных памятников широко датируется периодом от неолита до средневековья.

Согласно сведениям отдела культурного наследия Министерства культуры Красноярского края, на изученной территории располагаются 17 ОАН, открытых или обоснованных в 1970–1980-е гг. и поставленных на госохрану в 1986, 1990, 1997 гг. На части этих памятников проводились раскопки, например, на поселении и могильнике Чадобец [Дроздов, 1981], стоянке Невонка [Кучерук, 1980]. В ходе разведки 2014 г. наличие культурного слоя подтверждено на правом берегу Ангары: в районе устья р. Чадобец, стоянок Чёртов Лог, Кипелая, Урыль. В устье р. Чадобец на одной площади, на песчаной дюне высотой от 4 до 20 м расположены два ОАН, стоящих на госохране – поселение Чадобец и могильник Чадобец. Археологический



Красноярский край, Богучанский и Кежемский районы. Схема расположения объектов археологического наследия по данным разведки 2014 г.

1 – поселение и могильник Чадобец; *2* – Чёртов Лог; *3* – Кипелая; *4* – Урыль; *5* – Невонка; *6* – Невонка-2; *7* – Большая Имбала; *8* – писаница Писаный Камень; *9* – писаница Мурский Порог; *10* – Тагара; *11* – Верхние Чернила; *12* – Гора Невонка; *13* – Говорково; *14* – Усть-Мура; *15* – Гольтявино; *16* – Овсянка; *17* – Мыс Поп; *18* – Скала Печка; *19* – Писаный Камень-1; *20* – Писаный Камень-2; *21* – Пашутино; *22* – Ручей Черемшаный; *23* – Река Сосновая-1; *24* – Река Сосновая-2; *25* – Река Сосновая-3; *26* – Ручей Гремучий; *27* – Ручей Добголя; *28* – Заимская Курья; *29* – Шивера Косая (Скала Дальняя); *30* – Шивера Косая (Скала Веселая); *31* – Красногорьевский.

материал фиксируется на обнажениях склонов, на окружающей пашне. Стоянка Чёртов Лог занимает площадку, прилегающую с запада к глубокому одноименному логу, разрезающему террасу высотой 5–12 м. Большая часть террасы уничтожена складом и пристанью ГСМ, деревенскими огородами и полями, автодорогами. Стоянка Кипелая расположена на высокой ангарской террасе, ограничиваясь с севера и востока правобережной поймой руч. Кипелый. В ходе разведки собран обширный подъемный материал на естественных обнажениях террасы. Также разнообразные каменные и керамические изделия найдены в экспонированном виде на близкой по геоморфологическим характеристикам площади стоянки Урыль. Памятник привязан к правому берегу приустьевой части пересохшего ручья Урыль, на относительно ровной террасе около 20 м и выше. На левом берегу Ангары подтверждено наличие культурного слоя на известных ОАН – стоянках Невонка, Невонка-2, Большая Имбала. Первые две расположены на берегах приустьевой части р. Невонка. Стоянка Невонка-2 на левом берегу практически разрушена строительством пристани. По-видимому, отдельные участки культурного слоя могли сохраниться под бульдозерными отвалами. Стоянка Невонка расположена на террасовидной дюне высотой 7–14 м, разрушенной дорогами и постройками пос. Невонка. Многочисленные и разнообразные каменные и керамические изделия обнажены на выдувах и техногенных разрезах, культурный слой сохранен спорадически. Стоянка Большая Имбала расположена на узком прирусловом уступе на правобережной приустьевой части р. Большая Имбала и площадке-расширении вала восточнее. В одном шурфе обнаружено 80 фрагментов разнообразных керамических сосудов, 25 каменных изделий, кальцинированные кости.

Зафиксированы известные сохранившиеся наскальные изображения на Писаном Камне и Мурском Пороге. Какие-либо следы культурного слоя не обнаружены на стоянках Тагара, Верхние Чернила, Гора Невонка. В последних двух случаях это может быть связано с полным переносом культуросодержащих отложений.

Осталась неясной ситуация с локализацией известных ОАН стоянок Говорково, Усть-Мура, Гольтявино, Овсянка. В частности, шурфы в окрестностях с. Говорково не представили археологических предметов в слое. Однако, в обнажениях террасы, перспективной для размещения ОАН, найден фрагмент керамического сосуда. У с. Гольтявино в шурфах зафиксирован лишь одни фрагмент керамического сосуда, связанного с этнографической современностью.

Шурфовка, сборы подъемного материала, оценка геоморфологической ситуации дали основания для выделения ОАН, о которых имеются устные сообщения, отрывистые свидетельства в литературе или обнаруженных впервые. На правом берегу Ангары – стоянки Мыс Поп, Писаный Камень-1, -2, Пашутино, Ручей Черемшаный, Река Сосновая-1, -2, -3, Ручей Гремучий, Ручей Добголя, Шивера Косая (Скала Дальняя), Красногорьевский. На левом берегу – стоянки Скала Печка, Заимская Курья, Шивера Косая (Скала Веселая).

Стоянка Мыс Поп выделена на поверхности одноименного мыса восточнее дер. Чадобец, на котором, по имеющимся сведениям, А.П. Окладниковым была зафиксирована палеолитическая мастерская. Стоянка Скала Печка привязана к соответствующему обнажению, расположенному напротив устья р. Чадобец. Объект археологического наследия, значительная часть которого разрушена, прилегает к ближайшему к скальному обнажению в логу. Стоянка Писаный Камень-1 расположена на террасе над скалами, на которых размещены одноименные наскальные изображения. Стоянка Писаный Камень-2 является продолжением первого ОАН на юг, вплоть до современного кладбища пос. Хребтовый. Границей между памятниками выступает обширный песчаный карьер, уничтоживший естественный рельеф. Стоянка Пашутино узкой полосой вытянута на 1 км от устья руч. Антонов вверх по правобережной террасе Ангары. Стоянка Ручей Черемшаный расположена на относительно ровной террасе высотой 4–7 м со значительно оплывшим обрывом. В двух шурфах собрана представительная коллекция предметов. Участки культурного слоя различной степени концентрации протянулись на поверхности правобережной ангарской террасы от руч. Добголя вверх на протяжении 20 км до противоположного устью р. Невонки берега. Здесь выделены узкие участки культурного слоя вдоль бровки террасы, обозначенные как стоянки Река Сосновая-1, -2, -3, Ручей Гремучий, Ручей Добголя. Стоянка Заимская Курья, расположенная на территории одноименной охраняемой природной территории, занимает левобережную часть руч. Средний, относительно ровную площадку между бровкой террасы и склоном. На обоих берегах шиверы Косая в шурфах зафиксирован археологический материал. Соответствующие ОАН обозначены как Скала Дальняя (правобережная часть) и Скала Веселая (левобережная часть). Стоянка Красногорьевский: около 40 предметов в пяти пунктах собрано вдоль бровки высокой (17–20 м) террасы, южнее построек пос. Красно-

горьевский. Культурные отложения в значительной степени переотложены.

В рамках разведки проведено изучение перспективных мест размещения ОАН, на которых установлено наличие культурного слоя работами сотрудника ООО «Красноярская геоархеология» Н.С. Степанова в 2014 г. (устное сообщение), – Мурская шивера, каменный мыс у горы Черемшаной, правобережье руч. Добголя.

Итогом разведки в нижнем течении р. Ангары явилось создание схемы археологического зонирования берегов от створа БоГЭС до пос. Богучаны. Произведено обновление сведений об известных ОАН, выявлены новые. Таким образом, в рамках разведки апробированы гипотезы о распространении населения, характере культурных процессов в Северном Приангарье. Другим важным итогом стало появление новых источников по археологии неолита – Средневековья на обширной территории Средней Сибири.

Список литературы

Дроздов Н.И. Каменный век Северного Приангарья: автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 16 с.

Кучерук Н.П. Новая многослойная стоянка Невонка в Северном Приангарье // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. – Иркутск, 1980. – С. 41.

Лысенко Д.Н., Матвеев В.Е., Веженко А.В. Предварительные результаты полевых исследований стоянки Толстый Мыс (Северное Приангарье) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 424–426.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. Утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук от 27 ноября 2013 г. № 85. 40 с.

УДК 572.1; 902.01

А.П. Деревянко[1], В.С. Славинский[1], Т.А. Чикишева[1], А.В. Зубова[1], С.М. Слепченко[2], И.Д. Зольников[3], Д.Н. Лысенко[4], Н.И. Дроздов[1], А.А. Цыбанков[1], Е.В. Деев[5], А.Г. Рыбалко[1], И.В. Стасюк[1, 6], В.М. Харевич[1], Е.В. Артемьев[7], Л.Л. Галухин[4], Е.С. Богданов[1], Н.С. Степанов[4], А.А. Дудко[1], П.К. Ломов[1, 8]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт проблем освоения Севера СО РАН
[3]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[4]ООО «Красноярская Геоархеология»
[5]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
[6]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
[7]Красноярский краевой Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования
[8]Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: Slavinski@yandex.ru

НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА СО СТОЯНКИ АФОНТОВА ГОРА II (предварительное описание, краткий стратиграфический и археологический контекст)

Стоянка Афонтова Гора II в г. Красноярске (средний Енисей) известна археологам более 100 лет. Она является эпонимным памятником афонтовской археологической культуры позднего палеолита и датируется хронологическим промежутком от 11 до 15 тыс. л.н. В 2014 г. в связи с необходимостью проведения спасательных археологических работ в зоне строительства моста через р. Енисей было возобновлено изучение памятника. На его территории выделено два изолированных друг от друга участка, приуроченных ко второй и третьей надпойменным террасам р. Енисей. При раскопках, локализованных на третьей террасе, были обнаружены палеоантропологические находки, принадлежащие двум особям Homo sapiens.

Ключевые слова: *Сибирь, поздний палеолит, афонтовская культура, антропология, охранно-спасательные работы.*

Afontova Gora II site is situated in Krasnoyarsk and is known to archaeologists for more 100 years. It is eponymous site of Afontovskaya archaeological culture of Late Paleolithic time and is dated by time span since 11 to 15 kyr. The study of site was reopened in 2014 whereas it is necessary to conduct archeological safe operations in the area of bridge building cross the Yenisei River. Two isolated from each other areas were defined in the site. They are confined to second and third terraces above flood-plain of Yenisei River. In course of excavation allocated on the third terrace paleoanthropological materials was found. It is associated with two female individuals of Homo sapiens.

Keywords: *Siberia, Late Paleolithic, Afontovskaya culture, anthropology, rescue excavation.*

Афонтова Гора II – наиболее известный памятник в группе одноименных стоянок, классических объектов позднего палеолита Сибири. Плотная городская застройка и интенсивное хозяйственное освоение данной территории на протяжении многих лет препятствовали изучению данного объекта, несомненно, не исчерпавшего свой информационный потенциал. Строительство автомобильного моста через р. Енисей позволило возобновить исследования стоянки в широком масштабе и на современном методическом и аналитическом уровне. Общая площадь раскопок, локализован-

ных на второй и третьей надпойменных террасах р. Енисей составила 11 000 кв.м. В ходе работ на третьей террасе, отличающейся сложным геологическим строением, были обнаружены остатки, принадлежащие двум особям *Homo sapiens*.

Покровные отложения третьей террасы имеют следующее стратиграфическое строение (краткое описание дано по разрезу на юго-восточном окончании Афонтовой Горы, изученному в 2014 г.) (см. *рисунок*).

Пачка 1. Светло-серый с палевым оттенком лесс, представленный легкой супесью, не слоистой, карбонатной. Мощность до 3,2 м. Генезис – навеянные отложения.

Пачка 2. Палево-бурая лессовидная супесь с тонкой параллельной слоистостью. Выполняет понижение палеорельефа. Общая мощность пачки до 6 м. Пачка разделена на три слоя.

Пачка 3. Светло-серые тонко-мелкозернистые алевритистые пески, параллельно слоистые. Геологическое тело представляет собой оползневую пластину, мощностью до 3,5 м, с ориентировкой подошвы и внутренней слоистости на северо-запад под углом 20°. Пластина упирается в блок палево-бурой неслоистой супеси (на восточном окончании пластины) и сдвигает его. Генезис – делювиальные отложения, смещенные оползнем.

Пачка 4. Серая с табачным оттенком неслоистая супесь, в прикровельной и приподошвенной частях приобретающая слоистость. В западной части стенки деформирована оползневой пластиной пачки 3. Мощность 3,2 м. Генезис – субаэральный покров.

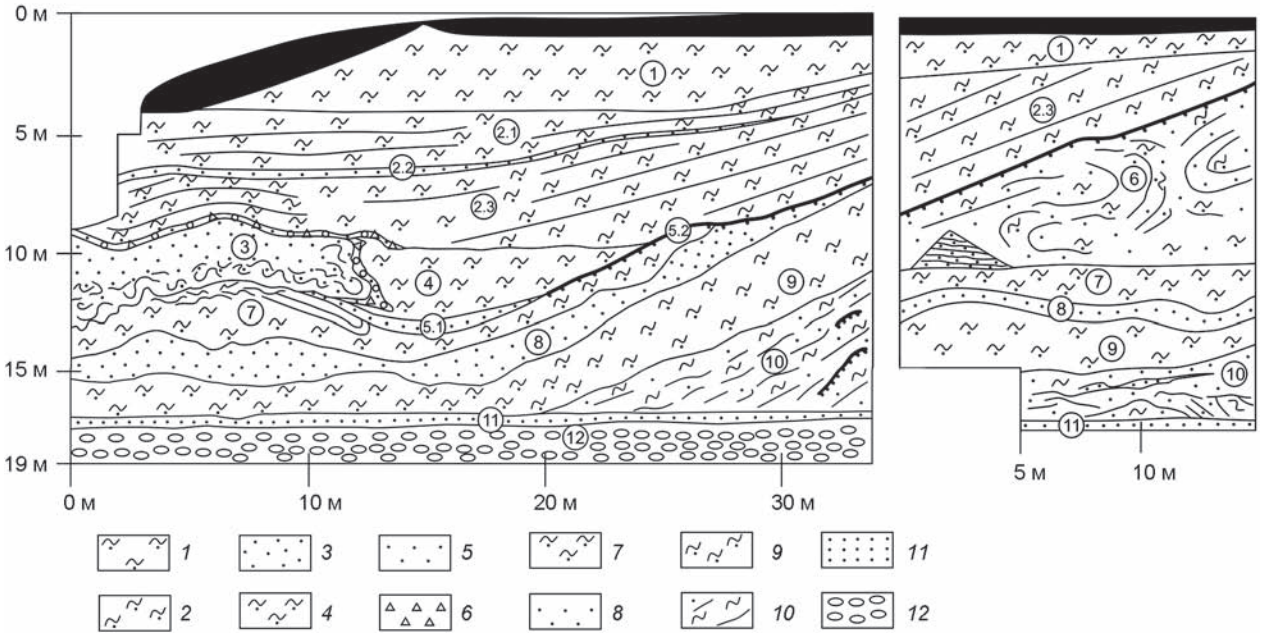
Пачка 5. Выделяются два фациальных аналога в зависимости от положения в палеорельефе: пески в понижениях палеорельефа (мощность до 0,6 м) и палеопочва на палеоповышениях (мощность до 0,3 м).

Пачка 6. Светло-серые, буроватые, рыжеватые тонко-мелкозернистые пески и палево-бурые супеси, перемешанные в результате вовлечения отложений изначально субаэрального комплекса в поточный оползень. Мощность составляет 2,5–7,0 м.

Пачка 7. Серая с палевым оттенком лессовидная супесь, неявно слоистая. Мощность до 2,3 м. Генезис – субаэральный покров. В прикровельной части наблюдаются следы течения разжиженного материала в форме удлиненного языка. В центральной части обнажения слоистость в пачке несогласно срезается слоем 5.1.

Пачка 8. Светло-серые мелко- и среднезернистые пески с дресвой, гравием, мелким щебнем и мелкой галькой. Слоистость падает на северо-запад под углом 30° и более. Наблюдаются многочисленные малоамплитудные надвиги, сдвиги, а также складки внутри пачки. Мощность до 1,2 м. Генезис – делювий.

Пачка 9. Серая лессовидная супесь неявнослоистая. Встречаются прерывистые маломощ-



Стоянка Афонтова Гора II. Принципиальный стратиграфический разрез третьей надпойменной террасы.

1 – светло-серый с палевым оттенком лесс; *2* – палево-бурая лессовидная супесь; *3* – светло-серые тонко-мелкозернистые алевритистые пески; *4* – серая с табачным оттенком неслоистая супесь; *5* – пески; *6* – светло-серые, буроватые, рыжеватые тонко-мелкозернистые пески и палево-бурые супеси; *7* – серая с палевым оттенком лессовидная супесь; *8* – светло-серые мелко- и среднезернистые пески; *9* – серая лессовидная супесь; *10* – серые и буроватые супеси; *11* – светло-серый песок; *12* – галечник.

ные делювиальные прослои и линзы тонко-мелкозернистых песков. Отложения деформированы. Мощность от 1,5 до 2,0 м. Генезис – субаэральный покров.

Пачка 10. Серые и буроватые супеси, переслаивающиеся со светло-серыми и рыжеватыми мелко-тонкозернистыми песками. Слоистость параллельная, осложненная многочисленными пластическими и хрупкими деформациями. Общая мощность пачки увеличена за счет оползневого нагнетания обломочного материала и составляет около 10 м. Отмечена ископаемая палеопочва, деформированная и разорванная, с залеганием фрагментов вплоть до субвертикального. Генезис – делювий, а также частично аллювий, втянутый в ходе движения из нижележащего слоя.

Пачка 11. Светло-серый песок, среднезернистый, алевритистый, хорошо промытый, субгоризонтально параллельно слоистый, с редкими прослоями суглинков. Кровля деформирована пологими надвигами и местами срезана подошвой вышележащих отложений. Мощность 0,4–0,5 м. Генезис – пойменный аллювий.

Пачка 12. Серый галечник, щебневый с песчаным заполнителем. Видимая мощность до 0,2 м. Генезис – русловый аллювий.

В целом для описанного разреза отчетливо прослеживается два оползневых события. Первый оползень включает в себя отложения пачек 6–10, залегающих существенно круче, чем второй оползень, представленный отложениями пачки 3. Между ними залегает мульда, выполненная делювиальными, солифлюкционными, ручьевыми и лужевыми отложениями пачек 4 и 5. Таким образом, эти два события разделены временем формирования пачек 4 и 5. Выше залегают субаэральные отложения пачек 1 и 2, которые выполняют неровности в кровле оползневой толщи.

Культуросодержащие горизонты представляют собой толщу делювиальных отложений, слагающих тело оползневого образования, надвинутого на уровень залегания пойменного аллювия нижележащей (второй, 12–14-метровой) террасы р. Енисей. Оползневое тело перекрыто субаэральными и делювиальными отложениями покровной толщи мощностью до 6 м.

Расчленение толщи оползневого тела на отдельные горизонты весьма условно – артефакты и палеофаунистические остатки залегают в мощных (до 1,5 м) пачках отложений несогласно современному склону (угол склонения до 65°), простирание слоев северо-восточное. Все слои уже после схода оползня подвергались постдепозиционным перемещениям: фиксируются смятия и блоковые смещения.

Культуросодержащие горизонты распределены по разрезу следующим образом: пачка 3 – к.г. 1; пачка 7 – к.г. 2 и 3; пачка 8 – к.г. 4–6; пачка 9 – к.г. 7–9; пачка 10 – к.г. 10. Материал распределен в толще отложений однородно, не образуя устойчивых уровней обитания и скоплений. Во всех культуросодержащих слоях фиксируется наличие гомогенной в культурно-хронологическом отношении индустрии, которую по технико-типологическим характеристикам каменного и костяного инвентаря, а также предметов искусства можно отнести к афонтовской археологической культуре [Абрамова, 1979; Дроздов, Артемьев, 2007].

В ходе работ на раскопе № 24, врезанном в борт третьей террасы, в культурном горизонте 2, приуроченном к кровле тела оползневого образования, были обнаружены палеоантропологические находки: первый шейный позвонок, челюсть и пять зубов лежали согласно уклону геологического слоя. Сопутствующий им археологический материал представлен отщепами и сколами. Показательная часть коллекции состоит из двойного поперечного скребла на крупном сколе, фрагментов рога со следами обработки, шила на грифельной кости лошади. Исключительная сохранность палеофаунистического и антропологического материала, а также изделий из кости и рога позволяет предположить, что скорость археологизации находок была весьма высокой. Залегание в том же культурном горизонте краниальных фрагментов скелетов крупных млекопитающих (черепа северного и благородного оленей, волка) позволяет предположить механизм его формирования. Образование геологического тела происходило в древнем понижении рельефа с сезонным водотоком, обеспечивающим постоянное поступление и сортировку осадков (в т.ч. и разрушение блоков отложений, содержащих культурные остатки), и стабильным стоянием воды, формирующим закисные формы ожелезнения.

Нижняя челюсть и пять зубов, по предварительным данным, принадлежат девушке 14–15 лет. Челюсть имеет очень грацильное строение – большая часть продольных и поперечных ее размеров попадает в категорию малых или очень малых размеров. Тело челюсти очень низкое, средней толщины. Симфиз средневысокий. Ветвь челюсти короткая, среднеширокая, с очень малым углом наклона. Углы наклона правой и левой ветви несколько различаются, вероятно, из-за посмертной деформации челюсти. Краевые разрастания на мыщелках отсутствуют. Грацильность челюсти позволяет предположить определенные отличия антропологического типа, в частности от сходных

по возрасту палеолитических останков детей из памятников Сунгирь-2 и -3.

Измерительные характеристики атланта свидетельствуют о принадлежности его индивидууму женского пола. Наличие краевых костных разрастаний на суставных поверхностях позвонка может указывать на возраст старше 20 лет. Различие возрастных характеристик нижней челюсти и зубов, с одной стороны, и атланта – с другой, вероятно, указывает на принадлежность их двум разным индивидуумам. Эволюционный статус и морфологические особенности этих находок станут предметом дальнейшего исследования.

Для бассейна Енисея, на данный момент, представление об антропологическом облике носителей культуры палеолита является крайне фрагментарным и сводится к двум находкам. Наиболее древней является находка фрагмента человеческого черепа на местонахождении Покровка II в Дербинском заливе Красноярского водохранилища. На основании радиоуглеродного датирования был установлен возраст фрагмента, равный 27 740 ± 150 BP (OxA-19850). Костные останки индивидуума из Покровки представлены частично разрушенной лобной костью. По предварительному изучению скелетных останков было сделано заключение, что уже свыше 27 тыс. л.н. территория Средней Сибири в течении р. Енисей была заселена представителями анатомически современного человека без следов «монголоидности» [Бужилова, Добровольская, Медникова, 2009]. Другая находка была сделана в слое 12 Г стоянки Лиственка недалеко от г. Красноярска [Акимова и др., 2005, с. 78–88]. Здесь была обнаружена нижняя челюсть ребенка современного антропологического типа, обладающего европеоидными антропологическими признаками. Слой, в котором она была найдена, имеет серию радиоуглеродных определений, позволяющих датировать его возрастом около 13 тыс. л.н. [Там же]. Очевидно, этот слой хронологически синхронен костным остаткам из Афонтовой Горы II.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 156 с.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Чеха В.П., Орлова Л.А., Кольцова В.Г., Санько А.Ф., Шпакова Е.Г. Палеолит Енисея. Лиственка. – Красноярск: Универс, 2005. – 184 с.

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б. Лобная кость *Homo* из верхнепалеолитического местонахождения Покровка II в Сибири // Вестн. Моск. гос. ун-та. Антропология. – 2009. – № 3. – С. 4–13.

Дроздов Н.И., Артемьев Е.В. Палеолит Афонтовой Горы: последние данные – новые вопросы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 39–45.

УДК 903.09

В.С. Славинский[1], Е.А. Акимова[1], Д.Н. Лысенко[2], Е.А. Томилова[3], Е.Н. Кукса[3], Н.И. Дроздов[4], А.А. Анойкин[1], Е.В. Артемьев[5], Л.Л. Галухин[2], Е.С. Богданов[1], Н.С. Степанов[2], Ю.А. Гревцов[2], П.К. Ломов[1, 6], А.А. Дудко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]ООО «Красноярская Геоархеология»
[3]Информационно-методический ресурсный центр Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
[4]Красноярский филиал Университета Российской академии образования
[5]Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования
[6]Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: Slavinski@yandex.ru

КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ СТОЯНКИ АФОНТОВА ГОРА II (по результатам раскопок 2014 года)*

В статье представлены данные о костяной индустрии стоянки Афонтова Гора II (г. Красноярск), полученной при раскопках в 2014 г. Приводятся данные о распределении предметов по культуросодержащим горизонтам, их типология, описание наиболее ярких вещей, сведения об использованном сырье. Дается общая характеристика материалов, выделяются наиболее значимые типы костяных орудий (пазовые наконечники, несоставные наконечники двух типов, иглы и др.). По результатам исследования делается вывод о том, что по характеру костяного инвентаря археологические комплексы памятника полностью соответствуют енисейским индустриям поздней поры верхнего палеолита.

Ключевые слова: *палеолит, культуросодержащий горизонт, костяная индустрия, рог, бивень, р. Енисей.*

Publication presents a data on the bone industry obtained in the course of Afontova Gora II site (Krasnoyarsk) excavation in 2014. Paper is adduced the data about artifact distribution in horizons containing cultural remains, artifact typology, description of the main striking objects, information about raw material using. The materials are defined in general outline, significant types of bone tools are marked out (grooving points, two types of non-composite points, needles and etc.). The results of study give an opportunity to conclude that archaeological complexes of site conform to Late Upper Paleolithic industry of Yenisei completely on the basis of bone tool types.

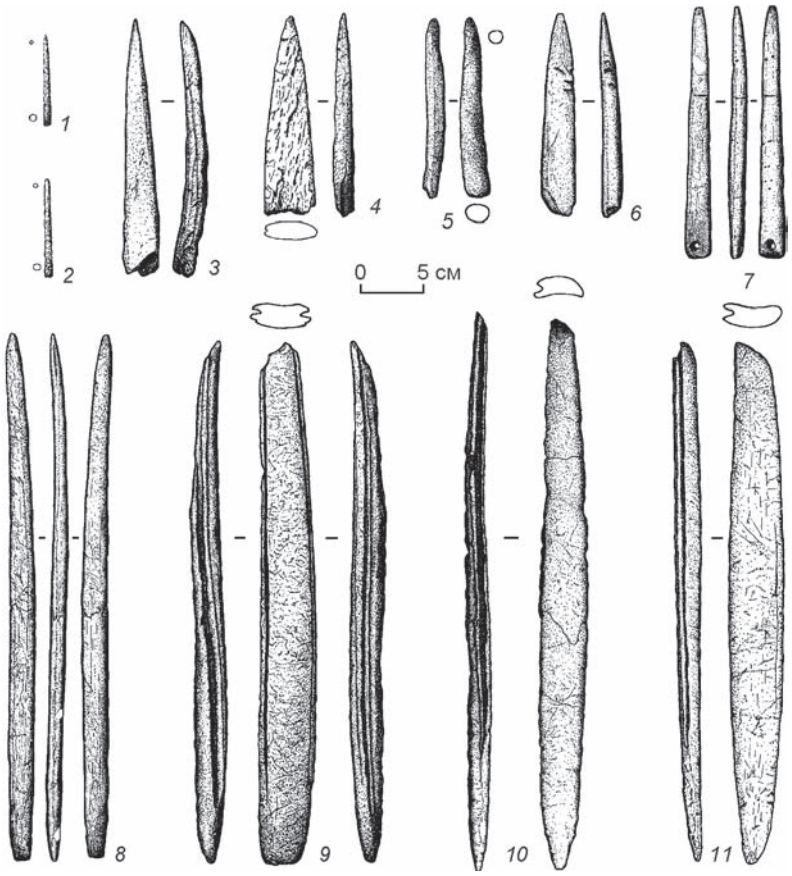
Keywords: *Paleolithic, horizons containing cultural remains, bone industry, antler, ivory, Yenisei.*

В 2014 г. были проведены масштабные археологические работы на стоянке Афонтова Гора II, расположенной в границах г. Красноярска. Общая площадь исследуемых культурных отложений составила более 11 тыс. кв.м. Полученная в ходе раскопок коллекция насчитывает около 100 тыс. единиц остеологического материала, артефактов из камня, кости и рога. Основной объем работ производился на второй надпойменной террасе р. Енисей, где мощность отложений составляла до 6 м, и на разных участках было выделено до пяти культуросодержащих горизонтов. Другая, меньшая часть раскопов была локализована в районе третьей надпойменной террасы, где мощность отложений составляла до 17 м. Здесь было выделено до 10 культуросодержащих горизонтов, имеющих независимую от раскопов второй террасы нумерацию. Вместе с тем археологические материалы всего памятника имеют общие особенности залегания, связанные с его

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

хозяйственным типом (группа кратковременных охотничьих стоянок). Они располагались на всех исследованных участках в виде небольших по мощности и простиранию разрозненных разноуровневых «пятен» концентрации артефактов и остеологического материала.

Одной из характерных черт индустрий поздней поры верхнего палеолита бассейна р. Енисей, к которым относятся и археологические комплексы стоянки Афонтова Гора II, является наличие в них значительного количества орудий и неутилитарных изделий из органических материалов, в первую очередь, бивня и рога [Абрамова, 1979а; Васильев, 1996; Астахов, 1999; Лисицын, 2000]. В коллекции, полученной в ходе работ 2014 г., эта группа артефактов насчитывает более 100 экз., при этом орудийный набор составляют 75 предметов. Типологический состав изделий, характер их обработки и метрические параметры, в целом, сопоставимы с параметрами предметов из коллекций костяного инвентаря, полученных на памятнике при раскопках предыдущих лет [Ауэрбах, Сосновский, 1932; Астахов, 1999]. Количественно коллекции также близки.



Афонтова Гора II. Раскопки 2014 г. Костяные орудия.
1, 2, 7 – иглы; *3, 5* – округлые наконечники; *4, 6* – уплощенные наконечники; *8–11* – пазовые наконечники.

По культуросодержащим горизонтам данная категория артефактов распределялась следующим образом.

Раскопы, приуроченные ко второй террасе

К.г. 0 (слои нарушенные современной хозяйственной деятельностью) – 5 экз., в т.ч. наконечники округлые – 1; иглы – 1; рукоятки (муфты) из рога – 3.

К.г. 2.1 – 24 экз., в т.ч. пазовые наконечники – 9 (см. *рисунок, 10*); заготовки пазовых наконечников – 1; наконечники округлые – 2 (см. *рисунок, 5*); наконечники уплощенные – 3; иглы – 7 (см. *рисунок, 1, 2*); лощила – 1; заготовки из рога – 1.

К.г. 3.1 – 11 экз., в т.ч. пазовые наконечники – 6 (см. *рисунок, 9, 11*); наконечники уплощенные – 1 (см. *рисунок, 4*); иглы – 2; заготовки из рога – 1; кости со следами обработки – 1.

К.г. 4 – 7 экз., в т.ч. наконечники округлые – 1; лощила – 1; пластинки из бивня – 1; заготовки из бивня – 1; кости со следами обработки – 3.

Раскопы, приуроченные к третьей террасе

К.г. 2 – 1 экз., в т.ч. заготовки из бивня – 1.

К.г. 3 – 4 экз., в т.ч. наконечники округлые – 1; иглы – 2; заготовки из бивня – 1.

К.г. 4 – 6 экз., в т.ч. пазовые наконечники – 2 (см. *рисунок, 8*); наконечники уплощенные – 3 (см. *рисунок, 6*); заготовки из рога – 1.

К.г. 7 – 4 экз., в т.ч. наконечники округлые – 1 (см. *рисунок, 3*); иглы – 1 (см. *рисунок, 7*); заготовки из бивня – 1; заготовки из рога – 1.

К.г. 9 – 10 экз., в т.ч. пазовые наконечники – 2; наконечники округлые – 1; наконечники уплощенные – 3; лощила – 1; заготовки из бивня – 1; заготовки из кости – 1; отбойники-ретушеры – 1.

К.г. 10 – 3 экз., в т.ч. наконечники уплощенные – 1; заготовки из рога – 1; кости со следами обработки – 1.

Несмотря на значительный пространственный и высотный разброс материалов и приуроченность их к большому числу асинхронных культуросодержащих горизонтов, костяной инвентарь стоянки в целом достаточно стандартен и представлен небольшим количеством типологических групп, близких как по морфологии, так и по оформлению, во всех выделенных археологических подразделениях. Это связано как с принадлежностью археокомплек-

сов стоянки к единой палеолитической культуре (афонтовской), так и с относительно коротким (в пределах нескольких тысяч лет) общим периодом их существования.

Наиболее массово в материалах стоянки представлены различные варианты пазовых наконечников, встречающиеся как в одно-, так и в двулезвийных вариантах (см. *рисунок, 8–11*). Большая часть изделий фрагментирована. Как правило, данная категория орудий изготавливалась из рога и одна из сторон изделий часто сохраняла губчатую массу. Наконечники имели сильно вытянутую подовальную форму и двояковыпуклое сечение. U-образный паз вырезался шириной и глубиной 1–2 мм и не доходил до острия. При изготовлении широко использовались такие приемы как строгание и шлифовка.

Не менее многочисленны несоставные наконечники, представленные в двух основных вариантах – овальные и уплощенные (см. *рисунок, 4, 6*). Большая часть изделий также фрагментирована и, в основном, представлена острийной частью, как правило, имеющей конусообразную форму. Использовавшийся для их изготовления материал разнообразнее. При изготовлении наряду с рогом использовались крупные кости млекопитающих. Уплощенные наконечники близки по форме пазовым разновидностям, но отличаются от них более мелкими размерами. Они овальные, как правило, тонкие, удлиненные. Более мелкие предметы этой категории имеют вид приостренных стержней.

Также хорошо представлены в коллекции иглы (практически все фрагментированы) (см. *рисунок, 1, 2, 7*). У пяти изделий частично сохранилось ушко. Еще две иглы сохранились полностью, ушко на них оформлено биконическим сверлением. Сечение большинства изделий подпрямоугольное в основной части и круглое в острийной. Следов орнаментации ни на одном изделии не зафиксировано.

Среди остальных изделий наиболее примечательными является группа рукояток (муфт) из рога. Изделия представляют собой продольные фрагменты рогового ствола, иногда с сохранившимся отростком длинной несколько сантиметров. Губчатая масса внутри выбиралась, при этом формировалось овальное в сечении сужающееся отверстие, служащее, видимо, для крепления каменного лезвия. На нескольких изделиях оформлено два противолежащих отверстия, расположенных по обрезанным торцам роговой основы.

К лощилам отнесено несколько крупных удлиненных, сильно уплощенных предметов из рога, со скругленными слабовыпуклыми торцами.

Заготовки из бивня представлены массивными кусками цилиндрической формы со следами отделения и резки на торцах и следами скобления и шлифовки поверхности. К роговым заготовкам отнесены фрагменты рога со следами отделения и резки, в основном, сохраняющие естественную форму материала.

Как отбойник-ретушер идентифицировано изделие, представляющее собой дистальный фрагмент колотого бивня. На широком и узком концах противолежащих плоскостей расположены крупные пятна забитостей, возникших от нанесения многочисленных ударов.

В целом, облик костяной индустрии, зафиксированной на стоянке Афонтова Гора II в 2014 г., соответствует характеристике, данной ей в прошлом веке на основании работ до- и послевоенного периода, однако ее количественные показатели значительно расширились. Кроме того, полученный массовый материал позволяет более предметно проводить сравнения костяной составляющей археокомплекса с близкими по времени индустриям других енисейских стоянок (Майнинская, Уй I, II, стоянки Кокоревской группы и др.) [Абрамова, 1979а, б; Васильев, 1996; Астахов, 1999; Лисицын, 2000].

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 156 с.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979б. – 200 с.

Астахов С.Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. – СПб.: Европейский Дом, 1999. – 207 с.

Ауэрбах Н.К., Сосновский Г.П. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова Гора II // Тр. Комис. по изучению четвертичного периода. – М.; Л., 1932. – № 1. – С. 45–114.

Васильев С.А. Поздний палеолит верхнего Енисея. По материалам многослойных стоянок района Майны. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1996. – 220 с.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья.– СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – 232 с.

УДК 903.43

А.А. Цыбанков[1], С.В. Колонцов[1], А.В. Постнов[1, 2], И.Д. Зольников[1, 2], Г.И. Марковский[1], А.А. Присекайло[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: tsybankov@yandex.ru

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ ИВАНОВКА-4 В 2014 ГОДУ

В публикации представлены результаты спасательных археологических работ, проведенных в Ордынском р-не Новосибирской обл. на городище Ивановка-4 с августа по сентябрь 2014 г. Цель работ предусматривала осуществление двух основных задач: предотвращение разрушения городища в результате обрушения берега Новосибирского водохранилища; уточнение сведений о городище и планирование мероприятий по обеспечению его сохранности. Вскрытая двумя раскопами площадь составила 101,82 кв.м. Характер находок в раскопах позволяет предположить одинцовский этап верхнеобской культуры (III–IV вв. н.э.).

Ключевые слова: *Новосибирская обл., Ордынский р-н, водохранилище, спасательные работы, Средневековье.*

This publication presents the results of rescue archaeological excavations in Ordynski district of Novosibirsk region on the territory of archaeological site Ivanovka-4 in August-September 2014. The purpose of the work provides for the implementation of two major tasks: prevent destruction of the site in the process of destruction of the coast of Ob artificial lake; clarifying information about the site and planning activities to ensure its safety.

Keywords: *Novosibirsk region, Ordynski district, Ob artificial lake, rescue archaeological excavations, Middle Ages.*

С августа по сентябрь 2014 г. Отделом охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проведены спасательные археологические полевые работы на городище Ивановка-4. Цель работ предусматривала две основные задачи: предотвращение разрушения городища в результате обрушения берега Новосибирского водохранилища; уточнение сведений о городище и планирование мероприятий по обеспечению его сохранности.

Городище Ивановка-4 расположено в Ордынском р-не Новосибирской обл., в 5 км к северу-северо-востоку от с. Чингис, на правом берегу р. Обь (Новосибирское водохранилище) (см. *рисунок*). Территория, где расположен памятник, приурочена к приподнятой юго-восточной окраине Колывань-Томской складчатой зоны и в геоморфологическом отношении относится к возвышенной слаборасчлененной пологоволнистой равнине с неглубоким залеганием палеозойского фундамента. Речные долины здесь узкие, корытообразные, врезаны на глубину 5–10 м, реже до 25 м и имеют хорошо развитую пойменную террасу высотой 2–3 м над урезом воды и шириной от 10 до 200 м. Поверхность поймы неровная, со следами блуждания русла, осложненная кочкарным микрорельефом, в верховьях рек и притоков заболоченная. Левобережные притоки р. Чингис ориентированы с юго-востока на северо-запад и согласно данным геологической съемки [Домникова и др., 1988] приурочены к разрывным нарушениям.

Согласно геохронологическим исследованиям верхнего Приобья [Панычев, 1979] НПТ III, II, I слагаются единой сузунской толщей, которая представлена единой циклоклиматической террасой Оби позднеплейстоценового возраста, поверхность которой осложнена серией эрозионных террас, не имеющих стратиграфического значения.

Городище открыто Т.Н. Троицкой в 1970 г. под наименованием Ивановское-4. По данным 1970 г. городище расположено на северной окраине бывшего пос. Ивановский, примыкает к проселочной дороге, идущей параллельно Оби. На площадке городища, окруженной подковообразным рвом и валом, отмечено 11 западин [Грязнов и др., 1973].

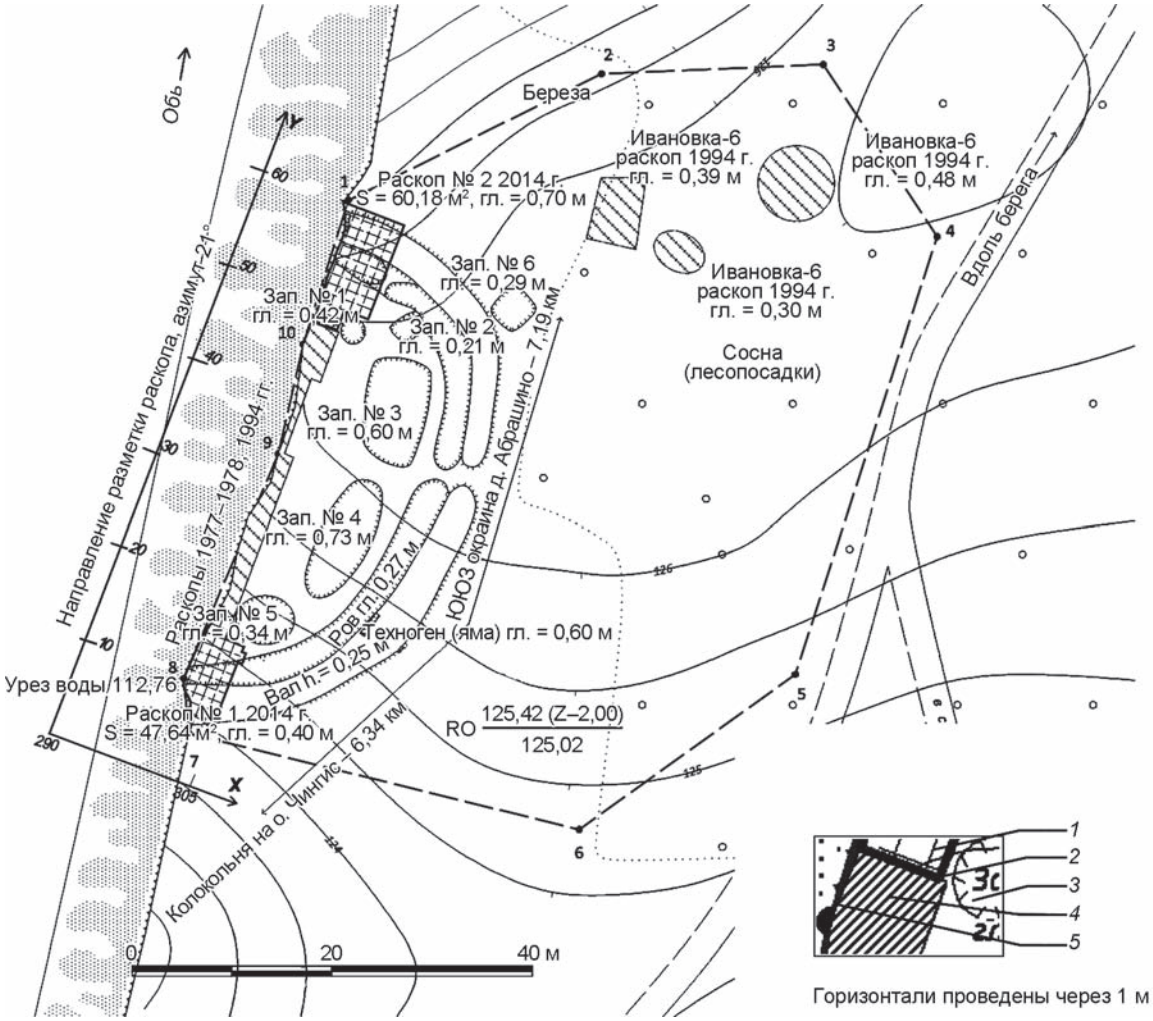
В 1977–1978 гг. Т.Н. Троицкая проводит охранные раскопки этого городища уже под наименованием Ивановка-4. Площадь раскопа 1977 г.,

заложенного траншеями вдоль береговой террасы, составила 231 кв.м. Еще 22 кв. м. было доисследовано в 1978 г. Исследовано четыре жилища и часть оборонительной системы. На основании материалов раскопок, городище датировано началом I тыс. н.э. и отнесено к одинцовскому этапу верхнеобской культуры. В вышедшей в 1980 г. «Археологической карте Новосибирской области» указано 16 жилищных западин [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980].

По данным архива ГАУ НСО НГТЦ, в 1981 г. городище было обследовано Е.А. Сидоровым, снят глазомерный план. В 1994 г., в ходе инвентаризации памятников района, городище было обследовано А.П. Бородовским, которым были проведены небольшие раскопки на разрушающемся участке береговой террасы. Площадь раскопа составила 12 кв.м. Обнаруженный в ходе раскопок материал А.П. Бородовский датировал началом I тыс. н.э., отнеся его к позднему этапу кулайской культуры [1996].

В 2008 г., в рамках очередной инвентаризации памятников археологии, городище обследовано Д.Е. Ануфриевым. По уточненным данным, городище расположено в 6,34 км к СВ от с. Чингис (ориентир – колокольня церкви Петра и Павла на острове Чингисский), в 7,19 км к ЮЗ от ЮЮЗ окраины д. Абрашино, на юго-западной оконечности крупной возвышенности, выходящей к обрыву береговой террасы р. Обь (Новосибирское водохранилище). Общая площадь городища составляет 3 911,01 кв.м.

Рельефные признаки городища представлены относительно ровной внутренней площадкой, размерами 14,5 × 41,3 м, оконтуренной с юго-восточной стороны кольцевым сооружением в виде небольшого рва и вала, отсыпанного на внешнюю сторону (см. *рисунок*). На внутренней площадке городища находится пять жилищных западин, расположенных по периметру вдоль рва. Еще одна западина расположена за пределами внутренней



Городище Ивановское-4. Спасательные археологические работы 2014 г. Топографический план объекта.

1 – разметка раскопов 2014 г. по 1 м; *2* – границы раскопов 2014 г.; *3* – границы видимых в рельефе конструкций городища; *4* – площади раскопов прошлых лет; *5* – граница памятников городища Ивановка-4 и могильника Ивановка-6.

площадки, с северо-восточной стороны от кольцевого сооружения. На внутренней площадке городища, вдоль кромки береговой террасы, сохранились, большей частью осыпавшиеся, частично задернованные остатки раскопов 1977, 1978 и 1994 гг. Глубина раскопов от 0,16 до 0,8 м, стенки раскопов частично осыпаются.

Общая протяженность сохранившейся оборонительной системы городища по дуге составляет 66,7 м. Ров городища имеет ширину от 1,83 до 3,40 м, глубину до 0,27 м. Ширина вала от 2,5 до 4,1 м, высота от 0,20 до 0,25 м. С восточной части городища в оборонительной системы четко прослеживается вход шириной в разрыве рва – 1,26 м, в разрыве вала – 1,67 м. Еще один вход наблюдается с северо-восточной части городища и представлен разрывом рва шириной 0,5 м. На юго-восточной части вала прослеживаются остатки современной, задернованной в настоящее время, траншеи, размерами 2,58 × 0,49 м, глубиной 0,6 м.

На наиболее разрушаемых частях городища Ивановка-4 были заложены два раскопа (в южной (41,64 кв.м) и северной (60,18 кв.м) части городища). Раскопы одной стороной непосредственно примыкали к береговому обрыву, другой – к раскопам предыдущих исследований, третьей – к границам памятника.

Стратиграфия памятника сверху-вниз представлена следующими отложениями.

Слой 1. Супесь средняя светло-коричневая пористой структуры. Текстура неяснослоистая с прослоями супеси более охристых и светлых тонов. Включения по всей мощности слоя представлены многочисленными корнями растений, растительным детритом и современным мусором из фрагментов стеклянной, полимерной и анодированной жестяной тары. Новообразования отсутствуют. Нарушения представлены редкими кротовинами, составляющими незначительный процент проективной площади. Нижняя граница точная, ясная пологоволнистая. Граница обусловлена резким цветовым переходом к почти черным и более плотным нижележащим осадкам. Вероятный генезис слоя – эоловый. Его образование связано с интенсивным разрушением супесчаных отложений берегов водохранилища и переноса этого материала ветром. Мощность слоя хорошо выдержана в простирании и составляет от 0,2 м в северной части памятника до 0,15 м в южной.

Слой 2. Супесь средняя гумуссированная темно-серая, в кровле до черного. Структура пористая, текстура пятнистая с пятнами светло-коричневых супесей. Включает корни и реликты корней растений. Новообразования отсутствуют. Среди нарушений редкие ходы землероев, занимающие до 5 % проективной площади. Нижняя граница неточная, ясная, клиновидно внедряется в подстилающий горизонт. Граница проведена по изменению цвета осадка. Вероятный генезис слоя – гумусовый горизонт А современной почвы, сформированный до наполнения ложа водохранилища. Мощность слоя не выдержана и составляет от 0,05 до 0,2 м на различных участках раскопов.

Слой 3. Супесь средняя светло-серая со следами подзола. Структура пылеватая, к подошве более плотная. Текстура пятнистая с пятнами супесей более светлых и темно-серых оттенков. Включает корни растений и их реликты, а также культурный слой с археологическим материалом (ямы, кострище, ров, вал, артефакты). Новообразования представлены пятнами ожелезнения. Слой нарушен ходами землероев, которые составляют до 10 % проективной площади. Многие из кротовин не отличаются по цвету от основного осадка и фиксировались по изменению плотности грунта и характерной округлой форме. Вероятный генезис слоя – иллювиальный горизонт почвы, в нижней части преобразованный в результате человеческой деятельности на городище (более плотный и более серый). Мощность слоя за исключением рва варьирует от 0,1 до 0,3 м. по разрезу.

Слой 4. Песок светло-желтый перевеянный, структура пористая. Текстура субгоризонтально слоистая. Включения представлены следами корней растений. Новообразования присутствуют в виде линий и пятен ожелезнений. Читаются редкие ходы землероев. Вероятный генезис слоя эоловые пески, сформированные за счет перевеевания надпойменных террас Оби. Время образования поздний плейстоцен – основная часть голоцена. Видимая мощность слоя по обрыву берега 3 м.

В процессе разборки отложений выявлено 94 ед. археологического материала. В раскопе 1 обнаружено 10 ед. (1 фрагмент стенки керамического сосуда с орнаментом, 8 фрагментов керамической посуды без орнамента, 1 кусок шлака). В раскопе 2 найдено 84 ед. (обломок бронзовой бляшки – 1 экз.; фрагментов венчиков керамической посуды с орнаментом – 11 экз.; фрагментов венчиков керамической посуды без орнамента – 1 экз.; фрагментов стенок керамической посуды с орнаментом – 7 экз.; фрагментов стенок керамической посуды без орнамента – 55 экз.; отходы от производства каменных орудий – 2 экз.; зуб с фрагментами челюсти *Canidae* – 7 ед.).

В обоих раскопах выявлены и расчищены элементы кольцевой структуры – рва и вала городища. Кроме этого в раскопе 2 зафиксированы следы древнего кострища с прокалом и три пятна в виде остатков корневой системы деревьев. Возможно,

это следы раскорчевки площади городища, поскольку остатков древесины в заполнении пятен обнаружено не было.

Культурная атрибуция находок позволяет предположить одинцовский этап верхнеобской культуры (III–IV вв. н.э.)

После работ раскоп был рекультивирован, однако в связи с продолжающимся обрушением берега рекомендуется продолжить охранно-спасательные мероприятия на площади городища Ивановка-4 через два года.

Список литературы

Бородовский А.П. Исследования и инвентаризация археологических памятников на нижней Катуни и в Новосибирском Приобье // АО 1995 года. – М.: Изд-во НБПО «Фонд археологии», 1996. – С. 320–321.

Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севостьянова Э.П. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопр. археологии Сибири. – Новосибирск, 1973. – Вып. 85. – С. 3–44.

Домникова Е.И., Иванова Т.С., Костицина Н.М., Трутнева Л.Н. Геологическая и гидрогеологическая карты СССР масштаба 1:200000. Серия Кулундинско-Барабинская. Лист N-44-XVI. Объяснительная записка. – М.: Союзгеолфонд, 1988. – 186 с.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 101 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 93 с.

УДК 903.14

А.А. Цыбанков[1], С.В. Колонцов[1], А.В. Постнов[1, 2], Г.И. Марковский[1], А.А. Присекайло[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: tsybankov@yandex.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ОСТРОВАХ НОВОСИБИРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА В 2014 ГОДУ

В публикации представлены результаты археологической разведки на островах Обского водохранилища в Ордынском р-не Новосибирской обл., произведенной в рамках исследовательской программы «Сохранение, использование и популяризация объектов археологического наследия побережья Обского водохранилища на 2014–2020 гг.». В результате обследовано 17 островов от с. Кирза до с. Завьялово, выявлено четыре объекта археологического наследия железного века (Остров Каменский-1–4) и два – эпохи Средневековья (Красноярский Борок-1, -2).

Ключевые слова: *Новосибирская обл., Ордынский р-н, Обское водохранилище, археологическая разведка, острова, железный век, Средневековье.*

This publication presents the results of archaeological exploration on the islands of Ob artificial lake in Ordynski district of Novosibirsk region. This works are part of the research program «Preservation, use and promotion of the objects of archaeological heritage of the coast of Ob artificial lake in 2014 – 2020». As a result of exploration 17 islands were surveyed, 4 sites of the Iron Age (Ostrov Kamenskyi 1, 2, 3, 4) and 2 sites of Middle Ages (Krasnoyarskyi Borok 1, 2) were found.

Keywords: *Novosibirsk region, Ordynski district, Ob artificial lake, archaeological exploration, islands, Iron Age, Middle Ages.*

Институтом археологии и этнографии СО РАН в полевой сезон 2014 г. проведена археологическая разведка на островах Обского водохранилища в Ордынском р-не Новосибирской обл.

История изучения археологических памятников Ордынского р-на связана с охранными археологическими работами в зоне будущего ложа водохранилища Новосибирской ГЭС и с последующими аварийными археологическими исследованиями в зоне эрозионной переработки берегов водохранилища. Поиски и изучение археологических памятников Ордынского р-на начались в зоне затопления в 1952–1954 гг. Новосибирской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М.П. Грязнова [Грязнов и др., 1973]. За короткий срок экспедиция выявила более 52 разновременных и разнотипных археологических памятников у деревень Елбань, Еремино, Ирмень, Нижнекаменка, Ордынское, Новостройка, Новый Шарап, Старый Шарап, Половинное, Советская Сибирь, Темново, Шляпово, Спирино (цифра неточная, т.к. некоторые комплексы памятников разделены на типологические и культурно-хронологические составляющие). При этом на некоторых памятниках были проведены частичные охранные раскопки, что позволило определить их хронологию и культурную принадлежность и заложить основы периодизации археологических памятников Новосибирского Приобья.

Необходимо отметить, что Новосибирская ГЭС строилась и вводилась в эксплуатацию в ускоренном режиме. Этого требовали обстоятельства послевоенного времени. Даже на момент пуска первого агрегата (10 ноября 1957 г.) стен и крыши машинного зала еще не было, и агрегат работал под шатром. Археологическое обследование ложа проводилось также в сокращенные сроки.

Понятно, что все интенсивные археологические исследования с 1959 г. по настоящее время касались берегов Новосибирского водохранилища, которые начали разрушаться от размыва и обнажать археологический материал различных

эпох. Поскольку доказано, что абразия (размыв) берегов водохранилищ, особенно в первые десятилетия после их заполнения, протекает значительно интенсивнее, чем морских, и переформирование берегов начинается сразу после затопления чаши водохранилища в направлении общего выравнивания береговой линии в плане за счет срезания мысов, на которых чаще всего и расположены древние поселения [Формирование…, 1969; Авакян, Сальанкин, Шарапов, 1987; Григорьева, 1988; Широков, 1993; Экзогенные геологические процессы…, 2005; Назаров, 2006; Хабидов и др., 2009]. Кроме того, берега Новосибирского водохранилища в основном сложены тонкозернистым легкоразмываемым материалом, что затрудняет образование профиля равновесия в естественных условиях и составляет специфику быстрого их разрушения [Хабидов и др., 2009].

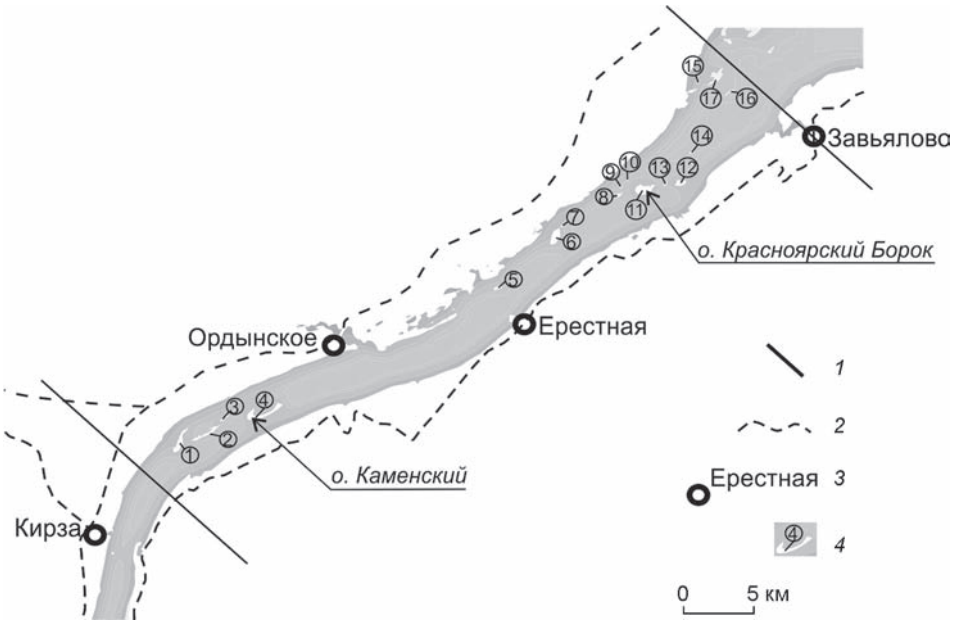
Необходимость проведения разведок по островам Новосибирского водохранилища является актуальной в той же степени, как и мониторинг разрушающейся береговой линии, так как берега островов подвергаются разрушению теми же процессами, что и берега водохранилища. Кроме того, в археологическом отношении это особо перспективные места, поскольку нынешние острова до затопления были господствующими высотами непосредственно у реки Обь, и часто эти возвышенности находятся ближе к бывшему руслу реки, чем современные берега. Немаловажен и тот момент, что острова археологически малоисследованы из-за затрудненного доступа к ним, поскольку необходимо выполнять работы «с воды», и многие из островов до сих пор остаются «белыми пятнами» на археологической карте Новосибирской обл.

Археологическое обследование островов Новосибирского водохранилища было проведено в рамках Программы «Сохранение, использование и популяризация объектов археологического наследия побережья Обского водохранилища на 2014–2020 гг.», созданной совместно ИАЭТ СО РАН и Управлением по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской обл. Для реализации этой программы использовалось маломерное судно.

Основной целью Программы, является обследование островов Обского водохранилища с целью выявления новых археологических объектов планирование и проведение мероприятий по спасению археологических объектов находящихся в аварийном состоянии.

Было обследовано 17 островов Ордынском р-не от с. Кирза до с. Завьялово (см. *рисунок*). В результате работ выявлено четыре объекта археологического наследия железного века (бийский этап большереченской культуры): поселения Остров Каменский-1–4 и два объекта археологического наследия, относящихся к эпохе Средневековья: Красноярский Борок-1, поселение Красноярский Борок-2.

Вновь выявленные объекты археологического наследия Остров Каменский-1–4 находятся в Ордынском р-не Новосибирской обл., на острове Каменский Новосибирского водохранилища. Остров Каменский достаточно крупный (2,5 км в длину и



Участок Новосибирского водохранилища, обследованный в 2014 г.

1 – границы района обследования; *2* – дорога; *3* – населенный пункт; *4* – порядковый номер обследованного острова.

0,8 км в широкой части) и расположен в 7 км на юго-запад от с. Ордынское.

Поселение Остров Каменский-1 занимает крайнее западное положение среди археологических объектов острова, в 35 м от современного берега изголови. Вновь выявленный объект археологического наследия расположен на бывшей поверхности второй-третьей надпойменной террасы реки Обь, которая сложена эоловыми песками, имеющими мелкобугристый грядовый рельеф. Бугры, холмы и гряды различной величины и высоты ориентированы по доминирующей розе ветров на северо-восток. Эоловые пески сформированы за счет перевевания надпойменных террас Оби, которые выходят из-под эолового покрова вдоль берега Новосибирского водохранилища. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположено поселение Остров Каменский-1 составляют от 120 м до 123 м. Высота над урезом воды 7–10 м. На относительно субгоризонтальной площадке хорошо читаются три жилищные западины округлой формы, не вызывающие сомнений в их антропогенном происхождении. Рядом с западинами был заложен шурф 2 × 2 м, где получен археологический материал эпохи железного века.

Поселение Остров Каменский-2 занимает центральную позицию в самой широкой части острова, в 140 м западнее от современного берега изголови. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположено поселение Остров Каменский-2 составляют от 120 м до 1233 м. Высота над урезом воды 7–10 м. На относительно субгоризонтальной площадке хорошо читаются одна жилищная западина округлой формы. Рядом фиксируется еще несколько западин, но их принадлежность к остаткам древних строений необходимо доказывать в процессе раскопок, поскольку они сильно затянуты эоловыми процессами.

Поселение Остров Каменский-3 расположено в широкой части острова, в 160 м западнее от современного берега внутренней бухты острова. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположено поселение, составляют от 120 м до 124 м. Высота над урезом воды 7–11 м. На относительно субгоризонтальной площадке хорошо читаются четыре жилищные западины округлой формы, не вызывающие сомнений в их антропогенном происхождении. Рядом с западинами был заложен шурф 2 × 2 м, где получен археологический материал эпохи железного века.

Поселение Остров Каменский-4 расположено в северо-восточной части острова на пологой площадке и занимает почти всю северо-восточную оконечность. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположено поселение Остров Каменский-4 составляют от 115 м до 116 м. Высота над урезом воды 2–3 м. На относительно субгоризонтальной площадке хорошо читаются девять жилищных западин округлой формы, не вызывающие сомнений в их антропогенном происхождении. Рядом с западинами был заложен шурф 2 × 2 м, где получен археологический материал железного века.

Вновь выявленные объекты археологического наследия поселения Красноярский Борок-1 и -2 находится в Ордынском р-не Новосибирской обл., на острове Красноярский Борок Новосибирского водохранилища. Остров Красноярский Борок достаточно крупный (1,5 × 0,7 км) и расположен в 12 км на запад от с. Завьялово.

Поселение Красноярский Борок-1 расположено в южной части острова. Вновь выявленный объект археологического наследия расположен на бывшей поверхности второй-третьей надпойменной террасы реки Обь, которая сложена эоловыми песками, имеющими мелкобугристый грядовый рельеф. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположено поселение Красноярский Борок-1 составляют от 115 м до 122 м. Высота над урезом воды 4–7 м. На площади объекта, состоящей из четырех субгоризонтальных площадок, хорошо читаются 15 жилищных западин округлой формы. На одной из площадок, рядом с западинами был заложен шурф 2 × 2 м, где получен археологический материал эпохи Средневековья.

Поселение Красноярский Борок-2 расположено чуть южнее центра острова. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположено поселение Красноярский Борок-2 составляют от 115 м до 116 м. Высота над урезом воды 4–5 м. Однако место, где обнаружен объект археологического наследия, находится в понижении. Гряды и дюны, окаймляющие площадку, на которой находится объект, сильно ограничивают просмотр. На выположенной площадке, покрытой смешанным лесом, хорошо читаются одиннадцать структур, представленных неглубокими западинами, окруженными кольцевыми рвами с перемычками-выходами, расположенными согласно сторонам света. Рядом с западинами был получен подъемный материал в виде фрагментов керамической посуды эпохи средневековья.

В связи с тем, что обследование островов проводилось впервые в Новосибирской обл., результатом работ является отработка методики обследования. Проведенные исследования показали перспективность и необходимость продолжения археологической разведки по островам Обского водохранилища.

Список литературы

Авакян А.Б., Сальанкин В.П., Шарапов В.А. Водохранилища. – М.: Мысль, 1987. - 327 с.

Григорьева О.Г. Особенности расчета береговых деформаций в условиях большой сработки водохранилищ // Формирование берегов Ангаро-Енисейских водохранилищ. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 75–83.

Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севостьянова Э.П. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопр. археологии Сибири. – Новосибирск, 1973. – Вып. 85. – С. 3–44.

Назаров Н.Н. Переработка берегов равнинных водохранилищ России на современной стадии развития (конец XX – начало XXI в.) // География и природные ресурсы. – 2006. – № 4. – С. 12–19.

Формирование берегов Новосибирского водохранилища. – Новосибирск: Наука, 1969. – 195 с.

Хабидов А.Ш., Леонтьев И.О., Марусин К.В., Шлычков В.А., Савкин В.М., Кусковский В.С. Управление состоянием берегов водохранилищ. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – 239 с.

Широков В.М. Проблемы и особенности развития берегов малых равнинных водохранилищ // Геоморфология. – 1993. – № 2. – С. 88–94.

Экзогенные геологические процессы на территории Саратовской области по результатам мониторинга геологической среды за 2005 г. и прогноз на 2006 г. // Мат-лы Территориального центра мониторинга геологической среды (ТЦ МГС) при Саратовской гидрогеологической экспедиции ФГУГП «Волгагеология». – 2005.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБКМ – Азиатская буддистская конференция за мир
АГУ – Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
АДМ – Алтайская духовная миссия
АН РУз – Академия наук Республики Узбекистан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
БАК – Буддистская ассоциация Китая
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
БоГЭС – Богучанская гидроэлектростанция
ВАОН – Вьетнамская академия общественных наук
ВББ – Всемирное братство буддистов
ВГО – Всесоюзное географическо общество
ГААК – Государственный архив Алтайского края (г. Барнаул)
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАС РА – Государственная архивная служба Республики Алтай (г. Горно-Алтайск)
ГАХК – Государственный архив Хабаровского края
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
ИА АН РК – Институт археологии Академии наук Республики Казахстан
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук (г. Москва)
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
ИФЛ СО РАН – Институт филологии СО РАН
ИЦиГ СО РАН – Институт цитологии и генетики СО РАН
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАН – Монгольская академия наук
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (г. Санкт-Петербург)
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ (г. Томск)
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
НПЦ – научно-производственный центр
ОАСТАЧР – Отдел архивной службы территориальной администрации Чулымского района (Новосибирская область)
ОИГГМ СО РАН – Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии им. А.А. Трофимука СО РАН
ОмГУ – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
ООН – Организация объединенных наций
ООСА ИАЭТ СО РАН – Отдел охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН
ОФ ИАЭТ СО РАН – Омский филиал ИАЭТ СО РАН

ПМА	– полевые материалы автора
РАН	– Российская академия наук
РАЭСК	– Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РГО	– Русское географическое общество
РХГИ	– Русский христианский гуманитарный институт
РЭМ	– Российский этнографический музей
СА	– Советская археология
САА КГПИ	– Северо-Ангарская археологическая экспедиция Красноярского государственного педагогического института
САИ	– Свод археологических источников
САИПИ	– Сибирская ассоциация палеолитического искусства
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СФУ	– Сибирский федеральный университет
СЭ	– Советская этнография
ТГУ	– Томский государственный университет
ХГУ	– Хакасский государственный университет
ХКА	– Хабаровский краевой архив
ХНИИЯЛИ	– Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и искусства
ЦГМРК	– Центральный государственный музей Республики Казахстан
ЦДУБ	– Центральное духовное управление буддистов
ЦСУ СССР	– Центральное статистическое управление СССР
MIS	– Marine isotopic stage, морская изотопная стадия – единица геохронологической шкалы

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА. ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Акимова Е.В., Харевич В.М., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А. Новые памятники рубежа плейстоцена – голоцена в северной зоне Красноярского водохранилища 7

Анойкин А.А., Борисов М.А. Каменная индустрия рубежа среднего – верхнего палеолита с местонахождения Рубас-1 (Приморский Дагестан): новые данные 11

Васильев С.К., Лобачёв Ю.В., Лобачёв А.Ю. Новые данные по местонахождениям позднеплейстоценовой мегафауны на реках Чумыш и Чик (Алтайский край и Новосибирская область) 15

Волков П.В. Результаты трасологического анализа материалов коллекции памятника Дарвагчай I 19

Гладышев С.А., Гунчинсурэн Б., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Табарев А.В. Раскопки многослойной палеолитической стоянки Харганын-Гол-5 (Северная Монголия) в 2014 году 23

Деревянко А.П., Булатович Л., Павленок К.К., Кандыба А.В., Козликин М.Б., Чулович Г., Чеха А.М. Характеристика материальных комплексов стоянки Биоче (по итогам работ 2014 года) 27

Деревянко А.П., Лазарев С.Ю., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Шимчак К., Кот М., Раджабов А., Хужиназаров М. Уточнение стратиграфической ситуации на палеолитической стоянке Каттасай (Ташкентская область, Узбекистан). 32

Деревянко А.П., Нгуен Хак Шу, Тихонов А.Н., Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Нгуен За Дой, Чеха А.М. Палеоэкология пещеры Конмонг (по результатам фаунистических исследований) 36

Деревянко А.П., Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Нгуен За Дой, Чеха А.М. Результаты исследований пещеры Зием (по итогам работ в 2013 году). 39

Деревянко А.П., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д., Когай С.А., Колобова К.А., Лазарев С.Ю., Раджабов А. Мелкопластинчатое производство в индустрии слоя 12 стоянки Кульбулак: новые данные. 42

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (по материалам памятника Дарвагчай-залив-1) 46

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Чеха А.М. Новые данные по верхнему палеолиту из восточной галереи Денисовой пещеры 50

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2014 году 54

Кулик Н.А., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Петрография каменных артефактов из восточной галереи Денисовой пещеры 57

Медведев В.Е., Филатова И.В. Материалы раннего неолита памятника Петропавловка-Остров. 60

Медведев В.Е., Филатова И.В. Поселение Амурский Санаторий: неолитические комплексы 65

Оводов Н.Д. Череп волка из палеолитического слоя Афонтовой Горы 69

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан . . . 73

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2014 году 76

Рыбин Е.П., Гунчинсурэн Б., Болорбат Ц., Хаценович А.М., Одсурен Д. Рекогносцировочные исследования палеолитического памятника Толбор-21 в Северной Монголии 79

Рыбин Е.П., Нохрина Т.И., Таймагамбетов Ж.К. Первая радиоуглеродная дата для палеолита Восточного Казахстана: к вопросу о продолжительности существования леваллуазской конвергентной технологии на Алтае 83

Рыбин Е.П., Шелепаев Р.А., Хаценович А.М. Исследования источников каменного сырья для палеолитических объектов в долинах рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол в Северной Монголии 87

Харевич В.М., Акимова Е.В., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кукса Е.Н. Разведочные работы на севере зоны Красноярского водохранилища 91

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ахметов В.В. Бохайские пагоды 97

Базаров Б.А., Алкин С.В. Прогнозно-поисковый потенциал для археологии региона месторасположений минеральных источников Селенгинского среднегорья 100

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Моор Н.Н. Материалы неолита – раннего железного века на памятниках Барабинской лесостепи: результаты исследований 2014 года 103

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Панкратова Л.В., Конончук К.В., Щербакова А.В. Новые материалы ранней – начала развитой бронзы на поселениях Нижнего Притомья 108

Бобров Л.А., Орозбекова Ж. Казахские секирки *айбалташык* позднего Средневековья и раннего Нового времени 112

Бобров Л.А., Рюмшин М.А. «Шлем хана Джанибека» из собрания музея искусств Метрополитен 115

Бобров Л.А., Худяков Ю.С., Филиппович Ю.А. Новая находка копейного наконечника с «отрожками» на территории Южной Сибири 118

Богданов Е.С. Верховые седла из ноин-улинских погребений 121

Бородовский А.П. Экспериментальный инструмент для воспроизведения техники трепанации пазырыкского времени в Горном Алтае. 124

Бородовский А.П., Горохов С.В. Источники по нумизматике XVIII века в Новосибирской области. 128

Бородовский А.П., Олещак Л. Естественно-научное датирование археологических памятников эпохи раннего железа в горной долине нижней Катуни. 131

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Зооморфные изображения в бронзах Саньсиндуя (по материалам изделий из жертвенной ямы № 1). 134

Варенов А.В., Митько А.О., Шульга Д.П. Погребение с комбинированными серьгами на могильнике сяньбийского времени Циланшань во Внутренней Монголии. 138

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Некоторые особенности архитектуры и пространственной организации Войкарского городка 142

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Погребальный комплекс Черталы: раскопки 2014 года и некоторые результаты изучения 146

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новый этап исследования памятников Крохалевка-5, -11 (Новосибирское Приобье). 149

Жилич С.В., Рудая Н.А., Кривоногов С.К. Природные условия обитания древнего человека в Барабинской лесостепи в эпоху бронзы 154

Зубова А.В. Антропологический состав населения большереченской культуры переходного периода от бронзового к железному веку по одонтологическим данным 158

Зубова А.В., Кубарев Г.В. Палеоантропологические материалы верхнеобской культуры из могильника Крохалевка-13 (к проблеме дифференциации средневекового населения южных районов Западной Сибири) 163

Кирюшин К.Ю. Поселение эпохи энеолита Новоильинка VI (по материалам исследований 2014 года) 168

Кирюшин К.Ю., Гольева А.А., Гайдученко Л.Л., Силантьева М.М., Соломонова М.Ю., Сперанская Н.Ю. Итоги изучения поселения Новоильинка III в 2014 году 172

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Соломонова М.Ю., Сперанская Н.Ю. Предварительные результаты фитолитного анализа поселения Новоильинка VI 175

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Бурла III 180

Кобелева Л.С., Дураков И.А., Наглер А. Курган андроновской культуры как архитектурный памятник (по материалам могильника Погорелка-2) 184

Ковыршина Ю.Н. Изучение андроновских (федоровских) кремаций на могильнике Тартас-1 (некоторые методические аспекты) 187

Комиссаров С.А. Самое раннее археологическое свидетельство об игре *любо* в Древнем Китае 191

Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Трушкин А.Г. Изучение могилы Юй Хуна (Тайюань, Китай) в контексте полиэтничности культурных связей переходного периода 194

Кубарев Г.В. Граффити на местонахождении петроглифов Калбак-Таш II 198

Кузьмин Я.В., Софейков О.В., Чупина Д.А., Зольников И.Д., Новикова О.И., Никулина А.В., Ануфриев Д.Е. Результаты геоархеологических исследований в центральной части Барабинской лесостепи (Новосибирская область) в 2014 году 202

Купер К.Э., Полосьмак Н.В., Кундо Л.П. Исследование металлических археологических артефактов из погребений хунну с помощью рентгеноструктурного анализа и электронной сканирующей микроскопии 205

Мартынович Н.В., Алкин С.В. Кости птиц из пещеры близ стоянки Усть-Чёрная в Восточном Забайкалье 209

Молодин В.И. Эволюция концевых накладок лука в эпоху бронзы (Западно-Сибирская лесостепь) 212

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Демахина М.С. Исследования культовых сооружений пахомовской культуры (восточный вариант) 215

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Ковыршина Ю.Н. Погребение пахомовской культуры на могильнике Тартас-1 219

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Селин Д.В., Борзых К.А. Новые данные о домостроительстве и организации жилого пространства у носителей кротовской культуры 223

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Сосуды восточного варианта пахомовской культуры памятника Старый Сад: морфологический анализ 227

Молодин В.И., Хансен С., Ефремова Н.С., Рейнгольд С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ковыршина Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Борзых К.А., Наглер А. Российско-германские археологические исследования в Западной Сибири в 2014 году 231

Мыльников В.П. Технология изготовления деревянных блюд-столиков со съемными ножками в скифское время 235

Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П., Деревянко Е.И. Гончарство населения Западного Приамурья раннего железного века – раннего Средневековья (технология изготовления, морфология, функции) 239

Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н. Поселение эпохи бронзы Юлино-1 244

Нестеров С.П., Мыльников В.П., Шеломихин О.А., Мамуль Я.М., Яковлев А.В. Исследование памятника Озеро Долгое в Амурской области в 2014 году 247

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Шеин А.Н. Продолжение археолого-геофизических исследований Войкарского городка в 2014 году 251

Новикова О.И., Рыбина Е.В., Новиков А.В. О керамике Усть-Полуя: количественно-планиграфические данные 255

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Радиоуглеродное датирование комплексов каменных конструкций позднего голоцена Приольхонья 258

Нохрина Т.И., Чикишева Т.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Новые данные по низкому переходу из Игнатиевской пещеры на Южном Урале 261

Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В., Черных Д.В., Бирюков Р.Ю. Археолого-геофизические исследования городища Пикет 264

Пилипенко А.С., Кубарев Г.В., Молодин В.И., Черданцев С.В., Трапезов Р.О. Генофонд митохондриальной ДНК древнетюркского населения Алтая (первые результаты) 267

Скобелев С.Г., Худяков Ю.С., Выборнов А.В. Средневековый могильник Унюк (по материалам исследований 2013–2014 годов) 270

Соловьев А.И., Соловьева Е.А. Стреловидные изделия с отверстиями из Архиерейской Заимки 273

Соловьева Е.А., Соловьев А.И. Особенности поселенческих комплексов эпохи дзёмон в Японии 276

Солодовников К.Н., Зубова А.В. Палеоантропологические материалы из могильника Цыганкова Сопка II елунинской культуры ранней бронзы Верхнего Приобья. 280

Степанова Н.Ф. Изделия из металла из погребальных комплексов афанасьевской культуры 285

Табарев А.В., Попов А.Н. Возвращение в Южную Америку: некоторые итоги, проблемы, перспективы 289

Татауров С.Ф., Черная М.Л. Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследований 2011–2014 годов 292

Татаурова Л.В., Быков Л.В., Макаров А.П., Орлов П.В. Междисциплинарные исследования русского комплекса XVIII века Ананьино I в 2014 году 295

Худяков Ю.С. Кыргызская сабля из могильника у железнодорожной станции Минусинск 299

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Изображения знамен русских и татарских воинов на миниатюрах «Ремезовской летописи». 302

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Новые материалы о луках кенкольской культуры 305

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Средневековое оружие из южной части Иссык-Кульской котловины (из музейных коллекций и частного собрания) 308

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Солтобаев О.А., Орозбекова Ж., Акматов К.Т. Изучение предметов вооружения и изображений оружия из древних и средневековых памятников долины реки Нарын и Иссык-Кульской котловины 311

Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Плиссон Х., Кретан К. Исследование петроглифов Калгутинского рудника в 2014 году 314

Чеха А.Н. Комплексы неолита и бронзового века Усть-Кутарейского археологического микрорайона Северного Приангарья: перспективы и проблемы изучения. 318

Шульга П.И., Шульга Д.П., Гирченко Е.А. Происхождение скифоидной культуры Маоцингоу (Северный Китай). 321

ЭТНОГРАФИЯ

Арбачакова Л.Н., Октябрьская И.В. Образ пира в шорском героическом эпосе 327

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Памятные комплексы как дань предкам у казахов Таврического района Омской области 330

Бадмаев А.А. О шаманском обряде посвящения животных «сэтэрлэх» у закаменских хонгодоров 334

Березиков Н.А., Люцидарская А.А. Практика «взятия на поруки» в Сибири в XVII веке 337

Болонев Ф.Ф. Типы русских прялок в Сибири: способы их изготовления 340

Бурнаков В.А. К вопросу о каменном изваянии *Улуг Хуртуях тас* (из архивных материалов А.Н. Липского) 343

Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. Обрядовая пища хакасов (конец XIX – XX век). 347

Гейбель Ю.В., Осинцева М.А. Система ценностей как фактор сохранения этнической идентичности меннонитами Западной Сибири (на примере жителей села Ананьевка Алтайского края) 351

Гутыра В.И. Молодежь в Окунево: мода или осознанный выбор? 354

Жигунова М.А. Культура и современное общество 357

Ким Е.В. Современная социально-демографическая характеристика корейцев Сибири 360

Коптяева Е.А. Этничность и соседство в представлениях молодежи города Омска (по материалам полевых исследований 2014 года). 364

Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Трансформация и развитие буддийской церкви Республики Бурятии в постсоветский период (1990-е – начало 2000-х годов) 366

Любимова Г.В. Аграрная колонизация нижнего Приамурья: российский и корейско-китайский опыт земледелия 369

Майничева А.Ю. Документы Кодинского Свято-Троицкого монастыря XVIII века как источник для реконструкций жилых и хозяйственных построек 372

Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Домостроение русских старожилов в Среднем Приангарье (новые результаты полевых исследований). 375

Майничева А.Ю., Рыговский Д.С. Механизмы контроля социально-психологической напряженности в сообществах старообрядцев белокриницкого согласия (по материалам Западной Сибири) 378

Мальцева О.В. «Морское население» Приамурского края (вторая половина XIX – начало XX века) 381

Мальцева О.В., Любимова Г.В. «Своя – чужая» тонь в местных формах организации рыболовецкого хозяйства Нижнего Приамурья 384

Москвина М.В. Конкурсы причесок и накосных украшений на праздниках телеутов Кемеровской области 387

Москвина М.В., Павлова Е.Ю. Художественный металл в народных промыслах тюрков Саяно-Алтая (опыт возрождения традиций) 390

Мягков Д.А. Система рыболовства томских татар во второй половине XX – начале XXI века. 393

Николаев В.В. Трансформация состава североалтайской элиты (1910–1920-е годы) 396

Октябрьская И.В. Современный художественный войлок Республики Алтай: основные тенденции развития 399

Охотников А.Ю. Влияние позднеиндустриальной и постиндустриальной модернизации на традиционное природопользование в Нижнем Приамурье (1960–2010-е годы) 402

Сальникова И.В. Коллекция меднолитых икон (собрание Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН). 405

Самушкина Е.В. Советский опыт популяризации традиционной культуры алтайцев (1920-е годы) 408

Серпова К.Н., Фурсова Е.Ф., Аксенова И.Ю. Трансформации этнического состава населения Причулымья в середине XX века 411

Фурсова Е.Ф. Локальные традиции календарных обрядов воронежских переселенцев Сибири (деревня Карымка Манского района Красноярского края) 415

Цыряпкина Ю.Н. Русские Ферганы: этнокультурная идентичность в трансформирующемся обществе 419

Чемчиева А.П. Этническая культура кумандинцев Красногорского района Алтайского края: современные реалии 422

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Выборнов А.В., Цыбанков А.А., Макулов В.И. Археологическая разведка 2014 года на Ангаре в Кежемском и Богучанском районах Красноярского края 427

Деревянко А.П., Славинский В.С., Чикишева Т.А., Зубова А.В., Слепченко С.М., Зольников И.Д., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И., Цыбанков А.А., Деев Е.В., Рыбалко А.Г., Стасюк И.В., Харевич В.М., Артемьев Е.В., Галухин Л.Л., Богданов Е.С., Степанов Н.С., Дудко А.А., Ломов П.К. Новые антропологические находки эпохи палеолита со стоянки Афонтова Гора II (предварительное описание, краткий стратиграфический и археологический контекст). 431

Славинский В.С., Акимова Е.А., Лысенко Д.Н., Томилова Е.А., Кукса Е.Н., Дроздов Н.И., Анойкин А.А., Артемьев Е.В., Галухин Л.Л., Богданов Е.С., Степанов Н.С., Гревцов Ю.А., Ломов П.К., Дудко А.А. Костяная индустрия стоянки Афонтова Гора II (по результатам раскопок 2014 года) 435

Цыбанков А.А., Колонцов С.В., Постнов А.В., Зольников И.Д., Марковский Г.И., Присекайло А.А. Спасательные археологические работы на поселении Ивановка-4 в 2014 году 438

Цыбанков А.А., Колонцов С.В., Постнов А.В., Марковский Г.И., Присекайло А.А. Результаты археологической разведки на островах Новосибирского водохранилища в 2014 году 442

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 446

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF STONE AGE. PALEOECOLOGY

Akimova E.V., Kharevich V.M., Oreshnikov I.A., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A. The New Sites of Pleistocene – Holocene Boundary in the Northern Area of Krasnoyarsk Water-Reservoir 7

Anoykin A.A., Borisov M.A. Lithic Industry of the Middle to Upper Paleolithic Boundary of Rubas-1 Site (Maritime Dagestan) 11

Vasiliev S.K., Lobachev Yu.V., Lobachev A.Yu. New Data of Late Pleistocene Occurrences with Megafauna in the Chumysh (Altai region) and Chick Rivers (Novosibirsk region) 15

Volkov P.V. Microwear Analysis Results of Darvagchai I Site Collection 19

Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Odsuren D., Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Tabarev A.V. The Excavation of Multylayer Paleolithic Kharganyn-Gol-5 Site in 2014 (Northern Mongolia) 23

Derevianko A.P., Bulatovich L., Pavlenok K.K., Kandyba A.V., Kozlikin M.B., Chulovich G., Chekha A.M. The Characteristics of Assemblages in Bioče Site (following the results of study in the 2014) 27

Derevianko A.P., Lazarev S.Yu., Pavlenok K.K., Shnayder S.V., Shimchack K., Kot M., Radzhabov A., Khuzhinazarov M. Updates on Stratigraphic situation in Paleolithic Kattasai Site (Tashkent region, Uzbekistan) 32

Derevianko A.P., Nguyễn Khắc Sử, Tikhonov A.N., Tsybankov A.A., Kandyba A.V., Nguyễn Za Doi, Chekha A.M. Paleoecology of Con Moong Cave (according to faunal analysis results) 36

Derevianko A.P., Nguyễn Khắc Sử, Tsybankov A.A., Kandyba A.V., Tikhonov A.N., Nguyễn Za Doi, Chekha A.M. Results of Điem Cave Research (following the results of study in the 2013) 39

Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Shnayder S.V., Pavlenok G.D., Kogai S.A., Kolobova K.A., Lazarev S.Yu., Radzhabov A. Small Blade Production in the Industry of Kulbulak Site, Layer 12: a New Data 42

Derevianko A.P., Ryballko A.G. Early Paleolithic of Western Caspian Sea Region (basing on materials from Darvagchai-Bay-1 site) 46

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Ulianov V.A., Chekha A.M. A New Data on Upper Paleolithic from Western Gallery of Denisova Cave 50

Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Shalagina A.V. The results of Strashnaya Cave Field Investigation in the 2014 54

Kulik N.A., Shunkov M.V., Kozlikin M.V. The Petrography of Lithic Artifacts from Western Gallery of Denisova Cave 57

Medvedev V.E., Filatova I.V. Early Neolithic Materials of Petropavlovka-Ostrov Site 60

Medvedev V.E., Filatova I.V. The Amur Sanatoriy settlement: Neolithic Complexes 65

Ovodov N.D. Wolf Skull from Paleolithic of Afontova Gora Site 69

Ryballko A.G. Geochronological Study of Darvagchai-Bay-1 Site in the Republic of Dagestan 73

Ryballko A.G., Kandyba A.V. Field Research of Paleolithic Darvagchai-Bay-1 Site in the 2014 76

Rybin E.P., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Khatsenovich A.M., Odsuren D. Recognaissance Survey of the Paleolithic Tolbor-21 Site in Northern Mongolia 79

Rybin E.P., Nokhrina T.I., Taimagambetov Zh.K. A First Radiocarbon Date for Paleolithic of Eastern Kazakhstan: the Question about Continuance of Levallois Convergent Tecnology Exsistence in Altai 83

Rybin E.P., Shelepaev R.A., Khatsenovich A.M. A Study of Stone Raw Material Sources for Paleolithic Objects in the Ikh-Tulberiin-Gol and Kharganyn-Gol River Valleys in Northern Mongolia 87

Kharevich V.M., Akimova E.V., Oreshnikov I.A., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A., Kuksa E.N. The Surveys in the Northern Area of Krasnoyarsk Water-Reservoir 91

ARCHAEOLOGY OF PALEOMETAL AND MIDDLE AGE

Akhmetov V.V. Bohai Pagodas 97

Bazarov B.A., Alkin S.V. Forecast-Search Potential of Mineral Spring Occurences in Selenga Middle Mountains for Regional Archaeology 100

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu., Moor N.N. The Neolithic – the Early Iron Age Materials in the Sites of Barabinsk Forest-Steppe: Research Results of the 2014 103

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu., Pankratova L.V., Kononchuk K.V., Shcherbakova A.V. New Early and Initial Middle Bronze Age Materials in Settlements of the Lower Tom' Region 108

Bobrov L.A., Orozbekova Zh. Khazakh Small Pole-Axes *Aibaltashyk* of the Middle Age and the Early Modern Age 112

Bobrov L.A., Ryumshin M.A. "Helmet of Jani Beg" Khan from Metropolitan Museum of Art Collection 115

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S., Philippovich Yu.a. A New Find of Spearhead With "Kinks" from Southern Siberia 118

Bogdanov E.S. Riding Saddles from Noin-Ula Burials 121

Borodovskiy A.P. Experimental Tool for Reconsrtuction of the Pazyryk Trepanation in the Gorny Altai 124

Borodovsiy A.P., Gorokhov S.V. Numismatics Sources of the XVIII Century in the Novosibirsk Region 128

Borodovskiy A.P., Oleshchak L. Natural-Science Dating of Iron Age Archaeological Sites in the Lower Katun` Mountain Valley 131

Varenov A.V., Girchenko E.A. Zoomorphic Images on the Bronzes of Sanxingdui (adapted from material from the sacrificial pit № 1) 134

Varenov A.V., Mitko O.A., Shulga D.P. The Grave with Composite Earrings from Quilangshan Burial Ground of Xianbei Period in the Inner Mongolia 138

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Special Features of Architecture and Space Organization in Voikarsky Settlement 142

Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. Chertaly Burial Ground: Excavation of the 2014 and Research Results . . 146

Grishin A.E., Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N., Galyamina G.I., Nazarova L.V. A New Research Stage of Krokhalevka-5, -11 sites (Novosibirsk part of Ob` region) 149

Zhilich S.V., Rudaya N.A., Krivonogov S.K. Environment of Ancient Human Habitation in Barabinsk Forest-Steppe during Bronze Age 154

Zubova A.V. Anthropological Population Composition of Bolsherechenskaya Culture during Transition from the Bronze to the Iron Age Adapted from Odontologic Data 158

Zubova A.V., Kubarev G.V. Paleoanthropological Materials of Verkhneobskaya Culture from Krokhalevka-13 Burial Ground (the problem of Middle age population differentiation in southern areas of Western Siberia) 163

Kiryushin K.Yu. Novoilinka VI Settlement of Eneolithic Time (adapted from materials of research in the 2014) 168

Kiryushin K.Yu., Golieva A.A., Gaiduchenko L.L., Silantieva M.M., Solomonova M.Yu., Speranskaya N.Yu. Research Results of Novoilinka III in the 2014 172

Kirushin K.Yu., Silantieva M.M., Solomonova M.Yu., Speranskaya N.Yu. Preliminary Results of Phytolithic Analysis in Novoilinka VI Settlement 175

Kirushin Yu.F., Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk A.S., Frolov Ya.V. Preliminary Results of Field Investigation in Burla III Settlement 180

Kobeleva L.S., Durakov I.A., Nagler A. The Barrow of Andron culture as the Architectural Object (basing on the material of Pogorelka-2 burial ground) 184

Kovyrshina Yu.N. Study of Andron (Fedorovo) Cremations at Tartas-1 Burial Ground (some methodological aspects) 187

Komissarov S.A. The Earliest Archaeological Evidence of *Lyubo* Game in the Ancient China 191

Komissarov S.A., Soloviev A.I., Trushkin A.G. Investigations of Yu Hong's Tomb (Taiyuan, China) in the Context of Polyethnicity of Cultural Links in Transitional Period 194

Kubarev G.V. Graffiti at Kalbak-Tash II Pethroglighic Occurence 198

Kuzmin Ya.V., Sopheikov O.V., Chupina D.A., Zolnikov I.D., Novikova O.I., Nikulina A.V., Anufriev D.E. The Results of Geoarchaeological Investigations in the Central Part of Barabinsk Forest-Steppe (Novosibirsk Region) in the 2014 202

Kuper K.E., Polosmak N.V., Kundo L.P. The Investigation of Metal Archaeological Artifacts from Xiongnu Burials by the Instrumentality of X-Ray Diffraction Analysis and Electron Microscopy 205

Martynovich N.V., Alkin S.V. The Bird Bones from the Cave near Ust-Chernaya in the Eastern Transbaikal . . 209

Molodin V.I. The Evolution of Bow End-Brackets in Bronze Age (the West Siberian forest-steppe) 212

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Demakhina M.S. The Investigation of Pakhomovo Cultic Objects (eastern variant) 215

Molodin V.I., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kovyrshina Yu.N. The Grave of Pakhomovo Culture at Tartas-1 Burial Ground 219

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Selin D.V., Borzykh K.A. A New Data on House Building and Living Space Organization among Krotovo Culture Bearers 223

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V. The Vessels of Pakhomovo Culture at Old Garden Site, Eastern Variant: Morphological Analysis 227

Molodin V.I., Hansen S., Efremova N.S., Reinhold S., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Kovyrshina Yu.N., Mylnikova L.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Borzykh K.A., Nagler A. Russian-German Archaeological Investigations at Western Siberia in the 2014 231

Mylnikov V.P. Production Technique of Wooden Platters-Tables with Movable Table-Legs in the Scythian Time 235

Mylnikova L.N., Nesterov S.P., Derevianko E.I. The Throwing Pottery of Population from Western Amur River Region during the Early Iron Age – Early Middle Age: Production Technique, Morphology, Functions 239

Nenakhov D.A., Kovyrshina Yu.N. Yulino-1 Settlement of Bronze Age 244

Nesterov S.P., Mylnikov V.P., Shelomokhin O.A., Mamul' Ya.M., Yakovlev A.V. The Investigation of Long Lake Site at Amur Region in the 2014 247

Novikov A.V., Garkusha Yu.N., Shein A.N. Continue Archaeological Geophysical Investigations of Voikarsky Settlement in the 2014 251

Novikova O.I., Rybina E.V., Novikov A.V. Ceramics of Ust-Polui: Quantitative-Planigraphic Data 255

Nomokonova T.Yu., Goryunova O.I. Radiocarbon Dating of the Stone Construction Complexes from the Late Holocene Olkhon Region 258

Nokhrina T.I., Chikisheva T.A., Zubova A.V., Kuzmin Ya.V., Hodgins G.V.L. A New Data on the Low Passage from the Ignatievskaya Cave in the Southern Ural 261

Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk A.S., Frolov Ya.V., Chernykh D.V., Biryukov R.Yu. Archaeological Geophysical Investigations of Picket Fort 264

Pilipenko A.S., Kubarev G.V., Molodin V.I., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O. Genofond of the Mitochondrial DNA of the Ancient Turks from Altay (first results) 267

Skobelev S.G., Khudyakov Yu.S., Vybornov A.V. Unyuk Burial Ground of the Middle Age (basing on the research materials of the 2013–2014) 270

Soloviev A.I., Solovieva E.A. Arrowhead-Shaped Artifacts with Holes from Archiereyskaya Zaimka 273

Solovieva E.A., Soloviev A.I. Pecularities of Jomon Settlement Complexes in Japan 276

Solodovnikov K.N., Zubova A.V. Paleoanthropological Materials From the Tsygankova Sopka II Burial Ground of Early Bronze Age Elunino Culture in Upper Ob' Region 280

Stepanova N.F. Metal Artifacts From the Burial Grounds of Afanasievo Culture 285

Tabarev A.V., Popov A.N. Rejunction to Southern America: Several Results, Problems, Perspectives 289

Tataurov S.F., Chernaya M.L. The Farmstead in the Territory of the Tara Fortress: The Research Results of 2011–2014. 292

Tataurova L.V., Bykov L.V., Makarov A.P., Orlov P.V. Interdisciplinary Investigations of Ananino I Russian Complex of the XVIII Century in the 2014 295

Khudyakov Yu.S. Kirghiz Sabre from the Ancient Grave at the Minusinsk Railway Station 299

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Depicting of Colours of Russian and Tatar Warriors (based on Remezovskoy Chronicle miniatures) 302

Khudjakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova Zh. New Materials about Bows from Kenkolsk Culture . . . 305

Khudjakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova Zh. The Medieval Weapon from the Museum Collections and the Private Collection in the Southern Part of the Issyk-Kul Hollow 308

Khudjakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Borisenko A.Yu., Soltobaev O.A., Orozbekova Zh., Akmatov K.T. Study of Weapon Items and Images from Ancient and Medieval Archeological Localities in the Naryn River Valley and Issyk-Kul Basin. 311

Cheremisin D.V., Zotkina L.V., Plisson H., Cretin C. Investigation of Kulgutinskiy Rudnick Pethroglirhs in the 2014 314

Chekha A.N. The Neolithic and Bronze Age Complexes of Ust-Kutarei Archaeological Area in the Northern Angara Region: Perspectives and Problems of the Study 318

Shulga P.I., Shulga D.P., Girchenko E.A. Origin of Scythian-like Maoqinggou Culture 321

ENTHNOGRAPHY

Arbachakova L.N., Oktyabrskaya I.V. The Image of the Feast in the Shor Heroic Epic 327

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. The Memorable Complexes as a Tribute to the Ancestry at Kazakhs of Tavricheskiy District in the Omsk Region 330

Badmaev A.A. About "Seterleh" Shamanistic Rite of Animal Initiation at the Zakamensk Hongodors 334

Berezikov N.A., Lutsidarskaya A.A. The Practice of Bail in Siberia of XVII Century 337

Bolonev F.F. The Types of Russian Distaffs in Siberia: techniques of their manufacture 340

Burnakov V.A. Revisiting the Stone Statue "Ulug Khurtuyakh Tas" (basing on the archive materials of A.N. Lypskiy) 343

Burnakov V.A., Tsydenova D.Ts. The Ceremonial Food of Khakasses (the end of XIX – XX centuries) 347

Geibel Yu.V., Osintseva M.A. The System of Values as a Factor of Ethnic Identity Preservation by Mennonites of Western Siberia (exemplified by inhabitants of Ananievka village in Altai region) 351

Gutyra V.I. The Youth in Okunevo: Vougue or Conscious Choice? 354

Zhigunova M.A. A Culture and Modern Society 357

Kim E.V. The Present-day Sociodemographic Characteristics of Siberian Koreans 360

Koptyaeva E.A. Ethnicity and Neibourship as Realized by Youth of Omsk City (basing on the materials of field research in the 2014) 364

Lygdenova V.V., Dashinamzhilov O.B. Transformation and Development of Buddhist Church of Buryat Republic during the Post-Soviet Period (1990s – the early 2000s) 366

Lyubimova G.V. Agrarian Colonization of Lower Amur River Region: Russian and Korean-Chinese Agricultural Experience 369

Mainicheva A.Yu. The Documents of Kodinsk Holy Trinity Monastery of the XVIII Century as the Sourse for Reconstruction of Living and Household Structures 372

Mainicheva A.Yu., Glukhikh E.I. The House Building of Russian Old-Timers in the Middle Angara Region (the new results of field investigations) 375

Mainicheva A.Yu., Rygovskiy D.S. Monitoring Mechanisms of Sociopsychological Strain in Societies of Belokrinitskie Old Believers (basing on the West Siberian materials) 378

Maltseva O.V. "Maritime Population" of Amur Region (latter half of the XIX – the early XX centuries) 381

Maltseva O.V., Lyubimova G.V. "Us – Them" Crawl in the Local Form of Fishing Farm Organization in the Lower Amur River Region 384

Moskvina M.V. Hair-style and Headache Band Competitions at the Teleut Holidays of the Kemerovo Region 387

Moskvina M.V., Pavlova E.Yu. Artistic Material at the Folk Craft of Sayano-Altaic Turks (revival experience of tradition) 390

Myagkov D.A. Fishing System of the Tomsk Tatars in the Latter Half of the XX – the Early XXI Centuries . . . 393

Nikolaev V.V. Structure Changes of North Altaic Elite (the 1910–1920s) 396

Oktyabrskaya I.V. Modern Artistic Felt of the Republic of Altai: General Tendencies of Development 399

Okhotnikov A.Yu. Influence of Late- and Post-Industrial Modernization Over Traditional Natural Management in the Lower Amur Region (1960–2010s) 402

Salnikova I.V. The Collection of Cast Copper Icons (the assemblage of the Museum of History and Culture of Native people of Siberia and Far East of SB RAS) 405

Samushkina E.V. The Soviet Experience of Facilitate Public Access to Traditional Culture of Altaian (1920s) 408

Serpova K.N., Fursova E.F., Aksenova I.Yu. Transformation of Ethnic Structure among the Population of Chyulym Region in the Middle of XX Century 411

Fursova E.F. The Local Traditions of Calendar Rites among Voronezh Immigrants in Siberia (Karymka village, Manskiy district of Krasnoyarsk Region) 415

Tsyryapkina Yu.N. The Russian Ferganas: Ethnocultural Identity in the Transformable Society 419

Chemchieva A.P. Kumandin Ethnic Culture of Krasnogorsk District, Altai Region: the Modern Realias 422

RESCUE ARCHAEOLOGY

Vybornov A.V., Tsybankov A.A., Makulov V.I. Archaeological Survey on the Angara River in the Kezhemsk and Boguchan Districts of Krasnoyarsk Region in the 2014 427

Derevianko A.P., Slavinskiy V.S., Chikisheva T.A., Zubova A.V., Zolnikov I.D., Lysenko D.N., Drozdov N.I., Tsybankov A.A., Deev E.V., Rybalko A.G., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Artemiev E.V., Galukhin L.L., Bogdanov E.S., Stepanov N.S., Dudko A.A., Lomov P.K. New Anthropological Finds of Paleolithic Period from Afontova Gora II Site (preliminary review, short stratigraphical and archaeological context) 431

Slavinskiy V.S., Akimova E.A., Lysenko D.N., Tomilova E.A., Kuksa E.N., Drozdov N.I., Anoykin A.A., Artemiev E.V., Galukhin L.L., Bogdanov E.S., Stepanov N.S., Grevtsov Yu.A., Lomov P.K., Dudko A.A. Bone Industry of Afontova Gora II Site: Results of Excavation in 2014 435

Tsybankov A.A., Kolontsov S.V., Postnov A.V., Zolnikov I.D., Markovskiy G.I., Prisekailo A.A. Rescue Archaeological Researches at the Ivanovka-4 Settlement in the 2014 438

Tsybankov A.A., Kolontsov S.V., Postnov A.V., Markovskiy G.I., Prisekailo A.A. The Results of Archeological Survey in the Islands of the Ob` Water-Reservoir in the 2014 442

LIST OF ABBREVIATIONS 446

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

Том XX
(2014)

Корректоры *Е.В. Кузьминых, М.А. Коровушкина, Е.В. Капустина*
Переводчик *А.М. Хаценович*
Технические редакторы *Т.А. Клименкова, И.П. Гемуева*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 19.12.2014. Формат 60×84/8.
Усл.-печ. л. 53,24; уч.-изд. л. 40,8. Тираж 300 экз. Заказ № 353.

Издательство ИАЭТ СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17